АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

1966

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

В настоящем томе ежегодника рассматриваются разнообразные общие и конкретные вопросы этимологии, истории слов и словообразования широкого круга языков (русский и другие славянские, иранские, германские и неиндоевропейские). Особое внимание уделено проблеме контакта языков и географического аспекта в этимологическом исследовании. Представлена также ономастическая этимология (на материале русских фамилий). В критико-библиографическом отделе обозревается обширная новейшая научная литература по этимологии и смежным проблемам.

7-1-1
193—67/II

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ФАМИЛИЙ РОССИИ

(Русские фамилии и фамилии, бытующие в России)

Речь идет о словаре, который пока не существует и к составлению которого едва ли сможет приступить в ближайшее время наша или зарубежная антропонимическая наука. Для успешного решения этой задачи отсутствует самое необходимое: корпус всех русских фамилий в их современном состоянии с элементами их истории. Возникает вопрос: целесообразно ли в таком случае вообще стремиться к достижению столь трудно досягаемого результата? Нужен ли вообще этимологический словарь русских фамилий?

Нижеследующие заметки отчасти служат ответом на этот вопрос, поэтому не имеет смысла предвосхищать ответ в самом начале, когда еще не изложена вся аргументация. Сейчас отметим лишь, что было бы, по-видимому, нетрудно счесть данный вопрос вообще праздным, однако спешить с этим не следует. Широкому кругу читателей, включая нелингвистов, известно в общих чертах, что фамилии — из всех антропонимов самые поздние образования, что русские фамилии в своем большинстве оформились совсем недавно, что это, далее, обеспечивает этимологическую прозрачность и словопроизводную регулярность очень многим русским фамилиям (при этом в голову обычно приходят действительно ясные образования, примеры которых излишни). Вышесказанное способно, вероятно, зародить сомнения в срочной необходимости создания этимологического словаря, основным объектом которого служила бы русская фамилия, если она действительно русская.

Тем не менее мы беремся решительно утверждать, что такой этимологический словарь исключительно актуален. При этом актуальна не только конечная цель — квалифицированный возможно полный справочник языковых образований, касающихся практически всех людей, пользующихся данным языком, не в меньшей степени, чем сам язык. Актуальными можно, далее, считать различные вопросы метода исследования. Считая этот вопрос чрезвы-

чайно важным, особенно на первых порах, на подступах к теме, мы остановимся здесь на нем в двух словах. Итак, что такое «этимологический словарь русских фамилий» и прежде всего — что такое «русская фамилия»? Можно, конечно, сказать, что под русской фамилией подразумевается употребляемое в функции фамилии адъективное по своей сущности и генезису образование с формантами *-ов*, *-ин*, реже — *-ский*, *-ых*/*-их* и др. (см. ниже изложение элементов структуры русских фамилий у Унбегауна). Но если взять фамильные образования на *-ов*/*-ев* — так сказать, наиболее типичный показатель русских фамилий, — то нетрудно заметить, что он оформляет огромное множество совершенно нерусских фамильных и родовых прозваний, в частности в русской передаче (например, *Абаев* — при собственно осетинском *Абайты*), а в прошлом этот аффикс как бы обеспечивал форму официального существования соответствующих фамилий (например *Фанарджев* — при армянском *Фанарджян*). Очевидно, что, даже будучи оформлены «по модели русской фамилии», эти и им подобные имена останутся нерусскими. Быть может, в таком случае дело в иноязычном, нерусском характере их основ, а отсюда, наверное, следует, что русской фамилией надлежит называть фамилию, образованную упомянутым словообразовательным способом от исконно русской основы. Однако и эта формулировка вызывает протест, может быть, в еще большей степени, чем предпосланная ей. Потому что, приняв ее, мы были бы вынуждены признать «нерусскими» немало фамилий бесспорно русских, наконец, потому, что такая ригористическая формулировка шла бы вразрез с развитием любого живого языка, нормально питающегося заимствованиями и строящего свою ономастику, антропонимию при неизбежном участии заимствованного компонента. Значит, ригористическая концепция русской фамилии не может быть признана ни правильной, ни плодотворной. Кажется, что тип русской фамилии нельзя ограничить совершенно определенными или единственными структурно-словообразовательными признаками, не обеднив при этом само понятие русской фамилии. Нельзя подходить к национальному типу фамилии и с требованием генетической однородности или чистоты. Основным при подобной квалификации фамилии должен быть, как нам кажется, критерий узуальный, к чему мы еще будем возвращаться ниже, при характеристике конкретного материала. В итоге мы не видим здесь отличий от ситуации, в которой находится, например, исследование апеллативной лексики, где пуристический подход неуместен практически в отношении всех заимствований, особенно тех из них, смысл существования которых подтвержден размерами их употребления (ср. только что упомянутый узуальный критерий). То обстоятельство, что мы и среди фамилий находим эту общелингвистическую ситуацию, в наших глазах лишь доказывает правильность развиваемой здесь более широкой концепции как наименее искусственной.

Пуризм в подходе к фамилиям был бы попросту абсурден, и это важно иметь в виду сейчас, с самого начала, когда еще не произведена даже лексикографическая кодификация русских фамилий, а их этимологизация является делом будущего. Будущий полный корпус русских фамилий, представляющийся нам пока лишь как desideratum, должен включить много генетически украинских и белорусских образований (*Шевченко*, *Кравченко*, resp. *Кривченя*). Если нам возразят, что эти фамилии должны найти свое законное место соответственно в словаре украинских фамилий и в словаре белорусских фамилий, то, по нашему мнению, предмет для споров здесь отсутствует. С равным основанием эти генетически нерусские, но исторически привившиеся на русской почве фамилии займут свое место в словаре русских фамилий. Может быть, эти и многочисленные другие инородные включения побуждают к пересмотру наших традиционных пониманий типа русской фамилии, знаменуют, наконец, неуклонную эволюцию самого этого типа к какому-то пока еще не выясненному результату. В таком допущении нет ничего противоестественного, напротив, история самих русских фамилий знает глубокие изменения структуры и состава. Но вернемся к констатации исторической естественности такого факта, как присутствие во многих случаях одних и тех же фамилий в словаре русских фамилий, в словаре украинских фамилий, в словаре белорусских фамилий. Нас не должны также удивлять факты наличия одинаковых фамилий в словаре русских фамилий и в словарях немецких, французских, американских фамилий, хотя на сей раз речь идет о несравненно более отдаленных странах с резко отличными антропонимиями. Пример этот поучителен еще и потому, что в то время как восточнославянских словарей фамилий мы по-прежнему пока не имеем, словари и работы Брехенмахера, Доза, Смита и др. хорошо представляют немецкие фамилии, а также фамилии жителей Франции и США. Так, фамилию *Блок*, например, нельзя будет исключить из числа русских фамилий, столь же закономерно ее присутствие в составе немецких, французских фамилий (варианты *Block*, *Bloch*, ср. также об этом ниже). Не менее естественно и то, что среди американских, французских, немецких, русских фамилий находится фамилия *Шапиро* с ее многочисленными вариантами (им всем мы посвятим больше внимания далее).

Мы не стремились, таким образом, упростить реальной сложности отношений. Усомнившись в возможности дать строгое определение типа современной русской фамилии, а также в справедливости традиционных воззрений на сущность русской фамилии, мы не скрываем того, что современная картина нам во многом еще неясна и что она более чем когда-либо нуждается в специальном изучении. Однако суть этих сомнений скорее конструктивна, чем деструктивна, она состоит в сознании необходимости более емких рамок привлечения и исследования материала. Эти рас-

суждения привели нас к той постановке проблемы, которая нашла выражение в заглавии данной статьи, где говорится об этимологическом словаре фамилий России, который будет заключать исследование русских фамилий и фамилий, бытующих в России. Полагая, что тем самым мы уже ответили на вопрос, «что такое этимологический словарь русских фамилий?», мы думаем, что этот последний так же закономерно должен включать фамилии вроде *Шапиро* или *Куинджи*, как, например, этимологический словарь французских фамилий невозможен без фамилии *Дрейфус*. Словарь, который может быть получен в результате осуществления излагаемой здесь более широкой концепции, должен быть назван не этимологическим словарем русских фамилий, а полнее — этимологическим словарем фамилий России, подобно тому, как уместно назвал этимологическим словарем фамилий Франции свой труд Доза, чей опыт мы охарактеризуем ниже более подробно.

Фамилии России — как собственно русские фамилии (мы не находим нужным заменять этот традиционный термин, хотя и обратили выше внимание на случаи условного его употребления), так и фамилии, устойчиво бытующие в России — представляют собой ценнейший и неисчерпаемый по богатству материал для изучения межъязыковых и международных контактов. Этим объясняется помещение настоящей работы в данном томе «Этимологии», посвященном в значительной степени географическому аспекту этимологии и межъязыковым контактам в проблематике происхождения слов различных языков. Лингвистический материал, объединяемый фамилиями России, содержит много интересного для этимологии и выяснения географических сфер взаимовлияния широкого круга языков. Занятия фамилиями России неизбежно уводят исследователя в большом числе случаев за пределы собственно русской проблематики и русского материала. Изучение иноязычной лексики при этом необходимо не в меньших размерах, чем при этимологических исследованиях апеллативной лексики. Вместе с тем обращение к ономастике, антропонимии других языков, полезное и желательное также и в апеллативной этимологии как дополнительный источник материала, приобретает здесь значение основного материала, особенно если вспомнить общепризнанную в настоящее время целесообразность предпочтительного непосредственного сравнения языковых образований одного уровня, т. е. гидронимов — с гидронимами, антропонимов — с антропонимами, при меньшей ценности прямого соотнесения, скажем, антропонима одного языка и апеллатива другого языка. Сказанное делает очевидным значение антропонимии других славянских языков при изучении русской антропонимии, русских фамилий. Ниже мы коснемся различных известных нам источников по фамилиям славянских стран. К сожалению, и лучшие из них далеки от желаемой полноты. Далее, несмотря на заметные успехи прежде всего польской и чешской антропонимии, этимологи-

ческие словари фамилий отсутствуют до сих пор в Чехословакии и Польше, не говоря о других странах (хотя, например, ономастика в целом успешно развивается также в Болгарии). Следовательно, уже на первых шагах своих поисков аналогичных опытов по другим славянским языкам мы сталкиваемся с фактической неразработанностью материала и вынуждены поэтому искать дальше, не переставая надеяться на то, что когда-нибудь будут созданы этимологический словарь фамилий Польши, этимологический словарь фамилий Чехословакии и такие же труды по фамилиям южнославянских народов.

Гораздо бóльшими успехами ознаменовано изучение национальной антропонимии, фамилий в ФРГ, ГДР и Франции. Что касается немецких фамилий, то нас здесь в первую очередь интересует «Этимологический словарь немецких фамилий» И. К. Брехенмахера [1], выросший на базе его же собственных многолетних исследований по немецким родовым именам. Этот капитальный труд, насыщенный огромным историческим материалом, ценен также как воплощение уникального опыта изучения фамилий. При каждой фамилии в словаре даются сведения из памятников письменности, что придает словарю большую документальную ценность. В основу словаря Брехенмахера легли свыше 100 тыс. извлечений из памятников и документов. Часто дается география фамилии, этимологизируемой в словаре. Интерес представляет, в частности, изложение мыслей о принципах работы с фамилиями в вводном разделе труда: «Почти все родовые имена (Sippennamen), которые имеют касательство к истории культуры, нуждаются в специальной монографии» («Zum Geleit», стр. XI). «Мы можем прежде объяснить фамилию только по звуковому облику и опереться при этом на всеобщие этимологические законы; но напасть на верный след этимология имени может лишь тогда, когда мы знаем, где это имя сложилось» (Там же).

Словарь, в общем избегая откровенно ненемецкие образования, тем не менее включает ряд фамилий славянского происхождения, латинизированные фамилии эпохи Гуманизма и другие подобные иноязычные компоненты. Например: *Bailly* (франц.), *Bartni(c)k*, *Bartnicki*, *Bednař*, *Bednarsch*, *Beranek*, *Piaskowsky*, *Piontek*, *Pokorny*, *Borkowski*, *Wentzlaff* (славянские, главным образом чешские и польские), *Nagy* (венг.). Обращает на себя внимание в общем немалое количество чисто литовских фамилий, включенных Брехенмахером в словарь немецких фамилий: *Baltruschat*, *Davidat*, *Davideit* и др. Их носители обычно документируются по письменным свидетельствам, вполне понятно, на восточных окраинах бывшей Германской Империи. Словарь содержит много данных, которые при внимательном чтении не могут не обратить

[1] J. K. Brechenmacher. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Familiennamen, Bd. I, Lief. 1—10 (A—J). Limburg a. d. Lahn. 1957—1960; Bd II, Lief. 11—18 (K—S), 1961—1962.

на себя внимания слависта—этимолога и ономаста. Так, например, любопытно, что немецкая фамилия *Börs*, *Börsch* представляет собой краткую форму *Boris*, славянское личное имя, которое, оказывается, было широко распространено в Западной Померании (Поморье) — древней славянской области — еще в XIII—XIV вв., ср. *Boriz* под 1176 г. Равным образом там же и в ту же эпоху было распространено имя *Borislav*, которое автор правильно квалифицирует как полную форму имени *Boris*. Эта точка зрения, известная в славистической науке, но оспариваемая часто в пользу тюркской, дунайскобулгарской этимологии имени *Борис*, получает сильное подкрепление именно благодаря факту древнего парного существования полной и краткой форм на одной территории у части славян, практически никогда не знавшей никаких тюркизмов.

Помимо прямой пользы от изучения материалов данного неславянского этимологического словаря фамилий для славянской антропонимии, для этимологии русских фамилий, еще бóльшую пользу следует ожидать от таких параллельных штудий также и для изучения типологии русских фамилий. Ср., например, интересное сходство, которым в наших глазах обладают немецкие фамилии типа *Polterian*, *Guderian*, *Rodrian* и русские фамилии типа *Черноиванов* и под., о которых будет подробнее сказано в своем месте ниже.

Словарь Брехенмахера построен весьма оригинально. Нужную фамилию в нем не всегда легко сразу отыскать из-за того, что в нем в полной мере отражена и использована немецкая языковая черта — характерное нечеткое различение звонкости—глухости, ср. хотя бы порядок расположения этимологически родственных форм на *p-* (часто — баварские) и на *b-* вперемежку друг с другом, в первых частях словаря. К числу недостатков данного словаря мы отнесли бы лаконичность этимологизации, а подчас слабость ее или вообще нередкое отсутствие этимологии, т. е. случаи, когда статья ограничивается документацией и первой датой употребления. Речь, разумеется, не идет при этом о трудных случаях, где такая практика заслуживала бы лишь похвалы. Иногда ощущается узость германской сравнительной базы, например для немецкой фамилии *Böswort* / *Boßwort* было бы полезно дать хотя бы английскую параллель. Несмотря на монументальность, труд Брехенмахера обнаруживает и важные пропуски, простительные ввиду необъятности материала. В этом словаре нет, например, фамилии *Forbes* — немецкого преобразования славянского местного названия чешского типа *Borovas*, беспредложный локатив множественного числа от названия группы жителей или единоплеменников *Borovane* (В. Н. Топоров приводит в своем известном труде «Локатив в славянских языках» [М., 1961, стр. 146], говоря о следах беспредложного местного падежа в чешском, только форму *Borkovaz*, под 1209 г., из «Regesta diplomatica»).

Другим замечательным словарем фамилий является принадлежащий перу А. Доза «Этимологический словарь фамилий и имен Франции» [2]. Будучи к моменту создания этого словаря автором ряда важных работ по французской антропонимии и топонимии, Доза известен также как виднейший специалист по истории, диалектологии и этимологии французского языка. Нужно признать, что эта широта интересов отразилась и на облике его этимологического словаря фамилий, в ряде моментов выгодно отличая его от аналогичного только что охарактеризованного нами выше труда Брехенмахера по немецким фамилиям. По объему и полноте словарь Доза уступает словарю Брехенмахера, так как содержит около 30 тыс. фамилий и имен (с вариантами), более скупо дается и документация из исторических и архивных источников, практически отсутствует датировка появления фамилии. Доза ограничивается локализацией, указанием на происхождение и первоначальное значение фамилии, т. е. ее этимологию. Впрочем, не оставляет никаких сомнений то, что сам автор был во всеоружии всех необходимых исторических сведений, хотя и не счел нужным включить их в данный словарь. Автор сознательно трактует это издание как краткий вариант этимологического словаря фамилий Франции. Для нас поучительны рисуемые им более широкие перспективы возможного количественного охвата фамилий, скажем, такой страны, как Франция. Согласно Доза (стр. VII «Предисловия»), всего в романской Франции предполагается не менее 80 тыс. фамилий; это число затем пришлось бы удвоить, включив баскские, бретонские, фламандские, эльзаслотарингские (немецкие) фамилии.

Если мы, отвлекшись на короткое время от описания словаря Доза, попробуем использовать только что названные цифры, а также аналогичные сведения из словаря Брехенмахера для суждений о возможном объеме соответствующего русского материала, то прогностические суждения на этот счет могут быть следующими. Антропонимическое богатство немецкого народа, насчитывающего свыше 70 млн. чел., представлено в словаре Брехенмахера — разумеется, с неизбежной неполнотой — сотней тысяч фамилий, в то время как для носителей французского языка, насчитывающих в Европе около 50 млн. чел., называется теоретическая цифра около 160 тыс. фамилий. Наблюдая уже на этих примерах крайнюю неуточненность — в основном по причине недостаточной информации, — мы могли бы, однако, принять определенную тенденцию к прямой пропорциональности в отношениях между числом представителей нации и числом фамилий (хотя существуют также данные, заставляющие учитывать влияние характера культуры, особенностей цивилизации и истории

---

[2] A. Dauzat. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. Paris, 1951.

на большее богатство, разнообразие или же, наоборот, на бóльшую однородность состава существующих фамилий). Можно высказать пока только предположение, что полное число русских фамилий, принимая во внимание также и то, что русская нация давно перевалила за 100 млн., составит не менее 100 тыс. фамилий.

«Этимологический словарь фамилий и имен Франции» Доза заслуживает самого пристального внимания как по своему методу, так и по своему фактическому, этимологическому содержанию. Доза кратко знакомит читателя с собственным исследовательским опытом этимолога-антропонимиста в предисловии к словарю, и высказываемые им там простые и ясные мысли заслуживают того, чтобы их повторить лишний раз. «Для того чтобы найти этимологию фамилии, нужно сначала локализовать ее происхождение. При отсутствии документов часто достаточно показаний фонетики и лексикологии для того, чтобы определить район возникновения, но это бывает не всегда точно. Этот критерий безошибочен, когда он действителен; он информирует нас о таких миграциях фамилий, о которых их носители не догадываются» (Introduction, стр. XVII). Тому, кто занимается этимологией фамилий России, эти слова скажут много, потому что он слишком часто столкнется с отсутствием документов и при этом в своей работе должен будет полагаться практически на одни фонетические и словообразовательно-лексические критерии, утешаясь тем, что в случае их истинности полученная на их основе этимология будет иметь особенное значение не только в лингвистическом, но и в культурно-историческом отношении.

Сравнительно краткий словарь Доза включает тем не менее немало фамилий нефранцузского происхождения. Прежде всего это немецкие (эльзас-лотарингские и др.) фамилии. Любопытно практически полное отсутствие фамилий славянского происхождения, богато представленных в словаре Брехенмахера. С другой стороны, труд Доза содержит очень много еврейских фамилий как ашкеназских (немецкого происхождения), так и произведенных из личных имен и прочих элементов древнееврейского, арамейского происхождения. В этом смысле словарь Доза очень полезен как прямой фактический справочник при исследовании состава фамилий России, и он был нами с благодарностью использован как таковой. В связи с этим мы видим возможность высказать здесь попутно маленькую фактическую поправку по одному такому случаю. Речь идет о фамилии *Barnathan*, которую автор кратко характеризует: «Кажется, представляет собой сложение имени *Nathan* и какого-то темного элемента» (стр. 27). В действительности перед нами совершенно ясная еврейская фамилия, ивритская по типу, с внутренней формой 'сын Натана', образованная с помощью арамейского элемента *bar* 'сын', ср. др.-евр. *ben* то же. Ашкеназско-еврейским синонимом упомянутой фамилии служит *Natanson*, *Nathanson*, известное также Доза (стр. 448),

ср. бытующее и у нас *Натанзон*, *Натансон*, построенное уже из элементов идиша. Ниже мы еще встретимся с близкими отношениями фамилий-синонимов.

И бесспорно, как и в других подобных случаях, немало ценного, проясняющего характеристику отношений и типов фамилий России дает чтение Доза в плане типологии фамилий, к чему мы также еще обратимся в дальнейшем. Более специфические и сложные параллели из этого словаря уместнее использовать в связи с рассмотрением конкретных вопросов русского материала фамилий. Здесь можно ограничиться указанием на одну несколько специальную параллель, как бы предполагающую элементарную общность культурного контекста, ср. русск. *Третьяков*: *третьяк* (обл., диал.) 'третий по счету' или трехгодовалый' при франц. *Tiers*, *Thiers*, букв. 'третий (ребенок в семье)', 'владелец трети имущества'; к более общим параллелям использования лексико-семантического фонда при фамилиеобразовании относятся случаи франц. *Pasteur* — русск. *Пастухов*, *Perdrix* — *Куропаткин*, *Куроптев*, *Pie* — *Сорокин*.

* * *

В нашу задачу не входит решать здесь вопрос о лингвистическом положении фамилии; тем более нет надобности повторять о фамилии то, что можно о ней сказать как о собственном имени вообще; и то и другое представляют собой, так сказать, лингвистический знак во второй степени. Вместе с тем отличие фамильного имени от обычного личного имени состоит как правило в самобытности, не стесненной канонизацией, а также в том, что своей нередко ярко выраженной знаковости, асемантичности современная фамилия достигла в конце истории, началом которой служила, по всей вероятности, как раз тесная соотнесенность обозначения и обозначаемого, яркий смысл, поиски которого вполне оправданны при этимологизации фамилий.

Ниже подробно говорится о типе, структуре и составе фамилий России, которым в начале статьи нами были посвящены только пока предварительные замечания и уточнения дефиниций. Пока мы еще не приступили к более детальному рассмотрению русского и примыкающего к нему материала, будет нелишним обратить внимание на тот факт, что итогом культурно-исторической и языковой эволюции, длившейся в каждом языке столетия, общим достоянием европейской цивилизации, объединяющим народы совершенно разной языковой принадлежности, явилось в общем более или менее единое понятие фамилии, выработанное как правило независимо, параллельно в разных странах при общем сходстве ситуаций и эволюции. Влияния касаются здесь обычно частностей, фрагментов, тогда как принципиальные сходства правильнее объясняются параллелизмом и внутренними причинами.

Поэтому к фамилиям разных народов применима некая общая классификация: 1) фамилии из крестных имен; 2) фамилии от названий профессий; 3) фамилии от местных названий (название деревни, поместного владения); 4) прозвища в качестве фамилий [3]. Эта классификация, указывающая главные категории, может удовлетворить в общих чертах исследователя практически любой европейской национальной антропонимии. Однако было бы неверно думать, что все категории в разных антропонимиях заняты равномерно, более того, будет ошибкой мнение, что все эти категории одинаково свойственны каждой антропонимии. Располагая сейчас только данными и наблюдениями, почерпнутыми из литературы и лишь частично проверенными лично, мы можем высказать мнение, что упомянутая выше классификация в конечном счете лучше всего соответствует составу и происхождению французских, английских, немецких фамилий. Из славянских она вполне подойдет для польских и чешских фамилий. Что касается русских фамилий (в довольно узком, традиционном смысле), то в них полно представлены будут 1), 2) и 4) категории, а 3) категория (фамилии от местных названий) будет представлена крайне специфично. При этом в старом фонде фамилий мы этой категории практически почти не найдем, кроме немногочисленных старинных дворянских фамильных прозваний, а в более новом фонде фамилий производные от местных названий носят слишком очевидную печать новых фамилий духовных лиц. Впрочем, среди относительно недавно документированных фамилий может встретиться даже довольно много образований от местных названий, но это обычно уже будут еврейские фамилии географического происхождения, довольно существенный разряд фамилий России, которого мы еще коснемся. Подобное конкретное варьирование классификационных составов фамилий относительно некоего наиболее полного и общего состава вроде описанного выше дает в руки существенный критерий определения происхождения фамилии, например позволяет высказать довольно твердое суждение, что фамилия *Варшавский* не может быть старой русской фамилией, еще до того как прослежена со всей полнотой документальная история этой фамилии. Но о подобных примерах — ниже.

Совершенно очевидно, что заниматься русскими фамилиями сколько-нибудь эффективно нельзя, не ознакомившись с опытом славянской и русской антропонимии в целом, которая, правда, еще не создала этимологических словарей фамилий, как нам уже пришлось констатировать, но насчитывает отдельные более или менее успешные разработки. У истоков научной славянской

---

[3] См.: A. Vallet. Notes sur la méthode de l'anthroponymie et sur les dictionnaires de noms de personne. Communication au Congrès International d'onomastique de Florence (1961). — RIO XIII, № 4, 1961, стр. 287; G. M. Moser. Portuguese family names. — «Names», vol. VIII, № 1, 1960, стр. 30 сл.

антропонимии, как, впрочем, и топонимии, стоят труды Миклошича [4], опубликованные практически сто лет назад, но не утратившие своего значения и по сей день. Можно оценить их широкую, общеславянскую направленность, которая, правда, страдала от недостаточности материала, известного и собранного тогда еще в меньшей степени, чем теперь, когда мы по-прежнему считаем эту основную задачу сбора невыполненной. Примерно в те же годы, что и ономастические труды Миклошича, М. Морошкин выпустил в России собрание славянских личных имен [5] — труд, подчас несправедливо забываемый ныне и вместе с тем в ряде отношений замечательный. Такой авторитет современной славянской и польской ономастики, как Ташицкий, признает, что именослов Морошкина богаче, чем «Personennamen» Миклошича, и охватывает более широкий круг источников. Но, конечно, не следует забывать, что филологические особенности книги Морошкина, в частности манера подачи материала, подчас далеки от научных требований, что обязывает нас к осторожному и критическому использованию его данных. Тем не менее современный исследователь антропонимии, в частности фамилий, образованных от личных имен, не может пройти мимо этого богатого собрания материала. Некоторые данные, использованные нами также ниже, почерпнуты из Морошкина.

Бесспорно крупным событием в истории славянской антропонимии был выход в свет в 1903 г. «Словаря древнерусских личных имен» Тупикова [6], осуществленный под наблюдением А. И. Соболевского, который сам неизменно проявлял в разной форме интерес к русской антропонимии. Вся последующая история русской антропонимии не дала более крупного или хотя бы столь же обстоятельного труда, как названный выше словарь Тупикова. Впрочем, вся славянская антропонимия в целом никогда не была особенно богата фундаментальными разработками и квалифицированными изданиями материала, даже если иметь в виду страны, добившиеся здесь заметного успеха, как, например, Польша. Здесь заслуга неуклонного развития антропонимии принадлежит прежде всего Ташицкому, который, начиная с 20-х годов, плодотворно работает в этой области. Перу этого ученого принадлежит словарь древнейших польских личных имен, серия статей о польских именах и фамилиях [7]. Многолетняя работа в области соби-

---

[4] Ср. неизмененное более позднее переиздание: F. Miklosich. Die slavischen Personen- und Ortsnamen. Heidelberg, 1927.

[5] М. Морошкин. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен. СПб., 1867.

[6] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. — «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. VI. СПб., 1903.

[7] W. Taszycki. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. — Taszycki. Rozprawy i studia polonistyczne, I. Onomastyka. Wrocław—Kraków, 1958.

рания старопольской антропонимии, возглавляемая Ташицким в Кракове, получает свое завершение в широко задуманном словаре старопольских личных имен, который начал выходить из печати в 1965 г.[8] Из трудов последних лет в Польше можно назвать книгу Карплюк о славянских женских именах[9]. Уже многие годы в Польше издается специальный журнал «Onomastica», где освещаются также вопросы антропонимии. Польские лингвисты-ономасты периодически обращаются к изучению проблематики русской, в том числе древнейшей антропонимии. Представитель старшего поколения польских ономастов Роспонд выступил, например, недавно со статьей «Структура и классификация древне-восточнославянских антропонимов (имена)»[10], которая импонирует широтой охвата проблем и в общем правильно выделяет актуальные аспекты исследования древнерусских имен (типология личных имен древней Руси, вопросы субституции, филологический анализ, семантика антропонима и др.), но, с другой стороны, не лишена недостатков в этимологической части. Так, мы не без удивления читали в этой статье толкования имени *Волосъ* как гипокористической формы от *Володимиръ*, *Володиславъ*, этимологии *Игорь* < *i-ti*, *Ольгъ* < **lьg-* 'легкий', которые, коротко говоря, едва ли знаменуют прогресс в этимологической антропонимии. Не менее странны стремления автора определить имя *Кий* как комбинацию Нестора. Как иначе можно объяснить вост.-слав. *Киев* и его многочисленные инославянские соответствия, если не из принадлежностной формы от данного вполне реального имени-прозвища?

Заслуживает внимания выпускаемый в Чехословакии с 1960 г. «Бюллетень Топонимической Комиссии»[11], издаваемый ведущими ономастами Чехословакии В. Шмилауэром и Я. Свободой. О трудах последнего мы еще скажем ниже, что касается Шмилауэра, то он из номера в номер публикует свои периодические «сотни ономастических аннотаций», которые содержат немало данных по антропонимической литературе и очень помогают в работе. Много работал над вопросами славянской антропонимии выдающийся немецкий славист М. Фасмер (1886—1962), который, правда, не оставил обобщающего труда, но и в своем русском этимологическом словаре и в многочисленных статьях в разных журналах опубликовал множество новых данных и наблюдений

---

[8] «Słownik staropolskich nazw osobowych», pod redakcją i ze wstępem W. Taszyckiego, t. I, zesz. 1 (A—Bierwołt). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965.

[9] M. Karpluk. Słowiańskie imiona kobiece. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961.

[10] ВЯ 1965, № 3, стр. 3 сл.

[11] «Zpravodaj Místopisné komise ČSAV». Praha.

по русским и славянским личным именам и фамилиям [12]. Вопросам антропонимии уделяли внимание и ученики Фасмера [13].

Постоянное внимание, в частности, к русской антропонимии характеризует Унбегауна, ср. прежде всего его опыт критической библиографии на эту тему [14], сжатое, но очень полезное пособие, охватывающее ряд статей и материалов малоизвестных авторов в разных русских и зарубежных изданиях. Там же дается краткая характеристика более крупных известных работ, упоминаемых также в нашей статье. Заметной публикацией последних лет является книга шведской исследовательницы Беклунд о новгородских личных именах [15], к которой нам еще придется обращаться по конкретным вопросам ниже. Эту работу отличает необычайная акрибия и основательность. Остается только пожалеть, что Беклунд ограничилась двумя десятками самых употребительных имен.

Современная русская литература по русской антропонимии крайне небогата. Если вести речь только о научных разработках, то это почти исключительно публикации ученых старшего поколения — Ляпунова, Чернышева, Селищева [16]. Известная посмертная публикация Селищева о русских фамилиях, именах и отчествах в немалой степени тяготеет по содержанию к дальнейшей части нашей статьи. Автор стремился продумать в деталях историческую эволюцию своего материала. Из недостатков, которые в немалой степени нужно отнести за счет чернового, незаконченного характера работы, назовем отсутствие географического плана, неиспользованным остался и инославянский материал. За вычетом этих работ, остаются книги и статьи популярного характера, появляющиеся в последнее время [17].

---

[12] См. библиографию работ Фасмера в сборнике в его честь: «Festschrift für Max Vasmer». Berlin—Wiesbaden, 1956.

[13] M. Woltner. Zur Frage der Behandlung westeuropäischer Personennamen in Rußland. — «Festschrift für M. Vasmer», стр. 570.

[14] B.-O. Unbegaun. Où en sont les études d'anthroponymie russe. Bibliographie critique. — RIO II, № 2, 1950, стр. 151 сл.

[15] A. Bæcklund. Personal names in medieval Velikij Novgorod, I. Common names. Stockholm—Uppsala, 1959.

[16] V. I. Černyšev. Les prénoms russes: formation et vitalité. — RES XIV, 1934; В. И. Чернышев. Несколько замечаний об украинских и русских личных именах. — «Мовознавство», т. VI. Київ, 1948; А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. — «УЗ МГУ. Вып. 128. Труды кафедры русского языка», кн. 1. М., 1948, стр. 128 сл.

[17] Л. Успенский. Ты и твое имя. Л., 1962; А. В. Суперанская. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964; А. А. Угрюмов. Русские имена. Вологда, 1962; Н. А. Петровский. О словаре русских имен. — РЯШ 1953, № 3, стр. 85; Он же. Еще раз о словаре русских имен личных. — РЯШ 1956, № 5, стр. 115—117; С. П. Левченко, Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська. Словник власних імен

Более непосредственным образом из всех разновидностей личных имен нас, естественно, интересует состояние изучения фамилий — русских и прочих славянских. Здесь целесообразно остановиться на наиболее важных монографиях и статьях, существенных для изучения фамилий в историческом и компаративном плане. Основной монографией по польским фамилиям остается книга, которую написал этнограф Быстронь [18]. Польские фамилии, по наблюдению Быстроня, не образуют особой грамматической категории. Основной их классификацией он считает тройственную: 1) фамилии-прозвища, 2) фамилии от имен, 3) фамилии от местных названий. Существенным для польской действительности является замечание автора о ненаучности популярной сословной классификации польских фамилий, поскольку все известные типы фамилий могут быть встречены и среди старого дворянства. Полезны наблюдения над динамикой отдельных типов фамилий, например ни с чем не сравнимая экспансия «дворянских» фамилий на *-ski*. Кое-какой (правда, недостаточный) материал находим в этой книге об иноязычных включениях в составе польских фамилий (восточнославянские, литовские, немецкие, западноевропейские, еврейские, татарские фамилии). Немало статей по польским фамилиям опубликовали в разное время крупнейшие польские языковеды Нич [19] и Ташицкий [20].

За последние несколько лет в Чехословакии вышли две важные монографии по чешским фамилиям Свободы и Бенеша. Книга Свободы [21] рассматривает несколько специальный аспект: чешские фамилии в их отношении к древнечешским личным именам. Книга Бенеша [22] ставит перед собой более широкие задачи совокупного рассмотрения современных чешских фамилий в свете их истории, географии, словообразования, структурной и семантической классификации, частоты употребления. Очень интересно, в частности, как некая свободная типологическая параллель,

---

людей (українсько-російський і російсько-український), 2 вид. Київ, 1961. — Если иметь в виду источники по изучению имен, то отчасти ими могут служить различные издания православных церковных календарей.

[18] J. St. B y s t r o ń. Nazwiska polskie. Wyd. 2. Lwów—Warszawa, 1936.

[19] K. N i t s c h. O nazwiskach tzw. «polskich» i «szlacheckich». — JP VI, 1921, стр. 116—120; О н ж е. Trudne nazwiska. — JP XVI, 1931, стр. 48—50; О н ж е. Pogadanki o imionach i nazwiskach, I. — JP XXVI, 1946, стр. 150—152; О н ж е. II. Nazwiska od ptaków i potraw. — JP XXVIII, 1948, стр. 52—53.

[20] W. T a s z y c k i. Pochodzenie nazwiska Żeromski. — JP XIV, 1929, стр. 97 сл.; О н ж е. Najpierw imię, potem nazwisko. — «Poradnik Językowy», 1949, zesz. 3, стр. 22; «Bibliografia onomastyki polskiej (do roku 1958 włącznie)». Opracował W. Taszycki przy współudziale M. Karasia i A. Turasiewicza. Kraków, 1960 (: стр. 62—92: Nazwy osobowe. a) Imiona, nazwiska, przezwiska).

[21] J. S v o b o d a. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.

[22] J. B e n e š. O českých příjmeních. Praha, 1962.

полезная для использования в исследовании русских фамилий, то, как автор решает вопрос типа чешской фамилии с учетом чешской языковой и международной исторической ситуации: «Чешскими фамилиями я считаю фамилии, образованные чехами из чешских или заимствованных слов. (Фамилии, образованные из заимствованных слов, иногда по незнанию истории языка и возникновения родовых имен, а также истории производства считаются нечешскими именами.) Чешскими фамилиями считаю я и имена, возникшие в инонациональной среде, но приспособленные к чешскому произношению или оформленные чешскими суффиксами, или же приспособленные к типам чешских имен. К числу наших фамилий принадлежат и латинские и греческие имена эпохи Гуманизма. Было бы неверно не считать нашими фамилиями имена, возникшие из средневерхненемецких названий наших укреплений и городов соответствующей эпохи» (стр. 5). В основу собраний автора положен материал адресного справочника города Праги. Широко использованы письменные памятники и архивные документы, воссоздающие историю фамилии. Из книги Бенеша мы узнаем, что еще в XVI в. даже в развитой Чехии широкие слои народа не имели устоявшихся фамилий, лишь XVII век принес стабилизацию.

Свой исследовательский метод автор основывает на сочетании архивной документации и критического лингвистического анализа. Бенеш, между прочим, указывает и на необходимость обращения к словарям других славянских языков при объяснении некоторых чешских фамилий. Как увидим ниже, это правило не менее справедливо и для русского материала.

Фамилии южнославянских народов разработаны еще очень слабо. Наиболее известна работа хорватского языковеда Маретича об именах и фамилиях хорватов и сербов [23]. Из нее видно, с какими трудностями сталкивается исследователь сербохорватской антропонимии. Своеобразный культурный архаизм — текучесть фамилий, их смена из поколения в поколение — еще до конца XVIII в. сохранялся в сербской народной среде, тогда как в Хорватии, Славонии, Далмации, Черногории, Герцеговине значительно раньше утвердился «европейский» обычай стабильной фамилии. Маретич констатирует известный факт, что сербохорватские фамилии — это преимущественно фамилии на *-ić*, но обращает внимание на то, что только элемент *-ov-*, а не *-ić* делает имя фамилией (об этом полезно вспомнить ниже, когда речь пойдет о структуре русской фамилии); прочие элементы, оформляющие фамилии, сами по себе как правило деминутивны (*-ić*, *-ac*).

Исследование белорусских фамилий активизируется лишь в самое последнее время. Оно, бесспорно, чрезвычайно важно

---

[23] T. Maretić. O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba. — «Rad», knj. LXXXI, 1886, стр. 81 сл.

также в интересах углубленного изучения собственно русских фамилий. Здесь в первую очередь надо назвать работу Бирилло [24], который основывается на лично собранных в течение многих лет в условиях полевой работы белорусских фамилиях (свыше 17 тыс.). Белорусские фамилии формируются в основном с первой половины XVII в. и происходят в основном из отчеств. Этому предшествует фамилия-прозвище (XV—XVII вв.). Задачи изучения белорусских фамилий литовского и тюркского происхождения автор считает самостоятельными и в данной работе не рассматривает, хотя речь идет о чем-то чрезвычайно взаимосвязанном и тесно переплетенном. Так, по крайней мере часть белорусских фамилий типа *Бірыла* (*Бирилло*), *Гастэла* (*Гастелло*) обязана, видимо, литовскому влиянию, литовскому образцу своим возникновением, ср. хотя бы такое древнее и авторитетное имя, как лит. *Jogaila* и его славянский дублет — польск. *Jagiełło*, которые могут лежать у истоков такого антропонимического процесса (не говоря об иных возможных литовских образцах типа *Montvyla* и др.). Едва ли можно сбрасывать со счетов литовское влияние и для белорусских фамилий типа *Лабейка* (ср. также русск. *Воейков*). Ср. литовскую фамилию *Budreika*. Но сам автор думает, по-видимому, иначе, ср. стр. 23, 25 его труда. Вместе с тем очень ценен опыт лингвистической географии белорусских фамилий — дело, достойное изучения и подражания. Фамилии на *-оў* (*-ов*) преобладают главным образом на востоке Белоруссии, на *-овіч*/*-евіч* возрастают количественно к западу. Весьма полезны словообразовательные и статистические наблюдения Бирилло, стремление осмыслить оригинальность белорусской антропонимии на родственном славянском фоне (ср. белорусские фамилии на *-еня*, неизвестные другим славянским). Вопросами белорусской антропонимии, в частности фамилиями, занимается довольно активно Гринблат, и ниже у нас еще будет возможность упомянуть его труды, правда, они уступают по уровню работе Бирилло и ведутся в ином плане.

На Украине и за границей ведется работа по исследованию фамилий украинского народа, правда, мы еще не имеем обобщающих и полных работ на эту тему. Ср. статьи Редько, Николаенко и др.[25], обзор литературы по украинским фамилиям начиная

---

[24] М. В. Бірыла. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай). Мінск, 1963.

[25] З. Г. Ніколаєнко. Прізвища, утворені від власних особових імен (на матеріалах Закарпаття). — «Територіальні діалекти і власні назви». Київ, 1961, стр. 268 сл.; Ю. К. Редько. Словотворчі типи українських прізвищ, утворених від особових власних імен. — «Наукові записки Львівського держ. педінституту», т. XII, ч. III. Львів, 1959; A. de Vincenz. Le nom de famille houtzoule. — «The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S.», 1960, стр. 191 сл.

с конца XIX в. Борщака [26]. Борщак дает беглый перечень словообразовательных типов украинских фамилий, но при этом допускает немалую оплошность, пропустив фамилии на *-ів/-ов*, ср. хотя бы закарпатское *Тимків*, приводимое у Николаенко. Другой грубый промах Борщак допускает, интерпретируя фамилии на *-хно* как производные от глаголов, т. е. *Брахно* — от *брати*, *Махно* — от *махнути*, *Пихно* — от *пихнути*, *Сахно* — *сахнути*. . . Украинисту-антропонимисту следовало бы знать, что эти фамилии возникли как гипокористики от личных собственных имен (ср. также ниже).

Работа над изучением русских фамилий велась без какой-нибудь системы, со значительными перерывами и без должной интенсивности. Хорошее библиографическое введение в историю этих разработок, особенно, что касается старых работ, дает Унбегаун в своем критико-библиографическом обзоре, упоминавшемся выше, в прим. 14. Из старых работ, безусловно, заслуживает упоминания яркое, богатое материалом, хотя и не лингвистическое, а скорее культурно-социологическое исследование Карновича [27], которое привлекается далее и нами в конкретных этюдах. Нельзя оставить без внимания наблюдения Карновича над оригинальными отличиями русских дворянских фамилий от западноевропейских, над иноязычным вкладом в русские личные имена и фамилии, над хронологией оформления русских фамилий, очень свежо и сейчас звучат замечания автора о формах и конкретных примерах обрусения иноязычных фамилий и т. д.

Из числа исследователей советского времени стойким интересом к истории русских фамилий отличался известный славист Селищев, а также его ученик Чичагов. Посмертная статья Селищева 1948 г., упоминавшаяся выше, в прим. 16, как бы предваряет обстоятельную монографическую работу Чичагова, вышедшую в конце следующего десятилетия [28]. Чичагов оставил нам очень стройное исследование русской фамилии и ее видов на фоне всей русской антропонимии (или, в его словоупотреблении, ономастики), документально проследил отношение фамилий к отчествам, становление фамилий из отчеств, отступление прозвищ перед фамилиями как основной антропонимической категорией. Работа Чичагова проникнута лингвистическим историзмом, автор демонстрирует тонкое умение показать эволюцию форм и главным образом их употреблений. Но нельзя не заметить при всем этом ограниченности исследуемого материала, нельзя не видеть, как подчас одни и те же примеры, играющие важную аргументацион-

---

[26] E. B o r s c h a k. Les noms de familles ukrainiens. — RIO IV, № 3, 1952, стр. 203 сл.

[27] Е. П. К а р н о в и ч. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886.

[28] В. К. Ч и ч а г о в. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв.). М., 1959.

ную роль у Чичагова и Селищева, восходят еще к Карновичу. В таких исследованиях первостепенное значение имеет максимальный охват материала, приток свежего материала, в противном случае и лучшие из работ будут страдать схематизмом. Постоянное привлечение нового материала откроет новые неожиданные аспекты там, где обращение с некоторым количеством привычного классического материала позволяло удовлетворяться сложившейся схемой. Работа Чичагова, далее, страдает в отношении научной глубины и от того, что является слишком русистским исследованием; поясняя свою мысль, отметим, что даже старая книга Карновича практически подводит читателя к широкой типологической характеристике русских фамилий и их образования, чего нельзя сказать о книге Чичагова. Наконец, это последнее по времени заметное исследование по русской антропонимии делает особенно явным недостаток в этимологических исследованиях антропонимии.

* * *

Трудно ставить вопрос о систематической этимологизации русских фамилий тогда, когда нет русского исторического ономастикона, который бы включал и фамилии, нет и полного собрания ныне употребляемых русских фамилий. Понятно, что в таких условиях вопрос об источниках фамилий приобретает особую актуальность. Однако было бы крайностью утверждать, что такие источники отсутствуют, необходимо лишь иметь в виду их разнородность. В понятие источников фамилий могут быть, конечно, включены старые письменные тексты, особенно мало известные научной общественности до сих пор материалы русского народно-разговорного языка XVII—XVIII столетий, в издании которых наблюдается в последнее время прогресс. Но сейчас мы предпочитаем сузить понятие источников фамилий, ограничившись разного рода справочными изданиями и фондами и исключив не обработанные в этом смысле тексты. Основная форма справочника фамилий — алфавитный индекс. Известный исторический материал по русским фамилиям дает уже знакомый словарь Тупикова. Значительно более обширный материал, очень часто генетически нерусский, но затем включенный в состав весьма старых русских фамилий, дает на первых порах такое издание, как указатель к летописям, а именно: «Указатель к осьми томам Полного собрания русских летописей, изданных Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1868; вып. 2, СПб., 1869; вып. 3 — 1875; т. II, СПб., 1898; «Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографическою комиссиею», т. XIV, 2-я пол. Указатель к Никоновской летописи (т. IX—XIV). Пг., 1918 (: I. Указатель лиц). Важным источником старых русских фамилий могут служить различные родословные книги русского дворянства, издававшиеся

еще Новиковым в XVIII в., позднее — П. В. Долгоруковым, а также редакцией «Русской старины». Таковы, в двух словах, наиболее видные или доступные категории исторических источников русских фамилий. Что касается источников современных фамилий, бытующих в России, здесь огромную пользу принесут различные издания телефонных книг разных городов России, желательно — разных исторических периодов, т. е. как современные, так и справочники 30-х годов и первых послереволюционных лет и дореволюционного времени, скажем, 1913, 1914 гг. Такой охват был бы идеален и гарантировал бы от пробелов, особенно, если учесть естественную текучесть населения. Аналогичные информации можно черпать и из справочников типа «Весь Петербург», разных адресных книг. Несравненную по своей полноте информацию о фамилиях хранят архивы документации народонаселения, материалы адресных столов, актов гражданского состояния.

Как мы уже говорили, словарей русских фамилий практически еще не существует. Однако отдельные попытки в этом направлении предпринимаются. В Америке вышла сравнительно небольшая пробная работа такого рода: M. Benson. Dictionary of Russian personal names. With a guide to stress and morphology. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1964. Этот словарь содержит около 23 тыс. избранных русских фамилий, снабженных ударениями, что весьма существенно. Выборка материала для данного словаря производилась из прозы XIX—XX вв., Большой Советской Энциклопедии и телефонной книги Москвы 1960 г. Любопытны критерии отбора: из телефонной книги брались все фамилии с русскими суффиксами *-ов*, *-ин*, все фамилии с другими русскими (и славянскими) суффиксами, вроде *-ович*, *-ский*, *-ко*, *-ик*, если они встречаются не менее двух раз, все прочие (исторически нерусские фамилии), если встречаются по крайней мере трижды. Естественно, в результате таких многократных ограничений материала, который сам по себе носит ограниченный и случайный характер (список квартирных абонентов московской городской телефонной сети), мы не могли ожидать сколько-нибудь полного словаря, а получили едва ли пятую часть реально существующего фонда русских фамилий и фамилий, бытующих в России. Собранный Бенсоном материал, конечно, полезен, и далее мы всякий раз при возможности пользуемся им, но определенная некритичность отбора вынуждает также сделать некоторые критические замечания. Явно по недосмотру попали в этот словарь вымышленные фамилии литературных персонажей *Вральман*, *Победоносиков*, которым место в особом словаре, но не среди реально существующих традиционных фамилий. Ударения подчас расставлялись совершенно произвольно, например *Ви́лльнев*, которое, видимо, по недосмотру принято за фамилию «с русским суффиксом *-ов/-ев*», тогда как перед нами не более как русская запись фран-

цузской фамилии *Villeneuve*. Столь же сомнительно, как мы думаем, место ударения в фамилии *Бардáдин*, проставленное под влиянием якобы равнооформленных *Бакýнин*, *Бакýлин*, *Бавы́кин*. На самом же деле в фамилии *Бардадин* представлена, так сказать, легкая адаптация на русской почве первоначально западной (возможно, белорусской) фамилии **Бардадын*, *Бардадым* (такой вариант нам реально известен), этимологически — из нарицательного слова, обозначавшего монаха-бернардинца. Есть видимые опечатки: например, на стр. 79 стоит *Малиовáнов* — явно вместо действительного *Малоивáнов*.

На этом мы ограничим свой краткий перечень источников фамилий. Кроме прямых источников вроде описанных выше, могут быть привлечены также источники косвенные, такие, например, как «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» в четырех томах И. Ф. Масанова (М., 1956). Немалый материал по антропонимии, фамилиям можно почерпнуть из многотомных списков населенных мест, выходивших в течение XIX в.

Выше нам приходилось упоминать вскользь об аспекте изучения фамилий в плане типологии как о чем-то новом. Мы, действительно, имеем в этом вопросе дело с неразработанным и даже совершенно еще не вскрытым должным образом материалом. Мы, наверное, не ошибемся, если скажем, что из современных исследователей русских фамилий этой проблематикой занимался один Кипарский, давший несколько небольших, но действительно интересных работ на оригинальном материале. Речь идет о серии его статей за последние годы, посвященных «голубиным» фамилиям в России [29]. Отмечая довольно широкое распространение фамилий с внутренней формой 'цвет/масть+часть тела' в немецкой, итальянской, латышской, финской, румынской, современной еврейской антропонимии, Кипарский констатирует, далее, что у западных славян таких фамилий очень мало, напротив, у русских они есть в большом количестве, причем большинство их восходит к названиям пород голубей, ср. такую черту культуры, как древнее развитие декоративного голубеводства в России. Таким образом автор характеризует русские фамилии вроде *Чернохвостов*, *Белоусов*, *Вишнепокромов*, *Белобров*, *Белогруд*, *Белокрылов*, *Черноглазов*, *Черношеин* и мн. др. Мы согласны с Кипарским, что не все перечисленные фамилии обязаны своим происхождением только названиям пород голубей. Но его наблюдения и широта охвата материала представляют ценность вне всякого сомнения. Вероятно, он был первым, кто поставил вопрос о возможности

---

[29] V. Kiparsky. Ein russischer Familiennamentyp. — «Festschrift für M. Vasmer zum 70. Geburtstag». Wiesbaden, 1956, стр. 230 сл.; Он же. Von Taubenrassen abgeleitete russische Familiennamen. — ZfslPh XXVI, 1957, стр. 151 сл.; Он же. Nochmals die von Taubenrassen abgeleiteten russischen Familiennamen. — ZfslPh XXVII, 1958, стр. 161 сл.

фамилии определенного типа на основе сопоставительных данных, ср. его предположение фамилии **Сухоголов(ов)* ввиду наличия фамилий вроде ит. *Testasecca*, лтш. *Sauszgall* в других языках, а также ввиду форм вроде *Сухобоков*, *Сухоносова* в русском. Ср. также название масти голубей *сухоголовый* 'с сухой (маленькой) головой'.

После сказанного мы можем обратиться непосредственно к типу русской фамилии в целом, с тем чтобы высказать некоторые более конкретные и вместе с тем более обобщенные замечания по типу и структуре русской фамилии в связи с изучением этого вопроса в литературе, а также в связи с действительным положением в русском и славянском антропонимическом материале.

К вопросу о типе русской фамилии обращался сравнительно недавно Унбегаун. В своем докладе на III Международном конгрессе по топонимии и антропонимии он рассматривает тип русской фамилии с точки зрения словообразовательно-морфологической структуры [30]. Основные мысли и целые выдержки из этого доклада должны представить для нас интерес: «Настоящее сообщение ставит перед собой цель дать ответ на следующий вопрос: по каким признакам можно опознать русскую фамилию? Другими словами: обладают ли русские фамилии морфологическим, формальным показателем, который был бы им присущ? Этот вопрос, который может показаться праздным в области французского, английского или немецкого, где фамилия в принципе не отличается от апеллатива, совершенно оправдан для русского. В самом деле, из всех славянских языков русский наиболее склонен к схематизации и систематизации. . .» (стр. 433). Автор, отмечая решительное преобладание в русских фамилиях двух морфологических типов — на *-ов/-ев* и *-ин*, продолжает: «Все, что находится за пределами этих двух больших групп, — это лишь исключения и пережитки: существительные без обоих упомянутых суффиксов, фамилии на *-ский*, различные падежные формы прилагательных и т. д. Само собой разумеется, что мы имеем в виду только подлинно русские фамилии, т. е. великорусские. Мы отвлекаемся при этом от фамилий нерусского происхождения, прижившихся в России, будь то украинские или белорусские фамилии» (Там же). Суффиксы *-ов* и *-ин* характеризуются как форманты прилагательных, принявшие патронимическую функцию, в связи с чем далее читаем: «Это возведение суффиксальных патронимик в ранг фамилий объединяет русских с другими славянами православного вероисповедания (болг. *Петров*, серб.

---

[30] B.-O. U n b e g a u n. Structure des noms de famille russes. — «IIe Congrès International de toponymie et d'anthroponymie (Bruxelles, 15—19 juillet 1949)», vol. II. Actes et mémoires. Louvain, 1951, стр. 433 сл.; ср.: J. St. C l a i r - S o b e l l, J. C a r l s e n. The structure of Russian surnames. — «Canadian Slavonic papers», vol. 4. Toronto—London, 1959, стр. 42 сл.

Петровић, укр. *Петренко*). Славяне-католики, наоборот, или сохранили в качестве фамилии крестное имя либо прозвище (чеш. *Beneš*, уменьшительное от *Бенедикт*, *Ryba*, собственно 'рыба'), или же обобщили другие суффиксальные типы, например тип на *-ski* в польском, дворянский по происхождению (*Orzechowski*='владелец поместья *Orzechów*')» (стр. 434). Далее следуют в общем полезные, но уже менее интересные для нас здесь наблюдения автора над эволюцией отношений отчества и фамилии, над более редкими фамилиями генитивного происхождения типа *Дурново* (фонетический вариант) и *Мертваго* (орфографический вариант), над областным типом *Черных*, при безраздельном господстве фамилий на *-ов*. Ничего нельзя возразить и против заключительной характеристики: « . . . огромное большинство или около того из числа русских фамилий — это прилагательные, но прилагательные, которые отличаются от обычных прилагательных либо обобщением суффикса, утратившего продуктивность во всех прочих сочетаниях. . ., либо одновременно — ударением и фонетической аномалией (*Мертваго*)» (стр. 436).

Выше мы уже говорили о неудобстве и неоправданности ригористической точки зрения, проводящей слишком острую грань между русскими фамилиями и фамилиями, прижившимися, бытующими в России. Мы полагаем, что практикой исследования это разграничение постепенно будет оставлено. Более серьезные возражения вызывает рисуемая Унбегауном картина в плане истории и относительной хронологии форм, как, впрочем, и типологической сущности их. Речь идет на этот раз уже о собственно русских, в понимании Унбегауна, образованиях, хотя ответ на вопрос об их характере и возрасте как типа дает инославянский материал. Унбегаун как будто склонен расценивать тип на *-ов* вместе с присущей ему характеристикой продуктивности как вторичный. Прочие типы или некоторые из них (см. выше) — это как бы избежавшие поглощения этим инновационным типом пережитки, реликты. Общность русского типа на патронимическое *-ов* (и под.) с болгарским, по мнению Унбегауна, имеет конфессиональную, т. е., видимо, вторичную природу. Попробуем обратиться к фактам южнославянской и западнославянской антропонимии.

Поскольку словообразовательная характеристика болгарских фамилий (гегемония типа на *-ов*, периферийное положение прочих типов) сильно напоминает вышеизложенную характеристику русских фамилий, сравнение будет не очень показательно ввиду близости сравниваемых величин. Гораздо многозначительнее выводы, которые можно почерпнуть из ситуации в сербохорватской антропонимии в силу большей разнородности последней. Дело в том, что в сербохорватских фамилиях с точки зрения их структуры по диалектам наблюдается примерно та же картина, что и в распространении различных языковых явлений, форм, лексем, насколько мы можем о нем судить по отдельным опытам лингви-

стической географии на материале сербохорватских диалектов: инновации — в центре штокавской территории, архаизмы — на ее периферии. Классическое соблюдение этого распределения и в структуре фамилий позволяет иначе взглянуть на историю и относительную хронологию типа *-ov*. Вот что пишет историк сербохорватского языка [31]: « . . . патронимическое *-ov* сейчас употребляется как архаизм в различных окраинных областях сербохорватского языкового пространства, в том числе в граничащей с Албанией Черногории. . .» В центре сербохорватской языковой территории гуще всего представлен патронимический суффикс *-ić*, что бесспорно говорит о его инновационной природе. По окраинам этот тип значительно менее продуктивен. В Воеводине, частях Черногории фамилии на *-ić* редки, на их месте выступают более или менее регулярно старые патронимические образования на *-ov* и *-in* (как в болгарском, русском и др.), ср. воеводинск. *Petrov*, *Tȍdorov*, *Žȉvānov*, *Pájin*, *Gájin* и др., черногорск. *Milov*, *Simov*, *Kovačev* — при собственно сербском, боснийском *Pètrović*, *Todórović*.

Кроме того, и в инновационном, типично сербохорватском оформлении фамилий *-ov-ić* носителем патронимической функции явилось не *-ić* (исконно деминутивный формант, а *-ov-*, как отмечал еще Маретич (см. выше).

Можно ли, далее, согласиться с тем, что зона преимущественного употребления и развития патронимического *-ov* находится в связи и даже в зависимости от зоны распространения восточного, православного христианства (восточнославянский, болгарский, собственно сербский)? В действительности все обстоит далеко не так, как можно понять из доклада Унбегауна. Тип фамилий на *-ov* известен католическим словенцам (*Matičetov* и др.). Яркие свидетельства в пользу древности патронимического *-ov* находим в западнославянском, так, в чешских фамилиях, где, кстати, очень много следов такого употребления *-ov*, при отсутствии какого бы то ни было намека на православие, этот тип фамилий носит черты отступающей, архаической категории: *Hanušek Gráfuov syn* (1431 г.), *Martin Pošíkův* (1676 г.), *Jan Martinův* (1676 г.), особенно часто среди современных фамилий населения юго-восточной Чехии — *Martinů*, *Vítů* и мн. др. Не менее распространены столь же старые чешские патронимические фамилии на *-in*: *Kubín*, *Hrabin*, *Višnin* [32]. Несколько реже выступают, впрочем, тоже совершенно несомненные примеры употребления фамилий и прозвищ на патронимическое *-ów* в Польше, особенно в южных горных окраинных районах [33]: *Maćków*, *Janów*,

[31] I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 296, ср. особенно стр. 438.

[32] Чешские примеры взяты из кн.: J. Beneš. O českých příjmeních, стр. 33, 34.

[33] J. St. Bystroń. Nazwiska polskie, стр. 10.

Klimów и др. Ясно, что мы имеем дело во всех этих случаях не с инновациями, а с очень старым обыкновением, архаизмом. Особенно яркое указание в этом смысле содержит материал украинской антропонимии. Для современных фамилий большей части Украины тип на *-ів* (*-ов*) мало характерен и редок, тогда как он хорошо известен, например, в Закарпатской Украине. Архаичность этого факта столь же вероятна, как и архаичность ряда других языковых особенностей этого окраинного района.

Таким образом, у нас нет ни малейших оснований ставить распространение патронимического *-ov-*, *-in-* в фамилиях в зависимость от распространения православия, больше того, мы не можем вообще считать патронимические собственные имена на *-ov-* новым типом славянских собственных имен. Фамилии с таким оформлением известны практически всем членам славянской семьи языков. Естественно, мы не беремся утверждать, что антропонимические образования на *-ov-* существовали как фамилии уже в праславянском. Но в своем новом качестве фамилий славянские патронимики на *-ov-* продолжают, в сущности, старый праславянский патронимический тип. Активизация его на одной части славянской территории и замирание на другой — это уже дальнейшие главы его истории. В таком случае мы никак не можем отнести вместе с Унбегауном случаи вроде *Мертваго* или *Дурново* якобы к пережиточным сравнительно с новым победоносным типом *-ов*. В свете сказанного и *Мертваго*, и *Дурново*, и им подобные занимают подобающее им довольно скромное место случаев (не столь уж древней) формализации регулярных морфологических образований от личных прозвищ *Дурной*, *Мертвой*. Здесь не имеет смысла говорить о соперничестве с патронимиками на *-ов*, обладающими солидным праславянским прошлым. Бессуффиксальные имена существительные в роли русских фамилий не могут не наводить на мысль об исключительно позднем их появлении в составе собственно русских фамилий.

В итоге мы получаем в корне иную картину хронологии и славянской типологии русских фамилий, чем та, которую рисует Унбегаун, с противоположным распределением черт инновации и реликтов. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и то, что целесообразно рассматривать как вторую жизнь фактического архаизма, в чем нас убеждает изучение русских фамилий, русской антропонимии, включая ее новейшие образования.

* * *

Из предыдущего логически следует, что, расширяя рамки изучаемого материала, перенося центр исследования из неоправданно ригористического плана русских фамилий в более емкий план фамилий России, мы должны будем подойти к проблеме

состава фамилий, не снимая и не преуменьшая ее сложности. Эта a priori бесспорная сложность состава фамилий России в соединении с неполнотой, несобранностью всего фонда этих фамилий дает достаточно ясное представление о трудностях, которые ждут здесь исследователя, и об актуальных направлениях работы. Перспективы изучения неразрывно связаны с методами работы. Как начальный этап работы — инвентаризация материала, так и конечная цель — этимология одинаково и постоянно зависят от учета моментов лингвистической географии, словообразования, а также общелингвистических и типологических моментов. Не последнее место в общем комплексе вопросов принадлежит филологии фамилий (ср. хотя бы проблему оценки разных вариантов написания фамилии, с выделением какографических вариантов).

Ниже мы коснемся некоторых из перечисленных здесь вопросов, с преимущественным вниманием к составу фамилий, причем всякий раз — в плане этимологических связей как основном для нашей работы.

Сохраняет свою актуальность, едва ли вполне оцениваемую в современной небогатой научной литературе по русским фамилиям, проблема сохранения исконно славянского апеллативного лексического фонда в русских фамилиях. Оправданием такого недостаточного внимания может послужить, наверное, внешняя парадоксальность сохранения древних лексем в составе такой поздней антропонимической категории, как фамилии. На самом деле именно фамилии с их генезисом из прозвищных производных, относительной нестесненностью развития и практически неограниченным фондом, сравнительно, например, с ограниченными численно и подверженными неизбежно жесткому отбору со стороны права и со стороны жизненной практики личными собственными именами (к тому же, в нашей антропонимии — почти всегда иноязычными), — именно фамилии естественно подходили для сохранения древних исконных апеллативных основ. Такие примеры особенно интересны, если удается выявить апеллативные основы, утраченные словарем русского языка. Правда, наличие в русской фамилии апеллативной основы, неизвестной из русской лексики, но сохраняемой в лексике (или даже только в антропонимии, ономастике) другого славянского языка, уже оставляет какое-то вероятие заимствования из этого славянского языка в русский. Иногда также имеется возможность на основании одной только русской фамилии при поддержке лишь некоторых аналогий из области антропонимии и апеллативной лексики реконструировать весьма старое по виду апеллативное образование, нигде из славянских языков нам пока не известное. Ниже, в этимологических этюдах, мы касаемся такого случая на примере фамилии *Шемякин* и некоторых близких. Здесь назовем еще два примера, каждый из которых обнаруживает свои отличия.

Первый пример — фамилия *Легоста́ев*, известная нам с таким ударением из словаря Бенсона (M. Benson. Указ. соч., стр. 74). Средствами лексики современного русского литературного или даже общенародного языка нельзя объяснить данную фамилию, которую мы производим от русского прозвища **Легостай*. Правда, диалекты еще помнят соответствующую апеллативную лексему: ср. вологодск. *легоста́й* 'ветреный, опрометчивый' (Даль² II, стр. 243). И если степень древности данного исходного апеллатива все еще неясна для нас из этого факта, особенно, если учесть отсутствие точного древнерусского или русско-церковнославянского соответствия в этом случае, то существенную помощь и перспективу дает чешский материал. Ср. чеш. *lhostejný* 'равнодушный, безразличный', а особенно др.-чеш. *lhostajný* 'изнеженный, разнузданный', слвц. *ľahostaj* 'воля', реконструируемое как праслав. **lьgostajь* (**lьgo-stajь*) 'беззаботность, беззаботное житье' [34]. Махек не знал русского соответствия, которое оставалось в тени. Фамилия *Легоста́ев* говорит в пользу древности слова *легоста́й* в согласии с прочими данными.

Второй пример — фамилии *Сезёмов*, *Сизёмов* (ударения см.: M. Benson. Указ. соч., стр. 112, 113), случай, особенно интересный как доказательство важности изучения фамилий в плане отражения в них плохо изученной или неизвестной старой, исконной лексики. Лексическая первооснова названных фамилий неизвестна нам из словаря современного русского языка и его диалектов. Можно полагать, что основа фамилий *Сезёмов/Сизёмов* в восприятии носителя русского языка сейчас не ассоциируется ни с каким специфически русским словом, скорее даже наоборот — может сойти за фамилию восточного происхождения ввиду созвучия со словом *сеза́м*, а также возможных других подобий. И, однако, в фамилиях, точнее — в фамилии *Сезёмов/Сизёмов* сохранилась патронимическая форма от древнего исконно славянского личного имени-сложения **se-zemъ* '(человек из) этой земли', ср. прежде всего такое важное соответствие в другом славянском языке, как чешские фамилии *Sezema*, *Sezima*. Именно с чешской фамилией (а не с русск.-цслав. *сеземьць* 'туземец', Срезн. III, стб. 324, XV—XVI вв., — как иначе оформленным в словообразовательном отношении) непосредственно сближает русскую фамилию такая древняя черта, как произведение от корня-основы **zem-*. Сведениями о сохранении в современной чешской апеллативной лексике продолжения праслав. **sezemъ* мы не располагаем.

Бесспорно, существуют и другие случаи консервации в фамилиях давно исчезнувших апеллативных основ и слов. Вполне возможно, что подобный пример представлен в такой старой фамилии, как *Невостру́ев* с ее удивительно разнообразными

---

[34] Machek, стр. 266.

вариантами *Невстру́ев*, *Неустрбев*, *Неустру́ев*, *Новостру́ев* (M. Benson. Указ. соч., стр. 89, 90), которые представляют сюжет, достойный специального исследования.

Огромность иноязычного компонента в русских фамилиях и вообще в фамилиях России насчитывает всевозможные ситуации, но в основном распадается на две разновидности: русские фамилии от предварительно заимствованных иноязычных апеллативов и иноязычные фамилии. Данная обширная проблема имеет также внешнелингвистическую и вместе с тем культурно-историческую сторону, причем опять-таки все в основном сводится к двум возможностям: фамилии русских людей, образованные от иноязычных апеллативов, имен и прозвищ, resp. вторично включенные в состав фамилий России готовые иноязычные фамилии лиц нерусского происхождения. Понятно, что здесь возможны сложные, исторически обусловленные ситуации и в том и в другом случае, перед однозначной идентификацией вырастают иногда при этом непреодолимые трудности, особенно для отдаленных эпох. Еще Морошкин ссылается в связи с этим на мнение Срезневского: «Чужеязычность имен собственных еще не свидетельствует о чужеродстве тех, которые их носят» [35]. Ср. аналогичное суждение Тупикова и Карновича, которые указывают на то, что очень часто под личными именами и фамилиями иноязычного, татарского происхождения скрываются не выходцы из орды, а вполне русские люди. Это следует иметь также в виду и при чтении наших нижеследующих этимологических заметок. Тем, кто знаком с проблематикой чешских фамилий, известно, какой значительный процент составляют среди них чисто немецкие по виду фамилии, однако носители их в значительной массе — чехи, носящие фамильные имена иноязычного происхождения (ср. выше об этом у Бенеша).

С аналогичной ситуацией мы столкнемся в нашей Прибалтике, где среди фамилий полностью литовского населения много польских фамилий, среди латышских и эстонских фамилий немало фамилий немецкого происхождения. Помимо этих классических примеров, когда значительную роль играют социально-исторические моменты, существует множество случаев, когда закрепление иноязычного прозвища, иностранной фамилии имеет очень индивидуальную мотивировку.

Но, разумеется, очень часто иноязычная по происхождению фамилия безошибочно указывает на нерусское происхождение ее носителя. Чтобы несколько разобраться в этом море материала, нужно выделить некоторые наиболее важные иноязычные компоненты в составе фамилий России, лишь вкратце, помимо этимологии, описывая также историко-лингвистическую специфику таких компонентов, отчасти их динамику.

---

[35] М. Морошкин. Славянский именослов. . ., стр. 105.

Несколько слов должно быть сказано об инославянских фамилиях в составе русской антропонимии. Из прочих славянских элементов в русских фамилиях наиболее заметным количественно с довольно раннего времени следует признать польский, идентифицируемый более или менее легко (*Пржевальский*, *Циолковский*, *Врубель* и др.). Русские фамилии постоянно питались также за счет притока фамилий украинского и белорусского происхождения, что также само по себе хорошо известно, хотя критерии идентификации украинских фамилий (или нередко тождественных им по типу южновеликорусских областных фамилий) лучше отработаны на практике, чем способы идентификации белорусских включений в фамилии России (ср. *Плешевеня*, *Кривченя*, *Гастелло*, анализируемая ниже фамилия *Подцероб*). Особую проблему, правда, опирающуюся пока на небольшой материал, образуют наши фамилии сербского происхождения. Слабо исследована, по-видимому, и социально-историческая сторона этого проникновения в антропонимию России фамилий и прозвищ сербов — в основном, вероятно, за счет населения, вышедшего из Сербии с XVIII в. и основавшего сербские военные поселения на Юге России. Как бы то ни было, для ряда наших фамилий может быть указана довольно вероятная сербская этимология: *Вучетич* < серб. *Вучетић*, патронимическое образование от апеллатива/прозвища *вуче* 'волчонок'; *Гурко* — первоначальная гипокористика, сокращенное образование от личного собственного имени, ср. упоминаемый в ПСРЛ (т. XII) под 6933 (1425) г. *Гурко*, деспот сербский, также *Гуркъ*, *Гургъ* (< греч. Γεώργιος); возможно, также *Лазо* — гипокористика от личного имени *Лазар*.

Чрезвычайно важна такая все еще не получившая должной разработки проблема русской антропонимии, как фамилии тюркского происхождения. В наших этимологических этюдах, помещенных в заключительной части этой статьи, уделено посильное внимание разным случаям из этой сферы. Ср. ниже о фамилиях *Аракчеев*, *Бегичев*, *Деникин*, *Коллонтай*, *Коротаев*, *Куинджи*, *Шахматов*. Как увидим, этимологический анализ одних только этих немногочисленных примеров показывает многообразие тюркского слоя в фамилиях России. Обследованные примеры обнаруживают разную степень словообразовательной и этимологической прозрачности, некоторые из них обладают оригинальной географией.

По-своему сложилась судьба немецких фамилий в России. В XVIII и XIX в. их было значительное количество, тем более заметное, что это были в основном имена должностных лиц, дворянства. Немецких фамилий (не делая различий между отдельными частями Германии) было у нас, по-видимому, всегда больше, чем всех прочих германских, а также французских, во всяком случае до Великой Французской революции. До XVIII в. и еще в течение XVIII в. немецкие фамилии часто подвергались стихий-

ной русификации, изменяясь при этом до неузнаваемости (кстати, например, то же самое происходило с немецкими фамилиями и во Франции до революции XVIII в., когда первенствующую роль получила более строгая письменная фиксация иноязычной фамилии, а не прежняя приблизительная передача ее звукового облика). В этом пункте наблюдается любопытное различие трактовки в России немецких и тюркских (татарских) фамилий и имен с преимущественной сохранностью формы именно у последних. Возвращаясь к фамилиям немецкого происхождения, отметим, что в XX в., к нашему времени, их число у нас резко сократилось. И если в современных источниках фамилий России мы встретим немало внешне немецких по форме и структуре фамилий, то это будут в подавляющем большинстве еврейские фамилии, что значительно затрудняет правильную идентификацию современных немецких фамилий у нас. К особо трудным случаям относятся примеры омонимии чисто немецкой фамилии и лишь созвучной ей фамилии, сложившейся в практике языка идиш. Так, необходимо различать фамилию *Блок* I — из чисто немецкой фамилии *Block* и фамилию *Блок* II, с вариантом *Блох*, весьма распространенную в разных странах и представляющую собой видоизменение собственно польского слова *Wloch*, в данном случае — как обозначение еврея, выходца из романских стран, ср. сюда же фамилию *Валлах*, а также фамилии евреев во Франции и Германии *Bloch*, *Bloc*, *Block*, отмечаемые с XVII в.[36]

То, что мы после фамилий немецкого происхождения переходим к фамилиям еврейского происхождения в России, вполне естественно, так как новоеврейская антропонимия строится в немалой части из генетически немецких элементов. Сложность состоит в своеобразии использования этих элементов, в тесном их переплетении с элементами древнееврейского и арамейского происхождения, наконец, в самой истории формирования, существования и преобразования еврейских фамилий. Все это почти не исследованные и даже нередко почти неизвестные у нас проблемы, кстати, весьма важные для более полного и реального знания современной антропонимии России. Понятно, что затронуть их здесь мы сможем лишь отчасти, поскольку тема настоящей статьи шире. Мы вынуждены даже опустить здесь обзор небезынтересной литературы по еврейским фамилиям разных стран. Правда, имеющие сюда отношение работы П. Леви, Роблена, Кеслера,Ноймана, Цунца, Клейна, Адлера, Мизеса и других всякий раз, когда это требуется, цитируются нами ниже. Надо сказать, что это исключительно оригинальный и интересный материал со своими особыми типами (географический тип фамилий, фамилии-эпитеты, фамилии-аббревиатуры, фамилии от имен),

---

[36] P. Lévy. Les noms des israélites en France. Histoire et dictionnaire. Paris, 1960, стр. 18, 110.

со своей сложной диалектной спецификой. Здесь также много еще этимологически неясного. Вот несколько примеров географического типа еврейских фамилий.

Лифшиц/Лившиц/Липшиц/Liebschütz и др., обычно объясняется как образование от местного названия *Leobschütz* (Верхняя Силезия) [37] или сходного названия населенного пункта в Чехии [38]. Славянскими суффиксами оформлены принадлежащие также к названному географическому типу фамилии *Булáхов/Булахóвский* (ударение см.: М. Benson. Указ. соч., стр. 29) — от немецкого местного названия *Bullach*, в Баварии. Распространенная фамилия *Ашкенáзи* с вариантами *Ашкинáзи*, *Аскнáзий* (M. Benson. Указ. соч., стр. 19), ср. также формы *Askinazi*, *Askenazy*, *Aschkenasy*, *Aszkenasy*, *Eskenazi* и др. в различных странах Европы, происходит, как известно, от др.-евр. *Aškenaz*, имя внука Иафета, в древней традиции обозначавшее скифов или саков (К. Быт.), в средневековье по созвучию перенесенное на саксонцев, затем — на немцев, т. е. 'еврей немецкого происхождения', ср. название целой восточноевропейской группировки евреев *Aškenazim*, а также такие еврейские фамилии, как *Allemand*, *Deutsch*, *Tedesco* [39].

Ниже, в наших этимологических этюдах, приводится еще несколько новых примеров географического типа фамилий еврейского происхождения, кстати говоря, очень многочисленного разряда этих фамилий.

Другой разряд еврейских фамилий образуют своеобразные фамилии-эпитеты, образованные подчас от разных декоративных апеллативов [40]. Так, фамилия *Адмони* представляет собой абсолютно употребленный апеллатив др.-евр. אַדְמֹנִי *admonī* прил. 'красный, румяный, рыжеволосый', сюда же вариант *Антимони*, а также случаи семантических соответствий, выраженных средствами языка идиш — *Ройтбарт*, *Ройтман*, наконец, средствами русского языка — *Краснобородов*. Фамилия *Жи́вов* (так см. M. Benson. Указ. соч., стр. 50. — Нам известно ударение *Живóв*), вполне русская по форме и корню, может, однако, быть одним из многочисленных случаев семантического калькирования др.-евр. חיים 'жизнь', ср., с одной стороны, *Хаимович*, *Хаимсон*, *Haim*, *Heim*, с другой стороны, тоже кальки *Vivant*, *Vital*, *Vidal*, *Gutleben* —

---

[37] P. Lévy. Указ. соч., стр. 161; M. Roblin. Quelques remarques sur les noms de famille des Juifs en Europe Orientale. — RIO II, № 4, 1950, стр. 292.

[38] M. Mieses. Die jiddische Sprache. Eine historische Grammatik des Idioms der integralen Juden Ost- und Mitteleuropas. Berlin—Wien, 1924, стр. 315.

[39] P. Lévy. Указ. соч., стр. 103; M. Roblin. Les noms de famille des Juifs d'origine ibérique. — RIO III, 1951, стр. 65, 70.

[40] F.-J. Heitz. Attribution des noms aux Juifs en Alsace au moment de la Révolution. — RIO VI, № 4, 1954, стр. 299—300.

на романской, немецкой почве [41]. К фамилиям-эпитетам еврейско-немецкого происхождения принадлежат *Зискинд*, *Süsskind*, букв. 'сладостное дитя', *Залкинд*, *Salkind* (с 1372 г.), соответственно к нем. *selig* 'блаженный' и *Kind* [42].

Оригинальный тип среди фамилий еврейского происхождения составляют фамилии-аббревиатуры, причем некоторые из них весьма распространены, как, например, *Кац*, *Katz*, не имеющее ничего общего с названием кошки, но образованное из начальных букв ритуального титула др.-евр. כֹּהֵן צֶדֶק *kohen cedek* 'жрец-праведник' > כ״ץ *kac*, ср. также *Сегал* (с вариантами) в наших этимологических этюдах и другие подобные акронимы [43].

Многие еврейские фамилии представляют собой образования от личных имен, начиная от чистого абсолютного употребления имени как фамилии и кончая разными деминутивами от имен. Ср. *Орлик* (и, возможно, *Горелик*) < *Арон*; *Носик*, *Nossek* < *Nathan* [44] (в последнем примере отражено новоеврейское произношение звука ת [=др.-евр. *th* 'тав'] как *s*); *Иссерлин*, *Isserlein* — производное от *Isser*, *Isserl*, немецкой формы древнееврейского имени *Israel* [45].

Значительное количество еврейских фамилий образовано от названий занятий — как традиционных профессий, так и культовых функций. Таковы *Ка́ган*, *Кага́нов*, *Каганóвич*, *Кóган*, *Кóганов*, *Коганóвский*, *Кóген* (варианты и ударения см.: М. Benson. Указ. соч., стр. 57, 63), во Франции, Германии и т. д. — *Cahen*, *Caen*, *Cahn*, *Kah(a)n* (встречается с XV в.) < др.-евр. *kohen* 'жрец, священнослужитель, иерей' [46]. *Хальфан*, а также оформленное в духе языка идиш *Халифман* толкуется двояко: как арамейское слово со значением 'халиф' [47] и как др.-евр. *chalfon* 'меняла', ср. его семантический эквивалент — тоже в роли фамилии — евр.-нем. *Wechsler* [48]. *Леви*, *Левин* (хотя, разумеется, не все вообще примеры такой фамилии), *Левит*, *Левитин*, *Левитан*, в Западной Европе — *Lewy*, *Lévi*, *Lévy*, *Lévite* и др., в том числе

---

[41] Ср.: Dr. Z u n z. Namen der Juden. Eine geschichtliche Untersuchung. Leipzig, 1837, стр. 86; A. D a u z a t. Указ. соч., стр. 598; P. L é v y. Указ. соч., стр. 143, 201.

[42] Dr. Z u n z. Указ. соч., стр. 51, 68, 69.

[43] S. B i r n b a u m. Praktische Grammatik der jiddischen Sprache für den Selbstunterricht. Wien und Leipzig, [1915], стр. 176; J. H. N e u m a n n. Some acronymic surnames. — RIO XVII, № 4, 1965, стр. 268; A. D a u z a t. Указ. соч., стр. 350.

[44] G. K e s s l e r. Die Familiennamen der Juden in Deutschland. Leipzig, 1935, стр. 22, 23.

[45] Dr. Z u n z. Указ. соч., стр. 92; P. L é v y. Указ. соч., стр. 150.

[46] A. D a u z a t. Указ. соч., стр. 78; M. R o b l i n. — RIO II, № 4, 1950, стр. 291 сл.; О н ж е.— RIO III, 1951, стр. 72; P. L é v y. Указ. соч., стр. 115.

[47] A. D a u z a t. Указ. соч., стр. 319.

[48] P. L é v y. Указ. соч., стр. 40, 144.

с артиклем — *Галеви*, *Halévy*, — из др.-евр. *levi*, *hal-levi* 'священнослужитель' [49]. *Перец*, *Перетц*, *Perets*, широко распространенные среди восточноевропейских евреев, связаны с библейским названием обрезания, тогда как среди марранов — сефарадских (испанских) евреев, подвергавшихся христианизации, распространена созвучная, но особая фамилия *Perez* испанского происхождения, от *Pero / Pedro*, патронимическая по генезису, ср. *Lopez*, *Rodriguez* и др.[50] Под фамилией *Викторов* (по крайней мере в части случаев), особенно под таким характерным вариантом, как *Вигдоров*, скрывается, как о том свидетельствует еврейская фамилия *Avigdor*, *Abigdor* (известно с XIII—XIV вв.), производное от порт. *ouvigdor* 'судья' [51]. Вообще фамилии еврейского происхождения — прекрасный материал, подтверждающий сложность контаминаций и вторичных ассоциаций и уподоблений в фамилиях, разных по генезису. Например, не следует смешивать английскую фамилию *Бернс*, *Burnes* и вполне еврейскую фамилию *Бернéс / Барнéс*, *Bar-Nés* (с арамейским *bar*), букв. 'сын чуда' [52].

Примеры подкупающей внешней прозрачности должны настораживать этимолога в фамилиях больше, чем где-либо. Так, автор довольно удачной популярной книжки «Ты и твое имя» [53] обращает внимание читателя на фамилию-курьез *Конфисахар*, которую в Ленинграде носил к тому же работник кондитерского производства. Автор, искренне не претендуя на научную достоверность, допускает здесь связь с конфетами и сахаром (ср. фамилии *Сахар*, *Сахаров*), предполагая, что это — западная по образованию фамилия. Но тогда мы ожидали бы наличия основы *цукер-* (ср. *Цукерман*) как более вероятного географически и лингвистически. Некоторые другие обстоятельства, необычные моменты формы делают для нас мысль Успенского сомнительной. В форме *Конфисахар* скорее представлен сильно затемненный, какографический вариант польского слова *konwisarz*, *konwisar* — устаревшее название ремесленника, отливающего из металла посуду. Последнее слово восходит к ср.-в.-нем. *kanngieȥer* 'тот, кто отливает вещи, посуду из олова' [54]. Еврейско-немецкое *Канегиссер*, как отмечает и Успенский в указанном месте (у Успенского значение исходного немецкого слова дано неточно, см. стр. 585 его книги), тоже фигурирует как фамилия (семантически ср. также еврейскую фамилию-кальку *Оловянников*). Аналогичного в конечном счете происхождения и дублетное (к *Канегиссер*)

---

[49] M. Roblin. — RIO II, № 4, 1950, стр. 291 сл.; A. Dauzat. Указ. соч., стр. 388, 389; P. Lévy. Указ. соч., s. vv.

[50] M. Roblin. — RIO III, 1951, стр. 72.

[51] P. Lévy. Указ. соч., стр. 42, 99.

[52] P. Klein. Les changements de noms en Israël. — RIO III, № 4, 1951, стр. 306.

[53] Л. Успенский. Ты и твое имя, стр. 593—594.

[54] Sławski II, стр. 444—445.

Конфисахар < **Конвисар*, с той разницей, что последнее восходит прямо к польской форме. Конечно, неясные моменты до конца устранить не удается. Может быть, на форму *Конфисахар* повлияло древнее личное собственное имя *Isachar*.

Заканчивая свои беглые заметки о составе фамилий России, мы можем еще указать на такие бесспорно реальные (хотя и немногочисленные) ранние включения в их число, как различные фамилии балтийского, прежде всего литовского, происхождения. Можно сказать, что это еще совершенно не исследованный вопрос в русской антропонимии. Как мы заметили выше, вопрос о формах балтийского (литовского) влияния, например, на белорусскую антропонимию также еще не изучен должным образом, хотя там оно гораздо более стойкое и регулярное. Но и среди русских фамилий можно собрать, по-видимому, интересный материал. Вероятно, удалось бы вскрыть и отражение некоторых регулярных категорий литовской антропонимии. Например, литовскими в своей основе являются, на наш взгляд, такие старые русские фамилии, как *Воейков*, др.-русск. *Воейковъ*: 1) Дмитрий Ефимович В., стряпчий, упомянут в летописи под 7121 (=1613) г.; 2) В., воевода. В 7142 (=1634) г. идет на Литву под Себеж (см. «Указатель к осьми томам ПСРЛ, изданных Археогр. комиссиею», вып. 2. СПб., 1869, стр. 171). Ср. особенно древнерусскую фамилию *Борѣйковъ*, Василий, наместник Смоленский. 6903 (=1395) г. («Указатель к осьми томам ПСРЛ. . .», т. 1. СПб., стр. 68), а также литовские апеллативы и фамилии типа *mušeika* 'драчун, -ья'. В связи с вопросом о литовских фамилиях в составе фамилий России небезынтересен индивидуальный писательский прием Достоевского, наделявшего иногда своих литературных персонажей фамилиями явно литовского происхождения, хотя и обыгранными подчас в духе вторичных ассоциаций: *Свидригайлов*, *Голядкин*.

Прочие фамилии — такие, как финноугорские (например, карельские вроде *Вахрушев*), кавказские, среднеазиатские — мы рассматриваем как маргинальные в составе фамилий России в силу явной их лингвистической и узуальной экзотичности. Здесь они не рассматриваются, а в будущем вопрос об их включении в исследование о фамилиях России должен решаться, по-видимому, только индивидуально.

Помимо проблемы состава фамилий России, отдельными наблюдениями и примерами здесь могут быть дополнены такие важные аспекты фамилий, как межславянская лингвистическая география (в соединении с моментами относительной хронологии) и типологический аспект.

Для более перспективного проведения исследований фамилий России, особенно собственно русского их ядра, исследований, в частности, направленных на выяснение типа этих последних, необходимо принципиальное расширение рамок исследования как в географическом, компаративном, так и в типологическом

плане. От расширения аспекта неизбежно должна измениться и оценка в принципе уже известного материала, не говоря о вскрытии новых, ранее неизвестных связей и отношений. Ограниченно русистский подход к материалу русских фамилий должен в интересах более глубокого познания русского материала уступить место межславянскому лингвогеографическому аспекту. Так, например, Селищев судит об именах на *-хно* как преимущественно новгородских [55]. Однако дальнейшие разыскания выявили, во-первых, что некоторых достоверно документированных в других частях древнерусской языковой территории форм в Новгороде как раз не знали; так, там не отмечена по известным источникам форма на *-хно* от *Юрий* — *Юхно*. Во-вторых, было найдено, что имена на *-хно* особенно употребительны в Новгороде лишь в XVI в., тогда как, например, в Южной Руси они отмечаются с XII в.[56] Ср. ст.-укр. *Махно*, *Пихно*, *Пахно* [57]. Широко представлены с раннего времени такие производные уже в роли фамилий на западнославянской территории, ср. чеш. *Jachno*, польск. *Blachno*, *Czachno*, *Juchno* (1508 г., от христианского личного имени *Jerzy*) [58]. В южнославянских языках имена (не говоря о фамилиях) с таким суффиксом представлены, в отличие от западнославянских, минимально, тогда как география восточнославянских имен и фамилий на *-хно* указывает на зависимость в ряде случаев от западнославянских прототипов (ср. такие факты, как возрастание численности именно на юго-западе восточнославянской территории, конкретное совпадение примеров *Juchno*= *Юхно*).

Для суждений о типе русской фамилии полезно отвлечься от генетически обусловленной базы славянского языкового материала и внимательно сличить известные русские фамилии с точки зрения их структуры, а также их производного характера, их становления с фамилиями других стран Европы, удовлетворительно отраженными в уже упоминавшихся выше источниках.

Любопытно в связи с этим провести типологическое сравнение условий возникновения русских фамилий, с одной стороны, и французских, немецких фамилий — с другой стороны. Для русских фамилий характерно прохождение следующих основных исторических стадий возникновения: 1) прозвище → 2) прозвищное отчество → 3) фамилия. В то же время аналогичная эволюция

---

[55] А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ, стр. 143.

[56] A. Bæcklund. Personal names in medieval Velikij Novgorod, I. Common names, стр. 77—78.

[57] В. Сімович. Історичний розвиток українських (здрібнілих та згрубілих) чоловічих хресних імен із окремішньою увагою на завмерлі суфікси. — «Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929», sv. II. Přednášky. Praha, 1932, стр. 698.

[58] J. Beneš. O českých příjmeních, стр. 93.

немецких, французских фамилий была проще и короче: 1) прозвище → 2) фамилия. Эти достаточно хорошо известные черты развития прямо связаны с тем обстоятельством, что на западе фамилиеобразование в целом прошло несколько раньше.

Несмотря на пополнение новыми типами, русские фамилии в значительной части — патронимические образования по своему генезису. Для Франции и Германии, например, характерно, напротив, употребление в широких масштабах в функции фамилий того, что Доза называет noms d'origine, т. е. фамилии, данные по месту происхождения или владению, как последствие феодального периода. Среди русских фамилий констатируем практически полное отсутствие этого типа, кроме относительно позднего и не очень значительного слоя дворянских (как правило двойных в этом случае) фамилий, как на это обращает не один раз внимание Карнович в уже цитировавшейся выше работе. С этим связано отсутствие в русских фамилиях многих семантических моделей, столь обычных для фамилий Западной Европы вроде нем. *Kaltenbrunner*, англ. *Coldwell*, венг. *Hidegkúti*, франц. *Frègefont*, собственно 'родом из местности с холодным источником / по имени Холодный источник'. Как мы уже и раньше отмечали, характерность именно этого признака для еврейских фамилий проступает как четкий отличительный признак на фоне собственно русских фамилий России.

Было бы ошибкой думать, что полезность типологических сравнений русских и западноевропейских фамилий сводится только к заключениям отрицательного характера, выявляющим одни несходства и различия. Некоторые новые конкретные наблюдения типологического характера, приводимые ниже, позволяют выделить также любопытные сходства эволюции и оформления в ряде однородных русских фамилий либо дают возможность на многочисленных разноязычных аналогиях лучше понять семантическую первооснову отдельных случаев среди русских фамилий.

Первый пример такого рода — русские фамилии типа *Черноиванов*, их природа и аналогии. Относительно образования этой фамилии споров быть не может: она произошла из прозвищного отчества *Черноиванов* 'сын Черного Ивана' от прозвища *Черный Иван*. Вместе с тем именно прозрачность структуры и генезиса данной фамилии делают ее очень удобной для того, чтобы, начав с нее, перейти затем к другим, построенным по тому же принципу, но уже гораздо менее ясным, скорее даже темным этимологически русским фамилиям, из которых отдельные вряд ли были раньше объектом этимологизации. Мотивы поисков в этом направлении были бы неполными, если бы мы не упомянули об одном заметном явлении в европейском фамилиеобразовании, об одном типе фамилий, представленном в немецкой, французской антропонимии, а также наличествующем и в русских фамилиях. Речь идет о немецких фамилиях *Polterian*, *Guderian*, *Gudrian*, *Guderjahn*,

Rodrian, *Groterian*, которые представляют собой генетически прозвища-сложения 'шумный, добрый, красный, большой и т. д. Иоханн'. Ср. нижненемецкие прозвища *der swarte Jan*, *der witte Jan* 'черный, белый Ян / Иоханн', т. е. — с трансформацией в русскую фамилию или фамильное прозвище — *Черноиванов*, *Белоиванов* (см. ниже). Немецкий материал на эту тему можно почерпнуть из известного этимологического словаря немецких фамилий Брехенмахера. Исследователь чешских фамилий Бенеш оставляет без внимания тип 'adiectivum+Jan' в чешском и его интересные немецкие и прочие параллели, только вскользь упоминая, вслед за Шмилауэром, о происхождении фамилии *Hopjan* < *Hoppe Jan*. Из числа немецких включений в чешскую антропонимию может быть здесь упомянута известная фамилия *Flajšhans*, собственно, чешская запись немецкого *Fleisch-hans* 'мясной Ганс', первоначальное прозвище. В сложениях такого рода не всегда фигурирует *Jan*, *Hans*, и поэтому наряду с *Junghans* мы находим фамилию *Jungandreas* 'молодой Андрей'. Однако такие сложные фамилии на *Jan*, *Hans* решительно преобладают, и именно они образуют особый тип фамилий, причем не только в немецкой антропонимии. И во Франции, хотя и в меньшей степени, притом не повсюду, мы найдем фамилии *Bonjean*, *Mangeonjean* и некоторые другие типа 'определение+Jean'. Но и здесь слиянию с определениями подвергались наиболее употребительные имена, вместе с тем наиболее нуждавшиеся в дифференциации.

Переходя к русским фамилиям, мы вправе уже заранее допускать вероятность существования среди них такого типа. Помимо уже называвшейся фамилии *Черноиванов* и другой, не менее ясной фамилии такого рода — *Малоиванов*, мы можем указать еще несколько дальнейших, в конечном счете однородных примеров. Их затемненность со стороны формы, возможно, свидетельствует о немалом возрасте этих образований. Во всяком случае констатируемая при этимологической идентификации нерегулярность формы интересна для исследования. Дело в том, что полученная нами выше, так сказать, косвенным путем русская фамилия **Белоиванов* в действительности нам из доступных материалов пока неизвестна, тем не менее о существовании именно такой формы и сложения говорит засвидетельствованная фамилия *Белова́нов* (M. Benson. Указ. соч., стр. 23), этимологизируемая нами, следовательно, как *Бело-иванов*. Это не единственный случай. По такому же типу построены и ту же эволюцию формы проделали фамилии *Косова́нов* (M. Benson, стр. 67) < **Косо-иванов*, *Торгова́нов* (M. Benson, стр. 124) < **Торго-иванов*, далее, возможно, *Молдова́нов* (M. Benson, стр. 85) < **Молодо-иванов* (с синкопой гласного в среднем слоге *молодо-*; впрочем, вероятность этого случая снижается из-за наличия другой возможности толкования), наконец, *Чайва́нов* (M. Benson, стр. 135) < **Чей-иванов*.

Второй пример имеет свои отличия, так как речь идет об одном случае в русских фамилиях, а не о целом ряде или типе, как это было в только что разобранном примере. При всем том только обращение к материалу разных национальных антропонимий Европы, вскрывающее всякий раз семантически очень близкие случаи, приводит к правильному пониманию русского образования, которое в противном случае остается случайностью, курьезом. Мы имеем в виду русскую фамилию *Водопья́нов* или, скорее, ее основу. То, что это старый антропоним, документировано летописным именем-прозвищем *Водопьянъ*, атаман казацкий, под 7070 (=1562) г. («Указатель к Никоновской летописи», стр. 33 =ПСРЛ, т. XIV, 2-я пол. Пг., 1918). Типологический фон к русскому *Водопьян / Водопьянов*, особенно в плане семантики, образуют нем. *Trinkwasser*, фамилия, согласно Брехенмахеру, первоначально — прозвище непьющего человека, трезвенника, далее — ит. *Bevilaqua*, англ. *Drinkwater*, французские фамилии во всем их множестве диалектных и графических вариантов *Boileau*, *Boilleau*, собственно, *bois l'eau* 'пей воду' (засвидетельствовано с XIII в.), *Boilève*, *Boislève* (архаическая и областная форма), *Boulaygue* (диал., южн.). Доза, который приводит в своем этимологическом словаре фамилий Франции все эти формы, толкует их, правда, в противоположность Брехенмахеру, как ироническое прозвище пьяницы, выраженное антифразой: 'пей воду'. Сербохорватская антропонимия, согласно Маретичу, знает фамилию *Vodopija*, *Vodopić* (< *Vodopijić*), построенную по такому же принципу, как и предыдущие. Мы сознательно не выделяем здесь славянский материал из общего числа, видя в русской и сербохорватской близости не более как свободную типологическую параллель, не обязательно возводимую к общей праславянской форме. В целом широкое сравнение привело нас в примере с фамилией *Водопьянов* к несколько широкой семантической интерпретации ('трезвенник', 'пьяница'), однако это дает материал для дальнейших поисков. Едва ли можно в любом случае судить о генезисе русских антропонимов *Водопьян / Водопьянов*, не принимая во внимание эти европейские параллели.

* * *

В виде последнего раздела этой статьи мы предлагаем ряд проб этимологизации различных фамилий России. Нижеследующие заметки хотя и расположены в алфавитном порядке, не имеют претензии считаться статьями будущего этимологического словаря фамилий или даже пробными словарными статьями такого словаря. Это объясняет и извиняет более развернутый стиль и некоторую свободу от требований экономии, обычных для словарной статьи. Что касается этимологизируемого материала, то перед нами фамилии не только разные по происхождению, но и по эти-

мологической сложности. Это отразилось также и на объеме наших заметок.

Алтухо́в, Альтухо́в. Данная фамилия представляет собой гиперкорректный вариант, ср. более первоначальную форму *Автухов* (см. «Московская городская телефонная сеть. Список абонентов, ч. II. Квартирные телефоны. 1954», стр. 109). В основе этой фамилии лежит христианское календарное имя *Евти́хий* (греч. Εὐτύχιος), однако не сама эта книжная форма, а народно-разговорный вариант весьма раннего возраста, и преимущественно южнорусского, украинского распространения, ср. укр. *Явту́х* (С. П. Левченко, Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська. Словник власних імен людей, 2 вид. Київ, 1961, стр. 37). Ср. также украинскую фамилию *Явтухов* (Ю. К. Редько. Географія основних типів українських прізвищ. — «Питання ономастики». Київ, 1965, стр. 82). Форма *Автухов* может быть объяснена непосредственно только из *Явтухов*, с утратой йотации в последней форме в условиях сандхи (т. е. практически в тех же условиях, в которых обычно в более раннее время йотация возникала). Возвращаясь к заглавным нашим формам *Алтухов* / *Альтухов*, мы объясняем их как гиперкорректное (как уже было сказано) произношение первоначального *Автухов* в условиях украинского языкового окружения, во всяком случае — в южновеликорусской полосе, где, во-первых, четко могло сознаваться взаимодействие украинско-русских соответствий в закрытом слоге вроде *вовк* — *волк* и, во-вторых, могли действовать вызванные теми или иными мотивами тенденции гиперкорректного восстановления «русского» *л* на месте украинского *в* даже там, где это оказывалось неверным исторически, как, например, в *Алтухов* < *Автухов*. Ср. *Алпатов*: *Евпат*. Вариант *Альтухов* (с мягкостью *л*) несет на себе как бы последний штрих эволюции, закончившейся полной деэтимологизацией образования. Таким образом, фамилия *Алтухов*, *Альтухов* определяется как южновеликорусская по преимуществу.

Аракче́ев, сюда же *Ракче́ев* (M. Benson. Указ. соч., стр. 18, 104). Фамилия образована с известным среди русских фамилий патронимическим суффиксом от тюркского имени деятеля *аракычы* 'кто пьет водку, пьяница' (телеутск., алт., тат. См. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I. СПб., 1893, стб. 250).

Бе́гичев (M. Benson. Указ. соч., стр. 23), др.-русск. *Бѣгичевъ*, Михайло, московский дьяк, 1608 г. (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен, стр. 552), *Бегичевъ*, 1609 г. («Указатель к осьми томам ПСРЛ. . .», т. I, стр. 49). Ср., далее, *Бегичь*, *Бигичь*, имя князя ордынского и посла ордынского, неоднократно в летописи, 1378, 1379, 1445 гг. («Указатель. . .», т. I, стр. 49), *Бегичка*, *Бигичка*, князь ордынский, 1378 г. (Там же), как личное имя русского человека ср. *Бѣгичко Трофимовъ*, белевский казак, 1605 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 131). В конечном счете восходит к распространенному тюрк.

бäг ʽбег, чиновник' (В. В. Радлов. Опыт словаря, т. IV. СПб., 1911, стб. 1580).

Ги́лельс (M. Benson. Указ. соч., стр. 37) — фамилия еврейского происхождения с новоеврейским (генетически — германским) словооформлением: генитивно-посессивное *-s* (ср. *Михоэлс* и под.). Произведена от древнего библейского имени *Hillel* (см. о последнем: Dr. Zunz. Namen der Juden. Leipzig, 1837, стр. 23), ср. др.-евр. הִלֵּל *hillel* ʽхвалить' (В. Гезениус. Еврейская грамматика. СПб., 1874: Глоссарий, стр. 248). Любопытно выступление в новое время синонимичного, т. е. тоже патронимического, образования, но осуществленного не средствами языка идиш, а по древнееврейскому способу от той же основы в духе аналитического оборота status constructus. Такова фамилия *Bar-Hillel* (США), где *Bar* — ʽсын' по-арамейски. Популярность этой морфемы при регебраизации различных фамилий известна (ср. примеры: P. Klein. Les changements de noms en Israël. — RIO III, № 4, 1951, стр. 306; C. Adler. Name changes in Israel. — «Names», vol. II, № 1, 1954, стр. 39; менее вероятна мысль о происхождении морфемы *Bar* в составе еврейских фамилий из акронимического стяжения, имени-аббревиатуры, см.: J. H. Neumann. Some acronymic surnames. — RIO XVII, № 4, 1965, стр. 272). Таким образом, при разности организации, фамилии *Гилельс* и *Bar-Hillel* семантически покрывают друг друга.

Годле́вский, Гордле́вский (M. Benson. Указ. соч., стр. 38, 39) — фамилия распространенного среди еврейских фамилий географического типа. Образована с помощью суффикса *-ский* от названия местечка в Литве — польск. *Godlewa*, соврем. лит. *Garliavà*. Ср. *Годлевский*, название хутора, быв. Шавельского у. Ковенской губернии (см. «Алфавитный список населенных мест Ковенской губернии». Ковна, 1903, стр. 381).

Дени́кин (M. Benson. Указ. соч., стр. 44). Судя по оформлению суффиксом *-ин*, эта фамилия произведена от основы на *-а* (или на *-о*), что подводит нас — пока без привлечения этимологических связей — к формам *Дейне́ка*, *Дейне́ко* (M. Benson, стр. 43), тоже фамилиям, но уже типично украинского вида, без упомянутого суффиксального оформления. Круг близких форм замыкается, когда мы находим фамилию *Дейне́кин* (M. Benson, стр. 43), на этот раз опять с русской суффиксацией. Тождество *Дени́кин= Дейне́кин* дает нам одновременно возможность как бы методом внутренней реконструкции выявить более полную форму основы — *Дейнек-*, которую мы объясняем как заимствование из тюркского, ср. в радловской транскрипции *дäiнäк* (тур.) ʽпалка, der Stock', *дäгäнäк* то же (В. В. Радлов. Опыт словаря, т. III. СПб., 1905, стб. 1655, 1659). К турецкому слову (соврем. тур. *değnek*) восходит, возможно, и болгарская фамилия *Динеков*. О балканских отражениях этого турецкого слова см. недавно: С. Стаховский.

Заметки о методологии этимологических исследований турецких заимствований в сербско-хорватском языке. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 65—66.

Коллонта́й (M. Benson. Указ. соч., стр. 64) — фамилия с весьма сложной историей, которая вместе с тем может быть в существенных моментах прослежена и восстановлена. Ряд моментов истории и этимологии фамилии *Коллонтай*, которая, насколько нам известно, еще не служила предметом этимологизации, делают эту фамилию весьма интересной также с точки зрения географического перемещения форм и проблематики межъязыковых контактов. Начнем с того, что различные свидетельства говорят в пользу западного происхождения данной фамилии. Небезынтересно фактическое указание М. Я. Гринблата на то, что фамилия *Коллонтай* зафиксирована среди сельского населения Гродненского района Белорусской ССР (дер. Дуброва). Однако уже мнение автора о том, что данная фамилия является литовской по происхождению, без всякого сомнения, неверно; ясно, что одной территориальной близости Гродненщины к Литве совершенно недостаточно. См. М. Я. Гринблат. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. — Сб. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, 1. Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 532. Помимо этого в конечном счете ценного для нас факта территориальной приуроченности (западные районы Белоруссии), можно сослаться на то, что сейчас фамилия *Коллонтай* вообще воспринимается как западная по происхождению. Кроме отдельных носителей этой фамилии в наше время, здесь следует в первую очередь упомянуть, что эту фамилию носил видный деятель польского просвещения и культуры XVIII в. *Hugo Kołłątaj* (1750—1812). Его биографы сообщают, что он происходил «из литовской семьи», которая после взятия царем Михаилом Алексеевичем Смоленска в 1654 г. была вынуждена покинуть Смоленщину и переселилась на запад, после чего осела на землях польской короны, на Волыни (см. изд.: «Wiek XIX. Sto lat myśli polskiej. Życiorysy, streszczenia, wyjątki», pod red. I. Chrzanowskiego, H. Gallego. St. Krzemińskiego, t. I. Warszawa—Kraków, 1906, стр. 55).

Версия о «литовском» происхождении этой фамилии весьма стара, хотя, как увидим далее, это отнюдь не делает ее достовернее. Еще текст XVII в. — так называемые «Księgi babińskie» (1670 г.) — приводит фамилию в форме *Kołontay* в списке, в котором преобладают фамилии литовской шляхты (см.: J. St. Bystroń. Nazwiska polskie. Wyd. 2. Lwów—Warszawa, 1936, стр. 282). Но заметим, что и среди последних встречаются фамилии самого разного происхождения, ср. такие выразительно тюркские имена, как *Burczak*, *Kuczuk*. Другой текст (Львов, 1754 г.), перечисляя польские дворянские роды, чьи фамилии не оканчиваются на *-ski*, приводит форму *Kolontaj*. Фамилия *Kołłątaj* как необычная, но

старая дворянская фамилия упоминается в специальном стихотворении XVIII в. на геральдическую тему (эти данные почерпнуты из кн.: J. St. Bystroń. Указ. соч., стр. 287, 289).

Бытование исследуемой фамилии на восточных окраинах Речи Посполитой как бы поддерживало традиционную литовскую версию происхождения этой фамилии. Но, с другой стороны, хорошо известно, каким своеобразным значением наполнялись термины *Litwa*, *litewski* в польской традиции минувших веков, когда они употреблялись сплошь и рядом для обозначения коренных поляков, проживавших на восточных территориях исторического Польского государства. Наконец, совершенно не аргументирована лингвистическая часть версии о литовском происхождении фамилии *Коллонтай*. Совершенно очевидно, что с точки зрения литовского языка эта фамилия представляется этимологически темной и чужеродной, а также изолированной в словообразовательном отношении. В этой ситуации будет закономерным предположение о существовании такой языковой среды, с точки зрения которой фамилия *Коллонтай* обретает внутреннюю прозрачность и перестает быть случайным образованием. Ни восточнославянский, ни польский, ни литовский, как уже было сказано, не могут быть сочтены языковой средой, породившей данный антропоним. Лишь одна фамилия обнаруживает своеобразную близость структуры к *Kołłątaj*, а именно *Tałataj*, встреченное нами в одном из списков старых польских дворянских фамилий XVIII в., уже упоминавшемся нами выше, по изданию Быстроня. Впрочем, и эта последняя фамилия столь же непрозрачна и изолированна. Это значит, что направление поисков должно быть изменено.

В III томе «Полного собрания русских летописей» упоминается под 6851 (=1343) г. татарин-ордынец *Калантай*, который клевещет на митрополита Феогноста, пришедшего в Орду, грабит его, схватывает и мучит, говоря: давай дань полѣтнюю («Указатель к первым осьми томам ПСРЛ. Отдел первый. Указатель лиц», т. II. СПб., 1898, стр. 6). В старой татарской антропонимии мы находим на основании только этих источников ряд одинаково построенных имен, ср. *Елортай*, князь ордынский (1288 г.). Сюда же примыкают имена древнерусской знати и русских служилых людей, ср. *Урустай*, князь минский, переехавший на службу в Москву (1408 г.); князь *Иван Иванович Пронский-Турунтай*, упоминается как наместник в Пскове (1541, 1547 гг.); *Стенка Турунтай*, якутский казачий пятидесятник, 1684 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 461). Ср. также следующий этюд — по этимологии фамилии *Коротаев*. Тюркское происхождение и однородное образование вышеназванных имен несомненно. Ср. тюрк. *кулунтаі* 'жеребенок', особенно узб. *кулунтåі*, уйгур. *кулантаі* 'дикий осел', *кулан* 'дикая лошадь', далее — туркм. *торум* 'верблюжонок по второму году', тур. *торун* 'верблюжонок по третьему году', тюрк. *таілак* 'верблюжонок по второму году' (см. сведе-

ния об этих словах: В. В. Радлов. Опыт словаря, т. II. СПб., 1899, стб. 974, 975; А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 90, 95, 106—107). Фамилии и имена *Коллонтай*, *Tałataj*, *Турунтай* получают объяснение из тюркских названий животных определенного возраста *кулунтâі* | *кулантаі*, *таілак-таі*, *торун-таі*. Антропонимы от названий животных вообще характерны для тюрок.

Интересно также другое: такие имена, как *Kołłątaj*, *Tałataj* и др. (ср. выше), чье татарское происхождение может теперь считаться доказанным, в силу исторических обстоятельств оказываются в пределах польско-литовского государства и рано включаются — особенно *Kołłątaj* — в число польских фамилий. Единственная известная нам «русская» форма *Колонтаевъ* является лишь русской адаптацией уже полонизированной фамилии *Kołłątaj*, ср. упоминание о королевском дворянине по фамилии *Өедоръ Колонтаевъ*, 1508 г. — «Акты Западной России», II, стр. 47 (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 637). Что касается восточных окраин Польского государства, то здесь фамилия *Колонтай*, *Коллонтай* очень прижилась. Ср., кроме сообщаемых выше фактов, неоднократное упоминание местного шляхетского рода *Колонтай* начиная с 1595 г. в актовых книгах Кременецкого земского суда («Кременецький земський суд. Описи актових книг», вип. I. Київ, 1959; вип. II — 1965; вип. III — 1965; passim). На другом конце Украины отмечены даже гидронимы, образованные от данной фамилии, в бассейне Ворсклы и Сейма: *Колонтаев*, *Колонтаева*, *Колонтаевка*, укр. *Колонта́їв* (M. Vasmer. Wörterbuch der russischen Gewässernamen, Bd II. Berlin—Wiesbaden, 1963, стр. 416). Собственно русской гидронимии они неизвестны.

Фамилия *Коллонтай* представляет, таким образом, редкое явление в русской антропонимии, потому что, будучи неоспоримо татарской (ордынской) по происхождению, она, в отличие от большинства русских фамилий татарского происхождения, попала в число фамилий России не прямо, а окольным путем, успев на промежуточном этапе сильно ассимилироваться на землях Речи Посполитой (Белоруссия, Украина, Литва, Польша). Современное написание фамилии *Коллонтай* до сих пор носит след орфографии польских дворянских фамилий — нерациональное двойное *л*.

Корота́ев, Каранта́ев (M. Benson. Указ. соч., стр. 59, 66), также *Каратаев*. Эта фамилия объясняется не из императивной формы *коротай* : *коротать*, как можно было бы предположить на основании аналогий вроде *Катаев* < *катай*, *Ширяев* < *ширяй*. Сближение *Коротаев* : *коротать* осуществилось скорее по народной этимологии. Фамилия *Коротаев*, ср. *Иванъ Коротаевъ*, в Новгородской области, 1594 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 646), объясняется как производное от личного имени *Коротай*, 1557 г.,

Картай, пошехонский крестьянин, 1679 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 255), сюда же белорусская фамилия *Каратай* (см. М. В. Бірыла. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай). Мінск, 1963, стр. 21). Что касается имени *Коротай/Каратай*, в котором Бирилло неоправданно выделяет суффикс *-ай*, то мы считаем это имя целиком заимствованным из татарского, ср. тюрк. *kara* 'черный', *taj* 'жеребенок'; *каратáй* известно как название определенной этнической группировки в Поволжье, оно обозначало отатарившуюся мордву (см. Vasmer I, стр. 528, или в нашем переводе: Фасмер II. М., 1966, стр. 194). Антропонимия, а также этнонимия от названий животных характерна для тюркских народов, ср. предыдущий этюд по этимологии фамилии *Коллонтай*, с которой фамилию *Коротаев* объединяет также близость апеллативной основы, в данном случае тюрк. *karataj* 'жеребенок черной, вороной масти'.

Куи́нджи, как и *Алтунджи*, *Демерджи*, принадлежит к числу татарских фамилий выходцев с Украины. Такие фамилии образуют иногда свои словообразовательные ряды, ср., например, *Маштабей*, *Кочубей* (сложения с *-бей*). В нашем примере и в близких (см. выше) представлены тюркские имена деятеля (названия ремесленников) на суффикс *-džy* (тур. *-ci*). Ср. тюрк. (в радловской транскрипции) *кујумџу*, *кујунџу* (тур.) 'золотых и серебряных дел мастер, литейщик' (В. В. Радлов. Опыт словаря, т. II. СПб., 1899, стб. 907). В соответствии со сказанным ударение *Куи́нджи* в фамилии известного русского живописца неисконно, оно сменило первоначальное **Куинджи́*, которое затем было видоизменено несколько «на итальянский манер» — с перенесением ударения на предпоследний слог (как в итальянских фамилиях на *-i*).

Мя́тлев (M. Benson. Указ. соч., стр. 87) образовано от древнерусского прозвища *Мятль*, ср. летописное упоминание о Мятле Порховском, убитом в 1441 г. в новгородском войске («Указатель к осьми томам ПСРЛ», вып. 3. СПб., 1875, стр. 136; Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 320). Достаточно рано оформилась и фамилия *Мятлев*, ср. *Иванъ Мятлевъ*, московский помещик, около 1575 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 715). В основе названных имени и фамилии лежит др.-русск. *мятьль*, название верхней одежды, слово германо-латинского происхождения, ср. нем. *Mantel* 'плащ, пальто' (см. об апеллативе: Vasmer II, s. v. *мятель*). Своеобразие случая фамилии *Мятлев* состоит, очевидно, в том, что здесь не иноязычный апеллатив был употреблен как прозвище (а затем и фамилия) русского человека, что бывает нередко, а человек нерусского, немецкого происхождения, прибыв в Россию под этим немецким прозвищем, подвергся затем (он сам и его прозвище) обрусению. О Мятлевых известно, что они потомки выходцев из Германии (см. Е. П. Карнович. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886, стр. 236).

Тот же немецкий апеллатив (правда, форма с умлаутом) дал, например, чешскую фамилию *Mentlík* (J. Beneš. O českých příjmeních. Praha, 1962, стр. 241). Впрочем, наиболее полное соответствие древнерусскому имени *Мятль* в форме и в относительной хронологии представляет другая чешская фамилия — *Mátl*, отражающая, как и русская форма, раннюю рефлексацию (или субституцию?) сочетания гласного с носовым согласным в конце слога.

Паустóвский (M. Benson. Указ. соч., стр. 95) — образование на *-ский* по распространенному среди еврейских фамилий географическому типу от названия населенного пункта *Паустов*, в Бессарабии (см. «Списки населенных мест Российской империи, III. Бессарабская область». СПб., 1861, стр. 42: Сорокский уезд). Фамилиеобразование осуществлено здесь по славянской (польской) модели, также весьма популярной в фамилиях евреев Восточной Европы, ср. синонимичную ей конструкцию германского происхождения с формантом *-er* (см. ниже примеры фамилий еврейского происхождения на *-ер*), также широко представленную среди еврейских фамилий географического типа. Что касается названия бессарабского местечка *Паустов*, давшего начало фамилии *Паустовский*, то в его основе лежит народная форма церковного календарного имени *Фавст* (из лат. *Faustus* или через греческое посредство) с раннеславянским субституционным отражением иноязычного *f* : *p*. Ср. иную (тоже народную) передачу *ф* > *х* в фамилии *Хаустов*, в конечном счете восходящей к тому же личному имени *Фавст/Фауст*.

Певзнер («Московская городская телефонная сеть. Список абонентов, ч. II. Квартирные телефоны. 1954», стр. 327) — довольно распространенная фамилия еврейского происхождения, которая ввиду очевидного наличия словообразовательного форманта *-ер* может быть уже заранее охарактеризована как очевидно однотипная с фамилиями географического типа, построенными по идишско-немецкой модели (ср. *Винер*, *Берлинер*, *Туровер*, *Познер*, *Вормсер*/*Wormser*/*Wurmser* и под.). Некоторая трудность идентификации корневой морфемы *Певзн-ер* проистекает, возможно, от происшедших в ней изменений. В связи с этим мы допускаем, что форма *Певзнер* неисконна и через белорусско-украинское состояние (типа блр. *Пеўзнер*) восходит к идишско-польской форме **Pełzner*. Эта последняя непосредственно происходит из нем. *Pils(e)ner* 'пльзенский, житель Пльзеня, Пильзена'. Переход *ł* > *u̯*, *w* хорошо известен как диалектное явление в восточноевропейском идише, особенно на севере, и совершается он в конце слога или слова не без влияния украинского и белорусского (см.: M. Mieses. Die jiddische Sprache. Berlin—Wien, 1824, стр. 98 сл.; M. I. Herzog. The Yiddish language in Northern Poland: its geography and history. Bloomington, 1965, стр. 225). В истории расселения ашкеназского еврейства из Германии в Восточную Европу известно раннее распространение на территории Чехии и направление за-

тем оттуда значительных групп еврейского населения в Польшу (M. Mieses. Указ. соч., стр. 314; M. Weinreich. Yiddish, Knaanic, Slavic: the basic relationships. — «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 626). Таким образом, фамилия *Певзнер* сохраняет память о давней связи с крупным городом в Западной Чехии.

Подцероб. Эта относительно редкая фамилия представляется в своей современной форме неясной. Можно лишь предположительно говорить о наличии здесь образования с приставкой *под-*. Исторические материалы проясняют структуру имени и дают возможность более уверенно искать дальше. Ср. *Подтереба*, Трофим, сотник Острянский, 1670 г., «Акты Южной и Западной России» X, стр. 253 (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 366). Ср. также апеллативное др.-русск. *потеребъ* 'росчисть' (Срезн.). Но особенно ценно для нас, конечно, вышеупомянутое старое западнорусское свидетельство об имени *Подтереба*. Сличение его с современной фамилией *Подцероб* позволяет выявить в последней типично белорусские черты — цеканье и отвердение мягкого *р*. На Белоруссию указывает и документированно западное место употребления имени *Подтереба*, см. выше. Последняя форма, записанная традиционным правописанием, не передает, правда, действительного белорусского произношения фамилии, которое довольно точно отражено в современной форме *Подцероб*. Но особенно точное белорусское соответствие и апеллативный эквивалент мы находим в блр. диал. *пацярóб* м. 'выцераблены лясок, хмызняк', т. е. 'выкорчеванный лесок, кустарник' (см. М. Гуліцкі. З лексікі вёскі Зарытава [Брестской обл. — *О. Т.*]. — «Матэрыялы для слоўніка народнадыялектнай мовы» пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, стр. 127). Ср., далее, блр. *церабіць*, диал. *цірабіць* 'корчевать, расчищать'.

Пóзнер (M. Benson. Указ. соч., стр. 99) — фамилия еврейского происхождения географического типа, неоднократно уже упоминавшегося и ранее, собственно, еврейско-нем. *Pozner*=нем. *Posener* 'познанский, из Познани', ср. полный семантический эквивалент, но выраженный славянским (польским) способом, — фамилия *Познанский* (см. J. St. Bystron. Nazwiska polskie. Wyd. 2. Lwów—Warszawa, 1936, стр. 214; M. Roblin. Quelques remarques sur les noms de famille des Juifs en Europe Orientale. — RIO II, № 4, 1950, стр. 292; P. Lévy. Les noms des israélites en France. Paris, 1960, стр. 179).

Сатунóвский (M. Benson. Указ. соч., стр. 111: *Сатанóвский*, что следует толковать как испорченный какографический вариант, см. ниже). Эта фамилия также принадлежит к известному географическому типу и является производным со славянским суффиксом *-ский* от местного названия на юге Бессарабии: *Сатунов*, в б. Аккерманском уезде, ср. еще *Сатунов-Троян*, в б. Бендерском уезде («Списки населенных мест Российской империи, III. Бессарабская область». СПб., 1861, стр. 18, 28). Это чисто молдавское местное название, собственно, молд. *сату ноу* 'новое селение', поэтому

нельзя согласиться с М. В. Сергиевским, когда последний относит название *Сатунов-Троян* к «чисто русским явно нового происхождения» (М. В. Сергиевский. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории. — ИАН ОЛЯ, т. V, вып. 4, 1946, стр. 346). Известный, помимо формы *Сатуновский*, вариант фамилии *Шатуновский* вторичен в том смысле, что он обязан своим возникновением, как кажется, тенденции гиперкорректности, приведшей к ложному восстановлению *ш* вместо *с*, поскольку, например, в литовском диалекте идиш такая черта, как переход *š* > *s*, регулярно представлена и вполне может сознаваться, что влечет за собой и сознательные попытки избавиться от «неправильности» произношения.

Сага́лин, *Сага́лов*, *Сагало́вич*, *Сега́л*, *Сега́ль*, *Се́глин*, *Сига́л*, *Сига́лов*, *Шага́лин*, *Шага́лов* (M. Benson. Указ. соч., стр. 109, 112, 113, 139). Может показаться, что здесь собраны совершенно не связанные друг с другом фамилии, тем не менее перед нами не более как варианты (десять вариантов) одной фамилии еврейского происхождения, которую объясняют как имя-аббревиатуру, акроним, составленный из начальных букв культового термина *s̱egan ḻeviyeh* 'левит, слуга, помощник левита' (см.: J. H. Neumann. Some acronymic surnames. — RIO XVII, № 4, 1965, стр. 269; P. Lévy. Les noms des israélites en France. Paris, 1960, стр. 192). Авторы приводят еще такие варианты этой фамилии в разных странах, как *Siegel*, *Segelman* и др., обращая внимание на их тенденцию уподобиться апеллативам и фамилиям иного происхождения, например нем. *Siegel* 'печать'. Бытующие среди фамилий России варианты фамилии *Сегал* охвачены, пожалуй, не в меньшей степени тенденцией народноэтимологического сближения с инородными образованиями. Так, например, *Шага́лов* и подобные варианты вполне могут внешне сойти за производные от русск. *шаг*, *шагать*, хотя это исторически неверно, поскольку разница между *Сагалов* и *Шагалов* упирается лишь в лингвогеографическую проблему распределения и вариации *š* и *s* в разных еврейских диалектах Восточной Европы (ср. *Сатуновский* : *Шатуновский*). Сознательный момент в выборе той или иной разновидности тоже играл какую-то роль, опираясь, возможно, на упомянутые внешние ассоциации с русским словарем. Еще одним вариантом фамилии *Сегал* etc. можно признать, думается, чеш. *Sgall*.

Солжени́цын (M. Benson. Указ. соч., стр. 116) может быть объяснено довольно просто из первоначального **Соложени́цын* с синкопированием второго предударного слога, что указывает на южновеликорусское наречие и самое фамилию позволяет трактовать как исконно южновеликорусскую. Синкопа *-о-* в упомянутых условиях привела к деэтимологизации всей структуры фамилии, которая в остальном организована вполне регулярно: производное с патронимическим суффиксом *-ин* от имени *соложеница*, ср. причастие страд. прошедшего времени *соложен(ый)* или на-

звание действия *соложенье* : *солодить* 'приправлять солодом (например, тесто)'.

Фу́рцев (M. Benson. Указ. соч., стр. 130) надо рассматривать в связи с такими фамилиями, как *Фу́рсов*, а также *Фи́рсов* (M. Benson, стр. 129, 130), которые все являются вариантами одной фамилии, а тем самым и имени одного происхождения — *Фирс*, официальная форма церковных календарей, собственно греч. θύρσος 'вакхический жезл, фирс'. Передача греческого ипсилона церковнославянской ижицей (*ѵ*), сплошь и рядом смешивавшейся с *у*, породила вариант данного имени с гласным *у*, оказавшийся весьма жизнеспособной, а впоследствии — народной формой, ср. южное *Хурсъ*, приводимое из «Актов Киевской комиссии» М. Морошкиным в его «Славянском именослове» (СПб., 1867, стр. 203). Бесспорно вторичная черта *-рц-* (< *-рс-*), известная и по некоторым другим примерам, объясняется как наддиалектно-просторечный переход.

Шапи́ро, *Шапи́р*, *Шапи́ров*, *Шафи́ров*, *Шафи́ркин*, *Шафи́ро*, *Сапиро*, *Сапир*, *Сапгир*, *Сафи́р*, *Сапфи́ров*, *Штейнсапир* (часть форм см.: M. Benson. Указ. соч., стр. 110, 111, 129, 140), ср., далее, из форм, распространенных в других странах Европы и Америки: *Sapir*, *Sapira*, *Schapira*, *Chapira*, *Chapiro*, *Schapiro*, *Safir*, *Safirstein* (P. Lévy. Указ. соч., стр. 187). Необычайное множество вариантов фамилии как бы предвещает сложность условий для этимологии. Это усугубляется серьезными формальными различиями самих вариантов, число которых может быть, как увидим ниже, увеличено до угрожающих размеров, включая и такие, которые просто не могут быть сведены к однозначной этимологии. Такой вывод, заметим, отнюдь не означает неудачу этимологизации, а, напротив, подводит нас к правильному пониманию реальной сложности случая. Этимология фамилии *Шапиро* (и вариантов) предстает перед нами как поучительная глава из области этнической истории, истории межъязыковых связей в виде довольно своеобразного переплетения моментов общеязыкового и индивидуального характера. Речь идет о довольно старой еврейской фамилии, которая появляется уже в середине XVII в. в России в современной форме *Шапиро* (P. Lévy. Указ. соч., стр. 187; Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 144—145). Известно мнение о том, что в основе этой фамилии лежит древнееврейское слово со значением 'прекрасный, быть прекрасным' (P. Lévy. Там же; ср. еще популярную книгу: Л. Успенский. Ты и твое имя. Л., 1962, стр. 590). Это объяснение можно было бы принять в несколько уточненной версии, а именно со специальным указанием на арамейскую ономастику, которая, как известно, существовала и существует в еврейской антропонимии наряду с древнееврейскими элементами, а подчас даже вытеснив последние. Ср. в этом случае два личных имени, давно принятых у европейских евреев — женское שפירא *Saphira*, собственно 'прекрасная' (как таковое употреблено, например, в 1679 г.),

и мужское שפּיר *Saphir* (см. Dr. Zunz. Die Namen der Juden. Eine geschichtliche Untersuchung. Leipzig, 1837, стр. 25, 89, 123). Эта возможность подкупает простотой и приемлемостью своего семантического объяснения (антропоним-орнамент: 'красивый') и объяснения формы, так как получают мотивацию такие варианты, как *Шапиро/Шапира* и *Шапир/Сапир*. В какой-то части эту этимологию или ее элементы надо будет сохранить до конца.

Другая, в последнее время особенно популярная этимология данной фамилии производит ее от названия немецкого города Шпайер в рейнских провинциях. Правда, эта географическая этимология опирается обычно на ряд довольно единообразных вариантов, связь которых с *Шапиро* либо как-то объясняется, либо постулируется, а именно: фамилии *Spaier*, *Speier*, *Speyer*, *Spira*, *Spir(e)*, *Spiro*, *Szpiro*, *Szpira*, *Speir*, *Spaier*, *Spajer*. Формы такого рода начиная с 1400 г. отмечены в Аахене, Франкфурте на Майне, Меце (см.: A. Dauzat. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. Paris, 1951, стр. 557; P. Lévy. Указ. соч., стр. 195). Правда, все перечисленные фамилии и варианты известны почти исключительно среди западноевропейских евреев и на Востоке Европы практически отсутствуют. С другой стороны, давно замечено, что форма *Шапиро* (и варианты) как раз характерна для Восточной Европы. Последующие расселения ашкеназского еврейства разнесли ее довольно широко, ср. отмеченные случаи фамилии *Шапира* на Ближнем Востоке, *Chapiro* — во Франции и т. д., но это уже позднейшие события (ср.: Idelsohn. — «Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums» LVII. Breslau, стр. 521; M. Mieses. Die jiddische Sprache, стр. 301). Важно, что исторически старейший случай фамилии *Шапиро* засвидетельствован именно на Востоке Европы, в России (XVII в.). С этим, видимо, связана своеобразная лингвистическая легенда о том, что *Шапиро* — это славянская форма немецкого названия города Шпайер; так по крайней мере считают цитированные выше Доза и Леви: «*Chapiro* . . . forme slave de Spire (Rhénanie)». Но каждому слависту элементарно очевидно, что все формы названия данного немецкого города могли быть беспрепятственно сохранены или довольно точно отражены в славянских языках: *Шпайер*, *Шпейер*, *Спира*, *Спера*, *Шпира*. Важно то, что славянский принципиально терпим к сочетаниям двух согласных в начале слова и что преобразование типа **Шпира* > *Шапира* — совершенно не в духе славянского. Недостаточная обоснованность такой славянской этимологии формы *Шапиро* объясняет возможность появления совершенно противоположных объяснений этой же самой формы. Так, один автор считает формы *Šapîrô*, *Šapîrå'* производными от названия города Шпайер, подвергнутыми затем гебраизации формы (P. Klein. Les changements de noms en Israël. — RIO III, № 4, 1951, стр. 307—308). Это несомненный анахронизм, потому что трудно говорить о гебраизации или даже регебраизации современ-

ного типа для фамилии, известной в этой форме уже в XVII в.

Мы тоже считаем, что фамилия *Шапиро* сложилась на восточноевропейской и даже в каком-то смысле на славянской почве, о чем — ниже. Об этом говорит и старая география формы *Шапир(о)* и близких. Вместе с тем мы склоняемся к тому мнению, что в основе этих восточноевропейских форм лежит название сапфира. Только в этом случае мы получаем возможность объяснить приемлемым образом наибольшее число восточноевропейских форм, стоящих в заглавии настоящего этюда. Эта третья по счету этимология фамилии *Шапиро* тоже очень стара, ср. хотя бы мнение нелингвиста Е. П. Карновича в прошлом веке: «. . .*Шафиров*, собственно *Шапиро*, что означает камень сапфир» (указ. соч., стр. 145). Однако детали и само представление об эволюции форм представляются до сих пор совершенно неразработанными. Так, нам кажется, что вопрос о генеалогии и иерархии форм *Шапиро*, *Сапир* и т. д., очевидно, нельзя решать без учета прямого влияния польск. *szafir* 'сапфир', тем более что сам первоисточник европейских названий камня сапфира — др.-евр. סַפִּיר *sappīr* имеет не «шин» (שׁ), а «самех» (ס) в начале слова. Таким образом, 1) вариант *Сапир* получил бы объяснение как самый старый, т. е. полнее соответствующий древнееврейскому апеллативу «сапфир»; 2) вариант *Сапгир* может быть понят только как отражение европейского графического образа данного апеллатива, например нем. *Saphir* 'сапфир'; 3) вариант *Шапиро*, *Шафиров* получает объяснение как сложившийся в Польше; наконец, новые варианты — 4) *Сапфиров*, калька и 5) *Штейнсапир*, глосса — служат аргументами в пользу этимологии от названия драгоценного камня. Ср. фамилии *Бриллиант*, *Диамент*, *Перльмуттер*. В отношении *Шапир*/*Сапир* вопрос о влиянии перехода *š* > *s* в северо-западном (литовском) диалекте идиша, по-видимому, отпадает, так как в основе части вариантов (*Сапир*, *Штейн-сапир*) сознается наличие слова, которое в древнееврейском написании не имело «шин» (שׁ), т. е. *sappīr* 'сапфир'. Написание и в немалой степени произношение древних элементов словаря, как известно, оберегается традицией и в новоеврейском. В части форм на *Ш*- мог сказаться польский консонантизм, ср. польск. *szafir* 'сапфир', что говорит о прозрачности этимологии фамилии *Шапиро*/*Сапиро* в течение длительного времени. Консонантизм апеллатива *szafir* должен рассматриваться в одном ряду с консонантизмом других заимствований из средненемецкого в польский, ср. польск. *szukać* : нем. *suchen* и др.

Ша́хматов (M. Benson. Указ. соч., стр. 140) — русская фамилия, которая в этой форме и с таким ударением осмысливается как производное от названия игры, однако есть факты, заставляющие интерпретировать историю и этимологию этой знаменитой фамилии иначе и сложнее. В современной своей форме фамилия *Шахматов* известна уже давно, ср., помимо иных данных, приво-

димых далее, также упоминаемый в словаре Тупикова князь *Иван Шахматов*, мастер селитряного дела, в Суздале, 1641 г. (Н. М. Тупиков. Словарь, стр. 890).

Прежде чем мы обратимся к истории и этимологии в собственном смысле, интересно поставить вопрос о возможностях внутренней реконструкции при этимологизации фамилий,— вопрос, думается, еще более актуальный, чем при апеллативной этимологии, так как в ономастике мы лишены поддержки, которую в лексике оказывают значения слов. Суждения в области внутренней реконструкции тем надежнее, чем разнообразнее варианты форм. Относительно современным и вместе с тем оригинальным вариантом к *Ша́хматов* мы считаем фамилию *Шихма́тов*. Аргументация или доказательства будут сообщены далее. Сейчас же можно констатировать наличие в форме *Шихма́тов* иного вокализма, иного ударения и этимологической непрозрачности. В связи с этим современная прозрачность формы *Ша́хматов* (: *ша́хматы*) вправе вызвать у нас сомнения, иначе говоря, представляется необходимым доказать ее (как и выдвинутое родство с *Шихма́тов*) или опровергнуть. Из носителей фамилии *Ша́хматов* особую известность получил русский филолог А. А. Шахматов (1864—1920), данные о его происхождении представляют ценность для нас в связи с вопросом о его фамилии. Предки А. А. Шахматова — саратовцы, как пишет сам ученый в автобиографии, см. кн. «А. А. Шахматов». Л., 1930, стр. 4. Старинный род саратовских дворян Шахматовых знатностью тем не менее не отличался, хотя, судя по документам XVII в., они были московскими дворянами. Будучи «пропущены во всех родословных», Шахматовы, однако, с раннего времени известны своей активностью на восточных окраинах Московского государства. См. Е. А. Масальская. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. Часть первая. «Легендарный мальчик». М., 1929, стр. 29 и др. места. Сообщаемый в этой же книге семейный анекдот дяди известного ученого о том, что Шахматовы — происхождения из Персии (стр. 16 книги), большой ценности не имеет, так как навеян народноэтимологической близостью фамилии *Шахматов* и слов *шах(маты)*, действительно персидского происхождения.

Тем не менее искать корни фамилии *Шахматов* надо, действительно, на Востоке. В русской истории известно лицо по имени *Шахматъ*, им оказывается не кто иной, как князь татарский, шурин хана Тохтамыша, упоминаемый в летописи под 6890 (=1382) г. («Указатель к первым осьми томам ПСРЛ. . .», т. II. СПб., 1898, стр. 341). Этот *Шахматъ* чаще упоминается как *Шихматъ*, 1382 г. (там же, стр. 345), а также в более полной форме *Шихъ-Ахматъ*, *Шиахматъ*, 1382 г. (ПСРЛ, т. XIV, 2-я пол. Указатель к Никоновской летописи. Пг., 1918, стр. 154). В этой последней форме с вариантом дана, как мы считаем, по сути дела и этимология имени *Шахмат* и направление его развития через контракцию внутренних слогов этого сложного имени. Летописи,

излагавшие события русской истории XIV, XV, XVI вв., пестрят всеми мыслимыми формами этого имени: *Шигъ-Ахметъ*, *Шихъ-Ахматъ*, *Шиахматъ*, *Шихматъ*, *Шахматъ*, *Шихоматъ*, *Шигъ Ахметъ*. Татарское имя *Шихъ Ахматъ* русских летописей объясняется сложением титула *шäiх* 'слуга мечети, настоятель монастыря' (раннее заимствование из арабского; см. В. В. Радлов. Опыт словаря, т. IV. СПб., 1911, стб. 995) и имени *Ахмат*. Помимо очевидности сложения в этих старых формах, ср. такую современную бесспорно татарскую по происхождению фамилию, как *Шаямéтов* (M. Benson. Указ. соч., стр. 140), представляющую параллель к *Шахматов* и основанную на том же сложении. Интересно попутно отметить, что имя *Ахмат/Ахмет* вообще широко выступает в составе таких по своему генезису мусульманских имен-сложений данного имени с предпосланными ему титулами или обозначениями социального характера 'господин', 'служитель', 'раб', ср., с одной стороны, включения такого рода в состав фамилий России — *Кулахмéтов*, *Сейдамéтов*, *Шаямéтов* (M. Benson. Указ. соч., стр. 70, 112, 140), а также и *Шихмáтов*, *Шáхматов*, хотя и обрусевшие вполне. Из летописных упоминаний, с другой стороны, сюда относятся такие имена татар, как *Кичим-Ахметъ*, *Козя-Ахматъ*, *Сеитъ-Ахметъ*, *Сиди-Ахметъ* и *Шихъ-Ахматъ* во всех своих формах, отмеченных выше. Стойкость этих сложений и широта их распространения не могут не удивить исследователя. Например, мусульманское имя, сохраненное в летописной форме имени татарина *Сеитъ-Ахметъ*, а также в современной фамилии *Сейдамéтов*, встречает нас и на другом конце Европы, в Испании, в прозрачной форме *Сид Амет Бененхели*, имя ученого мусульманина, от лица которого рассказывается в книге Сервантеса история о похождениях Дон-Кихота.

Что касается фамилии *Шихмáтов*, этимологическая связь с которой как с более архаической формой, выдвинутая для фамилии *Шахматов* выше, теперь может считаться доказанной, то именно носители фамилии *Шихматов* документально известны как потомки татарских мурз, начавших переходить в православие в середине XVI в. (Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 178).

Шемя́кин, Шемяков (M. Benson. Указ. соч., стр. 141) — фамилия, основанная на старом русском личном имени, хорошо известном из истории и из народного словесного творчества, — *Шемяка*. К настоящему времени названная фамилия является единственным живым продолжением этого имени, которое было вытеснено из живого употребления под напором христианских личных имен. Интерес, представляемый для нас этими именем и фамилией, значительно повышается тем обстоятельством, что они сохраняют не дошедший до нас в прямой функции апеллатив весьма древнего вида **ши-мяка* (ср. *ши-ворот*) < **ši-męka*, собственно, 'тот, кто мнет шею (другому)', 'забияка', ср. образование *коже-мяка*, а также, между прочим, фамилию *Рожемя́ков* (M. Benson, стр. 106) < **роже-мяка* с близкой исходной семантикой.

Ф. Ф. Копечный

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. *otrokъ*

Слово *отрок* существует сегодня в полной силе как живое, не архаическое или историческое слово только в чешском и словацком языках (*otrok*, *-a*) в значении 'раб' (в древнечешском реже в значении 'слуга, батрак', один раз даже 'наемник' [1]) и в словенском языке (*otrȍk*, *-ôka*, у Плетершника *otrȍk*, *-óka*) в значении 'ребенок' (часто — внебрачный), ср. у Плетершника также значения 'Nebenschößling' и 'Seitenhalm', т. е. 'побочный росток (побег), побочный стебель'. Обиходно это слово и в кашубском говоре (*woetrok*) в значении 'мальчик' и также 'сын' [2]. В остальных славянских языках *отрок* — слово архаическое или поэтическое. В восточнославянских языках *óтрок* (блр. *óтрак*) обозначает мальчика 7—14 лет, исторически — члена княжеской дружины. В болгарском языке *отрóк* в поэтическом стиле значит 'младенец', архаически же — 'крепостной крестьянин, холоп'; то же значение имел *отрок* в древнесербохорватском языке, теперь слово *otrȍk* знают только некоторые чакавские или кайкавские говоры [3] (в значении 'ребенок' — так же, как в соседнем словенском языке). Серболужицкие языки знают только уменьшительные существительные: в.-луж. *wotročk* и н.-луж. *wotrošk* в значении 'батрак'. Не засвидетельствован *отрок* лишь в македонском языке как относительно молодом.

В старославянском языке засвидетельствован **отрокъ** в значении 'мальчик' (также очень маленький, собственно, 'младенец'), а также 'слуга'. В древнерусском и древнепольском языках значение 'ребенок', правда, отсутствует [4], но есть все-таки значение 'мальчик' (архаически до сих пор) и также значения 'слуга; член княжеской дружины' и 'работник'. Значение 'работник' также есть в древнепольском, кроме значения 'мальчик' и других

[1] Все это по данным из материалов древнечешского словаря, которые мне любезно сообщил коллега И. Немец.

[2] Ср. морав. *synek*, наоборот, также 'мальчик', *cerka* 'девочка'.

[3] В равногорском наречии, считающемся иногда уже словенским, оно звучит, между прочим, *atrȁk* (N. M a j n a r i ć. — JФ 17, стр. 136).

[4] Хотя Л. П. Якубинский и приводит его для древнерусского языка («История древнерусского языка», стр. 57).

значений [5]. Неясно, сохранились ли до сих пор в польских говорах приводимые Карловичем архаические формы или же они исчезли (за исключением, очевидно, кашубского) полностью. Судя по Махеку [6], *отрок* живет, быть может, в польских говорах как бранное слово, так же, как и в восточночешских говорах, где *votrok* как ругательство происходит все же из значения 'парень, молодец'. Из полабского языка Рост приводит *vŭotrok* / *vuotrüök* в значении 'сын', уменьшительное *vuotrüöcak* 'сынок'. Новочешское значение 'раб' известно уже в древнечешском языке (также 'чернорабочий, поденщик').

Слово *otrokъ* этимологически толкуется как 'не-говорящий, лишенный дара речи' (ср. еще Миклошич — 'puer qui fari nequit') или же, вернее, как пишет Трубачев [7], 'тот, кому отказано в праве говорить', т. е. в мире, в собрании. Это другое предположение высказал — после беглого замечания О. Гуйера [8] — В. Махек в журнале «Naše řeč» 35, 1951, стр. 136—137. Словарь Фасмера содержит обе возможности толкования, хотя при второй из них приведено не изложение Махека, а только намек Гуйера. Точка зрения Махека исходит из обычного значения приставки *от-*, обозначающей лишение, разлуку, выделение, короче говоря — привативной. Исходя из этого первоначального значения мы без труда объясним переход от 'лишенный права речи = несвободный, неполноправный человек' к значению 'крепостной (→ раб)' и вообще 'рабочий' или 'слуга, член дружины' и, с другой стороны, мы можем из значения 'лишенный права речи' = 'исключенный из «рока» = веча, мира' делать вывод о значении 'незрелый, невзрослый', т. е. 'мальчик'. Правда, этот второй путь кажется не таким обычным, и при этом остается еще значение 'ребенок, младенец, дитя', которое нужно объяснять исходя из значения 'мальчик'. Здесь надо отметить, что отрицательное значение приставки *от-*, которого стремится избежать толкование Гуйера и Махека, все-таки не так исключительно и не ограничено одним нашим словом. Фасмер приводит для приставки *от-* отрицательное значение в слове *отчаяние* (букв. 'не-ожидание'), а академический сербохорватский словарь приводит при слове *otrok* архаичное *odljud*, соответствующее немецкому *Unmensch*, т. е. 'не-людим' (чеш. *ne-lida*). Во всяком случае, мы имеем во втором компоненте сложного *ot-rokъ* комплексное значение: с одной стороны, так называемое nomen actionis, с другой — nomen agentis (например, в кальке *про-рокъ* и, вероятно, также в нашем *ot-rókъ* со старым его ударением) или nomen acti (например, в русск. *рок* 'изреченное, постановленное → судьба');

---

[5] Мошинский приводит, между прочим, также значение 'Laicus' (JP 35, стр. 133); Карлович знает архаическое диалектное значение 'отставной'.

[6] «Naše řeč» 35, стр. 135.

[7] «История славянских терминов родства». М., 1959, стр. 47.

[8] «Listy filologické» XL, стр. 304, прим. 2.

с nomen actionis связано также значение места действия: например, иногда в древнечешском *rok* = 'сейм, собрание, заседание' и т. п.

Против этой этимологии слова *otrokъ* выступил К. Мошинский в журнале «Język polski» (вып. 32, 1952, стр. 200—201) и после возражений Фр. Славского еще второй раз там же (вып. 35, 1955, стр. 130—133), выдвигая новую этимологию, которую в итоге (JP 35, стр. 133) он даже считает «решительно доказанной». Мошинский разлагает *otrokъ* на *o-trokъ*, толкуя первоначальное значение как 'вокруг бегающий', т. е. 'прислуживающий = слуга (→рабочий, раб)'. Второй компонент слова, по Мошинскому, следовательно, не *rokъ*, а *trokъ*, которое он толкует как nomen agentis к незасвидетельствованному глагольному корню **trek-* — редуцированную основу его он видит в славянских глаголах типа *trkati / trčati* 'бегать'. В качестве семантических параллелей Мошинский приводит образованные аналогичным путем названия слуги: греч. ἀμφίπολος 'слуга, божий слуга, священник' [9], др.-инд. *abhi-caraḥ* 'компаньон, слуга' = лат. *anculus* 'слуга, батрак' [10]. Против традиционного толкования слова *отрок* Мошинский выдвигает три возражения (порядок которых мы только немного изменяем).

Во-первых, графику слова *отрокъ*, которое мы никогда не встречаем в форме *отърокъ*, т. е. с ером после *от-*. Сам Мошинский признает за этим возражением минимальный вес, так как даже этимологически ясные слова пишутся иногда последовательно без ера, например ст.-слав. **ошьствиѥ** 'отход', не говоря уже о слове, наверняка рано деэтимологизированном, как наше *otrokъ*.

Во-вторых, против традиционного толкования Мошинский оперирует местом русского ударения. Если бы *отрокъ*, пишет он, было действительно nomen agentis, связанным с *rokъ*, то мы ожидали бы ударение *отрóк*, как в *прорóк*, *нарóк* и других сложных словах этой основы. В этом отношении все в порядке. Ударение *отрóк*, действительно, существовало, по Кипарскому [11], вплоть до

---

[9] Греч. ἀμφίπολος толкуется в журнале «Wörter und Sachen» 18, стр. 1 сл. (особенно стр. 65) В. Паксом, который исходит из сравнения с др.-инд. *abhi-carati* 'колдует'; следовательно, первоначальное 'herumwandelnder Priester', т. е. 'слуга божий', снизилось до понятия 'слуга вообще'. Правильнее объясняют значение 'священник = слуга божий' этимологические словари Фриска и Буазака: из значения 'слуга вообще'.

[10] Этимологию Мошинского переняли без всякой критики Св. Штех в журнале «Arkiv för nordisk filologi» 78/1—4, стр. 232—240, обогащающий само понятие 'обегающий → слуга' полезными семантическими параллелями (главным образом сравнением с греч. τρόχιλος 'Läufer', род птицы, и с герм. *thrahila/thrahilo* 'Diener'), — и затем Ш. Ондруш, пытающийся фантастически объяснить даже славянские *sluga* и **cholpъ* таким же образом как 'бегающий' («Sborník filozofickej fakulty univerzity Komenského» X, Philologica, стр. 80—89).

[11] V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, стр. 163.

XVIII в. Согласно Рудницкому, старое ударение сохранилось частично в украинском языке, по крайней мере до недавнего времени. Первоначальное ударение сохранили также южнославянские языки или обнаруживают его следы (в сербохорватском *ȍтрок*). Значит, и это возражение бессодержательно (скорее говорит даже в пользу традиционной этимологии). Отметим еще, что подобное отклонение в месте ударения мы видим в сходным образом деэтимологизированном *о́труби* или архаичном *о́труб* 'участок, выделенный из общины' при *отру́б* 'поперечное сечение дерева или бревна'.

В-третьих, Мошинский утверждает, что приставка *от-* не имеет отрицательного значения и что ей присуще только значение привативное. К этому надо заметить, что даже при традиционном толковании слова *otrokъ* не обязательно исходить из отрицательного значения приставки *от-*, можно остаться при ее обычном значении разлуки и выделения, как уже сказано при изложении точки зрения Махека выше. Хотя, очевидно, лучше было бы, по Якубинскому (прим. 4) и Трубачеву (прим. 7), видеть также при этом толковании отрицательное понятие (*otrokъ* все-таки как 'не-говорящий'). Отрицательное значение приставки *от-* (возникшее, конечно, из привативного и близкое к нему) отнюдь не исключено. Как мы уже видели, оно не ограничено лишь нашим словом *отрок*, а засвидетельствовано также другими словами: с.-хорв. *odljud*, русск. *отчаяние*.

В пользу своей этимологии Мошинский приводит, кроме семантических параллелей типа греч. ἀμφίπολος, еще тот общеизвестный факт (неясно при этом, почему он ограничивает его «древними индоевропейскими племенами»), что молодые члены семьи исполняли должность гонцов и посыльных. Польское *Pobiegnij no i zanieś* 'сбегай и принеси' можно считать всеобщим явлением и его можно было бы перевести на все или почти на все языки мира, не только индоевропейские. Из такого положения вещей вытекает, правда, скорее значение 'бегающий / посыльный', 'чем бегающий вокруг' (следовательно, τρόχις, а не αμφίπολος), но во всяком случае устанавливается связь между понятиями 'слуга' и 'мальчик', семантическое отношение которых Мошинский, в сущности, больше не исследует. Но об этом ниже.

Против этимологии Мошинского говорят (после опровержения его возражений против традиционного толкования слова *otrokъ*) два очень важных обстоятельства.

Во-первых, веские семантические аргументы: при этимологии слова *otrokъ* надо исходить, как уже правильно заметил Фр. Славский [12], из первоначального значения 'ребенок, мальчик', а не 'слуга'. Напрасно Мошинский пытается ослабить вескость этого возражения указанием на то, что в северных языках значения

---

[12] «Język polski» 33, стр. 400.

'ребенок' нет, но в лучшем случае существует значение 'мальчик'. Ведь мальчик все-таки не так далек от ребенка. Хотя и слова **отрокъ** 'младенец' (Мф. 2, 16) и **отрочина** 'детство' в Остромировом евангелии лучше считать церковнославянскими, важны в нашем случае факты, что ст.-слав. **отрочина** обозначает детство и у девочки (так что славянское значение 'дитя' является, по всей вероятности, древним, а не вторичной инновацией) и что русск. *отрочество* никоим образом не связано с понятием 'слуга'. Старославянское и южнославянское значение 'ребенок, младенец' Мошинский считает, наоборот, инновацией после перехода славян на новые территории (!). Он, действительно, прав, полагая, что именно детей, осиротевших во время военных наездов, ожидала судьба таких гонцов, посыльных, мальчиков на побегушках, а также рабов, но это касалось, конечно, не совсем маленьких, а уже подросших мальчиков; т. е. к южнославянскому значению 'ребенок, младенец' мы таким путем (от понятия 'слуга' через понятие 'подросток, мальчик') прийти не можем.

Но важно не только это: Мошинский, а за ним и Штех не заметили очень важного факта, что во всех приводимых ими семантических параллелях соответствия 'слуга → мальчик' семантическое развитие идет не так, как они предполагают, а совсем наоборот. Исходным пунктом этого семантического соседства является не 'слуга', а 'мальчик'. Как др.-евр. *na'ar*, так и греч. *παῖς*, *παιδίον*, лат. *puer*, ит. *fante*, англ. *boy*, гот. *magus* и т. д. (или же по женской линии др.-русск. *отроковица*, др.-евр. *na'arā*, венг. *leány*, франц. *fille*, ит. *fantesca*, нем. *Magd*, чеш. диал. *dívka*, книжное *děvečka*, швед. *piga*, лит. *mergà* и т. д.) означают мальчика (слова в скобках — девочку) и только метафорически — слугу (служанку). Короче говоря, *puer* может означать легко 'servus', но *servus* лишь изредка [13] переходит к значению 'puer'. Исходным пунктом толкования слова *otrokъ* вряд ли может быть, таким образом, значение 'слуга' < 'бегающий вокруг'.

Во-вторых, этимология слова *otrokъ* у Мошинского встречает также серьезное фонетическое препятствие. Обратим внимание на нижнелужицкую форму *wotrošk*. Фонетически ожидаемая

[13] По словарю К. Д. Бака (C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949, стр. 88—89), можно считать надежными случаями обратного развития, а именно 'слуга → мальчик (дитя)', прежде всего брет. *bugel* 'ребенок' (при сравнении с гаэльским *buachaill* 'пастух', соединяемым с греч. *βούκολος*), где видны все члены предполагаемого Мошинским семантического развития, и затем — в ит. *ragazzo* и франц. *garçon*, где выступают (с меньшей этимологической явностью) два первых члена; сомнительно англ. *lad*. Против этих четырех случаев стоит 12 упомянутых выше случаев нормального развития, у большинства которых метонимический сдвиг значения вполне очевиден также для неэтимологов. В отношении чеш. *chlap* или польск. *chłop* (первоначально то же самое, что и русск. *холоп*) и *chlapec* (*chłopiec*) 'мальчик' изменение значения мотивировано уменьшительным суффиксом. Подобное отношение между лит. *mergà* 'девочка' и 'служанка' и уменьшительным *mergẽlė* — только 'девочка'.

форма была бы **wotšock*. Так как и окончание этого слова неясно можно было бы предполагать какую-то контаминацию, какое-то сокращение предполагаемого н.-луж. **wotšock* с в.-луж. *wotročk*, результатом которого и являлась бы действительно существующая нижнелужицкая форма *wotrošk*. Но так как прямых доказательств нет, мы не можем принимать в расчет догадки и должны остаться при фактах, суть которых заключается в следующем: если нижнелужицкая форма исконна, — а у нас нет основательной причины отклонять такое предположение, — то она свидетельствует о длительном сохранении сознания этимологического состава этого слова [14] при сравнении, например, с деэтимологизированным ранее *wotšuby*. Правда, это слово этимологически не совсем ясно, но ясно по крайней мере то, что даже при сложении *ot-rǫbi* (что теперь, кажется, общепринято [15]) оно могло деэтимологизироваться раньше, так как существительного *rǫbь* (основы *-i*) давно не существовало, между тем как существительное *rokъ* и прочие сложные слова с этой основой продолжали существовать рядом со словом *otrokъ*.

Не таким уж существенным, но все же заслуживающим внимания является возражение Фр. Славского относительно незасвидетельствованности глагольной основы *trek-*. В существующих славянских глаголах типа *trkati* / *trčati* 'бежать' есть звукоподражательная (или «подражающая движению», как в данном случае) основа *trk* (есть и другие варианты — *trt*, *trp*, *prk* и т. п., а также с так называемым подвижным *s-* — *strk* и т. д.[16]). Если в давно нейтрализировавшихся членах этого звукоподражательного «мицелия» мы встречаем тем не менее регулярно сформированные глагольные основы (т. е. с вокализмом *-e-* в корне) и можем также наблюдать неравномерность их развития [17], то вряд ли можно предполагать наличие такой, до сих пор не засвидетельствованной, формы в каком-нибудь славянском говоре, как пред-

---

[14] Хотя и по Муке (E. M u k a. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, стр. 229) праславянские группы *pr*, *tr*, *kr* пишутся именно так еще в XIII в., тем не менее нужно считать, что зачатки фонетического перехода сочетаний *pr*, *tr*, *kr* в *př́*, *tŕ*, *kŕ* и через *př*, *tř*, *kř*, наконец, в *pš*, *tš*, *kš* (между тем как первоначально палатальные сочетания *pŕ*, *kŕ*, *tŕ* изменились в итоге в *pś*, *kś*, *tś*) имели место уже задолго до этого, так как те же самые группы, возникшие после перестановки в группах типа праслав. *tort*, сохраняются без изменения: ср. н.-луж. *proch*, *trok*, *krowa* при *pšosyś*, *tšocha*, *kšupa*. Впрочем, под графикой типа *tr* скрываются в XIII в. по крайней мере уже типы *tŕ*, если даже не *tř*.

[15] Подробнее о другой возможности толкования (а именно *o-trǫbi*) см.: П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 70.

[16] Об этих звукоподражательных элементах я писал впервые в сборнике Младенова («Езиковедски изследвания в чест на ак. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 363—387), а потом в журнале «Linguistics». (В печати.)

[17] Так, напр., при ст.-слав. врѣщи из **vergti* или тлѣщи из **telkti* находим еще несформированные, первоначально ономатопоэтические элементы в остальных славянских языках в виде **vьrgti*, **tьlkti*.

полагает Мошинский, или же видеть такую регулярную основу в русском выражении *задать стрекача*, особенно в виду его постоянно живой аффективности (к тому же еще с начальным *с*-). Правда, приводимое Мошинским с.-хорв. *тракáнац* 'след' представляет интересное свидетельство широкого распространения семьи этого так называемого элементарного родства.

Ошибочно предположение Св. Штеха [18], будто в корне *trek*- можно видеть экспрессивно подкрепленный вариант хорошо засвидетельствованной основы *tek*-. Если вообще существует связь между этими глагольными основами, то надо ее понимать наоборот, так как элемент *trk*, несомненно, примарный.

Из всех данных, таким образом, вытекает, что этимологию Мошинского лучше опровергнуть, так как она не учитывает важные семантические факторы и наталкивается также на фонетические трудности.

Примечание. Догадка Линды Садник («Festschrift J. F. Schütz». Graz—Köln, 1954, стр. 155—157), что можно исходить из *рокъ*, обозначающего какой-то отрезок времени (стр. 157: «Knabe unter einer bestimmten Altersgrenze»), наталкивается на следующее препятствие: слово *рокъ* относительно поздно засвидетельствовано в таком значении. Сравнение с глаголами типа чеш. *odročiti* 'отсрочить' также не приводит к значению 'ребенок, мальчик'.

* * *

В заключение еще хотелось бы обратить внимание на омонимы слова *otrokъ*:

1) в древнерусском языке находим *отрокъ* также в значениях а) 'отказ, разрыв договора, расчет' [19] и б) 'вознаграждение'. В первом значении это слово принадлежит, без всякого сомнения, к *rekǫ*. Во втором же оно до некоторой степени близко к слову *obrokъ* и его можно толковать как 'что-либо от-реченное = отделенное = предназначенное (в пользу другого)'. С этим последним значением, по всей вероятности, связано (в качестве метонимии)

1а) украинское (Рудницкий) *отрóк* 'Futtersack', т. е. 'торба';

2) у польского автора Выспянского существует *otrok* в значении 'trok do obwiązania' (=веревка). Ему близко *otrok* в словаре

---

[18] «Arkiv för nordisk filologi», 78, стр. 233, сноска 10.

[19] Сюда же ст.-слав. отрочьнъ 'отпущенный, освобожденный, прощенный', др.-русск. *отрочьныи* (*отъ*-) то же самое плюс 'запрещенный' и 'отложный / отложимый', *отрочьникъ* (*отъ*-) 'отступник' ('Abtrünniger'), соврем. русск. диал. *отрóчник* 'отступник, изменник' (см. в дополнениях Бодуэна де Куртенэ в 3-ем изд. словаря Даля). Ср. еще единичное с.-хорв. *otročnica* (RJA IX, 4456 из Иовичевича) 'bezobrazna žena' (с добавлением «развитие значения затемнено»). — О ст.-слав. отрочьникъ '(schlechte) Nachlesetraube' писала Л. Садник в упомянутом выше сборнике Ю. Фр. Шюца (стр. 154—156).

Троца — 'род охотничьей сети'; это значение можно объяснить из первого (сеть состоит из веревок) [20].

Последние слова надо объяснять, в отличие от первого, действительно как *o-trok*. Вторая часть — праслав. **torkъ* (см. у Фасмера на *торок* IV).

Сюда же можно бы, кажется, отнести также др.-русск. *отроковище*, по Срезневскому — 'полотенце, покрывало' (с вопросительным знаком). Форма *отро-* гаплологически сокращена из **оторковище*. Во всяком случае, труднее присоединить его к нашему *отрок* 'ребенок' (как 'отроческая'=детская пеленка?).

---

[20] Можно ли присоединить сюда также сев.-русск. диал. *отрóчить* 'отвязать снасть' (Подвысоцкий, под заглавным словом *задежить*)? Надо было бы снова предположить сокращение из *отторочить*. (На это слово и на с.-хорв. *отрочница* обратила мое внимание Е. Гавлова.)

Г. П. Клепикова

ИЗ КАРПАТО-БАЛКАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВЫСОКОГОРНОГО СКОТОВОДСТВА, I. *Urda*

В жизни славян, населяющих Балканский полуостров и Карпаты, важную роль играет высокогорное скотоводство (прежде всего овцеводство), которое в зависимости от различных природных и социально-исторических условий выступает в многочисленных формах; многообразны не только формы самого высокогорного пастушества, но и формы сочетания его с земледелием [1].

Высокогорное скотоводство Балкан и Карпат тесно связано генетически. У славян, живущих в районе Карпат, горное скотоводство и возникшие на его основе характерные особенности материальной и духовной культуры — явление относительно позднее (не ранее XIV в.), развившееся под сильнейшим балкано-романским влиянием. Именно поэтому в карпатской скотоводческой терминологии столь значителен пласт так называемых балканизмов, т. е. заимствований из балканских языков (южнославянских, романских, албанского, новогреческого, турецкого), а также этимологически неясных слов, вошедших в славянские языки и диалекты карпатского ареала главным образом через румынское посредство [2].

В последнее время интерес к терминологии, связанной с высокогорным скотоводством, прежде всего к карпатской, заметно возрос, появилось несколько статей, рассматривающих этот разряд лексики в различных аспектах. В дальнейшем решение чисто лингвистических проблем, несомненно, будет опираться как на новые факты, извлеченные из языковедческих трудов (например, много ценного даст «Карпатский диалектологический атлас»,

---

[1] K. Dobrowolski. Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in den Nordkarpaten vom 14. bis zum 20. Jahrhundert. — Viehzucht, стр. 199 сл. K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian, cz. I. Kultura materjalna. Kraków, 1929, стр. 104—105. Формы симбиоза между пастушеством и земледелием хорошо изучены в некоторых районах Карпат (например, о так называемом кошаровании см.: J. Štika. Salašnické ustájovaní dobytka a košarování na Moravsko-Slovenském pomezí. — ČL 45, № 2, 1958, стр. 69).

[2] В славянских языках Карпат от «балканизмов» следует отличать «карпатизмы», т. е. лексику, общую южнославянским языкам и некоторым говорам западно- и восточнославянских языков, сформировавшуюся в период карпатской миграции славян (подробнее см.: С. Б. Бернштейн. Карпатский диалектологический атлас. — ВЯ, 1963, № 4, стр. 79).

по программе которого было обследовано около 150 населенных пунктов в украинских Карпатах [3], «Общеславянский лингвистический атлас», в вопросник которого включен специальный раздел, посвященный пастушеству [4], и т. д.), так и на большой материал, собранный в последние годы этнографами славянских и неславянских стран Восточной и Центральной Европы в связи с всесторонним изучением высокогорного пастушества, быта и культуры пастухов на Балканах и в Карпатах [5].

Настоящая статья посвящена изучению слова *urda*. Оно рассматривается в двух аспектах: исследуется семантика этого слова и географическое распространение его в Карпатах и на Балканах. Выбор этого слова в качестве предмета исследования объясняется, во-первых, тем, что оно является важным элементом в системе карпато-балканской терминологии скотоводства — указанное слово представляет собой название некоторых продуктов переработки молока в условиях высокогорного скотоводства. Во-вторых, по вопросу об этимологии этого слова идут споры, происхождение его остается до сих пор неясным. Нам кажется, что лингвогеографическое изучение слова *urda* даст новый материал, который поможет этимологам решить этот вопрос.

В данной работе принимаются во внимание лишь те значения слова *urda* и производных, которые относятся к переработке молока, поэтому мы оставляем в стороне всякого рода переносные значения [6]. Не учитываются также омонимы, например: укр. *ýрда*, *вýрда* 'выжимки из конопли, подсолнечника и т. д.', 'еда, напиток из тертых семян конопли, из переваренных жмыхов' [7], русск. диал. *гурдá* 'пища из жмыхов' [8], польск. *hurda* 'farsz z makucha' [9], укр. *фурдá* 'Dummheit, Kleinigkeit', *хурдá* 'kranker

---

[3] См. вступительную статью в кн.: С. Б. Бернштейн и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967. Настоящая статья написана тогда, когда материал для КДА еще не был собран полностью.

[4] «Вопросник Общеславянского лингвистического атласа», III. Warszawa, 1963 (раздел XXII. Пастбищное скотоводство. Pasterstwo).

[5] См., например: «Pasterstwo Tatr Polskich i Podhala», t. I—V. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1959—1963.

[6] Например, *вýрдитися*. . . '2) о людях: делать кислую физиономию, (Гринченко), *вурдитися* 'гніватися' (Н. П. Котлярська. Побутова лексика говірки с. Валяви Кіцманського р-ну Чернівецької обл. Чернівці, 1960. — ЧГУ).

[7] Козаківка Д, Ластівка Самб, Русів Сн, Незвисько Гор (КДА); Сивка, Мошковици К (J. Janów. Gwara małoruska Moszkowic i Siwki Naddniestrzańskiej z uwzględnieniem wsi okolicznych. Lwów, 1926, стр. 215); Каменец-Подольск (SGP VI, стр. 36); Писарівка Код (О. С. Мельничук. Словник специфічної лексики говірки с. Писарівки Кодимського р-ну Одеської обл. — ЛБ 2, 1952, стр. 75); П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики Середнього и Східного Полісся. Київ, 1961, стр. 72; Гринченко I, стр. 259.

[8] В. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 153.

[9] В районе польско-украинской границы: Томашув (L. Malinowski. O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze. —

oder magerer Schafe' (Желеховский II, стр. 1048; Гринченко IV, стр. 419), серб. *furda*, *vurda* 'strižice što terzije bacaju, a pune tim jastuke' (Сербия), *fürda* '1) utroba zaklane životinje, 2) odresci od bakra kod kazandžija' (Босния и Герцеговина) [10], болг. *урдá* 'отпадък', *хурдá* 'остатъци, дреб от тютюневи листа', *фурдá* '1) негодни за работа изрезки; дреб, отпадъци, 2) негодна стока, измет' [11], макед. *фурдá* 'табачная труха', *фýрда* 'нечиста лоша вълна, която се употребя не за работене, а за пълнене на дюшеци' [12]; также в румынском языке: *furdá* 'отходы при переработке шерсти или кожи' [13]. Перечисленные омонимы исключаются из рассмотрения на том основании, что происхождение их иное, чем происхождение слова *urda* [14]: они должны быть сопоставлены с тур. *hurde*, *hurda* [15].

I

Рассмотрим распространение слова *urda* и его семантику в севернославянских языках.

В у к р а и н с к о м языке слово *урда* в различном фонетическом оформлении — с протетическим согласным (*вýрда*, *ўýрда*, *гýрда* и т. д.) и без него — известно в юго-западных говорах. Данные КДА и других диалектологических материалов показывают, что северная граница его распространения проходит приблизительно по р. Днестру. На территории, расположенной к югу от этой границы, отмечены следующие значения данного слова.

1. В западной части (юг Львовской, запад и центр И.-Франковской областей), а также в некоторых селах на востоке (Черновицкая обл.) отмечено значение 'первичная густая сыворотка из овечьего молока, как правило переваренная, сверху которой в виде пены собирается творог (= сыр)': *ýрда* (Погар, Вовче,

---

«Rozprawy Akademji umiejętności. Wydz. Filologiczny», ser. II, t. II. Kraków, 1893, стр. 78), Люблин (SGP VI, стр. 36). Оно же приведено в Варшавском словаре (K a r ł o w i c z — K r y ń s k i — N i e d ź w i e d z k i VIII, стр. 346).

[10] RJA III, стр. 79; A. Š k a l j i ć. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, knj. I. Sarajevo, 1957, стр. 290.

[11] Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — БД. Пр. и мат. 2, 1965, стр. 287; Г. Х р и с т о в. Говорът на с. Н. Надежда. — ИИБЕ IV, 1956, стр. 245; БТР, стр. 914.

[12] МРР, стр. 520; И. А. Г е р г о в. Материали за речника на велешкия говор. — СбНУ XX, 1904, стр. 80; также: *вурдýк* 'неасолно фустанче' (С. П о п о в с к и. Зборови од Мариово. — MJ I, 1950, стр. 162).

[13] DLR II, стр. 346; D. S c h e l u d k o. Rumänische Elemente im Ukrainischen. — BA II, 1926, стр. 145.

[14] На неправомерность сближения подобных слов с *urda* указывал Д. Крынджалов (D. C r â n j a l ă. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelem k Moravskému Valašsku. Praha, 1938, стр. 406).

[15] Из перс. *ḫurde* 'маленькая вещь, кусочек' (A. Š k a l j i ć. Указ. соч., стр. 290); *хурда* [Osm.] 'вещь, не имеющая цены, мелочь' (В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. 2. СПб., 1899, стр. 1733).

В. и Н. Гусне, Майдан Самб, Яблунька Бг, Санківці Хт), *ʸу́рда* (Голубівка Нс), *ву́рда* (Гута, Манява Бг, Лопянка Д, Рідківці Нс, Зелена Кл), *ᵍу́рда* (Криве, Жупани Стр), *гу́рда* (Комарники, Н. Висоцьке, Ільник Самб, Опорець, Ялинкувате, Лавочне Стр, также в с. Синевир, Мжг).

2а. В центральной части Прикарпатья (Гуцульщина и примыкающие к ней районы в И.-Франковской и Черновицкой областях) и в Закарпатье (район Лесистых Карпат) распространено значение 'творог (=сыр), получаемый в процессе переваривания первичной сыворотки из овечьего молока': *у́рда* (Розлуч Самб, Лоїва Нд, Кошелівка Стор, Луг Т, Н. Ремета Мук), *ʸу́рда* (Плоска, Сергії, Шепіт Пт, Киселиці, Н. Шепіт, Розтоки Вж, Ст. Жадова Стор, Битків Нд, Бабин Кс, Кваси, Розтоки Т), *ву́рда* (Б. Ослави, Бистриця, Микуличин, Пасічна, Яблуниця Нд, Космач Бг, Білоберезка, Брустури, Буковець, Довгопілля, Н. Березів, Устеріки, Яблуниця Кс, Бистрець, Зелена, Криворівня Вх, Липовиця, Ясень, Тростянець К, Велике, Лопушна, Черешенька Вж [16], Брусниця, Лашківка, Шишківці Кц, Вовчинець, Турятка Гл, Снячів Стор, Грушівці Кл, Подвірна [17], Топорівці Нс, Руска Пт), *гу́рда* (Славське, Либохора Стр).

Подобное значение находим в различных записях диалектной лексики: *гу́рда* (Синевідсько); *ву́рда* (Вх) [18]; в гуцульских говорах: *urda* 'ser owczy z żentycy wygotowany' [19], *urda*||*wurda* [20], *wurda* [21], *wurda* (Яворов [22], Ясень [23]); *ву́рда* 'сыр овечий' (Глинниця Кц) [24], 'овечий сир гіршого сорту' (Валява Кц) [25], Берегомет Вж [26];

---

[16] Отмечено также слово *ву́рдэнка* 'кусочки творога на скисшем молоке'.

[17] Ср. также: *ву́рда* 'відходи при одержанні будза' (А. Г. Руснак. Словник специфічної лексики говірки с. Подвірна, Новоселицького р-ну Чернівецької обл. Чернівці, 1964. — ЧГУ).

[18] І. Верхратский. Знадоби до словаря южноруского. Львів, 1877, стр. 8. Также в словаре бойковского говора Ю. Кмита (Ю. Кміт. Словник бойківського говору. — «Летопис Бойківщини» IV. Самбір, 1934, стр. 38).

[19] J. Gregorowicz. Słownik wyrazów huculskich. — Pam. TT, V, 1880, стр. 34; ср. более раннюю фиксацию: X. S. Witwicki. Hucuły. — Pam. TT I, 1876, стр. 78.

[20] R. Kaindl. Pasterstwo i wierzenia pasterskie u Hucułów. — «Lud», II, Lwów, 1896, стр. 207.

[21] W. Szuchiewicz. Huculszczyzna, t. 1—2. Kraków, 1902, стр. 254; ср. ссылку на него в словаре Гринченко.

[22] R. W. Harasymczuk, W. Tabor. Etnografia połonin huculskich. — «Lud» XV, 1937, стр. 91.

[23] J. Schnaider. Garść podań zebranych w powiecie dolińskim i kałuskim. — «Lud» XIII, 1907, стр. 241; ср.: Он же. Z życia górali nadłomnickich. — «Lud» XVII, 1912, стр. 145.

[24] О. М. Курчак. Лексика говірки с. Глинниця Вашківецького р-ну Чернівецької обл. Чернівці, 1960. — ЧГУ.

[25] Н. П. Котлярська. Побутова лексика говірки с. Валяви Кіцманського р-ну Чернівецької обл., Чернівці, 1959. — ЧГУ.

[26] Ф. В. Мойсюк. Лексичні особливости говірки с. Берегомет Вижницького р-ну Чернівецької обл. Чернівці, 1959. — ЧГУ.

в Восточном Закарпатье: *у́рда*‖*ву́рда* 'сир що одержується після проварювання неварки' [27], *var'iát... úrdu* (Волове) [28], *урда* 'Molkenkäse' [29]. Данное значение отмечено, кроме того, в украинских говорах нижнего Поднестровья и прилегающих районов [30].

Особо отметим значение 'хорошо посоленый сыр' (!) (Куты Кс) [31].

2б. В одном из сел на западе Черновицкой области зафиксировано значение, которое до сих пор было неизвестно в языках карпатского ареала. В с. Коритне Вж. слово *ву́рда* значит 'творог (=сыр), получаемый в результате переварки сколотины из-под масла' [32] (при этом указанное слово одновременно имеет другое значение: 'творог (= сыр), получаемый из первичной сыворотки' и, кроме того, 'беловатый напиток, образующийся при варке конопляных жмыхов').

3. Кое-где в Прикарпатье слово *у́рда* значит 'севшее молоко' (Климець Стр), *ву́рда* 'нехорошее молоко' (или скисшее, или от больной коровы и т. д.) (Саджевка Нд), 'молоко, свернувшееся при кипячении' (Липа К, Пашківці Хт, Онут З), 'молоко що скипилося' (Любківці Сн) [33]. Именно с этими значениями связано значение производного глагола *урдитися* и под., широко известного в западноукраинских говорах [34]. Ср. в словаре Гринченко:

---

[27] И. О. Дзендзелівський. Назви молочних продуктів вівчарства в закарпатських українських говорах. — В сб. «Територіальні діалекти і власні назви». Київ, 1965, стр. 85.

[28] І. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей. Praha, 1938, стр. 450.

[29] I. Simonjenko. Almenwirtschaftliche Schafzucht der ukrainischen Bevölkerung in den Waldkarpaten im 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts. — Viehzucht, стр. 371.

[30] *ву́рда* (Приморське Тб — материалы 3-го тома АУМ, Киев), также: И. О. Дзендзелівський. Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я. — ЛБ 6, 1952, стр. 51; А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської обл. Одеса, 1958, стр. 72.

[31] І. Т. Різниченко. Лексичні особливости говірки с. Кути Косівського р-ну Station Станіславської обл. Чернівці, 1959. — ЧГУ.

[32] Такое же значение фиксируется лишь в южномакедонских говорах (см. ниже).

[33] М. І. Юрійчук. Словник говірки с. Любківці Заболотівського р-ну І.-Франківської обл. Чернівці, 1962, стр. 59. — ЧГУ.

[34] Например, по материалам КДА: *моло́ко́ с'а зґу́рдəло* 'скислось' (Н. Висоцьке, Комарники Самб), *зґу́рдəло‿с''і* (Мельнич Стр), *відвурдило‿с'а* 'сесть' (о молоке) (Климець, Стр), *заурдало‿с'а* 'свернулось' (В. и Н. Ґусне Стр), *моло́ко́‿с'і зґу́рдəло* 'заварилось, свернулось при кипячении' (Черхава Самб), *зву́рдəтə‿с''і* 'сесть' (Рудники Стр), *мо̂ло̂ко́ с'і‿зґу́рдəло* 'село' (Уличне Стр) *зу́рдило‿с'* е[и] 'скислось' (Козаківка Д), *у́ржəнə моло́ко́, зау́рдало.* (Ілемня К), *ву́рдит‿с''і моло́ко́, йаг‿зву́ржəнə моло́ко́* (Гошів Д), *зву́рдəтə‿с'ə* 'прокиснуть' (Клинівка Стор), *зву́рдəло‿с'а* то же (Рашків Хт). Также в рукописных словарях ЧГУ: *ву́рдитися* 'скипаться' (О. І. Бурдеїна. Словник специфічної лексики говірки с. Біловці Новоселицького р-ну Чернівецької обл. Чернівці, 1961), *зву́рдитися* то же (Подвірна Нс. — А. Г. Руснак. Указ. соч.), *зву́рдитись* то же (Н. С. Малайдах. Лексичні особливості говірки с. Рукшина

«*вýрдитися* — '1) о молоке: створаживаться' (Херс[он], Галиц[ия] [35])».

4. В одном из сел западнее г. Дрогобыча отмечено единичное значение: *гýрда* 'вид еды, приготовляемой из муки, которая варится в сыворотке' (Черхава Самб. — КДА).

* * *

В польском языке слово *urda* распространено лишь в подкарпатских говорах [36].

1. Наиболее полно можно представить его географию и семантику из карты № 176 атласа М. Малэцкого и К. Нича: *urda* 'lepszy gatunek żętycy, z wierzchu kotła' (п. 37, 39 — к югу от г. Н. Сонч), *χurda* 'то же' (п. 4 — к западу от г. Закопане, п. 5, 12 — к югу от г. Вадовице), *χorda* (п. 25 — к юго-востоку от г. Цешина), *urda* 'pogardliwie o żętycy' (п. 8 — к востоку от г. Н. Тарг); также в нескольких селах северо-восточной Словакии — на территории, примыкающей к польской границе: *urda* 'лучшая часть сыворотки' (п. 21 — к западу от г. Чадца, п. 10 — к западу и п. 11, 36, 38 — к востоку от г. Закопане) [37].

Данное слово с близкими к указанным значениям многократно фиксировалось в диалектных записях последней четверти XIX — начале XX в.[38]: *hurda* 'żętyca z kotła lepsza, zebrana z wierzchu, a gorsza, zostająca na spodzie, nazywa się zwarnica' [39]; *horda* 'tłuste części żętycy, które się w wierzchniej warstwie gromadzą' [40]; *hurda* 'tłuszcz, który wydziele się na powierzchni razem z ściętą lacto albumina' [41].

Хотинського р-ну Чернівецької обл. Чернівці, 1960), *вýрдитися* то же (Любківці Сн. — М. І. Юрійчук. Указ. соч.). Ср.: «*wurdzić się*, *hurdzić się*, 'o mleku jeżeli się ścięło, zhurdziło się', na Podolu: *urdzić się*, *zurdziło się*, *mleko*, *zurdzona śmietanka*» (запись из Дрогобыча. — SGP VI, стр. 181).

[35] Также: *вýрдити* 'створаживать', *вýрдитися* 'створаживаться', *вýрження* 'створаживание' («Українсько-російський словник», т. 1. Київ, 1953, стр. 305).

[36] Из словарей это слово отмечается в Варшавском (Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki VIII, стр. 346).

[37] M. Małecki, K. Nitsch. Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934, карта № 176.

[38] К сожалению, чаще всего без указаний на населенные пункты; сообщалось лишь, что слово «подгальское» или, в лучшем случае, «закопанское» и под., поэтому невозможно установить, изменилась ли территория его распространения за последние 50—60 лет.

[39] B. Dembowski. Spis wyrazów i wyrażeń używanych na Podhalu. — Sprw. TT 1890, стр. 7; это определение повторено: Он же. Spis wyrazów i wyrażeń używanych na Podhalu. — Sprw. KJ IV, 1891, стр. 304. Ср.: 'najtłuszcza, z wierzchu kotła zebrana żętyca' (Он же. Słownik gwary podhalskiej. — Sprw. KJ V, 1894, стр. 361).

[40] M. Wysłouchowa. Przyczynki do opisów wsi Wisły w Cieszyńskiem. — «Lud», II, 1896, стр. 140.

[41] Z. Jaworski. Pasterstwo w Tatrach polskich. — «Lud», VIII, 1902, стр. 45.

Сходное значение вошло в словарь Я. Карловича [42].

2. Несколько иное значение — 'творог, остающийся в сыворотке' — дает В. Матлаковский [43]. Ср. также значение 'хлопья на поверхности сыворотки', приводимое Б. Копчинской-Яворской [44].

3. В районе Закопане было отмечено следующее значение: *hurda* 'lura; złe mleko, piwo, wódka' [45], оно было повторено и в словарике А. Вжесневского: 'zły napój, lura: mleko, piwo' [46]. По мнению Д. Крынджалова, это значение — результат семантической контаминации с корнями *hurk-*, *hurm-*, *hurt-* [47].

* * *

В чешских говорах слово *urda* отмечено только в районе Карпат, в Поморавье (так называемая Моравская Валахия). Слово чаще всего фиксируется со значениями 'пена, выступающая на поверхности сыворотки при нагревании': *urda* (Всетин) [48], или 'то, что остается после переваривания сыворотки' [49]. Близкие значения приводятся в чешских словарях начиная со словаря И. Юнгмана [50] и кончая «Příruční slovník jazyka českého» [51]. Только Ф. Бартош дает для моравских говоров иное значение: 'smetana ovčího mléka' [52]. Далее слово *urda* известно на северо-западе и в центре Словакии — опять-таки в горных областях: *urda* 'prva najkvalitetnejšia žinčica zverchu' (среднее течение р. Оравы), *hurda* то же (верхнее течение р. Оравы) [53], *urda* 'творог после переваривания сыворотки' (Тренчин), *hurda* то же (Чадца) [54],

---

[42] Приводятся следующие формы: *urda*, *hurda*, *horda* (SGP VI, стр. 36); ср.: L. Malinowski. Указ. соч., стр. 9, 14.

[43] W. Matłakowski. Zdobienie i sprzęt ludu polskiego na Podhalu. Warszawa, 1901, стр. 124.

[44] B. Kopczyńska-Jaworska. Das Hirtenwesen in den polnischen Karpaten. — Viehzucht, стр. 426.

[45] W. Kosiński. Przyczynek do gwary zakopiańskiej. — «Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydzialu filologicznego Akademji umiejętności» X. Kraków, 1884, стр. 282.

[46] A. Wrześniowski. Spis wyrazów Podhalskich. — Pam. TT X, 1885, стр. 9.

[47] D. Crânjală. Указ. соч., стр. 405.

[48] J. Štika. Salašnictví na Moravském Valašsku ve světle literárních pramenů do poloviny 19 století. — «Etnografia Polska», V. Warszawa, 1961, стр. 91.

[49] J. Štika. Bádání o karpatskiém salašnictví a valašské kolonizací na Moravě. — «Slovenský národopis» IX. Bratislava, 1961, стр. 520.

[50] «*urda* (slc. et. . . vallach)='hustá lepšj syrowatka owčj, žinčiće, die dickern (und bessern) Schafmolken'», «*urditi*, *zurditi*, *wyurditi* (< *urda*) 'Molken machen'» (Jungmann IV, стр. 777).

[51] «*urda* (dial.) 'hustá ovčí syrovátka, ovčí tvaroh' (Olbracht)» («Příruční slovník jazyka českého», d. VI. Praha, 1951—1953, стр. 576).

[52] Fr. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1905, стр. 465.

[53] A. Habovšťak. O výskume pasterskej terminológie. — «Slovenský narodopis» IX, 1961, стр. 656.

[54] J. Štika. Salašnictví v Považské a Kysucké oblasti. — «Slovenský narodopis» VIII, 1960, стр. 357.

urda то же (Русава) [55]. Из словарей это слово и производные есть у К. Калала и в новейшем словаре словацкого языка: *urda* 'první smetana z žinčice', *urdit' sa* 'skysati o mléce' [56], 'prirodzene skvasené ovčie mlieko, sladká žinčica' [57].

* * *

Слово *urda* широко распространено и в неславянских языках карпатского ареала, прежде всего в румынском, из которого оно и перешло в славянские языки.

Слово отмечается в районе южных и юго-восточных Карпат (массивы Парынг, Бран, Родна и т. д.), где скотоводство, особенно овцеводство, получило наибольшее развитие [58]; оно обозначает: 'творог, приготовляемый путем переварки сыворотки из овечьего молока (Zieger, süsser Molkenkäse)' [59], это же значение находим в словарях: 'Art süsser Schafkäse: Ziegerkäse. Ist taubengrau und von butterartiger Konsistenz, wird aus der ersten Molke (*zărul de supt caş*) durch Kochen gewonnen' (Tiktin III, стр. 1689) [60], 'derivat al laptelui de oaie, care se obţine prin fierberea zerului rămas de la prepararea caşului sau de la alegerea untului' (DLR IV, 1957, стр. 590) [61]. К сожалению, в атласе румынского языка Э. Петровича нет специальной карты, посвященной слову *urdă*. Однако в какой-то степени можно представить территорию, на которой известно слово *urdă* и производные, по данным четырех карт (№ 307, 311, 418, 419): *ḑăr cu úrdă* 'jintiţa' (п. 36), *urdói* 'putineu' (п. 53), *hurdói̯ᵘ* то же (п. 95), *hurdᵘoi̯ᵘ* то же (п. 102), *urdárⁱ d''e pl'ev* 'lingură mare pentru urdă' (п. 260), *jînt''iță d''e úrdă* 'jîntiţa' (п. 353), *úrdă de váca* 'brînză de vacă' (п. 336), *úrdă* то же (п. 791, 848, 876), *urdárⁱ* 'lingură mare pentru urdă' (п. 872) [62]. Значение 'брынза из коровьего молока' отсутствует в словарях; интересно, что оно встречается не

---

[55] Fr. Taborský. Rusava. Olomouc, 1928, стр. 51 (цит. по: Machek, стр. 550).

[56] K. Kálal, M. Kálal. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1922, стр. 747.

[57] «Slovník slovenského jazyka», d. IV. Bratislava, 1964, стр. 696.

[58] Й. Влэдуциу. О горно-скотоводческом хозяйстве румынских мокан. (По материалам Цара-Бырсей). — «Советская этнография», 1962, № 6, стр. 85.

[59] I. Vlăduţiu. Almenwirtschaftliche Viehhaltung und Transhumance im Brangebiet (Südostkarpaten, Rumänien). — «Viehzucht», стр. 206, 230. Ср.: J. Podol'ak. Poznamky z výskumu karpatského pasterstva v Rumunsku. — «Slovenský narodopis» IV, 1961, стр. 124, 134.

[60] Там же приведен производный глагол: *a urdi* 'die Schafmolke während des Kochens mit dem Rührholz umrühren, damit die *urdă* nach der Oberfläche steigt'.

[61] Есть также глагол *urdi* 'a face urdă', с пометой «областное» (=«reg.»).

[62] E. Petrovici. Atlasul lingvistic romîn, vol. II. Bucureşti, 1956, карты № 307, 311, 418, 419.

в горных районах, а на равнине, в долине Дуная, где овцеводство играет меньшую роль, чем крупнорогатое скотоводство. Отмечены также следующие топонимы: *Urda*, *Dealul-Urdei*, *Urdarti-de-jos*, *-de-mijloc*, *-de-sus*, *Urdeş*, *Urdeasca*, *Urdeşti* [63].

Интересно, что район распространения указанных топонимов совпадает с территорией, на которой известно слово *urdă* (и производные) со значениями, связанными с переработкой молока.

Мы не располагаем сведениями о том, что в венгерских говорах на территории самой Венгрии распространено слово *urda*, однако известно, что венгерское население в Румынии (Трансильвания) знает это слово, являющееся несомненным заимствованием из румынского: *orda* 'Zieger' (в районе Клуж—Бистрица—Тыргу-Муреш—Турда) [64], *orda* то же (район Муреш—Одорхей) [65].

II

Интересующее нас слово известно в диалектах и южнославянских языков.

В болгарском языке слово *ýрда* отмечено в южных и западных говорах со следующими значениями.

1. 'Творог (=сыр), получающийся при переварке сыворотки из овечьего молока' ('извара от цвик'). Распространение этого значения в юго-восточной Болгарии видно из карты № 217 БДА: *ýрда* (п. 3370, 4029, 4005, 4007, 4009, 4021, 4043, 4049, 4424, 3982, 3984, 3996, 3998, 4000, 4001, 4006, 4010, 4012, 4014, 4854, 4892, 4898, 4923, 4933, 4934, 4935, 4937, 4938, 4752, 4754, 4688, 4690 — район южнее г. Бургаса, г. М. Тырново и Грудово, далее в Родопах — район г. Ивайловграда, Ардино, Златограда). Это же значение отмечено в других диалектологических материалах: *ýрда* 'отвара' (Странджа) [66], 'извара' (Родопы: См, Ар, Ас, Мд) [67], 'изварка' (ГД) [68], 'извара' (Разлог) [69], *ýрда* 'извара' (Радуил,

---

[63] N. Drăganu. Românii în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei şi onomasticei. Bucureşti, 1933, стр. 107.

[64] L. Kovács. Beiträge zur Frage der Esztena-Genossenschaften Melkgenossenschaften in der Siebenbürger Heide. — Viehzucht, стр. 357.

[65] L. Földes. Esztena und Esztena-Genossenschaft bei den Szeklern. — Viehzucht, стр. 301.

[66] Г. Горов. Странджанският говор. — БД. Пр. и мат. 1, 1962, стр. 148.

[67] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД. Пр. и мат. 2, 1965, стр. 287. Ср.: *ýрда* 'отвара' (Г. Кабасанов. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. — ИИБЕ IV, 1956, стр. 86; В. Дечев. Среднородопско овчарство. — СбНУ XIX, 1903, стр. 59, 82).

[68] Н. Арнаудов. По-редки думи от Неврокопско. — МПр X, № 1—2, 1936, стр. 170.

[69] Д. и К. Молерови. Народописни материали от Разложко. — СбНУ XLVIII, 1954, стр. 537.

Сам) [70], *у́рда*||*изва́ра* то же (Говедарци, Сам), [71], *у́рда* 'извара' (Соф, [72], Кюст [73], Брезник [74], Трын (архив БДС), Винга (Банат) [75].

2. 'Сыр (=творог), получаемый из разбитого с водой кислого молока' ('продуктът, който се приготвя от мътеница или прясно мляко' — БДА). Это значение отмечено главным образом в родопских говорах (п. 4666, 4704, 4681 — БДА), в районе Г. Делчев [76]; оно фиксируется в некоторых странджанских говорах (М. Тырново) [77] и кое-где в западной Болгарии: *урда* 'от «матеница»' (Бобошево, СтД [78], Кюст. [79], Н. Село Вид. — Архив БДС).

В ряде пунктов Странджи и в восточных Родопах словом *урда* обозначают оба указанных выше продукта (п. 4022, 4041, 4042, 4662, 4904, 4905 — БДА) [80]; также в районе Разлога: *урда* (Бабяк) [81].

---

[70] Р. Ангелова. С. Радуил. Самоковско. Народопис и говор. — ИССФ VIII—IX, 1948, стр. 386—175.

[71] Ст. Стойков и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. — ИИБЕ IV, 1956, стр. 328.

[72] З. Божкова. Принос към речника на Софийския говор (Материали от сс. Г. Баня, Бояна, Гурмазово, Княжево, Мировци, Суходол и Филиповци). — БД. Пр. и мат. 1, 1962, стр. 270. Ср.: Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД. Пр. и мат. 2, 1965, стр. 109.

[73] И. Умленски. Кюстендилският говор. — «Трудове по българска диалектология», кн. I. София, 1965, стр. 267. Ср. также в соседних с Кюстендилом областях: *у̀рдата* 'отвара' (Й. Захариев. Каменица. — СбНУ XL, 1935, стр. 144); *урда* 'извара' (Й. Захариев. Пиянец. Земя и население. — СбНУ XLV, 1949, стр. 148).

[74] А. Мартинов. Народописни материали от Граово. — СбНУ XLIX, 1958, стр. 787.

[75] Ст. Стойков. Румънски влияния в лексиката на български банатски говори. — В сб.: «Omagiu lui I. Iordan. Cu prilejul împlînirii a 70 de ani». București, 1958, стр. 824.

[76]*** Пътуване по долините на Струма, Места, Брегалница. — СбНУ XIII, 1896, стр. 348.

[77] Г. п. Аянов. М. Търново и неговата покрайнина. София, 1939, стр. 112.

[78] И. Кепов. Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко. — СбНУ XLII, 1934, стр. 46.

[79] И. Бояджиева. Кюстендилските полчани и техният говор. — ИССФ VII, 1931, стр. 195.

[80] В некоторых пунктах юго-восточной Болгарии данные БДА оказываются недостаточными, чтобы дать точный ответ, какой из двух продуктов называется *урда* (п. 4004, 4020, 4040, 4044, 4011 — БДА), поэтому они могут быть использованы лишь для выяснения границ распространения данного слова. Для этой же цели мы используем сведения, любезно сообщенные нам сотрудником Института болгарского языка (София) М. Младеновым: по материалам 2-го и 3-го томов БДА, готовящихся к печати, слово *урда* широко известно в юго-западных болгарских говорах (район г. Асеновград, Велинград, Смолян, Пещера, Девин, Г. Делчев, Разлог, Ст. Димитров, к югу от г. Панагюрище); в северо-восточной Болгарии это слово фиксируется лишь западнее г. Силистры.

[81] А. Примовски. Село Бабяк, Разложко. — В сб.: «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960, стр. 643.

Материалы БДА позволяют установить не только современную территорию распространения тех или иных значений слова *у́рда*, но и в известной степени представить, какой она была несколько десятилетий назад: как известно, при обследовании юго-восточной Болгарии по программе БДА собирались данные также из пунктов, где в настоящее время живут переселенцы из южной и западной Фракии, входящей ныне в состав Турции и Греции [82]. В селах возле г. Ивайловграда собран материал из западнофракийских районов: из с. Сачанли (п. 4904, 4905), Янюрен (п. 4892), Г. и М. Дервент (4854, 4937) и др.; эти сведения дополняют наши знания о распространении интересующего нас слова к югу от болгарской границы, почерпнутые из известной работы о быте и языке фракийских и малоазийских болгар: «от сурватка чрез преваряване правят *у́рда*» (Ятрос Виз), «чрез преваряване бърканицата се получава *у́рда*» (Ятрос Виз, Ерменикей УК) [83]. Ср. также: *ву́рда* 'млечно ядиво от бито млеко възварено' (Ятрос Виз) [84].

В западной Болгарии (район Софии) отмечен топоним, в основе которого — интересующее нас слово: *Urdina* [85].

Слово *у́рда* известно во многих македонских говорах (главным образом южных) со следующими значениями:

1. 'Продукт переварки сыворотки': *у́рда* 'извара' (Желюша Цб [86], Тетово [87], Никулич [88]), *у́рда* 'ишумик', *у́рден*, 'от или за урда, пълен с урда' (Велес) [89], *урдинó-меше* (Дебр) [90], *урдéлник* 'сукано со урда' (Тиквеш) [91], также в словаре: *у́рда* 'творог' (МРР, стр. 512).

---

[82] К началу XX в. болгары составляли значительную часть населения Фракии (см., например, карту в кн.: Л. Милетич. Разорението на тракийските българи през 1913 г. София, 1918). Однако в результате передвижений населения, происходивших в последующие два десятилетия, существенным образом изменился этнический облик этого края: основная масса болгар покинула прежние места жительства и переселилась в Болгарию (см.: БДА, ч. II. Статии. Коментарии. Показалци. София, 1964, стр. 19).

[83] Ст. Младенов, Хр. Кодов, Хр. Вакарелоки. Бит и език на тракийските и малоазийските българи, ч. 1. Бит. — ТрСБ V, 1935, стр. 95, 97.

[84] Там же, ч. 2, Език. — ТрСб VI, 1936, стр. 121.

[85] N. Drăganu. Указ. соч., стр. 616.

[86] Ц. Сталийски. Думи и форми от говорите в Видин, Вратца, Царибродско и др. — СбНУ V, 1891, стр. 229.

[87] Т. Стаматоски. Од лексиката на тетовскиот говор. — MJ III, 1952, стр. 93.

[88] Б. Русиħ. Никулич. — «Годишен зборник. Филозофски факултет на Универзитетот», VIII. Скопје, 1955, стр. 122.

[89] П. А. Георгов. Материали за речника на велешкия говор. — СбНУ XX, 1904, стр. 78. Ср.: *урдено мéше по дол се вáлка* (СбНУ VIII, 1892, стр. 254).

[90] А. Алексиев. Гатанки. От Дебърско. — СбНУ XVI—XVII, 1900, стр. 360.

[91] Б. Ристовски. Зборови од Тиквешко. — MJ IV, 1951, стр. 142.

2. 'Продукт переварки сколотины': *ŭrda*, *ŭrdata* 'to, co zostaje po przetopieniu masła lub przewarzeniu maślanki (zrazu na wierzchu, a potem opada na dno naczynia)' (Сухо, Висока Сол)[92].

В говорах отмечен также однокоренной глагол: . . . *се подурдило млекото* 'расипе, скисне' (Кичево) [93].

В сербохорватском языке слово *урда* фиксируется лишь в восточносербских говорах, в значениях: 'творог, полученный из молока, с которого сняты сливки' или 'творог, полученный в результате переварки сыворотки': *ỳрда* (Черногория, Герцеговина [94], обл. Шар-Планина, Беляница [95], Лесковац [96]), *вурда* 'извара, отвара' (Пирот) [97], *ŷрда* 'некакав ситан сир најлошијег квалитета, што се продаје на скопској пијаци' (Косово и Метохия) [98], *hurda* 'mlijeko vareno s kojeg se skine kajmak (skorup) i provari, da postane sitan sir', *hurdenjak* 'više pomenuti sir, koji se posoli i tako za duže trajnje priredi' (Босния и Герцеговина) [99]. Слово приводится в некоторых словарях без указания территории: «*ŷрда* [см. *грушевина* 'угрушано слатко илијеко, које се особито прави привијек дана кад крава отели; geronnene Milch']» (Караџић) [100].

* * *

Таким образом, слово *urda* имеет следующие значения:

1. 'Творог (=сыр) худшего качества, получаемый или из сыворотки после изготовления брынзы, или из кислого молока, разбитого с водой, или из сколотины после выделения масла'. Указанное значение отмечено в южнославянских, румынском, венгерском языках; из севернославянских — в говорах украинского и словацкого языков; в польском и чешском (моравские говоры) это значение отсутствует — есть лишь близкое: 'пена, выступающая на переваренной сыворотке'.

---

[92] M. Małecki. Dwie gwary macedońskie (Suche i Wysoka w Sołuńskiem), cz. II. Słownik. Kraków, 1936, стр. 122.

[93] Б. Видоески. Говорот и топонимијата на кичевските села от тајмишката група. — MJ IX, 1958, стр. 49.

[94] А. Шаулић. Прилог лексици народних говора. — «Наш језик» VIII, 1957, стр. 180.

[95] M. Lutovac. Iz stočarskog života u nekim našim krajevima. — ZbNŽO 42, 1962, стр. 326, 327.

[96] «. . . Sirutku opet greju dobro, pričem se odvoji *vurda*» (V. Petrović. Zaplańe ili Leskovačko u Srbiji. — ZbNŽO V, sv. 1, 1900, стр. 86).

[97] С. Христов. Материали за български речник. От г. Пирот. — СбНУ VII, 1892, стр. 231.

[98] Г. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта, св. 2. Београд, 1935, стр. 393.

[99] J. Zovko. Narodna jela i pića po Bosni i Hercegovini. — ZbNŽO, 1, 1896, стр. 110.

[100] Объяснение В. Караджича полностью перенесено в словарь Ф. Ивековича и И. Броза (Iveković—Broz II, стр. 658). К сожалению, пока не вышел из печати соответствующий том Академического словаря.

2. 'Густая сыворотка (переваренная или непереваренная), из которой еще не выделен вторичный творог'; отмечено лишь в районе Карпат (польские, словацкие, украинские говоры) [101].

3. 'Севшее, створожившееся, кислое молоко' — в некоторых украинских и восточносербских говорах.

4. 'Еда, приготовленная из сыворотки' (лишь в отдельных украинских говорах).

Из указанных четырех значений первые два, несомненно, являются наиболее старыми. Г. Джугля, подробно изучавший происхождение и семантику слова *urda*, полагает, что первоначальным является значение 'густая сыворотка', которое есть в севернославянских языках и утрачено, по его мнению, в румынском [102]. Однако, на наш взгляд, первичным является значение 'творог, получаемый из сыворотки'. В пользу этого говорят такие соображения.

1. В румынском языке и его диалектах к югу от Дуная (арумынском, мегленорумынском) [103] совершенно неизвестно значение 'густая сыворотка'.

2. Оно отсутствует и в остальных балканских языках — славянских и неславянских. Существующие различия в значениях легко могут быть сведены к инвариантному значению 'творог, получаемый из сыворотки, вторичный творог'.

3. Значение 'густая сыворотка' зафиксировано лишь на северной и северо-западной окраинах территории распространения слова *urda*, при этом данное слово имеет здесь и другие значения.

* * *

Как указывалось выше, еще не дано убедительной этимологии слова *urda*, существует много различных предположений относительно происхождения данного слова (достаточно полная сводка их содержится в упоминавшейся уже книге Д. Крынджалова о румынском влиянии в Карпатах [104]).

Выяснение происхождения слова *urda* не входит в задачи нашей работы — это дело этимологов. Однако нам кажется, что изучение указанного слова в плане лингвогеографии и установление зон его распространения дает этимологам некоторые новые факты, которые будут способствовать решению этого вопроса. По крайней мере несомненно, что приведенные выше сведения о географии и семантике слова *urda* позволяют определить область, где, по всей вероятности, оно возникло.

---

[101] Viehzucht, стр. 302.

[102] G. Giuglea. Crîmpeie de limbă şi viaţa romăna. — DR III, 1924, стр. 584.

[103] Некоторые лингвисты считают их самостоятельными языками; о дискуссии по этому вопросу см.: I. Coteanu. Criteriile de stabilire a dialectelor limbii romîne. — «Limba romînă» VIII. Bucureşti, 1959.

[104] D. Crânjală. Указ. соч., стр. 405—407.

Анализ современного географического распространения этого слова приводит нас к выводу, что наиболее вероятным следует считать появление его в той части Балканского полуострова, где контактируют носители балкано-румынских диалектов (resp. языков), албанского, новогреческого, македонского языков. Наличие данного слова, кроме македонских говоров (см. выше), также в арумынском: *urdă*, *urδă*[105], мегленорумынском: *urdă*[106], новогреческом: οὖρδα (Фессалия[107], Эпир[108]), οὖρδα[109] служило бы подтверждением этого предположения. Распространение слова в других районах Балкан и Карпат могло бы быть результатом значительных миграционных процессов, имевших место в средние века.

1. Например, тот факт, что слово *у́рда* употребляется в южноболгарских (родопских, рупских и части южнофракийских) говорах, можно рассматривать в связи с постепенным продвижением населения из центральных и южных областей Македонии на восток, к Черному морю[110]. Правда, в настоящее время не всем юговосточным болгарским говорам известно это слово: между родопскими и странджанско-факийскими говорами находится значительная территория, на которой вместо слова *у́рда* выступают его синонимы (*бдвара*, *ишумйк*, *нор* и др.)[111]. Объяснение этому следует искать в передвижении населения, происходившем в течение XVI—XVII вв.; в результате некогда непрерывная полоса южноболгарских говоров была рассечена мощными волнами

---

[105] Th. Capidan. Aromânii. Dialectul aromân. Studiu lingvistic. Bucureşti, 1932, стр. 192; T. Papahagi. Dicţionarul dialectului general şi etimologic. Bucureşti, 1963, стр. 1087—1088.

[106] Th. Capidan. Meglenoromânii, I. Istoria şi graiul lor. Bucureşti, 1935, стр. 83; I. A. Candrea. Viaţa păstorească la Megleniţi. — «Grai şi suflet», I. Bucureşti, 1923—1924, стр. 35.

[107] G. Meyer. Neugriechische Studien, II. Die slawischen, albanischen und rumänischen Lehnworte im Neugriechischen. — «Sitzungsberichte Kais. Akad. der Wiss. in Wien. Philos.-hist. Classe» CXXX. Wien, 1894, стр. 77.

[108] T. Papahagi. Указ. соч., стр. 1088.

[109] C. Höeg. Les Saracatsans. Une tribu nomade grecque, v. II. Textes. Paris—Copenhague, 1926, стр. 152.

[110] Подробнее об этом см.: Д. Яранов. Преселническо движение на българи от Македония и Албания към източните български земи през XV до XIX век. — МПр, VII, № 2—3, 1932. Автор указывает, что один поток переселенцев, направляясь во Фракию, шел через Неврокоп, Пещеру, по р. Марица (см. карту); установлено также, что в некоторых восточнофракийских селах живут выходцы из Водена, Тетово, Костура (стр. 94). Эти же миграционные процессы позволяют уяснить, почему слово *урда*, столь распространенное в южной Болгарии, в северо-восточной Болгарии отмечено всего лишь в нескольких компактно расположенных селах в Южной Добрудже: оно зафиксировано именно в том районе, куда, согласно материалам, приводимым Д. Ярановым, пришли переселенцы из Македонии (указ. соч., стр. 73, там же литература). Ср.: Г. п. Иванов. Говорът в Южна Добруджа. — «Списание на Българската академия на науките» LXXI. София, 1950, стр. 161.

[111] БДА, ч. I, карты № 217, 218.

переселенцев из северо-восточной Болгарии (так называемый «загорский клин», «загорцы» [112]), они прошли через горные районы Стара-планины и спустились на юг, на фракийскую низменность.

2. Слово *urda* распространено также в неширокой полосе восточносербских и части западноболгарских говоров. Эта полоса, кое-где прерывающаяся, может быть сравнена с мостом, который соединяет юг Балканского полуострова с румынской языковой территорией к северу от Дуная. Такое сравнение не случайно. Как известно, в период господства Римской империи через эту область проходила граница между областями, подвергавшимися романизации и грецизации [113]. И хотя впоследствии миграции населения существенным образом изменили этнический и культурный облик Балкан, здесь долго, дольше, чем в некоторых других районах, сохранялся романский элемент [114], так как именно через эту зону проходили пути движения румын с юга Балканского полуострова на север, в Карпаты [115]. Позднее жившее здесь румынское население было ассимилировано сербами, пришедшими сюда в XII—XIV вв. из горных районов (область Рашка), и болгарами, постепенно продвигавшимися на запад. Память о прежнем румынском населении сохранилась в топонимике [116] и в лексике местных славянских говоров, в частности в терминологии скотоводства.

3. В славянских языках карпатского ареала слово *urda* распространялось в результате движения кочевого пастушеского населения из южных Карпат на север, начало его относят к XIV в.[117]

---

[112] БДА, ч. II, стр. 14—15.

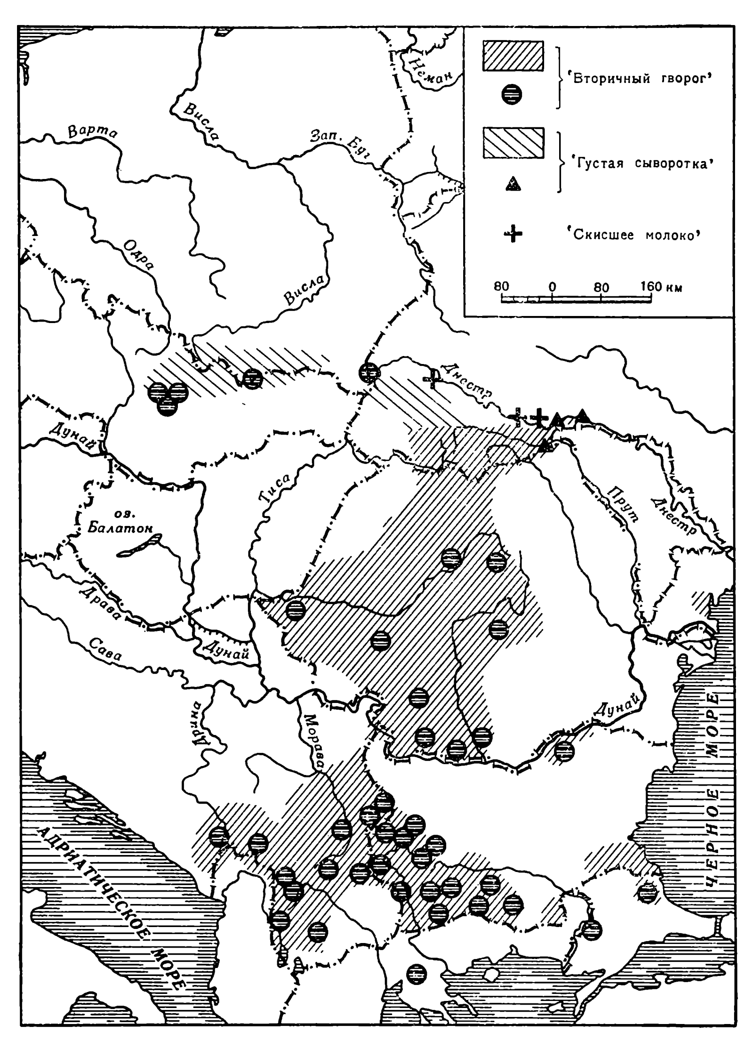
[113] Граница определена на основании данных эпиграфики, нумизматики и под. Подробнее см.: A. Rosetti. Istoria limbii române, v. I. Limba latină. Bucureşti, 1964, стр. 48; v. II. Limbile balcanice, стр. 34.

[114] A. Rosetti. Указ. соч., v. II, стр. 49; v. III, стр. 32. Ср.: I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 470. — Существование в указанной области в течение долгого времени романского (resp. румынского) этнического элемента, препятствовавшего контакту между сербами и болгарами, явилось, по мнению некоторых ученых, причиной возникновения различий между сербохорватским и болгарским языками (N. van-Wijk. Les langues slaves. De l'unité à la pluralité. Mouton, s'Gravenhage, 1956, стр. 101—102, 103).

[115] Даже те, кто в вопросе о происхождении румынского народа придерживаются автохтонной теории, не отрицают прихода некоторой части румын с правого берега Дуная.

[116] G. Weigand. Rumänen und Aromunen in Bulgarien. Leipzig, 1907, стр. 48; ср.: N. Drăganu. Указ. соч., стр. 612, 616—617, карта. Из работ последнего времени см.: И. Дуриданов. Нови дани от топонимия за изчезнало румънско население в Софийско. — «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960, стр. 470—478.

[117] Z. Gołąb. Генетички врски меѓу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент в ова подрачије. — МЈ X, № 1—2, 1959, стр. 49.

Распространение слова *урда* в различных значениях

* * *

Итак, если исходить из предположения, что слово *urda* возникло в указанной области (на юге Балканского полуострова) и что оттуда, как из центра, оно постепенно распространялось по всему полуострову и в Карпатах, то некоторые этимологии, не учитывающие данные лингвогеографии, должны быть поставлены под сомнение. Например, едва ли можно согласиться с утверждением С. Младенова о том, что слово *urda* < тур. *vurmak* 'бить' [118]. В раннее средневековье территория, на которой возникло указанное слово, была далека от областей, где турецкий элемент был настолько силен, что мог бы оказать влияние на балканские языки. Трудно допустить также, что слово *urda* вошло в эти языки в период завоевания турками Балканского полуострова, так как топонимы *Urda*, *Orda* (район Бихор) фиксируются в Румынии уже в XIII в., а в Венгрии, к юго-востоку от оз. Балатон, даже в XII в.[119]

Из всех предложенных до сих пор этимологий слова *urda* наиболее убедительной кажется этимология Х. Барича, исходящего для доказательства албанского происхождения этого слова из существования в индоевропейском двух альтерирующих корней: **S°r (-dhā́)* > алб. *hurdhë* 'specio di cacio in pezze, in forme' [120] и *sér (-dhiā)* > др.-алб. *ǵirdi̯a* > алб. *gjizë* 'творог' [121]. Во всяком случае, этой этимологии не противоречат приведенные выше данные лингвогеографии.

СОКРАЩЕНИЯ

Географические названия

Украинские

Бг	— Богородчани И. Ф.
Вж	— Вижница Ч.
Вх	— Верховина И.-Ф.
Гл	— Глубока Ч.
Д	— Долина И.-Ф.
З	— Заставна Ч.
Зак	— Закарпатская обл.
И.-Ф.	— Ивано-Франковская обл.
К	— Калуш И.-Ф.
Кл	— Кельменци Ч.

---

118 Впервые эта точка зрения была высказана им в рецензии на работу Т. Капидана о славянско-румынских языковых отношениях («Slavia», ročn. V, seš. 1. Praha, 1926, стр. 156), повторена позднее («Бит и език на тракийските и малоазийските българи». — ТрСб VI, 1936, стр. 121) и, наконец, нашла отражение в этимологическом словаре болгарского языка (Младенов, стр. 654).

119 N. Drăganu. Указ. соч., стр. 46.

120 A. Leotti. Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937, стр. 363; также: 'mouldy variety of cheese' (в центральногегских говорах — S. E. Mann. An historical albanian-english dictionary. London—New York—Toronto, 1948, стр. 164).

121 H. Barić. Lingvističke studije. Sarajevo, 1954, стр. 39.

Код — Кодыма
Кс — Косов И.-Ф.
Кц — Кицмань Ч
Лв — Львовская обл.
Мжг — Межгорье Зак.
Мук — Мукачево Зак
Нд — Надворная И.-Ф.
Од — Одесская обл.
Пт — Путила Ч.
Самб — Самбор Лв.
Сн — Снятин И.-Ф.
Стор — Сторожинец Ч.
Стр — Стрый Лв.
Т — Тячев Зак.
Тб — Ташбунар Од.
Хт — Хотин Ч.
Ч — Черновицкая обл.

Польские

4 — Витов
5 — Завоя
8 — Зажече
10 — Жджяр
11 — Лесек
12 — Подвилк
21 — Высока
25 — Висла
36 — Дружбаки
37 — Киче
38 — Плавница
39 — Круклик Волоски

Болгарские

3370 — Извор Брг
3982 — Горска поляна Гр
3984 — Воден Елх
3996 — РосснОво Гр
4006 — Богданово Брг
4007 — Индже войвода Брг
4009 — Бяла вода МТ
4010 — Кирово Гр
3998 — Сливово Гр
4000 — Факия Гр
4001 — Г. Буково Гр
4004 — Крушевец Гр
4005 — Въвшило Брг
4011 — Желязково Гр
4012 — Д. Ябылково Гр
4014 — Г. Ябылково Гр
4020 — Звездец МТ
4021 — Моряне МТ
4022 — Брышлян МТ
4029 — Н. Паничарево Брг
4040 — Заберново МТ
4041 — Кондолово МТ
4042 — Былгари М
4043 — Граматиково МТ
4044 — Стоилово МТ
4049 — Синьоморец МТ
4424 — Резово М
4662 — Вырбина Мд
4666 — Буково См
4681 — Ерма река Мд
4688 — Ахряне См
4690 — Лыджа См
4704 — Желтуша Ар
4752 — Неделино Злт
4754 — Старцево Злт
4854 — Планинец Ив
4892 — Пыстроок Ив
4908 — Гугутка Ив
4904 — Благовец Ив
4905 — Ботурче Ив
4909 — Г. Юруци
4923 — Драбишна
4933 — Сив кладенец Ив
4934 — Меден бук Ив
4935 — Д. Луково Ив
4937 — Черна черкова Ив
4938 — Г. Луково Ив

Ар — Ардино
Ас — Асеновград
Брг — Бургас
Вид — Видин
Виз — Визен (Турция)
Гр — Грудово
ГД — Гоце Делчев
Елх — Елхово
Злт — Златоград
Ив — Ивайловград
Кюст — Кюстендил
М — Мичурин
Мд — Мадан
МТ — М. Тырново
Пав — Павелско
Сам — Самоков
См — Смолян
СтД — Ст. Димитров
УК — Узун-Кюпрю (Турция)

Источники

АУМ — Атлас української мови, т. 1 (в печати); т. 2 (готовится к печати во Львове), т. 3 (материалы хранятся в Киеве).
БДА — Български диалектен атлас, I. Юго-Източна България, ч. 1. Карти; ч. 2. Статии. Коментарии. Показалци. София, 1964.

БД. Пр. и мат. — Българска диалектология. Проучвания и материали, кн. 1. София, 1962; кн. 2. София, 1965.

БДС — Болгарский диалектологический словарь (картотека хранится в Институте болгарского языка в Софии).

БТР — Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник. София, 1955.

Железховский — Е. Желеховский. Малоруско-німецкий словарь, Hf. 1, Львів, 1883; Hf, 2, Львів, 1886.

ИИБЕ — Известия на Института за български език. София.

ИССФ — Известия на Славянския семинар по филология. София.

КДА — Карпатский диалектологический атлас (материалы хранятся в Институте славяноведения АН СССР в Москве).

ЛБ — Лексикографічний бюлетень. Київ.

Mj — Македонски јазик. Скопје.

МПр — Македонски преглед. София.

МРР — Д. Толовски, В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-руски речник. М.

СбНУ — Сборник за народни умотворения и книжнина. София.

ТрСб — Тракийски сборник. София.

ЧГУ — Материалы словаря украинских говоров Черновицкой области, хранящиеся на кафедре украинского языка Черновицкого университета.

ALR — Atlasul lingvistic romîn, v. I—IV. Bucureşt, 1956—1965.

BA — Balkan-Archiv. Leipzig.

ČL — Český líd. Praha.

DLR — Dicţionarul limbii romîne literare contemporane, v. I—IV. Bucureşti, 1955—1957.

DR — Dacoromania. Cluj.

Pam. TT. — Pamiętnik Towarzystwa Tatrańskiego. Kraków.

SGP — J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. I—VI. Kraków, 1900—1911.

Sprw. KJ — Sprawozdania Komisji językowej. Kraków.

Sprw. TT — Sprawozdania Towarzystwa Tatrańskiego. Kraków.

Viehzucht — Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographische Studien. Budapest, 1961.

ZbNŽO — Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Zagreb.

Г. К. Венедиктов

К ИСТОРИИ БОЛГ. *часовник*

Относительно появления слова *часовник* 'часы' в болгарском литературном языке существуют разные точки зрения.

Наиболее распространено мнение, что слово *часовник* было создано известным болгарским пуристом XIX в. Иваном Богоровым (ок. 1820—1892). Это слово стало хрестоматийным примером для иллюстрации немногих неологизмов И. Богорова, прочно вошедших в словарный состав современного литературного языка. Еще Б. Пенев отмечал, что из большого числа созданных И. Богоровым неологизмов «все же несколько слов осталось и до настоящего времени. Так, например, слово *чакалня*, а также *часовник*. . . постепенно, незаметно усваиваются и уже не производят впечатления» [1]. Несколько позднее Ст. Стойков писал, что «несмотря на все ошибки, увлечения и крайности, пуристическая деятельность (Богорова. — *Г. В.*) не прошла, не оставив следов в словаре нашего литературного языка. Некоторые из его слов, например *часовник*, *чакалня*, *околност*, *молба* (русск. *прошение*), *вестник* и др., которые в свое время казались смешными и невозможными, в настоящее время являются ценным достоянием болгарского языка» [2]. С именем И. Богорова связывает создание слова *часовник* в болгарском литературном языке М. Москов [3]. Эту же точку зрения авторитетно подтвердила и «Краткая болгарская энциклопедия», в которой говорится, что «большая часть слов, созданных Богоровым и предложенных им взамен иноязычных заимствований, неуместна, но от Богорова осталось в болгарском языке и несколько общеупотребительных слов: *бележка*, *чакалня*, *часовник* и др.» [4].

Менее категорически о создании слова *часовник* И. Богоровым говорит Р. Русев. Он отмечает, что благодаря Богорову в болгар-

---

[1] Б. Пенев. История на новата българска литература, т. 3. София, 1933, стр. 894.

[2] Ст. Стойков. Иван Богоров и чуждите думи в българския език. — «Език и литература», год I, 1946, кн. 2, стр. 11—12. См. также предисловие Ст. Стойкова к кн.: И. Богоров. Избрани страници. София, 1947, стр. XXVIII.

[3] М. Москов. Борбата против чуждите думи в българския книжовен език. София, 1958, стр. 53.

[4] «Кратка българска енциклопедия», т. I. София, 1963, стр. 258.

ском литературном языке утвердился ряд обычных в настоящее время слов, «среди которых имеются и сочиненные им самим, какими наверное являются» и *бележка*, *чакалня*, *часовник* [5]. Относительно *часовник* Р. Русев далее добавляет, что это слово встречается до Освобождения Болгарии (1878 г.) не только в произведениях И. Богорова, но под влиянием Богорова и в произведениях других авторов. «Если Богоров и не сочинил это слово, — замечает Р. Русев, — он, во всяком случае, его употреблял, а после Освобождения рекомендовал его употребление в «Чистобългарска наковалня» («навий часовника» вместо «навий сахатя»). . .» [6].

Р. Русев, таким образом, полагает, что слово *часовник*, возможно, и не было сочинено самим Богоровым, но в употреблении этого слова другими авторами до Освобождения Болгарии он усматривает влияние Богорова.

С именем Богорова связывает появление *часовник* в литературном языке и Л. Стоичкова. Однако, в отличие от упомянутых выше авторов, она квалифицирует его не как новообразование Богорова, а как народное слово, которое наряду с такими народными, по ее мнению, словами, как *чакалня*, *бележка*, *сегашно*, *свръзка*, Богоров ввел в литературный язык [7]. С этим мнением нельзя согласиться. Ненародный характер происхождения по крайней мере некоторых из этих слов очевиден. Что же касается *часовник*, то, как увидим ниже, не И. Богорову принадлежит заслуга введения этого слова в современный болгарский литературный язык.

Иную точку зрения высказал А. Теодоров-Балан. По его мнению, «слово *часовник* вместо турецкого *сахат* было создано в эпоху Каравелова—Ботева» [8]. А. Теодоров-Балан, таким образом, не связывал появление слова *часовник* в литературном языке и его создание непосредственно с именем Богорова, а само появление этого слова в литературном языке он относил, вероятно, к 60—70-м годам XIX в. — годам творчества Л. Каравелова (1837—1879) и Хр. Ботева (1848—1876) [9].

В действительности же слово *часовник* появилось в болгарском литературном языке раньше, чем принято думать. Впервые,

---

[5] См. предисловие Р. Русева к кн.: И. Богоров. Избрани произведения. София, 1963, стр. 11.

[6] Там же.

[7] См. предисловие Л. Стоичковой к кн.: И. Богоров. Избрани произведения. София, 1942, стр. X.

[8] А. Теодоров-Балан. Нашът език. — «Училищен преглед», год. XLI, 1942, кн. 3, стр. 305.

[9] Косвенным свидетельством того, что А. Теодоров-Балан относил создание слова *часовник* к этим именно десятилетиям, служит и указание его на перевод в 1863 г. русск. *карманные часы* как *малкитѣ за въ пазуха часове* и на употребление *сахат* в значении 'часы' в повести В. Друмева «Нещастна фамилия» (1873 г.). В обоих случаях слово *часовник* еще не используется.

насколько нам известно, оно употреблено в книге Христаки Павловича «Разговорникъ греко-болгарскій за оныя, кои-то желаятъ Греческій языкъ да се научатъ», изданной в 1835 г. В этой книге *часовник* (в членной форме: *часовник-о*) приведено как соответствие гр. τὸ ὡρολόγιον в словарной части (стр. 9) и дважды в следующем диалоге:

— Не знаете ли кой е часъ.

— Не мамъ тува *часовник-а* си.

— И азъ заборавихъ дома мой-а. Не отхожда добре мой-о: запре днесъ рано.

— Има близо пладне мнимъ.

— Сега предъ една минута удари общій-о *часовникъ*, обаче не го четохъ (стр. 49—50).

В первом случае словом *часовник* обозначены небольшие, карманные (может быть, даже дамские) часы, а во втором случае — в сочетании с прилагательным *общій-о* — городские, вероятно, башенные часы. Важно при этом отметить, что в обоих случаях *часовник* не сопровождается поясняющими словами, которые мы нередко находим в болгарских изданиях эпохи Возрождения при непонятных или малопонятных, по мнению авторов книг, для читателей словах [10]. Это обстоятельство может служить косвенным доказательством того, что *часовник* уже в середине 30-х годов XIX в., вероятно, не воспринималось как новое, совершенно незнакомое и требующее соответствующего пояснения слово. В этой связи интерес представляет и сложное слово *часовникотворец* 'часовщик', употребленное в том же «Разговорнике» Хр. Павловича в словарной части (стр. 13) и в следующем диалоге: Чія е тая къща? — Е на едного *часовникотворца* (стр. 71). Употребление Хр. Павловичем этого слова, в состав которого входит *часовник*, так же может свидетельствовать о том, что *часовник* в то время не было, вероятно, для болгар новым словом.

В 40-е годы слово *часовник* уже употреблялось довольно часто. Так, лишь в одной книжечке «Психологіа или душесловіе за ouченіе на дѣцата» (Смирна, 1844), небольшой по объему (57 страниц текста в 16°) [11], это слово употреблено 44 раза в значении 'часы (вообще)' и 'дамские часики'. Приведем лишь несколько примеров: *Часовнико* треба да се навыва сосъ ключъ и има внетре затѧгалчица, кодто обраща колелцата (12); Знаешь ли, мамо, когато ми показа малките оніѧ нѣща въ *часовникатъ* (стр. 24); Но колелцата въ *часовникатъ* щеха ли да се движатъ, ако ги не теглеше затѧгалчицата (стр. 28); Г. Анна оучи Иванча, какъ да

---

[10] Ср., например, в этом же «Разговорнике» в разделе «Сокращенна болгарска історія»: *флота* с пояснением в сноске «войска, що-то бива сосъ корабли» (стр. 96), *инокъ* с пояснением в скобках «калугеръ» (стр. 99).

[11] Автор перевода этой книжечки с греческого языка точно неизвестен. По мнению одних (Н. Начов, М. Стоянов), перевод этот был сделан Ботьо Петковым, по мнению других (И. Шишманов), — К. Фотиновым.

навіе *часовникатъ*, който го навы твѫрдѣ добрѣ (стр. 31). Дважды в этой же книжечке употреблено и производное *часовниче*: Какво хубаво *часовниче*! (стр. 11); Ахъ, да имахъ азъ таково *часовниче*, да ми показува часыте! (стр. 11). Отметим, что переводчик этой книжки, как и Хр. Павлович, нигде не поясняет слово *часовник* другими словарными соответствиями. Употреблено слово *часовник* в книге «Снотолкователь болгарскій» (Букурещъ, 1844): *Часовникъ* (сахатъ) ако сanувашъ, значи сокращеніе на живота (стр. 38). Слово *часовник* встречается также в книге «Перва понятия за детинско употребление» (Белград, 1847), переведенной с французского языка Эм. Васкидовичем: — Ако пакъ видите нѣкой укаченный *часовникъ* на кого-то минутопоказательатъ и часопоказательатъ добропорѧдочно показуватъ минуты те и часове те, вы подобно бы казали: Трѣба да го е направилъ нѣкои Часотворецъ! (стр. 2) [12]. Здесь словом *часовник* (в сочетании с причастием *укаченный*) обозначены настенные часы. (Попутно отметим, что Эм. Васкидович в значении 'часовщик' использует *часотворец*, производное от *час* или *часы*, *часове*, а не от *часовник*; ср. выше *часовникотворец* у Хр. Павловича; ср. и *часотворец*, *часотворство* в журнале «Пчелица» П. Славейкова: А Христіанъ Уйсехъ . . . чрѣзъ изнамирваніето на сѣмковидното пружило (зембелекъ) положи основытѣ на по-новото *часотворство*. — «Пчелица», 1871, кн. V, стр. 78; Арх. сл. Возр.) Слово *часовник* находим также в «Новый българсій букварь» К. и Г. Владикиных, изданном в 1847 г. Здесь оно, правда, употреблено не в связном контексте, а в числе примеров на трехсложные слова (стр. 19), поэтому, естественно, у нас нет полной уверенности в том, что это слово имеет и здесь значение 'часы'.

После этих примеров обратимся теперь к И. Богорову. Известно, что литературная деятельность И. Богорова началась в 1842 г., т. е. через семь лет после выхода из печати «Разговорника греко-болгарского» Хр. Павловича, в котором, как сказано выше, уже было употреблено слово *часовник*. Вполне понятно, что И. Богоров, которому в 1835 г. было около 15 лет, разумеется, не мог ни создать слова *часовник*, ни оказать какого-либо влияния на Хр. Павловича, впервые, насколько нам известно, зафиксировавшего это слово в печатном произведении. Более того, в своих первых произведениях И. Богоров в значении 'часы'

---

[12] Этот пример — хронологически самый ранний случай употребления слова *часовник* среди примеров, собранных к концу февраля 1966 г. для подготавливаемого словаря болгарского литературного языка эпохи Возрождения. Это важно оговорить, так как картотека постоянно пополняется новыми материалами. С некоторыми материалами этого словаря я имел возможность ознакомиться в феврале 1966 г. с любезного разрешения проф. Л. Андрейчина — директора Института болгарского языка Болгарской Академии наук, в котором ведется работа над этим словарем. Цитируемые в настоящей заметке примеры, взятые из картотеки этого словаря, даются с пометой: Арх. сл. Возр.

употреблял не *часовник*, а турецкое заимствование *сахат*, широко употребительное в то время в болгарском языке. Так, в книге «Всеобща географія за дѣцата», вышедшей в 1843 г. в Белграде, встречаем такие примеры с *сахат* 'часы': 1) Неговѫтъ сѫборъ е най-хубаво зданіе . . . съ най высокѫ въ цѣлѫ Европѫ званилницѫ. . . на която ся намира *сахатъ*, който показва часоветѣ, на днитѣ, недѣлитѣ, мѣсяцитѣ и обрѫщението на много планеты (стр. 136); 2) Тука (в Нюрнберге. — *Г. В.*) в XVI вѣкъ Петѫръ Гель измыслилъ *сахатытѣ*, които нарекли най напредъ Нюренбергски яйца (стр. 179); 3) Въ Швейцаріѭ има твѫрдѣ добри фабрики за *сахаты* и матеріи (стр. 202); 4) Въ него (в г. Женева. — *Г. В.*) има твѫрде добри фабрики за *сахаты* (стр. 204). Не находим слова *часовник* и в известном словарике в книге И. Богорова «Пѫрвичка бѫлгарска грамматика» (Бухарест, 1844), в котором к слову *сахат*, имевшем в болгарском языке значения 'час' и 'часы', указано соответствие только *час* (стр. 125). Трудно сказать, имел ли в виду Богоров, указывая *час* при *сахат*, оба значения последнего или только одно из них — 'час'. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что при *сахат*, имевшем и значение 'часы', Богоров не приводит слова *часовник*. Также *сахат* вместо *часовник* И. Богоров употреблял и в 1846 г.: Самоков има 3 цѫркви, 12 джаміи . . . 1 *сахатъ* на кула, 40 хана («Български орел», бр. 2 от 20.IX 1846 г.).

Когда же Богоров впервые употребил слово *часовник*? По нашим наблюдениям, — в книге «Еничерете», изданной в 1849 г.[13] Вот этот пример: — Отъ истина, отговори капитанъ-тъ като съгледваше *часовника* си (стр. 11). Начиная с этого времени Богоров уже регулярно для обозначения часов использует *часовник*. Характерно, например, то, что в книге «Кратка географіа математическа, физическа и политическа», изданной в 1851 г. в Бухаресте, Богоров употребляет это слово в тех же местах, где ранее, в «Всеобща

[13] Имея это в виду, следует думать, что и в книгах, вышедших из печати в 1850 г., слово *часовник* было употреблено без влияния Богорова. Так, трижды слово *часовник* находим в книге «Индійска-та хижа», которую «поболгарилъ» А. Гранитский: Докторъ-атъ взе кошница-та и рече Парію: «. . . Пріими тойзи златный *часовникъ*, кой-то е направенъ отъ Гринама най прочутаго Лондонскаго часовщника». Парія-та му отговори: «Господарю, не имамъ потрѣба от него; мы имаме всегдашный *чесовникъ* (sic! вероятно, опечатка. — *Г. В.*) солнце-то». — *Часовникъ-атъ* ми біе часове-те, рече Докторъ-атъ (стр. 66). Слово *часовник* встречаем также в книге К. Вардалаха «Ученія за дѣца-та», переведенной с греческого языка А. Никопитом: Ако виждате *часовникъ* (сахатъ), бихте рекли часовщникъ е направилъ тойзи *часовникъ*, не е возможно да ся е направилъ онъ самъ (стр. 9). Пояснение *часовник* словом *сахат* здесь говорит или о том, что, по мнению переводчика, *часовник* не было еще общеизвестным среди болгар и потому оно нуждалось в пояснении общеупотребительным *сахат*, или о том, что переводчик сознательно отдавал предпочтение славянскому *часовник* перед турецким заимствованием *сахат*. В приведенных примерах интересно также и слово *часовщник* 'часовщик', образованное, по-видимому, не без влияния русск. *часовщик*, так как иначе трудно было бы объяснить наличие в нем *щ*.

Ґеографія за дѣцата» (1843; примеры см. выше), он употреблял слово *сахат*. Ср.: 1) Въ него (в Нюрнберге. — *Г. В.*) сѫ ся измыслили изпрьво на IS вѣкъ отъ нѣкого си Петра Еля *чясовници-ти* за въ пазухѫ, наречени тога съ Нюремберская яйца (стр. 122); 2) (Г. Женева) прочютъ . . . за неговы-ты учебны заведенія и рѫкодѣлія и пай-паче за работаніе-то на *чясовници-ты* (стр. 142); 3) По прѣдѣлни-ты градове имѫтъ прѣминувателнѫ търговіѭ, и фабрикы за писаны платна, пьстрила, и за *чясовници*, които ся изваждатъ доста въ много мѣста на Европѫ (стр. 143).

Из приведенных выше примеров следует, что слово *часовник*, во-первых, не было создано во времена Л. Каравелова и Хр. Ботева и, во-вторых, оно не было создано И. Богоровым. Оно уже было употреблено в печатном произведении 1835 г., т. е. за два года до рождения Л. Каравелова, за 13 лет до рождения Хр. Ботева и за семь лет до выхода в свет первой книги И. Богорова. По-видимому, первым, кто употребил слово часовник в печатном произведении на болгарском языке, был Хр. Павлович. Наше предположительное суждение об этом объясняется тем, что в нашем распоряжении не было ряда болгарских книг, изданных до 1835 г., и мы не могли поэтому проверить, действительно ли до «Разговорника» Хр. Павловича это слово не встречается в произведениях болгарских авторов. Вполне возможно, что слово *часовник* употреблялось в болгарском языке и до 1835 г., но оно могло остаться просто не зафиксированным в печатных произведениях, которых к тому времени вообще было издано еще мало, причем большая часть их была религиозного содержания, где употребление слова *часовник* заранее можно почти исключить.

Что касается вообще происхождения слова *часовник* в болгарском языке, то, по-видимому, нет достаточных оснований считать его поздним собственно болгарским новообразованием. Известно, что такое же слово в значении 'часы' издавна, уже с XIII в., употребляется в сербохорватском языке [14].

Слово *часовник*, единственное в современном литературном языке обозначение часов, на протяжении XIX в. употреблялось параллельно с другими словами.

Наиболее распространенным и употребительным было упомянутое выше турецкое заимствование *сахат*, которое вышло из сферы литературного языка в начале XX в. В настоящее время это слово воспринимается как «народное» (см. «Речник на съвременния български книжовен език», т. III. София, 1959, где приведен пример из Пенчо Славейкова: Чуй! Осем бие градският сахат).

Изредка употреблялась в значении 'часы' и форма множественного числа *часы*. Ее указывает Н. Рилский как одно из соответствий — наряду с *час* в значении отрезка времени — при слове

---

[14] «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», I. Zagreb, 1880—1882, стр. 904.

сахат в известном словарике «Рѣчи турски и нѣколко гречески». Н. Рилский при этом поясняет: *часы́*, то есть орудіе, показывающее часы (Н. Рилски. Болгарска грамматіка. Въ Крагуевцѣ, 1835, стр. 207). Встречаем это слово и в книге «Галерея из Монтіоновскы преміи» (Одесса, 1857), переведенной с русского языка С. Радуловым, например: Продалъ си новыя дрѣхы и златны *чясы*, които му бѣхѫ подарены отъ префекта въ торжественный день училищный (стр. 36). Интересно, что и С. Радулов в приложенном к этой книге словаре под названием «Изясненіе, за нѣкои лица, места, рѣкы, градове и не всѣкому разумителны думы, кои ся срѣшать въ тѫсь книгѫ» приводит *часы* с толкованием «механическо орудіе, кое показува время-то» и турецким заимствованием *сахат* (стр. 267). Очевидно, и в конце 50-х годов, как и в середине 30-х годов XIX в., слово *часы* в значении часов оставалось малоизвестным и нуждалось в соответствующем истолковании.

Изредка употреблялась в значении часов также и форма множественного числа *часове*. Сочетанием *малките за в пазуха часове* обозначались карманные часы, на что уже обратил внимание А. Теодоров-Балан, приведший пример такого употребления *часове* в 1863 г.[15] Нам известен пример более ранний. В журнале «Български книжици» за 1859 (ч. III, кн. 1, стр. 697 сл.) напечатана статья под названием «Изобретеніе *на малкы-ты за въ пазвѫ часове*», в которой речь идет об изобретении карманных часов. Ср. также и пример из этой статьи: При тыя думы старый масторъ извадилъ отъ пазвѫ си первое нюренбергское яйце: тъй начнали тогава да назовавѫтъ *малкія за въ пазвѫ часове*, съобразно съ нихнѫ формѫ, коя приличяла на яйце (стр. 781). Употреблялось слово *часове* и для обозначения не только карманных часов. Так, в этой же статье из «Български книжици» читаем: Едному Италіянцу дошло му на умъ да направи еднѫ много малкѫ машинкѫ, по коѭ да може да ся познава врѣмя, тѫй сѫщо както ся познава и по голѣмыя *часове* (стр. 779). См. также в ремарке в пьесе «Дворянскы выборы» (Кишново, 1843), переведенной с русского языка: Бѣлокосовъ (погледа на *часовете*): Ну вече е время да идимъ (стр. 15). Употреблялось *часове* 'часы' и в 70-е годы, например С. Бобчевым: Презъ лѣтото на 1769 година Английско-то правителство тури гюмрюнъ на стъклото . . ., на кожитѣ на боитѣ и на *часоветѣ*, предметы носени въ Америка изъ метрополията («Животът на Франклина», 1874, стр. 81; Арх. сл. Возр.).

В значении 'часы' иногда употреблялась также и форма единственного числа *час*, например у П. Славейкова: Негово Прѣвосходителство, генералътъ, погледнѫ *чясътъ* си и каза («Последното ми ходяние в София», 1883, стр. 35; Арх. сл. Возр.).

---

[15] А. Теодоров-Балан. Указ. соч., стр. 305.

К. Фотинов для обозначения часов употреблял *часослов*: (Јапони те) правать отъ персть та (землѧ та) изрѧдны сосуды (садове), стекла (џамїѧ), *часословы* (сахате) и други много изрѧдны вещи («Любословие», 1842, стр. 23); Махина може да се казува подобно и на еденъ *часословъ* (сахатъ, ὡρολόγιον), на кой то една само сила сирѣчь оттласкатель-о (зембелек-о) прибуждава да работатъ въ него други-те колела и да показуватъ часове-те, минути-те и пр. («Любословие», 1844, кн. 1, стр. 7). Несколько позднее К. Фотинов стал употреблять и *часословник*: Пріехъ отъ Г. К. П. единъ златенъ *часословникъ* (сахатъ), за да го предамъ въ Самоковъ на Госп. Алексіа А. («Болгарскій разговорникъ за оныѧ, кои обычатъ да се навыкнуватъ да говоратъ гречески». Смирна, 1845, стр. 88); Сега затвори очите си и кажи ми: ако е *часословнико* златенъ или сребъренъ? («Душесловіе за поученіе на дѣцата», ч. 2. Смирна, 1852, стр. 18; Арх. сл. Возр.); Като сѧ разговорихме за малките колелета на *часословникатъ* ти, които правать показателите да се движѫтъ (там же, стр. 62); Не гледашъ *часословникатъ* ми (там же, стр. 18) и др.[16]

Чаще, уже в 70-е годы, в значении 'часы' употреблялось слово *часопоказател*, например: За спомянъ му поклонихъ нѣколко изображенія а той ми поклони единъ *чясопоказатель* за въ пазухѫ («Летоструй», 1871, стр. 151; Арх. сл. Возр.), т. е. «подарил мне карманные часы»; Кога минувахъ океана единъ день разглядвахъ тоя *чясопоказатель* съ вниманіе и съглядахъ, че . . . имаше съ дребны буквы написано (там же); см. также и у Й. Груева: Да сложимъ *часопоказатель* за въ пазухѫ на единый край на нѣкои длъгъ и дебеличекъ прѫтъ, па да си прислонимъ ухо на другый му край, щемъ чуемъ доста добрѣ какъ чука *часопоказатель-тъ* (Й. Груев. Физика, 1872, стр. 82; Арх. сл. Возр.); Стрѣлы-ты на харенъ и правъ *часопоказателъ* врьвятъ еднакво (там же, стр. 23) и др. Интересно, что раньше, например в 40-е годы, Эм. Васкидовичем это слово употреблялось в значении 'часовая стрелка'.

В 70—80-е годы, видимо, нередко в значении 'часы' употреблялось и слово *часоказ*. В таком значении это слово встречается, например, в книге «Сам си помагай» (1880 г.), переведенной Й. Груевым: Еднажь писарь-тъ на Вашингтона кога зелъ да ся оправя, че закъснѣлъ, зачто-то *часоказъ-тъ* му былъ останѫлъ надырѣ . . . чу си ето какъвъ отговоръ (стр. 198; Арх. сл. Возр.); Прѣпорецъ-тъ му бяше старецъ на кола съ *часоказъ* въ рѫцѣ и надписъ: еше ся учѫ (там же, стр. 105);

[16] Тот факт, что в достоверно известных произведениях К. Фотинова 1842—1844 гг. употребляется слово *часослов*, а в произведениях 1845—1852 гг., в том числе и во второй части книги «Душесловіе за поученіе на дѣцата», — слово *часословник* и не употребляется слово *часовник*, может свидетельствовать частным аргументом против мнения И. Шишманова, считавшего К. Фотинова автором перевода первой части той же книги «Психологіа или душесловіе за оученіе на дѣцата» (1844), в которой регулярно употребляется *часовник* (см. выше, стр. 83—84 и прим. 11).

Така станъло и съ много другы по-дребны измыслии, каквато е, напримѣръ, измыслия-та на *часоказъ* (саатъ) за въ пазухѫ (там же, стр. 25) и др. В таком же значении это слово употреблял и П. Славейков: Погледнѫ *часоказътъ* си, бѣше четыри и половина («Отечество и любов», 1872, стр. 85; Арх. сл. Возр.); ср. также следующие примеры из журнала «Пчелица», который редактировал П. Славейков: По-прѣди, като влѣзохъ въ еднѫ кѫщѫ, намѣрихъ единъ *часоказъ* окаченъ на стѣнѫ-тѫ («Пчелица», 1871, кн. IV, стр. 49; Арх. сл. Возр.); По-общитѣ въ старытѣ врѣмена *часокази* были слънчевитѣ *часокази* («Пчелица», 1871, кн. V, стр. 78; Арх. сл. Возр.); А на 1582 Галилей ... изнамѣрва висящійтъ *часоказъ*» (там же). Любопытно, что тремя годами раньше П. Славейков *часоказ* употреблял в значении 'часовая стрелка': Отъ двѣтѣ стрѣлкы що виждате тука едната, по-длъжката ся казва минутоуказатель, защото показва минутытѣ ... другата, по кратката ся казва *часоказъ*, защото показва часо̀ветѣ («Първа читанка», 1868, стр. 53; Арх. сл. Возр.). Отметим попутно и *часоказар* 'часовщик', производное от *часоказ*, у Й. Груева: Доклѣ пѫтувалъ по трьговинѫ-тѫ си Аркрайтъ ся запозналъ съ нѣкой си Хай, *часоказаръ* (саатчия) въ Уаррингтонъ («Сам си помагай», 1880, стр. 30; Арх. Сл. Возр.); Вестъ бяше отъ простъ родъ, Нарткотъ — *часоказаръ* (там же, стр. 104).

В значении 'часы' изредка употреблялось также и румынское заимствование *часорник* (рум. *ceasornik*), например, у Неофита Бозвели: Егда видиме единъ *часорникъ* (сахатъ) съ толико колеле та и другіи орудіи направенъ, разумѣваме едного сущаго искуснаго ... («Кратка свѧшеннаѧ історіа и свѧшенный катихисісъ». Въ Белградѣ, 1835, стр. 5). Это же слово находим и в книге «Славено-болгарское дѣтоводство за малкитѣ дѣца», ч. II (Крагуевац, 1835), среди перечисляемых там предметов мужского туалета: китки, носукарпа, *часорник*, перстень, дождобранник (умрела), четка (стр. 43). Это слово находим и в произведении И. Блыскова конца 70-х годов: (Кръчмарите) на нѣкого си сторятъ честь, че ималъ хубави дрѣхи и новъ *часорникъ* съ лѫскави кордони, безъ да ги знае негови ли сѫ или не («Пиян баща», кн. 2, 1879, стр. 88; Арх. сл. Возр.).

В значении 'часы', вероятно, могло быть употреблено и слово *часословие*. Так, в цитируемой выше 2-й части «Славено-болгарское дѣтоводство» читаем: (Съ уши) слушамъ *часословіето* (сахата) и чта четвертиныти и часовыти, слушамъ когда говорѧтъ человѣцыти (стр. 4), т. е. «(ушами) слушаю часы (*или* бой часов?) и считаю четверти и часы; слушаю, когда говорят люди». Здесь, судя по смыслу, *часословие* может как будто иметь и значение 'бой часов', а не 'часы'. Учитывая, однако, тот факт, что это слово поясняется словом *сахат*, можно усматривать в *часословие* и значение 'часы'.

Г. Плевачева

К СЛАВ. *žabrъjь

В. А. Меркулова в своей статье о славянском корне *-žab- [1] обращает внимание на название растения Galeopsis и некоторых других растений в русском языке: *жабрей*, *зябрей*, *зябра* и т. д.[2] К этимологии этого слова у меня есть несколько замечаний.

Будет, кажется, полезным сначала отметить здесь разнообразие форм, из числа которых автором приводятся лишь некоторые русские варианты, и богатство значений. Наибольшую семантическую группу образуют растения с венчиком, напоминающим зев или пасть. Это губоцветные — Labiatae (чистец — Stachys, железница — Sideritis, яснотка — Lamium, душевик — Calamintha, шалфей — Salvia, живучка — Ajuga), к которым относится также Galeopsis, и близкие им норичниковые — Scrophulariaceae (льнянка — Linaria, львиный зев — Antirrhinum, норичник — Scrophularia, вшивица — Pedicularis, погремок — Rhinanthus minor L.). Обильнее всего их названия до нас дошли в восточнославянских языках, особенно в русском[3]. Большей частью они обозначают Galeopsis: так, русск. *жабрей*, *жабер*, *-рь*, *жебрай*, *шабрей*; однако русск. *жабрик*, южно-русск. *зябрей*, *зябра*, *зября*, *зябер*, *зябрій*, *зябирь*, *зябриц*, *зубрей*, *зубря* [4], наряду с Galeopsis, обозначают также Stachys и Linaria; русск. *жабрей*, помимо того, обозначает и Sideratis, Salvia, Ajuga, Antirrhinum (это значение имеет и русск. *жабра*), Scrophularia и Pedicularis. Русск. *жабрий* означает Calamintha clinopodium Moris [5], *жабрик* — Rhinanthus minor L., *жаберник*, *жабра* — Linaria vulgaris Mill., *жабра трава* — Linaria elatine Mill., *луговой жабрейник*, *чернозяберник*, *-зябенник* — Stachys palustris L.[6] Пестрыми оказываются также украинские названия для

---

[1] В. А. Меркулова. Слав. *žab-; праслав. *žarovъjь 'высокий, прямой'. — «Этимология». М., 1963, стр. 72 сл.

[2] Там же, стр. 78.

[3] Н. Анненков. Ботанический словарь. Изд. 2. СПб., 1878.

[4] Даль[3] I, стб. 1306, 1736, 1742, 1743.

[5] Возможно, сюда же относятся по своему происхождению и названия для Calamintha acinos Clairv.: русск. *чавор*, *чобур*, *чебрец* и польск. *czaber*, контаминированные, по-видимому, с названием другого губоцветного растения: *čǫbrъ — Satureia.

[6] По Анненкову, перенесено с Galeopsis.

Galeopsis: *жабрей* (также для Antirrhinum orontium L., Salvia, Stachys recta L.), *жабрій* (также для Stachys, как *жабрий*), *жебрій*, *жубрій*, *жибрій*, *зябрій*, *зюбрій*, *жабрик*. Из белорусского нам известна только форма *зябер* [7] с производным прилагательным *зяберны* со значением 'Galeopsis', 'Scrophularia' и т. п. Но и в остальных славянских языках есть надежные примеры: польск. устар. *zibrz* и кашуб. *zibř* 'Galeopsis', в.-луж. устар. *zabr*, *zabrij* 'Galeopsis', *zabrica* 'Lamium galeobdolon Nath.', н.-луж. *zyber* 'Galeopsis', *zybry* мн. ч. и *žybra* 'Lamium', чеш. (в специальной литературе XIX в.) *žabr*, морав. диал. *žabř* 'Galeopsis' (морав. также Lamium album L.')[8], слвц. *žabr*, *ziabor*, *zäbor* [9] 'Galeopsis', 'Lamium', *žabrík*, *žiabrik* 'Stachys recta L.', словен. *žâber* 'Linaria', диал. *zębrat*, *zębrot* 'Galeopsis', *zęber* 'какая-то трава', с.-хорв. *срба* [10] 'Galeopsis' (*зрба* лишь у Анненкова, в словарях сербохорватского языка отсутствует), болг. *жабрей* 'Linaria vulgaris Mill.' [11]

В единичных случаях подобное наименование получают и другие растения: заячья капуста — Sedum (болг. *жабория*, с.-хорв. *зебра*, *зебрица*, *зебица*, *зебрие*, *зебриес*, *себрица*, *себрие*, *себриез*, *собрица*, *соберика*, *собриез* [12], русск. *жабриль*, *забируха*), жабник — Filago arvensis L. (русск. *жабрий* [13]), жабрица — Seseli (укр. *жабриця*, польск. *zebrzyca*, *żebrzyca*, устар. *zembrzyca* [14], чеш. *žebřice* заимствовано из польского языка, словен. *žibrt pasji* [15]) и хризантема — Chrysanthemum leucanthemum L. (русск. *жабрей*). В восточнославянской области таким образом обозначаются и разнообразные виды бодяка (укр. *жебрій*, *жеребій*, *жибрій*, *жирбій*, русск. *зыбр*, *шабура* — Cirsium; *жабра трава* 'татарник' — Onopordon). Русск. *жабры чертовы* означает батлачек — Alopecurus и стальник — Ononis spinosa Dost. или же Radix alopecurioides.

Встает вопрос, относятся ли к праславянскому **žabrъjь* также некоторые названия водных и мокролюбивых растений, как-то:

---

[7] Носович, стр. 223, а также «Беларуска-рускі слоўнік». М., Изд. АН БССР, 1962, стр. 352 и «Руска-беларускі слоўнік». М., Изд. АН БССР, 1953, стр. 169.

[8] Сюда, вероятно, входит и др.-чеш. библ. *šabrej* 'planta' — только: J. Jungmann, IV, стр. 430.

[9] V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin, Praha, 1954, стр. 196.

[10] B. Šulek. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879, стр. 373; Д. Симоновић. Ботанички речник. Београд, 1959, стр. 206, 275.

[11] Только Б. Ахтаров. Материали за български ботаничен речник. София, 1939, стр. 199 (из Пенчева).

[12] B. Šulek. Указ. соч., стр. 348, 369, 454; Д. Симоновић. Указ. соч., стр. 429.

[13] Анненков неправомерно возводит его к *жабный*.

[14] Польские образования представляют контаминацию с *żebro* 'ребро', по реброобразно перистым листьям; ср.: Machek. Указ. соч., стр. 159.

[15] Šulek. Указ. соч., стр. 475; обозначает морковник — Silanum selinoides Halácsy, фармацев. также Seseli pratensis.

звездчатка — Stellaria (морав. диал. *žabor*, *žabour*[16]) и Conferva (укр. *жабур*, *жабуріння*) — оба растения называются по-чешски *žabinec*; калужница болотная — Caltha palustris L. и лютик — Ranunculus (от лат. *rana* 'лягушка') (болг. *жабрняк*, *жабърнек*, макед. *жабурнак*, *жабурник*, разгов. *жабарник*); кизляк кистецветный — Lysimachia thyrsiflora L. (русск. олон. *шабра*; обычное название — русск. *лягушечник*). Не является ли здесь исходной точкой названия скорее название лягушечьей икры, каковы укр. *жабур*, *жабуріння*, *жаберина*, *жаберовина*, блр. *жабуринне*, слвц. *žaburienky*, на которые походят эти растения? — По Махеку (Rostl., 162), на основе русск. *шабра*, *шабрей* Пресл создал чеш. *šabrej* 'тмин' — Cuminum Cyminum L. На образование Пресла опирается чеш. бот. *šabrina*, *šabřina* для другого растения семейства зонтичных, похожего на морковь, — Conioselinum (интересно, что к зонтичным относится также Seseli). Или же, может быть, все эти чешские названия находятся в связи с приведенным др.-чеш. *šabrej*? — Неясным представляется русск. *жабрьвинец*[17] 'дербенка' — Blechnum, чеш. также *žebrovinec*, нем. *Rippenfarn* 'вид папоротника'. Словен. *žîbrc* 'истод' — Polygala chamaebuxus L., *žîbrica* 'смолоносница' — Ferula assa foetida L. и *žîbrje* 'иван-чай' — Epilobium angustifolium L., вероятно, не тождественны с *жабрей*, как полагают Шулек (Imenik) и Ильинский (ИОРЯС, 24, 1919, вып. 1, стр. 125), это, скорее, контаминированное со словом *жабрей* название *živec* (речь идет о лекарственных растениях, Ferula дает специальную смолу), ср. русск. *жибец*; см. мою статью в «Zeitschrift für Slawistik» за 1966 г.

В. А. Меркулова отмечает без комментария толкование слова **žabrъjь* от основы **zęb-/zǫb-* (которая имеется в праслав. **zębati* 'всходить, произрастать' и **zǫbъ* 'зуб')[18]. В ее собственном толко-

---

[16] V. Machek. Указ. соч., стр. 75.

[17] Н. Анненков. Указ. соч., стр. 66.

[18] С. К. Булич, являющийся автором этой этимологии (ср. ИОРЯС, 10, 1905, вып. 2, стр. 428 сл.), считает мотивом наименования колючесть растения Galeopsis (некоторые его виды имеют шероховатый, покрытый шерстью стебель и зубья чашечки); в числе семантических параллелей (русск. *колютик* < *колоть* и др.) он приводит и нем. *Hohlzahn* того же значения. Истолкование Булича принял Фасмер (Vasmer I, стр. 466), однако при этом он несправедливо от слов *жабрей*, *зябрей* отрывает укр. *жибрій* тождественного значения, объединяя его без объяснения с русск. *жибец* — растение Dentaria bulbifera L., которое ему представляется темным (см. выше мое толкование этого слова). Ильинский (указ. соч., стр. 124 сл.) принял связь с *zǫbъ* только для варианта русск. *зябрій*, *зябра*, между тем как образования с начальным *ж-* (русск. *жабрей*, укр. *жибрій* и т. д.) он относит к русск. *жабра* 'дыхательный орган рыб'. Также и Махек (в устном сообщении) предполагал праслав. **zębrъjь* 'колючка (?)' по облику двух характерных полых наростов на нижней губе венчика (между тем как в Rostl., стр. 196, он считает его темным). Эти полые наросты, из-за которых растение получило немецкое название *Hohlzahn*, вряд ли, однако, можно признать колкими. Даже семантические основания, учитывающие шероховатость и колкость стебля, не представляются совсем убедительными. Колкие растения

вании, однако, есть серьезные противоречия. С одной стороны, она без более подробного обоснования склонна связывать слово **žabrъjь* с семьей слов русск. *жабры* 'дыхательный орган рыб' [19] (она предполагает праслав. **žębry* 'челюсти' с определенной долей сомнения относительно звукового облика) и русск. диал. *жаба* 'рот' [20]. Такая связь могла бы иметь свою семантическую опору в том, что названием **žabrъjь* означаются прежде всего растения губоцветные, с венчиком, напоминающим зев, пасть. С другой стороны, однако, она допускает совершенно новую возможность толкования, которая вряд ли уживается с предшествующим толкованием: так как название **žabrъjь* получают ряд растений, которые являются сорняками (к их числу относится также Galeopsis), то автор предлагает связь с русск. *зябь* 'паровая пашня'; тогда она предполагает исконное значение 'сорняк, растущий на паровом поле'; она приводит даже хорошую семантическую параллель — русск. диал. *паровица* 'лебеда'. Но связь русск. *зябь* со словом *жабры* мы не в состоянии объяснить семантически,

обычно не получают названия зубчатых (так, русск. *зубянка*, растение Dentaria, называется по мякотным чешуям на корневище, имеющим подобие зубьев). Кроме того, здесь налицо и определенная фонетическая помеха: отсутствуют совершенно аналогичные случаи, где древнее образование от корня **zęb-/zǫb-* получилось бы с помощью *р*-образного расширения. Встречаются, правда, формы типа русск. *зубрить / зубить* 'делать в чем-либо зубья, зарубины', *зубрина* 'вылом, зуб в острие' и т. п., но *р*-образный суффикс здесь вторичный, под влиянием слов вроде русск. *зубрить* 'грызть что-либо', морав. диал. *zubrovati* 'есть с аппетитом' и т. п., которые возникли из **žabriti* 'есть, собственно, действовать челюстями, жевать' — имеется также русск. *жабрить* (а именно от *жабры* 'нижняя челюсть рыбы, рыбьи жабры, скула', ср.: Г. А. Ильинский — ИОРЯС 24, 1919, вып. 1, стр. 126), контаминированного в народной этимологии с **zǫbъ* 'зуб'. Напротив, изолированное с.-хорв. *зуберина*, подобно словен. *zȏbrne* 'десны', могло подвергнуться, быть может, благодаря своей определенной семантической связи, влиянию со стороны старинных производных слов от названия *žaba* 'лягушка', означающего, между прочим, также опухоль около десен передних зубов у скота, как и др.-чеш. *žáber* (у лошади), слвц. диал. *ziabre*, *zjabra* 'молочница', по-видимому, также польск. *ząbrze* (*ziąbrze*) 'zajedź', т. е. 'волдырь во рту у лошади' (S. B. Linde. Słownik języka polskiego. Wyd. 3, VI, 1951, стр. 771 и 711). В южнославянских языках подобное *р*-образное образование, правда, не представлено (имеется лишь болг. и словен. *žaba* 'подобное заболевание скота', с.-хорв. *жа̏бице* 'железы горла' и т. п.), однако о нем свидетельствует, может быть, рум. *zimbré* 'цынга', заимствованное, вероятно, из славянских языков (ошибочно Линде — Там же, стр. 711 — приводит польск. *ząbrze* $<$ рум. *zimbré*).

[19] Так еще Миклошич (стр. 405) с некоторым сомнением, далее Преображенский (I, стр. 219; он неубедительно исходит из колючести растения), а также Ильинский (ср. предшествующее примечание). Все остальные этимологические словари об этом слове молчат. Толкование Погодина («Следы корней-основ в славянских языках». Варшава, 1903, стр. 194) от **zem'a* (из **zem-bьr-is*, ср. лит. *Žemberys* 'землю посыпающий' — разумеется бог) является фантастичным и оно правомерно было отвергнуто Буличем (указ. соч.).

[20] Наличие изолированного русск. диал. *жаба* 'рот' на территории олонецкой, вологодской и вятской вызывает сомнение, не имеем ли мы здесь дело с заимствованным из неславянского источника словом.

и сам автор не дает никаких указаний по этому поводу. Русск. *зябь*, насколько этимологические словари вообще его отмечают, связывается с русск. *зябнуть* 'мерзнуть' и его родственным кругом (Миклошич, Преображенский, Даль)[21]. В семантическом плане это объяснение вполне удовлетворительно. Русск. *зябь*, блр. *зябер* и т. д., таким образом, означают не запущенное, поросшее сорняком поле: это — поле (при трехпольном хозяйстве[22]) после уборки озимых культур (т. е. хлебов, засеянных в предыдущую осень), удобренное и после глубокой зяблевой вспашки приготовленное к зимовью — промерзанию перед весенним севом; ср. у Даля: *пар* (с более широким значением) *зябнет = пашня под яровое, вспаханная с осени, промерзает*. Установленное таким путем значение, думается, в значительной мере ослабляет возможность связывать эти слова с русск. *жабрей* (*зябрей*). Вряд ли можно представить себе поле, удобренное после уборки, глубоко вспаханное осенью и, таким образом, приготовленное уже для весеннего сева в виде пара, заросшее сорняком. При семантической параллели русск. диал. *паровица* 'лебеда', приводящейся Меркуловой, мы имеем дело с чем-то другим; русск. *пар* имеет более широкое значение, ср. производное *паренина* 'поле, которое после уборки оставляют зарасти травой и вытравляют' (K. P a l k o v i č. — «Jazykovedný časopis» XIV, 1963, стр. 57, 63). Термин *зябь* и т. п. надежно представлен только в восточнославянской области и на смежной польской территории[23]: русск. диал. *зябь*, *зябль* с производными словами *зяблины* мн. ч. ж. р. 'осенней вспашки под яровое', *зяблевой*, *зяблить* 'пахать с осени под яровое'[24]; укр. диал. *зяб*, *-і* ж. р. / *-у* м. р., *зябля* ж. р., *зябльовий*, *зяблевий*, *зяблити*, *зяблювати* то же; блр. *зябло*, *зяблива* ср. р. 'вспаханное осенью поле; осенняя вспашка', *зяблевы*, *зябиць*, *зяблиць* того же значения; польск. диал. *ziębl* / *ziembl*, *ziębla* / *ziembla*, *zięblo* 'поле, вспаханное к зиме, осенняя вспашка для весеннего сева'. Наряду с этим существует образование с *-р-*: блр. *зябер* с прилагательным *зяберны*. Слово **žabrъjь* является праславянским, будучи представлено по всей славянской территории, в то время как русск. диал. *зябль*, блр. *зябер* представляет собой ограниченный славянским востоком и значительно более молодой термин[25]. Возможно, надо указать еще и то обстоя-

[21] Фасмер (V a s m e r I, стр. 466) относит укр. *зяблю*, *зяблити* 'пахать на зиму', *зябля* жен. р. '(зимний) пар' к *-зябать* 'всходить', которое, конечно, по его мнению, восходит к той же основе, что и *зябнуть* 'мерзнуть'.

[22] К восточным славянам этот способ проник не ранее XV в. (D. Z e l e n i n. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927, стр. 8).

[23] Жаль, что он отсутствует в указанной статье Палковича.

[24] У Даля под *зябнуть*. Наряду с этим есть от той же основы арханг. *зябель* 'побитый морозом хлеб на поле' (П о д в ы с о ц к и й, стр. 57).

[25] Встречаются, правда, кое-где единичные подобные образования, однако они представляют, по-видимому, омонимы, отчасти неславянского

тельство, что образования вроде русск. *зябь* и т. д. фонетически единообразны, между тем как в праслав. **žabrъjь* обнаруживается колебание начального *ž-/z-*.

С другой стороны, надо заметить, что обозначаемые посредством праславянского названия **žabrъjь* растения имеют, видимо, более тесную взаимную связь, чем лишь то обстоятельство, что это иногда сорняки. Ведь главная группа растений, носящих подобное название, характеризуется яркой отличительной чертой — наличием губастого, напоминающего морду венчика, и эту черту нельзя считать случайной и нельзя ее не видеть.

Мордастый, зияющий венчик губоцветных и им близких напоминает морду лягушки [26]. Из-за этой ассоциации, по-видимому, стали употреблять эти растения и некоторые другие для лечения болезней, называемых *žaba* (в этом или уменьшительном виде является общеславянским), ср. также др.-чеш. *žáber*, слвц. диал. *zjaber*, в.-луж. *žabr*, *zabr*, означающие различные волдыреобразные заболевания и опухоли, главным образом во рту у людей и у животных [27]. Так, Stachys употребляли от болезни горла и от золотухи и чирьев (ср. восточнослав. *жаба* 'ангина', польск. *żaba* 'опухоль языка около жил под языком, которые переходят в миндалины и мышцы на краю горла', в.-луж. *žaba*, *zabr* 'дифтерит', польск. *żabky* 'золотуха у лошадей'=болячки на шее, с.-хорв. *žȁbice* 'железы на горле', словен. *žabe* мн. ч. 'золотуха' и др.); она называется также нем. *Krötenkraut*, *Krötennessel* (*Kröte*= лягушка), русск. *жабник*, *бабка* (это чередуется часто с *жабка*), болг. *бабух*. Sideritis служила от геморроя (ср. словен. *žábica* 'болезнь у рогатого скота и овец, как и у скота вообще, обнаруживающаяся вздутием и кровью в прямой кишке', морав. диал.

происхождения, источник которых мне до сих пор не удалось найти: русск. рязан. *зябра* 'лощина отлогая берегами, в которой бывает временем вода'. — ЖСт, 1898, № 2, стр. 212 (Vasmer I, стр. 466 переводит ошибочно '... mit abschüssigen Ufern ...'); в.-луж. устар. *zabr* 'отстоявшаяся, наплывная грязь, муть' с производным *zabrować* 'снести водой' (нет ли здесь связи с нем. *säubern*? — река весной очищается, она выходит из берегов и, опавши, оставляет на берегах грязь, муть и др.; ср.: J. Š. Baar. Jan Cimbura, изд. 19, 1946, стр. 35); южно-чеш. *šejbíř* 'пустошь, неплодородное поле'; истолкование Душека («Hláskosloví nářečí jihočeských» I. — Rozpravy čes. akad., разр. III, вып. III, № 3. Praha, 1894, стр. 39) из *sibiř* или из имени владельца *Severa*, др.-чеш. Šebíř, не является, вероятно, правильным; здесь скорее налицо заимствование из немецкого. В.-луж. *swinjacy žebjeř* 'свиная лужа' ясно: оно произведено от слова *žaba* 'лягушка', от которого часто образуются названия для луж и т. п., например кладненск. диал. *žabiště*, польск. *żabiniec* и т. д.

[26] Ср. название для Antirrhinum orontium L.: нем. *Löwenmaul*, чеш. *lví tlamka*, русск. *львиный зев* или название *Galeopsis*, т. е. 'облик (=голова) хорька'.

[27] Это значение Меркулова вкратце отмечает на стр. 72 сл. — Ввиду указанного целебного употребления сюда относится, видимо, также слвц. *ziaborček* 'лекарственное растение' (Kálal. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1923, стр. 979, из этнографической монографии).

zežabiť sa 'о болезни скота, при которой кровь свертывается шишками'); по-французски Sideritis называется *crapaudine* < *crapaud* 'жаба'. Calamintha служила против зубной боли (ср., например, др.-чеш. и чеш. народ. *žába* 'опухоль вокруг десен передних зубов у скота', др.-чеш. *žabka* 'опухоль под языком и около десен', *žáber* 'причиняющая боль опухоль около передних зубов у лошади', слвц. *žaba* 'опухоль около зубов'). Salvia употреблялась для полоскания при воспалениях горла и для припарок от опухолей; Ajuga — от болезни горла. Растение Linaria употреблялось против кожных болезней, сыпи и геморроя (др.-чеш. *žaba* 'прыщ, прыщавость'); по-украински Linaria называется *жабки* (болг. *рибени уста* — только у Ахтарова). Antirrhinum лечило раны, нарывы и опухоли, в сербскохорватском и словенском оно называется *žábica*. Scrophularia служила средством от золотушных язв, опухолей и шишек; по-украински она называется также *бабка*. Sedum было средством против молочницы, ср. нем. *Zungenkraut* (слав. *žaba*, *žabka* часто обозначает нарыв и волдыри под языком; ср. далее слвц. диал. *ziabre*, *zjabra*, чеш. *žhábry*, *žábry* мн. ч., в.-луж. *žhabr*, *zabr*, польск. *żaba okocona* 'молочница'). Seseli употребляли против ящура — см. Ахтаров (ср. словен. *žâbna* 'болезнь скота, при которой есть волдыри между копытами', др.-чеш. *žaba* 'опухоль и волдыри на языке'=ящур). Чай из растения Chrysanthemum leucanthemum L. применялся против золотухи и геморроя (см. Ахтаров); Cirsium — против геморроя и Ononis spinosa Dost. — против скрофулеза и сыпи на горле. Даже сама Galeopsis служила к лечению болезни лошадиных ног, называемой мокрец, сопровождаемой чирьями и гноением [28] (ср. др.-чеш. *žaba* 'небольшие чирьи на ногах лошади около венчика').

С учетом указанного целебного использования растений, обозначаемых названием **žabrьjь*, я считаю, что данное название стоит в связи со старинным наименованием приведенного вида болезней, которое представлено в др.-чеш. *žáber*, слвц. диал. *zjaber*, в.-луж. *žabr*, *zabr* и др. (это *р*-образное производное слово от *žaba* 'лягушка'). Растение получило свое название отчасти попросту по названию самой болезни (ср., например, слвц. *žabr*, в.-луж. *zabr* — праслав. **žabrъ/z-*), отчасти посредством производного **žabrьjь/z-* (суффикс *-ьjь* исконно, вероятно, адъективный, является частым у названий растений, например в русск. *репей* — ср. др.-чеш. *řepí* 'лопух'; *кипрей*, *пырей*), наряду с более коротким **žabrjь* или **žabrja* (польск. устар. *zibrz*, кашуб. *zibř*, морав. диал. *žabř* и др.). Исконное название стало с течением времени малопонятным, в результате чего оно подвергалось всяческому преобразованию и контаминированию.

---

[28] H. Marzell. Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen. Leipzig, 1937 и сл., под Galeopsis ochroleuca Lam.

Е. Гавлова

СЛАВ. *gъlъkъ* 'КУВШИН'

Интересующее нас слово засвидетельствовано только в восточнославянских языках, а именно в др.-русск. *гълькъ* [1]; во время падения редуцированных в этом слове обобщился или вокализм косвенных падежей — в др.-русск. *гол(ь)къ* [2], продолжающемся в русск. диал. (псков.) *гилёк* (род. *-лька́*) [3] из **голёк*, или, чаще, вокализм именительного падежа — в др.-русск. *глекъ* [4], которое сохранилось в укр. *глек* [5], блр. *гляк* [6] (у Носовича еще также *глёк*, род. *гляка́*) и в русск. диал. (юж. и зап.) *глек* [7]. В польском языке это слово заимствовано или из украинского (в форме *hlek* [8]), или из белорусского (в форме *hlak* и *lak* [9]). Всюду оно обозначает круглый сосуд с узким горлом, кувшин [10]; др.-русск. *гольк*ъ и псков. *гилёк* служат названием рукомойника, 'узкогорлого горшка с одним, двумя и тремя носками, подвешиваемого на трех подвязках над лоханкою' [11]. Уменьшительное укр. *глечик*, кроме значения 'маленький кувшин', имеет также значения 'внутренняя труба в самоваре' (по-русски она называется *кувшин* [12]) и 'род детской игры' [13]; *жовті глечики* 'Nuphar luteum, водяная лилия', так же как и русск. *кубышка желтая* того же значения, названы, по-видимому, из-за сходства формы семенника с кувшином. Но и само *гълькъ* было, по всей вероятности, также первоначально уменьшительным, так как наряду с суффиксом *-ькъ*

[1] Срезневский I, стб. 612.
[2] Там же.
[3] Даль³ I, стб. 863.
[4] Срезневский I, стб. 612.
[5] «Украинско-русский словарь», под ред. И. Н. Кириченко, т. I. Киев, 1953, стр. 333; Гринченко I, стр. 288.
[6] «Белорусско-русский словарь», под ред. акад. К. К. Крапивы. М., 1962, стр. 210; Носович, стр. 114.
[7] Даль³ I, стб. 875.
[8] Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki II, стр. 45; ср.: Malinowski. — PF 5, 1885, стр. 132—133.
[9] Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki II, стр. 45.
[10] Изображения украинских глеков см. у Д. Зеленина (D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, табл. 1).
[11] Даль³ I, стб. 863.
[12] D. Zelenin. Указ. соч., стр. 110.
[13] Гринченко I, стр. 288 (со ссылкой на: П. Иванов. Игры крестьянских детей в Купянском уезде. Харьков, 1889).

мы находим у этого слова и другой уменьшительный суффикс — -ьсь: **gъlьсь* засвидетельствовано значительно слабее, чем *gъlькъ*, мы находим его только в одном памятнике XIV в.: А что порубили Тоивита въ поральѣ, выдалѣ голецъ Федору Тимофееву в семи сорокѣхъ, въ Кургонемском да въ Низовской трети [14]; здесь *голец* обозначает, вероятно, какой-то сосуд, служивший как мера сыпучих веществ. В современных языках **gъlьсь* не сохранилось.

Этимология обоих слов неясна. Предложенные объяснения не удовлетворяют по фонетическим обстоятельствам. Так, приведенное Славским сопоставление с глаголом *glъtati* 'глотать' [15] заманчиво, правда, со стороны семасиологической (ср. слвц. диал. *glgáč* 'кувшин' : *glgať* 'глотать'), однако формы **glъt-* и *gъlькъ* соединять нельзя. У Бернекера наше слово скрыто под заглавием *glьjь* 'ил, грязь, глина' [16], так как Бернекер знает и приводит только укр. *глек*, которое, по его мнению, тождественно с русск. диал. (влад.) *глёк* 'слизь, сукровица, гной' [17], являющимся, однако, продолжением первоначального **glь-kъ*. Преображенский тоже соединяет наши слова с корнем **glei-/gli-* 'ил, грязь', допуская развитие формы *глек* из **gloiko-s*, но, так как ему известна древнерусская форма *гълькъ*, он должен сознаться в том, что «вокализм неясен» [18]. Из-за формы *гълькъ* эту этимологию отрицает также Фасмер [19], считая русск. *глек* темным. Совсем неправдоподобно толкование Брюкнера [20], который связывает *gъlькъ* с польск. *gleń* 'ломоть хлеба', возводя оба слова к корню **glu-*, лежащему, по его мнению, в основе нем. *Knäuel* 'клубок', *Kugel* 'шар', *Klotz* 'колода, чурбан', греч. (незасвидетельствованного) γλυτος 'что-то круглое' и, может быть, даже лит. *gulėti* 'лежать'.

Ввиду указанных обстоятельств стоит попытаться найти другое толкование. По нашему мнению, слав. *gъlькъ*, **gъlьсь* нельзя отрывать от греч. γαυλός 'кувшин, круглый сосуд для воды или молока; круглый улей', γυλλάς 'вид чаши', γυάλας 'мегарская чаша' [21]. С γαυλός можно соединить также др.-инд. *golaḥ* 'круглый сосуд для воды', хотя Майргофер склоняется к тому, что *golaḥ* заимствовано из дравидских языков, не находя, однако, этого дравидского источника [22]. Названия сосудов часто

---

[14] «Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства, изд. Археографическою комиссиею» (1846), цит. по: Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М., 1937, стр. 65.

[15] Slawski I, стр. 421. — Таким же образом объясняет наше слово уже Носович (стр. 112), сравнивая блр. *гляк* с блр. *глокаць* 'глотать'.

[16] Berkener, стр. 310.

[17] Даль[3] I, стб. 875.

[18] Преображенский I, стр. 125.

[19] Фасмер I, стр. 412.

[20] Brückner, стр. 141, 172.

[21] H. G. Liddell—R. Scott. A Greek—English Lexicon, I. Oxford, 1953, стр. 339, 361, 362; Frisk I, стр. 290, 330.

[22] Mayrhofer, стр. 349.

применяются также для наименования судов, ср., например, русск. *судно* 'сосуд' и 'корабль'. Греч. γαυλός, чаще с вторичным ударением γαῦλος, обозначает также круглое финикийское грузовое судно и соединяется с др.-исл. *kjóll*, исл. *kjóll*, *kjöll*, др.-англ. *cēol*, др.-сакс. и др.-в.-нем. *kiol*, ср.-в.-нем. *kēl* 'корабль, судно'[23]. Покорный приводит все эти слова (конечно, без славянского материала) как производные от и.-е. корня **geu-* 'сгибать, округляться' (**geu-lo-* 'что-нибудь круглое')[24]. Можно было бы добавить сюда слав. *gъlьkъ* как исконно славянское слово, представляющее продолжение и.-е. **gu-l-iko-s*.

Но дело обстоит несколько сложнее. Подобные названия круглых сосудов мы находим и в других языковых семьях, например в др.-евр. *gullā* 'круглый сосуд для масла', аккад. *gullatu* 'вид сосуда', арам. *qulletā* 'кувшин для вина', араб. *qulla* 'кувшин', в груз. (возможно, заимствованном из араб.) *ḳula* 'узкогорлый кувшин для вина, из дерева или из сушеной тыквы'[25]. Встречаются также мнения, что и греч. γαυλός[26] и др.-инд. *golaḥ*[27] заимствованы из семитских языков. Так как в отношении названия сосуда можно легко предполагать заимствование, то возможно, что мы имеем дело с культурным словом восточно-средиземноморской области, которое распространилось на север к славянам и германцам (откуда перешло также в среднеирландский язык[28]). Но у славян оно проникло только в восточную область, где и было преобразовано на местный лад с помощью славянского уменьшительного суффикса *-ьkъ* или *-ьсь*[29].

Только после сдачи этой статьи в печать я узнала, что сопоставление нашего слова с греч. γαυλός, др.-инд. *gola-* и др.-сканд. *kiol* находится уже у Буги (K. Būga. Rinktiniai raštai, 2. 1959, стр. 295), который, однако, считает **gъlьkъ* исконным словом, родственным выше приведенным словам; в псков. *гилек* он видит продолжение древнего **gylьkъ* < **gūlikos*.

---

[23] J. de Vries, стр. 312; Kluge[19].

[24] Pokorny, стр. 396 сл.

[25] J. Hubschmid. Schläuche und Fässer. Bern, 1955, стр. 22. — Автор приводит и много других слов, принадлежность которых к рассматриваемой нами группе возможна, но не бесспорна.

[26] H. Lewy. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. Berlin, 1895, стр. 151, 210.

[27] Rosén. Lešonénu La'am II (12), стр. 21 (по Майргоферу).

[28] Ср.-ирл. *ciúil* 'корабль, судно' (A. Bugge. — «Miscellany presented to Kuno Meyer». Halle a. S., 1912, стр. 292).

[29] Лат. *cululłus*, *cululla* 'вид ритуального сосуда', заимствованное из семитских языков (J. Hubschmid. Указ. соч., стр. 22), также имеет местный, латинский уменьшительный суффикс.

В. А. Меркулова

Торпище

Мешковина, изготовляемая из самой грубой пряжи, из охлопков, оческов, а часто даже из соломы или тростника, носит в русском языке (а точнее, в его говорах) целый ряд наименований: *рогожа*, *верета́*, *верётье*, *рядно*, *вато́ла*, *дерю́га*, *дербе́нь*, *во́спище*, *то́рпище* [1]. Эта ткань употребляется в качестве половиков, подстилки на возы для перевоза зерна, для покрытия парников и пр.

Представляя собой названия одного предмета, указанные слова определенным образом распределены по говорам. Интересующее нас слово *то́рпище* ограничено очень компактной и цельной территорией, протянувшейся с северо-востока на юго-запад: говоры быв. Казанской губ., Ульяновской, Пензенской, Тамбовской областей и говоры по течению р. Дона [2]. В говорах Костромской области мы имеем иной словообразовательный вариант, но с тем же значением — *торплё* [3].

Сохранились эти формы и в памятниках XVII в.: Куплено . . . на перевоску хлѣ^{б}ны^{х} запасов двадца^{т} девять *то^{р}пищъ* данъ ру^{б}ль двенадцать а^{л}тынъ (1689 г.) [4]. При перечислении мелких запасов в описи царских дворов: . . .70 овчинъ маленкихъ, 22 *торпища*, 19 мѣшковъ портяныхъ, съ 300 возовъ уголья (1677 г.) [5].

В одной из русских песен, собранных Соболевским, есть строки:

Фома да Ерема были братенички,
Прокуратинннички.
Они пили-ели сладко да носили хорошо:
Ерема носил рогожу, а Фома-то *торпьё* [6].

---

[1] Даль^{3} III, стб. 1694; I, стб. 442; III, стб. 1763; I, стб. 412, 1073, 1063, 610; IV, стб. 809.

[2] Опыт, стр. 231; Даль^{3} IV, стб. 809.

[3] Ф. Покровский. О народном говоре Чухломского уезда Костромской губ. — Ж. Ст., год девятый. СПб., 1899, вып. III, стр. 348.

[4] «Книги сметные поташного промысла Нижегородских будных станов 1689 г.». Рукопись ЛОИИ № 377. Картотека ДРС.

[5] И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1. Изд. 4. М., 1918, стр. 571.

[6] «Великорусские народные песни. Собранные А. И. Соболевским», т. VIII. СПб., 1912, стр. XVIII.

В этом примере противопоставление синонимичных слов *рогожа* и *торпьё* создает юмористический эффект.

Эти упоминания позволяют несколько расширить границы распространения слова, включив в них б. Нижегородскую губернию и, может быть, Московскую.

Обе формы — *торпище* и *торпьё* (вариант *торплё* представляется более поздним) — с этимологической точки зрения в русском языке совершенно изолированны.

Этимологическая характеристика синонимичного ряда (*рогожа*, *рядно*, *торпище* и пр.) неоднородна. В одном случае это образование от названия материала (*рогоз—рогожа*) [7], в другом связано с глаголом в значении 'тыкать, совать' (*верета*, *веретье* от *верать* [8], ср. семантически аналогичные отношения: *тыкать*, *ткать—ткань*); в третьем — заимствование (*ватола* из древнескандинавского [9]). Но целый ряд наименований образован от глаголов в значении 'драть, чесать, теребить'. Ср. *дерюга* — образование от глагола *деру*, *драть* [10], *дербень* от *дербить* 'драть', 'теребить' [11].

Производящая глагольная основа с близким значением для слова *тóрпище* сохранилась в польских говорах: *tarpać* 'рвать, драть, дергать, трепать' [12], *terpać* то же [13], *tarpaty* 'шершавый', *poterpać* 'потереть, порвать' [14]. В украинских лемковских говорах, вероятно, заимствованное из польского слово *отерпáти* 'рвать в куски' [15].

С тем же вокализмом, но с несколько отличным значением в южнославянских языках существует глагол *tȑpati* 'набивать, напихивать' (ср. *верать* 'тыкать, совать' — *веретá* 'рогожа'). Серб. *тр̏пати* [16], хорв. *tȑpati* [17], словен. *tŕpati* [18]. Если в русском и польском мы имеем диалектные местные образования, то в южнославянских языках это общенародное слово.

На праславянском уровне отношения могут быть выражены следующим образом: **tъrpati* 'драть, рвать', 'совать' → **tъrpišče*, **tъrpьje* 'дерюга'.

Иная ступень этого корня отражена в др.-польск. *tropić*, чеш. *trápiti*, словен. *tràpiti* 'мучить, терзать'. Обычно эти формы

---

[7] Vasmer III, стр. 527.
[8] Фасмер I, стр. 297.
[9] Там же, стр. 331.
[10] Там же, стр. 505.
[11] Там же, стр. 550.
[12] Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki VIII, стр. 29.
[13] Там же, VII, стр. 52.
[14] Там же, IV, стр. 804.
[15] Гринченко II, стр. 75.
[16] Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Биоград, 1898, стр. 775.
[17] Iveković—Broz II, стр. 595.
[18] Janki Kotnik. Slovensko-Angleški slovar. Ljubljana, 1959, стр. 632.

объединяли с глаголом *терпеть* [19], но они явно выпадают из всего семантического круга последнего глагола, опирающегося на значение 'застывать, костенеть'. Значение же 'мучить' как правило производно от таких значений, как 'давить, жать, рвать'. Ср. этимологии хотя бы таких слов, как *терзать*, *мучить*, *притеснять* и др. Мысль о возможности связи словен., чеш. *trapiti* с глаголом *trepati* была высказана Шуманом [20].

Оба праславянских глагола — **torpiti* и **tъrpati* — восходят к индоевропейскому корню **ter-p-* 'тереть, вращать' [21]. Ср. того же корня, но с иными расширителями *торгать*, *терзать*, *теребить*, *тормошить*, все с близкими или аналогичными значениями.

Таким образом, русские диалектные слова *торпище* и *торпьё* очень архаичны. Вряд ли есть основания предполагать, что в древности эти лексемы были более широко распространены. Есть ряд предметов, которые, вероятнее всего, и в праславянскую эпоху носили дробные местные наименования. Слова *рогожа* и *веретье*, так же как и *торпище*, носят все приметы праславянской древности.

Наличие в части русских говоров (именно в восточной группе) слова *тóрпище* предполагает существование в одном из диалектов древнерусского языка праславянского глагола **торпать*, позднее утраченного. Говоря о праславянском характере данного глагола, мы отнюдь не склонны приписывать ему общеславянского распространения. Избирательность соответствий русск. диал. **торпать*—польск. диал. *tarpać*—с.-хорв., словен. *trpati* определяется тем, что древнейшее диалектное членение не совпадает с позднейшими национальными границами.

---

[19] Vasmer III, стр. 126; Brückner, стр. 575.

[20] H. Šuman. Etymologische Erklärungsversuche. — AfslPh XXX, 1909, стр. 306.

[21] Pokorny, стр. 1070—1071, 1073—1074.

Ж. Ж. Варбот

ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

(ЧЕШ. *perš(a)*, *tropiti*)

ЧЕШ. *perš(a)*

Чешское диалектное (валашское и моравское) *perš(a)* 'веснушка' (с производными *peršavý* 'веснушчатый', *peršavina* 'крупная веснушка', *peršáň* 'веснушчатый человек')[1] Махек считает этимологически неясным и сопоставляет лишь с польск. *pierzchnica*[2]. Это последнее не рассматривается в словаре Брюкнера; составители же Варшавского словаря относят польск. *pierzchnice* мн. 'род накожной сыпи, лишай', устар. 'красная оспа' к числу производных от корня *perch-/pierch-*[3]. Этимологически это вполне оправдано: праслав. (и общеслав.) **osъpa* и русск. *сыпь* (к **suti*, **sъpǫ*, **sypati*) свидетельствуют о регулярности образования названий различного рода изъязвлений на коже от глаголов со значением 'сыпать', а корень **pьrx-/*pъrx-/*porx-* представлен в славянских языках и глаголами со значением 'брызгать, кропить, сыпать' [ср. чеш. *pršeti* 'падать, опадать, брызгать, кропить, осыпать(ся)', 'идти' (о дожде), польск. *pierzchać*, *pierzchnąć* 'убегать, исчезать', устар. 'бросаться', 'падать, брызгать'] и существительными, обозначающими сыпучие, рыхлые вещества (праслав. **porxъ*, **pьrstь*, **pьrxotь*).

В равной степени возможным представляется отнесение к тому же этимологическому гнезду (с корнем **pьrx-/*pъrx-/*porx-*) и чеш. *perš(a)* 'веснушка': судя по русскому *веснушки высыпали*, веснушчатая кожа, как и покрытая лишаями или оспинами, может восприниматься как «осыпанная» (а веснушки — как «насыпанное»). Кстати, родственное славянским образованиям с корнем **pьrx-/*pъrx-* др.-инд. *pṛ̥ṣant-* имеет значение 'пятнистый, пестрый'[4].

Судя по корневому вокализму в ступени редукции, чеш. *perš(a)* образовано от глагольной основы **pьrxati* или **pьrxnǫti*.

---

[1] F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 287; J. Malina. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946, стр. 82; F. Kott. Česko-německý slovník, d. 2. Praha, 1880, стр. 536—537.

[2] Machek, стр. 363.

[3] Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki IV, стр. 166.

[4] O. Böhtlingk. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, 4. T. St. Petersburg, 1883, стр. 119.

Структурно тождественными (параллельными?) образованиями являются чеш. *prš* 'дождь' (ср. и *prch*, *prcha* 'дождь') [5] и русск. диал. *першá* 'перхоть' (ср. и *перх* то же) [6].

ЧЕШ. *tropiti*

Этот глагол имеет в чешском языке значение 'делать, возбуждать (что-либо плохое, неприятное, нежелательное: спор, ссоры, неприятности, насмешки)': ср. *tropiti bouřky*, *pozdvižení*, *svády*, *vády*, *sváry*, *zhouby*, *strasti*, *škody*, *hádky*, *vojny*, *různice*, *rozbroj*, *posměch*, *smíchy*, *tlachy* [7]. Махек считает его этимологически неясным [8]. Представляется, что *tropiti* может рассматриваться как старое, праславянского происхождения каузативное образование к общеслав. **trepati*, *trepjǫ* 'трепать, драть, колотить, махать'. В других славянских языках глаголы с корневым вокализмом **o* имеют -*a*-основы при преобладающем значении 'топать, стучать': ср. русск. *тропáть*, укр. *тропáти*, болг. *трóпам*, словен. *tropáti* [9] (ср. и праслав. **tropa*). Однако для каузативной -*i*-основы, соответствующей глаголу **trepati*, вполне вероятно значение 'возбуждать, побуждать': ср. семантически аналогичные русск. *драть*, *задрать—задорить* 'подстрекать'. Преимущественная сочетаемость глагола *tropiti* с именами, обозначающими спор, ссору, вражду, клевету, неприятности, возможно, связана с экспрессивным употреблением глагола **trepati* (в различных славянских языках) в значении 'сплетничать, клеветать': ср. русск. *трепать чье-либо имя*, *трепать язык(ом)*, *трепать* 'болтать, сплетничать', чеш. *třepati* 'бранить, сплетничать', *potřípati* 'оклеветать'.

---

[5] K o t t. Указ. соч., II, стр. 1000, 1211.

[6] Д а л ь[3] III, стб. 257.

[7] K o t t. Указ. соч., IV, стр. 196; ср.: J u n g m a n n IV, стр. 651; F. T r á v n í č e k. Slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 1567.

[8] M a c h e k, стр. 536.

[9] V a s m e r III, стр. 141.

Л. В. Куркина

СЛОВЕНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

СЛОВЕН. *bezati*

в значении, 'толкать совать; помешивать огонь в печи; говорить колкости' стоит в одном ряду с однокоренными образованиями типа *bezgáti* 'толкать, долбить', *bázniti* 'толкать; волновать', *bezgâvec* m 'подстрекатель', *bezgâvka* f то же [1]. Выделяемая в них корневая морфема выступает в двух вариантах — *bez-/baz-*, характеризующихся различной огласовкой корня, что, видимо, определяется неодинаковым отражением редуцированных гласных. Таким образом, словен. *bez-/baz-* можно признать продолжением праслав. **bъz-*. При изучении словенской лексики обращает на себя внимание тот факт, что та же корневая морфема засвидетельствована в некоторых именах со значением 'Sambucus': *bèz*, *bezèg* [2] < **bъz-/bъzg.-*. Для данного корня в словенском и сербском представлен вариант с суффиксальным *g*: ср. серб. *bazag*. Наличие параллельных образований с *g* и без *g*, как показал Й. Шефтеловитц [3], характеризует довольно значительную часть индоевропейской лексики: ср. русск. *drobizga*, *drebezgŭ* 'черепки' : *drobizĭ*, *drebezŭ* то же; русск. *ljubža* 'любовь' : ст.-сл. *ljubiti*; русск. *vjázga*, *vjazíga* : ст.-сл. *vęza*, *vęzŭ* 'связь' [4]; ст.-сл. *drozgŭ* 'Amsel', словен. *drǫ̂zg-*, серб. *drozak* : н.-луж. *drozn*, *drozyn*, чеш. *drozen* то же [5]. Словен. *bez* / *bezg* входит в число подобных образований.

Сближению названных выше словенских глаголов с именной основой *bez*, на наш взгляд, не препятствует и семантика сравниваемых слов. Семантические переходы 'название дерева' > 'палка' > 'толкать, совать, долбить' > 'говорить колкости' вполне возможны и в отдельных частях своих отражаются индоевропейскими языками: ср. лтш. *buzga*, родственное словен. *bez*, в значении 'палка', лит. *lazdà* 'орешник, палка', польск. *leszczyna* : *laska* [6].

Если наше предположение верно, то словенские глаголы можно считать производными от *bez* 'Sambucus', причем образование

---

[1] Pleteršnik I, стр. 15, 23, 24.
[2] Там же, стр. 23.
[3] J. Scheftelowitz. Das Schicksal der indogerm. Lautgruppe *zg*. — IF XXXIII, H. 1—2, 1913, стр. 133—169.
[4] Там же, стр. 148.
[5] Там же, стр. 156.
[6] Sławski, стр. 30—31.

этих глаголов, видимо, происходит уже в период самостоятельного развития словенского языка. Из славянских языков только русский отражает формы, которые можно признать родственными словенским: ср. при русск. *буз*, *бузина* [7] диал. *бузýн*, *бызун* 'удар, шлепок, затрещина' [8], *бузовать*, *бызовать* влд., орнб. 'больно сечь, бить, хлестать' [9].

СЛОВЕН. *bohôt*

'изобилие, избыток' [10] обнаруживает любопытную параллель в русск. диал. *бóхоть* 'вода, покрывающая лед на реке, наледь' [11]. В других славянских языках данное образование не отмечено. Возможно, словенско-русская изоглосса родственна слав. *buxnǫti* 'набухать'. Мена гласных в корне напоминает изменение в однозначном глаголе *бутеть—ботеть* 'толстеть, добреть' [12]. Может быть, на качество корневого гласного повлияла огласовка присоединяемого показателя *-от-*.

Корректурные примечания. После того как работа была сдана в печать, автор имел возможность ознакомиться с рукописными материалами этимологического словаря словенского языка акад. Ф. Безлая в Любляне.

В рукописи I тома этого словаря рассматривается глагол *bezáti* со всеми возможными для него производными. Исходной для них признается форма **bьz(d)ati*, которую, по мысли Ф. Безлая, едва ли можно отделять от *bezati*, *bezgati*, *bezljati* 'бегать, мчаться'.

Словен. *bohôt* как одно из многих производных дается в статье на *bohotẹ́ti* в одном ряду с семантически тождественными им формами с метатезой *hobatẹ́ti* 'буйно расти', *hobàt* и др. С ними сопоставляется чеш. диал. *chábory* 'слабый, некрепкий качан капусты'.

---

[7] Даль² I, стр. 108.
[8] Там же, стр. 137.
[9] Там же, стр. 149.
[10] Pleteršnik I, стр. 42.
[11] «Словарь русских говоров среднего Урала». Свердловск, 1964, стр. 54.
[12] Даль² I, стр. 120, 146.

К. Костов

МАКЕД. ДИАЛ. *шошореа* 'ПРЌАН, ЗАЈАК' < ЦЫГ. ДИАЛ. *šošoréa* 'LEPUSCULE!'

Лексические элементы цыганского происхождения встречаются довольно часто в тайных языках южных славян. В целом цыганские слова заимствуются без особых изменений фонетического или семантического характера, и это облегчает их идентификацию. Однако нередко они обнаруживают такие морфологические формы в заимствовавшем их социальном диалекте, что нуждаются в более подробном объяснении с тем, чтобы были полнее поняты их форма и значение [1].

Здесь будет рассмотрено одно принятое в тайном диалекте слово, которое, для того чтобы быть связанным с определенным цыганским этимоном, должно быть предварительно выяснено со стороны своих фонетических и морфологических особенностей. Речь идет о существительном *шошореа*, означающем в тайных диалектах каменщиков в Македонии 'прќан, зајак', которое засвидетельствовано в селах Радибуш, Герман, Ранковце и др. в области Крива Паланка и Шлегово [2].

В лексическом материале из с. Шлегово приводится, наряду со словом *шошореа*, также выражение *Славе Шошо*, имеющее то же значение. На первый взгляд можно было бы допустить, что между существительным *шошореа* и написанным с заглавной буквы словом *Шошо* нет ничего общего, так как собственное имя *Славе* заставляет прежде всего предположить, что *Шошо* — это прозвище или фамилия [3]. Но значение, которое является одним и тем же как у существительного, так и у мнимого прозвища, говорит скорее о том, что в обеих формах скрывается одно и то же слово для обозначения зайца. Им могло бы быть цыганское существи-

---

[1] Разнообразные примеры см.: R. Uhlik. Ciganizmi u šatrovačkom argou i u sličnim govorima. Posebni otisak iz «Glasnika Zemaljskog Muzeja u Sarajevu», 1954, стр. 31; К. Костов. Цигански елементи в българските тайни говори. — «Известия на Института за български език» IV, 1956, стр. 411—425.

[2] Б. Марков. Прилог кон тајните јазици. — «Македонски јазик» V, 1954, стр. 230; Х. Ховенберг и Б. Марков. Прилог кон тајните јазици. Шлеговскиот фornички говор. — «Македонски јазик» VI, 1955, стр. 21.

[3] Ср. фамилию *Шошо*, распространенную на сербских территориях, о которой сообщает «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», d. XVII. Zagreb, 1961, стр. 718.

тельное *šošój*, которое ближе всего стоит по форме к слову *шошо*, а по значению не отличается от него. Точнее, форма *шошо* не имеет конечного *-j*, характерного для цыганского слова. Но поскольку в цыганских диалектах Балкан такое отпадение конечного *-j* неизвестно, изменение первоначального цыганского *šošój* > *шошо*, вероятно, вызвано причинами, которые нужно искать в морфологических особенностях македонских диалектов. Ясно, что окончание цыганского слова в данном случае подвергнуто преобразованию, необходимому для того, чтобы слово приобщилось к лексике соответствующего тайного языка [4].

Что касается заимствования *шошореа*, то нужно сказать, что оно полностью соответствует звательной форме единственного числа *šošoréa* от цыганского уменьшительного *šošoró* 'зайчик', которое по своим фонетическим особенностям должно быть объяснено как диалектная разновидность общецыганского *šošojoró* [5]. Форма *šošoró* известна в цыганских диалектах Балкан и засвидетельствована в литературе [6].

Среди лексики цыганского происхождения в тайных языках случаи заимствованных звательных форм — редкое явление. Их существование говорит о том, что принят чистый цыганский оборот, воспринятый носителями соответствующего социального диалекта как основная форма. В основе некоторых фамилий у болгар и македонцев обнаруживаются принятые звательные формы цыганских существительных или прилагательных. Эту своеобразную особенность можно легко понять: речь идет об определенном типе фамилий, возникших в качестве прозвищ из нарицательных существительных или прилагательных, которыми цыгане хотели обозначить на своем языке характерные черты человека, к которому обращались, ср., например, *Кашукéеви* от *kašuké(j)a—kašukó* 'глухой' [7]. Любопытно, что с точки зрения цыганского языка как в прозвищах цыганского происхождения, так и в слове *шошореа* налицо экспрессивность ввиду уменьшительно-ласкательной формы.

---

[4] Ср., например, с каким окончанием приобщено к греческой именной системе слово *σουσότης* в тайном диалекте дортов в Эвритании (Греция), хотя и эта форма происходит от цыганского существительного *šošoj* (M. A. Triandaphyllidis. Eine zigeunerisch-griechische Geheimsprache. — KZ LII, 1924, стр. 16).

[5] Об этой форме как о регулярном образовании от цыганского существительного *šošoj* см.: R. Uhlik. Srpskohrvatsko-ciganski rečnik. Sarajevo, 1947, стр. 188, s. v. *zečić*; S. A. Wolf. Grosses Wörterbuch der Zigeunersprache (romani tšiw). Wortschatz deutscher und anderer europäischer Zigeunerdialekte. Mannheim, 1960, стр. 215.

[6] A. Paspati. Études sur les Tchinghianés ou Bohémiens de l'Empire ottoman. Constantinople, 1870, стр. 493: *shoshoró*, уменьшительное от *shoshói* 'заяц'.

[7] Подробнее см.: К. Костов. Цигански елементи в българската ономастика. — БЕ X, 1960, стр. 431—437.

Слова *шошореа* и *Шошо* записаны без обозначения ударения. В цыганском языке эти существительные имеют различное ударение: *šošoréa* — на предпоследнем слоге, а *šošój* — на последнем. Будучи заимствованы в македонские диалекты, они, вероятно, переменили место ударения, хотя этого и не видно из опубликованных материалов. В болгарском языке фамилии, полученные от цыганских звательных форм на *-éa*, сохраняют первоначальное ударение, тогда как другие заимствования из цыганского могут также переменить его, ср. *ба́ро* 'богатей, важная особа, тот, кто изображает из себя важную особу' (в западных диалектах) и *бъро́* (в восточных) — от цыг. *baró* 'большой'.

В тайном диалекте в селах и окрестностях Кривой Паланки встречается и прилагательное *шошорејски* [8], которое субстантивировано и имеет значение 'патлиџани'. В семантическом отношении данное изменение значения неясно, но в словообразовательном отношении это слово, бесспорно, получено из существительного *шошореа*. Естественно, слова *шошореа* и *шошо* могут менять свое значение, переходя в другой социальный диалект. Из македонских тайных диалектов принесено немало слов в тайные диалекты различных социальных групп в Болгарии — ремесленников, музыкантов и т. д., даже учеников гимназий. Об этом убедительно говорит и цыганское заимствование *шошо*, которое нашло употребление в существовавшем некогда тайном языке болгарских воров [9], которые словом *шошо* называли всякого дурака. В этом случае развитие значения 'заяц' → 'дурак' можно было бы легко понять, потому что и в других языках возможно такое изменение значения [10].

Наконец, коротко и об этимологии слова *šošój* в цыганском языке: это одно из немногочисленных унаследованных существительных, обозначающих животных, и оно соответствует др.-инд. *šašá-* с тем же значением.

* * *

О. Гэмулеску в своей статье «Împrumuturi românești și aromânești in argourile sud-slave» («Studii și cercetări de linguistică» XVI, 1964, № 4, стр. 531—540) считает рассмотренное выше слово *шошореа* в жаргоне каменщиков Кривой Паланки заимствованием из рум. *șoșoi* 'iepure', оформленного румынским

---

[8] Б. Марков. Указ. соч., стр. 230.

[9] Б. Ирник и Кормиш. Апашки език. Апашко-български речник за Балканите. . . София (депонировано в Народной библиотеке в 1928 г.), стр. 14.

[10] Вот наглядный пример того, как в социальных диалектах зайцу приписываются качества, типичные для глупого человека: так, «зайцами» называют новобранцев в армии (Гр. Марков. Из груповите войнишки говори. — БЕ X, 1960, стр. 60—61).

суффиксом *-еа*. В словаре современного румынского языка действительно приводится как диалектное слово *şoşoi*, но составители не указывают его этимологию. Но Гэмулеску не может полностью объяснить форму *шошореа*, так как он неправильно ее членит (см. выше), не замечая того, что остается при этом *-r-*, которое не существует в румынском слове *şoşoi*. Сравнивать окончание *-еа* и румынский суффикс таким образом нельзя. Подобное сравнение цыганского слова *şoşoi* в румынских диалектах с формой *шошореа* в македонских тайных диалектах следует признать случайным.

Перев. с болг.

О. Н. Трубачев

В. В. Виноградов

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. IV

I. Кутить

Словарь русского литературного языка является той национальной сокровищницей, в которую текли словесные богатства из разных народных говоров. Вступая в строй литературной речи, народные слова и выражения приспособлялись к ее экспрессивно-семантической системе, к ее стилистическим особенностям. Смысловой облик, экспрессивная окраска и стилистические функции народно-областных слов и оборотов резко изменялись в новом литературном окружении. Блистая самобытными красками народно-поэтического творчества, эти выражения получали литературную шлифовку. Кроме того, в новой языковой среде часто изменялись направление и общий характер их семантического развития. Старые значения могли отмирать, не выдержав сопротивления и напора более веских литературных смысловых синонимов. В этом случае отраженные и бледные следы старых народно-диалектных значений сохранялись иногда в новой смысловой структуре слов.

Пример — история глагола *кутить*. Этимология этого слова точно не открыта, но его семантическая история в русском литературном языке национального периода восстанавливается более или менее полно.

А. Преображенский в своем «Этимологическом словаре» отнес глагол *кутить* к словам неизвестного происхождения. Он лишь подчеркнул — и совершенно правильно, — что в этом слове современное диалектное значение 'кружить, крутить (о ветре)' и ставшее общерусским 'мотать, повесничать, пьянствовать, буянить' тесно связаны между собою [1].

Автор другого этимологического словаря русского языка Н. В. Горяев, напротив, склонен был эти значения разъединять. Ему казалось, что литературное *кутить* является только омонимом областного слова кутить в значении 'крутить, кружить' [2].

Это — ошибка, которая вскрывается наблюдениями над ходом изменения значений этого слова.

Еще И. Желтов в своих «Этимологических афоризмах», сопоставляя *кутить* с чеш. *kutiti* 'трясти, шевелить, рыть, копать',

[1] Преображенский I, стр. 421—422.
[2] Горяев, стр. 177.

писал: «Нынешнее употребление глагола *кутить* в смысле бражничать возникло уже впоследствии, на том основании, что хмельные обыкновенно бывают беспокойны. Впрочем, глагол *кутить* и доселе еще употребляется у нас в первоначальном своем значении: 'быть беспокойным' в выражении: *кутить и мутить*, означая именно беспокойную деятельность. Ср. выражение: на дворе *закутило*, страшная погода *кутит*» [3].

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, кроме указаний на русские значения глагола *кутить*, отмечено ц.-слав. *kutiti* 'machinari', чеш. *kutiti*, *kutati* с их разнообразными значениями ('treiben, tun, schäkern') и полаб. *keutéit* 'делать' (machen). Кроме того, есть отсылка к чеш. и польск. *s-kutek* 'дело, поступок, действие' (Tat, Wirkung) [4].

В сущности, здесь использованы с сокращениями и исправлениями материалы, ранее помещенные в «Славянском этимологическом словаре» Э. Бернекера (I, стр. 654).

Ясно, что этимологические справки не открывают никаких ясных перспектив для конкретного изучения судеб глагола *кутить* и производных от него слов в древнерусском языке.

Слово *кутить* становится известным в пределах русского литературного языка с XVIII в. и сначала выражает лишь свои народно-областные значения.

Слово *кутить*, как «простонародное», употреблялось в русском литературном языке XVIII в., согласно указаниям «Словаря Академии Российской», в таких значениях:

1) 'Вертеть, крутить (о ветренной погоде)'. Ветер *кутит*;

2) 'Производить смутками (т. е. сплетнями, интригами) между другими ссору'. Он, она всеми *кутит* и мутит [5]. Ср.: «*Накутить*. . . Много чего недостойного, непристойного, предосудительного наделать. Он, будучи в отлучке, много *накутил*».

Те же значения и та же стилистическая квалификация *кутить*, как слова простонародного, сохраняются в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (ч. III, 1814, стр. 500) и в «Общем церковно-славяно-российском словаре» П. Соколова (ч. I. СПб., 1834, стр. 1285).

Таким образом, в русском литературном языке XVIII в. глагол *кутить* применялся не только к обозначению действий ветреной, бурной, вьюжной погоды, но и служил образной характеристикой поведения вздорного человека — буяна, бунтовщика, сплетника, интригана и спорщика.

В «Рукописном лексиконе первой половины XVIII в.», приписываемом В. Н. Татищеву: «*кутило*, *кутити* — шелити» [6].

---

[3] «Филологические записки», 1874, вып. VI, стр. 65—66.
[4] V a s m e r I, стр. 706.
[5] «Словарь Академии Российской», ч. III, 1792, стр. 1102.
[6] Изд. ЛГУ, 1964, стр. 160.

Например, в «Записках» Болотова: «соперник наш работал в Кашире и старался *кутить и юрить* сим делом . . . всех он закупил и задобрил, и все держали его сторону» [7].

У проф. Н. Новомбергского в его исследовании «Слово и дело государевы» (Материалы) [8]: «. . . вот де что *кутит* Алексей Григорьевич Разумовской. В спальне де их имп. выс. потолок приказал сделать на винтах. . . И как де их имп. выс. соизволили некогда опочивать, и тогда де оной Разумовской приказал . . . те винты отвернуть . . . тем потолком чуть было их имп. выс. не задавило и едва де часовые успели их выс. из той спальни вывести».

По-видимому, это применение глагола *кутить* к характеристике поведения людей наметилось еще в народной речи. Переносное значение *кутить* ярче всего выступало в поговорочном выражении *кутит и мутит*, которое употреблялось и по отношению к метели, и по отношению к вздорным и буйным людям. Например:

На улице то дождь, то снег,
То вьялица, метелица
Кутит, *мутит*, в глаза несет

(М. Д. Чулков, Собр. песен, I, 628)

Ср. у Шейна:

Зима вьюжлива была,
Все *кутила* да мела,
Примораживала

(Осташковск. П. В. Шейн. Великорусс, I, 99)

Выражение *кутить и мутить* и в прямом и в переносном значении шло в литературный язык из народной поэзии:

Есть на нас недруг-супостат,
С нами в единой улице живет,
Все на нас *кутит да мутит*,
Все на нас насказывает

(«Пинежск. Великорусск. нар. песни», под ред. А. И. Соболевского, V, 18)

В тех же «Великорусских народных песнях», изданных А. И. Соболевским, находим такие примеры:

А мой миленький дружек, он на лавочке лежит,
Он на лавочке лежит, одну речь говорит:
Ой, и плохо вам, собаки, на мою жену рычать,
На мою жену рычать, и *кутить и мутить*,
И *кутить и мутить*, наговаривать [9];

[7] «Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1738—1795 гг.», т. I. Изд. 3. СПб., 1875, стр. 170.

[8] Т. II (1690—1764 гг.). Томск, 1909, стр. 328.

[9] «Великорусские народные песни» под редакцией А. И. Соболевского, т. II. СПб., 1895, стр. 124. «*Кутить* — сплетничать» (А. И. Соболевский).

Сгубил, пропил, замотал все, пропаща голова,
Все житье-бытье мое, все приданье девочье!
Я *кутил*, жена, шутил, а коровушку купил!
Ты коровушку купил, а кто тебя просил? [10];

Щуки, караси трепощутся,
Мелкая рыба *кутит* и *мутит* [11].
Ср.: Люди бают, говорят,
И *кутят и мутят*
С милым развести хотят

(Тверск. П. В. Шейн. Великорусс, I, 132).

Выражение *кутить* и *мутить* употреблялось в русском литературном языке до самого конца XIX в. как в применении к метели, к бурной погоде, так и к живым существам.

Например, у А. И. Полежаева в стихотворении «День в Москве»:

Есть дьяволы — никто меня не переспорит,
Не мы, а семя их *кутит*, *мутит* и вздорит.

У В. А. Слепцова в неоконченном романе «Хороший человек»: «Хомяков, собственно говоря, ровно ничего не делал, у него не было никакого плана, он ни к чему не стремился, он только производил движение: он просто, что называется, *кутил и мутил*, и это ему доставляло удовольствие» [12].

Оно применялось к погоде, см. у И. С. Никитина в стихотворении «Встреча зимы»:

В чистом поле метель
И *кутит и мутит*.
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит.

У М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Господах Головлевых» — безлично: «А покуда там на дворе *кутит да мутит*, вы бы, милый друг, вареньица покушали».

Из анонимной комедии «Домашние несогласия»: Дарья (особливо). Братца моего главное увеселение есть, *кутить* и *мутить* беспрестанно («Российский феатр», ч. XII, 1786, стр. 337).

Употребление слова *кутить* без прибавления *мутить* в значении 'производить скандал, беспорядок, распри, интриговать', а также 'проказничать, дебоширить' может быть проиллюстри-

---

[10] Там же, т. II, стр. 359.
[11] Там же, т. III, стр. 12.
[12] В. А. Слепцов. Сочинения, т. I, «Academia», 1932, стр. 531.

ровано примерами из языка писателей XVIII в. [13]; наиболее ранние — из интерлюдий, опубликованных Н. Тихонравовым:

Поди, дурак, прочь! Что ты над ним шутишь?
Ведь он не твой брат: что выше меры *кутишь*?

У Г. Р. Державина в стихотворении «Желание зимы»:

Чтоб осень, баба злая,
На астраханский красный
Не шлендала кабак
И не *кутила* драк.

В комедии императрицы Екатерины «Расстроенная семья осторожками и подозрениями» (Сочинения, т. VII, стр. 174): «Стоя в передней как ему *кутить*».

У Н. Р. Судовщикова в пьесе «Неслыханное диво»:

Молчи! вот так взгляни — водой
не помутит,
Ай, целомудренник, смотри-тка
что *кутит*!
Не догадался б я, пытай меня
до смерти,
Но в тихом омуте всегда бывают
черти.

Г. П. Князькова в работе «Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60—70-х годов XVIII века» писала о *кутить* как о слове простонародном и областном:

«*Кутить* — вносить смуту, раздор, в речи солдатской дочери Розаны и приказчика.

Р о з а н а: Только хотела бы я знать, для чево меня в мясоед не выдали замуж? Это все *кутит* приходской наш батюшка (Н. П. Николев. Розана и Любим);

П р и к а з ч и к: А все это *кутит* Миловзор, етот скаредной пастушишка: когда б она ево не любила, ан бы конечно полюбила меня (Н. П. Николев. Приказчик)».

В герои-комической поэме:

Других ладонью бьет и многих кулаком,
Кутит компанией, мешает веселиться
И тем принудит дам порядочно озлиться

(Г. И. Ч у л к о в. Стихи на качели) [14].

[13] Ср. в «Словаре Академии Российской» (ч. IV, 1822, стр. 924): «*Перекутить*, *тил*, *перекучу*, *тишь*, гл. д., I спр. простон. Произвести беспорядок, неустройство. Он все *перекутил* и *перемутил*».

[14] «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века». М.—Л., 1965, стр. 185.

Как видно из примеров, глагол *кутить* употреблялся в XVIII—начале XIX в. и переходно и непереходно. Складывались вокруг него и разные фразеологические обороты.

Есть основания думать, что в русскую литературную речь слово *кутить* попало из севернорусских говоров. Например, в холмогорском говоре: *кутить* 1) 'пьянствовать', 2) 'о погоде бушевать, заметать снегом, обдавать дождевою пылью, крутиться' (А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. СПб., 1907, стр. 185).

В чухломском говоре Костромской обл.: *накутить* — 'нанести, надуть много снегу' (Ж. Ст, 1899, вып. III, стр. 347 сл.).

В русском литературном языке 20—30-х годов XIX в. слово *кутить* уже приобретает новый оттенок значения: 'жить очертя голову, выходить из привычных норм житейского поведения, безобразничать'. На всем слове *кутить* еще лежит явный отпечаток фамильярного просторечия.

У Пушкина в «Евгении Онегине»:

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел *кутить*

В «Русско-французском словаре» Ф. Рейфа (или «Этимологическом лексиконе русского языка», т. I, 1835, стр. 485) слово *кутить* снабжено таким новым значением: 'вести рассеянную жизнь' (mener une vie dissipée).

Ср. у Н. И. Греча в романе «Черная женщина» (Сочинения Н. И. Греча, ч. III, 1835, стр. 66): «Она в надежде будущих благ начала было жить и *кутить* не в свою голову, позадолжалась».

Ср. у В. И. Даля в «Похождениях Виольдамура и его Аршета» *кутить* со значением 'мотать деньги, транжирить': «Они знали уже и то, что Христиан *кутит* не в свою голову, что за угловатые скрипки отдал немцу три кларнета и сюртук, что улестил бедного Краусмагена переделать рояль в долг» («Полное собр. соч. В. И. Даля», т. X. СПб.—М., 1898, стр. 190).

У Ф. Булгарина в письме к Н. Кукольнику (от 28 ноября 1842 г.): «Скажи пожалуйста, в свою ли ты голову *кутишь*, не стыдно ли тебе, забыв страх божий, приличия и обязанности честного человека, живущего в обществе — реветь вчера в театре в представлении несчастной оперы „Руслан и Людмила“» [15].

В повести К. Баранова «Ночь на Рождество Христово» (ч. I—III, М., 1834) слово *кутить* еще вовсе не связывается с представлением о пьянстве, о попойках. Оно употребляется в значении 'производить смуту, бесчинства': «Накануне дня публичной экзекуции хожалые унтер-офицеры ходили по обывателям и оповещали, что завтра-де будут сечь пойманных воров, которые *кутили*, как они изъяснялись, во всей губернии» (ч. I, стр. 134).

[15] «Записки М. И. Глинки». «Academia», 1930, стр. 492.

Ср. в письме А. Т. Венецианова к Н. П. Милюкову (март, 1846 г.): «мой сожитель — гиморой забунтовал и теперь *кутит*» [16].

Ср. у Пушкина в «Капитанской дочке»: «*Закутим*, запьем и ворота запрем».

В письме Пушкина к М. Л. Яковлеву: «Я надеялся с тобою обедать и *кутнуть*» (Переписка, т. II, письмо № 116).

Ср. у Е. А. Баратынского в «Цыганке» тот же глагол в другом значении в применении к погоде:

Да уж насилу добрела,
Метель такая *закутила!*

Ср. в посмертных записках генерал-от-инфантерии А. А. Одинцова (1803—1886) «Во кадетском корпусе»: «Выпускные этого года позволяли себе разные строго запрещенные поступки, т. е., по кадетскому выражению, очень *кутили*» («Русская Старина», 1889, ноябрь, стр. 307):

У М. Ю. Лермонтова в драме «Menschen und Leidenschaften»: [Василий Михайлович:] «Сенат-с? до него еще дело не доходило, а все еще *кутят да мутят* в уездном суде».

У В. И. Даля в «Мичмане Поцелуеве» (1841) слово *кутило*, наряду с выражением *втереть очки*, фигурирует среди слов ученического арго морского корпуса: «Поцелуев по крайней мере обогатил в корпусе знание русского языка; и вот вам целый список новых слов, принятых и понятных в морском корпусе; читайте и отгадывайте: бадяга, бадяжка, бадяжник, новичок, нетленный, копчинка, старик, старина, стариковать, *кутило*, огуряться, огуряю, отказной, отчаянный, чугунный, жила, жилить, отжилить, прижать, прижимало, сводить, свести, обморочить, втереть очки; живые очки, распечь, распекало, отдуть, накласть горячих, на фарт, на ваган, на шарап, фурочной, фурка, и прочее и прочее».

Д. В. Григорович в своих «Воспоминаниях» так описывает жаргон и нравы Инженерного училища в 1835—1840-х годах: «С первого дня поступления новички получали прозвище рябцов, — слово, производимое, вероятно, от рябчика, которым тогда военные называли штатских. Смотреть на рябцов, как на парий, было в обычае. Считалось особенной доблестью подвергать их всевозможным испытаниям и унижениям.

Новичок стоит где-нибудь, не смея шевельнуться; к нему подходит старший и говорит задирающим голосом: «Вы, рябец, такой сякой, начинаете, кажется, *кутить*? — «Помилуйте. . . я ничего. . . — То-то ничего. . . Смотрите вы у меня!» и затем щелчок в нос или повернут за плечи и ни за что ни про что угостят пинком» [17].

---

[16] «Веницианов в письмах художника и воспоминаниях современников». «Academia», 1931, стр. 223.

[17] Д. В. Григорович. Воспоминания. «Academia», 1928, стр. 32.

Из русских толковых словарей первой половины XIX в. «Словарь церковно-славянского и русского языка», до некоторой степени отражающий изменения русского литературного языка в 20—30-е годы, дает новую семантическую характеристику глагола *кутить* — это слово уже не считается словом простонародным, в нем выделяются два значения: 1) о ветре: 'вертеть, крутить'. Ветер *кутит*; 2) переносно: 'вести беспорядочную жизнь, пьянствовать, мотать'. Этот молодой человек сильно *кутит* [18].

Это второе значение уже обрастает производными словами: *кутило* — 'пьяница, развратник, мот'.

Но слово *кутеж* в «Академическом словаре» 1847 г. еще не указано. Слово *кутило* обычно в языке М. Ю. Лермонтова [19], П. А. Вяземского [20].

Слово *кутила*, как широко вошедшее в бытовой московский язык, отмечается в «Очерках московской жизни» П. Ф. Вистенгофа (1842).

В комедии А. Н. Островского «Старый друг лучше новых двух» (1860): «Какой это товарищ! Это купец, *кутило*» (в речи чиновника Прохора Гавриловича).

Таким образом, в период расцвета натуральной школы, в 30—40-е годы, в русском литературном языке окончательно укрепляется новое значение глагола кутить: 'выходя из привычных рамок быта, жить безрасчетно, очертя голову, мотать денежные средства и предаваться разгулу'.

Это значение оказывается настолько ярким, экспрессивным, что вокруг него образуется целая серия производных слов — *кутила*, *прокутить*, *закутить*, *кутнуть* и т. д. В этих словах остро отражаются и черты натуры отдельных людей и общественно-бытовые явления, порожденные социальными взаимоотношениями буржуазного строя. Понятно, что перед этим новым употреблением должны были померкнуть старые простонародные значения глагола *кутить*.

У Н. В. Гоголя в «Мертвых душах»: «Помещик, *кутящий* во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь». Там же в повести о капитане Копейкине: «пообедал, сударь мой, в Лондоне, приказал подать себе котлету с каперсами, пулярку с разными финтерлеями, спросил бутылку вина, ввечеру отправился в театр, одним словом — *кутнул* во всю лопатку, так сказать».

У В. И. Даля в «Картинах русского быта»: «Лишь бы кто намекнул, что надо бы *кутнуть*, то мы сейчас же пустили ребром и свое и чужое; не ценя, не уважая своей собственности, мы подавно не можем уважать и чужой; для нас все трын-трава».

---

[18] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. II, 1847, стр. 240.

[19] «Сочинения М. Ю. Лермонтова», изд. Акад. Наук, т. II, 1910, стр. 103.

[20] «Полное собрание сочинений П. А. Вяземского», т. XII, 1867, стр. 302.

У И. И. Панаева в рассказе «Прекрасный человек» (1840):

«Уж *кутить*, так *кутить*
Я женюсь так и быть!. .

запел чиновник военного министерства хриплым голосом»[21].

В очерке И. А. Гончарова «Иван Савич Поджабрин» (1842): «Обед в трактире, часто с приятелями. Тогда обедали шумно и напивались обыкновенно пьяны. Это называлось *кутить* и считалось делом большой важности».

Ср. там же: «Как они у вас шумят! что вы делаете? — расскажу ей, как мы *кутим*. . . Это нравится женщинам, подумал Иван Савич.

— *Кутим-с*. Вот иногда они соберутся ко мне, и пойдет вавилонское столпотворение, особенно когда бывает князь Дудкин: карты, шампанское, устрицы, пари. . . Знаете, как бывает между молодыми людьми хорошего тону»;

«Славно мы живем, промолвил один из молодых людей: право, славно: *кутим*, жуируем! вот жизнь, так жизнь!»;

«Когда Иван Савич подходил к дверям, из столовой слышалось пение, крик, смех: говорило несколько голосов. Вдруг человек поспешно пронес мимо его бутылку. Эге! да здесь никак *кутят*! подумал Иван Савич! — а говорят, знатные не *кутят*»;

«— Ого! как *кутнули*! сказал он — с нашими так никогда не удавалось: этакой рожи у меня еще не бывало!. .»

У А. И. Герцена в романе «Кто виноват» (1841—1846): «Они недели две рассказывали направо и налево о том, как *кутнули*»;

«Побился он с медициной да живописью, *покутил*, поиграл, да и уехал в чужие края».

В повести Герцена «Долг прежде всего» (1848—1851): «Я уверен, что со времени знаменитого *кутежа*, по поводу которого в летописях в первый раз упоминается имя Москвы, и до наших дней не было человека менее расположенного и менее годного к семейной жизни, как Столыгин».

В очерке Е. П. Гребенки «Пиита» (1844), напечатанном в альманахе «Новоселье» (1846, ч. III, стр. 284), нарисован такой портрет «человека, одержимого поэзией»: «Больной, перенося пожары и разрушения сердца, не лишается аппетита, любит хорошо поесть — свое ли, чужое ли, все равно, и не прочь от доброго вина. Часто у него с языка срываются стихи Пушкина:

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет.

И вообще направление его подходит к разряду *кутил*».

---

[21] «Полное собрание сочинений И. И. Панаева», т. I. СПб., 1860, стр. 352.

У И. С. Тургенева в романе «Накануне»: «Николай Артемьевич порядочно говорил по-французски и слыл философом, потому что не *кутил*».

Иногда проступает тонкий смысловой оттенок в употреблении *кутить* 'жить азартно, очертя голову, со страстью отдаваться чему-нибудь, выходящему из привычных рамок быта'. В речи Базарова: «Отец в шестьдесят лет хлопочет, толкует о «паллиативных» средствах, лечит людей, великодушничает с крестьянами, — *кутит*, одним словом» («Отцы и дети»).

Ср. у Ф. М. Достоевского в «Бесах»: « — Одним словом, будут или не будут деньги? в злобном нетерпении и как бы властно крикнул он [Верховенский] на Ставрогина. Тот оглядел его серьезно.

— Денег не будет.

— Э, Ставрогин! Вы что-нибудь знаете или что-нибудь уже сделали! Вы — *кутите*!»

Это смешение пластов значений не находит ясного выражения в словаре Даля. Толковый словарь В. И. Даля, как и следовало ожидать, помещает в одной плоскости все три значения слова *кутить*, нивелируя живые литературные и уже устаревающие, становящиеся областными оттенки его употребления: «*кутить*, *кучивать*, *кутнуть*, о ветре, погоде: кружить, крутить, вихрить. Ветер *кутит да мутит*; о человеке: Он *кутит да мутит*, сплетничает и поселяет раздор; мотыжничать, пьянствовать, кружиться; жить очертя голову, отчаянно проказить, пить, буянить. Наши *кутят* в погребке. *Кучивали* и мы в гусарах. *Кутнем* вместе, пойдем. *Кутни* на все. *Кутнуть* во всю ивановскую. . .

Ср.: Офицеры *закутили*, шибко раскустились, не *докутиться* бы до беды. *Искутился* малый. Что ты *накутил*? Кончили пир, *откутили*, *покутили* немного. Он *подкутил*, выпил». Тут же *кутила* [22].

Можно думать, что и слово *кутеж* уже вошло в русский литературный язык 40—50-х годов. Возможно, что оно сначала было особенно широко употребительно в военно-офицерской и буржуазно-студенческой среде. Например, у Н. М. Языкова в стихотворении «К. К. Павловой»:

Вы меня, певца свободы
И студентских *кутежей*,
Восхитительно ласкали.

У Н. В. Гоголя во II томе «Мертвых душ»: «Все [в заведении] было в струнку и шло попарно, а по ночам развелись *кутежи*».

---

[22] Даль[2] II, стр. 291.

У Н. П. Огарева:

Пошел *кутеж* и к нам бывало
Гостей сбирался полон дом

(Н. П. Огарев. Рассказы этапного офицера)

У Л. Толстого: «Кутеж был во всем разгаре» («Детство. Отрочество. Юность». Юность, 3.XXXIX).

У И. С. Тургенева: «. . . во время самого буйного *кутежа*» («Дворянское гнездо», гл. IV).

А. А. Фет в своих воспоминаниях передает слова Тургенева о Л. Толстом 50-х годов: «Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. *Кутежи*, цыгане и карты всю ночь; а затем до двух часов спит как убитый» («Мои воспоминания», ч. I).

У Н. А. Некрасова в «Медвежьей охоте»:

Три фазиса дворянское развитье
Прекрасные являло нам тогда:
В дни юности — *кутеж* и стеклобитье,
«Наука жизни» — в зрелые года. . .
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места.

У М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Господах Головлевых»: «Говорили, что каждый вечер у нее собирается *кутежная* ватага, которая ужинает с полуночи до утра».

У Л. Толстого в «Войне и мире»: «Пользуясь своими *кутежными* отношениями дружбы с Пьером, Долохов прямо приехал к нему в дом».

У Л. Толстого в «Войне и мире» (вариант):

«— Опять *кутил*? — спросил Андрей, покачивая головой. Пьер виновато кивнул головой. — Я только в три проснулся. Можете себе представить, что мы выпили впятером одиннадцать бутылок».

У Ф. М. Достоевского в «Записках из мертвого дома»: «Арестант, по природе своей, существо до того жаждущее свободы и, наконец, по социальному своему положению, до того легкомысленное и беспорядочное, что его естественно влечет вдруг «развернуться на все», *закутить* на весь капитал с громом и с музыкой. . . Иной из них работает, не разгибая шеи, иногда по несколько месяцев, единственно для того, чтоб в один день спустить весь заработок, все до чиста, а потом опять, до нового *кутежа*, несколько месяцев корпеть за работой. . . . и опять несколько месяцев работает не разгибая шеи, мечтая о счастливом *кутежном* дне».

Любопытно, что слова *кутеж* и *кутежный* отмечены в лексикографической традиции лишь в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Таким образом, если в литературном языке XVIII в. начинали широко употребляться глагол *кутить* и разные префиксальные образования от него — *закутить*, *накутить*, *прокутить* и т. п., а также *кутила* и *кутнуть*, то в XIX в., с 30—40-х годов, распространяются *кутеж*, *кутежный*.

II. ИСТОРИЯ СЛОВА *транжирить*

Глагол *транжирить* (ср. *потранжирить*, *протранжирить*, *растранжирить*) в значении 'мотать, нерасчетливо тратить, легкомысленно, без толку расходовать' в современном языке воспринимается как слово разговорно-фамильярного стиля. С этим словом связана группа именных образований: *транжир* — *транжира*, *транжирка*, *транжирство* (ср. *транжирничать*, *транжирствовать*). Нельзя сомневаться в том, что все это гнездо слов восходит к заимствованной основе *транжир-*. Легко догадаться и о том, что заимствование произошло из французского языка. Однако этимологические догадки по поводу этого слова, высказанные русскими лексикографами, явно неудовлетворительны. Собственно говоря, выдвинуто было лишь одно объяснение этого слова. И. Желтов в заметке «О русском говоре в Риге» («Филол. Записки», 1874, вып. VI, стр. 22) сопоставлял *транжирить* с франц. *trancher* (du grand seigneur) 'мотать, широко жить'. Проф. Б. В. Казанский в своем, ныне исчезнувшем в верстке, «Словаре иностранных слов» заметил (приложение I): «*Транжирить* нем. transchieren—фр. trancher = букв. кроить (из себя большого барина), отсекать — лат. truncare = обрубать—truncus = ствол». Но совершенно очевидно, что здесь развернута цепь остроумных, однако недоказанных соображений. Очень неясна фонетическая деформация *transchieren* в *транжирить* (ср., впрочем, в «Ведомостях» Петровского времени употребление формы *транжемент* вместо *траншемент*). Необъясним морфологический перевод *transchieren* в *транжирить*, а не в ожидаемое *траншировать* (впрочем, ср. *бригадирить*, *хулиганить* и т. п.). Кроме того, семантический переход от *trancher* 'разрезать, отсекать' через посредство выдуманной внутренней формы 'кроить из себя большого барина' к 'мотать, без удержу тратить' является натянутым и произвольным.

Современный редактор «Толкового словаря русского языка» (под ред. проф. Д. Н. Ушакова) и составитель статьи об этом слове (т. IV, 772) некритически приняли догадку Б. В. Казанского, под влиянием которого находится вся этимологическая часть «Толкового словаря», относящаяся к заимствованным сло-

вам. Здесь безоговорочно глагол *транжирить* возводится к франц. *trancher* 'разрезать'.

Очень любопытно, что впервые в лексикографической традиции ссылка на *транжирить* и *транжирство* появляется в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря Академии наук» 1858 г. Следовательно, сведения об этом гнезде слов начинают распространяться из диалектологических источников. Естественно, что круг этих сведений затем расширяется в «Опыте толкового словаря» В. И. Даля.

При более внимательном отношении даже к тем фактам употребления слова *транжирить* в русском языке, которые в настоящее время собраны, становится менее прочной и убедительной обоснованность принятой этимологии этого глагола от франц. *trancher* 'разрезать'. Глагол *транжирить* не помещен ни в одном словаре иностранных слов русского языка. Иначе говоря, он уже в XIX в. не ощущался заимствованным. Этому, конечно, мешала его фамильярно-бытовая экспрессия. Слово *транжирить* образовалось за пределами литературной нормы. Когда оно возникло? Нельзя не придавать значения тому обстоятельству, что впервые в лексикографических коллекциях оно появляется в «Дополнении к опыту областного великорусского словаря» 1858 г. и у Даля в его «Толковом словаре живого великорусского языка». Даль пишет: «*Транжи́рить*, мотать, расточать, тратить лишнее, безрассудно сорить. Все имение *рас(про)транжирил. Транжи́р, -рка*, беспутный мотишка. *Транжи́рство* ср., расточительство, мотовство. *Транжи́рничать*, вовсе предаться мотовству» [23]. Как известно, Даль обычно стремился отмечать иностранное происхождение слова. При глаголе *транжирить* такой отметки нет. Все это наводит на мысль, что слово *транжирить* вошло в русский язык не прямым путем литературного заимствования, а при посредстве каких-то социальных диалектов устной речи. Бросается в глаза яркая экспрессивность слова *транжирить*, густой слой облекающей его насмешки, иронии, порицания. Морфологическая структура этого глагола (образование на *-ить*) выводила его из привычного круга книжно-деловых заимствований. Из всех этих обстоятельств можно сделать заключение, что глагол *транжирить* укрепился в русском языке сравнительно поздно и через посредство разговорной речи. Его история едва ли выходит за границы середины XIX в. и во всяком случае не заходит дальше последних десятилетий XVIII в. Самые ранние примеры употребления слов с основой *транжир-* указаны М. И. Михельсоном и академическим «Словарем современного русского литературного языка» (т. XV, 1963) из произведений русских писателей 40—60-х годов XIX в. Так, прежде всего отмечено

---

[23] Даль[2] IV, стр. 436.

у И. П. Мятлева в «Сенсациях и замечаниях г-жи Курдюковой» (I, 3):

Протранжирить, промотать
Вот что русскому под стать.

Затем приведены примеры из сочинений Григоровича, Салтыкова-Щедрина и Лескова. У Д. В. Григоровича — в рассказе «Соседка»: «Рад, что получил вчера жалованье — пошел теперь *транжирить*». В «Литературных воспоминаниях»: «Когда у него заводились деньги, он по старой привычке к *транжирству* . . . давал в лучших ресторанах роскошные обеды, приглашая на них без разбору каждого, кто первый подвертывался под руки».

У М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Пестрых письмах»: «Божьего добра зря не *транжирили*, но и не скопидомствовали».

У Н. С. Лескова в очерках «Инженеры-бессеребренники»: «Кто хочет прожить честно, тот не должен быть *транжиром* и мотом» [24].

У Н. А. Некрасова в рассказе «Без вести пропавший пиита»: «Оно, вот видите, барин, кабы вы так не *транжирничали*, и было бы хорошо, ведь еще третьеводни были у вас деньги: вы враз упекли».

У П. Д. Боборыкина в романе «На ущербе»: «Но Вогулина не скопидомка, — нет. Тетушка Марфа Ивановна находит даже, что — *транжирка*: деньги текут как сквозь решето».

У П. Д. Боборыкина же в романе «Василий Теркин»: «[Сановник] любит карты и всякое *транжирство*».

Невольно напрашивается предположение, что сначала возникает глагол *транжирить*, а затем соотносительные с ним существительные: *транжирство*, *транжир*, *транжирка*, *транжира*. Морфологический строй слова *транжирить* заставляет связывать его не непосредственно с французским глаголом (тогда возникло бы **транжировать*), а с каким-то именем существительным и прилагательным. Можно думать, что это было франц. *étranger*, *étrangère* 'иностранный. чужой'; в значении существительного: 'иностранец', 'заграничные страны, чужбина'; *à l'étranger* 'за границей, за границу'. Ср. заглавие известного произведения И. П. Мятлева: «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан *л'этранже*». Ср. там же:

Точно будто не здорово
Вымолвить по-русски слово:
Же ве, дескать, вольтиже
Годик сюр лез-этранже [25].

Вот по отношению к этому дворянству, его мотовству *дан л'этранже*, к этому преклонению перед всем *этранже* и сложилось

[24] М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. СПб., 1912, стр. 895.
[25] «Сочинения И. П. Мятлева», т. II. М., 1894, стр. 61.

слово *(э)транжирить.* Как показывает его морфологический облик, оно могло возникнуть лишь в среде, далекой от французского воспитания и дворянской французомании, — или в среде старозаветного провинциального дворянства, или в среде дворни.

Слово *транжирить* могло возникнуть не позднее начала XIX в. В 30—40-х годах XIX в. оно уже было широко употребительно в литературном языке, по крайней мере в его разговорных стилях и в стиле повествовательной прозы (например, в языке исторических романов Лажечникова). И. П. Мятлев в «Сенсациях и замечаниях госпожи Курдюковой» пользуется этим словом не как арготизмом «русских иностранцев», а как русским или обруселым:

В кошельке ужасный тру;
А уж далее что будет,
Русской думать позабудет.
Протранжирить, промотать
Вот что русскому под стать!
Что же делать? — виновата:
Я по-русски таровата.

Ср. у И. Т. Кокорева в очерке «Ярославцы в Москве»: «Расщедритесь, посетитель, примите во внимание покорную просьбу полового: право, не раскаятесь. Ведь он не *протранжирит* пожалованных денег, а запишет их в денежную книжку и употребит на дело» [26].

Указание на связь русского *транжирить* и франц. *étranger* было сделано Н. П. Гиляровым-Платоновым в его «Экскурсии в русскую грамматику» (Письмо третье. Совесть в русском языке):

«Не редкость в речении, вместе с наименованием обычая, заимствованного от иностранцев или имеющего вообще отношения к связи с иностранцами, слышать и нравственный суд над обычаем. Таковы *фершпилиться* и *транжирить. Профершпилиться* — не просто проиграться; и *транжирить* — не то, что просто расточить. К *профершпилившемуся* высказывается презрение и насмешка, чего нет в проигравшемся просто; *транжирит* — разоряется по пусту, безумно, бесчестно; таких качеств расточительность приписывается именно проживанию денег за границею, dans l'étranger. Обычай проматывать деньги за границей осуждается, а отсюда уж всякое безумное проматывание сравнивается с этим и называется транжирением» [27].

---

[26] И. Т. Кокорев. Очерки Москвы сороковых годов. «Academia», 1932, стр. 61.

[27] Н. П. Гиляров-Платонов. Сборник сочинений, т. II. М., 1899, стр. 260—261.

III. ИСТОРИЯ СЛОВА *зависеть*

В истории некоторых русских слов наблюдается поразительный семантический параллелизм в ходе изменения значений с эквивалентными словами западноевропейских языков. Иногда общность заметна и в морфематической структуре таких слов. В некоторых случаях можно установить и прямую смысловую связь и соотносительность русского слова с его западноевропейскими эквивалентами. Тем не менее о калькировании полном или частичном во многих из таких примеров не может быть и речи.

Слово *зависеть* распространилось в русском литературном языке не ранее начала XVIII в. Старое ударение (на предпоследнем слоге; ср. *ви́селица*, *ви́сельник*), морфологическая изолированность этого слова, независимость (от префиксального осложнения) его видового употребления, своеобразие его значения — все это как будто намекает на давний отрыв слова *зави́сеть* от гнезда *висе́ть* и производных (ср. чеш. *záviseti*).

Так как глагол *висеть* в древнерусских памятниках обычно имеет ударение на корневом элементе (*ви́сеть* и т. п. [28], ср. *ви́селица* и укр. *ви́сiти*), то, надо думать, *зависеть* со своим старым ударением рано подверглось деэтимологизации и отделилось от других морфологических серий слов, связанных с корнем *вис-* (*висеть*, *висячий* и т. д.). Между тем глагол *зави́сеть* неизвестен в древнерусской письменности. Больше того: нельзя найти следов его употребления в русском письменном языке до конца XVII—начала XVIII в. При таких обстоятельствах невольно возникает подозрение, не возник ли и не распространился ли глагол *зависеть* в русском литературном языке под влиянием западнорусского языка (украинского) или западнославянских языков. Современному польскому литературному языку слово *zawisieć* неизвестно. Родственные русскому глаголу образования отыскиваются лишь в украинском — *зависiти*, чешском — *záviseti* и болгарском — *зави́ся* [29].

В русских народных говорах слово *зависеть* мало распространено и, можно думать, укрепляется в них под влиянием литературного языка [30]. Слово *зависеть* в его современных значениях сформировалось поздно и нашло себе твердую почву лишь в пре-

---

[28] Ср.: Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929, стр. 102.

[29] См. «Словарь русского языка», сост. вторым отделением имп. Академии Наук, т. II, вып. 3. СПб., 1899, стр. 809—810.

[30] Даль² I, стр. 577. В академическом «Словаре русского языка» для характеристики простонародного употребления глагола *зависеть* приведена лишь цитата из речи крестьян в «Плодах просвещения» Л. Толстого: «Дело у нас, почтенный, *зависит* примерно вот в чем: предлагал он нам летось рассрочить и взошел мнением и нас вполномочил. . .» Это — типичная речь «бывалого человека» из народа, криво и искаженно имитирующая литературный язык.

делах литературно-книжного языка XVIII в. Как будто возможно поставить его в связь с укр. *зависiти*. Однако само это украинское слово тоже нуждается в объяснении (ср. укр. *зависимий*). Тем более, что пока нет вполне надежных оснований признать укр. *зависiти* старинным народным словом. Не укоренилось ли это слово в украинском языке под влиянием русского или западнославянских языков?

Слово *зависеть* по своему морфологическому строю и по своим значениям представляется соотносительным с нем. *abhängen* и франц. *dépendre*. В глаголе *abhängen*, наряду с прямым конкретным значением 'свисать, висеть в некотором расстоянии от чего-нибудь', также с XVIII в. развилось переносное отвлеченное 'быть подчиненным чьей-нибудь воле, находиться в чьей-нибудь воле, власти, зависеть'. На почве этого переносного значения в немецком языке выросла цепь производных слов: *abhängig* 'зависящий, зависимый, подвластный', *unabhängig* 'независимый', *die Abhängigkeit* 'зависимость' (или, как переводилось в русско-немецких словарях XVIII в., 'зависительность'), *Unabhängigkeit* 'независимость' [31]. Все эти слова находят себе соответствие в русских словах *зависимый*, *зависимость*, *независимый*, *независимость*. Между тем в самом немецком языке глагол *abhängen* до XVIII в. употреблялся только в значении 'свисать' (herabhängen). Новое, отвлеченное значение 'зависеть' развивается в нем под влиянием французского *dépendre* (ср.: Это *зависит* от обстоятельств — *Cela dépend* des circonstances; Я ни от кого *не завишу* — *Je ne dépends de personne*; Урожай хлеба *зависит* от дождей — La récolte des blés *dépend* des pluies). Ср. *dépendance* — 'зависимость', *dépendant* — 'зависимый').

В самом же французском глаголе *dépendre* значение 'находиться под властью кого-нибудь, быть зависимым от кого-нибудь' сложилось только в XVI столетии [32].

Показательно, что в «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. слово *зависеть* встречается лишь в переводе примера на употребление глагола *stehen*: «es *steht* ihm das Leben, Haab und Gut darauf, *agitur* de ejus capite, salute, fortunis omnibus, в том живот и имение его *зависит*, чрез то может он живота и имения своего лишен быть» (стр. 602). Нем. *abhängig*, *clivosus* здесь переводится через 'навислый, наклонный' (стр. 6). В связи с этим можно отметить, что глагола *зависеть* нет в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова (1704 г.). В «Географии генеральной» (1718 г.): «Страшно бо есть, аще человек грамотный и ученый не

---

[31] См. «Полный немецко-российский лексикон, из большого грамматикально-критического словаря господина Аделунга составленный. . .» Издано «Обществом ученых людей», ч. 1, 1798, стр. 12—13; ч. 2, стр. 722—723.

[32] См. «Dictionnaire étymologique de la langue française» par Oscar Bloch, t. 1. Paris, 1932, стр. 211—212.

увесть солнечного обхождения, понеже вся *на* нем времена года дни и ночи ина *зависят*» (стр. 372).

Таким образом, хотя и приблизительно, но устанавливается более точно время распространения слова *зависеть* в русском литературном языке: не позже 10—20-х годов XVIII в. В «Лексиконе российском и французском, в котором находятся почти все Российские слова по порядку Российского алфавита» 1762 г. уже помещено слово *зависеть* в соответствие франц. *dépendre* и приведены такие фразы официально-светского и делового стиля: «Ето *зависит* от вашего учтивства — Cela *dépend* de votre civilité; Сие *зависит* от вашего произволения — Cela *dépend* de votre bonne volonté» (стр. 202).

Следовательно, глагол *зависеть* в 50—60-х годах XVIII в. вошел в очень широкий литературно-бытовой и официально-деловой речевой обиход. Однако трудно в *зависеть* признать прямое калькированное воспроизведение франц. *dépendre* или нем. *abhängen*. Ведь между приставками — русской *за-*, франц. *de-*, нем. *ab-* — прямого смыслового параллелизма нет (ср. *déflexion* — *отклонение* (световых лучей), *dérouler* — *развертывать*, *développer* — *развертывать*, *раздвигать* и т. п.). Кроме того, если бы *зависеть* возникло как непосредственный калькированный перевод немецкого *abhängen* или франц. *dépendre*, то по крайней мере в русском литературном языке XVIII в. в этом слове выделялись бы его морфологические части *за-висеть* и ударение находилось бы на *-висе́ть* (ср. *висе́ть*, *повисе́ть*, *провисе́ть* и т. п.). Правда, нельзя признать случайным, что то же сплетение значений, что и в немецком *abhängen*, наблюдается и в глаголе *зависать* (укр. *зависати*, польск. *zawisać*), который известен областным народным говорам в значении 'свешиваться, висеть позади чего-нибудь, на чем-нибудь' («Хмель *зависает* на згороде». Псковск. И. Евсеев). Во всяком случае, полон глубокого интереса тот факт, что в языке А. П. Сумарокова в значении 'зависеть' употребляется глагол *зависать* (*зави́сать*?): «От того креста *зависало* все мое благополучие, а от етова оно *зависать* не будет (А. П. Сумароков. Собрание сочинений, ч. 5, 1787, стр. 6) [33]; «. . . Ум от знатности *зависает* (т. V, стр. 55); «. . . будучи *зависаема* от дяди. . .» (Там же стр. 54; ср. также т. V, стр. 15, 73).

Конечно, можно было бы предположить, что форма *зависеть* появилась в приказно-деловой речи начала XVIII в. внутренним путем как соотносительная с *зависнуть* (ср. польск. *zawisnąć*). В «Словаре польского языка» Линде отмечены такие польские глагольные слова и некоторые производные от них: «*zawisnąć*, *zawisłość*, *zawisać*, *zawisnąć od kogo*, dependować od niego, być w zawisłości, zeležeć» [34].

---

[33] См. академический «Словарь русского языка», т. II, вып. 3, стр. 805.
[34] «Słownik języka polskiego Samuela Bogumila Linde», t. VI. Lwów, 1860, стр. 946—947.

Например, в «Материалах для истории имп. Академии Наук» (т. I, СПб., 1885): «Оная состоять будет из 3 классов, из которых производится будут: В первом — все науки математические и которые от оных *зависнут*. Во втором — все части физики. В третьем — литере гуманиорес, гистория, право натуры и народов» (т. I, 22—23, 1724). Необходимо отметить своеобразный пример употребления прошедшего времени — *зависл* (от *зависнуть*; ср. польск. *zawisnąć*) в «Артаксерксове действе» (1672 г., л. 71 об.): «О гордость, скоропогибел(ь)ная сень! Не могл есмь удовол(ь)ствоватися всемирною честию! Гордостью ж(е) и дерзостью ныне оне *зависл* ес(ь)м междо честию и бесчестием!» [35]. Но вероятнее предполагать, что *зависеть* — литературное заимствование конца XVII—начала XVIII в. из украинского языка. А в украинский язык это слово проникло из западнославянских языков. Первоначально это было слово официально-деловой и учено-книжной речи. В нем наметилось еще в XVIII в. два оттенка значения: 1) 'находиться во чьей-нибудь власти, воле, в зависимости от кого-нибудь, чего-нибудь'; 2) 'быть обусловленным чем-нибудь, быть следствием какой-нибудь причины' [36].

Вот несколько иллюстраций из памятников русского языка начала XVIII в.:

«Рижский обер-комендант Полонский, 19 ноября, донес, что в Рижском, Диамент-Шонском и в Перновском гарнизонах при артиллерии в некоторых припасах превеликая нужда *зависит*, а взять их тамо не откуда. . .» (1713 г) [37];

«. . . каждому особливой секретарь позволяется иметь, которой токмо от своего президента и его указов *зависит*, а до коллегиев дело не имеет» (1720 г.) [38].

В «Архиве кн. Б. А. Куракина»: «Теперь надлежит предусматривать, в состоянии ли будем учинить, чтоб так сильным быть противу флоту агленского на море, от чего все операции военные *зависят* противу Швеции» («Записки», 1720, стр. 343).

Там же: «И в том сие бессоюзство всегда *зависит*, чтоб корону . . . к перелому прав и вольности королевства не допустить» (т. III, «Мемуары», 1710—1711, стр. 275).

Ср. также «Генеральный регламент, или Устав» (СПб., 1720, стр. 16).

В «Походном журнале 1695—1726 г.» (СПб., 1853—1855): «А паженые сваи нынешнею зимою в верху на берегу Волги вы-

---

[35] «Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в.» Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.—Л., 1957.

[36] См. «Словарь Академии Российской»; «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 2. Изд. 2. СПб., 1867, стр. 15; Даль[2] I, стр. 577.

[37] Законы Петра Первого. — В кн.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945, стр. 493.

[38] «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Первого», т. III. Изд. АН под редакцией П. В. Калачева. СПб., 1880, стр. 34—35.

лазить и шилы сделать, чтоб особливой человек был притом, дабы не перепортили, понеже дело плотины все на том *зависит*; а весною чтоб, как рекою, так морем, вести их в судах» (1722, стр. 191).

В книге Д. Кантемира «Система, или Состояние мухаммединская религия» (СПб., 1722): «Фарз бо знаменует: сечение. . . Паки знаменует, что либо в законе другого, или должности *зависит*, якоже канон, оброк и тому подобное» (стр. 53).

В книге «История королевы Ильдежерты Норвежской» (П. О. Чехочева, рукоп. БАН, 24.5.23, Сп 1759 г.): «И министры собравшись королю представляли: ежели ево в-во изволить отказать супружество принцессы шведской, то у шведов воиско готово и не можно без отмщения пробыть, в чем *зависит* интерес государства» (71 об.).

Во «Флориновой економии» (изд. 3, СПб., 1775): «Но понеже сие (время пашни) от доброй погоды, а особливо от обыкновения и приметы каждой земли *зависит*; того рода предаем мы оное в волю эконома».

У А. Т. Болотова в «Памятной книжке, или Собрании различных нравоучительных правил» (1761 г., рукоп. БАН): «Будет ли когда время чтоб ты опамятовался; и так жить перестал, как бы ни от кого *не зависил*, а над тобою ни бога ни повелителя, ни законов не было» (стр. 1); «Сим вопросам надлежит первым твоим делом быть, которые не только обстоятельно узнать, но и всегда из памяти не выпускать должно, ибо от них все наше благополучие *зависить*» (стр. 3).

Самые ранние примеры употребления глагола *зависеть* отмечены в «Письмах и бумагах имп. Петра Великого» под 1705 г. (т. III): «. . . дабы . . . помыслил, каким образом и в котором месте могут с его царским величеством соединитися, и для согласия верную особую . . . прислать, ибо на том все *зависит*, дабы всяк знал, что с которой стороны чинить надлежит» (стр. 749, 752); «большая в здешних пределах *зависит* ныне нужда в коннице, которая в непрестанных всюды бывает посылках, и провиант выбирают везде они» (стр. 773).

Показательно, что самые старые примеры на употребление глагола *зависеть* извлекаются из памятников делового языка. Здесь же постепенно выкристаллизовываются типические формы сочетаемости этого глагола.

Ср. в «Полном Собрании Законов» (1786 г., № 16333): «Всем монашеским орденам римской веры *зависеть* единственно *от* архиепископа Могилевского». Сочетаемость с предлогом *от* — *зависеть от кого-чего* подчеркивается «Российским Целлариусом» 1771 г. (стр. 54).

В татищевских «Кратких экономических записках» («Временник Моск. ОИДР», кн. 12. М., 1852): «. . . Весь дом *от* доброго его смотрения *зависит* . . .» (стр. 31). В «Лексиконе

Российском историческом, географическом и гражданском» (ч. III, 1793): «Канцлер член главный в штатских... в *его* правлении *зависит* государственная канцелярия или коллегия иностранных дел, в которой он презыдует...» В «Должности архитектурной экспедиции» (опубл. в «Архитектурн. архиве», 1946): «К тому же и всего государства *зависит в том* интерес, что денги на такую тленную вещ в чюжие краи выходить не будет».

Уже к концу XVIII в. глагол *зависеть* глубоко проникает в общую норму среднего стиля. В «Словаре Академии Российской» (ч. I, 1789, стр. 725) читаем:

«*Завишу*, *висишь*, *висел*, *висеть*, гл. ср. 1) Начало бытию своему или действию от кого или чего имею, заимствую. Зрелость плодов *зависит от* солнца. Окончание сего дела не от меня *зависит*. 2) Нахожусь в подчиненности, во власти у кого; принадлежу кому. Дети *зависят от* своих родителей. Слуги от своих господ *зависят*». Ср. «*Зависимость*, *сти*, е. ж. 1) Относительность, принадлежность вещи, заимствующей от кого или от чего свое существование или действие. 3) Подчиненность, подвластность: слуги состоят в зависимости от своих господ»;

«*Зависимый*, *мая*, *мое*. прил. 1) Существованием, или действием своим одолженный, обязанный другому; 2) Подчиненный чьей власти, тот, который находится в зависимости у кого. Зависимый человек».

В «Горе от ума» А. С. Грибоедова при печатании отрывков из него в альманахе «Русская Талия» 1825 г. реплика Молчалина «Ведь надобно ж *зависеть* от других» была заменена словами: «Ведь надобно ж других иметь в виду» [39].

У Пушкина во введении к «Путешествию Евгения Онегина»: «От него *зависело* означить сию выпущенную главу точками или цыфром». В «Капитанской дочке»: «Мария Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее *зависит* от этого путешествия, что она едет искать покровительства».

У Пушкина же встречается и грамматическое значение глагола *зависеть*: «Но если действительный глагол *зависит* не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного» [40].

У В. А. Жуковского в «Орлеанской деве»:

> Покорствовать, жить милостью вассалов,
> От грубой их надменности *зависеть*
> — Вот бедствие, вот жребий нестерпимый.

---

[39] Н. Пиксанов. Творческая история «Горе от ума». Изд. 2. М.—Л., 1928, стр. 141, 143.

[40] См. «Словарь языка Пушкина», т. II, М., 1957, стр. 26—27.

У А. С. Грибоедова в пьесе «Студент»: «Как тяжко *зависеть* от таких людей, которые за свои благодеяния располагают вами как собственностью».

В новом академическом «Словаре современного русского языка» иллюстрации на употребление глагола *зависеть* берутся из русской литературы XIX в.

Например, у Пушкина *зависеть* уже не носит на себе отпечатка книжности. Оно встречается и в стилях разговорной речи: «Я, который не хотел *зависеть* от отца, я стал *зависим* от чужого» («Сцены из рыцарских времен»). В «Капитанской дочке»: «Счастье всей моей жизни *зависит* от тебя».

В лирический стиль Пушкина слово *зависеть* попадает лишь с середины 20-х годов:

> *Зависеть* от властей, *зависеть* от народа
> Не все ли нам равно? (Из VI Пиндемонти).

Это говорит о том, что слово *зависеть* сначала относилось преимущественно к сфере прозаической речи.

У М. Ю. Лермонтова в «Княгине Лиговской»: «От первого впечатления *зависело* все остальное».

У С. Т. Аксакова в «Семейной хронике»: «Потеря искренности в супружестве, особенно в лице второстепенном, всегда несколько *зависящем* от главного лица, ведет прямою дорогою к нарушению семейного счастия» [41].

В XIX в. слово *зависеть* входит в терминологию разных наук. Так, в русской грамматике оно обозначает 'находиться в синтаксическом подчинении'. В этом значении *зависеть* встречается в учебнике русской грамматики П. М. Перевлесского, в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева.

В математике, физике и других науках негуманитарного цикла *зависеть* применяется в значении 'определяться другим явлением, другой величиною'.

Слово *зависимость* также не встречается в памятниках ранее XVIII в. Оно обозначает 'состояние зависящего, нахождение под чьей-либо властью, в чьей-нибудь воле'. Например, в «Полном собрании законов» (1786 г., № 16333): «*Зависимость от* какой-либо духовной власти, вне империи ея величества пребывающей».

У М. Н. Муравьева в статье «Соединение удельных княжеств»: «Все государственные чиновники пришли в его (Годунова) *зависимость*».

У А. С. Пушкина в письме к жене: «*Зависимость* жизни семейной делает человека более нравственным». Ср. в «Пиковой даме»: «А кому и знать горечь *зависимости*, как не бедной воспитаннице знатной старухи?»

---

[41] «Словарь русского языка», т. II, вып. 3, стр. 809—810.

У С. Т. Аксакова в «Семейной хронике»: «Мысль оставить умирающего старика в полную *зависимость* негодяя калмыка и других слуг — долго не входила ей в голову».

Любопытно указание академического «Словаря русского языка» на то, что в XVIII в. *зависимость* под влиянием французского *dépendance* употреблялось и в значении 'то, что зависит от чего-н.' Например, в «Полном собрании законов», в акте отречения польского короля Станислава-Августа (1797 г., № 17736): «Мы добровольно и охотно отрицаемся от всех без изъятия нам принадлежащих по званию нашему прав, от короны польской, от Великого княжества Литовского и от всех их *зависимостей*» [42].

Выражения *принять зависящие меры*, *сделать зависящие распоряжения*, *по независящим от кого-нибудь обстоятельствам* и до сих пор носят яркий отпечаток канцелярского стиля. Ср. у Л. Толстого в романе «Анна Каренина»: «Он не может отпустить меня, но примет *зависящие* от него меры остановить скандал».

IV. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЛОВА *сословие*

К числу древних книжных славянизмов, вошедших в активный состав русского литературного языка в период так называемого «второго южнославянского влияния» (XIV—XVI вв.), относится слово *сословие*. А. Г. Преображенский думал, что оно представляет собою, вероятно, перевод греч. σύγκλητος [43]. По Горяеву, *сословие* — это класс народа, связанный с известным наименованием, *словом* (ср. *звание*) [44]. И. И. Срезневский мог привести пример на употребление этого слова лишь из сочинений Григория Цамвлака с значением 'лик, собрание, [звание]': «И предсташа весь ликъ богословець . . . исходныя пѣсни пояху, честь воздающе апостольского *сословія*» [45].

По-видимому, слово *сословие* было до XVII в. принадлежностью торжественного церковно-книжного стиля и не выражало общественно-политического значения.

М. Р. Фасмер, сославшись на старославянско-греко-латинский лексикон Ф. Р. Миклошича, связывает ц.-слав. *сословие* с греч. κατάλογος. Но это — объяснение не этимологии слова, а только одного из его значений. Характерно, что в «Алфавите иностранных речей» (рукоп. БАН, XVII в.) каталог определяется как «*сословие* или согласие» (110 об.).

Фасмер, не отвергая предложенного Преображенским сопоставления слова *сословие* с греч. σύγκλητος, вместе с тем пред-

---

[42] Там же, стр. 805—806.
[43] Преображенский II, стр. 36.
[44] Горяев, стр. 338.
[45] Срезневский III, стб. 822.

почитает ему сближение с греч. σύλλογος 'Versammlung, Zusammenkunft' [46].

В древнерусском литературном языке слово *сословие* начинает встречаться в списках XVI в. (иногда с памятников XIII—XIV вв.). Его значение — 'звание, принадлежность к той или иной категории по разграничению разрядов, состояний, духовных качеств и свойств людей в системе религиозно-моральной классификации'. Например, в «Житии Авраамия Смоленского» (по списку XVI в., памятник относится к XIII в.): «Подобаеть Смоленскому граду и всем православным людем и постником *сословие* великого в постницех похвалити и праздновати новаго во святых блаженного Авраамия» [47].

Ср. в Пахомиевской редакции жития Сергия Радонежского [48]: «Приидете честное и святое постник *сословие*»; в славяно-русском «Прологе» (XVIII в.) — из «Похвального слова Епифанию и Пахомию»: «Приидите честное и святое постник *сословие*, приидите, отцы и братия» [49].

В «Откровении Мефодия Патарского» [50] (по списку XVI в.): «Смереномудрии бо христиане мльчаливыи свободнии препростии премудрии избрании ни во что будут вь время оно, но в место их будут чтоми самолюбци сребролюбци сварливии грьделивии хулници хыщници лихоимце смехотворции и прочее *сьсловие* таковых же имен. . .» (стр. 111).

В «Словаре» Памвы Берынды: «Съчисленїє, *съсловїє*: поличѣнье, пораховане, в купу зобранье, реестр» [51].

Слово *сословие* приобретает, таким образом, очень широкое значение: 'собрание, общество, сообщество'. В «Великих Минеях-Четиях» (XVI в.): «Священно убо и достойнословесное все мученическое *съсловие*, страстию юже от страсти отдав благодеть; кровию же еже от крови спасу всех създание исплънив» (Сент. 14—24, с. 1346).

В «Повести о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима, приписываемой Гавриилу Назаретскому архиепископу 1651 г.» (сп. XVII в.): «О девятом же часе дня облачится

---

[46] Vasmer II, стр. 701.

[47] «Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему». Приготовил к печати С. П. Розанов. Изд. ОРЯС. СПб., 1912 (=«Памятники древнерусской литературы», вып. I), стр. 141.

[48] «Древние жития препод. Сергия Радонежского». Собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1892 (XV—XVI вв.).

[49] «Памятники древне-русской церковно-учительной литературы», вып. 2. СПб., 1896 (по печат. изд. 1675—1677), стр. 20.

[50] В. Истрин. Откровение Мефодия Патарского. . . Исследование и тексты. М., 1897, сп. XII—XIII, XVI—XVII вв. Ср. «Памятники отреченной литературы», т. II, по списку XVII в., стр. 222—223.

[51] И. Сахаров. Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849, стр. 103; ср. «Лексикон Словенороський Памви Беринди». Київ, 1961. Ред. Німчука, стр. 130.

патриарх и все священное *сословие* во всю священную одежду и чинят обхождение около святаго града трищи» (стр. 5)[52].

Ср. в бумагах Петровского времени выражение «христианское *сословие*».

В «Духовном Регламенте» (СПб., 1721): «Во первых бо известнее взыскуется истинна Соборным *сословием*, нежели единым лицем» (стр. 2).

Контексты связей слова *сословие* в значении 'собрание, совокупность' все расширяются, особенно в XVIII в.

В «Полемических статьях против протестантства» Симеона Полоцкого (рукоп. БАН, XVII в.): «Еретици . . . всю книгу сию [вторые книги Маккавейские] неправильну быти наричюще из *сословия* книг священного писания вымазуют, противящеся святѣи Кафолической церкви» (170 об.)

В «Врачевальных молитвах», изданных А. И. Алмазовым (сп. XV—XVIII в.)[53]: «Молю и прошю святаго сбора пророческого: Захарисо, Іоанна предтечео. . . Молю и *сословие* святых праведных богоотець: Иоакима и Анны, Иосифа обручника, Давида пророка и царя, Якова, брата божия, Симеона богоприимца и Симеона сродника господня».

Ср. в «Четьях-Минеях» (Апрель 22—30): «*сословие* верных».

По-видимому, в русском литературном языке XVIII в. продолжало сохраняться и следующее значение слова *сословие* — 'реестр, каталог, собрание, систематический перечень'.

В «Науке красноречия си есть Риторике» (рукоп. XVIII в. Библ. Смоленск. пед. ин-та): «Арифметика, сиречь числительница, от арифмосъ гречески, сиречь от числа происходит есть же арифметика сведение чисел и *сословие*» (л. 1852).

В «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова читаем: «*Сословие*, зри причет, и собрание». Ср. «Причет, κατάλογος, numerus, catalogus»; «Причет рода, зри родословие» (т. II, стр. 57 об.); «Собра́ние, συναγωγή, σύλλεξις, συναθροισμός, συνάθροισις, ἀθροισμος, συλλογή, congestio, congeries, collectio, coactio» (т. II, стр. 105).

В изданном Ленинградским университетом и приписываемом В. Н. Татищеву «Рукописном лексиконе первой половины XVIII в.» слово *сословие* не помещено.

В русском литературном языке XVIII в. для выражения тех значений, которые у нас сочетались со словом *сословие* с начала XIX в. (1. 'общественная группа, классовая организация с закрепленными законом наследственными правами и обязанностями'; 2. 'корпорация, группа лиц, объединенных профессиональными интересами или однородными занятиями'), употреблялось преимущественно слово *состояние* (ср. нем. *Stand*, франц. *état*). Например,

---

52 «Православный Палестинский сборник», т. XVIII, вып. I, 1900.

53 «Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете», т. VIII. Одесса, 1900, стр. 504.

в «Полном немецко-российском лексиконе, из большого грамматикально-критического словаря господина Аделунга составленном» (СПб., 1798) *Stand*, между прочим, переводится через *состояние*, *род*, *происхождение*, *чин* (ср. der *bürgerliche Stand*, der *geistliche Stand*, der *Kriegesstand*, der *Bauernstand* — гражданское, духовное, военное, крестьянское *состояние*; der *Adelstand* — дворянство) (т. II, стр. 558).

В «Словаре Академии Российской» (ч. VI, 1822) *сословие* истолковывается так: «Собрание присутствующих где-либо особ; общество, состоящее из известного числа членов» (стр. 395).

У А. Н. Радищева: «Мимоходом заметим, что в России вообще три рода женского платья в простом народе, опричь того, которое носят, подражая внешним *сословиям*. Сарафан, панева и полушубок или телогрейка с юбкою» («Опис. моего владения». — Собр. соч., ч. IV, 1811, стр. 137); «Народ российский разделяется на *сословия* или чиносостоянии: 1) Дворянство, 2) Гражданство или мещанство, 3) Духовенство, 4) Поселяне разного звания, 5) Роды людей, к первым четырем отделениям не принадлежащие, имеющие особые права, временно или всегда» («Проект разделения уложения» [1800—1801]. — Полн. собр. соч., т. III, 1952, стр. 167); «Пятое отделение содержать будет некоторые постановления общие, касающиеся до военных людей, до казенных мастеровых, где они есть, и некоторые другие, которые хотя не составляют истинно государственные *сословия*, но имеют по званию своему особые права» (Там же); «Если бы права принадлежали состоянию, в соборном его лице, то оно бы было *сословие* государственное, чего в России нет» («Проект гражданского уложения». — Указ. изд., стр. 174).

Ср. также в «Московском Меркурии» П. И. Макарова (1803 г.): «Слово диван значит на всех восточных языках собрание поучительных мыслей, также и само *сословие* хранителей власти» (ч. I, стр. 143). Как видно из последнего примера, старое значение еще давало себя знать и в начале XIX в.

Таким образом, в русском литературном языке XVIII в. на основе старых церковно-книжных значений развивается новое обобщенное значение слова *сословие* — 'собрание, организация, общество'. Так, в «Записках» Болотова (XII, 124): «[Экономическое общество] наделало уже слишком много членов и насовало в *сословие* свое всякого звания людей достойных того и недостойных».

В «Словаре языка Пушкина» уже находят отражение такие формы Пушкинского употребления слова *сословие*. Выделяются два значения:

1) 'общественная группа, отличающаяся от других общественных групп своими закрепленными законом наследственными правами и обязанностями': «Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому *сословию*, весьма малочисленны»;

«Ломоносов, рожденный в низком *сословии*, не думал возвысить себя наглостью ни запанибратством с людьми высшего состояния»;

2) 'группа лиц, объединенных профессиональными интересами': «Покаместь скажу только, что *сословие* станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде».

В качестве оттенка этого значения указывается прежде бывшее господствующим употребление слова *сословие* — 'группа лиц, объединенных общностью занятий, склонностей и т. п.': «права мощного *сословия* людей говорящих» [54]

В академическом словаре 1847 г. *сословие* рассматривается уже как установившийся общественно-политический термин и определяется так: «Разряд людей какого-либо звания, отличающийся от прочих особыми правами и обязанностями». *Сословие* дворянства. *Сословие* купечества. *Сословие* ученых [55].

Таким образом, в конце XVIII в. и в начале XIX в. произошло расчленение и осложнение значений слова *сословие*, почти приведшее к современной его семантической структуре.

---

[54] «Словарь языка Пушкина», т. IV, 1961, стр. 294.

[55] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. III. Изд. 2. СПб., 1867—1868, стр. 397.

В. В. Веселитский

РАННЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ СЛОВ

Положительный, отрицательный

Возникновение и развитие слов *положительный* и *отрицательный* составляет весьма любопытный эпизод в истории русского литературного языка нового времени. Достаточно сказать, например, что слову *положительный* в других славянских языках соответствуют единицы, основанные на заимствованных (латинских) корнях: болг. *позитивен*, укр. *позитивный*, польск. *pozytywny*, чеш. *positivní*. К тому же в отдельных языках указанные латинизмы [1] не являются единственными и даже наиболее распространенными выразителями данного значения. Ср. в современном польском языке, в разных сочетаниях, *dodatni*, *twierdzący*, *potwierdzający*, *pozytywny*; *stateczny*, *solidny* [2]. Аналогичное соотношение можно предположить и в истории польского языка, свидетельством чего служит, в частности, отсутствие слова *pozytywny* в словаре Линде [3].

В русском языке заимствование на основе лат. *positivus* — *позитивный* (как и *негативный* — лат. *negativus*) возникло в позднее время и сравнительно ограничено в употреблении. Основными наименованиями в русском литературном языке нового времени в данном значении служат слова *положительный* и *отрицательный*. История этих слов на протяжении последних двух с половиной столетий иллюстрирует весьма характерные для русского литературного языка пути становления новой отвлеченно-книжной терминологии, показывает действие различных внутри- и внеязыковых факторов в этом процессе.

В научной литературе слова *положительный* и *отрицательный* не были еще предметом специального изучения. Имеются лишь отдельные и попутные замечания об истории возникновения этих слов. Так, В. В. Виноградов, отмечая усилившуюся с начала XVIII в. роль латинского языка в формировании новой научно-отвлеченной лексики (для русского и, можно добавить,

---

[1] См. некоторые этимологические сведения: «Slovník spisovného jazyka českého», t. II. Praha, 1964, стр. 781: «*positivní*, *pozitivní* (z lat.)»; Младенов, стр. 456: «*позитивенъ*, кор. лат.»

[2] «Русско-польский словарь». Под ред. И. Х. Дворецкого. Изд. 4. М., 1953, стр. 521—522; ср.: Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki IV, стр. 923.

[3] S. B. Linde. Słownik języka polskiego, t. I—VI. Lwów, 1854—1860.

многих других европейских языков), приводит слово *положительный* среди терминов, включенных в «Реестр памятствуемых речений», который был составлен и приложен к книге С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» 1726 г. ее переводчиком и редактором Гавриилом Бужинским: «*Положительный. Positiva*» [4]. В. В. Виноградов пишет в связи с этим: «Латинский язык сыграл громадную роль в процессе выработки отвлеченной научно-политической, гражданской, философской терминологии XVIII в.» [5]

К «семантической индукции» относит образование научно-отвлеченных значений в словах *положительный* и *отрицательный* Ю. С. Сорокин, определяя существо этого явления следующим образом: «Речь . . . идет об изменении значения или о появлении нового значения, короче — о семантическом видоизменении под воздействием иноязычного источника уже существующих в языке слов» [6]. Дальнейшее развитие и конкретизация [7] этого понятия предполагают прежде всего подробное исследование и описание истории отдельных слов и групп слов с последовательной их типизацией.

Оба слова — *положительный* и *отрицательный* — возникают в русском языке, очевидно, с начала XVIII в., в период растущей продуктивности суффикса *-тельн-*. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в картотеке ДРС XI—XVII вв. Института русского языка АН СССР нет указаний на существование этих форм в более ранний период. С самого начала в литературно-книжном обиходе за указанными словами закрепляются определенные отвлеченные значения. Они непосредственно основываются на семантике слов *положити*, *отрицати* и др., издавна употреблявшихся в русском языке, но вместе с тем четко обнаруживают новый, специальный смысл. Более «плавно» этот семантический переход совершается в слове *отрицательный*, ср. др.-русск. *отрицати*, *отрицатися* 'отрекаться, отказываться' [8] > *отрицательный* 'содержащий отрицание' > 'основанный на отсутствии (а не на наличии) чего-либо'.

Рельефно и до известной степени противоречиво происходит аналогичный семантический сдвиг в слове *положительный*. Исходными значениями др.-русск. *положити*, легшими в основу семантики производных адъективно-причастных форм этого слова, является, с одной стороны, конкретно-пространственное значение 'поместить, положить', с другой, — отвлеченное 'постановить,

---

[4] Г. Бужинский. Реестр памятствуемых речений. В кн.: С. Пуфендорф. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. Об этом: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 49.

[5] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 49.

[6] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., «Наука», 1965, стр. 172, 166,

[7] Ср. там же, стр. 171.

[8] Срезневский II, стб. 763.

установить'. См. иллюстрации последнего в «Материалах» Срезневского: «*Положиша* межи собою любъвь. . .» (Новг. летоп., XV в.); «*Положивый* закон на проуготованье истины» (пам. 1414 г.); «А суженое, заемное, *положеное* . . . отдать» (пам. XV в.) [9].

Оба семантические начала представлены в ранний период в соотношении, а отчасти и смешении форм *положенный* и *положителен* (*положительный*). Данные слова могли иметь глагольный, процессуальный смысл и в переводных и сопоставительных работах соотносились с лат. *positus* (прич. от *ponere* 'класть, ставить') и другими единицами этого же рода. См. в «Словаре» Гельтергофа 1778 г.: «*Положенный*, *gelegt*, *positus*» [10]; в «Лексиконе» Поликарпова: «*Положителен*, *ponendus*» [11].

Однако наряду с таким употреблением *положительный* обнаруживает уже в первые десятилетия XVIII в. устойчивое отвлеченное значение 'установленный, введенный'. Как говорилось, оно основывалось непосредственно на соответствующих значениях глагола *положити (-ть)*: 'постановить, установить' > 'установленный, введенный, условленный'. Вместе с тем в становлении нового качества слова известную роль сыграло сближение его с лат. *positivus*.

Существенно было прежде всего то, что таким путем форма *положительный* четко выделялась и за ней закреплялось определенное отвлеченное значение. В силу такой же аналогии *положительный* могло получать некоторые свойства, сложившиеся у слова *positivus* еще в классической латыни: «условный, произвольный (nomen non *positivum*, sed naturale ['имя не *данное*, а природное']); грам. *положительный* (gradus)» [12] — и получившие дальнейшее развитие в поздней, так называемой «ученой» латыни. Примеры контекстуальной соотносительности слова *положительный* и лат. *positivus* весьма часты в русской научно-философской литературе XVIII в. — ср. выше у Бужинского в его терминологическом перечне.

Итак, слово *положительный* с самого начала получает то отвлеченное содержание, которое остается основным для него и в дальнейшем. В этом отношении семантическая эволюция слова *положительный* не похожа, например, на развитие некоторых других слов — таких, как *относительный*, *отвлеченный* и др., в истории которых конкретно-пространственные значения занимали исключительное место на ранней стадии, сохранившись и позднее (ср. в сочетаниях *относительный к*, *относительный до*; *отвлечен-*

---

[9] Срезневский II, стб. 1133—1134.

[10] Фр. Гелтергоф. Российский лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом. М., 1778, стр. 602.

[11] Ф. Поликарпов. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

[12] И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. Латинско-русский словарь. М., 1949, стр. 684.

ный от и т. д.)[13]. Примеры употребления слова в отвлеченно-специальном смысле многочисленны уже в первой половине XVIII в.

Важнейшей из особенностей, отличавших становление многих новых терминов в литературно-книжном языке того времени, является вариантность, состоявшая в множественности средств выражения понятий. Одни и те же или сходные понятия имеют как правило несколько наименований, отражающих попытки с разных сторон, различным путем передать то или иное содержание. Лишь постепенно эта вариативность сменяется, в русле общей нормализации литературного языка, дифференциацией вариантов (аналогов) с выдвижением и закреплением ведущих средств обозначения. Такие варианты могли быть словообразовательно-морфологическими и лексическими.

В числе первых можно указать применяемую Бужинским в переводе Пуфендорфа форму *полагательный* — наряду (см. выше) с *положительный*. Например: «Дабы употреблять имена *отрицательные*, а не *полагательные*, например: бесконечный, непостижимый, неизмеримый» (О должности, I, 4, стр. 86). Уже на этом примере, между прочим, можно видеть основной момент в семантике слова — утверждение, введение, представление чего-либо. Эта же цитата показательна в другом отношении: она свидетельствует, что рассматриваемое значение с самого начала развивается в противопоставлении отвлеченно-специальному значению, представленному в слове *отрицательный*, где «эффект» номинации достигается посредством отрицания чего-либо.

Среди слов, выступавших в XVIII в. примерно в том же значении, что и *положительный*, обнаруживаем в разных сочетаниях *утвердительный*, *действительный*, *решительный*, *явный*, *случайный* и др. Следует сказать, однако, что лексический вариантный ряд в данном случае сравнительно более ограничен и не столь устойчив, как во многих других подобных ситуациях, — ср. слова *масса*, *факт*, *предмет*[14] и др. Основным из указанных выше вариантных средств, в определенной степени конкурировавшим со словом *положительный*, являлось слово *утвердительный*. Оно встречается в разных источниках.

Например, у Козельского, Тредьяковского слово *утвердительный* выступает в сочетаниях, указывающих на способ рассуждения,

---

[13] См. мои статьи об этих словах: 1) «Ранняя литературная история слов. *Относительный*, *абсолютный*». — Сб. «Русская историческая лексикология». М. (в печати); 2) «Из истории слов *отвлеченный*, *абстрактный* в русском литературном языке». — «Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1966.

[14] Об этих словах см. мои статьи: 1) «Из истории слова *масса*. — Сб. «Современная русская лексикология». М., 1966; 2) «История раннего литературного употребления слова *факт*». — Сб. «Этимология. 1965». М., 1967; 3) «История возникновения слов *предмет*, *объект*». — Сб. «Современная русская лексикология». М., 1966.

размышления: «Определения должно делать *утвердительным*, а не *отрицательным* образом» [15]; «Жить честно, в разуме *утвердительном*, есть каждому собственное его отдавать, а в *отрицательном* разуме, никого не вредить» [16]; «Прежде мы исследовали бытия дел *отрицательных*, опровергающих или умаляющих силу доводов *утвердительных*» [17].

Наряду с этим *утвердительный* выступает в сочетаниях, в дальнейшем закрепившихся именно за этим словом. См., например, у Румовского в переводе «Писем» Эйлера: «*Предложения* ... разделяются на *утвердительные* и *отрицательные*» [18]. Еще пример контекста со словом *утвердительный*, не соотносительного с употреблением слова *положительный*: «Ежели о какой материи будут с одной стороны *утвердительные*, а с другой *отрицательные* речи, то такой разговор называется спор» (Филос. предл., стр. 34).

Одним из наиболее распространенных случаев применения слова *положительный* в русском литературно-книжном языке XVIII в. является обозначение так называемых положительных законов (пра́ва и др.) — в противоположность закону, праву и др. естественному. Это противопоставление, характерное для просветительских взглядов эпохи, основывалось на различении социальных установлений, введенных в обществе самими членами и — идущих (предписанных) как бы от природы. В сочетаниях типа *положительный закон*, *положительное право*, быстро получавших устойчивый характер, на ранней стадии наблюдается характерная для слова *положительный* вариантность. Например, у Бужинского в его упоминавшемся переводе Пуфендорфа находим: «*Положительный* [закон], то есть *установленный*» (О должности, I, 2, стр. 54); «Нужно вникнути и в *законы*, то есть *положительные уставы*, и оные исправити» (Там же, Обр. к Ек. I, стр. 6) — наряду с этим в «Реестре памятствуемых речений», приложенном к этому же изданию, Бужинский формулирует этот термин иначе, с использованием другого синонимического средства: «Закон *утвердительный*. Praeceptum *affirmativum*».

См. еще примеры, где четко представлено противопоставление *положительный*, т. е. установленный людьми, введенный в действие, и — *естественный*: «Мир, спокойствие, порядок и подчинение, к произведению которых *естественные законы* не довлели,

---

[15] Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768, стр. 17.

[16] Ш. Роллен. Римская история. Пер. с франц. В. К. Тредиаковского, ч. VI. СПб., 1763, стр. II.

[17] [А. Делер.] Сокращение философии канцлера Франциска Бакона, т. I. — Приплет. к кн.: [Д. Маллет.] Житие канцлера Франциска Бакона. Пер. с франц. [обеих работ] В. К. Тредиаковского. М., 1760, стр. 89.

[18] Л. Эйлер. Письма о разных физических и философических материях. Пер. с франц. С. Румовского, ч. II. СПб., 1772, стр. 95.

восстановлены были *законами положительными*» [19]; у Радищева: «*Закон положительный* не истребляет, не долженствует истреблять . . . *закона естественного*» [20]. Аналогичным образом употребляется *положительный* в терминированном сочетании *положительное право*, примеры его встречаются у Козельского и других писателей XVIII в. Например, у Тредьяковского: «*Естественное* [право] от *положительного*, или *предписанного*, тщательно различил» (Рим. ист., V, 1763, пред., стр. IX).

Отметим и другие типичные случаи употребления слова *положительный*, выявляющиеся уже на начальной стадии литературной истории слова в XVIII в. Это прежде всего использование его с наименованиями наук и предметов изучения. Например: «Богословия *положительная*» (Козельский); см. также противопоставление в названии издания: Д. Неттельбладт. Начальное основание всеобщей *естественной юриспруденции*, приноровленное к употреблению основания *положительной юриспруденции*. Пер. с лат. М., 1770.

Это, далее, обозначение видов электричества. Уже с середины XVIII в. здесь утверждаются термины *положительный* и *отрицательный*, которые в ряде случаев встречаются с описательными пояснениями: «. . . электрическую силу разделить на *положительную* и *отрицательную*» (Ф. У. Эпинус. Речь о сходстве электрической силы с магнитною. СПб., 1758, стр. 7); в переводе «Писем» Эйлера — с разъяснением, которое находим также в только что цитированном выше источнике: «Перьвая [сила], когда ефир будет больше сжат или больше упруг, называется *положительная*, или *от избытка*; другая, когда ефир будет реже или меньше упруг, называется *отрицательная* електрическая сила, или *от недостатка*» (т. II, стр. 142; в ориг.: *positive*, *négative*). В этот же период слово *положительный* встречается еще в составе терминированного сочетания из области грамматики — *положительный степень* [21].

Отметим наречие *положительно*, выступающее в научно-философских контекстах. Ср. показательные для его смысла в это время вариации в разных переводах «Метафизики» Баумейстера: «То, что быть не может для некоторого условия и обстоятельств, называется *положительно* невозможным» [22] — «. . . называется невозможное *под условием*» [23].

---

[19] К. Лангер. Слово о начале и распространении положительных законов. М., 1766, стр. 5.

[20] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 10.

[21] И. Гейм. Новый российско-французско-немецкий словарь, ч. II. М., 1802, стр. 492.

[22] Фр. Х. Баумейстер. Метафизика. [Пер. А. Павлова]. М., 1764, стр. 18—19.

[23] Фр. Х. Баумейстер. Метафизика. Пер. с лат. [А. Павлова], вновь испр. Д. Синьковским. М., 1789, стр. 19.

Семантическое развитие слова *положительный* на протяжении XVIII в. происходит параллельно с другими словами этого же корня — *положить*, *положение* и др. Эта соотносительность, сыгравшая существенную роль при формировании исходных значений слова *положительный*, сохранялась и в дальнейшем. Так, указанные слова широко употребляются в значении установления, решения, изложения чего-либо. Например: «*Положив*, что свет от солнца простирается во все стороны. . .» [24]; «При *положении* существа вещи *полагаются* ее свойства» (Филос. предл., стр. 41); «Как в сей, так и в преждепомянутой [секте] самые их *положенные* правила запрещают последовать» [25].

Момент утверждения, представления, введения чего-либо является в слове *положительный* одним из основных на протяжении всей его истории. Он представлен в научно-отвлеченных контекстах, он же отчетливо выступает в общеобиходном значении слова — 'содержащий решение, утверждение'. В этом качестве слово представлено «Словарем Академии Российской» (т. IV, 1822, стб. 1441): «*Положительный*, пр. Утвердительный, решительный. *Дать, сделать на что положительное мнение, определение*». К середине XIX в. данное качество слова определяется в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля следующим образом: «*Положительный*, утвердительный, решительный, верный. *Положительный ответ*, определительный и ясный. . .» (Даль III, стр. 665—666).

В этом же общем русле, и так же как общеобиходное литературное значение, складывается употребление слова *положительный*, соотносительное с *утвердительный* в современном нам смысле и антонимичное слову *отрицательный*, — 'благоприятный, не содержащий отказа' (из противопоставления *утвердительный / положительный—отрицательный*). Поэтому сочетание *положительный ответ* уже в середине XIX в. могло иметь двоякий смысл, который и отмечается Далем в его «Толковом словаре». Помимо указанного выше толкования, он добавляет: «. . или изъявляющий согласие, ответ *да*, пртвпл. *отрицательный*, *отказ*» (Даль III, стб. 665—666).

В первые десятилетия XIX в. в научно-отвлеченных и литературно-публицистических контекстах слово *положительный* выступает в разнообразных сочетаниях со значением чего-либо явного, очевидного, конструктивного (по определению Даля: «все присущее . . . е́сти или все, что в естях»). В целом литература этого времени дает представление о сематических свойствах слова. Вот не-

---

[24] М. В. Ломоносов. Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее. — Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 320.

[25] Г. Н. Теплов. Знания, касающиеся вообще до философии, кн. 1. СПб., 1751, стр. 220.

которые примеры: «Качества заключают в себе частию *положительные принадлежности* вещи, частию *отрицательные*. Под именем *положительных* разумеется то, что вещь в себе имеет или к чему она способна; *отрицательные принадлежности* вещи заключают в себе *отрицание*, или неимение оною какого-либо свойства» (Фр. Снелль. Начальный курс философии, ч. II. Казань, 1813, стр. 110); «*Положительные* и видимые *качества* предметов» («Лицей», 1806, I, кн. 2, стр. 30); «Бесконечное есть *положительная* стихия искусства» («Моск. вестник», 1829, IV, стр. 37); «Выражение более метафорическое, нежели *положительное*» («Энциклопедический лексикон» А. Плюшара, 1838, т. XIV, стр. 238. — По поводу выражения «гекатомба»=принесение в жертву ста быков, якобы совершенное Архимедом при открытии одной из теорем геометрии); в статье Н. Надеждина «Европеизм и народность»: «. . . такой *положительный* факт, такое вещественное, осязаемое явление» («Телескоп», 1836, ч. 31, стр. 6); «Русская Правда отвращает своим существованием все сие зло и приводит государственное преобразование в *положительные ход* и *действие*» (П. И. Пестель. Русская Правда) [26].

В дополнение к только что приведенным укажем кратко еще следующие характерные для слова контексты, где слово *положительный* выступает в том же отвлеченном значении: *положительные* доказательства, *положительные* наблюдения, *положительные* опыты, *положительные* сведения в естественных науках, *положительная* конституция и др. Употребления этого рода встречаются у Пушкина — см. «Словарь языка Пушкина», т. III, 1959, стр. 510—511 (здесь же более детальная лексикографическая классификация значений и оттенков слова). На протяжении второй половины XIX—XX в. происходит дальнейшее развитие слова. При сохранении указанной общей семантики его появляются некоторые новые значения, часть же прежних употреблений выходит из активного обихода (сочетания типа *положительные науки*, *положительная философия*, *история*) [27]. — Ср. «Словарь современного русского литературного языка», т. X, 1960, стб. 1043—1045.

При наличии основных общих направлений в семантическом развитии слов *положительный* и *отрицательный* их функционирование в известной степени представлено рядом цельных, большей частью терминированных сочетаний — таких, как *положительный закон*, *положительные науки*, *положительное и отрицательное электричество*, *положительное и отрицательное коли-*

---

[26] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 2. М., 1951, стр. 85.

[27] Ср. у И. Д. Якушкина в рассуждении 30-х годов XIX в. «Что такое жизнь?»: « . . . *положительная наука*, основанная единственно на опыте» («Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 1. М., 1951, стр. 160).

чество и т. д. Часто источником таких образований оказывалась соотносительность с лат. *positivus*, некоторые устоявшиеся значения и лексико-семантические связи которого (например, *gradus positivus—положительная степень* и др.) заимствованы в другие языки, в том числе в русский. Во второй половине XVIII—XIX в. наиболее существенным в становлении некоторых отвлеченных и специальных свойств слов *положительный* и *отрицательный* оказалась соотносительность с франц. *positif* и *négatif*.

Целый ряд характерных сочетаний, отмечавшихся выше у слов *положительный* и *отрицательный*, находим и во французском языке XVIII в. Например, в 3-м издании «Словаря Французской Академии» отмечены: *le droit positif*, *le droit naturel* (=*положительное*, *естественное право*), *théologie positive* (=*богословие положительное*) [28], в 6-м издании — *les lois positives*, *la loi naturelle* (=*положительные законы*, *естественный закон*) [29] и т. д. Существенно отметить, что во французском языке специализация указанных сочетаний протекает постепенно и примерно в то же время, что и в русском языке. Поэтому факты параллелизма в значении и употреблении этих слов можно определить скорее не как семантические «слепки» одних слов с других, возбуждение свойств в одном языке под влиянием другого, а как живую соотнесенность (снесение, сближение) формирующихся терминов в условиях реальных (непосредственных и книжных) контактов языков [30].

История слова *отрицательный* выше была отчасти иллюстрирована. Слова́ *отрицательный* и *положительный* являют собой пример системных отношений в истории русской литературной лексики; формирование отвлеченных значений у этих слов с самого начала шло во многих отношениях во взаимном противопоставлении. Однако характер семантического развития этих слов не одинаков. Если слово *положительный* испытало воздействие многих, разных по времени и направлению факторов, то смысловая эволюция слова *отрицательный* происходила, как говорилось, более «плавно» и непосредственно. Основное исходное значение — 'содержащий отрицание' четко прослеживается в слове и на протяжении дальнейшей его истории.

Специализация слова заключалась в его философском переосмыслении: 'отрицающий, содержащий отрицание' > 'основанный на отсутствии чего'. Уже в «Реестре памятствуемых речений» Бужинского — одном из первых философских словариков

---

[28] «Dictionnaire de l'Académie françoise», t. II. Paris, 1740, стр. 385—386.

[29] «Dictionnaire de l'Académie française», t. II. Paris, 1835, стр. 465.

[30] В XVIII—первой половине XIX в. живая семантическая и фразеологическая соотнесенность — для французского языка и структурно-морфологический и отчасти семантический «ориентир» — для латыни (наибольшее значение имела поздняя «ученая» латынь).

XVIII в. — слово *отрицательный* представлено наряду с *положительный*: «*Отрицательный. Negativum*».

Приведем несколько примеров, показывающих употребление слова *отрицательный* в отвлеченных контекстах: «Когда [его] называем безначальным, непостижимым, нескончаемым, невидимым и прочими свойствами *отрицательными*» (Ф. Прокопович. Рассуждение о безбожии. М., 1774, стр. 13); «О бесконечном мы имеем понятие токмо *отрицательное*, потому что понимаем его не иначе, как чрез *отрицание* конечного» [31]; «Вместо *отрицательного* происхождения идей разума в Кантовой системе. . .» (Снелль. Нач. курс филос., ч. V, стр. 54); ср. в статье Н. Полевого «Обозрение русской литратуры в 1824 году»: «О публике, *отрицательной* (*négative*) участнице успехов в словесности» («Моск. телеграф», 1825, № 1, стр. 77. — Слово *отрицательный* выделил здесь курсивом автор).

Среди обстоятельств, оказавших влияние на специализацию значения слова, можно указать соотносительность его с развивавшимся параллельно философским термином *отрицание*. На протяжении XVIII—XX вв. в слове *отрицательный* формируются все основные современные значения его — многие в противопоставление слову *положительный* (см. «Словарь современного русского литературного языка», т. VIII, 1959, стб. 1578—1579).

В заключение отметим, что заимствования *позитивный* и *негативный* входят в литературный обиход русского языка не ранее первой половины—середины XIX в.; впервые эти слова отмечены в «Толковом словаре» Даля в значении, сходном со словами *положительный* и *отрицательный*. См. толкование их, включающее некоторые упоминавшиеся выше синонимические средства: «*Позитивный*, [франц. *positif*], положительный, решительный, окончательный; конечный; верный; пртвплж. *негативный*, отрицательный» (Даль III, стб. 597).

Данные слова до сих пор имеют сугубо книжный характер и сравнительно ограничены в употреблении. Кроме случаев, непосредственно связанных с значением терминов *позитивизм*, *негативизм*, указанные слова в настоящее время используются как синонимы, иногда стилистически разграниченные, слов *положительный*, *отрицательный* (*положительная*, *или позитивная*, *сторона этой истории*; *отрицательная*, *или негативная*, *сторона*). Они оказываются тем не менее закрепленными в некоторых контекстах (ср. *полоса позитивного сотрудничества*). — О значениях этих слов см. «Словарь современного русского литературного языка», т. X, 1960, стб. 784, т. VII, 1958, стб. 779.

В слове *положительный* сейчас все более распространенными становятся значения, включающие момент оценки, — 'содержа-

---

[31] «Сочинения Д'Аламберта». Пер. с франц. И. Г. Харламова, ч. 1. Дух философии. М., 1790, стр. 150.

щий одобрение, согласие'. Поэтому, например, сочетание *положительный ответ* в настоящее время не является двусмысленным, как столетие назад (ср. выше у Даля: «определительный и ясный» и «изъявляющий согласие»). Соответственно *положительный* в значении 'конструктивный, утверждающий что-либо' начинает (возможно, чтобы избежать разнотолкований слова) сокращаться в употреблении. В ряде контекстов, где еще сравнительно недавно обычным было *положительный* (*положительные предложения*, *соображения* и т. д.), сейчас предпочтительнее оказываются иные слова, в том числе упоминавшееся *позитивный*, *конструктивный*, *конкретный* и др. Однако это касается в основном книжно-газетной речи. В общеобиходном языке старые значения 'явный, очевидный' сохраняются до сих пор (*положительный невежда*, *положительно невозможно*).

Слова *положительный*, *отрицательный* (*позитивный*, *негативный*) служат иллюстрацией различных путей становления русской литературной лексики XVIII—XX вв. Изучение истории слов дает материал, необходимый для последующих обобщений и оценки факторов, действовавших в языке в разное время и — от слова к слову — в той или иной степени.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

3. О СЛОВАХ С ОСНОВОЙ *skarěd-* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В памятниках старо- и церковнославянской письменности находятся следующие слова, образованные от указанной основы:

1. Существительное **скарѣдиѥ**, ср. **скарѣдиѥ и зѣлниѥ**, перевод греч. ἀηδίαν καὶ χασμὴν[1]; **горести и скарѣдьꙗ ж наплънить** (там же, л. 61в), греч. πικρίας καὶ ἀηδίας αὐτὴν πληροῖ[2]; **комꙋ лютѣ комꙋ млъва ∴ комꙋ сѫди(и) комꙋ скарадиꙗ и прⱑ** (Григоровичев паримейник, сп. XII—XIII в., л. 62 об.), греч. τίνι οὐαί; τίνι θόρυβοι, τίνι κρίσις; τίνι ἀηδίαι καὶ λίσχαι[3]; **аще ли оубо тѣло поработить дшю и оумъ то нечстотꙑ и всꙗког(о) скарѣдьꙗ исполниться(ꙗ)**[4].

Написание **скарⱑд-** единично. В приведенном примере, как это показывает и написание **прⱑ** < **пьрѣ, пьрꙗ**, буква ⱑ не является знаком ę, а обозначает звук [ä = ѣ]. В этом памятнике имеются и другие случаи, когда буквой ⱑ обозначают звук [ä = ѣ], ср. **стрсть кнꙗзⱑ** (л. 1); **приведѫ бо миръ на кнⱑзⱑ** (л. 4 об.)[5] и др. Таким образом, написание **скарⱑдиꙗ** следует читать *skarědija*, а не *skaręd ija*.

Существительное **скарѣдиѥ** представляет такой же тип образования, как и **брьниѥ, бꙑлиѥ, зелиѥ** и т. п., у которых суффикс *-ьje*, *-ije* присоединился к основе **скарѣд-, брън-, бꙑл-, зел-**.

2. Прилагательное **скарѣдъ**. В Беседах папы Григория на евангелие по списку XIII в. читаем: **и что въ члвчьсцѣ. телесе. скарѣдѣѥ: теле(се) гриньтаваго. ѥже ѡтѣкающамъ ꙗзвамъ. протъргаѥться. въсходѧщемь смрадъмь испълниться** (л. 311б)[6]; **гриньтавꙑи** от нем. *grind* 'струп'.

---

[1] Амфилохий. Словарь из Пандектов Антиоха XI в. М., 1880, стр. 129.

[2] Там же.

[3] Из картотеки «Slovníka jazyka staroslověnského» в Праге.

[4] «Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.». М., 1892, стр. 126.

[5] Цит. по изд.: «Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками», издал Р. Брандт, вып. I. — Чтения ОИДР, т. 163, кн. I. М., 1894.

[6] Цит. по рукописи, хранящейся в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина под шифром: «Собрание Погодина, № 70».

Форма сравнительной степени скарѣдѣк образована от прилагательного скарѣдъ, которое, между прочим, в Пандектах Антиоха зафиксировано и отдельно, ср. пѣник его гласъ скарядъ (л. 60 об.). Написание скарадъ вместо ожидаемого скарѣдъ — явление такого же порядка, что и начертания тръстянъ (л. 176 об.), дрѣвянъ (л. 204), плътянъ (л. 297) и т. п., в которых буквой я передается восточнославянский звук ['а < ѣ (ä)][7].

Наличие прилагательного скарѣдъ предполагает бытование существительного скарѣдь (о котором ниже), т. е. скарѣдь и скарѣдъ — такого же типа закономерность, как часть и частъ, тврьдь и тврьдъ, стоудень и стоуденъ и т. п. Подобные различия существительного и прилагательного, как известно, являются древнейшими. В памятниках зафиксированы и вторичные, поздние формы прилагательных: скарѣдивъıи, скарѣдьливъıи, скарѣдьнъıи[8].

3. Глагол скарѣдовати. Зафиксированные глагольные формы явно отыменного образования, исторически вторичные, ср.: аще ли скарѣдоують ꙗко и полагаемаго зелиꙗ съ мясъı ѣсти... (Номоканон по сп. Устюжской кормчей, л. 28а), перевод греч. εἰ δὲ βδελύσσοιντο, ὡς μηδὲ τὰ μετὰ κρεῶν βαλλόμενα λάχανα ἐσθίειν[9]; не въкоушаеть мясъ и вина · скарѣдоуꙗ а не пощениꙗ ради (Номоканон по сп. Ефрем. кормчей, л. 17 об.), греч. οὐ μεταλαμβάνει κρεῶν καὶ οἴνου, βδελυσσόμενος καὶ οὐ δι' ἄσκησιν[10]; скарадоуѫ са идолъı стꙗꙗ крадеши (К Римл. II, 22)[11], в Христинопольском ап.: скарѣдѹꙗи ся идоломъ...[12], в греч. ὁ βδελυσσόμενος τὰ εἴδωλα, ἱεροσυλεῖς, т. е. 'гнушаясь идолов, грабишь храмы', в официальном церковном переводе: 'гнушаясь идолов, святотатствуешь'. В Охридском списке Апостола этого места нет[13], потому что он краткий, рассчитанный на чтения только по субботам и воскресениям, а К Римл. II, 22 читается в пятницу первой недели всех святых.

Написание Слепченского апостола скарадоуѫ са нельзя принимать за отражение на письме произношения ę в основе глагола. Если бы это было так, то в таком случае в Христинопольском апостоле русского списка мы обнаружили бы либо то же написание, что в Слепченском апостоле, либо написание ꙗ

---

[7] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 117 сл.

[8] Срезневский III, стб. 366 сл.

[9] Из картотеки «Slovníka jazyka staroslověnského».

[10] В. Н. Бенешевич. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1906, стр. 73.

[11] Г. А. Ильинский. Слепченский апостол XII в. М., 1912, стр. 17.

[12] Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII° scripti. Edidit Aemilianus Kałużniacki. Vindobonae, 1896, стр. 114.

[13] С. М. Кульбакин. Охридский список апостола конца XII в. София, 1907.

на месте ѧ, но ни того и ни другого нет. Как показывает исследование Г. А. Ильинского, в рукописи Слепченского апостола имеется ряд случаев, когда ѧ пишется на месте ожидаемого ѣ и наоборот[14].

Приведенный материал позволяет констатировать:

а) поскольку рассматриваемыми словами переведены греч. ἀηδία, βδέλυγμα, βδελύσσομαι, то значение их сводится к 'неприятность', 'отвращение', 'мерзость'; 'неприятный', 'отвратительный'; 'гнушаться', 'чувствовать отвращение';

б) все приведенные формы, как мы видели, образованы от основы **скарѣд-**. Допущение, что в праславянском эта основа произносилась *skaręd-*[15], необоснованно, и подкрепить его невозможно;

в) основа *skarěd-*, по всем данным, состоит из корня *skar-* и суф. *-ěd-*, последний обнаруживается еще в **чел-ѣдь, зъл-ѣдь**, а также в русск. *мокрядь* < **mokrědь*, *пестрядь* < **pьstrědь*, *чернядь* < **čьrnědь* и т. д.

Большинство таких существительных образованы от основы, обладающей качественным значением. Помимо этого, существительные с суф. *-ěd-*, а также *-jadь* обладают собирательным значением.

По значению и форме сюда должно относиться русск. обл. *скаредь* в значениях 'разная дрянь', 'хлам'[16]. Возможно, сюда же относятся русск. обл. *скарузлый* 'грязный', *скарузлик* 'сопляк'; 'испачканное платье'[17], поскольку суф. *-уз-* присоединяется к основам прилагательных, ср. *бѣлузовина*, *бѣлузливый*, *мелюзга* и т. п.

В данном случае мы уже имеем дело с корнем *skar-* < **sk̑ēr-*[18] без суф. *-ěd-ь*. Однако этот корень в русском языке оказался неустойчивым, поскольку он контаминировался с другим корнем — *skor-* с значением 'кожа', 'кора'. Этим объясняются новые значения слов *скаря*, *скаредь*, *скареда*, *скаредный* 'скупец', 'скряга', 'скупой' и т. д.[19], развившиеся через понятие 'затвердевший', ср. *скорузнуть* 'сохнуть', 'морщиться', *скорузлый* 'затвердевший'. Укр. *шкарідь* 'мерзость', 'гадкость', *шкаредний* 'отвратительный', 'гадкий', *шкаредитися* 'брезгать', 'чувствовать отвращение'[20], блр. *шкаредзь* 'хлам', *шкаредный* 'отвратительный'[21] не представ-

---

[14] Г. А. Ильинский. Указ. соч., стр. XII сл.

[15] См.: Преображенский II, стр. 294; Holub-Kopečný, стр. 370; Vasmer II, стр. 633; Machek, стр. 501; Walde-Pokorny II, стр. 587 сл.; Pokorny, стр. 947 сл.

[16] Дополнение к Опыту, стр. 242; Даль[3] IV, стр. 175.

[17] Дополнение к Опыту, стр. 242.

[18] См. прим. 15.

[19] Даль[3] IV, стб. 175.

[20] Гринченко IV, стр. 499; «Лексикон словенороський Памви Беринди». Київ, 1961, стр. 306.

[21] Носович, стр. 710 сл.

ляют праславянского наследства: начальный звук *ш* указывает на заимствование упомянутых слов украинским и белорусским языками из польского. К сказанному следует добавить еще такой факт: в памятниках древнерусской письменности слова с основой **скарѣд-** встречаются только в текстах церковнославянского происхождения.

Словари южнославянских языков редко фиксируют слова с основой *skarěd-*. Приведенное С. Младеновым болг. *скареден* 'пестелив' [22], т. е. 'бережливый', 'экономный' — явно из русского языка. Приводимые некоторыми словарями сербохорватского языка *skaradan*, *skaradnost* 'безобразный' [23], по-видимому, — церковнославянизмы.

Фиксируемые во всех западнославянских языках слова с основой *škarěd-* < из *skarěd-* со значениями 'скверный', 'отвратительный', 'гадкий', по всей видимости, — праславянское наследство, ср. чеш. *škareda*, *škaredý*, *škareděti*; слвц. *škaredý*, *škarednost'*, *škaredník*, *škaredit' sa*; польск. *szkarada*, *szkaradny*; в.-луж. *škarjeda*, *škarjedny*; н.-луж. *škareda*, *škaredy*. Все приведенные слова возводятся к и.-е. корню **sk̂ēr-* [24]; только В. Махек считает, что рассматриваемые слова «кажется, находятся в каком-то отношении к нем. *garstig* с перемещением *s* в начало» (слова) [25].

Принято считать, что зафиксированное в памятниках старо- и церковнославянской письменности слово является южнославянским, особенно в тех памятниках, которые считаются первоначальными по переводу: евангелие-апракос, псалтырь и апостол. Базируясь на этих данных, **скарѧдовати сѧ** (βδελύττομαι) из Слепченского апостола В. Ягич отнес к первичным, или южнославянским, которое-де позже было заменено словами **гнѫшати сѧ, мръзѣти** [26]. Думаем, что Ягич неправ, потому что в евангелиях и псалтыри греч. βδελύσσομαι, βδέλυγμα выдержанно переданы словами **мръзѣти, гнѫшати сѧ, мръзость**; ἀηδία в них не встречается. Как мы отметили выше, К Римл. II, 22 в первоначальном кратком апостоле нет, это место относится к дополнительным переводам комплекторных частей апостола, выполненным в Моравии. Употребление глагола **скарѣдовати** в Номоканоне не удивительно, поскольку, по свидетельству Жития

---

[22] Младенов, стр. 582.

[23] См. RJA XV, стр. 201; Л. Бакотиħ. Речник србохрватског књижевног језика. Београд, 1936, стр. 1108; J. Jurančič. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955, стр. 857; И. И. Толстой. Сербо-хорватско-русский словарь. М., 1958, стр. 872.

[24] См. прим. 15.

[25] Machek, стр. 501.

[26] V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 394.

Мефодия, этот памятник переведен Мефодием в последние годы его жизни в Моравии[27].

Итак, достоверно одно: в историческое время слова с основой *skarěd-* были обычными в западнославянских языках, откуда они попали в некоторые памятники старо- и церковнославянской письменности. Как можно судить на основании современных диалектных данных, *skarъ* и *skarědь* в русском языке с давних пор фиксировались как слова отдельной местности, причем они в обычном значении 'мерзкий', 'отвратительный', 'мерзость' не встречаются. Поскольку эти слова фиксируются в бывшей Псковско-Новгородской области, то не исключено, что они могли проникнуть туда из западнославянских диалектов. В пользу этого можно высказать следующее:

1) блр. *шкаредзь* и псков. и осташк. *скаредь* совпадают в значении 'хлам'. Что первое заимствовано из польского языка, едва ли подлежит сомнению;

2) псков., осташк., вятск. *скаредь* фиксируется только с *е* во втором слоге [28]. Обычно в русских диалектах слова, включающие в себя суф. *-ěd-*, произносятся двояко: *мокрядь* и *мокредь*, *пестрядь* и *пестредь*, *рухлядь* и *рухледь*, но *рухлядевый*, *рухлядной*, *чернядь* и *чернедь*, но *чернякъ* и т. д. Вероятно, выдержанное произношение только *скаредь* также свидетельствует о неприродном характере этого слова в современных русских говорах.

4. ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА **ковригъ, -га**

М. Фасмер, рассмотрев наличные истолкования этимологии слова *ковригъ*, *-га*, пришел к выводу, что «все существующие объяснения неудовлетворительны» [29]. При этом автор не попытался даже разобраться в развитии семантики слова, вместо этого сослался на современное значение 'круглый хлеб', а также 'вид печенья или пирога' (Art Kuchen), последнее — с ссылкой на протопопа Аввакума. В том месте, на которое ссылается Фасмер, у Аввакума читаем: *выпросил я у Христа целая коврига мягкова хлеба* [30]. Речь тут не о печенье или пироге, а о самом обыкновенном круглом хлебе, каравае.

Памятники старославянской письменности не зафиксировали интересующего нас слова: в картотеке «Slovníka jazyka staroslověnského» отсутствует карточка со словом **ковригъ** или **къвригъ, -га**. Из других славянских языков только в болгарском зафиксировано слово *коврuг* 'вид кренделя' или 'круглой булки

---

[27] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 77.

[28] Дополнение к Опыту, стр. 242; Васнецов, стр. 291.

[29] Vasmer I, стр. 585.

[30] «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения». М., «Academia», 1934, стр. 265.

с дыркой в середине'[31], не говоря о блр. *коврига*, *коврижка* в значениях, совпадающих с современным русским литературным языком.

В Хронике Георгия Амартола, как полагают, переведенной во второй половине XI вв., но дошедшей до нас в старшем списке только XIII—XIV вв.[32], читаем: [Феодосий] приде к ѥтерѹ мнихѹ сѣдѧщю въ келии искрь сѹщимъ Костантина града. ѥго же видѣвъ старець позна. цр҃ю же ѿ пѹти и ѿ зноꙗ изнемогъши ѹсѣде. намочивъ же старець ковригъ, рекше сѹхꙑꙗ посмагꙑ, и ѹливъ ѹксѹсъ и масло древаноѥ дасть цр҃ю. и ѣдъ цр҃ь и пивъ водѹ. гла... никогда же насытихсѧ таковаго сладкаго брашна и питьꙗ, ꙗкоже дн҃ь[33], в греческом: ἔβρεξεν ἄρτους ὁ γέρων...

В памятниках старославянской письменности греч. ἄρτος всюду переведено словом **хлѣбъ**, да и в Хронике Г. Амартола в других местах оно тоже переведено этим же словом. В приведенной же выше цитате переводчик, исходя из контекста, на месте греч. ἄρτος употребил слово ковригъ, пояснив его для точности глоссой: рекше сѹхꙑꙗ посмагꙑ, т. е. 'сухие или засохшие пресные лепешки', ср. *посмаг*, *посмага* 'хлебная лепешка', 'опреснок'[34]. Из сказанного следует, что древним значением слова *ковригъ* было 'сухая, пресная лепешка'[35]. Это значение подкрепляется псков. *коврига* 'лепешка', а также олон. *коврига* 'черствый хлеб'[36], переносным *коврыга* 'скупой человек' (псков., осташк.)[37], значение этого слова 'ломоть' (круглый, во весь хлеб)[38] также связано с лепешкой.

В «Повести временных лет» под 1074 г. читается: И сице поѹчивъ (Феодосий Печерский. — *А. Л.*) брат(ь)ю цѣлова вьсѧ по имени. и тако изидаше из монастырѧ · взимаꙗ мало коврiжекъ (в Радз. и Акад. списках — коврижець, Типогр. сп. — ковригъ, Новг. I лет. младш. извода — коврыгъ. — *А. Л.*). вшедъ в печерѹ. и затвораше двери печерѣ и засыпаше перстью. и не глаше никомѹже... (Лавр. лет., л. 62 об.; Ипат. лет., л. 68 об.). В Прологе списка 1383 г. эта же цитата читается: ...възимаꙗ съ собою мало просфѹръ[39], что представляет замену слова ковригъ, читающегося в этом же месте в других списках Пролога.

[31] Младенов, стр. 244.
[32] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II. Пг., 1922, стр. 306 сл.
[33] В. М. Истрин, указ. соч., т. I. Пг., 1920, стр. 400.
[34] Даль[3] III, стб. 878.
[35] Дополнение к Опыту, стр. 82.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Даль[3] II, стб. 322; Дополнение к Опыту, стр. 82.
[39] Из картотеки СДР.

Коврижакъ или коврижаць «Повести временных лет» — не что иное, как уменьшительная форма от ковригъ. Слово *коврижка* имеет еще значение 'большой пряник с узорами' или просто 'пряник'[40], собственно, по форме это та же лепешка. В одном Азбуковнике сп. 1654 г. написано: *Мличнъ — хлѣбецъ, рекше коврижка*[41]. Тут уже путается *коврига* и *хлеб* (об этом см. ниже).

Дважды встретившееся написание коврыгъ, *коврыга* относится к распространенному в русских диалектах произношению в отдельных словах то *-ри-*, то *-ры-*[42].

В Суздальской летописи под 1230 г. читаем: нѣции видѣш. рано въсходящю слнцю. бы на .г. оуглы тако и коврига. потом мнеи бы аки звѣзда тако и погибе (Лавр. лет., л. 157). Сравнение затмевающегося солнца, имевшего треугольную форму, с ковригой свидетельствует о том, что лепешка, именуемая *коврига*, пеклась и треугольной формы.

Итак, первоначальное значение слова ковригъ было 'лепешка', точнее, 'пресная, сухая лепешка'; сухая потому, что она, по всей вероятности, как и *посмага*, *смажилась* или *пряжилась*, т. е. жарилась[43]. Позже, видимо, не позднее XIV—XV вв., слова коврига и хлѣбъ начали путать или понимать одинаково, ср.: А волостелю моему дають на годъ два корма . . . десятеро хлѣбовъ . . . а не любы хлѣбы, ино за ковригу по дензѣ (1455—1463 г.)[44].

На основе приведенных данных напрашивается мысль, что в семантике слова ковригъ заключено понятие 'жарить' или 'жечь'. В этом смысле оно в значении совпадает с тур. *yävräk* 'сухарь', 'бублик', ст.-узб. *kevrek* 'ломкий', 'засушенный'[45], ср. тур. *gevret* 'сушить', *gevretmek* 'высушить', ног. *кувырнлув* 'подсыхать'[46], основа которых восходит к общетюрк, **kəўr-* в значении 'жечь', 'жар', ср. крым.-тат. *kawur*, тур. *kavir*, узб. *ковур* и т. д. в значении 'жарить', 'жечь'[47], а также др.-уйгур. *küär* 'горящий', тур. *kâvi* 'выжигающий', узб. *кур*, чуваш. *кăвар* 'горящие угли'[48], ног. *кувырув* 'жарить', 'зажаривать' (на го-

---

[40] Даль³ II, стб. 322; Дополнение к Опыту, стр. 82.

[41] «Азбуковникъ». Рукопись бывшей Синод. библиотеки № 353, л. 133 об. — Из картотеки ДРС.

[42] «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 92 сл.

[43] Даль³ IV, стб. 279.

[44] «Акты исторические», т. I. СПб., 1841, стр. 106. — Из картотеки ДРС.

[45] H. Vámbéry. Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878, стр. 62.

[46] «Ногайско-русский словарь». М., 1963, стр. 185.

[47] В. Радлов. Опыт словаря тюркских языков. т. II. СПб., 1899, стр. 468; В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 97.

[48] В. Г. Егоров. Указ. соч., стр. 97.

рящих углях)[49]. Конечное *-äk* в тур. *γävräk*, ст.-узб. *kevrek* восходит к широко распространенному в тюркских языках аффиксу *-əγ*, *-iγ*, *-äγ*, *-aγ*, *-uγ*, придающему основе, к которой присоединяется, значение предмета. В этом аффиксе древний конечный *γ* во многих тюркских языках оглушился и стал звучать как *к*. Ср. еще позднее заимствованное с той же основой **kəṷr-* *кавардак*[50]; ср. ног. *кувырдак* 'жаркое' (из мяса с картофелем)[51], ст.-узб. *кавурмач* 'жареная пшеница', 'копченое мясо', чуваш. *кӑвӑрч*, *кӑвӑрчак* 'выжарки', 'шкварки'[52] и т. п. Приведенный материал позволяет констатировать, что по семантике, ударению и в целом звуковому составу древнерусское слово ковригъ может восходить к тюрк. *kəvrəγ* или *kävräγ*. М. Фасмер заметил, что сближение ковригъ с тур. *gävräk* «встречает затруднения с звуковой стороны»[53], однако исторически тур. *gevrek* дóлжно восходить к общетюрк. **kävräγ*. Тем не менее нет оснований считать, что древнерусское слово ковригъ — заимствование из турецкого языка. Как было указано выше, слово ковригъ встречается в Хронике Георгия Амартола, переведенной не позднее второй половины XI в. Поскольку это слово там сопровождается глоссой, то надо думать, что все это сделано первым переводчиком, желавшим передать особое значение греч. ἄρτος в переводимом тексте. Помимо этого, наличие этого же слова в «Повести временных лет» под 1074 г. (год смерти Феодосия Печерского), при том во всех списках, дошедших до нас, является основанием считать, что слово коврижькъ или ковригъ здесь употреблено самим составителем данного исторического сочинения, написанного, как полагают, в начале XII в. Таким образом, слово ковригъ могло быть заимствованным не позднее середины XI в. или же в начале XII в. Вполне понятно, что в указанное время восточные славяне не могли заимствовать это слово из османо-турецкого языка. В целом слово ковригъ могло быть заимствованным из такого тюркского языка, носители которого в X—XII вв. соседили с древней Русью и в языке которых общетюркский начальный *к* и конечный *γ* звучали без изменений. В X—XI вв. с Киевской Русью соседили печенеги, о которых «Повесть временных лет» под 968 г. сообщает: Придоша печенѣзи на Руську землю первое (Лавр. лет, л. 19 об.; Ипат. лет., л. 26), и половцы, о которых там же под 1061 г. читаем: Придоша половци пєрвое на Руськую землю воевать (Лавр. лет.,

[49] «Ногайско-русский словарь», стр. 185.

[50] Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», III. М., 1958, стр. 24; Б. А. Ларин. Из истории слов. — «Памяти акад. Л. В. Щербы». Л., 1951, стр. 198 сл.

[51] «Ногайско-русский словарь», стр. 185.

[52] В. Г. Егоров. Указ. соч., стр. 97.

[53] Vasmer I, стр. 585.

л. 55; Ипат. лет., л. 61), до этого, видимо, половцы общались с русскими мирно. От языка печенегов до нас ничего не дошло. Памятник половецкого языка Codex Cumanicus, составленный в конце XIII—начале XIV в., свидетельствует о том, что в нем и в указанное время начальный *к* звучал без изменения[54]. Конечный *γ*, по данным Codex Cumanicus, в половецком языке к началу XIV в. сохранился преимущественно в односложных словах, ср. *baγ* 'виноградник' (46), *jaγ* 'жир', 'масло' (109), *saγ* 'здоровый' (211), *taγ* 'гора' (232)[55]. Однако в двух- и многосложных словах на месте др.-тюрк. *γ* в половецком обычно звучал *q*, ср. *ajaq* 'нога', но *ajaγ üze* (31); *aqmaq* 'глупый' (39); *balcuq* 'глина', 'грязь' (48); *bašmaq* 'башмак' (52); *qulaq*, *qulax* (*x*, видимо, = *γ* или *q*) 'ухо' (202); *ocaq* 'очаг' (173) и т. п. Возможно, что в X—XI вв. конечный *γ* в половецком языке звучал еще без изменения, поскольку его переход в *q* не закончился к началу XIV в. Что же касается интересующего нас слова ковригъ, оно заимствовано из того тюркского языка, из которого были переняты и *балчугъ*, *очагъ* и др.[56] Таким языком мог быть половецкий (куманский) или печенежский. К сожалению, не зафиксированное в известных памятниках древнетюркской письменности слово **kəvrəγ* или **kävräγ* (исключая ст.-узб. *kevrek* с оглушившимся конечным *γ*, — см. выше) в древнерусском языке закономерно должно звучать как **къвригъ* по той причине, что после начального еще только твердого в X—XI вв. звука *к* предполагаемый на основании данных ст.-узб. *кеврек* и осм.-тур. *gävräk* звук *ə* среднего ряда могло звучать как *ъ*, а *ə* второго слога, как подударный, поэтому и долгий, в древнерусском закономерно стал звучать как *i* < **ъ̄*. Собственно, наличие *i* во втором слоге слова ковригъ позволяет констатировать, что в тюркском слове **kəvrəγ* в обоих слогах звучало *ə* или *ä* среднего ряда, который в древнерусском произношении дало *ъ* — *ъ̄* > *i*. Если бы в слове ковригъ с самого начала в первом слоге был *о*, то мы во втором слоге обнаружили бы *е*, чего нет в древнерусских написаниях до XVII в.[57] В некоторых южнорусских

---

[54] М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 132.

[55] K. Grønbech. Komanisches Wörterbuch. Türkisches Wortindex zu Codex Cumanicus. København, 1942. Цифры в тексте после примеров указывают страницы данного издания.

[56] Э. В. Севортян. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера. — «Лексикографический сборник», вып. VI. М., 1962, стр. 18 сл.

[57] В одной рукописи от 1650 г., опубликованной под названием «Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича» (М., 1844), читаем *коврѣшки* (стр. 224). — Из картотеки ДРС. Здесь *коврѣшки*, надо полагать, под воздействием слов типа *головешка*, *двоешка*, *прорешка*, *ставешка* и т. п.

говорах наряду с *коврига* зафиксировано и *коврега* (Орл., Дон.)[58], но *о* — *е* здесь развилось, как можно полагать, после падения редуцированных и в период, когда слово перешло из мужского рода в женский род по аналогии других, как *верига*, *калига*, *тенига* и т. д. Следует иметь еще в виду то, что в предударном слоге после падения редуцированных в южнорусских говорах на месте исконного *о* стал развиваться звук *а*, так что тут *а* — *е* может быть каким-то специфически местным явлением, вероятно, типа *квартера*, *красельщик* и т. п.

Болг. *коврuг*, как свидетельствует его звучание с *о* в первом слоге, зависит от соответствующего русского слова. Помимо этого, болгарский язык заимствовал из турецкого языка слово *геврек* в значении 'крендель', 'бублик', ср. также и с.-хорв. *đevrek* (из тур. *gevrek*) 'бублик, обязательно сухой или засушенный' (по устному сообщению проф. И. Хамма).

---

[58] «Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. X. Л., 1928, стр. 100; А. В. Миртов. Донской словарь. Р/Д, 1929, стр. 139.

И. Г. Денисов

Уклад 'СТАЛЬ'

Уклад 'сталь' [1] существует в русском языке давно, помимо заимствованных слов *булат* (из тюркского), *сталь* [2] (из немецкого), *вутц* [3].

В. И. Абаев сообщает, что слово *уклад* засвидетельствовано в русском фольклоре («Пойду в кузницу новую, скую топор из *укладу*, из булату»), писателями XIX и XX вв. («Хочешь кольчугу мою булатна *уклада*?») [4].

Уклад встречается в письменных памятниках в нескольких значениях:

I. 1) «. . .сталь, которою укладывают или наваривают лёза столярных и других орудий.

Топор с *укладом*, науклаженный . . . *укладной* нож . . . *укладной* горн, в котором железо переваривается в *уклад*, сталь . . .

---

[1] Ушаков IV, стр. 916; Vasmer III, стр. 179.

[2] Считают, что нем. *Stahl* 'сталь', вытеснившее *уклад*, пришло в русский язык в начале XVIII в., при Петре I, и В. И. Абаев полагает, что слово *сталь* в устах героя XVI в. является анахронизмом.

Однако в польском языке термин *stal* существует уже с XV в., а русские письменные памятники свидетельствуют, что в XVI в. русские были знакомы со словом *сталь* через торговые связи (С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 14). «Ножи стальные» упоминаются в «Торговой книге», составленной для русских купцов в 1570—1610 гг. («Торговая книга», стр. 126, 138. — «Записки отделения русской и славянской археологии имп. археологического общества», т. I, ч. III. СПб., 1851). В то время слово *сталь* употреблялось для обозначения материала (стали) и товаров из него, изготовлявшихся в германских государствах, наряду со многими другими словами подобного значения, как «Уломский уклад», «Уломский выков», «Московское дело», «Московский выков», «Литовские, Ливонские, Немецкие выковы», «Булат Дамасский», «Булат на Литовский выков», «Свейское железо», «Аглицкая сталь», «вутц» и т. д.

При Петре I в связи с широким привлечением иностранных специалистов по горно-заводскому делу слово *сталь* проникло в официально-административную сферу, на крупные заводы, контролируемые государством, а среди широких слоев населения оно еще до середины XIX в. воспринималось как иностранное слово.

[3] «*Вутц* — твердейшая литая сталь, вывозимая из Индии и употребляемая преимущественно на дело сабель, шпаг и другого, так называемого белого оружия» (Гр. Спасский. Горный словарь, ч. I. М., 1841, стр. 69).

[4] В. И. Абаев. Как русское слово *уклад* 'сталь' помогло выяснить этимологию осетинского *ændon* 'сталь'. — Сб. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 1. М., 1960, стр. 76—77.

укладчик . . . укладник, мастер, делающий уклад, сталь, булат» [5]; 2) «Кричная сталь (сырая сталь), обычно изготовленная из чугуна, а на Урале и из обрезков железа» [6]; 3) «*Уклад* не есть железо и не есть сталь, но особый искусственный род металла, составленный из обоих» [7]; 4) «. . . разбор стали, из которого делаются лезвия плотничьих и столярных инструментов, сырая сталь, булат» [8]; «. . . то, из чего в Германии и повсюду делаются косы» [9].

II. «. . . чем уложены, окованы санные полозья, прут, тóрмоз, пóдрез. Сани с *укладом*, окованные, с подрезами, подрезные» [10]; «. . . навар этой стали и называется *укладом*» [11].

III. «. . . старинный способ приготовления стали, идущей на выделку кос, топоров, долот, ножей и прочее» [12]; «. . . древняя русская обработка усовершенствованного способа железа на подобие стали» [13].

IV. «. . . полоска стали, идущая на лезвия топоров и других железных изделий» [14]; «. . .1000 штук *укладов*, или 5 пудов» [15].

V. «Коники суть деревянные подковы на всю ступню ноги, с узенькими железными полосами, называемыми *укладами*» [16].

VI. «. . . дань, налог» [17].

VII. В живом русском языке [18] *уклад* часто заменяется словом *оклад*. По Н. Е. Ярову (г. Кадников, 76 лет), резные украшения на избах, окнах называются *укладом*, а также *окладом*. Для многих старожилов *уклад* иконы, иконный *уклад* — украшение к иконе, резьба, покраска рамки, цветы, тиснения из меди, серебра, зо-

---

[5] Даль[2] IV, стр. 482.

[6] «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв.» Сборник документальных материалов. Свердловск, 1956, стр. 145 (комментарий 1).

[7] А. Фуллон. О выделке железа в сыродутных печах и по каталонской методе. СПб., 1819, стр. 8.

[8] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. IV. СПб., 1847, стр. 334; см. также: В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 77.

[9] В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. II. СПб., 1844, стр. 304.

[10] Даль[2] IV, стр. 482.

[11] В. Бурнашев. Указ. соч., стр. 304.

[12] «Всероссийский «словарь-толкователь», т. II. Изд. А. А. Каспари, 1893, стр. 1429.

[13] Ф. Носырин. Улома и ее металлическое производство. СПб., 1858, стр. 19.

[14] М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910, стр. 90.

[15] К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.—Л., 1951, стр. 93.

[16] В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 77.

[17] Срезневский III, стб. 1178.

[18] В июле 1964 г. автор беседовал со многими жителями, особенно старожилами, г. Кадников и близлежащих деревень (Сокольский р-н Вологодской обл.) в связи с этимологическим исследованием некоторых металлургических терминов.

лота, даже полотенце, навешенное на икону. Ср. *обкладывать* (*обложить*) икону . . . ризою, *окладом*; *обкладывать*, *обложить* подол рукава, обшивать *накладкой*; *обкладывать* — налагать подати [19]; *оклад* образа . . . *оклад* избы; *оклад* — фундамент, основание [20].

Таким образом, *уклад* выражает следующие понятия:

1. Сталь (сплав железа и углерода с содержанием последнего до 2% [21]);

2. Материал, который по своей износоустойчивости на много превышает дерево, т. е. сталь, железо, а может быть (см. ниже), бронза и т. п. материалы. Но вероятнее всего, это сталь, сыродутное железо или их древние разновидности;

3. Способ, процесс получения железистого соединения, напоминающего по своим свойствам сталь, т. е. уклад;

4. Накладка из стали (уклада) в виде полоски, навариваемая на рабочую сторону режущих и других инструментов для образования лезвия, жала, острия, рабочей поверхности, обладающих повышенной твердостью и износоустойчивостью в сравнении с основной массой инструмента;

5. Полоска железа, накладываемая на деревянный предмет для повышения его долговечности в работе, прут, по́дрез, чтобы сани не раскатывались;

6. Основание, фундамент, база;

7. Абстракция от конкретного *уклад*, *обклад*, *оклад*, ср. *укладати* 'возлагать (на бога)', *укладъ* 'дань, налог' [22].

8. Орнамент, украшение, ср. *уклад* — род ожерелья (у гуцулов) [23].

Все эти значения склоняются в сферу терминологической лексики: 1—6 — технической, 7 — юридической, 8 — прикладного искусства, их этимология вполне прозрачна и связана с глаголом *класть*, *укладывать*, *обкладывать*, *накладывать*.

В связи с этим привлекает к себе внимание различие мнений по этимологии названия *меч-кладенец*. Имеются следующие предположения:

1. От русск. *уклад*, ср. *кладене́ц* 'булат, сталь, уклад' [24], а также чеш. *kladnice* 'топор';

2. «. . . преобразовано из ит. *clarenca*, *chiarenza* 'эпитет меча Бовы'» [25];

3. От *класть* 'скопить' [26];

---

[19] Срезневский III, стб. 1178.

[20] Даль² II, стр. 588.

[21] Н. Ф. Болховитинов. Металловедение и термическая обработка. Изд. 6. М., 1965, стр. 131.

[22] Срезневский III, стб. 1178.

[23] Гринченко IV, стр. 327.

[24] Даль² II, стр. 114.

[25] Преображенский I, стр. 311; Vasmer I, стр. 565.

[26] Преображенский I, стр. 311.

4. От *клад* 'сокровище' [27].

В «Словаре русского языка» [28] в поддержку варианта *клад* 'сокровище' сообщается: «По некоторым народным сказкам, *меч-кладенец* выкапывается богатырем из земли, где он хранится под заклятием, дается в руки не всякому и обладает некоторыми чудесными свойствами».

Мотивом этих преданий может быть следующее историческое свидетельство: «Кельтов озадачивала неустойчивость свойств производимой ими стали и, по словам Диодора, они зарывали ее на некоторое время в землю, а затем перековывали. Более мягкое железо ржавеет быстрее, чем сталь, и, таким образом, перековкой ржавчина удаляется, а оставшиеся сталистые части свариваются вместе. Таким образом они могли восполнить недостаточность мастерства плавки в их примитивных печах» [29].

Все эти данные дают возможность выразить следующий вариант этимологии: *кладенец* связан этимологически с распространенным в древнее время словом *уклад*, означавшим сталь, т. е. *меч с укладом*, *меч науклаженный*, *укладной*, *укладенный*, отсюда *кладенец*. Эти значения, безусловно, бытовали в русском языке так же, как «меч из булату», «меч булатный» и т. п.

Меч *clarenca* Бовы Королевича, предания о котором распространились по России после XVI в., дал, вероятно, повод для образования устойчивого сочетания *меч-кладенец*, а предания о чудесных мечах, выкапываемых богатырями, только усилили наметившуюся индивидуальность этого сочетания.

Таким образом, этимология от *уклад* 'сталь' становится более прозрачной.

В общем *уклад* с технической и прикладной точки зрения (в известной степени и юридической, так как абстрактное отношение налога к облагаемому населению в известной мере подобно отношению лезвия из стали к науклаживаемому инструменту) выражает процесс накладывания и нечто нанесенное на что-то, и в результате это что-то получает более высокую ценность, т. е. (конкретнее) материал сырьевой или в виде отдельных готовых изделий, который накладывается на определенный предмет, приобретающий вследствие этого повышенные характеристики, более высокую меновую стоимость.

Эта формулировка дает возможность высказать любопытные в этимологическом плане предположения. Но для полного представления необходимо привлечь некоторые исторические и технические сведения.

Русский уклад был хорошо известен не только внутри русского государства, но и далеко за его пределами уже с XVI в. В «Торго-

---

[27] Там же, I, стр. 311; «Словарь русского языка, составленный вторым отделением имп. АН», т. IV, вып. III. СПб., 1909, стр. 918.

[28] «Словарь русского языка. . .», т. IV, вып. III, стр. 918.

[29] R. J. Forbes. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950, стр. 412.

вой книге» упоминается уклад новгородский, уклад тихвинский, уклад карельский [30]. Уже в 1557 г. в Лондоне проявляли интерес к русской стали, которой были в то время, вероятно, устюжский и тульский уклады [31]. «. . . продажа русского уклада и других металлических изделий «в Немцах», т. е. за границей, была обычным делом и в XVI—XVII вв.»[32] О распространении его в России говорят такие названия укладов, как новгородский, карельский, тихвинский, тульский, серпуховский, устюженский, уломский, юстозерский, семчезерский, шуезерский.

В старину из уклада вырабатывались военные доспехи: панцири, кольчуги, бердыши, мечи, палаши, шпаги, — и такие предметы, как пилы, топоры, косы, серпы, ножницы и ножи.

Известны следующие способы получения уклада:

1. Сыродутный процесс. Этим процессом обычно получают металл типа армко-железо (сыродутное сварочное железо), а при определенных термических режимах и уклад [33], «природную сталь» [34];

2. Науглероживание [35] сварочного железа в кузнечных горнах [36];

3. Из окалины. Этот способ сводился к тому, что сырую крицу многократно нагревали и охлаждали снегом и водой, каждый раз отделяя чешуйки окалины, пока вся крица не превращалась в окалину. Затем эта окалина подвергалась новой плавке для восстановления с углем и отковывалась в бруски уклада [37];

4. Кричный передел. С появлением доменного процесса (в России первая домна была построена в 1637 г.[38]) получение железа проходило по схеме чугун—уклад—сталь—железо. Промежуточный продукт между сталью и чугуном назвали укладом. Таким образом, *уклад*, всегда означавший сталь, приобрел новое значение — 'сырая сталь', 'сталь-сырец';

5. Вероятны еще два способа:

а) наклеп (нагартовка). Сварочное железо подвергалось ин-

---

[30] «Торговая книга», стр. 139.

[31] И. Гамеля. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865, стр. 38, 90. — «Записки имп. Академии Наук», т. 8, кн. 1. СПб., 1865.

[32] С. Г. Струмилин, Указ. соч., стр. 14.

[33] Гр. Спасский. Указ. соч., ч. II, стр. 260.

[34] R. J. Forbes. Указ. соч., стр. 409.

[35] Этот процесс породил термин *томлянка* (*сталь-томлянка*), по-видимому, в XVIII в., когда слово *сталь* было хорошо знакомо, ибо *томлянка* — женского рода (ср. *булат*, *уклад*, *свинец*, *чугун*, *крушец* — мужского рода) от *сталь* женского рода, хотя до этого бытовал термин *томленое железо*.

[36] R. J. Forbes. Указ. соч., стр. 411.

[37] А. Фуллон. Указ. соч., стр. 6—8; А. П. Василевский. Очерк по истории металлургии Олонецкого края в XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1949, стр. 38, 39.

[38] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 103.

тенсивной механической обработке и приобретало повышенную твердость [39];

б) комбинированная горячая механическая и термическая обработка сварочного железа [40].

Для определения этимологии *уклада* 'сталь' определенное значение имеют сыродутный процесс, науглероживание, окалинный способ, наклеп, комбинированная термомеханическая обработка, т. е. более древние способы получения стали, а кричный передел, возникший в России в XVII в., только увеличил диапазон значений *уклада*, который выделывался и использовался уже веками.

Ниже приводится примерная технология наварки топора, изготовленного из сварочного железа.

Сработавшееся в процессе использования лезвие топора уплотняется молотом на наковальне, затем оно (лезвие) ершится с обеих сторон зубилом, пластинка уклада толщиной около 5—10 мм рассекается зубилом посередине, обе стороны разруба ершатся, лезвие топора вставляется в разруб стальной полосы, нагревается в горне, в раскаленном состоянии обжимается ударами молотка, и сталь соединяется с железом; наваренной полосе придается форма лезвия, производится закалка в воде [41]. «Наваривать железо *укладом*, или *укладить* железные орудия, как-то: топоры, долоты, ножи и прочее, значит, что жало делано из стали или старой косы, а обух железный» [42].

Подобным же образом наваривались ножи, ножницы, мечи и т. п. Древняя наварка мало чем отличалась от вышеупомянутой, может быть, — большей примитивностью.

Судя по вышеприведенным значениям, уклад, как процесс, имел свои разновидности:

1. Уклад полоской стали, т. е. наваривание на основную (нерабочую) часть инструмента, изготовленную из сыродутного железа для образования рабочей. Этот вид уклада-процесса широко представлен в современных европейских языках и их письменных памятниках, ср. англ. *steel*, нем. *stählen*, франц. *aciérer*, чеш. *ocelovati* 'сталить', т. е. науклаживать;

2. Уклад полоской железа предмета, изготовленного из дерева, т. е. материала, который по своим механическим свойствам хуже, чем железо.

Основываясь на абстракции (см. выше) о том, что уклад есть материал, накладываемый на определенный предмет с целью по-

---

[39] Д. М. Кемп и К. Б. Френсис. Производство и обработка стали, ч. I. Изд. 5. Пер. с анг. под ред. И. П. Бардина. М., 1945, стр. 450; ср.: Б. Л. Богаевский. История техники, т. I, ч. 1. М., 1936, стр. 497.

[40] E. Salin. Sur les techniques de la métallurgie du fer de la préhistoire au temps des grandes invasions. — «Revue de métallurgie», № 3, 1952, стр. 168.

[41] Записано в июле 1964 г. с уст В. В. Малого, 50 лет, г. Кадников Сокольского р-на Вологодской обл.

[42] В. Бурнашев. Указ. соч., стр. 304.

вышения его долговечности, а следовательно, и его меновой стоимости, на рассмотренных выше примерах письменных памятников и живой речи делаем вывод, что термин *уклад* безразличен к тому, чем и что укладывается; следовательно, уклад-материал — это не только сталь, но и железо, бронза, медь, кремень, твердое дерево, а укладываемый предмет — не только из железа, но также из дерева, кости или подобных материалов.

Это предположение находит свои подтверждения среди памятников материальной культуры. В Череповецком краеведческом музее имеются заступ (лопата) и соха многолемешная, относящиеся к IX—XI вв. Они интересны тем, что они деревянные, но их рабочая часть (у лопаты — лезвие, а у сохи — концы всех пяти лемехов) сделана из железа. Рабочая часть, выкованная из железа (у лопаты ⊍-образной, а у лемехов сохи ⁊-образной формы), есть не что иное, как уклад, но из железа.

Следовательно, копье (стержень из железа с бронзовым наконечником) — *укладное* копье, бронзой *укладено*, с *укладом* из бронзы [43], мотыга [44], кирка [45] с бронзовыми наконечниками — *укладные*, с бронзовым *укладом*, деревянный серп с лезвием из мелких острых кремневых вкладышей [46] — *укладной* серп, *укладенный* кремнем (!); ср. и *укладной* гарпун (с наконечником из кости) [47], а первыми *укладами* 'сталями' были каменные наконечники на древках метательных орудий (!?).

ВЫВОДЫ

I. По письменным памятникам, слово *уклад* выражало:

1. Материал (сталь, сталь-сырец, железо), которым укладывалась рабочая часть орудий производства;

2. Процесс укладывания;

3. Заготовку материала, которой укладывался определенный предмет;

4. Основание, фундамент, база;

5. Дань, налог;

6. Украшение, орнамент.

II. В живых говорах уклад — материал, накладываемый на определенный предмет, вследствие чего последний приобретает повышенные характеристики, более высокую меновую стоимость, и процесс накладывания.

III. *Уклад* 'сталь' (и 'железо') изготовлялся многими способами и находил широкое применение и распространение также за пределами русского государства.

---

43 Б. Л. Богаевский. Указ. соч., стр. 499.
44 Там же, стр. 409, 411.
45 Там же, стр. 378, 381.
46 Там же, стр. 339, 342.
47 Там же, стр. 173, 174.

IV. Предполагается, что укладом могли быть не только сталь и железо, но и бронза, медь, кремень, кость, а укладываемые предметы могли быть изготовлены не только из железа, но и из других материалов. Эта деталь приобретает огромное значение при исследовании письменных памятников.

V. Этимология *уклада* поможет выяснить ряд других этимологий в других языках [48].

---

[48] Автор использует это исследование для установления этимологии термина ʻстальʼ в германских и романских языках.

В. Я. Дерягин

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС В ГОВОРАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры русского Севера предоставляют возможность документально проследить, причем с большой степенью точности, развитие во времени и распространение по территории значительного числа конкретных языковых явлений в лексике. По отношению к севернорусской языковой области можно ставить вопрос об изучении отдельных групп говоров и воссоздании в самом общем виде истории лингвистического ландшафта этой обширной территории.

Необходимой предпосылкой такого рода исследований, кроме данных широкого лингвогеографического обследования современных говоров, является наличие точно локализованных и датированных памятников письменности, относящихся к разному времени и к различным районам рассматриваемой территории. При анализе лексики обязательно единообразие памятников по содержанию. В этом отношении удобно использовать памятники деловой письменности. Хотя круг лексики в деловых документах ограничен словами с предметными значениями, словами, входящими в небольшое число «тематических групп», но этот недостаток становится достоинством при сравнительной работе с текстами. Написанные монахами в провинциальных обителях, дьячками местных церквей, посадскими людьми и крестьянами, памятники деловой письменности в значительной мере отражают живую речь местного населения. Поэтому использование их в трудах по истории русских диалектов имеет давнюю традицию.

Основной методический прием историко-диалектологического исследования — последовательное сопоставление разновременных фактов с возможно более точной локализацией их в языковом пространстве. Движение новообразований по территории, языковое смешение [1] представляется тогда следствием контактов конкретных языковых коллективов, занимающих в тот или иной момент времени определенное языковое пространство. Мысль об органической связи в исторической диалектологии географиче-

---

[1] Под языковым смешением я понимаю не только смешение разных языков, но и смешение диалектов одного языка. См.: Hugo Schuchardt. Sprachverwandtschaft. — «Sitzungsber. der Preuss. Akad. d. Wiss.», Bd XXXVII. Berlin, 1917, стр. 522.

ского и исторического методов исследования была высказана А. А. Шахматовым: «Диалектология изучает взаимные отношения сложившихся в пределах того или иного языка говоров, характеризует особенности этих говоров, анализирует их, если это возможно, с точки зрения их диалектного же происхождения. Таким образом, в изучение диалектологии необходимо вводится историко-сравнительный элемент» [2].

Лингвогеографическое обследование лексики современных говоров Архангельской области [3] показало, что многие слова имеют ограниченное распространение в пределах рассматриваемой территории, по целому ряду явлений одни районы области отчетливо противопоставляются другим районам (см. карты). При всем своеобразии в конфигурации отдельных лексических изоглосс (собственно словарных, а также полученных в результате картографирования лексикализованных фонетических и морфологических явлений [4]) выделяется некоторое количество пучков изоглосс, отграничивающих довольно четкие изоглоссные зоны. Так, на многих картах бассейн Онеги противопоставляется всей остальной территории, на части карт окраинные районы области (запад и восток: бассейны Онеги, Пинеги, Мезени, Кулоя) противопоставляются центру (бассейны Двины и Ваги). Имеются и другие противопоставления.

Современный языковой ландшафт северной России является продуктом целого ряда эпох от начала заселения этих мест русскими (XI—XII вв.) до наших дней; поэтому часть представленных здесь языковых границ отражают, по-видимому, глубину проникновения первоначальных и позднейших колонизационных потоков (новгородская колонизация и ростово-суздальская), часть изоглосс представляют собою следствие «языковой иррадиации», сопровождающей внешние культурные влияния [5], особо выделяются изоглоссы местных новообразований и архаизмов, сохранившихся на ограниченной части территории. При рассмотрении истории указанных типов изоглосс следует также учитывать

---

[2] А. А. Шахматов. Историческая диалектология русского языка. (Рукопись.) Цит. по: Б. А. Ларин. Историческая диалектология в курсе акад. Шахматова и наши современные задачи. — «Очерки истории языка». Уч. зап. ЛГУ, № 267. Серия филол. наук, вып. 52. Л., 1960, стр. 13.

[3] Использована картотека Архангельского областного словаря кафедр русского языка МГУ и Архангельского педагогического института.

[4] О классификации диалектных различий в лексике см.: Л. П. Жуковская. Типы лексических различий в диалектах русского языка. — ВЯ 1957, № 3.

[5] А. Бах указывал, что «при истолковании географического распространения языковых форм в большинстве случаев приходится исходить отнюдь не из миграции носителей этих форм, хотя и этот факт приходится иногда учитывать. . . Во всяком случае наряду с миграцией носителей культуры существует миграция культурных ценностей» («Немецкая диалектография». М., 1955, стр. 141).

возможность действия процессов «вытеснения форм», следствием чего является сужение первоначальных ареалов [6].

Для исторической интерпретации данных современных лингвистических карт важно определить возраст хотя бы некоторого количества изоглосс из того или иного пучка, а также возраст отдельных изоглосс, не входящих в пучки. Это откроет путь к объяснению причин возникновения важнейших языковых границ, языковых и культурных связей населения в прошлом. Введение материалов из локализованных памятников письменности дает возможность не только проследить внутреннюю историю различных явлений в лексике (семантическое развитие, появление новых и выход из употребления старых слов), но и восстановить территориальное распространение в прошлом значительного числа фактов. В этой работе я использую памятники деловой письменности, распределяющиеся количественно по времени и по территории следующим образом [7]:

	Вага	Устье Двины	Пинега и Мезень	Западное Поморье, Соловки	Онега (Каргополь)
XV в.	—	135	—	—	—
XVI в.	27	393	5	48	12
XVII в.	434	351	37	28	96

Последовательное хронологическое и территориальное расчленение всей совокупности текстов делает исторические материалы сопоставимыми с данными современных говоров. Следует оговориться при этом, что сам факт фиксации, а тем более отсутствие слова в той или иной территориальной группе памятников еще не

[6] Курт Вагнер. Немецкие языковые ландшафты. — Там же, стр. 67—68.

[7] Из опубликованных документов для сплошной выборки привлечены: А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. II. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903; И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в.— «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5. СПб., 1909; Акты Холмогорской епархии. — РИБ, т. 12. СПб., 1890 и т. 14. СПб., 1894; Акты Лодомской церкви. — РИБ, т. 25, приложения. СПб., 1908; из неопубликованных: документы Государственного архива Архангельской области (ГААО) — фонды Михайло-Архангельского, Николо-Корельского, Сийского, Богословского Важского, Черногорского Пинежского, Каргопольского монастырей, Канцелярии Владычего наместника Новгородской архиепископии; документы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) — фонд Соловецкого монастыря.

говорит о том, употреблялось оно в соответствующих говорах или нет: некоторые писцы могли быть не местными, могло сказываться также влияние традиции, центра и т. п. Кроме того, слово может не встретиться в текстах из-за отсутствия ситуации для его употребления, наконец, просто случайно. Поэтому показания письменных памятников могут быть использованы лишь для подтверждения, для проверки данных, полученных при изучении современных говоров [8].

Однако часто показания письменных памятников приобретают большую доказательную силу. В особенности это относится к случаям совпадения территории распространения лексического явления в прошлом и в современных говорах. Простой тому пример — сравнение карты (рис. 1) со следующей таблицей, показывающей количество документов XVII в., в которых зафиксированы названия кочерги [9]:

	Вага	Двина и Поморье	Онега (Каргополь)
крюк	—	3	3
полукрючье	—	1	3
клюка	4	—	—

Во всех примерах — «*крюк* печной», «*полукрючье* печное» [10]; эти термины, как и слово *клюка* [11], отмечены в отводных грамотах, переписных книгах, росписях кузнечных работ.

По данным картотеки ДРС, слово *крюк* в значении 'кочерга' встречается также в двинских и онежских документах XVI—XVII вв.[12], в актах Свирского монастыря (1658 и 1674 гг., рукописи); слово *клюка* в том же значении — в ярославских писцовых

[8] В. В. Виноградов подчеркивал необходимость основывать методику историко-диалектологического исследования на анализе данных живых говоров («Исследования в области фонетики севернорусского наречия». — ИОРЯС XXIV, 1, 1922, стр. 155—156).

[9] Здесь и далее указывается не количество фиксаций, а число документов, т. е. практически число писцов, употреблявших указанные формы.

[10] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 17, л. 5, 7 (1651 г.); ф. 792, оп. 1, № 52 (1622 г.), 168 (1630 г.), 243-1 (1687 г.); РИБ, т. 14, стб. 480 (1690 г.); т. 25, приложения, стб. 217 (1644 г.).

[11] ГААО, ф. 829, оп. 1, № 743 (1661 г.), 886 (1680 г.), 1101-а (1680 г.); РИБ, т. 14, стб. 714 (1631 г.).

[12] «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I. Пг., 1922, стб. 284 (1586 г.); приходо-расходная книга Онежского монастыря (устье р. Онеги) за 1661 г.

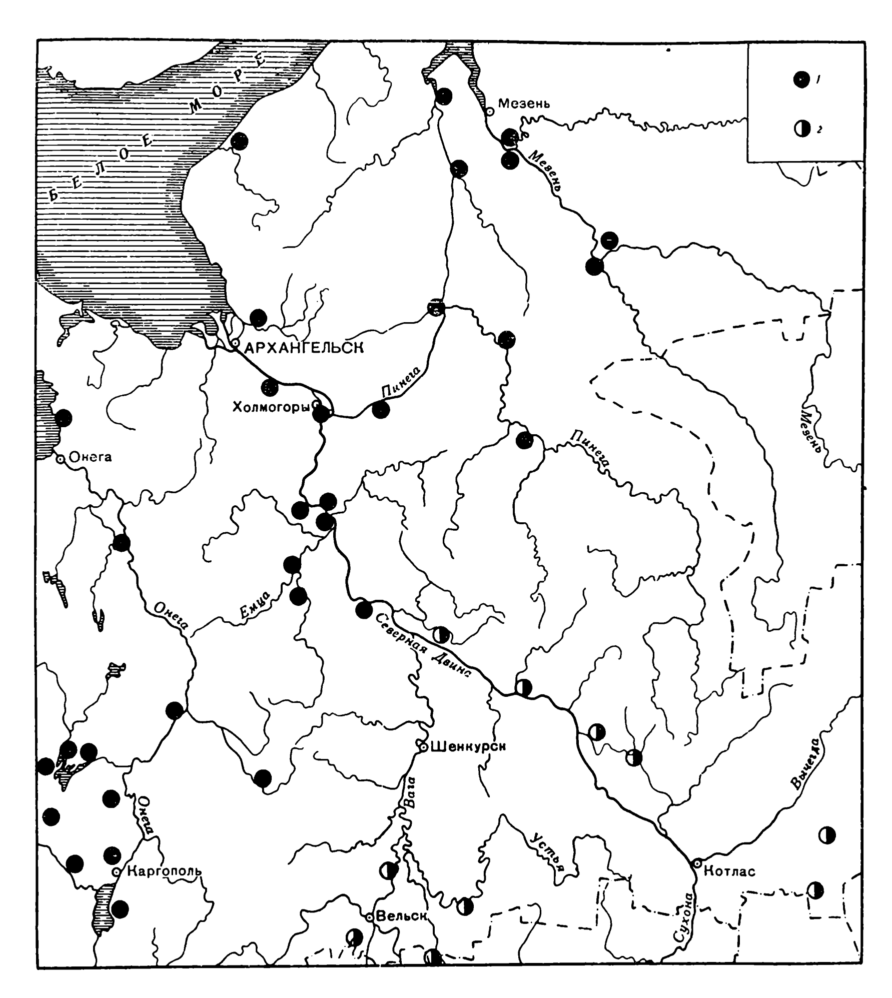

Рис. 1. Диалектные названия кочерги

1 — крюк; 2 — клюка

книгах XVII в.[13], в расходной книге г. Хлынова Ивана Репина за 1678—1680 гг.[14], в таможенной книге г. Сольвычегодска за 1677 г.[15], в документе из г. Клина [16].

---

[13] «Труды Ярославской ученой арх. комиссии», кн. VI, вып. 3—4. Ярославль, 1913, стр. 192.

[14] «Труды Вятской ученой арх. комиссии за 1905 г.» Вятка, 1906, стр. 48.

[15] «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. III. М.—Л., 1951, стр. 420.

[16] «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. III. СПб., 1884, стр. 187 (1667—1668 гг.).

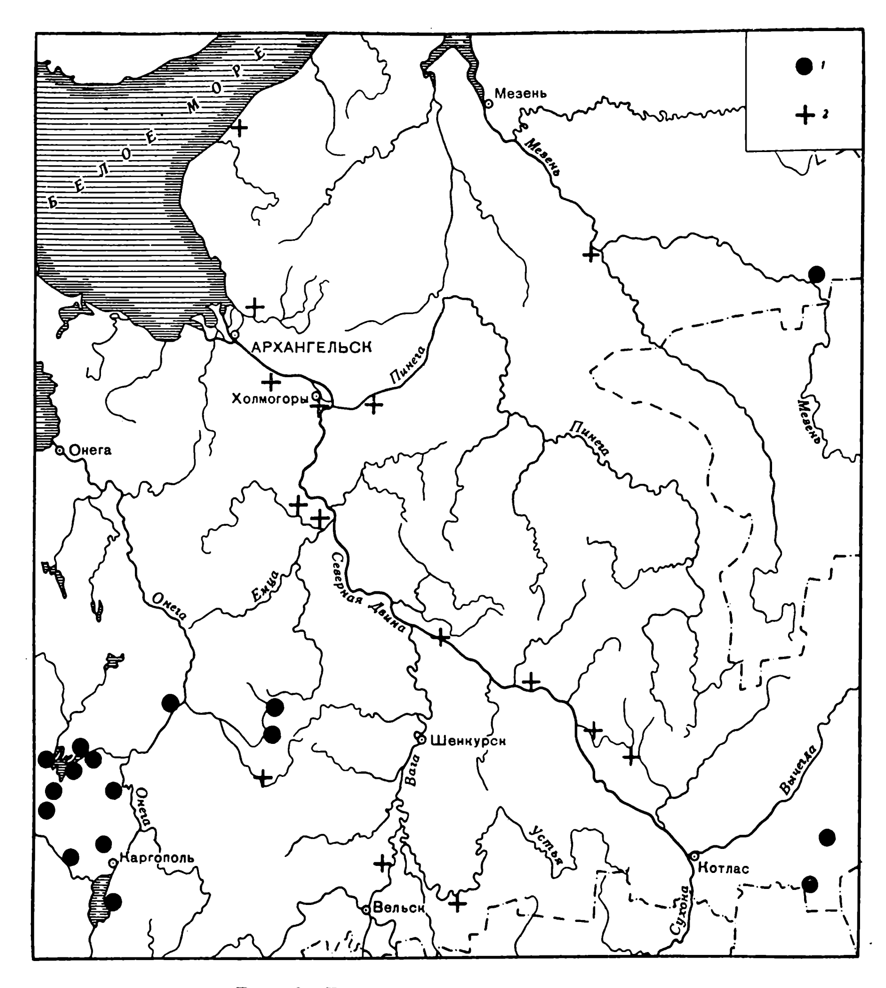

Рис. 2. Распространение слова *малёг*

1 — *малёг* 'низкорослый нестроевой лес'; *2* — слово отсутствует

По словарям и записям XIX—начала XX в. *крюк* в значении 'кочерга' отмечен в тверских и новгородских говорах (Лодейнопольский округ, Белозерский, Повенецкий, Тихвинский, Валдайский, Вышневолоцкий уезды), в Кемском у., в Оятском р-не Калининской обл. [17]; к слову *клюка* 'кочерга' В. Даль дает помету «вост.» [18] Таким образом, четкое пространственное противопоставление прослеживается и при выходе за пределы рассматриваемой территории.

---

[17] Картотека Словарного сектора ИРЯ АН СССР.
[18] Даль II, стр. 122; Мельниченко, стр. 88.

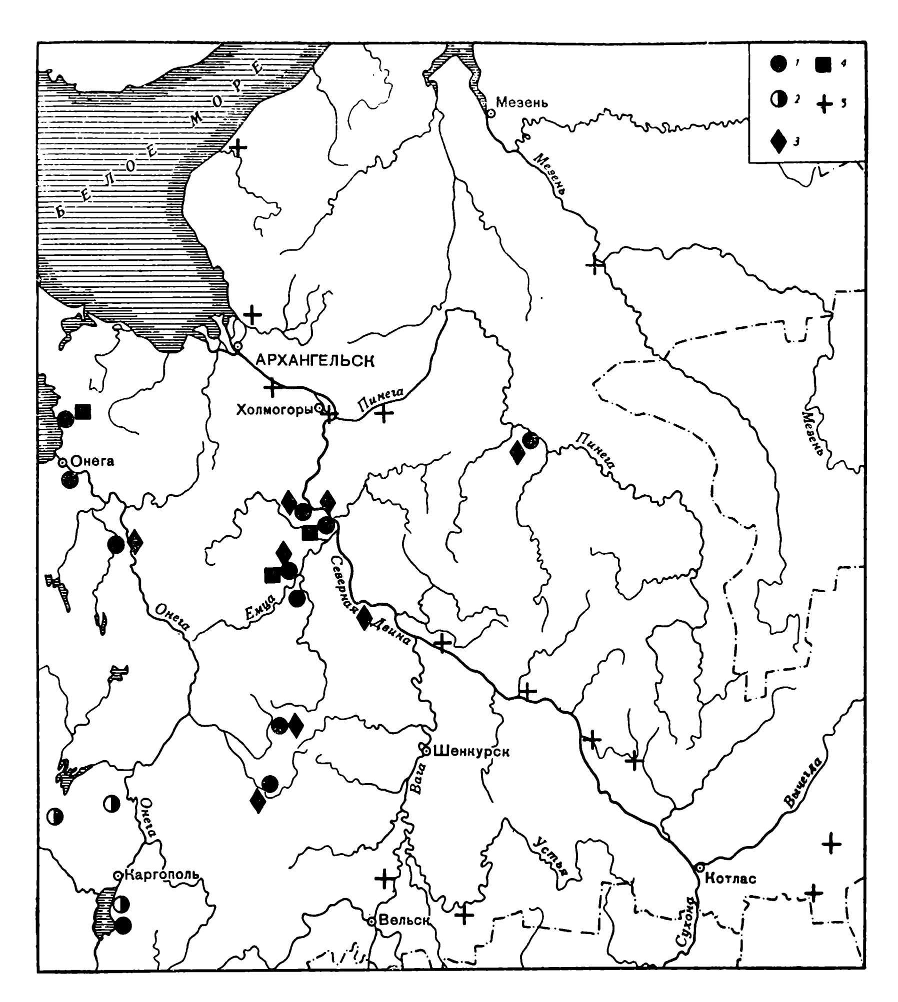

Рис. 3. Распространение слова *кодол* и производных

1 — *кодол* 'веревка, привязь'; 2 — *кодол* 'прикрепляемая к колодезному журавлю жердь, на которой подвешено ведро'; 3 — *кодолить* 'привязывать, держать на привязи животное'; 4 — *кодолище* 'место, где пасется привязанное животное'; 5 — слова отсутствуют

Далее, целый ряд слов, встретившихся только в каргопольских документах XVI—XVII вв., имеет ограниченную территорию распространения и в современных говорах, например:

малег [совр. *малёг*] 'низкорослый нестроевой лес'. Отмечено в грамотах 1668 и 1676 гг.[19]; см. рис. 2; из известных словарей в Дополнении к Опыту дано с пометой «каргоп.» [20]; встречается у А. П. Чапыгина [21] (родом из быв. Каргопольского у.);

[19] ГААО, ф. 792, оп. 1, № 162, 201-2.

[20] Дополнение к Опыту, стр. 109.

[21] А. Чапыгин. Собрание сочинений, т. 3. М.—Л., 1928, стр. 336.

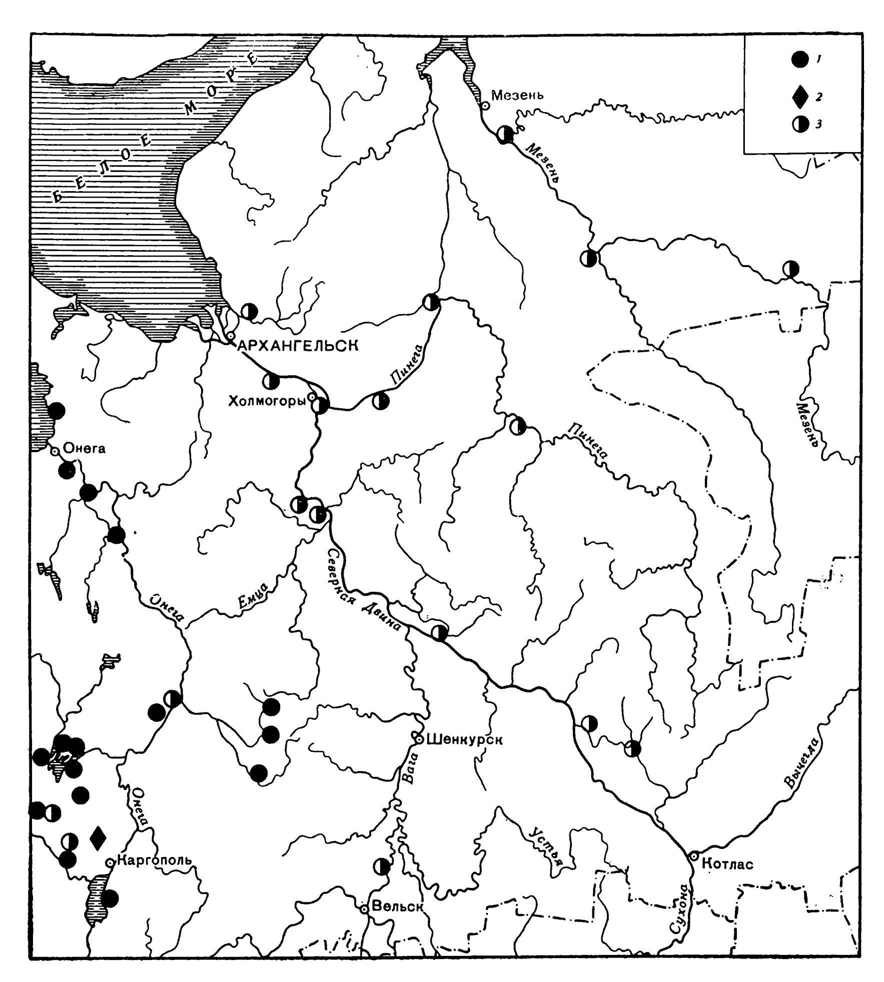

Рис. 4. Названия угла в передней части русской печи, за устьем, для сгребания углей

1 — жараток; 2 — жаратник; 3 — загнета

кодол [*кодбл*] 'веревка, канат; привязь'. «Кодол чем плоты приимают» (Отводная 1622 г.) [22]. На рис. 3 показано распространение слова *кодбл* (в двух значениях) и производных (*кодблить*, *кодблище*) в современных говорах. По картотеке ДРС, слово *кодол* встречается также в документах Онежского монастыря XVI—XVII вв., в некоторых олонецких памятниках XVII в.; глагол *кодолить* — в «книге мирского старосты» за 1704 г. (архив Онежского монастыря): «веревка пенковая новая на чем почтовых

[22] ГААО, ф. 792, оп. 1, № 52; то же, № 168 (Опись имущества, ок. 1630 г.).

лошадей кодолить». В значении 'якорный канат' слово *кодо́л* известно в ильменских говорах [23], в псковских (Великолукский р-н) — 'веревка, за которую тянут невод', то же в Торопецком р-не Калининской обл.[24];

жараток, *жаратник* [*жара́ток*, *жара́тник*]. Встречающиеся в каргопольских документах XVII в., эти слова и в современных говорах распространены на западе области, составляя противопоставленное диалектное различие со словом *загне́та* (см. рис. 4) — последнее в памятниках не отмечено. Слова *жара́ток*, *жара́тник* и *загне́та* имеют значение 'угол в передней части русской печи, за устьем, куда сгребают угли после сгорания дров': «У́гольё выгреба́ли в *жара́ток*» (Волосово Приозерного р-на); «*Жара́тник*, туда́ у́гольё гра́бим» (Хотеново Каргопольского р-на); «Ту́т и бу́дет *загне́та*, в у́сье» (Прилуки Холмогорского района). В XVII в. словами *жараток*, *жаратник* обозначалась часть отапливаемой по-черному печи, где разводили огонь, или сами горящие угли, жар (?), именно здесь на цепи подвешивали посуду (?): «две цепочки железные над *жаратком* да у рукомоиника» [25]; «две чипи одна надъ *жаратником* другая у рукомоики» [26]. Ср. в документе из архива Онежского монастыря: «В келарскои. . . 7 окончин все ветхи да крюк над *жаратком* варчеи» (1669 г.) [27]. Отмечено также в «Книге зовомой земледетельная. . .» (переведена в Новгороде в 1705 г., рукопись) [28]. По-видимому, мы имеем дело с изменением значения, связанным с развитием самой реалии (русской печи в ее современном виде). Отмеченное на карте территориальное противопоставление в том виде, в каком мы наблюдаем в современных говорах (*жара́ток*, *жара́тник* — *загне́та*, в указанном значении), возникает поздно, но весьма вероятно существование самой изоглоссы по крайней мере в XVII в.

Слово *жара́ток* в указанном для архангельских говоров значении известно также в новгородских, вологодских, олонецких, тверских говорах [29], отмечено в словаре 1847 г.[30] и в более поздних словарях.

Анализ данных памятников более раннего периода, даже при отсутствии документов, написанных во всех центрах письменности,

---

[23] В. И. Чагищева. Говоры восточного побережья озера Ильмень. Канд. дисс. (Рукопись.) Л., 1949, стр. 335.

[24] Картотека Псковского областного словаря Словарного кабинета ЛГУ.

[25] ГААО, ф. 792, оп. 1, № 243-2 (Отводная 1686 г.).

[26] Там же, № 243-1 (Отводная 1687 г.).

[27] Картотека ДРС.

[28] Там же.

[29] Картотека Словарного сектора ИРЯ АН СССР.

[30] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. I. СПб., 1847, стр. 399.

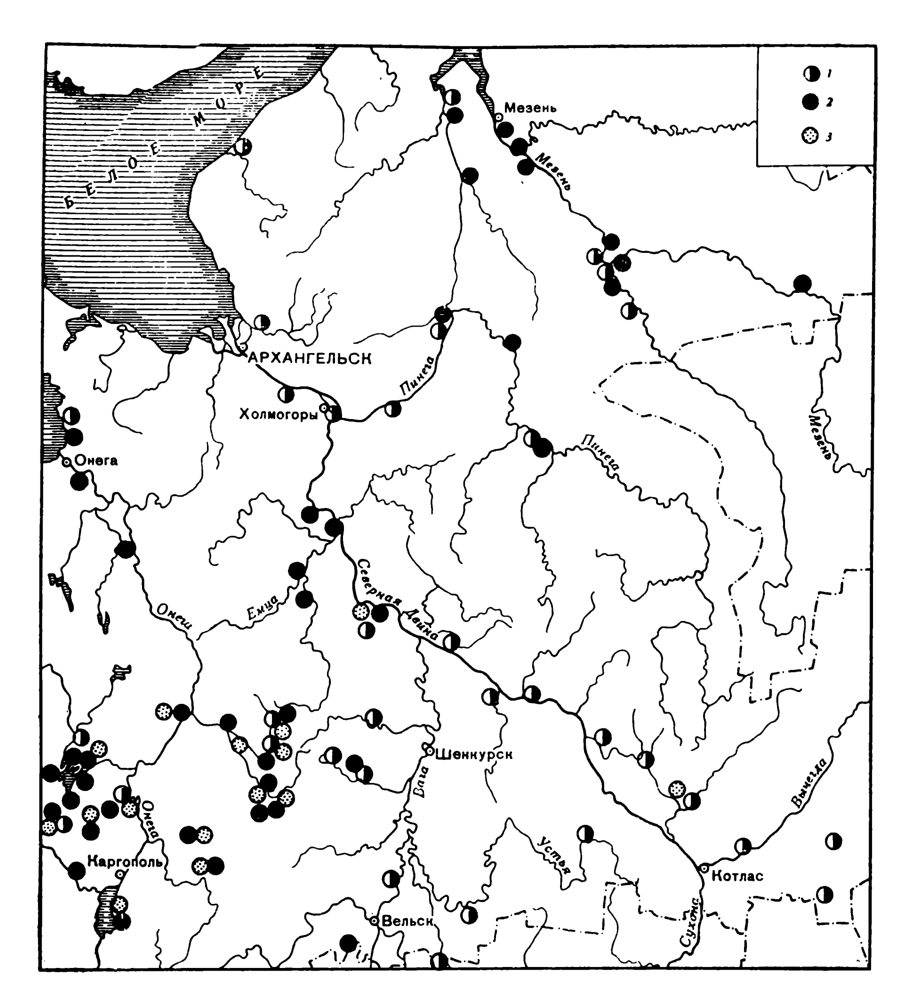

Рис. 5. Названия изгороди из жердей

1 — огород; *2 — огорода*; *3 — огородь*

позволяет проецировать некоторые современные изоглоссы на говоры XV в. Показательно в этом отношении сравнение карты (рис. 5), на которой довольно отчетливо противопоставляются двинские и важские говоры (*огорóд*) онежским, пинежским и мезенским (*огорóда*, на западе еще *огорóдь*), с показаниями письменных памятников. Число документов, в которых зафиксированы термины *огород* и *огорода*, указано в таблице (примеры, в которых по форме нельзя определить род — местный п. ед. числа, именительный п. мн. числа, — не учтены):

	Вага	Двина и Поморье			Пинега и Мезень	Онега (Каргополь)	
	XVII в.	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVII в.	XVI в.	XVII в.
огород	9	7	11	8	—	—	1
огорода	—	—	1	—	2	1	3

Отчетливо прослеживаемое на протяжении XVI—XVII вв. территориальное противопоставление по формам *огород — огорода* и фиксация в двинских грамотах XV в. именно формы *огород* [31] позволяют предположить наличие данной изоглоссы уже для XV в.

Из слов, которым посвящена карта 6, термин *закол* встретился лишь в приходо-расходной книге Соловецкого монастыря за 1641 г.[32] По памятникам XVI—XVII вв. (Картотека ДРС) известны *заколы* на речках Аржеме [33] и Курженице [34] (низовья Двины), Шидровской речке [35] (Онежский полуостров), на Выге [36] (Карелия), «*заколы* для ряпухи» под Невским монастырем [37]. Распространено это слово в новгородских, олонецких, псковских, тверских говорах [38]; В. Даль приводит его без помет [39].

Термин *забор*, имеющий в современных говорах четкую изоглоссу, зарегистрирован в документах, написанных в устье Двины (XVI в.) [40] и в западной части Поморья (соловецкие рукописи XVII в.) [41]. Здесь же *заборщик* 'рыбак, наблюдающий за

[31] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. II. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, № 21, 22, 23, 30, 72; И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5, № 124, 132.

[32] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 41, л. 77 об.

[33] «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II. СПб., 1864, стр. 252.

[34] «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. III. СПб., 1841, стр. 247—248.

[35] Архив Строева, т. I. — РИБ, т. 32. Пг., 1915, стр. 482.

[36] Там же, стр. 540.

[37] С. А. Порошин. Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престолу Российского. Изд. 2. СПб., 1881, стр. 388 (XVIII в.).

[38] Картотеки Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Псковского областного словаря ЛГУ; В. И. Чагишева. Указ. соч., стр. 332.

[39] Даль I, стр. 605.

[40] ГААО, ф. 191, оп. 3, № 2 (1539 г.); ф. 1408, оп. 1, № 1 (1510 г.), 11 (1570 г.).

[41] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 15, л. 82, 117 (1616—1617 гг.); № 32, л. 4 (1635 г.); № 41, л. 58, 66 об., 77 об. (1639—1641 гг.); № 45, л. 22 об., 23 об. (1644 г.); оп. 4, № 7 (1615—1618 гг.).

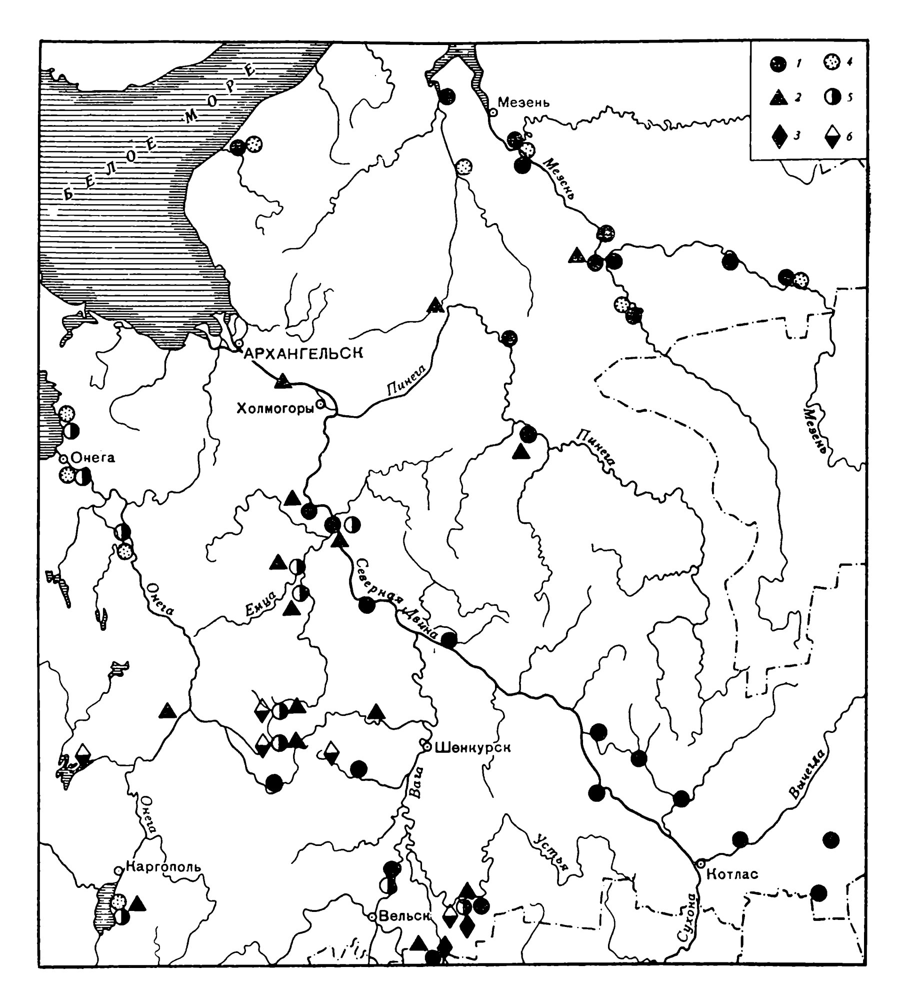

Рис. 6. Названия перегородки из кольев и прутьев в реке или ручье для установки ловушек

1 — ез; 2 — заезок; 3 — заез; 4 — забор; 5 — закол; 6 — заколок

ловушками в заборе' [42], прилагательное *заборный*: «послан старец Варсоноѳеи Рогуев в Кереть на *забор* на рыбную ловлю. дано ему денег на росход длѧ заборног дѣла 4 рубли» [43]. В примерах картотеки ДРС из рукописей XVI—XVII вв. упоминаются *заборы* на реках Кеми, Коле, Нюхче, Варзуге и других реках Беломорского бассейна (Кольский и Двинской уезды), Мсте (приходная книга Иверского монастыря за 1663 г.), в купчей

[42] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 4, № 7.
[43] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 15, л. 83.

1578 г. Кирилло-Белозерского монастыря [44]. В приходо-расходной книге Тихвинского монастыря за 1590—1592 гг. *забор* — 'мельничная плотина': «Дано наиму на день 20 члвком на мелницы в забор камен валили дано 2 алтна 3 московки» [45]. В значении 'мельничная плотина' это слово отмечено в современных шенкурских говорах (дер. Верхопаденьга) [46].

Слово *ез* и производные от него (*езище*, *езовище*, *езовая ловля*) употребляются в двинских грамотах XV—XVI вв.[47], довольно часто встречаются они и в важских грамотах XVI—XVII вв.[48] Таким образом, и по отношению к этой группе слов также допустимо предположение о существовании уже в XV в. определенных территориальных противопоставлений в пределах рассматриваемой территории. И в то время как термины *забор*, *закол* распространены в северо-западных говорах (XVI—XX вв.), слово *ез* (а также *заез*, *заезок*) связывает двинские и важские говоры уже с XV в. с говорами северо-востока Руси. В документах XV—XVII вв. упоминаются *езы* на Волге [49], Оке [50], Каме [51], Суре [52], Сухоне [53], Уге (Юге) [54], Шексне [55] и многих других реках севера и центра России, Сибири (до Туры и Анадыря). Из новгородских и псковских памятников слово *ез* употребляется в IV Новгородской летописи и в писцовых книгах XVI в.[56], в московских документах этот термин встречается с XV в. очень часто [57]. Словари и записи

---

[44] Архив Строева, т. 1. — РИБ, т. 32. Пг., 1915, стр. 552.

[45] Картотека ДРС.

[46] Картотека Архангельского областного словаря.

[47] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. II. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, № 19, 20, 56; И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5, № 121; ГААО, ф. 191, оп. 3, № 14 (1589 г.); РИБ, т. 14, стб. 45 (1550 г.).

[48] ГААО, ф. 829, оп. 1, № 1 (1545 г.), 955 (1602 г.), 730 (1618 г.), 848 (1653 г.), 1155 (1688 г.); РИБ, т. 14, стб. 752 (1648 г.).

[49] «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук», т. III. СПб., 1836, стр. 141.

[50] Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, стр. 163 (1529 г.).

[51] «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Дополнения», т. XI. СПб., 1869, стр. 101 (1629—1639 гг.).

[52] «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», ч. I. М., 1951, стр. 205 сл. (XV в.).

[53] «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II, стр. 570 (1643 г.).

[54] Там же, стр. 447 (XV—XVI вв.).

[55] Многочисленные памятники Кирилло-Белозерского монастыря (по картотеке ДРС).

[56] «Полное собрание русских летописей». Изд. 2, т. IV, вып. 1. Пг., 1915, стр. 495; «Материалы по истории народов СССР», вып. 1. Л., 1930, стр. 165; «Сборник архива Министерства юстиции», т. 5. М., 1913, стр. 103.

[57] Приходо-расходные книги московских приказов. — РИБ, т. 28, стр. 130; Уложение Алексея Михайловича 1649 г. и другие памятники; см. также: О. В. Горшкова. Язык московских грамот XIV—XV вв. (лексика и фразеология). Канд. дисс. (Рукопись). М., 1951, стр. 123, 140.

диалектного материала XIX—XX вв. показывают широкое распространение термина *ез* в средне- и севернорусских говорах (преимущественно восточной их части), а также и в южнорусских говорах. Показательно, что в богатой картотеке Псковского областного словаря ЛГУ имеются лишь единичные примеры на употребление слова *ез* на юге Псковской области (Невельский р-н). У В. Даля приведено с пометами «сев.» и «вост.»

Термин *заез* в памятниках не зафиксирован, *заезок* находим в важской грамоте 1631—1632 гг.[58]; ср. *заезки* на реках Сухоне [59] и Каме [60].

В тех случаях, когда происходит изменение в лексике в период, от которого имеется достаточное количество документов, удается датировать само это изменение и могущую здесь возникнуть изоглоссу. Пример довольно точно датируемой изоглоссы — противопоставление форм *ба́ня — ба́йна, ба́йня* (рис. 7). Слово *баня* в значении ‘специальная постройка для мытья’ употребляется в двинских и важских документах лишь с середины XVI в. Первая фиксация, по обследованным рукописям, — в купчей 1551 г.: «*баня* земная» [61]. До середины XVI в. в том же значении в двинских, поморских и пинежских документах употребляется слово *мыльня* (отмечены также формы *мыльна* и *мыльно*). Этот термин был широко распространен в XVI в., по крайней мере в северных районах рассматриваемой территории: имеется свыше 30 фиксаций из самых разнообразных по содержанию документов. Какое-то время слова *баня* и *мыльня* сосуществуют, соседствуя иногда в одном и том же тексте. Окончательно исчезает термин *мыльня* из документов, уступая место слову *баня*, к концу XVI в. Последний случай употребления в рассмотренных документах относится к 1586 г.[62], в современных говорах слово *мыльня* не отмечено.

Форма *баня* для второй половины XVI и для XVII в. зафиксирована в громадном количестве текстов, относящихся ко всем территориальным группам, а форма *байна* — только в каргопольской купчей 1615 г.: «. . .и з *баинои* что на улици стоит на пригоре» [63]. Здесь выносные *и* на месте *i̯*, т. е. фонетически [*bai̯noi̯*]. По данным картотеки ДРС, форма *байна* отмечена в документах Онежского монастыря за 1670 и 1698 гг. Слова *байна* и *байня* встречаются также в Олонецких актах (1663 г.), актах Свирского монастыря (1651 г.), в ряде новгородских и белозерских памят-

---

[58] «Сборник грамот Коллегии экономии», т. II. Л., 1929, стр. 722.

[59] «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II, стр. 570 (1643 г.).

[60] «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Дополнения», т. II. СПб., 1846, стр. 101 (1629—1639 гг.).

[61] ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 19—62.

[62] ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 47—100.

[63] ГААО, ф. 792, оп. 1, № 30.

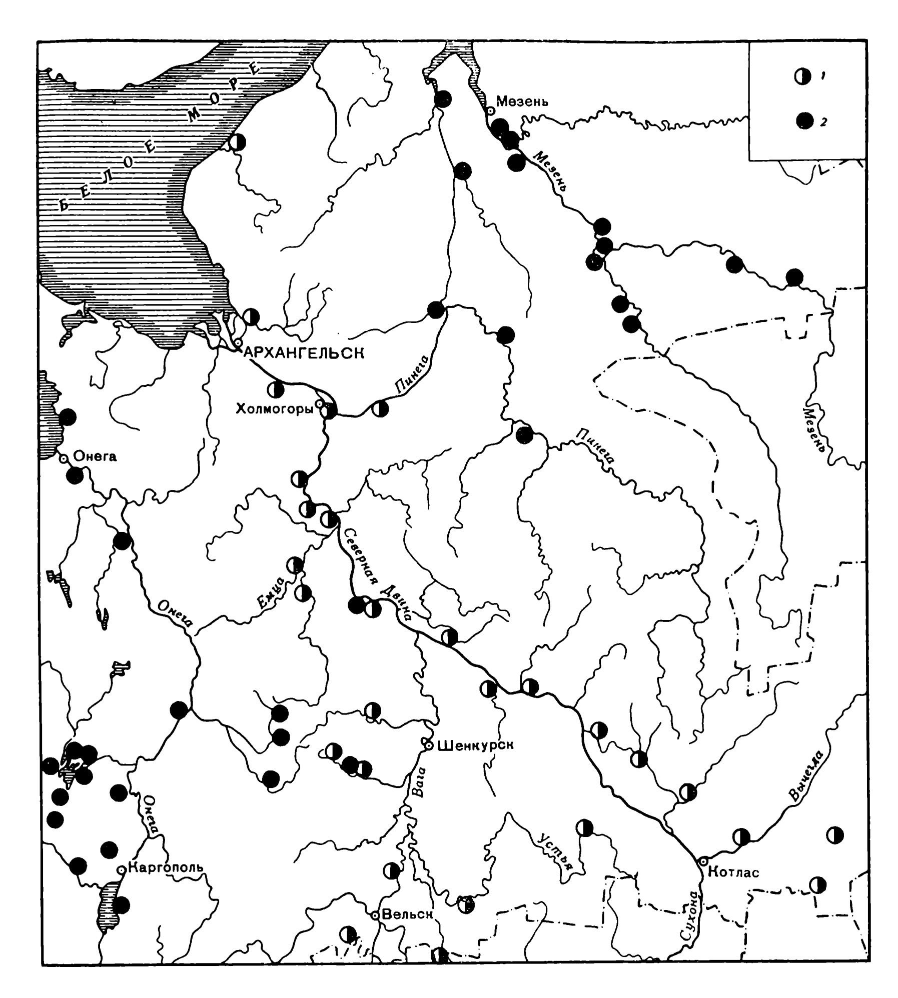

Рис. 7. Произношение слова *баня*

1 — баня; 2 — байна, байня

ников XVII в.[64] В XIX—XX вв. они распространены в северо-западных областях России: в псковских, новгородских, олонецких говорах, отмечены в русских говорах Карелии, Кольского п-ова, Ленинградской обл.[65] Из районов, примыкающих к рассматриваемой территории с востока, известны в печорских гово-

[64] «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II, стр. 13 (1669 г.), 386 (1612 г.), 398 (1622 г.); «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Дополнения», т. II, стр. 52 (1614 г.) и др.

[65] Картотеки Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Псковского областного словаря ЛГУ.

рах [66]. Таким образом, четкое территориальное противопоставление, наблюдаемое в пределах сравнительно ограниченной группы севернорусских говоров, может быть и в данном случае развернуто в пространственном отношении.

Необходимость сочетания историко-лексикологических и географических методов наглядно проявляется при рассмотрении поздних изменений в лексике. Здесь собственно семантический анализ и наблюдения над характером распространения слов взаимно дополняют друг друга.

Сравнение данных письменных памятников с материалами современных говоров показывает, что в группе названий построек и их частей происходят интенсивные изменения после XVII в., т. е. в период, когда не наблюдалось более или менее значительных перемещений населения на Севере. Вместе с тем поздние изменения в лексике сопровождаются появлением новых территориальных границ.

Слово *хоромы* относится к древнейшему лексическому слою говоров рассматриваемой территории. Об этом свидетельствуют, во-первых, многочисленные примеры из памятников, написанных в различных районах нашей территории и восходящих уже к XV в., во-вторых, широкое распространение слова *хоромы* в севернорусских говорах, входящих в зону древнейшей новгородской колонизации. Термин *хоро́мы*, а также *хоро́ма* и *хоро́мина* в значении 'дом, постройка' употребляется в псковских, новгородских, олонецких и вологодских говорах [67].

В большей части обследованных документов слово *хоромы* имеет значение 'постройка, строение из одного сруба'. Примеры находим в двинских (XV—XVII вв.), пинежских (XVI—XVII вв.), каргопольских и соловецких (XVII в.) грамотах: «А дворъ досталсѧ Семену григориевскои вынести Семену из своисково двора *хоромы* свои всѣ опрочѣ двою избъ» (Двина, XV в.) [68]; «А во дворе *хоромов*. изба. болшаѧ с шелнушею да межу избами сталѧ» (Пинега, 1534 г.) [69]; «А во дворе *хоромъ* изба нова с прирубомъ и подле избу чюлан новои да хлѣвъ да сельникъ наверху обое с перерубом да сараи исподнеи і верхнои на столбах и тын кругомъ двор и с вороты» (Каргополь, 1635 г.) [70]. Термин *хоромы*, как показывают документы, обозначал и отдельно стоящие строения, и части появившейся на Севере довольно рано сложной постройки, связи из нескольких поставленных рядом срубов.

---

[66] Картотека Печорского словаря ЛГУ.

[67] Картотеки Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Псковского областного словаря ЛГУ.

[68] И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5, № 132.

[69] ГААО, ф. 1408, оп. 1, № 1-а.

[70] ГААО, ф. 792, оп. 1, № 69.

В том же значении употребляется в текстах и слово *хоромина*. В одном из соловецких документов [71] отмечено уничижительное образование — *хоромишко*. Встретились также прилагательные *хоромной* («*хоромной построй*») и *хороминной* («хороминной лес» 'предназначенный для построек'). Количество примеров на употребление слова *хоромы* и производных значительно (около 150 текстов), и документы равномерно распределены по всем территориальным группам.

Однако уже для XVI—XVII вв. можно отметить, что в важских грамотах термин *хоромы* применяется как правило только для обозначения хозяйственных построек. В целом ряде важских грамот понятие 'хозяйственное помещение, постройка', обозначаемое словом *хоромы*, противопоставлено понятию 'жилое помещение, постройка' (в приводимых ниже примерах — «изба», «изба с комнатою»): «Да в ызбе половина і во всех дворовых *хоромах* половина ж і в подворнои ѕемле і в вонных *хоромах* половина ж» [72]; «изба с комнатою . . . да *хоромъ* две клети на хлеве» [73].

В дальнейшем, после XVII в., произошло изменение семантики слова *хоромы*. В значении, близком тому, какое находим в памятниках письменности XVI—XVII вв., слово *хоромы* отмечено лишь в одном населенном пункте — дер. Никишинской Няндомского р-на (по картотеке Архангельского областного словаря). Здесь *хоро́мы* — 'дом вместе с хозяйственными постройками (как единое строение)'. Обычно в этом значении в говорах употребляется слово *хоро́мина*: «Три́ста *хоро́мин* згоре́ло» (Нокола Каргопольского р-на); «Три *хоро́мины* на́до продава́ть. Ка́к ты бес свое́й *хоро́мины* оста́лась?» (Верхопаденьга Шенкурского р-на); то же в Приозерном, Пинежском, Мезенском районах.

Новообразованием, причем явно поздним в архангельских говорах, является значение 'крыша' у слов *хоро́мы* (иногда *хоро́ма*) и *хоро́мина*: «*Хоро́мы* на стропи́лах» (Першлахта Приозерного р-на); «*Хоро́мы* бы́ли не закры́ли: ли́ло, ли́ло, фсё згни́ло там, о́брали фсё. Стари́к на *хоро́мах* жо́лобы перекла́дывал» (Зимняя Золотица Приморского р-на); «С *хоро́м* па́л и уби́лся» (Тамица Онежского р-на); «Не захоте́ли вме́сте под одну́ *хоро́мину*» (Кеврола Пинежского р-на).

О позднем появлении у слов *хоромы* и *хоромина* значения 'крыша' свидетельствует, во-первых, ограниченный ареал этого явления: слово *хоро́мы* 'крыша' отмечено лишь в части архангельских и олонецких говоров (XIX—XX вв.) — каргопольских, онежских, холмогорских и пинежских [74].

Во-вторых, следует учитывать наличие в памятниках термина *кровля* в качестве единственного слова, обозначающего понятие

[71] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 32, л. 25 об.
[72] ГААО, ф. 829, оп. 1, № 1122 (1620 г.).
[73] Там же, № 906 (1670 г.).
[74] Подвысоцкий, стр. 184; Куликовский, стр. 129.

'крыша'. Примеров на употребление этого слова во всех группах текстов XVI—XVII вв. очень много. Дифференцируются по семантике слова *хоромы* и *кровля* довольно легко: «А на *хоромы* нам в тѣ годы вново кровли прибавливати на кои будет надобно» [75]; имеется много документов о продаже или постройке «хоромов с кровлями». Мнение Г. В. Шульца [76] о возможной древности олонецкого *хорóмы* 'крыша' не подтверждается историей этого слова в севернорусских говорах, хотя с точки зрения семасиологической было бы соблазнительно указать здесь смысловой переход 'крыша' > 'дом', как в русск. *кров* и в лат. *tectum*.

Дальнейшая судьба термина *кровля* в разговорном языке жителей Севера связана была, по-видимому, с общерусским изменением, происходившим в XVIII в. По свидетельству Е. М. Иссерлин, со второй половины XVIII в. в русской письменности впервые появляется слово *крыша*, которое постепенно вытесняет употреблявшееся ранее слово *кровля* [77]. Источником данного новообразования Е. М. Иссерлин считает народно-разговорный язык, в речи образованных слоев общества слово *крыша* из «простонародного» (эту помету дает словарь Академии 1814 г.) лишь постепенно становится нейтральным. Очевидно, в этот период, когда в разговорном языке центра России слово *кровля* было заменено словом *крыша*, в периферийных говорах, какими были говоры на территории современной Архангельской обл., появились местные варианты для обозначения соответствующей реалии.

Кроме терминов *хорóмы*, *хорóма*, *хорóмина*, в части говоров области в значении 'крыша' употребляется слово *сарáй*: «Не выводи́ли трýбы на *сарáй-то*, ны́нь-то трýбы на *сарáй* фсё. Дожжá-то нет, а вы́ уш пот *сарáй* забрали́сь» (Верхопаденьга Шенкурского р-на). На позднее появление этого значения у слова *сарáй* также указывает весьма ограниченный ареал данного явления и история слова, прослеживаемая по памятникам письменности. В XIX в. слово *сарáй* 'крыша' отмечено лишь в сольвычегодских, шенкурских, печорских и колымских говорах [78]. Распространение диалектных слов, имеющих значение 'крыша', в говорах Архангельской обл. показано на рис. 8. Интересны устанавливаемые здесь связи говоров юга области (важских и двинских) с мезенскими (и далее — печорскими) говорами в обход

[75] ГААО, ф. 829, оп. 1, № 942.

[76] Georg Viktor Schulz. Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler. Osteuropa-Institut an der freien Universität Berlin. — «Slavistische Veröffentlichungen», Bd 30. Berlin, 1964, стр. 206.

[77] Е. М. Иссерлин. Когда и как появилась «крыша»? — «Очерки истории языка». Уч. зап. ЛГУ, № 267, Серия филол. наук, вып. 52. Л., 1960, стр. 223—230.

[78] Картотека Словарного сектора ИРЯ АН СССР; П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. — «Известия общества любителей естествознания», т. XXX, вып. 1. М., 1877, стр. 38 (сведения из Усть-Пуи Шенкурского уезда).

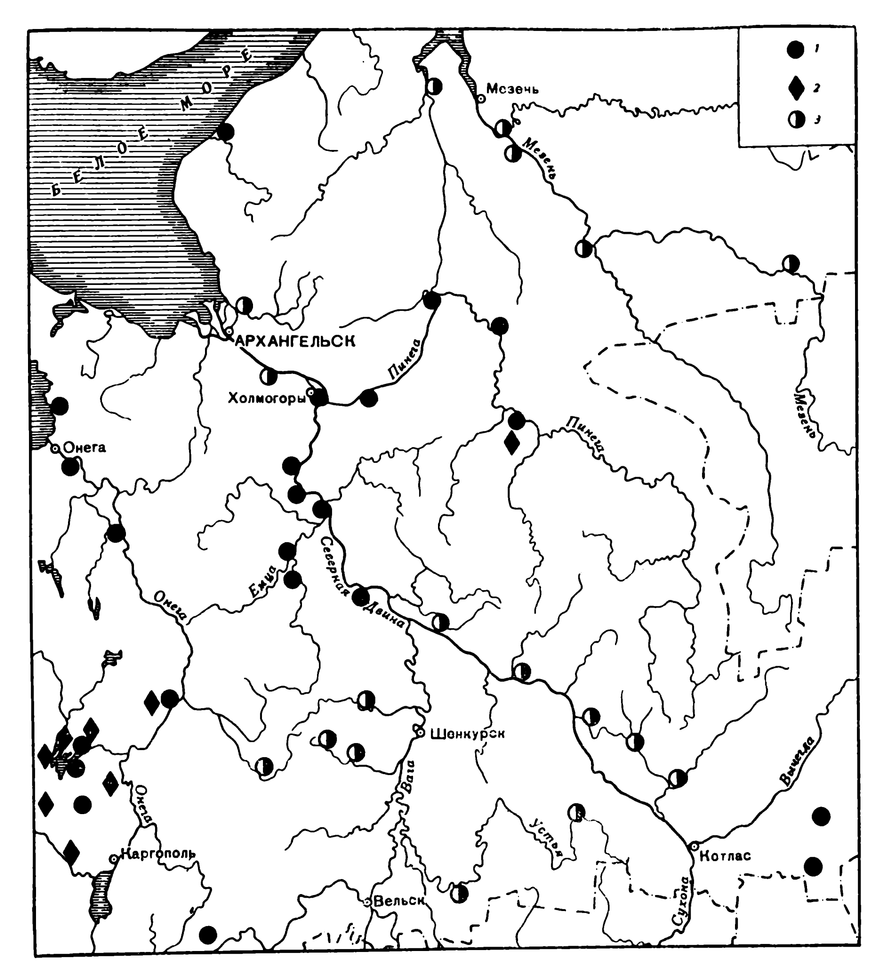

Рис. 8. Диалектные названия крыши

1 — хоромы (хорома); 2 — хоромина; 3 — сарай

пинежских. Такой характер географического распространения свойствен ряду поздних новообразований и устанавливается, по-видимому, не ранее XVIII в., в то время как более ранние изоглоссы имеют другую конфигурацию: они обычно не разъединяют говоры пинежские и мезенские. Однако сохраняется на этой карте линия Онега—Емца—Двина от устья Емцы до устья Пинеги—Пинега, прослеживаемая и на других картах, представляющих изоглоссы более ранней формации (см. рис. 3, 5, 6).

В значительной части современных говоров, главным образом на Онеге (см. рис. 9), слово *сара́й* сохраняется в том значении, в каком оно употреблялось в памятниках письменности

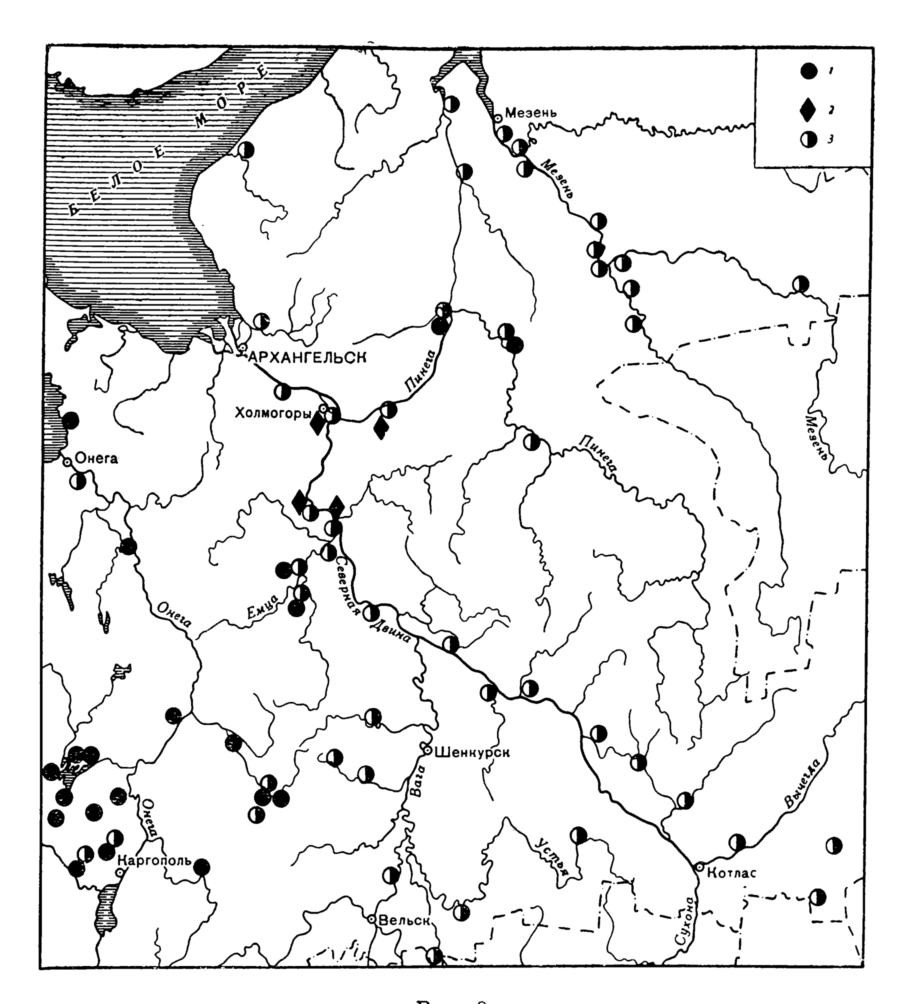

Рис. 9.

1 — сарай[1] 'помещение в хозяйственной пристройке к дому, над двором'; *2 — сарай*[2] 'хозяйственная пристройка к дому, состоящая из двора и помещения над ним'; *3 — поветь* то же, что *сарай*[1]

XVI—XVII вв.: 'помещение в хозяйственной пристройке к дому, предназначенное для хранения кормов и инвентаря'. «Ра́ньше ф сеня́х или ф *сара́ях* фсё кла́ли одёжу» (Нокола Каргопольского р-на); «Если *сара́й* на столба́х, говоря́т: *сара́й* сру́блен» (Лекшмозеро Каргопольского р-на); «На *сара́й* уволоку́т, та́м и спи́м» (Першлахта Приозерного р-на). В XVI—XVII вв. термин *сарай* в этом значении распространен повсеместно в пределах рассматриваемой территории: «А хором во дворе горница на подклѣте . . . клѣт на подклѣте. сѣни с подсѣнем. *сараи* рубленои на столбах.

хлѣв. да поѕаде двора банѧ» (Архангельск, 1606 г.) [79]; «К тои же избѣ поставить двор на столбах в длину пяти сажен а поперег четырех сажен і ѕабрать заплоты і поверху нарубить *сараи* і покрыть тесомъ новым добрым на два ската» (Архангельск, 1687 г.) [80]; «И подле избу чюланъ новои да хлев да сенникъ наверху обое с перерубом да *сараи* исподнеи і верхнои на столбах» (Каргополь, 1635 г.) [81]. Ср. также уменьшительное: «. . .здѣлат *сараецъ* новои надворомъ на столбах и покрыть дертьем новым в желобы новые ж» (Вага, 1647 г.) [82]. В составленном в Холмогорах словаре Ричарда Джемса: «sărai, the long place in the Rus. yard — длинное помещение на русском дворе — *сăра́й*» [83].

В этом или близком значении слово *сара́й* употребляется в значительной части русских говоров, входящих в зону распространения севернорусского дома-двора и примыкающих к рассматриваемой территории с запада и юго-запада [84].

В современных важских, двинских, пинежских и мезенских говорах, т. е. в основном там, где *сара́й* — 'крыша', в значении 'помещение в хозяйственной пристройке к дому для хранения кормов и инвентаря' употребляется широко распространенное в восточнославянской языковой области слово *пове́ть*. В этом же значении оно известно вологодским, ярославским, пермским, тверским говорам, в других восточнославянских говорах обычно *поветь* 'навес', 'сарай', 'дровеник' [85]. На территории Архангельской обл. слово *пове́ть* представляет, по-видимому, старую изоглоссу: оно редко встречается в современных говорах бассейна Онеги (см. рис. 9) и не отмечено в памятниках, написанных в этих районах, распространено повсеместно в центре и на востоке области и документируется многочисленными двинскими и важскими грамотами XVI—XVII вв.

На протяжении XVII—XX вв. в большинстве говоров изменилось значение термина *поветь*. В памятниках XVI—XVII вв. это 'настил в хозяйственном помещении, в пристройке к дому (в сарае)': «А в тѣ срочные лѣта мнѣ Калине поставит въ их мнстрской двор сараи на столбах и с *повѣтью* все новое з ѕаплоты и покрыт тесом» [86]; «За дворомъ сараи на осми столбах забранъ

---

[79] ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 61—131.

[80] Там же, № 263—341.

[81] ГААО, ф. 792, оп. 1, № 69.

[82] ГААО, ф. 829, оп. 1, № 917.

[83] Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619). Л., 1959, стр. 192.

[84] Картотеки Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Псковского областного словаря ЛГУ.

[85] Картотеки Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Брянского словаря ЛГПИ им. А. И. Герцена; Даль III, стр. 154; Носович, стр. 434; Гринченко III, стр. 223.

[86] ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 203—279 (1678 г.).

облымъ лѣсомъ три стѣны а в немъ *повѣть*» [87]. То же соотношение значений терминов *сарай* и *поветь* в устюжских грамотах: «А приряду намъ половникомъ здѣлать въ той Спаской деревнѣ: *сарай* противъ избы додѣлать и покрыть новыми драницами весь доготова, и *повить* домостить, да другая *повить* намостить, а надто въ *повитью сарай* покрыть старыми драницами доготова» [88].

Из всех современных говоров области, в которых отмечены одновременно термины *сара́й* и *пове́ть*, лишь в некоторых говорах Холмогорского р-на (см. рис. 9) они не являются абсолютными синонимами, так как здесь *сара́й* — 'вся хозяйственная пристройка к дому (двор для скота и помещение над ним)'. В этих говорах сохраняется соотношение терминов *сара́й* и *пове́ть*, близкое к тому, которое находим в памятниках XVI—XVII вв.

В рассмотренной группе терминов (*хоромы*, *хоромина*, *кровля* [89], *сарай*, *поветь*) произошли существенные изменения, затронувшие семантику каждого слова. Следствием этих изменений было, во-первых, полное или частичное перераспределение единиц внутри группы терминов, создание новых отношений между ними, во-вторых, появление новых территориальных противопоставлений. При этом своеобразие лексического состава того или иного говора обусловлено неравномерностью распространения отдельных слов в языковом пространстве: «каждая языковая форма имеет свою собственную границу и свою собственную историю» [90].

---

[87] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 17 (1651 г.).

[88] РИБ, т. 12, стб. 368 (1662 г.).

[89] В значительной части современных говоров Архангельской обл. слово *кро́вля* (и уменьшительное *кро́велька*) употребляется в значении 'крышка', ср.: «Продан горшечик мѣднои с *кровелкою*». — ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 41, л. 18 (Соловки, 1640 г.).

[90] W. Pessler. Deutsche Wortgeographie. — «Wörter und Sachen», Bd XV. Heidelberg, 1933, стр. 12.

И. А. Мельчук

ЗАМЕЧАНИЕ К «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ РУССКОГО ЯЗЫКА» М. ФАСМЕРА[1]

В словарной статье **гарцова́ть, гарцу́ю** для этого слова и его параллелей в других славянских языках (укр. *гарцювати*, польск. *harcować* 'скакать на лошади', *harc* 'стычка', чеш. *harcovati* 'затевать перестрелку, стычку; скакать, гарцовать', *harc* 'перестрелка, стычка, схватка') в качестве возможных источников указываются (с явным сомнением): 1) ср.-в.-нем. *harsch*, *harst* 'толпа, отряд', 2) ит. *arciere* 'лучник' — через др.-чеш. *harcieř*, польск. *harcerz* 'застрельщик', теперь 'бойскаут', 3) ср.-в.-нем. *harz* — междометие из *herzu!* 'сюда, ко мне!', 4) н.-в.-нем. *Hetze*, *Hatz* 'травля'. Сам Фасмер считает эти объяснения малоудовлетворительными, и с ним нельзя не согласиться. Между тем само собой напрашивается возведение указанных славянских слов к венг. *harc* 'борьба, бой'. Фонетически это сопоставление безупречно; что же касается семантического изменения: 'борьба; бороться, сражаться' → 'гарцовать', — то оно и само по себе представляется вполне естественным, а кроме того, его возможность доказывается чеш. *harc*, *harcovati*, где присутствуют сразу оба эти значения. Направление заимствования: венгерский → чешский → польский → украинский → русский — более чем вероятно. Этому направлению соответствуют и семантические сдвиги: в чешском слове и сохраняется значение венг. *harc* (правда, несколько суженное), и развивается новое значение; у польск. *harcować* уже имеется только новое значение, а старое сохраняется лишь у существительного *harc*; в украинском и русском остается только новое значение (также несколько суживается). Заимствование военных терминов из венгерского языка в соседние славянские — вполне обычное дело: знаток венгерско-славянских контактов И. Книежа приводит целый список таких заимствований (*sisak*, *tábor*, *sereg*, *mozsár* и др.) [2] и помещает среди них и *harc!*

Тем не менее ни в словаре Фасмера, ни в словаре Преображенского [3] венг. *harc* вообще не упоминается. В современных этимо-

---

[1] M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd I—III. Heidelberg, 1950—1958, Рус. пер.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964.

[2] I. Kniezsa. Sisak. — «Magyar nyelv» 38, 1942, № 5, стр. 341.

[3] Преображенский, стр. 119.

логических словарях чешского [4] и польского [5] языков венг. *harc* приводится: в первом с пометой «ср.», причем чешск. *harc* возводится к немецкому боевому междометию *here*, *hara*, *herež* (венгерское слово считается, по-видимому, происходящим из того же источника); а во втором венг. *harc* осторожно упоминается в конце статьи (со ссылкой на мнение Гебауэра и Брюкнера) как возможный посредник между польск. *harc(e)* и нем. *Hatz*, *Hetze* 'травля, преследование' (А. Брюкнер [6] полагал, что венг. *harc* < *Hatz* аналогично тому, как венг. *sarc* < *Schatz* или венг. *farsang* < *Fasching*.) И только В. Махек [7] решительно возводит чеш. *harc* к венг. *harc*; однако он не дает никаких объяснений относительно природы самого венгерского слова.

Слово *harc* — исконно венгерское, и более того, угорское слово. Как указывает Г. Барци [8], оно представляет собой «обратное образование» от глагола *harcol* 'бороться, биться, сражаться' (глагол *harcol* и отглагольное существительное *harcolás* засвидетельствованы в памятниках — Szabács Viadala, 1476—1490 — почти на 50 лет раньше, чем *harc* [9]). Сам же этот глагол образован от корня *har-/hor-* с помощью фреквентативного суффикса *-sol* [10]; таким образом, слово *harc* — интересный пример переразложения (суффиксальный элемент отходит к основе, ср. венг. *ront* 'портить', **ront+sol* > *roncsol* /*rončol*/ 'вредить, разрушать' и *roncs* /*ronč*/ 'обломок'). Важно подчеркнуть следующее:

1. Чередование *a*/*o* широко представлено в истории венгерского языка [11] и в суффиксах (*-att* > *-ott* в локативе; *-ag* ~ *-og*; соединительные гласные в склонении и спряжении) и в начальных слогах корней (*hambár* ~ *hombár* 'амбар' и т. д.). Это позволяет считать *har-* и *hor-* вариантами одного и того же корня.

2. Глагол *harcol* имел в языке XVI—XVII вв. многочисленные варианты: *harsol*, *harzsol* [12], *hárzsol*, *horzsol* (все в значении 'бороться, сражаться'), свободно чередовавшиеся в текстах. Техерт [13] приводит ряд примеров из памятников, причем в одном и том же глоссарии мы читаем в латинско-венгерской части *discepto* — *hartzolodom*, а в венгерско-латинской *harſolódom* — *discepto*. Если

---

[4] Holub—Kopečný, стр. 120.
[5] Sławski, стр. 404—405.
[6] Brückner, стр. 168—169.
[7] Machek, стр. 124—125.
[8] G. Bárczi. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941, стр. 113—114.
[9] J. Techert. Harcol, harc. — «Magyar nyelv» 25, 1929, № 9—10, стр. 364—366.
[10] J. Lörincz. A lelki élet szavaihoz. — «Magyar nyelv» 22, 1926, № 5—6, стр. 212.
[11] J. Melegdi. Horzsol. — «Magyar nyelv» 5, 1909, № 3, стр. 125.
[12] *harzsolás* 'борьба, схватка' (XV в.) — см.: G. Bárczi. Указ. соч., стр. 127.
[13] J. Techert. Указ. соч., стр. 365.

harc чисто формально еще можно возводить к нем. *Hatz* [14], то такие варианты, как *harzsol* или *horzsol*, — невозможно.

3. С глаголом *harcol* родственны такие венгерские слова, как *horzsol* 'тереть, касаться; царапать' (с диалектными вариантами *horol*, *hurul* 'тереть') и *harag* 'гнев, злоба' [15], а также *horog* 'крючок' (возможно, еще и *horpad* 'вдавливаться; выдалбливать'). Все они образованы от корня *har-/hor-*.

4. Указанный корень — угорского происхождения, он представлен в маньсийском языке: сев. *χurtel-* 'тереть', (*χot-*) *χūret-* 'резать, стричь', пелым. *khwuret-* 'тереть' и тавд. (*il-*) *khurat-* 'брить', возможно также и ср.-лозьв. *khorj-*, *khwär-khat-* 'сердиться, гневаться' [16], а кроме того, и в хантыйском: сев. *χor-*, южн. *χor-*, *korol-* 'облуплять', 'сдирать кору, шкуру' [17].

Приведенные сопоставления заставляют постулировать для корня *har-/hor-* исходное значение 'тереть, царапать'. Возможность семантического развития 'тереть, царапать' 1) → 'резать, стричь, брить' в маньси и 'облуплять, ошкуривать' в ханты, 2) → 'сердиться, гневаться' в маньси и в венгерском (ср. русск. разговорное «Чего он ко мне цепляется?») и, наконец, 3) → 'сталкиваться, бороться' в венгерском вряд ли может вызвать сомнение; ср. русск. *трения* → 'конфликт' и венг. *súrlódás* 1) 'трение', 2) 'конфликт'.

Итак, русск. *гарцовáть* и соответствующие слова других славянских языков должны возводиться в конечном счете к венг. *harc* 'борьба, бой' < угорск. **har-/hor-*; объяснения, приводимые у Фасмера (а также у Преображенского, Голуба—Копечного и Славского), должны быть отвергнуты.

---

[14] Как это пытались сделать некоторые исследователи (см. выше).

[15] J. Lőrincz. Указ. соч.; G. Bárczi. Указ. соч., стр. 113—114, 126, 127.

[16] J. Lőrincz. Указ. соч., стр. 212.

[17] B. Munkácsi. A magyar magánhangzók történetéhez. — «Nyelvtudományi közlemények» 25, 1895, стр. 276.

Д. С. Ворт

О СЛОВЕ *futurama* В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕКСИКЕ
(мелкая поправка)

В своем интересном исследовании об истории слов на *-рама* в русском и других языках В. В. Лопатин и И. С. Улуханов допускают одну, правда, не очень серьезную, неточность в изложении истории слова *futurama* в западноевропейских языках [1]. Авторы этого исследования указывают, что слово *futurama* впервые появляется в международной терминологической лексике на Всемирной выставке 1957—1958 гг. в Брюсселе, где оно служит для обозначения особого вида панорамы, показывающей воображаемые технические достижения будущего. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов предполагают, что интересующее нас слово — бельгийского происхождения (образовано от франц. *futur* 'будущий'), так как оно служило названием именно бельгийского экспоната на брюссельской выставке [2]. Между тем, как нам кажется, соображения авторов по этому поводу не совсем точны ни в хронологическом, ни в географическом плане. Верным оказывается лишь тот факт, что *futurama* и в самом деле появилось на всемирной выставке. Обратимся к фактам.

Насколько нам известно, слово *futurama* впервые появилось и сейчас же вошло в общее употребление (по крайней мере в английском языке) на Всемирной выставке 1939—1940 гг. в Нью-Йорке. На этой выставке, состоявшейся почти за двадцать лет до брюссельской, одним из популярнейших аттракционов была выставка фирмы Дженерал Моторс, названная «футурамой». Футурама Дженерал Моторс занимала целое здание на нью-йоркской выставке. Многочисленные посетители этого экспоната сидели в мягких движущихся креслах, которые медленно проносились мимо миниатюрного ландшафта, на котором изображались представлявшиеся инженерам Дженерал Моторс возможными технические достижения американского будущего (достижения эти, по легко понятным причинам, состояли главным образом в разного вида бетонных сверхмагистралях, на которых кишело множество ультрамодерных, хотя и лилипутских автомашин). С тех пор, т. е. начиная с лета 1939 г., слово *futurama* прочно

---

[1] В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. О словах на -рама в русском языке. Сб. «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., 1963, стр. 87, 89.
[2] Там же.

вошло в английский язык [3], а через него и в общий международный арсенал технической терминологии, откуда его и взяли, по всей вероятности, строители бельгийской футурамы 1957 г. Надо оговориться, однако, что возможность стихийного «второго рождения» этого слова на брюссельской выставке не может быть исключена со стопроцентной уверенностью, в виду достаточно большого количества уже существующих слов на *-рама*, которые могли бы служить толчком к аналогическому новообразованию. Но тем не менее значительно более вероятным представляется высказанное нами выше предположение о появлении футурамы, и как Sache и как Wort, на международной выставке в Нью-Йорке в 1939 г.

---

[3] Слово *futurama* не отмечено в очень консервативном втором издании «Webster's New International Dictionary» (1952), но зарегистрировано вместе с образованным от него прилагательным *futuramic* 'of advanced design' в более современном третьем издании того же словаря (1964).

А. С. Мельничук

КОРЕНЬ *kes- И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ В ЛЕКСИКЕ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

ДРЕВНЕЙШИЙ СЛОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ ОТ КОРНЯ *kes- И ЕГО РАЗНОВИДНОСТЕЙ

В условиях возросшей сложности процесса этимологизирования по сравнению с начальным периодом развития компаративистики приобретает новую остроту вопрос о способах повышения эффективности этимологических исследований. Одним из таких способов может быть признано практиковавшееся изредка и раньше синтетическое рассмотрение больших групп слов родственных языков, по отношению к которым возможно предположение об этимологическом родстве. Перспективность такого пути этимологического исследования в настоящее время начинает, по-видимому, все более осознаваться, и этот путь находит себе все новых сторонников среди современных лингвистов. Об этом свидетельствует появление в последние годы отдельных работ, посвященных этимологическому анализу обширных групп слов, обнаруживающих фонетическое тождество или заметную близость в своей корневой части [1].

Среди многочисленных специальных вопросов этимологии индоевропейских языков, остающихся недостаточно разработанными, привлекает к себе внимание вопрос об этимологических отношениях внутри ряда индоевропейских слов, содержащих в корнях рефлексы индоевропейских звукосочетаний *kes-*, *kos-*, *kas-*, *ks-* (*k̂es-*, *k̂os-*, *k̂as-*, *k̂s*). Особенно актуален этот вопрос для славянского языкознания, поскольку от его решения зависят этимологии таких слов славянских языков, как *коса—косить*, *косой*, *кость* и др., в том числе ряда слов с начальными *х-* и *š-*. Подытоживая различные мнения, высказывавшиеся в этой связи,

---

[1] А. С. Львов. Славянские слова с корнем *chal-/chol-*. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I. М., 1960; Он же. О славянских словах с корнем *kat-/kot-*. — Там же, вып. II. М., 1962; H. Schuster-Šewc. Fragen der etymologischen Forschung im Slawischen. — ZfS VIII, 6. Berlin, 1963. Из предшествующих работ такого характера можно назвать некоторые наиболее обстоятельные разработки П. Персона (P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, Bd. I—II. Uppsala—Leipzig, 1912), особенно анализ основы *peu-*, *pou*, *pū̆-* (стр. 241—274), лат. *spissus* и родственных форм (стр. 386—422), основы *ster-* (стр. 428—446) и др.

М. Фасмер, как и перед ним И. Голуб и Ф. Копечный, не может с определенностью решить, следует ли увязывать слово *коса* как название сельскохозяйственного орудия с др.-инд. *śasati* 'режет', лат. *castrō* 'обрезаю' или же с лит. *kàsti* 'копать' (следовательно, и лит. *kasýti* 'царапать', русск. *чесать*), алб. *kōrɛ* 'жатва' [2]. Из предыдущих авторов А. Фик, О. Шрадер, В. Вондрак, А. Брюкнер, Й. Миккола и др. с большей или меньшей уверенностью связывают гнездо *коса—косить* с гнездом *коса—чесать* (лит. *kasýti* и т. д.), между тем как А. Вальде, В. Махек, В. Георгиев, Э. Френкель, Г. Фриск этого сближения не принимают. Подобные расхождения обнаруживаются и в подходе к этимологии других славянских слов на *kos-*, *x-*, *š-*.

Этимология индоевропейских слов на *kes-* и т. д. до сих пор освещалась главным образом в этимологических словарях и работах общего характера по вопросам сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков или их отдельных групп, а также в небольших разработках, посвященных этимологии отдельных слов без надлежащего учета и рассмотрения значительного материала из различных языков, примыкающего к рассматриваемым словам. По-видимому, дальнейший прогресс в разработке этимологии этой группы слов может быть достигнут в основном на пути синтетического анализа генетических отношений по крайней мере большинства тех слов, которые вызывают предположения об их возможной принадлежности к данному этимологическому гнезду. С этой точки зрения здесь будет рассмотрено подавляющее большинство слов славянских, балтийских, германских, индоиранских, греческого, латинского и других индоевропейских языков, обнаруживающих признаки принадлежности к этимологическому гнезду образований от индоевропейского корня *kes-* и его разновидностей. В частности, к числу рассматриваемых слов принадлежат такие слова русского языка, как *захолу́стье*, *каса́ться*, *кастёня*, *касти́ть*, *кастли́вый*, *ка́стный*, *касть*, *ка́ша*, *кащо́нок*, *кол*, *коло́ть*, *копа́ть*, *коса́* [1], *коса́* [2], *коса́рить*, *коса́рь* 'большой нож', *коса́ть* 'бить', *ко́свенный*, *косе́ц* 'разбойник', *коси́ть*, *косма́*, *косо́й*, *косо́ра*, *костёнок*, *костёр*, *костёрить*, *костёря*, *костёрь*, *кости́га*, *кости́ть*, *кости́ца*, *костра́*, *костре́л*, *костре́ц*, *костри́ка*, *костри́ца*, *костры́га*, *косты́г*, *косты́га*, *косты́ль*, *косты́рь*, *косты́ч*, *кость*, *косу́ля* 'соха', *косыля́ть*, *косы́рить*, *кося́к* 'колода, пень, лом', *кошани́на*, *ко́шаница*, *кощу́н*, *па́кость*, *се́но*, *сечь*, *скала́*, *скобли́ть*, *скопе́ц*, *скопи́ть*, *скрести́*, *ха́бить*, *халу́й*, *ха́пать*, *ха́ять*, *хвата́ть*, *хво́рост*, *хво́рый*, *хвоя́*, *хи́лый*, *хи́рый*, *хлев*, *хо́лить*, *холосто́й*, *холудьё*, *холу́й*, *худо́й*, *хула́*, *хули́ть*, *час*, *ча́ша*, *черта́*, *чеса́ть*, *чесно́к*, *ше́леп*, *шёлуди*, *шелуди́вый*, *шелы́га*, *шерсть*, *ше́ршень*, *шест*, *шесть*, *шиба́ть*, *ши́бкий*, *шип*, *ши́шка*, *шу́ло*, *щель*, *ще́пка*, *щерби́ть*.

---

[2] Vasmer I, стр. 639—640; Holub—Kopečný, стр. 181.

Вопрос о принадлежности определенного слова или группы слов к данному этимологическому гнезду не может решаться без предварительного определения исходного минимума лексического состава соответствующего этимологического гнезда и его семантического поля. Предварительное определение древнейшего состава этимологического гнезда образований от индоевропейского корня *kes-* и его разновидностей целесообразнее всего начать с тех образований, в которых содержится основная форма корня с огласовкой *e*. Такими словами являются слав. *česati* (рус. *чесать* и т. д.), восходящее к **kes-atei*, и греч. κεσκίον 'костра, пакля, очёс'. Свойственное слову *чесать* во всех славянских языках значение 'прочищать (волосы или волокно гребнем, щеткой и т. п.)' проще всего возводится к первоначальному значению 'тереть, скрести', не в каждом языке сохранившемуся. Однако наряду с этим, в сербохорватском языке слово *чѐсати* означает еще 'щипать, рвать, задевать, прикасаться', словен. *čésati* употребляется также в значении 'рвать, разрывать', и от него известны производные словен. *čȅs* 'щепка', *čésec* 'заноза', *česúlja* (*češúlja*) 'оторванная ветка с листьями', кроме того, форма *čésniti* означает 'ударить', а в чешском языке имеется форма *česnuti*, означающая 'отломать, оторвать от ствола (ветку)' (ср. укр. *відчахну́ти*, *розчахну́ти* то же). Отношение этих значений к значению 'расчесывать' само по себе не настолько ясно, чтобы во всех приведенных формах с самого начала усматривать генетически тождественное слово. Такая точка зрения может быть обоснована лишь в результате привлечения соответствий слову *чесать* из других индоевропейских языков. Что же касается значения греч. κεσκίον, то без привлечения дополнительных данных оно может быть возведено и к чесанию, и к битью-ломанию; оба эти значения поддерживаются и приводимыми дальше дополнительными данными. В ближайшем родстве с глаголом *česati*, вопреки высказанному в свое время сомнению А. Мейе [3], находится слав. *kosa* 'расчесанные волосы' и славянские производные от этого слова *kosmъ*, *kosma*, *kosmatъ* (ц.-слав. **космъ**, русск. *космá*, *космáтый* и т. д.). Сомнение А. Мейе основывалось на слишком узком понимании исходного значения *česati* как 'скрести, царапать', с которым якобы не увязывается значение слова *kosa* 'волосы, прическа', хотя в действительности значение 'скрести' свободно может относиться и к волосяному покрову. В настоящее время эта явно необоснованная точка зрения Мейе никем не поддерживается.

Прямыми соответствиями слав. *коса* 'волосы' являются лит. *kasà*, лтш. *kasa* то же. В прусском *kexti* 'волосы в косе' выступает корневое *e*. С другой стороны, литовские и латышские глаголы со значением 'скрести, царапать' и т. д., как

---

[3] A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux slave (Suite). — MSL XIV. Paris, 1906, стр. 338.

и их производные, обнаруживают огласовку *a* (< *ŏ*), совпадающую с огласовкой имени: лит. *kasýti* 'чесать', *kasȳklė* 'скребок', *kāškis* 'чесотка, короста', лтш. *kasît* 'чесать, скоблить, скородить, рыть, копать', *kass* 'чесотка', *kaslis* 'щетка для чесания'. К этим балтийским и славянским словам непосредственно примыкают др.-сканд. *haddr* (< **hazda-*) 'женская прическа', ирл. *kass* 'курчавые волосы', ср.-ирл. *cír* (< **kēsrā*) 'гребень', хетт. *kiššāi* 'чесать', авест. *kasvīš* 'сыпь на коже', арм. *k̔os* 'короста', тох. В *kāswo* 'проказа'[4]. Взаимосвязь значений лтш. *kasît* делает очевидной принадлежность к этой же этимологической группе слов и лит. *kàsti* 'копать, рыть', *kasìklis* 'заступ, лопата', лтш. *kast* 'рыть, скородить'. Вместе с тем к глаголу *чесать* 'скрести, почесывать' и т. п. примыкает ст.-слав. **коснѫти сѧ, касати сѧ**, русск. *касáться*, болг. *кóсвам се* 'дотрагиваться'[5]. Но наряду с этим значением соответствующий глагол в некоторых других славянских языках обнаруживает и несколько отличную семантику: ср. укр. *за-касáти*, *пiд-касáти* 'заткнуть, подоткнуть (подол за пояс); засучить (рукава)', ст.-польск. *kasać* 'подтыкать; задирать нос, пыжиться', *kasać się* 'стремиться, намереваться'. С основными значениями слов *чесать* и *касаться* естественно увязываются русск. диал. *касáть* 'бить', *косéц* 'разбойник, грабитель по дорогам, портной', с.-хорв. *кȍсити* 'терзать, мучить', *кȍсити се* 'противиться', макед. *коси* 'волновать, мучить, терзать', *коси се* 'противопоставляться, сталкиваться', болг. *кося́ се* 'раздражаться, сердиться'.

Фонетический облик приведенных слов в славянских, балтийских, иранских, армянском и тохарском языках свидетельствует о том, что начальный согласный *к* в этих словах восходит к индоевропейскому непалатальному *k* (*q*). Наряду с этой группой слов другие индоевропейские языки (в частности, греческий, латинский, древнеиндийский) обнаруживают другую, близкую этой в семантическом отношении группу, в которой начальный корневой согласный, по свидетельству древнеиндийского языка, восходит к и.-е. палатальному *k̂*. Ср.: греч. κεάζω (< **kesa-*) 'раскалываю', κείω (< **kesi̯ō*) то же, κέαρνον 'топор, шило', лат. *castrō* 'обрезаю', *careō* (< **caseō*) 'не имею, лишен, воздерживаюсь', *castrum* 'укрепление, лагерь', др.-инд. *śā́sti*, *śā́sati* 'режет, убивает', *śastrā́m* 'нож, кинжал', *śastaḥ* 'убитый'. При этом не все исследователи включают латинские слова с корневой огласовкой *a* в данную группу этимологически родственных слов. Если в словаре Вальде—Гофмана эти латинские слова безоговорочно сопоставляются с соответствующими гре-

---

[4] Vasmer II, стр. 639; Fraenkel I, стр. 226; там же дальнейшая литература.

[5] A. Meillet. Les alternances vocaliques. . ., стр. 338; Fraenkel, стр. 227.

ческими и древнеиндийскими словами[6], то Я. Фриск отмечает необычность гласного *a* в корнях латинских и некоторых греческих слов в соответствии к чередующимся *e:o* в остальных случаях[7], большинство же других авторов этимологических словарей о возможности связи этих слов со словами на *kes-*:*kos-* вовсе не упоминают. Настороженность части исследователей по отношению к таким словам с корневым *a* вызвана общеизвестным положением об абсолютной изолированности гласного *a* от чередующихся индоевропейских гласных *e:o*[8]. Но абсолютное отрицание какой бы то ни было связи между и.-е. *a* и чередующимися *e:o* вступает в противоречие с неоспоримыми фактами генетического родства ряда и.-е. форм, содержащих корневое *a*, с формами, в корнях которых выступают чередующиеся *e:o*. Ср. греч. πετάννυμι 'распростираю, развертываю', πέταλος 'распростертый, широкий', πέτασος 'широкополая шляпа' и πατάνη 'тарелка, блюдо', лат. *pateō* 'простираюсь, я открыт', *patulus* 'открытый, широкий', *patera* 'жертвенный сосуд'; лат. *secare* 'срезать, рассекать', *secūris* 'топор' и *sacena* 'топор, секира'; ст.-слав. **скопити**, лит. *skōpti* 'выдалбливать' и греч. σκάπτω 'выдалбливаю' и др. Как бы ни объяснять гласный *a* по отношению к *e:o* в таких корнях[9], количество случаев непосредственной семантической связи между словами южноиндоевропейских языков с корневым *a* и словами с корневым *e:o* вполне достаточно для того, чтобы признать соответствующие корни генетически родственными и, таким образом, включить указанные латинские слова на *cas-* (*car-*) в одно этимологическое гнездо с семантически близкими им словами на **k̂es-*.

Семантическая близость приведенных слов греческого, латинского и древнеиндийского языков с рефлексом начального корневого *k̂* и рассмотренных выше слов славянских, балтийских и других языков с рефлексом начального корневого *k* уже давно замечена. Однако установившееся в индоевропейском языкознании последовательное и безоговорочное разделение *k* и *k̂* как двух абсолютно различных в генетическом отношении фонем служит для некоторых исследователей препятствием также и к допущению этимологической связи между этими двумя группами слов с рефлексами палатального *k̂* и непалатального *k*. Поэтому либо вообще ставится под сомнение родство

[6] W a l d e—H o f m a n n I, стр. 179.

[7] F r i s k, стр. 806.

[8] А. М е й е. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 174, 185—186; J. K u r y ł o w i c z. L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, стр. 168, и др.

[9] См.: F. de S a u s s u r e. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. — «Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure». Heidelberg, 1922, стр. 97—102; J. K u r y ł o w i c z. L'apophonie. . ., стр. 176—177, и др.

корней *kes-*, *kos-* языков satəm с латинскими и греческими корнями *cas-*, κε(σ)-, которые на основании общепризнанных соответствий между языками centum и satəm безоговорочно признаются родственными древнеиндийским словам *śāsti* и др.[10], либо рефлекс непалатального *k* в балто-славянских корнях *kes-*, *kos-* объявляется непервичным. Так, А. Мейе сформулировал в этой связи фонетический закон о диссимилятивном переходе в балто-славянском рефлексов палатальных задненёбных перед слогом со свистящими в задненёбные непалатальные[11]. Этот закон остался фактически непризнанным из-за недостаточной обоснованности фактами[12]. Между тем в свете собранного рядом исследователей, начиная с Й. Шмидта, и убедительно объясненного в последнее время В. Георгиевым материала необходимость в законе диссимилятивного перехода заднеязычных для индоевропейского сравнительного языкознания полностью отпадает, так как единичные подобные случаи свободно покрываются более общим положением о чередовании палатальных и непалатальных заднеязычных во многих родственных словах индоевропейских языков — как в пределах одного и того же языка, так и от языка к языку[13]. Этим устраняются какие-либо препятствия к принятию прямого генетического родства славянских слов *чесать*, *коса* и др. не только с соответствующими словами, обнаруживающими рефлекс корневого непалатального *k*, но и с указанными древнеиндийскими словами на *ś-* и их греческими и латинскими соответствиями. Вместе с тем устраняется неестественный разрыв между греч. κεσκίον 'костра, пакля', сопоставляемым с *чесать*, *коса*, и греч. κεάζω 'раскалываю', κείω то же и др., увязываемыми с др.-инд. *śāsti* и т. п.

Включение в рассматриваемую этимологическую группу латинских, греческих и древнеиндийских слов со значениями 'колоть, рубить, резать' создает основание для включения в эту же группу таких слов, как русск. *косяк* 'колода, пень,

---

[10] Berneker I, стр. 581; Frisk, стр. 806; Vasmer I, стр. 640.

[11] A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905, стр. 178, 253; Он же. Indoiranica. — MSL IX. Paris, 1896, стр. 374. Он же, Varia, II. A propos de v. sl. *gǫsĭ*. — MSL XIII. Paris, 1905, стр. 243—245; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 24—25.

[12] Berneker, стр. 342 (под *gǫsь*) и 581 (под *kosa*); Frisk, стр. 806, и др.

[13] В. Георгиев. Индоевропейските гутурали. София, 1932; Он же. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 28—57; ср.: J. Schmidt. Zwei arische a-Laute und die Palatalen. — KZ XXV. Berlin, 1881, стр. 114—118; H. Sköld. Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft. Lund, 1931, стр. 56—74; V. Machek. Zur Vertretung der indogermanischen Palatale. — IF LIII. Berlin—Leipzig, 1935, стр. 89—96; Он же. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 224 (под *kosa* 2).

стояк, простой долбленый улей', *костёр* 'поленница, сложенные дрова, сруб, город', *косуля* 'соха' (первоначально 'нечто обрубленное', хотя может быть связано и с названием рытья, ср. лит. *kàsti*), *костыль*, укр. *костéр* 'сажень дров', *кóстур* 'костыль', польск. *kostur* то же, *kosior* 'кочерга, рукоятка кочерги', чеш. *kosiba* 'кривое дерево, судейский жезл', др.-англ. *hoss* 'ветка, отросток', возможно, также др.-инд. *kāṣṭhám*, *kā́ṣṭham* 'полено дров', *kásāmbu* 'сажень дров'. Привлечение этих слов в свою очередь делает еще более очевидной генетическую связь между группами слов с рефлексами корневых *k* и *k̂*.

На фоне приведенного здесь материала представляется возможным и окончательное решение вопроса об этимологии греч. κάστον 'дрова'. Предлагавшееся Ф. Бехтелем и Г. Гюнтертом объяснение этого слова в связи с лат. *castrō* и т. д.[14] некоторые авторы без достаточных оснований отвергают, проводя взамен этого сближение κάστον то с глаголом καίω 'гореть' (через предполагаемую переходную ступень καυστόν 'горючий')[15], то с именем существительным κᾶλον 'дрова' (через восстанавливаемую форму *καλστον)[16]. Однако слово κάστον как в фонетическом, так и в семасиологическом отношении сближается с лат. *castrare* значительно проще, чем с греч. κᾶλον или καυστόν. Включение греч. κάστον (в первоначальном значении 'нарубленное, насеченное') в одно этимологическое гнездо с лат. *castrō*, русск. диал. *косать* и др. исключительно хорошо согласуется с наличием в этом гнезде таких относящихся к дровам и обрубленному дереву названий из других индоевропейских языков, как русск. *костёр* 'поленница, сложенные дрова', *костыль*, *косяк, косуля*, укр. *костер* 'сажень дров', *костур*, польск. *kosior* 'кочерга, палка', чеш. *kosiba* 'кривое дерево', др.-англ. *hoss* 'ветка, отросток', др.-инд. *kāṣṭhám* 'полено' и др. Такая этимология греч. κάστον поддерживается и образованным от того же корня с нулевой огласовкой (**ks-*) греч. ξύλον 'дрова', лат. *silva* 'лес' и другими аналогичными образованиями из различных индоевропейских языков, о которых идет речь в следующем разделе.

Сопоставление семантики рассмотренных образований от корня *kes-* и его разновидностей в различных индоевропейских языках с отмеченными в некоторых славянских языках значениями глагола *česati* 'прикасаться, ударять, отламывать' приводит к предположению, что эти значения глагола *česati* могли

---

[14] F. B e c h t e l. Die griechischen Dialekte, Bd. II. Berlin, 1921, стр. 86; H. G ü n t e r t. Kleine Beiträge zur griechischen Wortkunde. — IF XXXXV. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 346—347.

[15] A. v. B l u m e n t a l. Hesych-Studien. Stuttgart, 1930, стр. 18; W a l d e, стр. 179; F r i s k, стр. 799.

[16] V. P i s a n i. — «Rendiconti della Reale accademia dei Lincei», VI, 4. Roma, стр. 355—356.

быть унаследованы праславянским из индоевропейского наряду со значениями 'тереть, скрести, расчесывать'. Возможно, что остатки древних значений 'бить, рубить' сохраняются и в русском употреблении глагола *чесать* в смысле 'быстро, решительно, часто делать что-н.', укр. *зчеса́ти* 'мгновенно срезать, срубить, снести (голову)' и т. д., хотя такое употребление воспринимается теперь как метафора на основе значения 'почесывать, скрести'.

Сначала Р. Раумером (свыше ста лет тому назад), а затем Г. Меллером было высказано положение о генетической связи индоевропейского корня *kes-/kos-* с семито-хамитским корнем *g-z-*. В словаре Г. Меллера в качестве соответствий индоевропейским образованиям от корня *kes-/kos-* приводятся такие слова семито-хамитских языков, как араб. *ǧazza* 'отрезать, стричь', *ǧazara* 'убивать, умерщвлять', *ǧazama* 'отрезать, решать' (ср. еще *ǧazzar* 'резник', *maǧzir* 'бойня', *miǧazz* 'ножницы', *ǧaza'a* 'делить, разделять, разбивать на куски'), евр. *gēz* 'стрижка овец', *gāzaz* 'остригать', *gāzar* 'резать, делить, рубить (дерево), решать' (ср. еще *giza* 'настриженная шерсть', *gāzit* 'обтесанные камни'), евр.-арам. *maγzårå miγzᵉrā* 'топор', ассир. *gizzu* 'стрижка', *maγzōzǎ* 'серп', эфиоп. *gazama* 'рубил (дерево)'[17]. Вместе с другими индоевропейско-семито-хамитскими сопоставлениями, предложенными Г. И. Асколи, Р. Раумером, Ф. Деличем, Г. Меллером, А. Тромбетти, А. Кюни и др., это сопоставление наталкивается на слишком категорическое отрицание со стороны ряда индоевропеистов и семитологов. Нельзя, конечно, утверждать, что генетическое родство семито-хамитских и индоевропейских языков окончательно доказано. Однако учет тех положительных научных результатов, которые уже достигнуты в плане сравнительно-исторического изучения индоевропейских и семито-хамитских языков, представляется вполне целесообразным. Ввиду более обычного соответствия индоевропейского *k* семито-хамитскому *q*, а индоевропейского *s* семито-хамитскому *s* генетическое родство и.-е. *kes-/kos-* и сем.-хам. *g-z-* не может быть признано абсолютно очевидным. Тем не менее ряд довольно убедительных соответствий, в которых сем.-хам. *g* выступает вместо и.-е. *k*, а сем.-хам. *z* — вместо и.-е. *s*, делает во всяком случае допустимым и сопоставление и.-е. *kes-/kos-* с сем.-хам. *g-z-*. Ср.: лат *ocris* 'каменистая гора', греч. ὄκρις 'вершина горы, острие', лит. *akmuõ* 'камень' — араб. *ḥaǧar* 'камень, скала'; др.-инд. *śakti-* 'сила, умение, помощь', *śakrá-* 'сильный', *śacī* 'сила', *śaknóti* 'он сильный, может' — араб.

---

[17] H. Möller. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911, стр. 144; R. von Raumer. Die Urverwandtschaft der semitischen und indoeuropäischen Sprachen. — «Gesammelte sprachwissenshaftliche Schriften». Frankfurt a. M.—Erlangen, 1863, стр. 532.

šağu'a 'быть мужественным, сильным, ободрять'; ст.-слав. **коло**, прусск. *kelan* 'колесо', греч. κύκλος 'круг, колесо' — евр. *gilgāl* 'колесо', *g-l-l* 'катиться', амхар. *gᵘ-l-l* 'катиться'; др.-инд. *kulva-*, *átikălvaḥ* 'лысый', лат. *calvus* 'лысый' — араб. *ğaliḥa* 'быть лысым, лысеть'; др.-инд. *camati* 'хлебает', н.-перс. *čamīdan* 'пить' — ивр. *gāmā* 'хлебать'; лат. *currō* 'бегу', др.-инд. *kurdati* 'прыгает' — ассир. *gararu* 'бежать', араб. *ğarā* 'течь, бежать'; лат. *cavus* 'пустой, полый', греч. κοῖλος (< κοϜιλος), ср.-ирл. *cūa* то же — евр.-арам. *gauuā* 'внутренность, середина', араб. *ğauafa* 'делать полым', *ğauf* 'полость'; ст.-слав. **текѫ**, **токъ**, лит. *tekù*, *tekėti* 'течь', др.-инд. *tákti* 'спешит', авест. *tačaiti* 'бежит' — араб. *þağğa* 'течь', *þağīğu* 'поток', а также др.-инд. *bhāsaḥ* 'хищная птица' — араб. *bāz*, *ba'z* 'сокол'; лат. *oscen* 'вещая птица', ст.-лат. *osmen* (> *ōmen*) 'знак, предзнаменование' — араб. *ḥazā* 'угадывать', *ḥāziⁿ* 'предсказатель', *ḥazara* 'угадывать', евр. *ḥāzā* 'видеть' (особенно о пророческих видениях), *ḥōzæ* 'ясновидец, пророк'; лит. *siẽti* 'связывать', др.-инд. *syáti*, *sinā́ti* 'связывает', хет. *išḫiịa-*, *išḫāi* 'вязать' — араб. *ḥazama* 'связывать'; др.-инд. *sámā* 'половина года, время года, год', *sāmi* 'односторонний, половина', авест. *ham-* 'лето, год', др.-ирл. *sam*, др.-кимр. *ham* 'летняя половина года', арм. *am* 'год', др.-в.-н. *sumar* 'лето', греч. ἡμι-, лат. *sēmi-*, др.-в.-н. *sāmi-* 'полу-' — араб. *zaman*, *zamān* 'время, продолжительность (< полгода, время года)', эфиоп. *zaman* 'время года, время', евр.-арам. *zimna* 'время, раз'; ср.-в.-н., н.-в.-н. *summen* 'напевать', гот. *siggvan* 'петь и др.', др.-в.-н. *singan* 'петь', греч. ὀμφή 'голос' — араб. *zamzama* 'рокотать, бормотать', сир. *zam* 'жужжать, звучать', сир., евр. *z-m-r* 'петь'; ст.-лат. *semol*, *semul*, лат. *simul* 'одновременно, совместно', *semel* 'один раз', *similis* 'подобный' — араб. *zumla* 'сообщество', *zamīl* 'спутник, товарищ', *zamāla* 'товарищество'; др.-инд. *sámana-m* 'совместность, собрание', *samanā́* 'вместе, одновременно', гот. *samana*, др.-в.-н. *saman*, 'вместе', *samanōn* 'собирать', греч. ὅμαδος 'собрание, множество, толпа' — сир. *z-m-n* 'собираться, сходиться', ивр. *zimmūn* 'встреча в одном месте, приглашение'; др.-англ. *serðan* 'coire', ср.-в.-н. *serten* 'бесчестить, позорить — араб. *zaradānu* 'vulva' и т. д. Реальность звукового соответствия и.-е. *k* — сем.-хам. *g* подтверждается и общеизвестными фактами чередования *k* : *g* внутри индоевропейской и внутри семито-хамитской языковых семей в отдельности. Ср. и.-е. *kem-* : *gem-* (др.-инд. *camati* 'хлебает' : *jamati* то же) — сем. *g-m* : *q-m* (ивр. *gāmā* 'хлебать' : араб. *qamma* 'поедать') и т. п. В ряду приведенных индоевропейско-семито-хамитских соответствий связь и.-е. *kes-/kos-* с сем.-хам. *g-z-* представляется не менее вероятной, чем многие принимаемые в науке внутрииндоевропейские этимологические связи. Поэтому вряд ли могут быть указаны серьезные основания для категорического отмежевания семито-хамитских слов с кор-

нем *g-z-*, обозначающим резание, рубку, битье, от рассматриваемого в данном случае индоевропейского этимологического гнезда.

На основании привлеченных до сих пор наиболее очевидных данных индоевропейских языков индоевропейский корень, лежащий в основе образований, принадлежащих к данному этимологическому гнезду, может быть представлен в следующих древнейших звуковых разновидностях: *kes-*, *kos-*, *kas-*, *ks-*, *k̑es-*, *k̑os-*, *k̑as-*, *k̑s-*. Путем сопоставления с соответствующими данными семито-хамитских языков этот индоевропейский корень может быть возведен к двум разновидностям ностратического корня — *g-z-*, *ĝ-z-* — с огласовкой, не поддающейся в настоящее время точному определению.

Семантика рассмотренных образований от корня *kes-* и его разновидностей в различных индоевропейских языках свидетельствует о том, что круг значений этого корня уже в праиндоевропейский период был довольно широким, но вместе с тем цельным и неразрывным. Исходя из семантики приведенных образований этот круг можно представить в виде замкнутого ряда следующих современных конкретных значений: ‘бить—трогать—чесать—царапать—скрести (и резать)—рыть—копать—втыкать—колоть—резать—рубить (и умерщвлять)—раскалывать—бить (и умерщвлять)’. В семито-хамитском корне *g-z-* этот круг значений представлен лишь одним его участком — ‘резать—рубить—умерщвлять—бить’.

В настоящем разделе не были рассмотрены древнейшие индоевропейские образования от редуцированной ступени корня *ks-* (*k̑s-*), а также ряд собственно славянских образований от полной ступени корня с огласовкой *e*, *o*. Этот довольно многочисленный и разнообразный материал, требующий более специального освещения, приведен в следующих разделах. Освещение этого материала не только определяется результатами анализа древнейшего слоя индоевропейских слов с корнем *kes-* и его нередуцированными разновидностями, но в свою очередь и дополняет и уточняет общую характеристику всего этимологического гнезда в целом.

ОБРАЗОВАНИЯ ОТ РЕДУЦИРОВАННОЙ СТУПЕНИ КОРНЯ * *ks-*, * *k̑s-*

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о производных образованиях различных индоевропейских языков от корневого элемента *ks-* (*k̑s-*), представляющего собой ступень редукции корня *kes-*/*kos-* (*k̑es-*/*k̑os-*). Установление этих образований крайне осложняется тем обстоятельством, что в большинстве индоевропейских языков сочетание согласных *ks*, особенно в начале слова, подверглось различным упрощениям, в результате которых первоначальный корень в некоторых словах полностью исчез, в боль-

шинстве же случаев приобрел трудно идентифицируемую звуковую форму. Вместе с тем редукция корневого элемента сопровождалась как правило особенно значительным усложнением соответствующих образований многочисленными суффиксальными элементами, видоизменявшими первоначальную семантику корня в различных направлениях.

Наиболее адекватное отражение индоевропейской разновидности корня **ks-* сохранилось в греческом языке, в котором звукосочетание *ks* в начале слова не только является прямым продолжением индоевропейского состояния, но и не возводится в этой позиции ни к какому другому индоевропейскому звукосочетанию. Именно поэтому рассмотрение образований от индоевропейского корневого варианта **ks-* удобнее всего начать с фактов греческого языка.

Общепризнано наличие ступени редукции корня **kes-/*kos-* в греческих глаголах ξέω 'строгаю, обтачиваю, обтесываю, лощу', ξύω 'скоблю, скребу, строгаю, чешу', ξαίνω 'чешу, расчесываю, молочу, бью' и в производных от этих глаголов словах ξέσις 'лощение, вырезывание', ξέσματα мн. 'стружки; резные предметы', ξόανον '(резная) фигура бога', ξοΐς 'резец', ξῦσις 'скобление, царапание', ξῦσμα 'оскребок, стружка', ξυσμή 'вырезанная черта; чесотка', ξυσμός 'зуд, раздражение', ξυστήρ 'скребок, скобель', ξύστρα 'скребок, скребница', ξῦστρον 'скребок, серп, коса', ξυήλη 'скребок, кинжал', ξυρόν 'бритва', ξάντης 'чесальщик шерсти', ξαντική 'искусство чесания шерсти', ξάσμα 'прочесанная шерсть', ξάνσις 'чесание шерсти', ξάνιον 'гребень для чесания шерсти' и др.[18] Не достигнуто единого мнения относительно принадлежности к этому гнезду слова ξύλον 'срубленные лес, бревна, балки, поленья, дрова, дерево', которое приводил в этой связи уже А. Фик и впоследствии рассматривали Э. Цупица, К. Бругман, Э. Буазак, Э. Швицер, Г. Гюнтерт, И. Х. Дворецкий и др.[19] П. Персон выступил против сближения ξύλον с ξύω, реконструировав для ξύλον на основе сопоставления его с лит. *šùlas* 'столб', и др., блр. (и укр.) *шýла* 'столб', ст.-слав. **слѣмѧ** 'бревно, перекладина' индоевропейский корень **(k̂)seuel-* с факультативным палатальным *k̂*[20]. Точку зрения П. Персона поддержали П. Шан-

---

[18] F r i s k, стр. 332, 335, 340—342; W a l d e I, стр. 173; A. M e i l l e t. Les alternances vocaliques. . ., стр. 338.

[19] F i c k[3] I, стр. 236; K. B r u g m a n n, B. D e l b r ü c k. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. I. 2-e Aufl. Strassburg, 1906, стр. 363; B o i s a c q, стр. 679; E. S c h w y z e r. Griechische Grammatik, Bd. I. München, 1939; стр. 269; H. G ü n t e r t. Kleine Beiträge zur griechischen Wortkunde. — IF 45, 1927, стр. 346—347; И. Х. Д в о р е ц к и й. Древнегреческо-русский словарь, т. II. М., 1958, стр. 1147.

[20] P. P e r s s o n. Beiträge. . ., I, стр. 379—380.

трен, И. Гофман, Я. Фриск и др.[21] Однако славянские соответствия греч. ξύλον и лит. *šùlas* — блр. и укр. *шýла* 'столб', укр. *шульгóвина* 'бревно', ст.-польск. *szuło* то же, с.-хорв. *шŷљ* 'чурбан, колода', *шýљак* то же, словен. *šûlj*, *šûljek* то же — вряд ли могут рассматриваться в качестве однозначных отражений индоевропейского начального *k̂s* с палатальным *k̂*. Если даже признать возможным приведение в эту связь ст.-слав. **слҍма**, которое могло бы восходить к **k̂sel* или **sel*, то и в таком случае с.-хорв. *шŷљ*, словен. *šûlj*, укр. *шульгóвина* (а может быть, и укр. и блр. *шýла*, если они не заимствованы через польск. *szuło* из немецкого, ср. др.-в.-н. *sûl* 'колонна') могут восходить как к варианту основы **k̂seuel-*, в которой согласно общепринятому положению, установленному Й. Шмидтом, сочетание *k̂s* изменилось в *s*[22], слившееся затем с последующим *j* из *eu* (> *jū*) в *š*, так и к вариантам **kseul-* или **ksoul-* с непалатальным *k*. Но и окончательное решение в пользу **k̂seul-*, если бы оно было подтверждено убедительными фактами, не могло бы стать основанием для отрыва греч. ξύλον от ξύω, подобно тому как нет оснований для отрыва др.-инд. *śā́sti* 'режет', *śastrám* 'нож' от лат. *castrō* 'обрезаю' и др. В свете отмеченного выше массового чередования палатальных заднеязычных с непалатальными в одних и тех же индоевропейских корнях, наиболее обстоятельно освещенного в работах В. Георгиева, здесь может идти речь не более чем о двух разновидностях одного и того же индоевропейского корня — **ks-* и **k̂s-*. Таким образом, греч. ξύλον включается в один ряд с ξύω и другими словами с начальным **ks-*, представляющим редуцированную ступень корня **kes-*/**kos-*. В этой связи ξύλον 'дрова' составляет замечательную семантическую параллель к упомянутому выше греч. κάστον 'дрова', содержащему другую разновидность того же корня, а этот параллелизм в свою очередь является дополнительным подтверждением правильности именно такого истолкования обоих греческих слов.

Важное значение для этимологии индоевропейского имени числительного, обозначающего 6, а также ряда других слов индоевропейских языков имеет вопрос об истолковании греческих слов ξέστης 'кружка; мера жидких и сыпучих тел' и ξέστριξ (κρίθη) 'шестирядный (ячмень)'. Мнение Ф. де Соссюра и Г. Остхофа о древнем характере начального ξ в этих словах, восходящего к начальному *ks-* в индоевропейском числительном **ksek̂s*

---

[21] P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933, стр. 240; Hofmann, стр. 222; Frisk, стр. 338—339.

[22] J. Schmidt. Zwei arische a-Laute. . ., стр. 120—121; F. de Saussure. Les formes du nom de nombre «six» en indo-européen. — MSL VII. Paris, 1882, стр. 77 (перепеч. в «Recueil des publications scientifiques de F. de Saussure», стр. 438); P. Persson. Beiträge. . ., стр. 383.

'шесть' [23], в настоящее время не принимается, греческие же формы считаются результатом метатезы внутреннего *k* в начало слова, причем для ξέστριξ предполагается доисторическая форма *σεξ-στριξ или *σFεξ-στριξ, а ξέστης объясняется как обратное образование от предполагаемой греческой формы *σεξτάριον, в которой якобы было заимствовано лат. *sextarius* 'секстарий' (мера жидких и сыпучих тел, равная $^1/_6$ конгия) и которая на греческой почве могла восприниматься как деминутивная [24]. Это новое объяснение исходит из двух произвольных предположений: о том, что форма *σ(F)εξ- является единственно возможной греческой формой индоевропейского корня, обозначающего число 6, и о том, что из двух значений греч. ξέστης — 'кружка' и 'мера объема, составляющая шестую часть большей меры' — последнее значение, параллельное значению лат. *sextarius*, является первичным [25]. Между тем неопровержимо обоснованная де Соссюром индоевропейская форма корня со значением числа 6 в виде **ksu̯eks* и данное им же освещение различных рефлексаций этого корня по отдельным индоевропейским языкам как различных результатов упрощения начальной группы согласных с выпадением какой-либо одной из трех согласных [26] позволяют объяснить греч. ξεσ- в слове ξέστριξ как один из греческих фонетических вариантов индоевропейского **ksu̯eks*-, в котором выпадение внутреннего *k* было вызвано известной тенденцией греческого языка к упрощению группы *kst* [27]. Такое объяснение предполагает, естественно, что сложное слово **ksu̯eks-striks*- возникло до начала действия индоевропейской тенденции к упрощению соответствующих групп из трех согласных. При этом другая рефлексация этого же корня в виде обычного греч. ἕξ, т. е. *σ(F)εξ (**su̯eks*), с выпадением начального *k* может быть объяснена тем, что на выбор подлежащего устранению согласного звука в начальной группе из трех

---

[23] F. de Saussure. Les formes du nom de nombre «six» en indo-européen. — MSL VII, стр. 77 («Recueil des publications scientifiques», стр. 439); H. Osthoff. Griechische und lateinische Wortdeutungen (Dritte Reihe). — IF VIII. Strasburg, 1897, стр. 12—14.

[24] G. Meyer. Neugriechische Studien, III. Wien, 1895, стр. 49 («Sitzugsberichte d. kais. Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse» 132, III); K. Brugmann. Griechische Grammatik. 3-te Aufl. München, 1900, стр. 137; Boisacq, стр. 678; E. Schwyzer. ἐκτράνιος. — KZ 56. Göttingen, 1929, стр. 310; Он же. Griechische Grammatik, Bd. I. München, 1939, стр. 269; Frisk, стр. 335 (по недосмотру Фриск приписывает де Соссюру реконструкцию начального *ḱs* с палатальным *ḱ* в и.-е. **ksu̯eks*- вместо предполагаемого де Соссюром в действительности *ks* с *k* непалатальным).

[25] В принципе подобное соотношение этих двух значений слова ξέστης вполне возможно; ср. аналогичное развитие значения укр. диал. *ква́рта* 'кружка металлическая' из значения 'четверть гарнца'.

[26] F. de Saussure. Recueil des publications scientifiques, стр. 435.

[27] Об этой тенденции см.: E. Schwyzer. ἐκτράνιος. — KZ 56, стр. 310.

согласных повлияло стремление к диссимиляции начального и конечного сочетаний *ks*. Настоящее объяснение не является обоснованием включения греч. ξεσ-, ἕξ в этимологическую группу слов с корнем *kes-/kos-/ks-*, оно лишь поддерживает мнение де Соссюра о первоначальном наличии в корне различных индоевропейских вариантов обозначения числа 6 начальной группы *ks*. Однако не исключена возможность, что начальное *ks-* в корне *ksu̯eks-* является именно редуцированной ступенью корня *kes-/kos-*. В таком случае общее значение 'шесть' могло возникнуть из конкретного значения определенной меры длины ('обрезка', 'палки', ср. рассматриваемое дальше русск. *шест*) или меры объема, вначале просто сосуда (чего-то выдолбленного, ср. упоминаемое дальше слав. *чаша*). Именно общее значение сосуда, восходящее к одному из свойственных корню *kes-/kos-/ks-* первоначальных значений 'долбить' или 'вырезать', могло быть первичным у греч. ξέστης 'секстарий; кружка', которое в таком случае, несмотря на его позднюю фиксацию в памятниках, должно быть признано исконно греческим (ср. отглагольное прилагательное ξεστός 'скобленный, полированный, сделанный из полированного дерева или камня, гладкий'). При этом в качестве семантической параллели в пределах образований от того же корня можно было бы привести образованное от ступени *kes-* с секундарным удлинением слав. *чаша* (см. дальше). При первоначальном значении 'сосуд, кружка' значение 'секстарий', связанное с числом 6, вовсе не обязательно должно было возникнуть в качестве закономерного результата внутреннего семантического развития слова ξέστης; это слово, близкое по своему звуковому составу к лат. *sextarius*, просто могло быть использовано на соответствующем этапе для перевода латинского слова и тем самым выведено из сферы бытового употребления в сферу литературного языка.

Часть исследователей возводит к и.-е. корню *kes-/kos-/ks-* также греч. ξίφος (σκίφος) 'меч' с рядом производных[28]. Особого внимания заслуживает недавно предложенное Б. Чопом сопоставление греч. ξίφος с осет. *äxsirf* (в словаре В. И. Абаева[29] — *äxsyrf*, *xsyrf*) 'серп' и возведение обоих слов к и.-е. прилагательному *ksiph-ró-s* 'острый, режущий'[30]. Однако ввиду того, что истолкование этого слова как заимствования из восточных (вероятно, семитических) языков (ср. арам. *saȷᵉfā* 'меч', араб. *saifun*, егип. *sēfet* то же) представляется на данном этапе не

---

[28] A. F i c k. Vergleichendes Wörterbuch, Bd. I. 3-te Aufl., Göttingen, 1874, стр. 808; Bd. II, стр. 267; K. B r u g m a n n. Griechische Grammatik, стр. 136 (предполагается разновидность корня *ks-*, содержащаяся и в др.-инд. *śasati* 'режет') и др.

[29] А б а е в I, стр. 222.

[30] B. Č o p. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, I. — KZ 74. Göttingen, 1956, стр. 231—232.

менее убедительным[31], вопрос о его принадлежности к рассматриваемому этимологическому гнезду придется оставить открытым.

Подобно греческому языку индоевропейское сочетание согласных *ks* в начале слов сохраняется также в древнеиндийском (в виде *kṣ*) и частично в древнеиранском (в виде *xš*, обычно упростившегося в *š*). При этом сочетание с палатальным *k̂* (*k̂s-*) в древнеиндийском совпало в одном рефлексе с сочетанием, содержавшем непалатальное *k*, между тем как в авестийском языке рефлексом сочетания *k̂s-* является (*š*)*š*, отличающееся от *xš*[32]. Но, в отличие от греческого языка, начальные сочетания согласных *kṣ* и *xš* в древнеиндийском и соответственно древнеиранском языках генетически не однозначны, так как могут восходить не только к и.-е. *ks-*, но и к *ghs-*, а также к сочетаниям заднеязычных согласных с согласными *þ*, *þh*, *đ*, *đh* (*kþ-*, *k̂þ-*, *gþ-*, *k^u þh-*, *ĝđh-*, *g^u đh-* и т. д.) и к некоторым другим звуковым элементам.

К числу несомненных образований от редуцированной ступени рассматриваемого индоевропейского корня *ks-* (*k̂s-*) в древнеиндийском и авестийском языках принадлежат др.-инд. *kṣádate* 'раскладывает, разделяет, убивает', *kṣattár* 'человек, подкладывающий кушанья', *kṣádma* 'нож для подкладывания кушаний', авест. *šanman* (< **šadman*) 'острие'[33], др.-инд. *kṣuráḥ* 'бритва', соответствующее греч. ξυρόν то же, производному от ξύω 'скоблю, скребу'[34], и др.-инд. *kṣṇáuti* 'точит, острит', *kṣṇótram* 'точильный камень', авест. *hu-xšnu-tō* 'хорошо выостренный'[35]. Не лишено оснований, в свете разработанной Г. Якобссоном и др. этимологии славянского слова *час* (см. дальше), предположение И. Шефтеловица о принадлежности к рассматриваемой этимологической группе также др.-инд. слов *kṣanaḥ*, *kṣanam* 'миг, мгновение' как восходящих к и.-е. **k(e)s-enó-*[36], хотя большинство исследователей предполагает связь этих слов с др.-инд. *ákṣi* 'глаз'[37]. Вполне очевидна принадлежность к гнезду с корневым

---

[31] H. Lewy. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. Berlin, 1895, стр. 176—177; Frisk, стр. 336—337; А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований (На материале греческого языка). Киев, 1950, стр. 79—80, и др.

[32] J. Schmidt. Zwei arische a-Laute. . ., стр. 120—121.

[33] Mayrhofer, стр. 285.

[34] Там же, стр. 292.

[35] Там же, стр. 295.

[36] J. Scheftelowitz. Die verbalen und nominalen *sk̂*- und *sk*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Albanischen. — KZ 56, 3/4. Göttingen, 1929, стр. 209.

[37] Mayrhofer, стр. 284; La Terza. — «Rivista indo-greco-italica» 9. Napoli, стр. 116; P. Persson. Beiträge. . ., II, стр. 570; J. Wackernagel, A. Debrunner. Altindische Grammatik, Bd. II (2). Göttingen, 1954, стр. 197.

и.-е. *ks-* древнеиндийского *kṣodati* 'растаптывает, толчет', *kṣodaḥ* 'мука, порошок'. а также сопоставляемого с этими словами др.-инд. *kṣudrā́ḥ* 'малый, низкий, незначительный' (сравн. степ. *kṣodīyān*, превосх. степ. *kṣodiṣṭhaḥ*), *kṣullaḥ*, *kṣullakā́ḥ* 'малый, крошечный'[38] (по-видимому, первоначально 'оббитый, обрубленный, обломанный'). Возможно, сюда же следует отнести др.-инд. *kṣút*, *kṣudhā* 'голод', *kṣúdhyati* 'ощущает голод', *kṣódhukaḥ* 'голодный', авест. *šud* 'голод' (ср. хет. *kast-* 'голод', тох. А *kaṣt* то же). Обычно др.-инд. *kṣudhā* и его производные рассматриваются вне связи с др.-инд. *kṣódati*, хотя вместе с тем делаются попытки сопоставления *kṣudhā* со слав. *xudъ*, с которым более решительно сопоставляется *kṣódati*[39]. Одним из оснований для отрыва *kṣudhā* от *kṣódati* служит обнаруживаемое в авестийских соответствиях различие индоевропейских заднеязычных *k̂* и *k* в этих словах, хотя, как уже отмечено, это различие в действительности характеризует лишь разные варианты одного и того же корня. Более того, поскольку слав. *xudъ* несомненно восходит к варианту *ks-* с непалатальным *k*, сопоставление с ним др.-инд. *kṣudhā*, авест. *šud-* возможно лишь при условии генетического отождествления вариантов корня *ks-* и *k̂s-*.

Сохраняющийся в др.-перс. *xšvaš* 'шесть', пракр. *chā*, *chaṭṭho* 'то же' рефлекс начального *ks-* в др.-инд. *ṣaṣ* (*ṣaṭ*) не отражен. По мнению де Соссюра, *ṣaṣ* является результатом контаминации двух возможных в древнеиндийском рефлексаций и.-е. **ksu̯eks*, именно **ṣakṣ*, и **kṣaṣ*[40]. Вместе с родственными греч. ἕξ 'шесть', ξέστης 'кружка' индо-иранские формы числительного 'шесть' могут быть возведены к корню *ks* (:*kes-*).

Помимо указанных связей, с той или иной точки зрения уже рассматривавшихся в литературе, очень вероятной на фоне общей семантики индоевропейских образований от корня *kes-* и его вариантов представляется принадлежность к числу этих образований также др.-инд. *kṣipáti* 'бросает, швыряет' (вероятно, первоначально 'ударяет', как и в некоторых других подобных случаях — ср. русск. *шибать*), *kṣepaḥ* 'бросок, метание', *kṣipraḥ* 'быстрый', авест. *xšviw-*, *xšviwrō* то же. С такой же степенью уверенности к рассматриваемому гнезду может быть присоединено и не объясненное до сих пор др.-инд. *kṣupaḥ* 'куст' (первоначально, может быть, 'розги, хворост, обломанные ветки'). По всей видимости, и.-е. *ks-* лежит и в основе др.-инд. глагола *kṣāláyati* 'отмывает, чистит' (первоначально, может быть, 'скребет,

---

[38] M a y r h o f e r, стр. 291, 294.

[39] M a y r h o f e r, стр. 291, 294; V. M a c h e k. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch* im Slavischen. — «Slavia», r. XVI, seš. 2—3. Praha, 1939, стр. 174.

[40] F. de S a u s s u r e. Les formes du nom de nombre «six» en indoeuropéen. — «Recueil des publications scientifiques», стр. 438—439; ср.: J. S c h m i d t. Zwei arische a-Laute. . ., стр. 121—122.

скоблит'), неубедительно и не очень уверенно сопоставляемого Майрхофером с авест. *γžarayeiti* 'пускает (позволяет) течь, источает'[41]. Следовало бы рассмотреть в этом плане также не объясненные др.-инд. *kṣvedaḥ* 'яд' и *kṣavakaḥ*, *kṣutaḥ*, *kṣutakaḥ*, *kṣujjanikā* 'черная горчица'.

В особом освещении нуждаются древнеиндийские и древнеиранские образования на *kṣ-*, *xš-* со значением повреждения, уничтожения и т. п.; ср. др.-инд. *kṣáyati* 'уничтожает', *kṣanóti* 'ранит', *kṣiṇā́ti* 'разрушает, уничтожает', *kṣiṇóti* то же, *kṣapayati* то же, *kṣīyate* 'исчезает', *kṣayáḥ* 'потеря, разрушение', *kṣatiḥ* 'уничтожение, повреждение', *kṣítiḥ* 'исчезновение, разрушение', *kṣitáḥ* 'истощенный', *kṣataḥ* 'поврежденный', авест. *xšayō* 'чтобы испортить', *xšyō* (род. п.) 'исчезновения, нужды', др.-перс. *axšata* 'невредимый, неповрежденный'. Как в семантическом, так и в фонетическом отношении эти образования, рассматриваемые в системе всех соответствующих лексических данных древнеиндийского и авестийского языков, исключительно хорошо укладываются в общую систему индоевропейских образований от и.-е. *ks-* как редуцированной ступени корня *kes-*. Однако возведение этих индо-иранских образований к и.-е. *ks-* оказывается невозможным ввиду установленного уже раньше соответствия др.-инд. *kṣiṇáti* 'разрушает, уничтожает', *kṣitáḥ* 'истощенный' — греч. φθΐνω 'исчезаю, гибну', φθιτός 'погибший, подверженный убыли', а др.-инд. *kṣanóti* 'повреждает, ранит' — греч. κτείνω 'умерщвляю', κτονός 'убийство'[42]. При этом прямое фонетическое соответствие др.-инд- *kṣináti* и греч. φθΐνω принимается иногда настолько безоговорочно, что даже отвергается явное родство др.-инд. *kṣináti* 'разрушает, уничтожает' и авест. *xšayō* 'чтобы испортить'[43]. Между тем происхождение греческих звуковых форм с κτ-, χθ-, φθ- и их кельтских соответствий до сих пор остается настолько неясным[44], что эти формы вряд ли могут служить основанием для отрыва рассматриваемых индоиранских образований от того этимологического гнезда, с которым они самым естественным образом связаны. Ввиду этого все еще представляется обоснованным предположение К. Бруг-

---

[41] Mayrhofer, стр. 288; ср.: V. Machek. Untersuchungen..., стр. 174; F. Korš. [Рец. на кн.:] И. В. Нетушил. Об аористах в латинском языке. — AfslPh VII. Berlin, 1884, стр. 101.

[42] K. Brugmann, B. Delbrück. Указ. соч., I, стр. 790—791; Mayrhofer, стр. 284, 289.

[43] Mayrhofer, стр. 289; ср.: Walde—Pokorny I, 1929, стр. 506.

[44] Ср.: W. Brandenstein. Streifzüge, I. Die indogermanischen Spiranten ϑ und δ. — «Glotta» 25, 1936; J. Kuryłowicz. — «Actes du 4-me Congrès international des linguistes (1936)». Copenhaguen, 1938, стр. 63; É. Benveniste. Le problème du ϑ indo-européen. — Там же, стр. 264 сл.; Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 24—35.

мана о том, что и.-е. ϑ, δ, содержащиеся в греческих сочетаниях κτ, χϑ, φϑ, могли возникнуть при каких-то неизвестных условиях из *s*[45].

Данные индоевропейских языков, допустивших совпадение рефлекса начального сочетания *ks-* с рефлексом простого *s-*, в деле освещения рассматриваемых индоевропейских образований играют не столь важную роль, как данные индо-иранских языков. Из числа несомненно относящихся к этимологическому гнезду производных от индоевропейского корневого элемента *ks-* (*k̂s-*) в латинском языке могут быть названы лишь лат. *silva* 'лес', сопоставляемое через предполагаемую более древнюю ступень **kselu̯a* с греч. ξύλον 'дерево'[46], лат. *sentis* 'терновник', *sentus* 'тернистый, шероховатый', сопоставляемые с греч. ξαίνω 'чесать'[47], и лат. *sex* 'шесть' (из **ksek-*). С меньшей уверенностью сюда же может быть отнесено лат. *situs* 'плесень, грязь, ржавление, увядание', сопоставляемое с др.-инд. *kṣiṇā́ti* 'уничтожает'[48], и лат. *sitis* 'жажда', которое соответствует др.-инд. *kṣudh-* 'голод'. Корневой элемент **ks-* полностью утрачен в лат. *novacula* 'острый нож; бритва', возводимом к основе **ks-neu-* и сопоставляемом с др.-инд. *kṣṇauti* 'острит, точит, трет', *kṣṇṓtram* 'точило' и т. д.[49] Из германских соответствий здесь в первую очередь может быть названо гот. *sauls* 'колонна, столб', др.-в.-н. *sūla* то же (совр. нем. *Säule*), сопоставляемое с греч. ξύλον, лат. *silva*, и гот. *saihs* 'шесть', др.-в.-н. *sehs* то же. Ниже будут приведены еще факты, отражающие метатезу и упрощение в корневом *ks-*.

Особенно актуальным является вопрос об образованиях от индоевропейского корневого элемента *ks-*, *k̂s-* в славянских и балтийских языках. 50 лет тому назад А. Мейе считал, что *ks-* как нулевая ступень корня *kes-* в славянских языках вообще не представлена[50]. Однако шесть лет спустя П. Персон уже сопоставлял с греч. ξύλον 'дерево' русск. *шýло*, с.-хорв. *šûlj*[51], а еще через четыре года Г. А. Ильинский насчитывал не менее семи лексических основ славянских языков, образованных именно от этой нулевой ступени индоевропейского корня **kes-*,

---

[45] K. Brugmann, B. Delbrück. Указ. соч., I, стр. 790; ср.: É. Benveniste. Указ. соч., стр. 264—266.

[46] Walde II, стр. 537.

[47] Там же, стр. 516; P. Persson. Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. Uppsala, 1891, стр. 135; Он же. Beiträge. . ., I, стр. 356—358.

[48] Walde II, стр. 549; F. de Saussure. Les formes du nom de nombre «six» en indo-européen. — MSL VII, стр. 76 («Recueil des publications scientifiques», стр. 438); K. Brugmann, B. Delbrück. Указ. соч., I, стр. 675, 790—791.

[49] Walde II, стр. 178.

[50] A. Meillet. Les alternances vocaliques. . ., стр. 338.

[51] P. Persson. Beiträge. . ., I, стр. 383.

в том числе русск. *шип*, *хвоя*, *шут*, *худ*, *хилить* (*хинить*), ст.-слав. **хоусити** 'грабить' и с.-хорв. *шу̏га* 'парша, чесотка'[52].

Фонетической основой этимологизирования соответствующих славянских образований является установленное Й. Шмидтом и в настоящее время, пожалуй, общепринятое положение, согласно которому и.-е. *ks-* с непалатальным *k* в славянских языках отражается в виде *x* (перед гласными переднего ряда — *š*), между тем как рефлексом *k̂s-* (с палатальным *k̂*) является общеслав. *s*. Что же касается предположения Й. Шмидта о различии рефлексов *ks* и *k̂s* в литовском языке между гласными в виде *š* и *ks*[53], то оно, по крайней мере для начала слова (в положении перед гласным), не соответствует действительности, так как в этом положении оба варианта сочетания выступают в литовском языке в виде *š* (в латышском — *s*). Вместе с тем балто-славянские, как и другие индоевропейские, соответствия дают основание предположить, что в ряде случаев начальное сочетание *ks-* здесь подвергалось метатезе в *sk-*.

Среди балто-славянских образований от и.-е. *ks-* (: *kes-*) должна быть в первую очередь названа группа слов с основой *šul-*, обнаруживающая в целом довольно разветвленную семантику. Сюда принадлежат, в частности, словен. *šúliti* 'гладить, скрести', *šûlj*, *šûlj(ə)k* 'чурбан, отрубленный ствол дерева', *šúla* 'овца с маленькими (вначале, вероятно, «с обрезанными» или «отбитыми») рогами (ушами)', с.-хорв. *шу̑љ* 'чурбан, колода', *шу́љак* то же, укр. *шу́ла* 'столб в заборе, в стене', *ушу́ла* то же, *шульго́вина* 'бревно', *шу́лий* (о воле) 'с рогами вниз', *шульга́* 'левша' [первоначально 'лишенный (правой) руки, обрубленный'], русск. *шу́ло* 'заборный столб', блр. *шу́ла*, *шуло́* 'столб в строении; верея', польск. *szuło* 'столб' (в строении), лит. *šùlas* 'клепка (в бочке, деревянном ведре), столб, столп', *šùlė* 'бочка', *šulaĩ* 'небольшой составленный из клепок сруб колодца', *šulinỹs* 'колодец', *šulinẽ* то же, *pašulinỹs* 'место у колодца', *pašulė̃* 'место у воротного столба; место под бочкой', прусск. *sulis* 'столб'. Рассмотрение этих слов необходимо начать с вопроса об их отношении к соответствующим германским словам. Из различных высказывавшихся по этому поводу мнений наиболее убедительным представляется взгляд К. Буги, показавшего, что литовские слова ни с фонетической (краткое *ŭ*), ни с семантической (древность значений 'бочка', 'колодец') точек зрения не могут быть признаны заимствованиями

---

[52] Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках. Петроград, 1916, стр. 51—54; ср.: Он же. Славянские этимологии. — РФВ, т. 70, вып. 2, 1913, стр. 257.

[53] J. Schmidt. Zwei arische a-Laute. . ., стр. 120—121.

из германских или славянских языков[54]. Вместе с тем кажется вполне вероятным предположение К. Буги о заимствовании белорусского, русского, украинского и польского слов со значением 'столб' из литовского языка (по мнению других исследователей, вост.-слав. *шу́ло* заимствовано через польский язык из др.-в.-н. *sûl* 'колонна'[55]). Однако, если даже признать форму *шуло* (*szuło*) 'столб' не собственно славянской, унаследованная из индоевропейского основа *šul-* остается достаточно хорошо представленной южнославянскими словами и укр. *шу́лий*, *шульга́*, *шульго́вина*, об иноязычном происхождении которых не может быть и речи.

Словообразовательная предыстория славянской основы *šūl-* и балтийской *šŭl-* (*sul-*) неодинакова. Если лит. *šŭl-* краткостью *u* указывает на свое происхождение из **ksŭl-* и, таким образом, точно соответствует греч. ξύλον, то слав. *šūl-* могло получиться только из индоевропейской дифтонгической формы **kseul-* или **k̂seul-*. Дальнейшее развитие от каждого из этих двух возможных индоевропейских вариантов основы должно было пойти двумя разными путями, ведущими, однако, к тождественному результату: **kseul-* > **xeul-* > **šeul-* > **šjūl-* > *šūl-* и **k̂seul-* > **seul-* > **sjūl-* > *šūl-*. Предложенная П. Персоном и принятая большинством исследователей единственная праформа с палатальным *k̂*[56] вовсе не является обязательной. Тем меньше оснований имеется для того, чтобы, вслед за П. Персоном, исходя из этой праформы отрывать лит. *šūlas*, с.-хорв. *шу̑љ*, словен. *šȗlj* и включаемое в связь с этими словами греч. ξύλον от греч. ξύω, возводимого к якобы совсем другому корню *ks-* с *k* непалатальным (о необоснованности противопоставления вариантов с *k* и *k̂* уже говорилось).

От упомянутых выше словен. *šúla* 'короткорогая', укр. *шу́лий* 'с рогами вниз' не может быть отделено укр. *шу́тий* 'безрогий', русск. диал. *шу́тый*, польск. *szuty*, чеш., слвц. *šutý*, болг. *шут*, с.-хорв. *шу̏т* то же, словен. *štúla* (<**šutula*) 'обрубок; безрогая корова'[57]. Основа *šut-* происходит, вероятно, от индоевропейского или раннепраславянского отглагольного прилагательного (впоследствии такие формы стали страдатель-

---

[54] К. Буга. Замечания и дополнения к этимологическому словарю русского языка А. Преображенского (K. Buga. Rinktiniai raštai, t. II. Vilnius, 1959, стр. 620—622), с некоторыми библиографическими ссылками; ср.: Fraenkel, стр. 1032.
[55] A. Matzenauer. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870, стр. 339; A. Brückner. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877, стр. 143; Он же. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 557.
[56] P. Persson. Beiträge. . ., I, стр. 379—383.
[57] Ср.: H. Petersson. — AfslPh XXXIV, стр. 381.

ными причастиями) **kseut-* (**k̂seut-*) и, таким образом, представляет собой лишь суффиксальную параллель к основе *šul-*[58].

Не вызывает сомнений правильность сопоставления слав. *xudъ* (русск. *худой*, укр. *худий* и т. д.) с др.-инд. *kṣódati* 'растаптывает', *kṣudraḥ* 'малый, низкий, незначительный'[59]. Вместе с тем представляется в семантическом отношении совершенно не обоснованным проводимое в некоторых из этих работ сближение слав. *xudъ* и его древнеиндийских соответствий с греч. ψεῦδος 'ложь', ψυδρός 'ложный'[60]. Как уже отмечено выше в связи с др.-инд. *kṣódati* и др., единственным удовлетворительным объяснением происхождения этих древнеиндийских и славянского слов может быть только возведение их к и.-е. корню *ks-* (: *kes-*). В таком случае значение слав. *xudъ* (< **xoudъ* < **ksou-d-*) должно было развиться на основании значения 'оббитый, избитый, потоптанный' и т. п.

В непосредственной связи со слав. *xudъ* могут быть объяснены и различные славянские образования от двух параллельных основ *xyl-* и *xul-* (ср. русск. *хилый*, 'слабый, больной', укр. *хилúти* 'наклонять', *похúлий* 'наклонный, преклонный', блр. *хілíць* 'клонить', польск. *chylić* то же, *chyły* 'гибкий', чеш. *chyliti* 'клонить', с.-хорв. *хȕлав* 'коварный, лукавый', *хȕљав* 'косоглазый, кривой', стар. *хȕла* 'мошенничество, обман', *хилити* 'сгибать, кривить, мучить'; русск. *хулá*, *хулúть*, чеш. *chouliti* (< *chuliti*) 'наклонять', *chouliti se* 'ежиться, жаться', стар. *chúlost* 'стыд', болг. *хýла* 'хула', *хýля* 'хулить', макед. *хули* 'хулить'. Предположение Ф. Славского о связи этих слов с праслав. *kuliti*, *skuliti* 'наклонять'[61] может быть согласовано с рассмотренным дальше общим положением о параллелизме звуковых форм с начальными *ks-*, *sk-*, *k-*. Вместе с тем отклоняемое Ф. Славским объяснение этих слов у Г. А. Ильинского как связанных с и.-е. *ks-* (: *kes-*)[62] в основном представляется правильным, особенно, если не выводить их значения, вслед за Ильинским, из индоевропейского значения 'резать', а учесть всю рассмотренную выше систему значений этого индоевропейского корня, в том числе 'трогать', 'бить', 'рубить' и др. При этом основы *xul-* (< **xoul-* < **ksou-l-*), *xyl-* (< **xūl-* < **ksū-l-*) могут быть объяснены как параллельные **ksou-d-* (> *xud-*)

---

[58] Ср.: Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках, стр. 51—52.

[59] Vasmer II, стр. 276—277; Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках, стр. 53; Berneker I, стр. 405; А. А. Потебня. Этимологические заметки. — ЖСт, вып. III, 1891, стр. 121; H. Pedersen. Das indog. *s* im Slavischen. — IF V. Strassburg, 1895, стр. 60 и др.

[60] См.: A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, стр. 174; V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch* im Slavischen, стр. 174.

[61] Sławski, стр. 95.

[62] Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках, стр. 53.

именные суффиксальные образования со значением 'битье, мучение, обида, ниспровержение, сжатие, уничижение', а глагол *chyliti* — как отыменное образование с первоначальным значением 'делать сжатым, низким' и т. п., уже на стадии **ksūl-* (**xūl-*), отклонившимся от прямых значений корня **kes-* (*ks-*).

Совершенно несомненной является связь с и.-е. *ks-* (: *kes-*) славянской основы *šib-* (русск. *шиба́ть* 'бросать, бить', *ши́бкий* 'быстрый, бойкий', укр. *шиба́ти* 'бросать, бить', *ши́ба́тися* 'метаться, бросаться', *шибки́й* 'стремительный, порывистый', блр. *шыба́ць* 'бросать, швырять', *шы́бкі* 'шибкий', польск. *szybki* 'быстрый', чеш., слвц. *šibati* 'бить, хлестать', слвц. *šinut'* 'ударить', болг. *ши́бам* 'хлещу, стегаю, сшибаю', макед. *шиба* 'хлестать, бить', с.-хорв. *ши̏бати* 'сечь розгами, пороть, хлестать', *ши̏нути* 'хлестнуть; ужалить', *ши̏ба* 'прут, хлыст', словен. *šibati* 'сечь, пороть, хлестать', *šiba* 'прут, розга, палка', в.-луж. *šiba* 'прут' и др.). Утверждение В. Махека о звукоподражательном характере этих славянских слов[63] лишено какого-либо основания. Как и сопоставляемые обычно с указанными славянскими словами др.-инд. *kṣipáti* 'бросает, швыряет', *kṣipraḥ* 'быстрый', *kṣepaḥ* 'бросок', авест. *xšviwrō* 'быстрый'[64], эти слова и фонетически и семантически ближе всего примыкают к прозрачным производным от и.-е. корня **kes-* в его значении 'ударять'. В словообразовательном отношении славянская основа *šib-* восходит либо к ступени с дифтонгом *ei* (**ksei-b-*), либо к редуцированной ступени с долгим *ī* (**ksi-b-*).

Вполне вероятной представляется и предполагаемая Ильинским связь с и.-е. *ks-* (: *kes-*) славянского слова, обозначающего иглистый лист (русск. *хвоя́*, *хвой* 'иглистый лист; сучья хвойных деревьев', укр., блр. *хво́я* 'сосна', чеш. *chvoj* 'хвоя', слвц. *chvoja* 'еловая ветка', болг. *хво́йна* 'можжевельник', с.-хорв. *хво̏ја* 'побег, росток, ветка', польск. *choja*, *choina* 'сосна, хвоя'), хотя вместо приведенного Ильинским значения и.-е. **kes-* 'резать, острить' в этой связи уместнее было бы избрать значение 'колоть'. Праславянская основа *xvoj-* представляет собой, таким образом, рефлекс индоевропейской основы **ksu-*, распространенной суффиксальным *-oj-*. Ближайшее в семантическом и фонетическом отношении к праславянскому образование представляет лит. *skujà* 'хвоя', лтш. *skuja* 'хвоя ели', *skujajnis* 'ель'. Считать начальное *sk-* в этом балтийском слове первичным, признавая одновременно его генетическое родство с праслав. *xvoja*, нет никаких оснований, так как возможность развития слав. *x* (*ch*) из *sk*, несмотря на неоднократные попытки (см. дальше), никем не доказана и по чисто

---

[63] Machek, стр. 498.

[64] E. Zupitza. — BB XXV, стр. 93; Pokorny, стр. 625; Mayrhofer, стр. 289; Vasmer II, стр. 395.

теоретическим соображениям невероятна. Поэтому балт. *skuja* приходится рассматривать как один из случаев древней метатезы начального *ks-* в *sk-*, совершившейся еще до осуществления процесса литовского перехода *ks-* в *š*. В таком случае древняя форма основы этого балтийского слова может быть представлена как **ksu-j-*.

К праславянской основе *xvoj-* непосредственно примыкает основа близкого по значению праславянского слова **xvorstъ* (русск., укр. *хворост*, блр. *хвораст* 'прутья', польск. *chrust* (< **chwrost*) 'хворост', чеш., слвц. *chrast*, болг. *храст* 'куст, деревцо', с.-хорв. *хра̂ст* 'дуб', словен. *hrast* то же). Из различных попыток объяснения этимологии этого славянского слова, среди которых преобладает сопоставление с др.-в.-н. *hurst*, *horst* 'куст, кустарник', др.-англ. *hyrst* 'лес' [65], довольно близкими к предлагаемому здесь были объяснения К. Уленбека, Г. Петерсона и др., возводивших **xvorstъ* к соединению основ **ksu-* и **orsto-* 'рост' [66], и Й. Голуба и Ф. Копечного, усматривавших в этом слове основы слов *хвоя* и *рост* [67]. В этимологию Г. Петерсона может быть внесена только та поправка, что вместо сопоставления основы **ksu-* с этимологически неясным др.-инд. *kṣumā* 'лён' эту основу следует возводить непосредственно к и.-е. **ks-* 'резать, рубить'.

Уже В. Махек указал на связь славянского глагола *xoliti* (русск. *хо́лить*, польск. *pacholę* 'подросток, мальчик', чеш. *pachole* 'младенец', *pacholík* 'мальчик', слвц. *pachol'a* 'мальчик, парень') с др.-инд. *kṣāláyati* 'моет, чистит' и лит. *skaláuti* 'полоскать белье' [68]. Не ссылаясь на Махека, Г. Шустер-Шевц связывает *xoliti* и его производные с другими словами на *sk-*, фактически родственными лит. *skaláuti* [69]. Отклонив этимологию В. Махека, М. Майрхофер, как уже упоминалось выше, не смог противопоставить ей более убедительного объяснения [70]. Вместе со своими древнеиндийскими и литовскими соответствиями слав *xoliti* может быть возведено к общей и.-е. основе **ksol-*, непосредственно связанной с и.-е. **ks-* 'скрести'. И в этом случае литовское соответствие представляет метатезу начального *ks-* в *sk-*.

Наряду с глаголом *холить*, Г. Шустер-Шевц рассмотрел в этой же связи общеславянское слово *xolùj* с его различными значениями по отдельным славянским языкам (н.-луж. *chółuj*, *chołoj*, *chółyj* 'плуг', русск. *холу́й* 'рыболовный плетень из бревен; слуга,

---

[65] Vasmer II, стр. 237.

[66] C. Uhlenbeck. — IF XVIII, стр. 98; H. Petersson. — KZ XLVI, стр. 145 сл.

[67] Holub—Kopečný, стр. 142.

[68] V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch* im Slavischen, стр. 174; Он же. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, стр. 348.

[69] H. Schuster-Šewc. Указ. соч., стр. 862.

[70] Mayrhofer, стр. 288.

раб, низкое существо', *халу́й* 'подводный камень в реке; отруби и месятка для скота', польск. *chołoj* 'стебель, ботва'), а также русск. *холуди́на*, *хлуд* 'жердь' и др. и укр. *холів*, *хлів*, русск. *хлев* (первоначально 'огороженный частоколом загон для скота'). Оставляя в стороне некоторые другие присоединяемые автором сюда же слова из славянских языков, требующие дальнейшего изучения или же имеющие уже более убедительные объяснения, вряд ли можно найти основания для сомнений в правильности изложенной у Г. Шустера-Шевца этимологии названных здесь слов как родственных лит. *skélti* 'раскалывать', *kū̃olas* 'кол', хет. *iškallāi* 'разрывать, раскалывать'. Нуждается в уточнении лишь принятое Г. Шустером-Шевцем понимание генетического соотношения и.-е. *sk-* и слав. *x-* (*ch-*).

Как показал О. Н. Трубачев, к русск. *холудьё*, *хлуд* принадлежит и русск. *захолу́стье*, *захолу́жье* (первоначально как 'заросшее кустарником место' или 'место за зарослями') [71]. Таким образом, и это образование с префиксом *за-* присоединяется к словам, производным от корня *ks-* (: *kes-*).

Значительно убедительнее, чем этимология Г. А. Ильинского и Г. Петерсона, возводивших русск. *шест* (блр. *шост*) к и.-е. **khĭd-to-* (др.-инд. *khidáti* 'рвет, давит'), предложенное К. Бугой возведение этого слова вместе с лит. *šẽkštis* 'подпорка, шест', прусск. *saxto* 'бревно' к и.-е. **ksek-st-*, а предположительно родственных этим словам лит. *šakà* 'ветвь, сук', *šãkės* 'вилы', лтш. *sekumi* 'навозные вилы' — к более простой основе **ksek-*, **ksok-*, лит. *šatrà* 'жердь, слега' — к основе **kset-* [72].

Славянское *šestь* (русск. *шесть*, укр. *шість* и т. д.), а также лит. *šešì*, лтш. *seši*, родственные авест. *xšvaš* (др.-инд. *ṣaṣ*), лат. *sex* и т. д., как уже отмечено, возводятся к и.-е. основе **ksu̯ek-s-*. По приведенным выше соображениям эта основа также вполне естественно увязывается с и.-е. *ks-* (: *kes-*).

Всеобщее признание получило совершенно убедительное, хотя и основанное на предположении метатезы *ks-* в *sk-*, сопоставление с греч. ξύω 'скоблю', ξυρόν 'бритва', др.-инд. *kṣuráḥ* 'бритва' литовских слов *skùsti* 'брить, скоблить', *skustùvas* 'бритва', *skustùkas* 'скребок', лтш. *skust* 'скрести, брить', *skut* 'брить' [73].

Помимо приведенных славянских и балтийских слов, уже рассматривавшихся в литературе в связи с и.-е. *kes-/ks-*, можно

---

[71] O. N. Trubačev. Slawische Etymologien. — ZfS, Bd IV, H. 1. Berlin, 1959, стр. 84; ср.: А. С. Львов. Славянские слова с корнем *chal-/chol-*, стр. 31—32, — почему-то без ссылки на опубликованную раньше этимологию О. Н. Трубачева.

[72] К. Буга. Baltica в «Праславянской грамматике» Г. А. Ильинского, — «Archivum philologicum» I, 1930, стр. 58—59 (перепеч. в «Rinktiniai raštai» I, стр. 599).

[73] Fraenkel II, стр. 823—824.

было бы назвать еще целый ряд других нуждающихся в объяснении лексических элементов из балто-славянской языковой области, связи которых с и.-е. *ks-* (: *kes-*) представляются более или менее очевидными. Ниже рассматриваются лишь некоторые из этих слов.

Среди славянских слов, подлежащих возведению к и.-е. *ks-* (: *kes-*), следует назвать в первую очередь праславянский глагол *xati* (*xajati*), обнаруживающий три в значительной степени разошедшиеся значения: 'трогать', 'чистить' и 'хулить, поносить'. Ср. русск. *хáять* 'хулить, поносить', укр. *нехáй* 'пусть' (из **не хай* 'не трогай'), *обхáяти* 'очистить, привести в хороший вид', *охáйний* 'опрятный', *нехáяти* 'пренебрегать', *занехáяти* 'забросить, привести в неряшливый вид', диал. *хáя* 'довольная жизнь, счастье', блр. *няхáй* 'пусть' (из **не хай* 'не трогай'), польск. *niechać* 'пренебрегать', *poniechać* 'покинуть, оставить' *zaniechać* 'забросить, запустить', *niechaj*, *niech* 'пусть', чеш. *nechati* 'оставить; не помешать', *necht'* 'пусть', слвц. *nechat'* 'оставить, бросить, позволить', *nech* 'пусть', в.-луж. *niechać* 'не хотеть', *njech* 'пусть', н.-луж. *niechaś*, болг. *хáя* 'беспокоюсь, забочусь', *нехáя* 'небрежничаю' *нехáен* 'небрежный, неряшливый, нерадивый', с.-хорв. *хȁјати* 'заботиться, хлопотать', *нȅхāјан* 'небрежный, беспечный', словен. *hájati* 'заботиться', *nehati* 'прекратить, перестать'. Предлагавшиеся до сих пор объяснения этого глагола явно неудовлетворительны [74]. Вызывает удивление попытка В. Махека и др. вообще игнорировать этот глагол при объяснении чеш. *nechati*, польск. *niechać* и т. п. [75] Давно назревшее объяснение глагола *xa(ja)ti* как содержащего в своем корне рефлекс и.-е. *ks-* (: *sk-*) впервые было предпринято Б. Чопом [76]. Однако, вопреки очевидным фактам, Б. Чоп отрицает связь этого глагола с и.-е. *kes-* : *kos-* 'бить, рубить, резать' и т. д., предполагая для данного случая особый индоевропейский глагол со значением 'заботливо и тщательно делать что-либо'. Между тем совокупность значений праслав. *xati* (*xajati*) самым естественным образом объясняется из праформы **ksā-(j)-*, восходящей к и.-е. корню **ks-* (: *kes-*) с его значениями 'трогать', 'бить', 'скрести'.

Содержащаяся в глаголе *холить* и.-е. основа **ksol-* 'чистить, скрести, обрезать' может быть предположена и для фактически не объясненного праслав. **xolstъ*, **xolstiti* (русск. *холостóй* 'не-

---

[74] См.: Vasmer II, стр. 234, где этот глагол с двумя разными значениями без всяких оснований рассматривается как два отдельных слова.

[75] V. Machek. Studie o tvoření vyrazů expresivních. Praha, 1930; Он же. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno, 1934, стр. 69; Он же. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, стр. 322; E. Fraenkel. — «Slavia» XIII, стр. 24; J. M. Kořínek. Die čechoslovakische Sprachwissenschaft in den Jahren 1928—1932. — ZfslPh XIII, H. 3/4. Leipzig, 1936, стр. 405.

[76] B. Čop. Etyma balto-slavica I. — «Slavistična revija», l. V—VII. Ljubljana, 1954, стр. 227—230.

женатый', диал. 'коротко остриженный', *холости́ть* 'кастрировать', укр. *холости́й*, *холости́ти*, *холощі́й* 'кастратор животных', блр. *халасты́* 'холостой'). То же значение основы, восходящее к значению и.-е. *ks-* (: *kes-*), хорошо согласуется и с возможным первоначальным значением слова *холу́й* (может быть, 'оскопленный раб' или 'раб с подрезанными ногами'), увязываемого частью исследователей со словами *холост*, *холостить* [77].

Свойственные и.-е. корню **kes-* значения 'втыкать, копать' находят себе прямое соответствие в славянском глаголе *xovati* (русск. диал. *ховать* 'хоронить, прятать', укр. *хова́ти* то же, блр. *хава́ць* 'прятать, хранить', польск. *chować* 'прятать, беречь, выращивать', чеш. *chovati* 'держать, хранить, выращивать', слвц. *chovat'* то же) [78]. Основа *xov-* восходит к и.-е. основе **ksou-*.

Совершенно очевидной представляется принадлежность к рассматриваемому гнезду таких до сих пор не объясненных балтийских слов, как лит. *šũkas* 'гребень, щетка для льна или шерсти', *šukúoti* 'чесать', *šũkė* 'черепок, щербина', лтш. *suka* 'щетка, скребница', *sukums* 'щербина, зазубрина, щель', *sukât* 'чесать, чистить скребницей' и др.[79] Эти балтийские слова восходят к древней основе **ksu-k-*, производной от корня **ks-*.

Почти с такой же степенью вероятности к рассматриваемой этимологической группе может быть присоединено лит. *šãšas* 'струп, короста, парша', *šãšti* 'паршиветь', *šašúotas* 'паршивый, коростный', *šašuika* 'вид растения' (польск. *ostrupialec*), *šìšti* 'начинать покрываться струпьями, коростой', лтш. *sasi* 'небольшие нарывы'. Эти неудачно сопоставлявшиеся со слав. *sosna* [80] балтийские слова могут быть возведены к древней основе **kso-ks-* (**ksi-ks-*).

Вопрос о связи с и.-е. корнем *ks-* (: *kes-*) в его различных значениях может быть поставлен также в отношении ряда других слов славянских и балтийских языков, в частности таких, как русск. *ха́бить* 'портить; хватать', *ха́па́ть* 'хватать', *хвата́ть* (стар. *хытити*), *хво́рый*, *хи́рый* 'больной', *ше́леп* 'кнут, палка, розга', *шёлуди* 'короста, чесотка', *шелуди́вый*, *шелы́га* 'длинная розга, кнут', *шерсть* (лит. *šiurkštùs* 'шероховатый, шершавый'), *ше́ршень* (лит. *širšuõ*, *šìršė*, *širšlỹs* 'шершень'), *шип*, *ши́шка*, укр. *ха́щі* 'заросли', *хо́хля* 'жердь рыболова', *хуткий* 'быстрый',

---

[77] См.: А. И. Соболевский. — ЖМНП, 1886, сентябрь, стр. 146; H. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ XXXVIII. Gütersloh, 1905, стр. 373—374; T. Lehr-Spławiński. Pol. *chłonąć*, *otchłań*. — «Język polski» XXIV, 2. Kraków, 1939, стр. 43—44. Ср.: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства., М., 1959, стр. 187—188.

[78] О попытках объяснения этого слова см.: Vasmer II, стр. 253.

[79] О попытках этимологизации этих слов см.: Fraenkel II, стр. 1031.

[80] J. Zubatý. Etymologien. — BB XVII, 1891, стр. 326 (перепеч. в «Studie a články», sv. I, část 2-há. Praha, 1949, стр. 131); Vasmer II, стр. 702; Fraenkel, стр. 996.

швидкий то же, ст.-чеш. *chochati sě* 'находить удовольствие, чувствовать симпатию', польск диал. *szujak*, *szujka* 'клепка, чурбан', ст.-слав. хала 'грязь', шоуи 'левый', лит. *šìlas* 'роща, бор' (лтш. *sils* 'большой лес, бор'), *šiūrùs* 'острый, холодный, пронизывающий', *šū̃vis* 'выстрел, удар, бросок', а также, при учете метатезы начального *ks-* в *sk-*, лит. *skaudė̃* 'боль, рана, нарыв', *skìnti* 'обрывать, вырубать, выкорчевывать', *skudrùs* 'проворный, быстрый', *skver̃bti* 'прокалывать, сверля острым инструментом; проникать' и др.

Приведенные выше балтийские параллели с метатезой начального *ks-* в *sk-* в общей системе индоевропейских фактов не представляют какой-либо случайности. Имеется целый ряд производных от корня **ks-* основ, которые обнаруживают такую метатезу в большинстве, а то и почти во всех индоевропейских языках. К числу таких основ принадлежат, в частности, и.-е. **skăbh-*, **skobh-* (русск. *скоблить*, ст.-слав. скобль 'скребок', лит. *skabùs* 'острый', *skõbti* 'долбить, выдалбливать', *skebérda* 'щепка', лтш. *skabrs* 'острый, шероховатый', *skabrums* 'острота, шероховатость', *skabît* 'обрубать сучья', гот. *skaban* 'скоблить, стричь', др.-в.-н. *scaban* 'скоблить', *scaba* 'рубанок', лат. *scabō* 'чешу, скоблю, скребу', *scabiēs* 'шероховатость, чесотка, парша', *scaber* 'шероховатый, чесоточный', *scobis* 'опилки', *scobina* 'напильник', греч. σκάφος 'вскапывание', σκαφίς, -ίδος 'корыто, ванна', σκάφη то же, σκαφεύς 'землекопатель', σκαφεῖον 'мотыга, заступ', σκάφιον то же; 'таз, миска'), близкая к предыдущей **skăp-*, **skop-* (русск. (*о*-) *скопить*, *скопец*, лит. *skapóti* 'скоблить', *skopiù*, *skõpti* 'выдалбливать, вырезать', *skā̃plis* 'тесло, долбило', *skā̃ptas* 'кривой нож для вырезания ложек', греч. σκάπτω 'вскапываю', σκαπάνη 'мотыга, заступ; вскапывание', σκαπανεύς 'землекопатель', σκόπελος 'скала, утес', σκῆπτρον, σκῆπτον, σκήπων, σκίπων, дор. σκάπτον 'палка, посох', σκάπος 'ветвь (отломанная)' Гес., лат. *scapus* 'стебель, прут, древко, ствол', *scopa* 'прут, розга', *scopio* 'стебель, черенок', др.-в.-н. *skaft* 'древко, спис, пика', ст.-сакс. *skaft* 'спис', н.-перс. *škāfad* 'раскалывает'), **sk(e)r-* (русск. *скрести*, *скребу*, *щербить* (< **skьrb-*), польск. *skrobać* 'скоблить, скрести, чесать', лит. *sker̃bti* 'глубоко врезать', *skìrti* 'разделять', лтш. *skart* 'касаться, задевать', *skrabt* 'выскребывать, скрести', *skrabinât* 'скрести, глодать', *skarba* 'обрезок', *skarbs* 'резкий, суровый', *šķirba* 'щель', *skrāpēt* 'царапать', *skrāpis* 'скребок, скребло, скребница', *skripât* 'выцарапывать, записывать', *skrīpts* 'кривой нож', др.-сканд. *skrapa* 'царапать, скрести', ср.-в.-н. *schrapfe* 'скребок', др.-в.-н. *sceran* 'стричь', *scarp*, *scarpf* 'острый', др.-англ. *scearp*, др.-сканд. *skarpr* то же, др.-в.-н. *scarbon* 'резать на куски', *scirbi* 'черепок, обломок', лат. *scrobis* 'яма', *scrībō* 'черчу, вырезаю, пишу', оск. *scriftas* 'письмена', умбр. *screhto* 'письмо', греч. σκαριφάομαι 'наскребываю, нацарапываю', σκάριφος 'грифель, очертание', ср.-ирл. *scrīpaim*, н.-ирл. *scríobaim* 'царапаю'), **skel-* (лит. *skélti*

'раскалывать', *skìlti* 'раскалываться, трескаться', *skalà* 'щепка', *skylẽ* 'дыра, отверстие', *sklem̃ptu* 'обтесывать, полировать', лтш. *šķel̂t* 'раскалывать', *šķil̃t* 'высекать огонь', *skals*, *skala* 'лучина', русск. *скалá*, *щель* (< **skel-*), укр. *ущéлина* 'ущелье', *щілúна* 'щель', *скáлка* 'щепка, заноза, лучина', др.-сканд. *skilja*, *skila* 'разделять', гот. *skilja* 'мясник', ср.-ирл. *scailt* 'щель, трещина', *scailim* 'рассыпаю, разнимаю', греч. σκάλλω (< **skḷ-i̯ō*) 'копаю, рою', σκαλίς, -ίδος 'вилы-мотыга', σκαλεύω 'ковыряю, копаю, скребу', σκαλμός 'кол, уключина', σκάλοψ 'крот' ('роющий'), σκόλοψ 'кол', лат. *scalpō* 'царапаю, скребу, чешу, вырезываю, долблю', *scalprum* 'режущий инструмент', *sculpō* 'вырезаю, высекаю'), **sk(h)eid-*, **sk(h)eit-* (лит. *skíedžiu* 'разделяю, разбавляю', *skiedrà*, *skiedà* 'щепка', лтш. *šķiêžu* 'рассыпаю, швыряю', *skaîda* 'щепка', гот. *skaidan*, др.-в.-н. *sceidan* 'разделять', *scīt*, совр. нем. *Scheit* 'полено', лат. scindō 'разрываю, расцарапываю, раскалываю', греч. σχίζω 'раскалываю', σχιστός 'расколотый, колющийся', σχίδη 'щепка', др.-инд. *chinátti* 'отрезает, раскалывает', *chidráḥ* 'продырявленный', *chēdaḥ* 'надрез, отрезок') и др.

Относительно некоторых из этих основ (**sk(h)eid-*, **sk(h)eit-*, **sk(e)r-*) было высказано предположение, что они восходят к и.-е. корню **sek-* (лат. *secō* 'секу')[81]. Но, как показывает приведенный здесь материал, основы **sk(e)r-*, **sk(h)eid-*, **sk(h)eit-* настолько тесно и органически связаны с остальными перечисленными здесь основами, что оторвать их от этих остальных основ невозможно. К тому же основа *sek-* отличается слишком специализированным значением и выступает в индоевропейской языковой области слишком спорадически, чтобы к ней можно было возводить основы, столь распространенные в индоевропейских языках и с такой разветвленной семантикой. Последовательный параллелизм этой семантики значениям индоевропейских образований с корневым *ks-* (: *kes-*) неопровержимо свидетельствует о том, что рассматриваемые индоевропейские основы с начальным *sk-* (индо-иран. *sk(h)-*, *ch-*) представляют собой результат древней мататезы начального *ks-*, осуществившейся в индоевропейском праязыке при каких-то особых условиях еще до того, как по отдельным группам индоевропейских языков начались различные процессы упрощения начального *ks-*.

Несомненные факты соответствия славянских слов с начальным *x-* словам различных индоевропейских языков с начальным *sk-* были замечены уже давно. Эти факты обычно объяснялись путем непосредственного возведения слав. *x*(*ch*) в части случаев к и.-е. *sk* или *sg*(*h*)[82]. Рассмотренный в настоящей статье материал

---

[81] P. Persson. Beiträge. . ., II, стр. 883—884; Walde II, стр. 494, 496.

[82] A. Brückner. Slavisches *ch*. — KZ 51. Göttingen, 1923, стр. 221 сл.; В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *x-* в праславянском

свидетельствует о том, что во всех таких случаях речь может идти лишь о параллелизме индоевропейских основ с начальным *sk-* в сопоставляемых со славянскими словах неславянских языков и начальным *ks-* (слав. *x*) в словах, унаследованных славянскими языками.

Что касается выступающей в части индоевропейских языков основы *sec-* (лат. *secō* 'срезаю, распиливаю, раскалываю, обрубаю', *secula* 'серп', *secūris* 'топор', др.-ирл. *doescim*, *tescim* (**do-ess-secim*) 'режу', ст.-слав. **секыра**, **сѣкѫ**, русск. *секу́*, укр. *січу́*, польск. *siekę*, с.-хорв. *сиjѐчем*, др.-в.-н. *segansa* 'коса', *sëga*, *saga* 'пила', др.-англ. *secg* 'меч, камыш'), которая обычно рассматривается в качестве первичного индоевропейского корня, то ее более узкая семантика по сравнению с семантикой корня **kes-* и особенно несплошная распространенность по индоевропейской территории вызывают серьезные сомнения в ее первично-корневом характере. В славянских языках это сомнение усиливается еще и необычной для первичного индоевропейского двухсогласного корня долготой гласного *ē* (за исключением имени существительного **секыра**, ср. укр. *соки́ра*). Вместе с тем литовские образования, которые частью исследователей вместе со слав. *сѣно* приводятся в связь со слав. *sěkǫ* (русск. *секу*, *сечь*), на месте начального *s* обнаруживают *š* при лтш. *s*, как это бывает в корнях, восходящих к *ks-* или *k̂s-*. Ср. русск. *сено* (< **sěkno?*), лит. *šiẽnas* 'сено', лтш. *siens* то же, лит. *šė̃kas* 'свеже порубленный зеленый корм', *šėkáuti* 'косить зеленый корм', лтш. *sęks* 'свежее сено'[83]. Особенно показательно то, что ни в греческом, ни в индоиранских языках, сохраняющих и.-е. *ks-* или его особые рефлексы, корень *sek-* не встречается. Все это дает основание предположить, что основа *sek-* (*sēk-*), имеющаяся в славянских, балтийских, германских, латинском и кельтских языках, не является первичным индоевропейским корнем, а представляет собой производную основу от корня *k̂s-* (**k̂s-ek-*, **k̂s-ēk-*), который во всех этих языках фонетически закономерно упростился в *s-* (лит. *š-*). При таком понимании основы *sek-* (*sēk-*) исчезает необходимость возводить лат. *saxum* 'скала' к лат. *secō*, так как *saxum* и в семантическом и в фонетическом отношении проще объясняется непосредственным возведением к и.-е. *ks-* (: *kes-*), подобно *sentis* 'терновник' и др.

вянском. — ВЯ, 1961, № 4; H. Schuster-Šewc. Указ. соч., стр. 862—863, 869.

[83] Р. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. — РФВ, т. XXIV, № 3. Варшава, 1890, стр. 150—151; Holub—Kopečný, стр. 330, и др. — Ст.-лит. *įsekti* 'врезать', *išsekti* 'вырезать', которые иногда приводятся как соответствия лат. *secō*, слав. *sěkǫ*, в отношении качества начального корневого согласного сомнительны: это могло быть и *š*.

По всей видимости, общеиндоевропейские изменения начального *ks-* в определенных условиях не ограничивались метатезой. Ряд фактов свидетельствует о том, что в части случаев начальное корневое *ks-* (: *kes-*) упрощалось в *k-* (возможно, уже после мататезы в *sk-* или в самом процессе этой мататезы). Ср. русск. *скопить, скопец* — *копать*; лит. *skapóti* 'скоблить', *skōpti* 'выдалбливать, вырезать', *skāptas* 'кривой нож' — *kapóti* 'рубить, сечь, колоть', *kāpas* 'могила', лтш. *kapāt* 'рубить, сечь'; греч. σκάπτω 'вскапываю', σκαπάνη 'мотыга, заступ' — κόπτω 'ударяю, отсекаю', κόπος 'удар', κοπεύς 'резец ваятеля', κάπετος 'ров, окоп, могила'; н.-перс. *škāfad* 'раскалывает' — *kāfad* 'копает'; русск. *скребу, щерблю—крою, кривой, черта*; лит. *sker̃bti* 'глубоко врезать', *skerpiuvė* 'топор', *skìrti* 'разделять' — *kir̃pti* 'резать, стричь', *kir̃vis* 'топор', *kir̃sti, kertù* 'обрубать, бить'; лтш. *skarpît* 'рыть, копать'—*karpît* то же, *cirpt* 'стричь', *cirst* 'рубить, сечь'; др.-в.-н. *scarbon* 'резать на куски', *scirbi* 'черепок, обломок'—ср.-в.-н. *häre, härwer* 'остро режущий'; лат. *scrobis* 'яма', *scribō* 'черчу, вырезаю'—*carō* 'чешу' (шерсть), *carpō* 'срываю, дроблю, расщепляю'; русск. *скала, щель* — *колоть, кол*; лит. *skélti* 'раскалывать', *skalà* 'щепка' — *kálti* 'ковать, забивать', *kélmas* 'пень, колода'; лит. *skujà* 'хвоя', *skùsti* 'брить', *skaudėti* 'болеть'—*káuti* 'ударять, ковать'; лит *skáidyti* 'разделять, разлагать, размельчать'—*kaišti* 'скоблить, обскребывать' и т. д.[84]

Часть основ, получившихся в результате такого упрощения корня *ks-*, в системе индоевропейского словообразования заняли место самостоятельных непроизводных корней и смешались с другими непроизводными корнями с начальным *k-*. Этим вызваны серьезные трудности в деле отождествления или различения соответствующих индоевропейских корневых образований. Некоторые из этих образований могут рассматриваться и как производные от корня *ks-* (*sk-*), потерявшего свое *s*, и как самостоятельные корни, семантически параллельные корню *kes-/kos-*. Однако в последнем случае возникает необходимость признать вторые согласные компоненты этих параллельных корней, в том числе и согласный *s* корня *kes-*, распространителями, присоединившимися в праиндоевропейский период к односогласному корню **ke-/*ko-* с кратким гласным — предположение, теоретически возможное, но в практике этимологических исследований на данном этапе пока что неприменимое.

---

[84] Предлагаемое здесь понимание соответствующего материала дает возможность по-новому подойти к проблеме так называемого беглого *s* (*s* mobile) в индоевропейских корнях; но об этом следовало бы говорить более подробно, чем это возможно в рамках настоящей статьи.

коса, *косить* И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ КОРНЯ **kŏs-* (**kĕs-*)

Как название сельскохозяйственного орудия и старинного боевого оружия славянское слово *коса* не имеет прямых соответствий ни в одном неславянском языке (рум. *coasă*, молд. *коасэ*, н.-греч. *κόσσα*, алб. *kosε*, как и подобные этим слова в некоторых современных неиндоевропейских языках, являются несомненными заимствованиями из славянских языков). И хотя непосредственная генетическая связь этого славянского слова с перечисленными выше словами корня *kes-/kos-* кажется вполне очевидной, конкретный характер этой связи, «внутренняя форма» слова *коса* остаются нераскрытыми. Не установлено, к какому из древнейших аспектов семантики корня *kes-/kos-* ближе всего примыкает первоначальное значение славянского слова *kosa* и по какому реальному признаку соответствующий предмет получил это название.

На первый взгляд первоначальное значение слова *kosa* восходит к конкретному значению 'косить, срезать траву, стричь' и т. д. Но такое представление в свете лингвистических фактов оказывается крайне сомнительным. Прежде всего ни в славянских, ни в других индоевропейских языках нет данных, которые бы указывали на то, что корень *kes-/kos-* применялся в древности для выражения специального значения 'косить, срезать траву', отличного от более общего значения 'резать'. Правда, отдельные славянские языки обнаруживают близкие к значению 'косить' значения 'срывать, обрубать' в глаголе *česati*, ср. ст.-слав. **чєсати** 'срывать (ягоды)', с.-хорв. *чѐсати* 'щипать, рвать', словен. *češtljáti* 'отсекать (листья)'. Но эти значения вряд ли могут быть признаны первичными. В частности, значение 'срывать (ягоды)' в ст.-слав. **чєсати** могло возникнуть сравнительно поздно в связи с применением специальных гребней для собирания лесных ягод, как это делается до сих пор, например, в Карпатах; что же касается словен. *češtljáti*, то оно вообще требует осторожного подхода к себе как возможное аффективное новообразование. Славянский глагол *kositi*, русск. *косить* со своим значением сам является производным от *kosa* подобно глаголам *пилить*, *сверлить*, *удить*, *неводить*, *утюжить*, *лопатить*, *стрелять*, *сапать*, *дубить*, *смолить*, *солить*, *пылить*, *росить*, *парить*, *морозить*. С другой стороны, слово *kosa* как именное образование от корня со значением определенного действия вовсе не обязательно должно было означать орудие данного действия: в случаях обозначения такими словами конкретных предметов значение орудия действия имелось в виду не чаще, чем значение результата (объекта) действия. Ср., с одной стороны, значение орудия и средства в слав. *-pona : pęti*, *-pora : perti*, *-vora : -verti*, *rǫka* (если к лит. *riñkti* 'собирать'), лит. *apdangà* 'покров' : *deñgti* 'покрывать', *kamšà* 'начинка' : *kim̃šti* 'начинять', *rankà* 'рука' : *riñkti* 'собирать', *sagà* 'пуговица' : *sègti* 'застегивать',

pavarà 'шнурок, завязка' : *vérti* 'продевать, закрывать', *pavaža* 'полоз' (саней и т. п.) : *vèžti* 'везти', греч. ἀλοιφή 'мазь' : ἀλείφω 'смазывать', στοιβή 'набивка' : στείβω 'утаптывать', στολή 'снаряжение' : στήλλω 'снаряжать' и, с другой стороны, значение результата (и объекта) действия в слав. *kosa* (волосы) : *česati*, *noša* : *nesti*, *mǫka* : *męknǫti*, *lǫka* : **lękti*, лит. *atkarpà* 'отрезок' : *kir̃pti* 'резать', *pāsaka* 'сказка' : *sèkti* 'рассказывать', *skalà* 'лучина' : *skèlti* 'раскалывать', *pavadà* 'вторая жена' : *vèsti* 'вести', *atžalà* 'отросток' : *žélti* 'расти', греч. ἀγορά 'собрание' : ἀγείρω 'собирать', ἀοιδή 'песнь' : ἀείδω 'петь', δορά 'шкура' : δείρω 'сдирать кожу', ῥωγή 'разрыв, дыра' : ῥήγνυμι 'разрывать', φθογγή 'голос' : φθέγγομαι 'звучать'. Таким образом, не исключена возможность, что в славянском названии косы отражено первоначальное осмысление этого предмета как результата действия, выражаемого корнем **kes-*.

Решающую роль в освещении первоначального конкретного значения слова *kosa* могли бы сыграть данные истории материальной культуры о возникновении и развитии косы. Однако таких данных у археологии фактически не имеется. Коса фиксируется археологами лишь начиная с римского периода железного века [85], когда она уже изготовлялась из металла. Отсутствие у южных народов специального названия для косы, отличного от названия серпа, дает основание предположить, что вначале коса распространилась у более северных народов, заселявших территорию с обильной травянистой растительностью, скашиваемой на корм скоту, и лишь впоследствии стала применяться и для уборки хлеба, а также была заимствована соседними народами [86]. При этом обычно считается, что коса возникла в качестве видоизменения серпа, причем указывается на так называемую «коленную косу» с короткой рукояткой или севернорусскую горбушу, название которой возводится к глаголу *горбиться*, как на промежуточные звенья между серпом и косой [87]. Прямых доказательств именно такого пути развития косы в распоряжении археологии пока что нет, и поэтому лингвистические данные, касающиеся истории косы и этимологии ее различных названий, приобретают решающее значение не только для языкознания, но и для истории материальной культуры.

Свидетельство первоначальной неприменимости косы для уборки хлеба сохранилось в значении русских диалектных слов *кошани́на*, *ко́шаница* 'хлеб, скошенный, по плохому урожаю зерна,

---

[85] Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953, стр. 132; A. W. Brögger. From the Stone Age to the Motor Age. — «Antiquity», 1940, стр. 172; A. Steensberg. Ancient Harvesting Implements. — «Nationalmuseets Skr. Ark.-Hist. R.» I. Copenhagen, 1943, стр. 194.

[86] O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Bd. II, Lief. 1, B.—L., 1923 (статья «Sichel und Sense»).

[87] Там же.

под корм скоту' (Даль II, 172), укр. *кошаниця*, *кошениця* то же. На этом основании следует предположить, что уборка при помощи косы вначале была значительно менее совершенной и эффективной, чем срезание серпом, или же была возможна лишь в период до вызревания и затвердения травянистых растений.

Для уточнения этимологии славянского наименования косы следует использовать прежде всего названия косы в других языках, независимо от степени их родства со славянскими. Соответствующие материалы подтверждают, что значение орудия специального действия — косьбы — не единственное из тех, которые могут быть приписаны слову *коса* в качестве его первоначального значения. Так, с одной стороны, две параллельные формы древнегерманского названия косы, отраженные в др.-в.-н. *segensa* (> совр. нем. *Sense*) и в др.-в.-н. *segisna* < **segasna*, англ. *scythe* и т. д., образованы от основы *seg-* < и.-е.* *sek-* 'резать, рубить' [88] и могут быть истолкованы как названия орудия косьбы. Приблизительно в том же смысле может быть понято и значение названий косы (и серпа) в бурят-монгольском (*хадуур*, *хажуур*), калмыцком (*хаҗ*, *хадур*) и в тувинском (*кадыыр* — заимствование из монгольского) языках, где эти названия образованы от корня *хад-*, содержащегося в глаголах монгольского языка *хадах* 'подрезать, косить, вбивать (гвоздь), набивать' и *хадрах* 'срезать клыками' [89]. Но, с другой стороны, общебалтийское название косы, представленное в лит. *dal̃gis*, *dal̃gė*, *del̃gė*, лтш. *dalgs* (может быть, литуанизм), прус. *doalgis*, по мнению большинства исследователей, связано с др.-сканд. *telgia* 'обтесывать, обрубывать, кроить, вырезать', англос. *telga* 'ветвь, сук', с.-хорв. диал. *dlaga* 'доска для закрепления переломанной кости', чеш. *dláha* 'доска для переломанной кости, лубок, половица, бревно под полом', польск. диал. *dłożka* 'пол', в.-луж. *dłožica* 'плитка для мощения, торец' [90], а не с лат. *falx*, *-cis* 'коса, серп', др.-англ. *dolg* 'рана' или др.-сканд. *dálkr* 'игла, кинжал', ирл. *delg* 'колючка, игла' [91].

[88] Kluge—Götze[16], стр. 720; F. Specht. Zur ahd. Stammbildung. — «Altdeutschen Wort und Wortkunstlehre». Halle (Saale), 1941, стр. 109, 123.

[89] А. Р. Ринчинэ. Краткий монгольско-русский словарь. М., 1947, стр. 252.

[90] A. Fick. Europäisches *â* und *ê*. — BB II. Göttingen, 1878, стр. 198; E. Lewy. Etymologisches. — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. XXXII. Halle a. S., 1906, стр. 148; Walde I, стр. 365, 450; M. Niedermann. Essais d'étymologie et de critique verbale latines. Neuchâtel, 1905, стр. 23; K. Mühlenbach, J. Endzelin. Lettisch-deutsches Wörterbuch, Bd. I. Riga, 1923—1925, стр. 434—435; ср.: Berneker, стр. 207; Fraenkel, стр. 81.

[91] T. Froehde. Griechische und lateinische Etymologien. — BB XVII. Göttingen, 1891, стр. 310; J. J. Mikkola. Baltische Etymologien. — BB XXV. Göttingen, 1899, стр. 74—75; H. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, Bd. I. Göttingen, 1909, стр. 106; H. Junker. Zu skr. *mudrā*. — IF XXXV. Strassburg, 1915, стр. 276.

Особенно показательным для уяснения этимологии славянского названия косы представляется более позднее латышское название этого орудия — *izkapts* (*izkapte*), заимствованное также эстонским и финским языками в виде эст. *viikat*, фин. *viikate* [92]. Лтш. *izkapts* (*izkapte*) образовано уже в период обособленного существования латышского языка от глагола *izkapât* 'вырубать' (*kapât* — 'рубить, бить, толочь') подобно именам существительным *izraksts* 'вышивка, выписка' (от *izrakstît* 'украшать, выписывать'), *izspaids* 'выжатое' (от *izspaîdît* 'выжимать'), *izstaips* 'полотенце, растянутое' (от *izstàipît* 'растягивать'), *izmesls* 'преждевременно рожденное' (от *izmest* 'выбросить'), *izkuls* 'вымолоченный хлеб, умолот' (от *izkult* 'вымолачивать'), *izšuve* 'вышивка' (от *izšût* 'вышивать') и т. д. Таким образом, прямое значение лтш. *izkapts* (*izkapte*) может быть понято либо как 'вырубленное', либо как 'выкованное'. И в том и в другом случае латышское название косы семантически с действием косьбы не связано, а указывает на действие, результатом которого коса является. Вместе с тем первоначальная семантика слова *izkapts* — все равно, понимать ли ее как 'выкованное' или как 'вырубленное' — указывает на то, что металлическая коса представляет собой лишь новую разновидность орудия для уборки травы, которое вначале, вероятно, изготовлялось целиком из дерева. Это значит, что слово *izkapts* либо заменило собой в латышском языке более старое название неметаллической косы (если его понимать как 'выкованное'), либо представляет собой именно одно из старых названий деревянной косы (если его истолковывать как 'вырубленное, обрубок' и т. п.).

Общетюркское название косы *čalgy*, представленное в узб. *чалғи*, кирг. *чалгы*, уйгур. *чалға*, казах. *шалгы*, башк. *салғы* и т. д., восходит к корню *čal-* со значениями 'одним махом ударить, зарезать (скотину), бросить, уронить, махать, косить' и др. [93], причем значение 'косить', свойственное этому корню лишь в небольшой части современных тюркских языков, в общей совокупности указанных значений данного корня представляется более поздним, как и принадлежащие этому же корню в отдельных языках значения 'украсть', 'выбрать', 'играть на музыкальном инструменте' (по-видимому, через значение 'ударять'), 'склоняться к ч.-л.'

Определенный интерес для настоящего исследования могло бы представить и севернорусское название косы с короткой рукояткой — *горбу́ши* или *горбу́ли*, если бы была уверенность в его первичности (исконности). В таком случае это название почти полностью исключало бы распространенное предположение о происхождении косы из серпа и о том, будто горбуша является про-

---

[92] E. Nieminen. Die Benennungen der Sense in den ostseefinnischen Sprachen. — LP V. Poznań, 1955, стр. 79—84.

[93] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 2. СПб., 1905, стр. 1875—1876.

межуточной ступенью в развитии косы из серпа. Если при таком условии название *горбуша* объяснять, как это обычно делается, тем, что при косьбе горбушей косарь вынужден наклоняться (горбиться), то представляется совершенно невероятным применение такого названия как средства отличения нового орудия от его предшественника — серпа, который заставляет жнеца гнуться еще в большей степени, чем горбуша. Название *горбу́ша* (*горбу́ля*) с такой именно его мотивацией могло появиться лишь как средство отличения косы с короткой рукояткой от обычной косы с длинной рукояткой, применение которой не заставляет человека наклоняться. Но название *горбуша* могло быть применено к данной разновидности косы и не одновременно с ее возникновением, а лишь после более позднего распространения на соответствующей территории косы с длинной рукояткой, которая стала восприниматься теперь как обычная коса и вызвала необходимость в новом названии для старой косы с короткой рукояткой. Еще одна возможность заключается в том, что название *горбуша* (*горбуля*) объясняется не позой работающего косаря, а изогнутой формой ее рукоятки (в виде буквы *s*) или же связано со значениями слов *горбы́ль*, *горбу́шина* 'кусок бревна' и т. п. [94] Отсутствие какого-либо убедительного аргумента в пользу одного из указанных возможных пониманий значения слова *горбуша* (*горбуля*) лишает это слово той ценности, которую оно могло бы иметь для этимологии слова *коса*.

Сопоставление данных об этимологии обоих балтийских названий косы с данными о древнейших значениях и.-е. корня **kes-/*kos-* приводит к выводу о том, что праслав. *kosa* первоначально означало 'обрубленная (обтесанная, срезанная) жердь (клюка), обрубленный сук'. В этом своем значении слав. *kosa* ближе всего примыкает к русск. *косу́ля* 'соха', блр. *касу́ля* 'соха, плуг', др.-англ. *hoss* 'ветвь, отросток', греч. *κάστον* 'дрова' и др. Трудно сказать, достигалось ли при помощи такой обтесанной жерди или клюки полное отделение всей травы от корней. Во всяком случае, такая примитивная «коса» годилась для того, чтобы повалить траву на землю и тем самым прекратить ее вегетацию, т. е. провялить, после чего могли следовать другие операции сеноуборки.

В связи с предложенным здесь пониманием первоначального значения слова *kosa* как указания на нечто обрубленное или обтесанное предстает в новом свете этимологическая связь славянского существительного *kosa* с славянским прилагательным *kosъ* (русск. *косо́й*), а также сама этимология этого прилагательного, намеченная уже В. Махеком и Г. Якобссоном [95]. Обычное истол-

---

[94] Д а л ь I, стр. 377.

[95] V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, стр. 225; Г. Я к о б с с о н. Развитие понятия времени в свете славянского *časъ*. — «Scando-Slavica», t. IV. Copenhagen, 1958, стр. 304.

кование слова *kosъ* как производного от *kosa* (по признаку изогнутости, кривизны косы) [96] неубедительно прежде всего с точки зрения формальных отношений: случаи образования прилагательных с нераспространенной основой на *-u-* от существительных с основами на *-a* в праславянском неизвестны. Между тем форма производного ст.-слав. косвенъ, русск. *ко́свенный* указывает на то, что прилагательное *kosъ* имело основу на *-u-*. Кроме этого, такое истолкование основывается на слишком сомнительном предположении о большей древности слова *kosa* по сравнению с *kosъ*, не говоря уже о том, что оно приписывает древней косе такую внешнюю форму, которой она могла и не иметь. Все эти сомнения отпадут, если первоначальное значение слав. *kosъ* увязать с обнаруженным в слове *kosa* первоначальным значением 'обрубленное, обтесанное'. В этом случае прилагательное *kosъ* оказывается в генетическом смысле тем же самым словом, что и существительное *kosa*, получившим лишь другое оформление основы, а свойственная ему семантика кривизны и косости восходит к более конкретной семантике срезанности, обрубленности. Развитие значения 'косой' из значения 'срезанный, обрубленный' подтверждается целым рядом параллелей из истории семантики имен прилагательных, обозначающих размер и внешнюю форму предметов, в различных языках. Так, например, праслав. **kortъkъ* 'короткий', лат. *curtus*, ирл. *cert* то же и др. являются производными от и.-е. корня **ker-* 'резать' и первоначально означали 'обрезанный' (в латинском языке это значение слова *curtus* непосредственно зафиксировано). В арабском языке основное слово, служащее для обозначения понятия 'короткий' (в пространственном и временно́м смыслах) — *qaṣīr* — образовано от корня *q-ṣ-r* 'быть коротким, укороченным', родственного с корнем *q-ṣ-ṣ* 'резать, стричь' и др. В исландском языке слово *sneida* 'резать' означает также 'делать косым, наклонять вкось', в шведском *sned* 'косой' связано с глаголом *snida* 'вырезать' и т. д.[97]

В свете приведенных фактов становится вполне очевидной непосредственная генетическая связь слав. *kosъ* с иранским словом в значении 'малый' — авест. *kasu-*, пехл. *kas*, а также его производными — перс. диал. *kastar* 'младший', перс. *kastan* 'уменьшать' и др.[98] Значение 'малый' в иранском корне *kas-*, как и значение 'косой, кривой' в соответствующем славянском корне, также может быть возведено к значению 'обрубленный,

---

[96] Miklosich, стр. 134; Преображенский I, стр. 369; Holub-Kopečný, стр. 181—182; Vasmer I, стр. 641. Ср. не более убедительное предположение о противоположном ходе развития — от обозначения кривизны к названию косы: O. Wiedemann. Etymologien. — BB XXVIII. Göttingen, 1904, стр. 15—16.

[97] Ср.: Я. Грот. Филологические разыскания, т. I. Изд. 2. СПб. 1876, стр. 331—332; Г. Якобссон. Указ. соч., стр. 304.

[98] Абаев I, стр. 589.

обрезанный, укороченный'. Ввиду принадлежности слав. *kosъ* и авест. *kasu-* к одной и той же категории основ на *-u-* можно утверждать, что слово *kosŭ-* со значением 'обрезанный, укороченный' существовало уже в индоевропейском праязыке.

На славянской почве корень *kos-* оказался довольно продуктивным. Наиболее прозрачными образованиями с этим корнем являются производные от имени существительного *kosa* и прилагательного *kosъ*. Не говоря уже о наиболее очевидных производных этой группы типа русск. *коси́ть* (1), *коси́ть* (2), *коса́рь*, *косови́ца*, *косьё*, н.-луж. *kosawa* 'хорошая трава, пригодная для кошения', словен. *kóšnja* 'косовица', чеш. *kostmý* 'косой, кривой', н.-луж. *kósny* то же, с.-хорв. стар. *косан* 'крутой, обрывистый' и т. д., сюда же следует отнести образованные от названия косы уже в период изготовления ее из металла слова, обозначающие определенные разновидности режущих орудий, в том числе ст.-слав. косорь 'серп, коса', русск. *коса́рь*, *косы́рь* 'большой тяжелый нож, нередко из обломка косы' (Даль), чеш. *kosíř* 'нож для резания соломы; резак для ветвей; старый вид оружия', болг. *косер* 'серповидный нож', с.-хорв. *кòсиjер*, *кòсир* 'большой садовый нож', диал. *кòсор* 'нож для резания терна', словен. *kosár*, *kosẹ́r*, *kosír*, *kosịrnik* 'кривой нож', *kosaríca*, *koseríca* 'большой нож', укр. *коса́к* 'большой нож для резания капусты', польск. *kosak* 'незубренный серп; нож для резания соломы и капусты', чеш. и слвц. *kosák* 'серп', н.-луж. *kósak* 'садовый нож', словен. *kosják* 'большой нож, секач', чеш. *kosina* 'старинное оружие', польск. диал. *kosica* 'нож для резания капусты' и др. Сюда же принадлежат известные в русских говорах производные от этих имен глаголы *коса́рить* 'подсекать поросль в лесу', *косы́рить* 'подсекать, резать, рубить, крошить'. Некоторые из этих названий, возможно, связаны не со словом *коса́*, а со словом *косо́й*, хотя эта связь может быть и вторичной.

Наряду с этими производными от слов *коса* и *косой* в славянских языках имеется значительное количество более древних производных от корня **kes-*/**kos-* в его более широком значении битья, рубания, касания, чесания и т. д. Звуковая и словообразовательная близость этих слов к слову *коса* служит дополнительным подтверждением правильности предложенной здесь его этимологии. К числу таких производных от корня **kes-*/**kos-* принадлежат, в частности, русск. *ко́ся́к* 'колода, пень, лом, стояк, простой долбленый улей', н.-луж. *kósak* 'кнут, палка', чеш. *kosiba* 'кривое дерево, судейский жезл', русск. диал. *косо́ра* 'пни в воде? рычаг, которым их вытаскивают', *косты́г*, *костыжо́к* 'род широкого шила, плоский крюк, осаженный в колодочку, для ковыряния лаптей', польск. *kosior*, *kosiur*, *koszor*, *koszur* 'кочерга, рукоятка кочерги', *kosącina* 'малые лежащие в лесу ветви, хвоя', *kosuty* 'хвойные иглы', *kosura* 'куча, скирда' (первоначально — чего-то нарублен-

ного, нарезанного, ср. *костер*), а также образованное от слова *kosa* ('волосы') или параллельно с ним общеслав. *kostъ* и его производные. Из образованных от этого же корня глаголов следует упомянуть русск. диал. *косылять* 'бить, косать', укр. *кохáти* 'выращивать; любить' (первоначально 'расчесывать, ухаживать' и т. п.), *косбритися* 'заявлять претензии; быть дерзким', польск. *kochać* 'любить, обнимать, хватать' (относительно *x* вместо *с* ср. укр. *просити—прохати*, *колисати—колихати* и др.), а также укр. *кóшлати* 'взъерошивать', *кошлáтий* 'мохнатый'. Сюда же принадлежат словен. *čès*, *čésec* 'щепка', *češnják* 'зуб' (уничиж.), *češúlja* (*česúlja*) 'оторванная ветка, оторванный кусок грозди', *česmína* (*česmîn*, *česmíga*, *česmíka*, *češmína*, *češmîn*, *češmíka*, *češmíga*) 'барбарис', н.-луж. *cesliса* 'тесло, секира', русск. *чеснóк*, укр. *часнúк*, диал. *чоснúк*, польск. *czosnek* (*czosnyk*, *czosnak*, *czostek*, *czostak*), чеш. *česnek*, словен. *césen*, *česník*, болг. *чесън*, с.-хорв. *чѐсан*, *чѐсња̄к*, ст.-слав. **чеснъкъ** (**чесньць**) 'чеснок', **чесновать** (**чесновитъ**) 'расколотый, разделенный' (на зубцы, о чесноке), с.-хорв. *чѐсно* 'зубок чеснока', польск. *czosnek*, *czosnkowanie* уст. 'засека, палисад, шлагбаум'. На связь слова *чеснок* с корнем **kes-/kos-* указывали уже Ф. Миклошич, Э. Бернекер и др.[99], однако предполагаемое этими авторами образование слова *чеснок* непосредственно от глагола *česati* вряд ли может быть признано возможным.

Уже раньше было высказано предположение о принадлежности к этимологическому гнезду слов с корнем **kes-/*kos-* славянского слова *časъ* 'час, время' [100]. Особенно обстоятельно разработано это сопоставление Г. Якобссоном [101]. Большинство соображений Г. Якобссона, касающихся этого сопоставления, представляются вполне убедительными, хотя наряду с предполагаемым у него первоначальным значением слова *časъ* 'нарезка' может быть предложено и другое понимание — именно как 'удар' в смысле периодически подаваемого сигнала. В пользу такого понимания говорит прежде всего то, что самое конкретное из сохранившихся значений слова *časъ* 'временнóй пункт (в пределах суток)' более естественно восходит к значению 'удар-сигнал', чем к значению 'нарезка'. Об этом же свидетельствует и семантическая параллель *razъ—raziti*.

Почти в такой же степени, как у слова *časъ*, очевидна принадлежность к рассматриваемому этимологическому гнезду и у слова *čaša* (русск. *чáша*), также предположенная уже Г. Якобссоном [102]. Первоначальное значение этого слова, относимого в прошлом

---

[99] Miklosich, стр. 35; Berneker, стр. 151; Преображенский, вып. последний, стр. 71.
[100] М. Будимир. Ономасиолошки и граматички прилози. — «Јужнословенски филолог», кн. 6, 1926—1927, стр. 167.
[101] Г. Якобссон. Указ. соч., стр. 286—307.
[102] Г. Якобссон. Указ. соч., стр. 306.

к числу иранских заимствований [103], может быть понято и как 'вырезанное', и как 'выдолбленное'. Отсутствующее в других балтийских языках прусск. *kiosi* 'кружка', отражающее более древнюю звуковую форму **ki̯āsi*, представляет собой заимствование из праславянского языка еще того периода, когда первая переходная палатализация заднеязычных не начиналась, а праслав. *ě* (< *ē*) звучал как *i̯ä*.

На фоне рассмотренных материалов в новом свете предстает вопрос об этимологии славянского слова *kaša* (русск. *ка́ша*). Как известно, высказанное еще А. А. Потебней мнение о связи слова *каша* с лит. *kàsti* 'копать', *kasýti* 'скрести, царапать' [104] впоследствии было отвергнуто в пользу мнения Й. Зубатого [105] и А. Мейе [106], сопоставивших слово *kaša* с лит. *kóšti*, лтш. *kāst* 'цедить', которым они приписывают первоначальное значение 'просеивать'. Оба объяснения исходят из вполне обоснованного предположения о том, что название **kāsi̯a* вначале относилось не к приготовленной пище, а к продукту, употреблявшемуся для ее приготовления. Это старое значение слова *каша* сохраняется еще в некоторых славянских языках до сих пор наряду с более обычным теперь значением густо сваренной пищи; ср. польск. *kasza* 'каша' и 'грубо помолотое зерно; крупа из зерна; целые зерна' (например, гречихи) [107], диал. 'просо; семена' [108], с.-хорв. *ка̏ша* 'каша; крупа' [109], словен, *kaša* 'каша, особенно пшенная; крупа', *babja kaša* 'крупа' [110]. Однако как данные этих языков, сохранивших архаические значения слова *kaša*, так и данные истории материальной культуры славян свидетельствуют о том, что название **kāsi̯a* должно было в первую очередь относиться либо к толченому просу, т. е. пшену, либо вообще к вымолоченному зерну. Именно первоначальное значение 'вымолоченное зерно' является наиболее естественным основанием для развития у польского слова *kasza* значения 'семена' и для образования производного *ка́шка* (*kaška*) со значением 'соцветие' и т. п., между тем как от значения 'просеянная крупа из молотого зерна' такого развития ожидать трудно. Вместе с тем известно, что очистка пшена или вымолоченного зерна в примитивных условиях производится не просеиванием, а отвеиванием, и, таким образом, понимание названия **kāsi̯a*, относи-

---

[103] Berneker, стр. 137, и др.

[104] А. А. Потебня. К истории звуков русского языка, III. Этимологические и другие заметки. — РФВ. Варшава, 1880, стр. 13.

[105] J. Zubatý. Etymologien. — AfslPh XVI, 1894, стр. 395 (перепеч. в «Studie a články», sv. I, č. 2. Praha, 1949, стр. 100).

[106] A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, стр. 396.

[107] «Słownik języka polskiego», t. II. Warszawa, 1902, стр. 290.

[108] J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. II. Kraków, 1901, стр. 320.

[109] Караџић, стр. 277.

[110] Pleteršnik I, стр. 389.

мого к пригодному для приготовления пищи зерну, как «просеянного» теряет под собой реальную почву. Ввиду этого слово **kāsi̯a* скорее всего может рассматриваться как производное от корня **kes-*/**kos-*, образованное по типу отношения *grebǫ—grobъ—grabja-* (русск. *грабли*, чеш. *hrabě*) и обозначавшее вначале 'толченое' или 'вымолоченное'.

Около половины славянских производных от корня **kes-*/**kos-* включают в свой состав суффиксальный элемент *-t-*, чаще всего в сочетании с последующим *-r-* или *-l-*. В наиболее тесной семантической связи с н.-луж. *kósak* 'кнут, палка', польск. *kosior* 'кочерга', русск. *косбра* и др., а также с устанавливаемым здесь первоначальным значением слова *kosa* 'обрубок, отесь' находятся такие слова, как русск. *костыль* и его производное *костылять*, блр. *касты́ль*, с.-хорв. *кȍстило* 'лощило', польск. *kostur* 'посох', укр. *кóстур* то же, *кости́ра* 'нож для убивания животных', *коштýра* 'скребок', слвц. *koštúr* 'кинжал', болг. *костýра* 'карманный ножик'. Прямым соответствием лат. *castrum* 'укрепление, лагерь', связанным с глаголом *castrō* 'рубить' [111], является русск. *костёр* 'поленница, сложенные в клетку дрова, высокий сруб, башня, большая груда, куча; подопечье', укр. *костéр*, 'сажень дров, куча камыша', блр. *касцёр* 'поленница, стопка', польск. *kostra*, *kostro* 'сажень, скирда' (ср. выше *kosura* 'куча, скирда'), словен. *kóster* 'костер'. Первоначальное значение 'обрубки, обломки' отчетливо прослеживается в такой группе слов, как русск. *костра́*, *костри́ка* (*костéрь*, *костéря*, *костри́ца*, *костры́га*, *косты́га*, *кости́ка*, *кости́ца*) 'внутренняя одревесневшая часть стебля волокнистых растений, раздробляемая и отделяемая от волокна при трепании', укр. *костри́ця*, блр. *кастры́ца* то же, польск. *kostra*, *kostrzyca* то же. Сюда же, вероятно, принадлежит также русск. диал. *кострéл* 'хвойные иглы' (ср. выше польск. *kosuty*) и *косты́рь* 'заноза, щепочка, спичка'. Первоначальная разновидность значения корня **kes-*/**kos-* 'колоть', указывающего на свойство обозначаемого предмета, должна быть предположена у названия растений русск. *костёр*, диал. *костéрь* (*костра́*, *кострéц*) 'метлика, овесец, дырса, Bromus', укр. *костéр* 'Bromus inermis, костёр', *костри́ця* (*костеря́ва*) 'Festuca, овсянница', польск. *kostrzewa* 'овсянница', чеш. *kostřava*, слвц. *kostrava* то же, в.-луж. *kostrjawa* 'овсец, костер', с.-хорв. *кострба* то же, *kȍstrava* 'вид травы', словен. *kostrẹ́ba* (*kostrẹ́va*) то же, *kostrêvec* 'куколь', *koštrika* 'Ruscus, иглица', н.-луж. *kóstřowa* (*kóstřawa*, *kóstřewa*) то же, полаб. *küstřeva* то же, н.-луж. *kóstśaň* 'полевой хвощ', у слов, обозначающих щетину (волосы, шерсть), например, слвц. *kostrnok* 'волосы, щетина', с.-хорв. *кȍстриjет* 'козья шерсть', а также у группы слов, указывающих на острые торчащие части предмета, например слвц. *kostrba* 'кочерыжка, прядь',

[111] W a l d e I, стр. 180.

kostrbatý 'неровный', укр. *кóструб* 'неряха', *кострубáтий* 'косматый, вихрастый', русск. диал. *кострубáтый* 'шершавый, шероховатый', блр. *каструбавáты* 'шероховатый, шершавый', польск. *kostrubaty* (*kostrobaty*, *kostropaty*) то же, чеш. *kostrbatý* 'корявый, шершавый', *kostroum* 'что-либо торчащее вверх; необрубленная ель'.

Особо следует рассмотреть вопрос об отношении к словам с корнем **kes-*/**kos-* общеславянского слова *kostь* и его производных. Общепринятой этимологии это славянское слово до сих пор не имеет. Часть авторов связывает его с лат. *costa* 'ребро, бок' [112], хотя эта ссылка на столь же темное латинское слово фактически никакой этимологии не представляет. Другая часть исследователей пытается установить связь слав. *kostь* (в более поздних работах — также и лат. *costa*) с лат. *os* (*ossis*), греч. ὀστέον, др.-инд. *ásthi* 'кость', предполагая то присоединение древнего префикса *k-* к индоевропейскому корню, начинавшемуся с *o* [113], хотя другие примеры подобной суффиксации в индоевропейских языках почти полностью отсутствуют (приводится еще параллель слав. *k-oza* : др.-инд. *ajā́*), то метатезу *k* из сконструированной праформы **osthrk-* [114].

Внимательное изучение соответствующего материала приводит к заключению, что слово *kostь* не является древним, унаследованным из индоевропейской эпохи обозначением кости у славян. С одной стороны, есть основания предполагать, что в праславянском для обозначения кости употреблялось слово с общеиндоевропейским корнем *ost-* [115]. Об этом свидетельствует значение 'рыбья кость' у польского слова *ość*, сохранившегося в данном значении наряду со словом *kość*, вероятно, благодаря сходству таких костей рыбы с остюками растений, обозначаемых в славянских языках омонимичным словом *ostь*, родственным слову *ostrъ*(*-jь*). С другой стороны, ряд фактов говорит о том, что в праславянском языке имелись слова для обозначения кости, родственные словам других индоевропейских языков с корнем **kaul-* (лит. *káulas* 'кость, нога', лтш. *kaũls* 'кость, нога, стебель', прусск. *caulan* 'нога', *kaules* 'шип', др.-инд. *kulya-* 'кость', греч. καυλός 'стебель, стержень, рукоять', лат. *caulis* 'стебель, ствол', ирл. *cuaille* 'кол'. Ср. русск. диал. *кульжа*, *кульша* 'бедреный мосол', *кульгавый* 'колченогий, хромой', *кулявый* 'хромой', *култы́га*, *култы́ш*, *культень*, *культя́*

---

112 J. Schmidt. Kritik der Sonantentheorie. Weimar, 1895, стр. 158; Berneker I, стр. 582—583; H. Pedersen. Указ. соч., I, стр. 85; Walde I, стр. 281; Преображенский I, стр. 368; Vasmer I, стр. 643.

113 R. Meringer. Beiträge zur Geschichte der indogermanischen Deklination. Wien, 1891, стр. 42; P. Persson. Beiträge. . ., I, стр. 526; Ernout—Meillet, стр. 146; Machek, стр. 224.

114 J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik III. Heidelberg, 1950, стр. 40.

115 Ср.: Machek, стр. 343.

·рука или нога без пальцев', *кульга́* 'хромой', *кульпа́*, *культяпа* 'безрукий, косолапый; искалеченная рука', *культяк* 'криворукий', *кульпа́ть*, *култыха́ть*, *кульга́ть* 'хромать', блр. *ку́льша* 'бедро', *кульга́вы* 'хромой', *кульгаць* 'хромать', укр. *ку́льша* 'бедро', *кульга́* 'хромой, безногий человек', *кульга́вий* 'хромой', *кульга́ти* 'хромать', польск. *kulsza* 'седалищная кость'[116], *kula* 'костыль' (для хромого), *kulawy* 'хромой', *kulas* 'хромой человек', диал. *kulgać* 'хромать', чеш. *kulhavý* 'хромой', *kulhati* 'хромать', слвц. *kulhat'*, *kul'hotat'* 'хромать', словен. *kulj* 'с искалеченными рогами', *kuljav* 'хромой'. Предположение об употреблении в праславянском корня *kul-* для обозначения кости (ноги) дает возможность возвести к этому корню не имеющее до сих пор убедительной этимологии славянское название нескольких видов болотных голенастых птиц — русск., укр. *кули́к*, блр. *кулі́к*, польск. *kulik*, чеш., слвц. *kulík*, которое обычно считается звукоподражательным[117]. Могли быть и другие названия для кости (ср. русск. *мосол*).

Предположение о непервичности славянского слова *kostь* в его современном значении подтверждается значениями некоторых старых производных от этого слова в различных славянских языках, а также употреблением самого слова *кость* в памятниках и в говорах. Все эти данные приводят к выводу о том, что славянское слово *kostь* является производным от корня **kes-/*kos-* и что первоначальное значение этого слова было непосредственно связано с оттенком значения 'рубить, убивать' в корне **kes-/*kos-* и указывало на труп или части трупа убитого человека или животного. Последующее развитие этого значения шло по двум направлениям: с одной стороны, через понятия 'тело убитого'—'труп вообще, падаль'—'захороненный труп'—'останки трупа'—'кости', с другой стороны, через понятия 'падаль'—'разлагающийся труп животного'—'гадость'.

Развитие современного значения слова *кости* на основе первоначального значения 'труп убитого или его части' отчетливо прослеживается в ряде фактов. Древнерусское выражение *пасти костию* означает 'пасть на поле боя, быть убитым': «и солгавъ оканныи: сице связавъ, предаст их татаром своим; а город взяша а люди исѣкоша; и ту костью падоша» (1 Новг. лет., 1224 г.); «а сами побѣгоша на лѣсъ, пометавше от себе все оружие, щиты и сулици; а инѣи ту костию падоша» (1 Новг. лет., 1234 г.). Соответственно этому обычное в древнерусских летописях выражение *на костехъ* означает 'на поле битвы', причем во всех случаях имеется в виду битва, только что закончившаяся, когда одно из

---

[116] По мнению И. М. Эндзелина, слово *kulsza* заимствовано в польском языке из литовского (лит. *kùlšė* 'бедро'), в восточнославянских — из польского (И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, X, 1911, стр. 33—34).

[117] Преображенский I, стр. 410.

сражавшихся войск еще не покидало места сражения. Ср.: «и гониша их, бьюще, до города, въ три пути, на 7 верстъ, якоже не мощи коневи ступити трупьемь. . . и тако сташа близъ противу себѣ, ожидающе свѣта. И тако оканнѣи преступници кресту, не дождавьше свѣта, побѣгоша. Новгородци же сташа на костех 3 дни и приидоша въ Новъгород, привезоша братью свою избиеных» (1 Новг. лет., 1268 г.). Особенно часто встречается в древнерусских памятниках выражение *стати на костехъ* в смысле 'оставить за собой поле битвы, не уйти с места сражения'. Например: «И богъ поможе мужемъ псковичемъ и изборяномъ, посѣкоша нѣмець. . . овѣх побиша, а инии прочь побѣгоша посрамлени. И сташа псковичи на костех» (3 Пск. лет., 1343 г.); «Татарове же одолѣша християномъ и сташа на костѣхъ» (Соф. врем. 1378 г.); «от страха божиа и от оружиа кристияньскаго падаху безбожнии татарове. . . Сиа же сдѣяся побѣда князю великому мѣсяца септября въ 8, на Рожество святѣи богородици, в суботу. Князь же великыи Дмитрии съ братомъ своимъ съ княземъ Володимеромъ, ставъ на костех татарськых, и многыя князи рускыя и воеводы прехвалными похвалами прославиша пречистую матерь божию» (1 Новг. лет., 1380 г.) и т. д.[118] Именно значение 'тело убитого человека', в отличие от значения 'труп мертвеца', следует предположить у слова *кости*, употребленного в статье 19 всех списков пространной редакции «Русской правды»: «А по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають ни знають его» (РП Троицк. I, 19). В таком случае эта статья означает, что вервь не должна платить виру за (найденного на ее территории) убитого или мертвого, если неизвестны его имя и личность[119].

Первоначальное значение слова *kosti* 'труп, трупы', наряду со значением 'твердые части организма', зафиксировано в сербохорватском языке, в котором «форма множ. ч. *kosti* часто означает труп или трупы, независимо от того, отпало ли мясо от костей»[120].

Дальнейший этап развития значения праславянского слова *kosti* отражен в польском выражении *kości świętych* 'мощи святых', в котором это слово означает уже не труп убитого, а вообще останки мертвого[121]. С этим же значением связано и ст.-польск.

---

[118] Другие примеры см. в словаре И. И. Срезневского (Срезневский I, стр. 1297—1298).

[119] Из помещенных в академическом издании «Русской правды» переводов этой статьи ближе других к содержанию оригинала оказался русский перевод Ив. Болтина, сделанный в 1792 г., в котором древнерусскому выражению «по костехъ и по мертвеци» соответствует выражение «за мертвое тело», между тем как в русском переводе В. Н. Сторожева, в польском переводе Раковецкого и в немецком переводе Геца древнерусское слово *кости* передано русским *кости*, польским *kości* и немецким *Knochen* (Правда Русская, II. Комментарии. М.—Л., 1947, стр. 329).

[120] «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», d. V. Zagreb, 1898—1903, стр. 369—370.

[121] M. S. B. Linde. Słownik języka polskiego, t. II. Lwów, 1855, стр. 453.

kośnica 'предпогребальный дом': «К. служит для складывания тел перед погребением вплоть до истечения определенного времени» [122]. Наряду с этим значением польск. *kośnica* (*kostnica*) имеет и более новое значение — 'помещение для костей умерших'. Такие же два значения — 'помещение для умерших' и 'помещение для костей' — зафиксировано и в словен. *kostníca*, *kostenjáča*. Следы древнего значения 'место захоронения убитых и умерших' можно усмотреть и в болг. *ко́стница* 'братская могила, собрание костей героев или мучеников', чеш. *kostnice* 'помещение для костей мертвецов; братская могила', хотя здесь оно уже почти полностью вытеснено новым значением, связанным с новым пониманием слова *кости*.

К этапу развития значения слова *кости*, отраженному в значениях ст.-польск. *kośnica*, словен. *kostníca*, *kostenjáča*, относится и рус. диал. *косты́ч* «женский саван из холста, вроде сарафана; будничный крашенинный сарафан, широкий в подоле и косоклинный, носят его более старухи и староверки» и т. д.[123]

Дальнейший переход от значения 'останки мертвеца' к современному значению слова *кости* настолько естественный и непосредственный, что даже нет надобности прослеживать его по памятникам и диалектным материалам.

Этапы развития значения слова *kostь*, проходившего в другом направлении — по линии 'труп убитого животного'—'падаль'—'гадость', непосредственно в слове *kostь* ни одним славянским языком не засвидетельствованы. Возможно, что к началу этого семасиологического развития восходит закрепление за словом *kosti* переносного значения 'тело живого животного', отмеченного в польском языке. Ср.: «Już konia wyzwolono z wojennych trudnósci, Aby sobie wytchnąwszy znowu nabrał kości (Wyprawa plebańska Abbertusa)» [124]. Но свойственное слову *kosti* на определенном этапе значение 'гадость' сохранилось в образованных от этого слова производных глаголах и отглагольных существительных. Именно это значение слова *кость* отражается в русск. *кости́ть* 'марать, гадить, грязнить, поганить; испражняться', блр. *косці́ць* 'испражняться', русск. *костёнок*, *кощёнок* 'сквернавец, мерзавец; поганец, пакостник', *кощу́н* (< **kostjunъ*) 'осквернитель святыни', *кощу́нство*, *кощу́нствовать*, ст.-слав. **коштоунати, коштоунити** 'говорить вздор, срамословить', др.-русск. *кощюньникъ* 'сквернослов' (ср.: «Бѣ бо пьяница и студословець, празднословець и кощоньникъ». — Сузд. лет., Лавр. 1262 г.). Через разновид-

---

[122] «Słownik języka polskiego», t. II. Warszawa, 1902, стр. 502 (цитируется Й. Гацкий).

[123] Даль II, стр. 176.

[124] M. S. B. Linde. Указ. соч., II, стр. 453; «Słownik języka polskiego», t. II, стр. 501. — Впрочем, это переносное значение обнаруживает связь и со значением 'тело живого человека', зафиксированным в польском же языке: «Koszula kości otula» («Słownik języka polskiego», t. II, стр. 501).

ность значения 'неприличные слова, сквернословие' развилось значение ст.-слав. **коштоуна (коштюна)** 'басня, вздор'.

Вероятно, уже только в восточнославянских говорах исторически возникшая омонимия между *кость* 'твердая часть организма' и *кость* 'гадость' была устранена путем образования от глагола *костить* по образцу отношений типа *творить—тварь*, *гореть—гарь* и др. новой звуковой формы имени существительного *касть* [125], от которого были выведены и соответствующие производные. Ср. русск. диал. *касть* 'негодные остатки на бойнях, пакость, мерзость, гадость, скверна, сор, дрянь, мышь, крыса, гад', *ка́стный*, *кастно́й*, *кастли́вый* 'пакостный, гадкий, мерзкий, нечистый', *касти́ть* 'грязнить, гадить, марать, сорить, испражняться, бранить, сквернословить', *касте́ня*, *касте́нок* 'мерзкий ребенок, пакостник, который не просится', блр. *ка́сциць* 'портить, марать, пачкать, сорить', *касны́* 'срамной, скверный, худой'.

Еще одним отражением развившегося некогда у слова *кость* значения 'гадость' является праславянское слово *pakostь* и его производные (русск. *па́кость*, *па́костить*, *па́костный*, *па́костник*, укр. *па́кість*, *па́костити*, *па́косний*, *па́кісливий*, др.-русск. *пакость* 'вред, зло, разоренье, грабеж, мука, болезнь, препятствие, обида, обман, осквернение, гадость', *пакостити* 'причинять вред, грабить, производить разбои, препятствовать', *пакостовати* 'оскорблять, мучить, затруднять', *пакоствовати* 'хищничать, разорять', *пакостьствовати* 'причинять вред', *пакостьныи* 'вредный, пагубный, препятствующий, тяжкий', *пакостьливый* 'склонный к злу', *пакостьникъ* 'злодей, мучитель', польск. *pakość*, *pakośnie*, *pakośnik*, чеш. уст. (воен.) *pakosta*, *pakostník* 'вредитель, диверсант', в.-луж. *pakósć* 'воришка', *pakosćić* 'воровать', *pakostny* 'воровской', *pakostnik* 'воришка, жулик', н.-луж. *pakosćiś* 'безобразничать, безчинствовать, вонять, воровать', *pakosnik* 'воришка', болг. *па́кост* 'вред, изъян, убыток, пакость, мерзость', *пакостя́* 'пакостить, делать неприятности', *па́костен* 'вредный, пакостный', *пакостли́в* 'причиняющий вред, пакостный', *па́костник* 'пакостник, проказник', макед. *пакост*, *пакости*, *пакосен*, *пакослив*, с.-хорв. *па̏костити*, *па̏костан*, *па̏косан*, *па̏косник*, словен. *pákost* 'вред зло', *pákosten* 'противный, гадкий', ст.-слав. **пакость, пакостити, пакостьнъ, пакостьливъ, пакостьникъ, пакоштение**). Попытка увязать слово *пакость* с наречием **пако*, *пакы* [126] лишена всякого основания. О генетической связи

[125] Попытка В. И. Даля вывести русск. *касть* из *капость* (Даль II, стр. 95) неубедительна по двум причинам: во-первых, ввиду невероятности такого резкого сокращения эмоционально насыщенного слова *капость* и, во-вторых, ввиду того, что само это слово является территориально ограниченным новообразованием на основе *пакость* (ср.: Л. А. Булаховський, З історичних коментаріїв до української мови. Метатеза. — «Мовознавство», т. VIII. Київ, 1949, стр. 47).

[126] Преображенский II, стр. 5.

слова *пакость* со словом *кость* свидетельствует, между прочим, зафиксированное в русских заговорах выражение *кости и пакости* [127]. Правда, пейоративное значение слова *пакости* в этом выражении почти не ощущается. По-видимому, значение слова *пакости* из этого выражения является вторичным, развившимся у существовавшего уже раньше слова *пакость* под влиянием нового значения слова *кость* 'твердая часть организма'. В таком случае это новое, не получившее распространения в восточнославянских языках значение слова *пакости* указывало, вероятно, на участки организма, соприкасающиеся с костями (сухожилья, мышцы). Близкое к этому значение отражается в производных от *pakost* чеш. *pakostnice*, слвц. *pakostnica* 'подагра'. В отличие от этого вторичного значения слова *пакости*, его первичное значение, сохранившееся в преобразованном виде в современной пейоративной семантике этого слова и его производных в восточнославянских и южнославянских языках, вероятно, заключалось в указании на отделенные части трупа убитого существа, грязь от трупа убитого и т. п. Как видно из соотношения названных слов с префиксом *па-* (*pa-*) в западнославянских и в остальных славянских языках, сосуществование первичного и вторичного значений этих слов в одном и том же языке оказалось невозможным: после закрепления в чешском и словацком языках слова *pakostnica* в значении 'подагра' слово *pakost* и его производные с пейоративным значением в этих языках вышли из употребления.

Таким образом, слав. *kostь* представляет собой распространение древнего и.-е. корня *kos-* посредством суффикса *-tĭ-*, аналогичное таким образованиям, как слав. *čęstь* 'часть' (< **kęd-tь*, ср. *kǫsati* 'кусать' из **kǫd-sati*), *věstь* (< **věd-tь*, ср. *věděti*, *vědati*), *gъrstь* 'горсть' (< **gъrt-tь*, ср. укр. *гортати* 'разгребать'), *znatь* и др. В свете предложенной этимологии слова *kostь* теряет под собой почву широко распространившееся в последнее время сопоставление слав. *kostь* с лат. *costa*. При той узости значения, которая свойственна лат. *costa* 'ребро', его генетическая связь со слав. *kostь* представляется совершенно невероятной. Вряд ли есть основания предполагать в данном случае и заимствование из славянских языков в латинский. Поэтому наиболее вероятной в настоящее время кажется предложенная уже О. Видеманом этимология лат. *costa* как восходящего через производную форму **cox-ta* к лат. *coxa* 'бедро' [128] (ср. др.-инд. *kákṣā*, *kakṣaḥ* 'подмышка', авест. *kaša-* 'плечо' и др.).

Развитие значения слав. *kostь* на основе свойственного издавна корню *kos-* значения 'бить, убивать' и т. д. может быть использовано в качестве семантической параллели для объяснения до сих пор неясного в этимологическом отношении герм. **bain* (др.-в.-н., ср.-в.-н.

[127] Даль II, стр. 95; III, стр. 10.
[128] O. Wiedemann. Указ. соч., стр. 15—16.

bein, н.-в.-н. *Bein*, англ. *bone*) 'кость'. Это германское слово, по всей видимости, связано с нем. *Beil* 'топор', др.-в.-н. *bīnal*, *bil* то же, русск. *бить* и т. д. и, следовательно, восходит к и.-е. корню **bhei-* **bhoi-* (именно к его ступени с вокализмом *o*) в значении 'бить' и т. п. Возможно, что и семантика лит. *káulas*, лтш. *kaũls* 'кость, нога', русск. *кульжа*, *кульша* 'бедренная кость' прошла аналогичный путь развития от значения 'бить' и т. п., свойственного и.-е. корню **kou-* как производному от **ks-*.

В. И. Абаев

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

К скифо-европейским лексическим связям

ОСЕТ. *adæg* 'БОРОНА'

В свое время отмечалось, что скотоводческая терминология у осетин отличается большой древностью и восходит к общеиранскому и даже индоевропейскому, напротив, терминология, связанная с земледелием, отличается значительной пестротой с точки зрения происхождения и давности бытования на осетинской почве и не всегда поддается этимологизации [1]. С тех пор этимологическое изучение осетинской лексики значительно подвинулось. Стало выясняться и происхождение земледельческих терминов. И тут вскрылся важный с культурно-исторической точки зрения факт: ряд основных терминов земледельческой культуры ведет не к иранским, а к европейским языкам: славянским, балтийским, германским, италийским, кельтским. Таковы названия серпа, колоса, урожая, ярма и его частей, вероятно также сохи, мельницы, ступы и др. Вывод напрашивается сам собой: предки осетин, скифские племена, первоначально кочевники и скотоводы, переходили на оседлость и усваивали начатки земледелия в условиях контактов с европейскими народами [2].

Осет. *adæg* 'борона' служит новым подтверждением этого тезиса. Этимология *adæg* считалась неясной [3]. Теперь, когда вскрылось европейское происхождение ряда осетинских земледельческих терминов, пришла пора и для *adæg* занять свое место в этом ряду. *Adæg* мы рассматриваем как метатезу из **agæd*. Эта форма приводит нас к европейскому названию бороны **oketa*: др.-прусск. *aketes*, англос. *egeđe*, др.-в.-нем. *egida*, галльск., брет. *oged*, др.-кимр. *ocet*, лат. *occa*. Метатеза **agæd* → *adæg* могла произойти в осетинском в порядке ассимиляции с излюбленным для скифского и осетинского типом имен на *-æg* (иран. *-aka*) [4]. Но такая метатеза могла иметь место уже на европейской

[1] Абаев ОЯФ I, стр. 56—60.

[2] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 142 сл. (отрывок «У кого скифы учились земледелию?»).

[3] Мало убедительная догадка в кн.: Абаев I, стр. 28 (к и.-е **edh* 'острый').

[4] Абаев ОЯФ I, стр. 221—225.

почве: лат. *occa* легче вывести из **ot(i)ka*, чем из **ok(i)ta*[5]. Не исключено поэтому, что и лат. *occa* и осет. *adæg* следует возводить к **otəka-*, представляющему вариацию европейского **oketa-*.

ОСЕТ. *fætk'u* 'ЯБЛОКО'

Это интересное в культурном отношении слово упорно не поддавалось этимологизации. Картина прояснилась, когда стало известно, что вторая часть *-tk'u* (*-ck'u*) встречается и в названиях некоторых других плодов и ягод: *nymæ-tk'u* 'черная калина', 'гордовина', 'Viburnum lantana', *mæ-ck'u* 'брусника', 'Vaccinium vitis idaea'. Членение *fæ-tk'u* позволяет с уверенностью восстановить **fæl-tk'u*. Плавный *l* в данной позиции неизбежно должен был выпасть: *mæ-ck'u* также восстанавливается в **mær-ck'u*, ср. груз. *mar-c'qu-* 'земляника'. *Nymætk'u* восстанавливается в *nymæt-tk'u*, ср. авест. *nəmata-* — название колючего кустарника [6].

Восстанавливаемое *fæl* в **fæl-tk'u* (> *fætk'u*) сближается с европейским названием яблока: валлийское (кельтское) *afal*, брет. *aval*, крым. гот. *apel*, нем. *Apfel*, лит. *obuolis*, лтш. *âbuôls*, ст.-слав. *jablъko*, болг. *аблъка*, русск. *яблоко*. Осет. *f* закономерно восходит к *p*, и, стало быть, звуковое развитие слова рисуется в следующем виде: **apal* → **afal* → **fæl-tk'u* → **fætk'u*. Отпадение начального *a-* нередко в осетинском: *dælæ* 'внизу' от *adari*, *dojny* 'жажда' из *ædojny* ('безводье'), *nyx* 'лоб' из *anika-* и др.

Во второй части занимающего нас слова, *-tk'u*, скрывается скорее всего какой-то кавказский элемент со значением 'плод', 'ягода'. Ср. упомянутое груз. *marc'qu* 'земляника', которое Н. Я. Марр делил на *mar* 'земля' и *c'qu* 'ягода' ('земляная ягода', ср. нем. *Erdbeere*, русск. *земляника*); ср. также груз. *c'qaw* 'лавровишня'.

Таскать — ОТЫМЕННЫЙ ГЛАГОЛ?

Образование глаголов от имен наблюдается в славянских языках на протяжении всей их истории вплоть до наших дней, и соответствующие образования составляют заметную часть глагольной лексики.

---

[5] H. Hirt. — IF. 37, стр. 130; В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 285 сл.

[6] Осет. *nymætk'u* нельзя связывать непосредственно с авест. *nəmaδka-* 'кустарник', вопреки Бэйли (H. W. Bailey. Veda and Avesta. — «University of Ceylon Review» XV, 1—2, 1957, стр. 25 сл.; Он же. The New Iranian Materials from Turkestan. — «Journal of the K. R. Cama Oriental Institute», 39. Bombay, 1958, стр. 132), так как в этом случае остаются необъясненными как смычно-гортанный *k'*, так и конечный *u*.

Отыменные глаголы можно классифицировать как по формальным признакам, так и по семантическим, т. е. по соотношению значений, выраженных в имени и в глаголе. Частично те и другие признаки взаимосвязаны. Так, образования на *-еть* в русском (самый многочисленный класс отыменных глаголов) имеют обычно медиальное значение, и смысловое их отношение к исходному имени сводится к следующему: иметь или приобретать то свойство или качество, которое заключено в имени. Сюда относятся производные от прилагательных: *белеть*, *чернеть*, *худеть* и т. п.; от существительных: *зверетъ*, *сатанеть* и т. п.

Образования на *-ить* могут быть активными глаголами со значением 'сообщать данное качество другому лицу или предмету': *чернить*, *белить*, *хулить*, *дурачить*, *гневить* и т. п.; 'действовать орудием': *пилить*, *боронить* и т. п.; медиально — 'совершать действия или вести занятия, свойственные лицу, предмету или понятию, обозначаемому именем, уподобляться чему или кому-либо': *батрачить*, *чабанить*, *буянить*, *(про)воронить*, *басить*, *юлить* и т. п.

Глаголы на *-ать* дают довольно пеструю картину семантических отношений к исходному имени. Но и здесь хорошо распознаются два типа: отношение действия к орудию, с помощью которого это действие совершается, и отношение уподобления.

Примерами на первый тип могут быть: *стрелять*, *сделать*, *(об)уздать*, *киркать* (Даль[2] II, стр. 109), *сакать* 'прибирать к рукам', 'присваивать', 'таскать', от *сак.* 'мешок' (Даль[2] IV, стр. 130), *лапать*, *козырять*, *костылять* и т. п.

Отношение уподобления выступает в таких глаголах, как *братать(ся)*, *мужать*, *сиротать*, *мотылять* 'порхать мотыльком' (Даль[2] II, стр. 352), *лындать* от *лында* 'лентяй' (Даль[2] II, стр. 276), *лютовать*, *свирепствовать* и др.

Известно, что в русском и вообще в славянских языках есть значительное число глаголов, не получивших до сих пор удовлетворительной этимологии. При их разъяснении следует считаться и с возможностью деноминативного происхождения. Выявить отыменную природу некоторых глаголов бывает нелегко по двум причинам. Во-первых, исходное имя нередко выходит из употребления, во всяком случае в литературном языке, и нужны специальные историко-лексикологические разыскания, чтобы установить, какое имя лежит в основе данного глагола [7].

Во-вторых, случается, что глагол по значению весьма далеко отходит от исходного слова, и их связь требует от этимолога семантического обоснования [8]. Бывает и так, что налицо оба обстоя-

---

[7] В книге Г.-Ю. Иордана (Hans-Jürgen Jordan. Zur Geschichte der russischen Denominativa. Berlin, 1961, стр. 193 сл.) имеется особая рубрика: «Verba, deren Grundwörter nicht belegt sind». Пример: *лебезить* и др.

[8] См. у Иордана рубрику: «Verba, die unbestimmbare Beziehungen zu ihren Nomina aufweisen» (Указ. соч., стр. 50—55). Пример: (*о*)*шеломить* и др.

тельства: и утрата исходного имени в литературном языке, и семантический разрыв между глаголом и исходным именем. Так именно обстоит дело с глаголом *гулять*. А. С. Львов удачно, по нашему мнению, показал, что *гулять* образовано от (нелитературного) *гуля* 'шар', 'мяч для игры' и означало первоначально 'играть в гулю', а потом 'праздно проводить время' и пр.[9]

Принимая во внимание все эти соображения, мы решаемся высказать догадку о деноминативном происхождении глагола *таскать*.

Русск. *таскать*, *тащить*, польск. *taskać*, *taszczyć*, чеш. *tasiti* можно, как нам кажется, связать с распространенным в европейских языках *taska* 'мешок', 'сумка', 'карман': др.-сев. *taska*, швед, *taska*, др.-в.-нем. *tasca*, ит. *tasca*, венг. *táska*, чеш. *taška*, фин. *tasku*, осет. *tæsk'* | *tæsk'æ*. Исходное слав. **taska* утрачено (чеш. *taska* представляет новейшее заимствование из нем. *Tasche* и, конечно, никак не связывается с *tasiti*). Исходное значение *таскать* — 'нести в таске, в мешке'. Ср. русск. (диал.) *сакать* 'таскать' от *сак* 'мешок' (Даль² IV, 130), *котомить* 'комкать, мять, словно укладывая, уминая в котомку' от *котома* (Даль² II 179). Ср. в английском: *sack* 'мешок'—*to sack* 'грабить', *bag* 'мешок'—*to bag* 'стащить' (разг.) и т. п. Стало быть, по семантическому отношению глагола к имени *таскать* относится к так называемым instrumentativa: имя означает орудие, предмет, а глагол — действие, совершаемое с помощью этого орудия; ср. *стрелять*, *боронить* и пр.[10] Чешский осмыслил конечно *-ka* в **taska* как уменьшительный формант; отсюда форма *tasiti*.

Формы *таскать* || *тащить* соотносятся по обычной видовой модели: форма на *-ать* — несовершенное (многократное) действие, форма на *-ить* — совершенное (однократное); ср. *отвечать* || *ответить*, *кончать* || *кончить* и т. п. Существительное *таска* («задать таску» и т. п.), которое Фасмер (III, стр. 81) выставляет как основное, представляет вторичное образование от *таскать*.

То, что имя **таска* 'мешок' вышло из употребления, а производный от него глагол *таскать* сохранился, не должно удивлять. Таких примеров множество (см. выше). Глагол *стрелять*, например, будет жить независимо от того, сохранится ли в языке слово *стрела*.

РУССК. (ДИАЛ.) *аланец* 'НЕПОСЕДА'

Большое и крайне нужное дело начал Ф. П. Филин: издание «Словаря русских народных говоров». Потребность в таком словаре давно и остро ощущается не только русистами и славистами;

---

[9] «Этимология». М., 1963, стр. 110—115.

[10] H.-J. Jordan. Указ. соч., стр. 18—21, 37—43, 65—69.

к нему постоянно будут обращаться также тюркологи, финно-угроведы, иранисты, специалисты по многим языкам, с которыми на протяжении своей истории приходил в соприкосновение русский народ. В нем найдут много ценного для себя не только лингвисты, но также историки, этнографы, фольклористы, литературоведы. Русские народные говоры — это целый мир, огромный лингвистический музей, раскинувшийся на шестой части земли.

В «Словаре» поднят обширный материал: один только список источников занимает 140 страниц.

Вышедший первый выпуск (М., 1965) содержит слова на букву «А». Эта буква, как известно, не очень показательна и «выигрышна» в русском языке. Но и здесь можно найти много интересного с разных точек зрения. Мое внимание обратило на себя слово *аланец* 'непоседа'. Из материалов М. Н. Макарова «Опыт русского простонародного словотолковника» 1846 («Чтения Общества истории и древностей российских» № 3, отд. IV) приводится фраза: «Аланец-еланец, непоседа, места не согреет, все вскачь да вскачь!» Место, где записана эта фраза, у Макарова, к сожалению, не указано.

В высшей степени вероятно, что в *аланец* скрывается этнический термин *алан*. Под этим названием были известны в прошлом предки современных осетин [11]. Другим их названием было *ас*. Это последнее название в форме *яс* было хорошо известно русским и неоднократно упоминается в русских летописях [12].

Оба термина, *алан* и *ас*, встречаются в самых разнообразных источниках, но *алан* более характерен для западных, а *ас* — для восточных. Русские, имевшие контакты и с западом и с востоком, могли знать не только термин *ас* (*яс*), но и термин *алан*. В свое время я высказал догадку, что название пива в офенском арго, *аланя*, содержит племенное название алан: осетинское пиво издавна пользовалось большой славой [13].

Диалектное *аланец* 'непоседа' — еще один след названия алан на русской почве. Значение 'непоседа' на редкость метко схватило характернейшую национальную черту алан: их необыкновенную подвижность. Еще Аммиан Марцеллин (IV в.) писал о них: «Аланы . . . очень подвижны вследствие легкости своего вооружения» [14].

Говоря об исторических судьбах алан, я отмечал в свое время: вряд ли можно указать в истории другой народ, который в течение такого продолжительного времени был бы непрерывно одержим страстью к передвижениям и дальним походам [15].

---

[11] Вс. Миллер. Осетинские этюды, ч. 3. М., 1887, стр. 39—70; Абаев ОЯФ I, стр. 41—47.

[12] «Святославъ. . . ясы побѣди и касогы» («Повесть временных лет», I. М.—Л., 1950, стр. 47). Другие упоминания см.: Вс. Миллер. Указ. соч., стр. 66—70; Vasmer III, стр. 496 (под словом *ясин*).

[13] Абаев ОЯФ, стр. 346.

[14] «Historia», XXXI, 21.

[15] Абаев ОЯФ I, стр. 81.

Эта особенность алан не укрылась от их соседей, русских, и их название стало синонимом «непоседы».

Формант *-ец* в *алан-ец* вполне на своем месте; *-ец* и *-ин* — излюбленные форманты для этнических названий, причем они используются и тогда, когда слово само, без этих формантов, уже является этнонимом: *башкирец*, *осетинец*, *ясин*, *черемисин* и т. п.[16]

РУССК. (ДИАЛ.) *варзать* 'ДЕЛАТЬ ПЛОХО'

Прослеживая семантическую судьбу заимствованных слов, можно сделать такое наблюдение: если для какого-либо понятия в языке сосуществуют два слова, одно оригинальное, а другое заимствованное, то нередко бывает так, что оригинальное слово имеет нейтральную или одобрительную окраску, а заимствованное — пейоративную (la loi de péjoration Бреаля). Это относится как к именам, так и глаголам. Вот несколько примеров: нем. *Ross* 'конь'—франц. *rosse* 'кляча'; осет. *bæx* 'конь'—груз. (диал.) *baxi*, русск. (диал.) *бах* 'кляча' (Абаев I, стр. 256); карел. *varža* 'жеребенок'—русск. (диал.) *варжа* 'плохой, невзрачный жеребенок' (J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 84); иран. **mṛda-* (др.-инд. *mūrdhan-*) 'голова'—русск. *морда*; франц. *voyage* 'поездка'—русск. *вояж*, *вояжировать* с ироническим оттенком; иран. *šam-*, *čam-* 'хлебать' (Абаев I, стр. 321 сл., сюда же груз, *č'am-* 'есть')—русск. (арго) *шамать* 'жрать'.

Русск. диал. (вят., кур., тамб.) *варзать* 'делать плохо', *варза* 'плохой работник' трудно отделить от иран. *varz-* 'делать' (авест. *varəz-* 'делать', перс. *varzīdan* 'делать', 'совершать', 'исполнять', 'заниматься', 'обрабатывать землю')[17].

Это еще один пример пейоративного употребления заимствованного слова.

Иран. **varz-* восходит к и.-е. **werg'-* 'делать'. Исходное значение было, по-видимому, 'чародействовать'. Это значение отражено в греч. ὄργια 'культовое действие' и в слав. **vorg-*, русск. *ворожить*. Слав. **vorg-* (вместо ожидаемого **vorz-*) идет по норме kentum, как ряд других слов в славянском (см. ниже о перекрестных изоглоссах).

Мы видим, стало быть, что и.-е. **werg'-* '(чаро)действовать' представлено в русском двояко: как исконное наследие (*ворожить*) и как заимствование из иранского (*варзать*). Подобные случаи нередки в истории языков. Так, иран. *čata-*(*čaϑa-*) 'водоем' представлено в осетинском оригинальным *cad* 'озеро' и заимствованным (из персидского через грузинский) *c'aj* 'колодец'.

---

[16] Об этом см. в моей заметке «Этнические названия на *-ец* в русском языке». — «Вопросы культуры речи», 2. М., 1959, стр. 83—90.

[17] Другие, мало убедительные толкования см.: Vasmer I, стр. 170.

В. И. Абаев

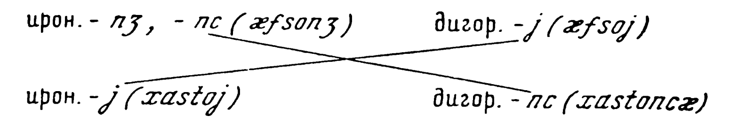
О ПЕРЕКРЕСТНЫХ ИЗОГЛОССАХ

Вероятно, каждый, кому приходилось заниматься диалектологией, встречался с таким явлением. Характерные черты и нормы, присущие одному диалекту и составляющие как бы его специфику, нет-нет, а всплывут в виде единичных фактов в другом диалекте, где они уже воспринимаются не как норма, а как исключение, как спорадическое «вторжение» из первого диалекта. Нижненемецкая форма *fett* 'жирный' задолго до Лютера уже бытовала в верхненемецком наряду с «чистой» верхненемецкой формой *feist*. В иронском диалекте осетинского языка слово *ræsuğd* 'красивый' отражает фонетическую норму другого диалекта, дигорского; в иронском ожидали бы **ræsyğd* (из др.-иран. **frasuxta-*). В заимствованном названии переметной сумы иронский и дигорский как бы поменялись формами: ирон. *xorʒen*—дигор. *xūrʒīn*: по огласовке первая форма отвечает нормам дигорского диалекта (*o—e*), вторая — иронского (*u—i*).

Закономерные иронско-дигорские соответствия нарушаются и в ряде других случаев. Так, иронскому *-z*, *-nʒ*, *-nc* обычно отвечает в дигорском *-j*:

иронский	дигорский	
k₀yʒ	*kuj*	'собака'
æfsonʒ	*æfsoj*	'ярмо'
ælxync'	*ælxij*	'петля' и др.

Однако в окончании 3-го лица мн. числа прошедшего времени переходных глаголов находим, к удивлению, обратную картину: в иронском *-oj*: (*xastoj* 'они несли'), в дигорском *-oncæ* (*xastoncæ*; конечный *æ* в *xastoncæ* — характерный для дигорского добавочный гласный). Стало быть, мы имеем перекрестные изоглоссы:

Исследователь персидских и курдских диалектов К. Хаданк замечает: «От языка гурани связующие линии ведут то к сиванди,

то к заза, то к самнани. Вместе с тем распознаются каждый раз и демаркационные линии, которые свидетельствуют об известной самостоятельности этих языков или диалектов. Положение, стало быть, такое же запутанное, как это наблюдается и в других случаях: не простые, но многосторонние родственные отношения, но уже не столь тесные и близкие» [1].

Подобных фактов можно привести десятки и сотни из самых различных языков: повсюду в диалектах мы встречаемся с перекрестными и встречными изоглоссами, повсюду характерные черты одного диалекта бывают в виде единичных явлений вкраплены в ткань другого. Обычно такие факты объясняют заимствованием из одного диалекта в другой. Но такое объяснение не всегда находит поддержку в реальном положении вещей. Так, иронскую по употреблению, но «дигорскую» по вокализму форму *xorʒen* ‘переметная сума’ никак нельзя объяснить заимствованием из дигорского по той простой причине, что в последнем нет такой формы; там господствует «иронская» по вокализму форма *xūrʒīn*.

В других случаях возможность заимствования хотя и не является абсолютно исключенной, все же по ряду соображений представляется мало вероятной и даже совсем невероятной. Так именно обстоит дело с персидскими и курдскими диалектами, о которых выше говорилось. Перекрестные междиалектные лексические изоглоссы сплошь и рядом относятся к основному словарному фонду, выражают самые элементарные, насущные, обыденные понятия; представляется решительно непонятным, как мог данный диалект обходиться без таких слов и быть вынужденным заимствовать их из другого диалекта. Изучение исторической обстановки, территориального распределения, культурных взаимоотношений также нередко приводит к выводу, что нет и не было никаких реальных предпосылок для заимствования из одного диалекта в другой.

Как же в таком случае объяснить несомненный и постоянно встречающийся факт междиалектных перекрестных связей? Чем глубже вникаешь в материал, тем больше убеждаешься, что если в отдельных случаях и можно говорить о междиалектных заимствованиях, перекрестные изоглоссы, как универсальное явление диалектографии и лингвистической географии, объясняются иначе: тем, что нет «чистых» диалектов, что в любом диалекте могут сосуществовать не одна, а несколько норм. При этом одна норма может выступать как доминирующая, типичная, специфическая, «правильная», другая — как «незакономерная», «неправильная», как «исключение». Но последняя является в такой же мере «своей», «родной», не заимствованной, как и первая.

---

[1] O. Mann—K. Hadank. Kurdisch-persische Forschungen, Bd II, Abt. III. Berlin, 1930, стр. 70.

Многочисленны перекрестные изоглоссы в тюркских языках. Отмечу лишь некоторые.

Известно, что по двум важным фонетическим признакам чувашский (и монгольские) противостоит остальным тюркским языкам, а именно: чувашскому *l* отвечает в других языках *š* (*kёmёl* || *kümüš* 'серебро'), чувашскому *r* в других языках — *z* (*väkär* || *öküz* 'вол'). Однако «интересно отметить, что формы с *l* спорадически встречаются и в других тюркских языках, где мы ожидали бы *š*» (Н. К. Дмитриев. Соответствие *l* || *š*. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I. Фонетика. М., 1955, стр. 320).

Это относится и к соответствию *r* || *z*. «Мы должны сказать, что сфера *r* и сфера *z* не абсолютно разграничены, а как бы накладываются одна на другую: конкретно говоря, сфера *r*, т. е. те тюркские языки, для которых типична в известных фонетических позициях именно фонема *r*, в известных случаях допускают применение фонемы *z*» (Там же). За примерами отсылаем к цитируемым статьям Н. К. Дмитриева.

С перекрестными изоглоссами постоянно приходится иметь дело в кавказских языках, как южных, так и северных. Южнокавказская (картвельская) группа делится на три ветви: грузинскую, мегрело-чанскую и сванскую. Между ними существуют определенные звуковые соответствия, в общем довольно выдержанные и последовательные. Это, однако, не мешает тому, что в отдельных случаях черты одной ветви всплывают в другой: «грузинизмы» — в мегрельском, «мегрелизмы» — в грузинском и т. п. Подобных случаев можно было привести немало. Ограничусь одним примером. Грузинскому *cxeli* 'горячий' должно по обычным звуковым корреспонденциям отвечать мегрел. **čxari*. Однако такой формы в мегрельском и чанском не обнаружено. Но в самом грузинском есть слово *cxari* 'жгучий'. Его звуковой облик — это компромисс между грузинской и мегрельской нормой: «мегрельскими» являются огласовка *a* и плавный *r*, «грузинским» — аффрикат *c* (вместо *č*). С другой стороны, в мегрельском находим форму *čxe* 'горячий', где *č* является «мегрельским», а огласовка *e* — «грузинской».

Исследователь дагестанских языков С. М. Хайдаков (устное сообщение) отмечает, что в одном только аварском языке с его диалектами встречаются в некоторых словах все те звуковые варианты, которые характерны для дагестанских языков в целом. Так, название лисы представлено в четырех вариантах: *šer*, *ser*, *čer*, *cer*. Все эти варианты закономерны с точки зрения общих возможностей дагестанской диалектной фонетики. Незакономерным кажется только их сосуществование в одном языке. Но эта «незакономерность» настолько часто наблюдается, что не считаться с нею было бы ошибкой.

В обобщенной форме можно сказать: в каждом языке (диалекте) могут выявиться в единичных фактах все те возможности, которые заложены во всей данной группе языков (диалектов) в целом.

Придя к такому выводу на современном диалектологическом материале, мы имеем все основания распространить его на прошлое, на все этапы развития родственных языков и диалектов начиная от древнейших времен, которые принято называть «доисторическими». Нет никаких оснований думать, что развитие языков и диалектов в прошлом шло иными путями и приводило к другим результатам, чем в настоящее время. Если иметь в виду, в частности, индоевропейские языки или отдельные ветви этой группы языков, мы можем a priori полагать, что и в их развитии не было предпосылок для образования каких-то чистых и монолитных диалектов, что перекрестные изоглоссы были всегда обычным явлением, отражая сложность и противоречивость общественно-исторических условий формирования языков и диалектов.

Хотя эти положения давно уже вошли в обиход лингвистической науки, они не всегда в должной мере учитываются в конкретных этимологических и историко-лексикологических исследованиях. Дает себя знать крепко сидящая в мозгу схема родословного древа с вытекающими из нее представлениями об обособленных, цельных, несмешанных языковых единицах. В результате при объяснении некоторых фактов историки языка идут нередко по ложному пути и дают ошибочные интерпретации.

Остановимся на некоторых показательных примерах.

«МИДИЙСКИЕ» ЭЛЕМЕНТЫ В ПЕРСИДСКОМ

В древнеперсидском языке в ряде случаев общеиранскому *z* отвечает *d*, общеиранскому *s* — *ϑ*, общеиранскому *sp* — *s*, общеиранскому *ϑr* — *s̯s̯*: *zaranya-* || *daraniya-* 'золото', *asanga-* || *aϑanga-* 'камень', *aspa-* || *asa-* 'лошадь', *xšaϑra-* || *xšas̯s̯a-* 'царство' и др.

Наряду с этим имеется немало случаев, когда древнеперсидский в отношении этих согласных идет в ногу с остальными иранскими языками, т. е. имеет *z*, а не *d* (*vazarka-* 'великий'), *s*, а не *ϑ* (*Parsa-* 'Персия'), *sp*, а не *s* (*aspa-* рядом с *asa-* в *uvaspa-* 'доброконный', *Vištāspa-* имя, *vispa-* 'весь' рядом с *visa-*), *ϑr*, а не *s̯s̯* (*Miϑra-* 'бог Митра').

Исходя из предпосылки, что в одном языке не может сосуществовать несколько звуковых норм, почти все исследователи считают только те слова «чисто персидскими» («echtpersisch»), в которых наблюдаются вышеупомянутые звуковые особенности: *d* вместо *z*, *ϑ* вместо *s*, *s* вместо *sp*, *s̯s̯* вместо *ϑr*. Те слова, в которых нет этих особенностей, рассматриваются как «незакономерные», «не-

правильные», и существование их в персидском объясняется заимствованием из мидийского. «Неправильной» и «заимствованной» оказывается даже самоназвание персов *Parsa-* и другие обиходные слова. Эта точка зрения неизменно проводится во всех распространенных и авторитетнейших пособиях по древнеперсидскому [2].

Утверждение о заимствовании из мидийского основано на общих соображениях о культурно-политическом влиянии Мидии на Персию и по существу не может быть ни доказано, ни опровергнуто: о мидийском языке мы почти ничего не знаем.

В истории языкознания трудно найти другой пример, когда бы так широко и свободно оперировали данными языка, о котором ничего не известно. Дело доходит до того, что чуть ли не все, что отходит от предполагаемого «чисто персидского» эталона, объявляется мидийским. Слишком свободной реконструкцией «мидийских» форм грешит, нам кажется, и в целом весьма ценная статья А. Периханян «О некоторых вопросах среднеиранской диалектологии» («Историко-филологический журнал Армянской Академии наук», 1965, 4 (31), стр. 107—128). В этой статье ряду иранских элементов в армянском приписывается мидийское происхождение, и на этом основании мидийский язык наделяется теми или иными свойствами и признаками, которые — увы — проверить и подтвердить невозможно. Например, утверждается, что в мидийском перед группой согласных появлялся протетический гласный, так что, скажем, иран. *spāda-* ‘войско’ звучало там будто бы *aspāδa-*, отсюда арм. *aspahapet* ‘военачальник’. Этому утверждению противоречит на беду единственное мидийское слово, которое мы знаем: название собаки. Геродот передает его в форме *spaka*, а не *aspaka*. Может быть, в древнемидийском еще не было протетического гласного, и он появился позднее? Обращаемся к современным иранским диалектам на территории исторической Мидии. Действительно, в диалекте самнани находим *äspä* ‘собака’ (A. Christensen). Но, с другой стороны, в диалекте баджалани (из группы гурани) бытует форма *sipä* (K. Hadank). Какую из этих форм следует рассматривать как «чисто мидийскую» («echtmedisch»)? И на каком основании? Не естественнее ли думать, что «чисто мидийское» состояние — такая же фикция, как «чисто персидское», и что на территории Мидии никогда не было единого и монолитного мидийского языка, а было, как и сейчас, множество диалектов и говоров с перекрещивающимися изоглоссами?

Концепция о существовании двух противостоящих друг другу монолитных и единообразных по звуковым нормам языков, пер-

[2] A. Meillet, E. Benveniste. Grammaire du Vieux-Perse. Paris, 1931, стр. 61, 64 и др.; R. G. Kent. Old Persian. New Haven, 1953, стр. 31, 33, 34 и др. W. Brandenstein—M. Mayrhofer. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964, стр. 38, 39, 107, 157 и др.; K. Hoffmann. Altiranisch. — «Handbuch der Orientalistik», IV. Iranistik. I. Abschnitt. Linguistik. Leiden—Köln, 1958, стр. 4.

сидского и мидийского, в корне противоречит данным современной диалектологии и лингвистической географии и должна быть отвергнута. Пестрота и перекрестные связи, которые К. Хаданк наблюдал в одной ироноязычной области, характерны для всего иранского мира. Там, где нет единообразия сейчас, когда действуют многие унифицирующие факторы, не могло быть единообразия и во времена Ахеменидов. Монолитность так называемого мидийского языка столь же сомнительна, как монолитность персидского. На территории исторической Мидии наблюдается сейчас большая диалектная пестрота; эта пестрота не могла возникнуть вчера. Она говорит косвенно о языковой пестроте древней Мидии.

Эти и другие соображения побудили меня еще двадцать лет назад высказать убеждение, что так называемые «мидийские» элементы в персидском не являются для персидского чужими, усвоенными извне. Они органически входили в ткань самого персидского языка [3]. Эта ткань никогда не была одноцветной. В нее вплетались нити разных расцветок [4].

Средне- и новоперсидский языки отходят от так называемых «чисто персидских» норм еще чаще, чем древнеперсидский. По примерным подсчетам мы имеем отношение 2 : 3 в пользу неперсидского характера новоперсидского литературного языка. Где же в таком случае скрывается «чисто персидский» язык («echtpersisch»)? Когда, где и в какой среде он засвидетельствован? Оказывается, нигде и никогда. Он представляет умопостигаемую категорию.

В древнеперсидских текстах встречается, например, слово *zūrah-* 'зло'. Это слово относят к заимствованиям из мидийского. Почему? Потому что по «чисто персидской» звуковой норме должно быть не *zurah-*, а **dūrah-*. Между тем такая форма нигде, насколько можно судить, не засвидетельствована. И в среднеперсидском и в новоперсидском находим только *zūr*. Слово относится к основному лексическому фонду, и заимствование его извне мало вероятно. Допустим, официальный язык ахеменидских надписей находился под влиянием такого же языка мидийской верхушки. Но в народных персидских говорах, хотя бы в одном каком-нибудь населенном пункте, можно было ожидать последовательно выдержанных «чисто персидских» звуковых норм, в том числе формы **dūr-*. Однако в довольно обширной литературе о персидских диалектах мы пока не встречаем сведений о таком говоре.

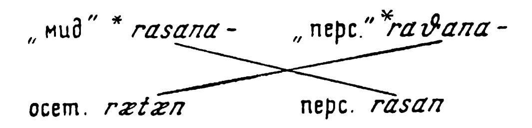
[3] В. И. Абаев. Древне-персидские элементы в осетинском языке. — Сб. «Иранские языки» I. М.—Л., 1945, стр. 7—12; перепеч. в сб. «Осетинский язык и фольклор». М.—Л., 1949, стр. 138—143.

[4] Сложность и пестроту фонетической картины в иранских наречиях (со ссылкой на наблюдения Моргенстьерне, Хеннинга и Гершевича) подчеркнул недавно О. Семереньи (O. Szemerényi. Structuralism and Substratum. Indo-Europeans and Aryans in the Ancient Near East. «Lingua», 13, 1, 1964, стр. 20—22).

Или возьмем др.-перс. *vazarka-*, н.-перс. *buzurg* 'большой'. Здесь также находим «мидийское» *z* вместо «чисто персидского» *d*. Но где и кем засвидетельствованы др.-перс. **vadarka-*, ср.-перс. **vadarg* и н.-перс. **budurg*? Оказывается, нигде и никем. Зачем было персам заимствовать у мидийцев такие слова, как «большой» и «зло»? Неужели сами они не доросли до этих элементарнейших понятий, которые знакомы самым первобытным народам?

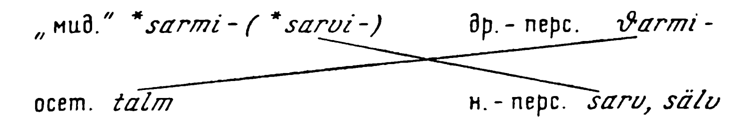
Если, с одной стороны, в персидском оказывается изрядное количество так называемых «мидийских» элементов, то, с другой стороны, «чисто персидские» формы встречаются далеко за пределами Персии.

Иран. **rasana-* 'веревка' (др.-инд. *raśana-*) в «чисто персидском» оформлении должно звучать **raϑana-* (см. выше, стр. 250). К этой именно форме восходит закономерно — но не персидское, а осетинское — *rætæn* 'ременная веревка'. В персидском же вместо ожидаемой формы **rahan*, **rahn* (ср. перс. *pahan*, *pahn* из *paϑana-* 'широкий') находим «мидийское» *rasan*. Иными словами, осетинский и персидский как бы поменялись формами [5]. Графически эти перекрестные изоглоссы выглядят так:

Другой такой же пример.

В древнеперсидском засвидетельствовано название дерева *ϑarmi-*. Точное соответствие этого названия мы находим и на новоиранской почве, но, странное дело, не в персидском, а в осетинском: *talm* 'горный ильм, Ulmus montana'. А что же новоперсидский? А в новоперсидском и на этот раз восторжествовала его вторая, «мидийская» природа. В «мидийском» слово должно было звучать **sarmi-* или **sarvi-* [6]. Эту-то «мидийскую» форму мы и находим в новоперсидском *sarv*, ларский диалект *sälv* 'кипарис':

Непонятно, зачем было персидскому заимствовать мидийские формы, имея свои, персидские. Да и для осетинского трудно пред-

---

[5] В. И. Абаев. Древне-персидские элементы в осетинском языке, стр. 11 сл.

[6] Колебание *-mi-*||*-vi-* такое же, как в иран. **kr̥mi-* (осет. *kalm*) 'червь' при слав. *čьrvь-* (из **kr̥vi-*).

ставить те конкретные географические и исторические условия, в которых он мог бы заимствовать эти слова из древнеперсидского. Скорее мы имеем здесь явление перекрестных изоглосс, не связанное ни с каким заимствованием.

Любопытна судьба двух широко распространенных иранских слов: в одном случае почти всеобщим достоянием стала «персидская» форма, в другом — «мидийская». Я имею в виду *dasta-* 'рука' и *farnah-* 'благодать'.

Dasta- — форма древнеперсидская. Ей отвечает закономерно авест. *zasta-*. Эту же форму (с начальным *z*) мы вправе ожидать в мидийском и в других иранских языках. В действительности повсюду, кроме Авесты, находим рефлексы «чисто персидского» *dasta-*: курд. *dest*, белудж. *dast*, согд. *δst*, ягноб. *dast*, сак. *dastaka*, шугн. *δust*, афган. *las* и т. д. Не берусь судить, насколько правдоподобно, что почти все иранские племена учились названию руки у персов.

Др.-перс. *farnah-* 'благодать' (в составе личных имен *Vindafarnah-*, **Artafarnah-* и др.) восходит к иран. **hvarnah-* (авест. *x^varənah-*) от *hvar-* 'солнце', 'свет'. Этимологическая связь с 'солнцем' еще проступает в осетинском, где, наряду с *farn* 'благодать', в «секретном» охотничьем языке находим *færnæ* 'солнце' (вместо обычного *xūr* | *xor* 'солнце') [7].

Однако в то время как в названии солнца и в других случаях иран. *hv-* почти повсюду отражено как *x-*, *xw-*, в данном слове почти все иранские языки дают *hv-* → *f-*: скиф. φαρν-, осет. *farn*, сак. *phārra*, кушан. φαρ(ρ)ο, согд. *prn*, н.-перс. *farr* и др. Эта фонетическая особенность считается почему-то «мидийской», и отсюда делается вывод, что все перечисленные формы восходят к мидийскому. Действительно, в некоторых так называемых центральных диалектах Ирана иран. *hv-* дает *f-*. Например, в диалекте сиванди находим *fordén* 'есть' из *hvar-* (перс. *x^vardan*) и др.[8] Однако диалект сиванди географически относится к персидским, а не к мидийским наречиям. В подавляющей массе «мидийских» по территории диалектов эта особенность не наблюдается. С другой стороны, она спорадически отмечается в языках, далеких от какого-либо мидийского влияния. Так, в осетинском находим не только *farn* из **hvarna-*, но и *fyn* || *fun* 'сон' из *hvafna-* (через ступени **hvavna-* → **hvauna-*, как *ryn* | *run* 'болезнь' из **rafna-*). Ожидали бы не *fyn* | *fun*, а **$x_0$yn*—**xun* [9]. Неужели и здесь надо думать о заимствовании из мидийского? Если для полурелигиозного термина, каким является *farnah-* 'благодать', такая экспансия из одного центра имеет какое-то правдоподобие, то для обыденного физиологического понятия 'сон' такое допущение лишено всякого основа-

---

[7] Абаев I, стр. 421 сл.
[8] GIPh I, 2, стр. 387.
[9] Абаев I, стр. 496.

ния. Где и когда мог осетинский заимствовать из мидийского слово *fyn* 'сон'? Если это слово что-нибудь и доказывает, то не мидийское влияние на осетинский, а то, что развитие *hv-*→*f-* могло, как спорадическое явление, возникать независимо в разных иранских диалектах. Но если так, то и скиф. *farna-*, осет. *farn* нет никакой необходимости выводить из мидийского.

Мы понимаем, что лингвисту, вышколенному на вере в непогрешимость звуковых законов, перекрестные изоглоссы наносят чувствительную травму. Но ведь лучше, если пострадает вера, чем если пострадают факты и их интерпретация [10].

«ГЕРМАНСКИЕ» ЭЛЕМЕНТЫ В СЛАВЯНСКОМ

Мы рассмотрели некоторые случаи перекрестных изоглосс внутри одной языковой группы, иранской. Перенесемся теперь в ту эпоху, когда из зыбкого, подвижного, расплывчатого индоевропейского единства только начали выделяться и обособляться отдельные «ветви», будущие арийские, славянские, германские и другие языки. Нет сомнения, что и тогда картина междиалектных отношений была очень сложной и пестрой, и тогда не было единообразных, строго выдержанных по всему лексическому материалу звуковых норм, и тогда встречались «неправильные», «незакономерные» формы, наводящие на мысль о заимствовании из другой диалектной среды, но в действительности возникавшие и без всякого заимствования, в силу общей неустойчивости языковых норм.

Приведем несколько примеров.

В общеславянском распознается значительное количество германских заимствований. Им посвящена обширная литература. Знакомясь с нею, не трудно заметить, что список заимствований у разных авторов существенно расходится. Очень длинный у Хирта [11], он намного короче у Младенова [12]. Среднюю позицию занимает Кипарский [13]. Из этих расхождений видно, что, наряду с бесспорными заимствованиями из германского, есть слова, германское происхождение которых не без основания оспаривается некоторыми авторами. Таково, например, название молока [14],

---

[10] Как говорит Малькил (J. Malkiel), иррегулярное фонетическое явление, это — «thorn in the flesh of the philologist, but he would be failing his duty if, for that private inconvenience, he suppressed it» (цит. по АО 1965, № 4, стр. 704).

[11] H. Hirt. Zu den germanischen Lehnwörtern im Slawischen. —PBB 23, 1898, стр. 330—351.

[12] Ст. Младеновъ. Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици. София, 1909.

[13] V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», Ser. B, t. 32. Helsinki, 1934.

[14] Литературу см.: V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 45 сл.; Vasmer II, стр. 151 сл.

общеслав. *melko. Связь с германскими, кельтскими, тохарскими формами лежит, казалось бы, на поверхности: герм. *meluk, гот. miluks, нидерл. melk, норв. melk, англ. milk и пр.; ирл. melg 'молоко', тох. A malke 'молоко', malk- 'доить'. Но какого характера эта связь? Исконное родство отвергается по фонетическим основаниям: тохарские, германские и кельтские формы предполагают и.-е. *melg'- 'доить', что должно было дать слав. *melz-, а не *melk-, ср. слав. *melz-ivo, русск. *молозиво*. Значит, слав. *melko заимствовано из германского (Уленбек, Хирт, Клуге, Фальк—Торп и др.). Однако и это предположение приходится отвергнуть, на этот раз и по фонетическим и по реальным культурно-историческим соображениям. С звуковой стороны нет соответствия между герм. *meluk- и слав. melko. Со стороны реалий лишено малейшего вероятия, что славяне познакомились с молоком от германцев. Остается будто бы признать, что слав. *melko не имеет ничего общего с названием молока в близкородственных языках, а происходит от другого корня (и.-е. *melk- 'влажный' и пр.). Столь очевидная, столь наглядная, столь неотразимая для неискушенного связь *молока* и с *молозивом* и с тохаро-германо-кельтскими словами отвергается в угоду нерушимости звуковых законов и роковой альтернативе: либо исконное родство, либо заимствование. Но эта альтернатива представляет запоздалое наследие младограмматической доктрины и в свете современной науки оказывается ложной. Есть третья возможность, с которой постоянно встречается диалектолог и которую мы иллюстрировали выше на некоторых иранских примерах: единичные «вторжения» норм одного диалекта в другой, родственный, не подводимые под понятие «заимствования». Такое именно единичное вторжение германской звуковой нормы в славянскую речь мы имеем в слове *melko 'молоко'.

С этой точки зрения колебание *melz- (*melg-) || *melk- — это старое внутриславянское произносительное колебание, не дающее права видеть в них разные по происхождению слова или считать вторую форму заимствованной, так же как варианты *столб* || *столп*, лит. stul̃bas || stul̃pas не дают основания рассматривать их как генетически не связанные слова или считать формы с -p- заимствованием из германского stolpi (вопреки Мерингеру [15] и Стендер-Петерсену) [16]. Ср. также варианты *vold- ('владеть') и *volt- (русск. *волот* 'великан').

Эти и подобные факты побуждают с осторожностью относиться к установлению «заимствований» по одним только звуковым признакам. Лишь с учетом всех сторон вопроса — фонетических, морфологических, словообразовательных, семантических, культурно-

---

[15] WuS I, 1909, стр. 200.

[16] A. Stender-Petersen. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927, стр. 280 сл.

исторических — можно вынести окончательное решение: заимствование или не заимствование. Это относится, разумеется, и к предполагаемым германским заимствованиям в славянском. Методологически правильно было бы различать две вещи: 1) германские элементы в славянском и 2) «германизмы» в славянском, т. е. элементы, получившие «германский» звуковой облик не в результате заимствования, а в силу того, что в формировании самих славянских языков участвовали струи или струйки из соседних родственных языков и диалектов [17].

В осетинском выявляется некоторое количество картвельских по происхождению слов, оформленных по нормам мегрельского языка. Статью об этих словах я озаглавил не «Мегрельские элементы в осетинском», а «Мегрелизмы в осетинском» [18]. Почему? Потому, что большую часть этих слов я считаю не заимствованием из современного мегрельского языка (осетины и мегрелы сейчас не соседят), а участием мегрельской по звуковым нормам среды в формировании осетинского языка в кавказский период его истории.

Одним из важных признаков, определяющих фонетический облик славянских языков, справедливо считается их принадлежность к группе языков satəm, куда входят также балтийские, арийские, армянский. В этих языках индоевропейские палатализованные *k*', *g*', *g*'*h* выступают как спиранты (слав. *s*, *z*). Однако во всех этих языках, в том числе и славянских, есть случаи, когда они идут в ногу с языками kentum, т. е. дают *k*, *g* вместо ожидаемых *s*, *z* и пр. Таковы ст.-слав. *kamy* ʽкамень' (ср. др.-инд. *aśman*-), *svekrъ* ʽсвекор' (др.-инд. *svaśura*-), *brěgъ* (и.-е. **bherg*'-, иран. *barz*-) ʽберег', *vrag*-, *vražiti*, русск. *ворог*, *ворожить* (и.-е. **werg*'-, иран. *varz*-) [19] и др. Эту «ненормальность» объясняют по-разному [20]. Однако показательно, что все меньше специалистов считает соответствующие славянские слова заимствованием из германского или другого языка kentum. Большинство признает их такими же исконно славянскими, как слова с «закономерными» *s*, *z* из *k*', *g*', *g*'*h*. Иначе говоря, в самом славянском допускается колебание *s*, *z* || *k*, *g* [21]. Между тем случай с **melko* ʽмолоко' и др. ничем принципиально не отличается от случая с *svekrъ* и др. Там мы имеем единичные фонетические изоглоссы, связывающие славянский

---

[17] Разумеется, термин «германизм» здесь вполне условен и может употребляться только в кавычках. Переход, например, звонких в глухие свойствен не только германскому, но и тохарскому, стало быть, можно говорить о «тохаризмах» и т. п.

[18] Абаев ОЯФ I, стр. 323.

[19] Абаев ОЯФ I, стр. 581 сл.

[20] См.: V. Kiparsky. Указ. соч., стр. 101—108; В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 28—57.

[21] Такие пары, как *солос* || *волокно*, говорят в пользу того, что обе нормы могли сосуществовать в одном языке.

с германским или тохарским, здесь изоглоссы, связывающие славянский в более широком плане с языками группы kentum.

Слав. *vaga* 'вес', 'весы' считается заимствованием, и притом поздним, из др.-в.-нем. *wāga* 'вес', 'весы'. Однако в этом случае трудно объяснить его «невероятно разросшееся словообразование» (выражение Брюкнера и Кипарского); ср. польск. *ważny*, *uważny*, *uważać*, *odvaga*, *odważić się*, *odważny*, *powaga*, *poważać*, *poważny*; русск. *важный*, *уважать*, *отвага*, *отважиться*, *отважный* и пр. Следует, далее, учесть, что слово имеет точные соответствия в иранском: язгулямск. *wāz* 'тяжесть', 'груз', рушанск. *wēz*, сарыкольск. *wez*, осет. *wæz*. Все это наводит на мысль, что мы имеем дело не с заимствованием из одного языка в другой, а с общей ирано-славо-германской изоглоссой (и.-е. **wōg'hā-*), но только с не совсем обычным распределением фонетических типов; что данное слово в славянском такое же оригинальное, как в иранском и германском, но выступает в «кентумном» звуковом облике, т. е. стоит в одном ряду с такими словами, как *bregъ*, *vragъ* и пр. (см. выше). Иными словами, и на этот раз фонетическая граница kentum|satəm проходит не между германским и славянским, а между славянским и иранским.

ИРАН. *aixa-* 'ЛЕД'

Иран. *aixa-* 'лед' (авест. *aēxa-*, хорезм. *ēx*, согд. *yyγ*, осет. *īx*|*ex*, перс. *yax*, курд. *yex*, вахан. *yix*, ягноб. *īx* и пр.) выглядит как фонетическая аномалия. Иран. *x* между гласными восходит обычно к *kh*[22]. И если *aixa-* является индоевропейским наследием, мы должны восстановить арийское **aikha-*, и.-е. **eikho-* или **oikho-*. Однако ничего, что подтверждало бы существование таких форм, нигде за пределами иранского мира с уверенностью не распознается.

Наряду с *aēxa-* 'лед' в Авесте находим *isu-* 'студеный', 'морозный', в афганском — *asai* 'иней'. Иран. *s* восходит к и.-е. *k'*. Но следов и.-е. **ik'-* 'лед', 'мороз' мы также в других языках не находим. Естественный соблазн связать *aixa-* и *isu* с германской группой *is-* 'лед' (др.-сев. *iss*, др.-англ. *is*, др.-в.-нем. *is*, нем. *Eis* и пр.) наталкивается, казалось бы, на головоломные трудности: как свести к одному знаменателю *s*, *k'* и *kh*? Бартоломэ пытался преодолеть эти трудности, восстанавливая для *isu-* инхоативную глагольную основу **is-sk-*[23]. Однако такая основа нигде не засвидетельствована. Повсюду находим только именные основы без каких-либо ощутимых признаков отглагольного происхождения.

---

[22] Chr. Bartholomae. Vorgeschichte der iranischen Sprachen. — GIPh, I, 1, стр. 8.

[23] ZDMG 50, 1896, стр. 697.

Допуская, что и.-е. *kh* иногда давало в иранском *š*, Бартоломэ, помимо пары *aixa-* || *iš*, приводит еще осет. *rexe* || перс. *rēš* 'борода' и перс. *rux* || осет. *rus* 'щека' [24]. На беду для этих слов он не может предложить никакой этимологии, а потому не может и доказать, что в них *x* древнее *š*, а не обратно. Бартоломэ прав в том, что три пары:

īx (*aixa-*)	|| **iš*	'лед'
rīxī (*rexe*)	|| *rīš* (*rēš*)	'борода (ус)'
rux	|| *ruš* (-*s*)	'щека (лицо)'

следует рассматривать в одном ряду и искать для них единообразного объяснения. Но при этом надо идти от известного к неизвестному, т. е. ухватиться за ту пару, которая имеет надежную этимологию.

Такой парой является *ix* || *iš*. Она неотделима от германских названий льда и, стало быть, восходит к **is-*. По аналогии для *rixi* || *riš* надо искать прототип **ris-*, а для *rux* || *rus* — прототип **rus*. Ср. для *riš* герм. *(h)ris-* 'побеги растительности', 'кустарник', 'клок' (Falk—Torp II, стр. 903), лат. *crinis* (из **kris-ni-*) 'волосы', *crista* 'хохол', 'гребешок (у петуха)'. Лексическая близость к германскому особенно подчеркивается на этот раз фонетической: отпадением начального *x*, вообще не характерным для иранского (**riš* || **rix* из **xriš* || **xrix*).

Что касается *rux* || *ruš* 'щека, лицо', то оно сближается с герм. **rus-* 'очищать от растительности, от волос': др.-сев. *hold-rosa* 'бесшерстая сторона шкуры', швед. *rösen* 'брюхо' и пр. (Falk—Torp II, стр. 911, под словом *Ros 1*) и означает, собственно, 'лишенная растительности, гладкая часть лица'. Таким образом, приведенные Бартоломэ примеры доказывают одно: и.-е. *s* после *i*, *u* мог давать в иранском не только *š*, но в единичных случаях и *x*, как в славянском, причем оба варианта, *š* и *x*, могли сосуществовать, как, скажем, сосуществуют в славянском *душа* и *дух* и т. п.

На интересующих нас названиях льда останавливался Шпехт. Шпехт отвергает гипотезу Бартоломэ как «wenig ansprechender Erklärungsversuch». По его мнению, надо исходить из и.-е. корня **i-* с разными удлинениями: **i-s-* (герм. *is*), **i-k'-* (авест. *isu-*), **i-kh-* (авест. *aēxa-*), **i-n-* (слав. *inije*) [25].

Но такая подвижность словообразования при неподвижности значения совершенно непонятна. Словообразовательное варьирование не бывает в языке праздной забавой. Оно служит семантическому варьированию. Здесь этого нет: «лед» остается «льдом»,

---

[24] В осетинском *s* совпали старые *s* и *š*.

[25] F. Specht. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 18, 201, 234.

и такое разнообразие основ внутри одного языка представляется ничем не мотивированным.

К тому же Шпехт оставляет без объяснения аналогичные чередования *rix* || *riš* и *rux* || *ruš* (см. выше), где еще меньше оснований думать о словообразовательных, а не фонетических вариантах.

Между тем приведенные факты допускают очень простое, не вымученное объяснение, если их рассматривать как междиалектные изоглоссы.

И.-е. *s* после *i*, *u* сохраняется как *s* в германском, но переходит в *x*(*ch*) и *š* в славянском, в *š* в иранском [26].

Исходное и.-е. **is*- (на сильной ступени **eis*-, **ois*-) 'лед' должно дать закономерно герм. *is*- (*eis*-), слав. *ich*- (*jech*-, *jach*-), иран. *iš*- (*aiš*-). Ср. др.-сев. *meiss* 'корзина', слав. *mĕchъ*, авест. *maeša*- 'баран' (из и.-е. **moiso*-); норв. *veis* 'стебель', слав. *vĕcha*, осет. *wīs* | *wes* (из **vaišā*-) 'прут' (и.-е. **woisā*-) и т. п.

Легко видеть, что иран. *aixa*- со своим *x* отражает не «чисто иранскую» (ожидали бы **aiša*-), а «славянскую» норму. В этом же ряду стоят иран. *rĭx* 'борода' и *rux* 'лицо'.

Точно так же авест. *isu*- оказывается не «чисто иранской» формой (ожидали бы **išu*-), а «германской». Иными словами, перед нами обычное и постоянно повторяющееся явление перекрестных изоглосс: *aixa*- — «славизм» в иранском; *isu*- — «германизм» в иранском.

Нет, стало быть, оснований отделять иранские названия льда от германских [27]. Они имеют общий источник в и.-е. **is*-. Формы *is*-, *ix*-, *iš*- — не словообразовательные, а фонетические варианты, отражающие три диалектные нормы. Необычно их сосуществование в одной языковой группе, иранской. Но и в этой необычности, как мы пытаемся показать, есть своя закономерность, если можно так выразиться, второго порядка, считая закономерностью первого порядка звуковой закон. Перекрестные изоглоссы, внося свой «корректив» в звуковой закон, приводят к тому, что нормы одного диалекта всплывают частично в другом, например «праслав.» **oicho*- в иран. *aixa*-.

То, что в самом славянском мы не находим ожидаемого **ich*- 'лед' (польск. *kra*, чеш. *kra*, русск. диал. *икра* 'льдина' вряд ли сюда относятся), не должно удивлять. Явление это хорошо зна-

---

[26] Стоит отметить, что произношение иран. *š* (из *s*) в некоторых иранских языках (шугнанская группа) приближается к *x* (*x̌*). Судьба и.-е. *s* и в других позициях частично параллельна в иранском и славянском: переход *s* → *h* в иранском и *s* → *x* (*ch*) в некоторых позициях в славянском; исчезновение *s* перед *n*.

[27] Ирано-германским лексическим связям посвящена диссертация (еще не опубликованная) молодого германиста М. П. Дадашева. Герм. *is*- : иран. *aixa*- относится к числу этих изоглосс.

комо диалектологам: та или иная диалектная форма всплывает не там, где ее ожидали, а в соседнем диалекте. Ср. нижеследующий пример.

СЛАВ. *rysь* 'РЫСЬ'

Слав. *rysь* (ст.-слав. *rysь*, русск. *рысь*, польск. *ryś*, чеш. *rys*, с.-хорв. *rȉs*, болг. *ris*) неотделимо, казалось бы, от других и.-е. названий этого хищника: лит. *lū́šis*, лтш. *lũsis*, др.-прусск. *luysis*, др.-в.-нем. *luhs*, нем. *Luchs*, др.-сакс. *lohs*, ирл. *lug*, арм. *lus-* в *lusanunk̂* (мн. ч.); с инфигированным *n* греч. λύγξ, λυγκός (и.-е. **leuk̂-*, *leuk-* 'сиять', 'блестеть'). Так именно трактовал славянское слово Миклошич [28], а за ним и многие другие слависты и индоевропеисты.

Однако начальный *r-* воспринимается как аномалия: ожидали бы *l-* в согласии с другими и.-е. формами. Это расхождение между славянским и родственными языками казалось некоторым исследователям настолько серьезным и непреодолимым, что привело их к мысли о необходимости оторвать *rysь* от всей приведенной группы (в том числе от балт. *lū́šis*, *lũsis!*) и связать это слово этимологически с совершенно другой группой: ст.-слав. *rusъ*, русск. *русый*, чеш. *rysý* 'рыжий' и пр.[29]

Случай с *рысью* напоминает рассмотренный выше случай с *млеком*. Как там предельно очевидная связь славянского слова с тохаро-германо-кельтскими названиями молока приносится в жертву слишком жестко и прямолинейно понимаемой младограмматической доктрине, так здесь эта же доктрина вынуждает разорвать сверхочевидную связь между славянским и другими и.-е. названиями рыси.

Нам представляется, что, как ни важны звуковые законы в этимологической работе, не следует в угоду им разъединять неразъединимое. Слав. *rysь* допускает только одно рациональное разъяснение: в рамках и.-е. названий рыси. Начальное *r-* есть один из случаев уже знакомого нам явления: единичное вторжение звуковой нормы другого и.-е. диалекта, иранского, в славянский. В иранском и индийском произошел перебой общеиндоевропейского плавного *l* в другой плавный, *r* (арийский ротацизм). «Иранская» форма **rusi-* и отражена в слав. *rysь*. Речь идет и на этот раз не о заимствовании из иранского, как думают некоторые авторы [30]. В иранском слово нигде не засвидетельствовано (ср. перс. *vašaq* 'рысь'). Речь идет о том, что фонетическая закономерность (*l*→*r*), выступающая как норма в одной группе языков, арийской, могла, в виде исключения, выявиться единичными случаями в другой группе,

---

[28] Miklosich, стр. 286.

[29] Vasmer II, стр. 557 сл., со ссылками на литературу.

[30] Kořínek. — LF 67, стр. 289; Janko. — LF 40, стр. 302; Zubatý (по: Vasmer II, стр. 558).

славянской. *Rysь* — «иранизм» (не иранский элемент, а «иранизм») в славянском, как *aixa-* 'лед' — «славизм» (не славянский элемент, а «славизм») в иранском [31].

Другим примером «вторжения» арийского ротацизма в славянский может быть название славянского солнечного божества *Сварогъ*. Преображенский (II, стр. 255) правильно делит *svar-og-* и сближает *svar* с др.-инд. *svar-* 'солнце', 'небо'. Оспаривая эту этимологию, Фасмер указывает на незакономерность *r*; ожидали бы *l* (**sval*), как в неарийских языках: *солнце*, лат. *sol* и пр.[32] Прямое заимствование из арийского справедливо отвергается [33]. Правильнее видеть в *Сварогъ* внутриславянское культовое наименование солнца, противоставленное его обыденному названию (*солнце*), с внутриславянской же фонетической вариацией *sval-*//*svar-*.

Божество огня называлось *Сварожич*, т. е. 'сын Сварога'. Это представление об огне как сыне неба-солнца имеет прекрасную аналогию в Авесте. Там огонь (*atarš*) часто зовется сыном Ахура-Мазды (*puϑrō ahurahe mazdå*). Ахура-Мазда олицетворяет, как и Сварогъ, небо-солнце. Солнце зовется «глазом Ахура-Мазды».

И.-Е. **ap-* И *aqua-* 'ВОДА'

Имеем два ряда:

др.-инд. *āpas* (мн. ч.) 'воды', иран. *āp-* 'вода', др.-прусск. *ape* 'река', лит. *ùpė* то же;

лат. *aqua* 'вода', гот. *ahwa* 'река' и пр.[34]

Звуковые законы исключают, казалось бы, какую-либо связь между этими двумя рядами [35]. И.-е. *kw*, *k'w*, k^w не дают в арийском и балтийском *p*. Но есть другие и.-е. языки, для которых такое соответствие обычно: греческий, некоторые италийские (оско-умбрские) и кельтские наречия; ср. гр. ἵππος 'лошадь' из

---

[31] Указывалось, что «деформация»* *lysь* → *rysь* могла произойти для размежевания с *lysъ* 'лысый' или в силу табуистического запрета (M a c h e k, стр. 430). Потребность дифференциации созвучных, но разнозначных слов и преодоления омонимии может играть известную роль в появлении перекрестных изоглосс. Так, закономерное иран. **aiša-* 'лед' могло быть вытеснено «славизмом» *aixa-* отчасти для размежевания с *aiša-* 'плуг' и *aiša-* 'этот'. Под влиянием табу чисто латинское **volcus* 'волк' было, по-видимому, заменено оско-умбрийской формой *lupus* (В. И. А б а е в. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 90). Важно, однако, что эти заменяющие формы берутся не с потолка, а отражают р е а л ь н о с у щ е с т в у ю щ и е в р о д с т в е н н ы х д и а л е к т а х н о р м ы, которые, стало быть, в известных пределах сосуществовали с господствующими нормами.

[32] V a s m e r II, стр. 586.

[33] Там же.

[34] О распределении типов *ap-* и *aqua-* в и.-е. лексике и топонимике см.: В. П о р ц и г. Членение индоевропейской языковой общности (пер. с нем.). М., 1964, стр. 302—305.

[35] «Mit lat. *aqua*, got. *ahwa* darf *āpas* nicht verglichen werden, denn idg. *q* wird regelmässig durch aind. *k* (*c*) vertreten» (U h l e n b e c k, стр. 21).

ek'wo-, ποινή 'возмездие' из *$*k^w oinā$-*, ἕπομαι 'я следую' из *$*sek^w$-* и др. Арийское и балтийское *ap-* при латинском *aqua* — соответствие такого же порядка, с той оговоркой, что изоглоссы идут на этот раз по необычным перекрестным линиям. Иными словами, арийское и балтийское *ap-* мы можем условно назвать «грецизмом», как иранское *aixa-* назвали условно «славизмом», а славянское *rysь* опять-таки условно — «иранизмом». К такой именно интерпретации др.-инд. *āpas* и пр. приходят сейчас авторитетные специалисты: «Idg. *ăp-* ist viell. Dialektvariante von idg. (vgl. lat.) *aqua* 'Wasser'»[36]. В самом латинском находим единичные проникновения оско-умбрийской нормы, например в слове *lupus* из *$*wlk^w o$-* 'волк'.

Перекрестные изоглоссы — универсальное явление в истории языков. Сущность этого явления состоит в том, что нет чистых и монолитных языковых систем, что в любом языке (диалекте), наряду с господствующими, специфическими для него чертами, выступают в виде единичных вкраплений элементы и признаки соседних языков (диалектов), при этом не в результате внешнего заимствования, а в результате исконной, органической неоднородности и пестроты участвовавших в его формировании компонентов. Так обстоит дело с современными диалектами, так обстояло и с взаимоотношением между и.-е. диалектами в древности. Можно пойти еще глубже и усмотреть те же признаки взаимопроникновения в отношениях между разными языковыми семьями. Не раз отмечались черты близости индоевропейских языков с семитическими, кавказскими, угро-финскими, алтайскими. Ставился вопрос, имеем ли мы дело с исконным родством или заимствованием. Возможно и нечто третье. Касаясь изоглосс, связывающих и.-е. мир с угро-финским, А. Неринг (A. Nehring) пишет: «Um Entlehnungen kann es dabei kaum handeln. Erst recht wird man sich nicht zur Annahme von Urverwandtschaft entschliessen können. Zu erwägen wäre aber, ob nicht im Urindogermanentum eine finnisch-ugrische Komponente vorhanden war»[37]. Такое же истолкование дается некоторым монголо-маньчжурским изоглоссам (Л. Лигети).

Слишком жесткое, механическое применение схемы родословного древа, концепция монолитных языковых типов, вера в нерушимость звуковых законов приводят нередко в этимологической работе к искусственным, нереальным разъяснениям и построениям. Несколько таких примеров мы выше привели.

Признание и постоянный учет перекрестных изоглосс вносят в этимологическое исследование больше гибкости и маневренности, а результаты этого исследования делают более соответствующими реальному историческому процессу.

---

[36] Mayrhofer I, стр. 75.
[37] «Kratylos» IX, 2, 1964, стр. 142.

М. М. Маковский

ЭТИМОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ СЛОВА

Проведение этимологических исследований требует не только чрезвычайной тщательности и глубокого знания анализируемого языкового материала, но и всестороннего учета достоверности (или недостоверности) тех лексем, которые привлекаются для сравнения, а также учета непротиворечивости друг другу различных аспектов этимологической реконструкции (фонологические данные, факты ареальной лингвистики, семантические и словообразовательные схождения и расхождения, филологическая характеристика анализируемых лексем) [1]. Подлинность или недостоверность лексем, привлекаемых при этимологическом анализе (изучение этого вопроса на материале древнеанглийского языка является основным объектом настоящей работы), может рассматриваться в двух планах: 1) в зависимости от используемых методов анализа (атомистических, структурных и т. д.), т. е. в зависимости от того, верно или неверно данное слово одного языка или диалекта соотносится именно с данными словами других языков или диалектов; 2) в случае использования древних языков, зафиксированных письменностью, — в зависимости от филологической оправданности именно данного графического варианта слова, выступающего в данном значении в определенной рукописи (и соответственно его оправданности в изучаемом языке вообще), т. е. в зависимости от того, можно ли признать данный графическо-семантический комплекс реальным элементом той или иной лексико-семантической системы или перед нами несуществующие образования, обусловленные чисто случайными обстоятельствами, связанными с особенностями перевода и практикой переписки изучаемых рукописей (замены, пропуски, перестановки или прибавления букв в слове в связи с неверным переносом в рукописи или в связи с ошибкой издателя [2], интерпрета-

---

[1] Ср.: O. Szemerényi. Principles of etymological research in the Indo-European languages. — «II. Fachtagung für indo-germanische und allgemeine Sprachwissenschaft». Innsbruck, 1962.

[2] Ср., например, в альдхельмских глоссах: II, 12: *gelyst* вместо *gelyft*; 12, 7: *srig* вместо *frig*; 13, 2: *bestande* вместо *beftande*; 14, 7: *bada* вместо *hāda*; 30, 14: *behyt* вместо *bebyt*; 31, 1: *hetelicum* вместо *betehtum*; 80, 2: *spino* вместо *swin(g)o*; 39, 16: *fers* вместо *reps* и т. д.

ция леммы оригинала как исконного слова перевода, соотнесение того или иного слова перевода не с той леммой, к которой оно действительно имеет отношение в связи с недостаточным знанием глоссатором языка оригинала).

Разумеется, что в случае включения в какой-либо этимологический ряд лексических элементов, реально отсутствовавших в изучаемом языке, ставятся под вопрос и многие другие элементы этого ряда, по крайней мере те, которые были включены в этот ряд по тем же признакам, что и указанные мнимые лексемы (нередко именно мнимые слова или слова, соотносимые с ними, обусловливают появление в этимологических словарях пометы «неясно»). В этом плане показательны даваемые Ф. Хольтхаузеном этимологии мнимых слов в древнеанглийском, которые, как и эти «слова», естественно, являются мнимыми. Ср. *cursian* 'flechten', этимология Ф. Хольтхаузена: швед. *kars* 'Weidekorb', др.-исл. *kjarr*, *kjǫrr* 'Gesträuch', греч. γέρρον 'Flechtwerk', арм. *car* 'Baum', др.-англ. *corðor* 'Rührstab, Quirl'; др.-инд. *garta* 'Wagenkorb'. Однако в свете имеющихся данных нельзя признать существование исходного слова *cursian*; последнее встречается в линдисфарнских евангелиях в качестве вариантной (и синонимической) глоссы к др.-англ. *slægan* и соответствует лат. *plectere* 'наказывать, осуждать' (но не 'плести'): Mk 15, 17: inponuent ei plectentes spineam coronam: onsetton him cursendo vel slægendo. Ср. Wrt. Voc. 519, 2: *plectit* : *witnaþ* (полный контекст из Альдхельма: *et merito plectit peccantes verbere saevo*; (1, 197); ср. также интерпретации лат. *plectere*: CGL 7, 97: *plectere* : *punire*; ahd. Gl. 2, 487, 34: *plectere* : *uuizenon*; CGL 7, 97: *plecti* : *damnari*; Gl. Lat. 5, 104, 8: *plectitur* : *damnatur*, *punitur*, *percutitur*. Ср. еще Lk XX, 47: *cursung* : *damnationem*.

Можно особенно отметить следующие замены букв в древне-английских памятниках: *l* > *f*: ср. Wrt. Voc. 496, 9: *gewilsǣlig* : *fortunatum* — Wrt. Voc. 406, 3: *fortunatus* : *gewifsǣli*; *w* > *þ*: ср. Corpus C 397: *cicuta wodewistle*=*wodeþistle*; *i* > *t*: C. Gl. LV, 393, 37: *soltum*=*solium*; 332, 66: *sirecto*=*strecto* (*stricto*); *c* > *g*: F 287: *folligantes*=*follicantes*; S 23: *sangit*=*sancit*; *l* > *r*: H 139: *holioglapha*=*holographa*; IV, 521, 43: *gradiatores*=*gladiatores*; O. 46: *obsculatio*=*obscuratio*; P. 55: *pastofolia*=*pastophoria*; P. 243: *perflictio*=*perfrictio*; P. 449: *plunus*=*prunus*; *l* > *b*: Corp. Gl. F 405: *lugulre*=*lugubre*; V, 301, 47: *solita*=*sobita* (*subita*); *g* > *t*: C. Gl. L IV, 140; 14: *gegmina*=*tegmina*; 248, 45: *inergia*=*inertia*; 95, 20: *inletismis*=*in logismis*; об изменениях *h* > *n*; *n* > *m* см.: «Archiv für lateinische lexicologie» X, 2, стр. 195; J. H. Hessels. An eighth century Latin-Anglo-Saxon glossary preserved in the library of Corpus Christi College. Cambridge, 1890, стр. XXXII; ср.: A. S. Ross. The errors in the English gloss to the Lindisfarne gospels. — «Review of English studies» VIII, 1932; R. Handke. Über die Verhältnis der Westsächsischer Evangelienübersetzung zum Original. Halle, 1896; H. Glunz. Die lateinische Vorlage der westsächsischen Evangelienversion. Leipzig, 1928; Он же. History of the Vulgate in England. Cambridge, 1933; Dietrich. Rettungen. — ZfdA VI, 1859; H. Penzl. The linguistic interpretation of scribal errors in Old High German texts. — «Linguistics» 32, 1967.

В Wrt. Voc. 33, 16 читаем: *murenula* : *bol*. В своем «Anglo-Saxon dictionary» Г. Суит переводит *bol* 'an eel' (видимо, имея в виду лат. *murena* 'род рыбы'). Однако в свете имеющихся данных представляется возможным корректировать **bol* в *bul* 'an ornament'; ср. Rtl. 4, 2: *murenulas aureas* : *bulas gyldenno* (ср. еще Wrt. Voc. II, 12, 14; An. Ox. 8, 319; Wrt. Voc. II, 12, 34). Ср. совр. сев.-англ. диал. *bully* 'a term of endearment' (EDD I, стр. 438): «Right, my bully boy»; совр. амер. разг. *bully* 'первоклассный, великолепный'; у Шекспира («Merry wives» II, 1, 225): «My hand, bully»; совр. швейц.-нем. диал. *bul* 'schönartig, allerliebst, prächtig' (Id. IV, стр. 1118).

Ср. еще мнимое слово *mylma*, которое приводится Холдером в виде глоссы к лат. *recessus* («Germania» XXIII, 398, 15) и отсюда попало в словари Босворта—Толлера в значении 'a retreat' и Хольтхаузена 'Winkel'. Полный контекст леммы *recessus* следующий: «age ipse maior carnifex, ostende quo pacto queant, imos recessus scindere manus et ipse intersere, rivosque ferventes bibere» («Peristephanon» 5, 150). В этом отрывке речь идет о мученике, который обращается к своим палачам с просьбой вырвать его внутренности. Ср. Ahd. Gl. 2, 428, 1, где imos recessus из того же контекста глоссируется *die tiuphun invvertion*. Последнее слово в др.-в.-нем. является также глоссой к *viscera* (Graff. I, 1000). В др.-англ. *viscera* глоссируется, как известно, *inylfe*, *inelfe*, *inelbe*. Ср. Hpt. Gl. 429: *in imis ilibus i. visceribus* : *inelmum*. Из этой глоссы становится понятной возможность формы множественного числа *inylma*, с которой мы, несомненно, имеем здесь дело. Таким образом, форма **mylma* оказывается мнимым словом.

Мнимые слова бывают пяти видов: 1) ошибочные по своей форме; 2) верные по форме, но не существующие как самостоятельные слова, являясь формой какого-либо другого слова (ср. приводимое О. Семереньи др.-англ. *fad* 'stark, tapfer', восходящее к др.-исл. *fa* 'foe, enemy' и являющееся формой причастия II) [3]; 3) ошибочные по содержанию (при этом имеются в виду совершенно несовместимые значения леммы и глоссы, а не семантические оттенки одного и того же значения). Вполне понятно, что форма, содержание которой не соответствует постулируемому, не может существовать в языке как слово и неизменно является мнимой: ведь, как известно, только единство формы и значения составляет слово. Данная форма существует в языке лишь постольку, поскольку она связана с данным значением; 4) ошибочные и по форме и по содержанию; 5) слова языка оригинала, ошибочно принимаемые за слова перевода. Ниже будут даны примеры на три последних случая.

---

[3] O. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent. Naples, 1964.

Ср. др.-англ. *molegn* (лат. лемма — *galmum*, *calmum*, *galmilla*: Wrt. Voc. II, 40, 63, 64; I, 290, 34; II, 17, 20; II, 109, 54; Ep. Gl. 10f, 15; 10f, 32). Это слово переводится в словаре Босворта—Толлера 'a thick substance made of curds', а в словаре Холла — 'curds (?)'. Как показывает фактический материал, слово это имело совершенно иное значение, а именно 'кусок'. Ср. Wrt. Voc. 197, 27, 28: *caluarium*, *strictura*, *uel calwerclympe*, где *calwerclympe* не является единым словом (как это фиксируется во многих авторитетных словарях), а состоит из латинской части *calwer* и отдельного др.-англ. слова *clympe* (совр. *clump*) 'кусок, глыба', что находится в полном соответствии со всеми остальными латинскими леммами в этой глоссе. Ср. еще Wrt. Voc. II, 109, 54: *molegn-stycce* : *galmulum*, которую следует читать: *molegn. styccе* : *galmulum*, т. е. *molegn* уравнивается по значению с *styccе* (ср. совр. нем. *Stück*), а не входит в состав сложного слова **molegn-stycce*. Интересна в связи с этим глосса Corp. Gl. 427: *calvarium* : *caluuerclim*, где *clim*, безусловно, представляет др.-англ. *clyme* и является, таким образом, «ghost-word» [4], а *caluuer* — латинская лемма. Ср. совр. швейц.-нем. диал. *Molgen* 'grosses Stück, Brocken' (Id. IV, стр. 212); н.-нем. *Mölgen* 'heissen dicken Brotschnitte, die mit der kochenden, fetten Brüh garäucherten Fleisches durchgezogen sind und so gegessen werden' (Dähnert).

В свете сказанного становится очевидным, что приводимое в наиболее авторитетных древнеанглийских словарях слово *calwer*, *cealre* : лат. *calmaria*, *gabalarum* в значении 'curds' не является др.-английским, а представляет испорченную латинскую лемму, стоящую в латино-латинской глоссе, т. е. для др.-английского является «ghost-word» (это слово в таком виде не засвидетельствовано ни в одном германском языке) [5].

Интересна следующая глосса: *wæser* : *bubimus*, где мы имеем дело с «ghost-words» и в древнеанглийском, и в латинском. Ср. Corp. Gl. Hessels, 26, 209: *bulimus* : *vermis similis lacertae in stomacho hominis habitans*. Ср., с другой стороны, швейц.-нем. диал. (*Kell*)-*Mause*ⁿ 'Raupen' (Id. IV, 447). Видимо, в древнеанглийском необходима корректировка *w* на *m*, а *r* на сходное с ним в графическом отношении *n*. Ср. также швейц. Riser 'Wurm'.

В отношении *aemuþa* : *caecum intestinum* (Wrt. Voc. 393, 38) следует отметить, что здесь, очевидно, указанное слово соотносится с *sine foramine* во фразе: caecum intestinum quod sit sine foramine et exitu (Id. Etym. XI, I, 131). Мнимым следует признать

---

[4] Некоторые ученые пытались возвести *clim* в этой глоссе к др.-англ. *hlinc* 'a hill, a valley', совр. англ. диал. *link*, совр. англ. clinch 'сдавливать', ср. «Anglia» XIII, стр. 26 сл. Ф. Хольтхаузен сопоставляет др.-англ. *clām* 'Leim, Klei', лит. *gléima*.

[5] Возможно, однако, что *l* в *cealre* ошибочно стоит вместо *t*, графически с ним сходного. Ср. ю.-нем. диал. *Hott* 'Quark' (лат. *cudere*), др.-англ. *sceotan* — швабск. *Schott* 'Quark' с *s* mobile.

др.-англ. *fustran* в An. Ox. 1428: *fustran* : *focus* (лат. *foci. i. ignis*). Здесь возможна перестановка буквы *r* при переписке, а также часто встречающаяся в др.-англ. рукописях замена *y* на *u*, так что первоначально др.-англ. глосса читалась *furstān* 'fire-stone'.

Методика установления формальной и семантической достоверности слов в древних языковых памятниках в основном состоит в следующем: 1) сопоставление графического облика одного и того же слова в различных рукописях изучаемого памятника; учет его формальных и синонимических вариантов. Следует отметить, что многократная встречаемость именно данного графического облика слова никоим образом не свидетельствует о его правильности, ибо все эти случаи могут быть обусловлены перепиской одного и того же неверного варианта; 2) соотнесение данной глоссы с определенным связным оригинальным текстом, к которому она вероятнее всего восходит; соотнесение данной глоссы перевода с широким контекстом оригинала; 3) учет палеографических особенностей, сходств и различий отдельных букв в древних рукописях и вариаций их изображения в различных школах письма [6]; 4) так называемый «анализ по цепочке», при котором неоправданность того или иного слова доказывается соответствием той же леммы другому древнеанглийскому варианту, а то или иное значение анализируемой лексемы вскрывается при эквивалентности ее леммы другому слову в том же или в ином памятнике. Общий принцип «цепного» анализа (как для переводных лексем, так и для их лемм) — последовательное сопоставление нескольких вариантных глосс, в каждую из которых должна входить одна из синонимичных лексем, выявленных в предыдущей вариантной глоссе. При этом не следует, как это часто делается, во что бы то ни стало стремиться корректировать ту или иную лексему, тщательно не взвесив предварительно все pro и contra такой корректировки, вытекающие из имеющегося языкового материала [7]; 5) широкое сопоставление глосс, вызывающих сомнение в отношении своей формы или значения, с материалом близко- и/или неблизкородственных языков или диалектов в синхронии и диахронии.

Вполне естественно, что при установлении достоверности какого-либо слова, как и при этимологическом исследовании, возможно получение нескольких различных, иногда противоречивых решений, каждое из которых обычно основывается на использовании определенного круга фактических данных. Нередко, например, материал ареальной лингвистики дает иное решение, чем материал филологической обработки текста; с другой стороны, одно и то же слово иногда возможно по-разному истолковать на

---

[6] W. Keller. Angelsächsische Palaeographie. Leipzig, 1906.
[7] A. S. C. Ross. A theory of emendation. — «Speculum», IX, 2, 1934.

основе различных филологических данных или различных данных лингвогеографии и т. д. Примерами могут служить следующие случаи. Г. Д. Меритт считает, что др.-англ. *gadinca* (Wrt. Voc. 120, 34: *mutinus* : *gadinca vel hnoc*; Wrt. Voc. 448, 15: *mutinus* : *gadinca*) является «ghost-word» и фактически представляет собой сложное слово, состоящее из *gad* 'goad' и *hinca* 'limper', и переводит его 'maimed animal' [8]. Необходимо отметить, однако, что в свете нем.-швейц. диал. *Godeⁿ* 'verschnittener Eber' (Id. II, стр. 123) следует, с одной стороны, отвергнуть толкование Г. Д. Меритта, а с другой, признать наличие разбираемого слова в древнеанглийском. Др.-англ. слово *mes* 'dung' (L. M. I, 38; Lchdm. II, 98, 5) можно интерпретировать либо как испорченное др.-англ. *meox* (ср. совр. нем. *Mist*), либо как не засвидетельствованное в древнеанглийском **hres* (в рукописях *m* часто представляет собой испорченное сочетание *hr*). Ср. н.-нем. диал. *Ress* 'Haufe' (ZfMf, 1958, 26, Hf. 3). В словаре Босворта и Толлера др.-англ. *þeran* (Wrt. Voc. 27, 1 — лат. *inruens*) корректируется на (*se*) *þe rende* (от глагола *rinnan*, *rennan*) или *þewende*. Ср., однако, др.-англ. *dægþerlic* 'cotidianus'; *dæg-þern* 'a day's run, space', с которым следует сопоставить Wrt. Voc. 224, 29: *dægrynu ł dæglicu* : *diurnum i. unius diei*. Ср. швабск. *därren* 'schnell laufen' (Fischer, s. v.).

Дж. Харт (MLN XIV, стр. 29) и Ю. Цупица («Academy», July 7, 1888, стр. 11) считают, что др.-англ. *orceas* (лат. *inmunes*) (ср. Wrt. Voc. 52.2.10: *inmunes* : *orceas*; ср. также Wrt. Voc. 424, 23: *inmunitas* : *orceasnes*; Wrt. Voc. 491, 22) состоит из двух элементов — *or* и *ceas*, соответствующих лат. *in* и *munes*. Следует отметить, что *ceas* в древнеанглийском означает только 'strife, fight'. Ср., с другой стороны, Wrt. Voc. II, 63, 29: *orcþyrs oððe helde heldeofol*; B. 225: *Ðanon untydras onwocon, eotenas and orcneas*. Ср. совр. швейц.-нем. диал. *Orch* (Id. I, стр. 434; 183): 'Geiferlappen, die kleine Kinder zum Essen tragen; ein unreinlicher, oder mit einem Gebrechen behafteter Mensch', ср. еще ст.-исл. *orkn* 'a kind of seal'; лат. *orca* 'животное из семейства китов'. Г. Суит переводит *orca* 'demon'.

Г. Д. Меритт считает, что *crat* в Hpt. Gl. 497: *bige. crathyrdle* : *plecta* является сокращенным латинским словом *cratere* (ср. Hpt. Gl. 462: *plecta* : *cratere*; An. Ox. 2392: *plecta. i. cratere* : *gewynde*; Wrt. Voc. 140, 23: *crates. hyrdel*). Ср., однако, совр. швабск., швейц., эльзасск. *Krat* 'плетеная корзина'.

Спорное др.-английское слово *cecin* (Wrt. Voc. I, 289, 51: *cecin* : *tabetum*; в словаре Босворта—Толлера: 'a board'; у Хольтхаузена: 'Wandbehang, Teppich'), которое, казалось бы, следует корректировать на *aecin* 'law' (Г. Меррит), на *decin* (совр.

---

[8] H. D. Meritt. Fact and lore about old English words. Stanford, 1954, стр. 149.

нем. *Decke*) или *ciđ* 'a shoot (of a tree)', получает «права гражданства» при сопоставлении с совр. швейц.-нем. диал. *Chuechle*ⁿ 'kleiner, in der Schlittsohle befestigter Pfosten, der das «Joch» zu tragen hat' (Id. III, стр. 145). Ср. Corp. Gl. 1978: *tabetum* : *bred*.

Интересно, что известные, засвидетельствованные письменностью слова при ближайшем рассмотрении могут требовать корректировки, причем иногда два или несколько известных слов дают одно (в частности, и не зафиксированное в специальных словарях или в письменности вообще). Ср. сочетание *twam tyncenum* в следующем стихе из Orosius (Sweet, 72, 29): *þa gebeotode an his đegna þaet he mid sunde þa ea oferfaran wolde mid twam tyncenum ac hine se stream fordrâf* — лат. *nam unum regiorum equitum candore formaque excellentem transmeandi fiducia persuasum abruptum praecipitatumque merserat*.

Принимая во внимание практику переписчиков, часто вставлявших *t*, варьируемое с *c*, в начале или в середине слов (особенно в Epinal glossary: ср. *alter*, *alcer*=*aler*), а также частую замену *n* на *h* (ср. Corp. Gl. H. 141: *hoctatus* (=*notatus*) : *gelaechtrad*), можно с большой достоверностью предположить здесь одно слово *wamtyhtenum*, точно соответствующее латинскому *fiducia persuasus*.

Ср. еще Wrt. Voc. 440, 6: *sirutun* : *latibulum* 'place of ambush' (ср. др.-англ. *searu*+*tun*). Эти слова, однако, при ближайшем рассмотрении оказываются одним латинским, а не двумя древнеанглийскими. Ср. An. Ox. 1677: *latibula* : *secreta* (указанное др.-английское «ghost-word» встречается еще и в другом варианте: Wrt. Voc. 440, 6: *synetum* : *latibulum*).

В свете всего сказанного возникает вопрос: как же избежать множественности решений при установлении подлинности формы и семантики слов в древних памятниках?

Как мы пытались показать в другой своей работе, лексические элементы образуют в языке определенные лексико-семантические микронаборы (resp. микросистемы), некоторые из которых пересекаются между собой, а некоторые сосуществуют и вместе образуют лексическую макросистему языка. Любое слово, независимо от того, перешло ли оно в другой микронабор или вообще вышло из языка, неизменно оставляет прямой или косвенный след в лексической системе. Наличие или отсутствие данного слова на определенном этапе развития языка должно быть оправдано данной лексической микро- или макросистемой [9]. Отсюда следует основной принцип анализа: степень вероятности данного графическо-семантического варианта стоит в прямой зависимости от

---

[9] О системе в лексике см.: О. Н. Трубачев. К вопросу о реконструкции различных систем лексики. — «Лексикографический сборник». М., 1963; М. М. Маковский. Теория лексической аттракции. — ВЯ, 1965, № 6; R. Michéa. Les structures. — Сб. «Études de linguistique appliqée», 2. Paris, 1963.

его наличия или отсутствия в строго определенном лексическом микронаборе на нескольких этапах развития языка в различных его территориальных проявлениях. Можно сформулировать следующие правила, являющиеся следствиями из приведенного тезиса: 1. Слово характеризуется непротиворечивым количественным и качественным постоянством и единством присущих ему признаков в пределах данного микроряда (в синхронии и диахронии); 2. Слово не может быть включено в два этимологических окружения на основании привлечения одного и того же ряда языковых и филологических данных; 3. Различные интерпретации, характеризующие слово в нескольких этимологических микрорядах, не могут характеризовать его в одном и том же микроряду. В пределах одного микроряда возможна одна, и только одна, интерпретация данного слова по одному или нескольким признакам, не противоречащим структуре и особенностям того ряда, в который входит это слово.

Вслед за В. Скитом большинство исследователей исходят из того, что «ghost-words» это ошибочные образования, реально не существующие в языке, хотя специальное определение этого понятия в литературе практически отсутствует. Ошибочность тех или иных лексических форм или их значений — весьма шаткое понятие. Как мы уже говорили, ошибочными могут быть не сами формы или значения слов, а толкования последних. Поэтому под «ghost-words» в настоящей работе мы будем понимать не любые формы и значения слов, представляющиеся ошибочными, а только такие, которые не отвечают приведенным выше правилам [10].

Ниже будут рассмотрены некоторые засвидетельствованные в языковых памятниках «ghost-words» древнеанглийского языка, представляющиеся нам наиболее интересными [11].

---

[10] Одной из наиболее ранних работ, посвященных понятию «ghost-word», является работа В. Скита: W. Skeat. Report upon ghost-words, or words which have no real existence. — TPhS II, 1885—1887. Кроме разбора некоторых «ghost-words», даваемого издателями соответствующих древнеанглийских памятников, ср.: A. S. Napier. On some Old English ghost-words. — JEGPh II, 1898; H. D. Meritt. Studies in Old English vocabulary. — JEGPh XLVI, 1947; Он же. Twenty hard Old English words. — JEGPh XLIX, 1950; Он же. Three studies in Old English. — AJPh LXII, 1941; Он же. Strange sauce from Worcester. — Сб. «Studies in Old English literature in honour of A. G. Brodeur», ed. by S. B. Greenfield. University of Oregon, 1963; J. Quinn. Ghost words, obscure lemmata and doubtful glosses in a Latin—Old English glossary. — «Philological quarterly» XL, 1961. R. Oliphant. Two questionable Old English compounds. — «Philological quarterly», XLIII, 1964, и др. Ср. еще: J. Gerristen. A ghost-word: *crucethus*. — «English studies» 42, N 4, 1961; H. Kökeritz. Some ghost-words in OED. — Сб. «Britannica. Festschrift Flasdieck». Heidelberg, 1960.

[11] Мы не будем касаться здесь часто встречающихся в глоссах случаев усечения слов [типа *comis* : *hel* вместо *helmum* в OEGM 30, 118 или *oc* : *uitricus* (Prud. Cl. 402b, 259), которое, как показал Ю. Цупитца («Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen» 94, стр. 430), является аббревиатурой от *Octavianus*, а для древнеанглийского представляет собой «ghost-

Arod: *pallium* (B—T). Chr. 997: *Her Aelfric a r̃ ƚ ferde to Rome æfter his arde.* Над *arde* в виде глоссы стоит лат. *pallium.* Издатель древнеанглийских хроник Ч. Пламмер указывает, что в рукописи стоит *arce.* В свете имеющихся языковых данных именно эта форма оказывается оправданной. Ср. др.-в.-нем. *arhe*, *arah* 'die (beiden) Stricke, zwischen denen ein großes Netz zum Fisch- oder Wildfang befestigt und ausgespannt wird; plagae'; швейц. *Äre* (Id. I, 388—389) 'die zwei Seile, zwischen welchen ein großes Netz befestigt ist'; баденск. *Äre* 'einfassende Schnur, Saum des Fischnetzes' (Ochs I, стр. 70); эльзасск. (Martin—Lienhart I, стр. 60) *Är*, *Arch* 'ein aus Garn zusammengebundenes, nicht gedrehtes Seil, welches, unten am Schleppnetz befestigt, das Blei und die Steine zum Versenken in und an sich trägt'; баварск. *Arch* 'die Stricke, an welchen Fisch- oder Jagdzeug ausgespannt wird' (Schmeller I, стр. 138). Ср. др.-англ. топонимический элемент *erce* (BCS 738; 1125) 'Gegend'.

Brepta: Leyd. 34—37 (Ahd. Gl. I, 340): *uisucal* (*vesiculam*) : *crop ƚ brepta.* Лейдекер корректирует *breptã* на *blatern.* Следует, однако, учесть, что в некоторых рукописях (Ahd. Gl. I, 346) за *vesiculam* следует лемма *sartago*, выпавшая здесь. Видимо, именно к этой лемме и относится рассматриваемое слово, представляющее собой *bretpam* (перестановка букв), т. е. неверно записанное немецким писцом др.-англ. *brāedpanne.* Ср. Corp. Gl. S 18: *sartago* : *brediponne*; Ep. Gl. 23, 23: *sartago* : *bredipannae.*

Breosa: Ep. Gl. 27: *asilo* : *briosa* (Corp. 225); Corp. 1976: *tabanus* : *briosa.* Ср. комментарий Сервия к «Георгикам» Вергилия (III, 148) «Nigidius de animalibus: asilus est musca varia, tabanus, bubus, maxime nocens, hic apud Graecos *prius* μύωψ vocabatur, postea a magnitudine incommodi œstrum apellarunt. et hoc est quod ait œstrum Grai vertere, non de Latino in Graecum, sed de Graeco in suam linguam quae prior fuit». Переводчик, недостаточно владевший латинским языком, видимо, понял это место следующим образом: «это насекомое называется prius myops у греков». Таким образом, *prius* в др.-английском — это неверно понятое латинское слово (т. е. «ghost-word»). Ср. вариантное чтение комментария Сервия (изд. Thilo und Hagen III, 1, стр. 289): «Quomodo Grai vertere, cum omnia quae latina sunt, a graeca ratione descendant? solvit quaestionem. Graeci cum myopem *primo* dixerint, displicuit nomen, quia proprium non erat œstrum dixerunt, hoc est quia furiam œstrum vocant». Отсюда, видимо, в свою очередь др.-в.-нем. «ghost-word» *primisa* (совр. *Bremse*); ср.-в.-нем. Virgilglossen SS II, 637, 39; 702, 54; 726, 33.

---

word»], случаев криптографической записи слов, а также случаев опрощения сложных слов. Ср.: H. D. Meritt. Possible elliptical compounds in Old English glosses. — AJPh LIX, 1959; H. Sweet. Disguised compounds in Old English. — «Anglia» III, 1880; примечания в кн.: H. D. Meritt. Old English glosses. Menasha, 1945.

Ср. также примечание Хесселса к тому месту др.-англ. Corpus Glossary, где встречается *briosa*: «MS. *prius*, but *p* corrected into *b*. The *u* is marked for erasure by a small fine dot underneath, and above is written *mi* in small fine writing, and hence *brimisa*».

Интересно, что рассмотренные «ghost-words» прижились в английском и немецком языках и до сих пор остаются живыми: англ. *breeze*, *breeze-fly*; нем. *Bremse*.

Byrde: 'of high rank' (OET 566a). Erf. 1153: *byrd(istrae)blaciarius primi[bicu] cularius.* Вторая латинская глосса, видимо, не имеет отношения к первой (см. JAPh XIV, стр. 151) и является интерпретацией выпавшей лексемы. Первую же латинскую глоссу, которую Лёве читает: *blatiarius*, следует сопоставить с CGL II 406, 28е: πέταλουργος : *blatterius* (=*bractearius*); Corpus Gl. P. 240: *petalum. laminea aurea in fronte in quia scriptum nomen dei. tetragrammaton*; CGL II, 406, 27а: *bratteum* (=*bracteum*). *flaminium* (=*flaminum*) *lamina*; WW 148, 12: *brattea* (=*bractea*) : *gylden laefr*; ср. еще: WW 360, 33: *bratea* (=*bractea*) : *gylden þel arlægen*; WW 358, 15: *bratheas* (=*bracteas*) : *goldfel* (=*goldþel*); WW 518, 4: *petala* : *goldfyld fel* (=*gold þylo pel*). В свете этих данных можно предположить, что перед нами др.-англ. *bred* (ср. совр. нем. *Brett*), которое представлено еще в WW 50, 1; 347, 42; 528, 33; 499, 40.

Bufantigera: Hpt. Gl. 525, 9: *bufantigera* : *mitrae*. Ср., однако, An. Ox. 5242: *mitrae* : *hufan*. *Tigera*, видимо, отдельное слово, являющееся видоизменением лат. *tiara*.

Ceddran: Byrhtferth, 148: *ic hopige þaet cherubin se mæra ætwesan wylle and of ðæm upplican weofode mid his gyldenen tange þaere gledan spearcan to minre tungan gebringan and þæs dumbes muðes ceddran æthrinan*. Ср. WW 157, 40: *arteriæ* : *windæddran*. Ср. Isidori Etymologiarum 11, 1, 56: *arteriae vocatae . . . quod artis et anguistis meatibis spiritum vitalem retineant unde vocis sonos emittunt*.

Ср. обратный процесс — *æ* вместо *ce* — Wrt. Voc. 181, 11: nassa : *æwul vel boganett* вместо *cewul*. Ср. швейц. *Chewel* 'Handkorb' (Id. III, стр. 581).

Crinc: 'a kind of shoe' (Г. Меритт корректирует это слово на *cinc* 'mockery'). Hpt. Gl. 33, 250, 2: *crince* : *cuturno*. Нам представляется, что буква *c* в это слово (как это часто бывает), видимо, попала из леммы *cuturno*, *n* стоит вместо *h* (ср. Cp. Gl. *nefern* : *cancer* вместо *hefern*, ср. совр. англ. диалектн. *heaver* 'рак'), причем *i* и *r* подверглись метатезе [12]. В результате реконструируем слово *irhce*, существование которого в указанном значении, как показывает фактический материал, вполне оправданно. Ср. др.-в.-нем. *ir(a)h*, баварск. *Irsch* 'Holzsandalen der Bauersleute mit darangenageltem Ueberschuh-Leder' (Schmeller, стр. 148);

---

[12] A. Dahlström. Metathesis of *r* in English. Stockholm, 1964.

Cp. Gl. 190: *wanz* (т. е. *gants*) : *irhine*. *Irch* (Schmeller, стр. 130): 'bearbeitete Gäms- oder Rehhaut' Ср. еще швабск. *Irch* 'weisgegerbtes (Bock-, Gems-Reh-usw.) Leder' (Fischer IV, стр. 47); швейц. *Irch* (Id. I, стр. 408). Ср., с другой стороны, швейц. *Fink* 'Schuh'.

Crufe: В OEG Meritt 43, 4: *amulas* : *crufe* следует, видимо, читать *cruse*, тем более, что над строкой стоит буква *s*. Ср. др.-в.-нем. Ahd. Gl. I, 430, 32—33. Ср. нем.-швабск. диал. *Krause* 'grosser irdener (Wasser-, Bier-) Krug meist mit weiter (verschliessbarer) Öffnung' (Fischer, IV, стр. 702—703); ср. баварск. *Krause* (Schmeller, I, 1380, 1382); швейц. Id III, 861; эльзасск. Martin — Lienhart, I, 524.

Cylcan: OEG 20, 2: *cylcende* : *ructans*. Ср. перевод лат. *ructare* через *bealcettan* (*bylcan*): Cant. Ps. 18, 3; 44, 2; WW 229, 18: *bylcetteþ*, *rocceteþ* : *eructuat*; R_1 13, 35: *rocceto vel bilketo* : *eructo*. Ср. также перевод *ructare* через *loc(c)ettan* (Mt I, 7, 5: *locceð vel gesprang* : *ructans*; Mt 13, 35: *ic locceto vel ic geyppe* : *eructo*), которое в свете приведенного материала, безусловно, следует рассматривать как «ghost-word». Ср. нем.-швейц. диал. *Ed-rock* 'отрыжка (у скота при переваривании пищи)'. Ср. еще швейц. *belgen* (Id. IV, стр. 1212) 'herumziehen; sich herumreissen'.

Dentele: Corp. Gl., Hessels, A. 172: *accinctu* : *dentele*. Отсутствует у Г. Суита. Видимо, соотносится с Aen VII, 612, причем *a* в *accinctu*, очевидно, обусловлено окончанием предыдущего слова *trabea* : «ipse Quirinali trabea cinctuque Gabino/insignis reserat stridentia limina consul». Интересно, что слово *reserat* из этой фразы встречается в Cp. Glossary 1725 (=Ep, Ef 872): *reserat* : *andleac* (*onleac*). Видимо, мы имеем здесь дело с др.-англ. *ðenhecle* (*t* в этих глоссах часто стоит вместо *c*, а *h* часто опускается). Ср. *ðegnhæcle* 'cinctus militaris'.

Fecislun: OEGM 40: *sitarcis* : *fecislun*, ср. WW 423, 3: *in sitharciis* : *in fætelsum*.

Felde: Wrt. Voc. 218, 34—35: *delento fruto* : *of þiccum felde* : *de denso campo*. Ср. то же в An. Ox. 104: *of þiccum asodenes wines þefele ł felde* : *lendo careni defruto* (см. текст Альдхельма: Giles, 3, 34—35). Можно полагать, что первоначальной др.-англ. глоссой *defrutum* было *weall*. Ср. Wrt. Voc. 11, 138, 24: *defrutum i vinum* : *medo geswet vel weall*; Hpt. Gl. 414, 1: *Niwes ł gesodenes wealles* : *defruti ł medoni*; Hpt. Gl. 520, 38: *wealle* : *defruto*, *vino* (ср. Wrt. Voc. I, 27, 62: *gesoden win* : *defrutum vinum*; II, 25, 10, 69: *coerin* : *defrutum*, *cyren oððe awylled win* : *dulcisapa*; Hpt. Gl. 408, 42: *Asodenes wines* : *careni*). В связи с тем, что в изучаемых глоссах часто свободно варьируются *w*, *f*, можно полагать, что в процессе переписки *wealle* приняло форму *fealle*. При дальнейшей переписке писец мог случайно опустить *a* в *fealle* и затем поставить его над строкой; последующий же переписчик вполне мог принять это *a* за *d*, стоящее в качестве исправления над вто-

рым *l* в слове, в результате чего и получилось *felde*. Следует в связи с этим признать «ghost-word» и *þefele*, восходящее, видимо, к *þe wele*. Ср. англ. диал. *to wall* 'seethe', нем. диал. *Walle*.

Foðorn: L. M. 1, 6: *Wið ðam niðeran toþecè, slit mid ðe foþorne oþ-ðaet his bleden*. В—Т интерпретируют это слово как состоящее из др.-англ. *fon* 'хватать' и *ðorn* 'шип'. Однако стоящие в рукописи слова *mid ðe foðorne*, видимо, следует понимать как *mid ðefoðorne*; ср. *ðefoðorn* в Lchd III, 56, 27. Ср. швейц. *tefflen* 'einen mit flachen, laut schallenden Schlagen strafen' (Id. XII, 603).

Filistrus: CGL V, 295, 4: *filistrus* : *fimbria*. В связи с частой заменой *a* на *i*, а также учитывая, что *s* в середине слова *filistrus*, возможно, стоит вместо *s̃* (т. е. *siue*), эту глоссу можно записать: *fila. siue. trus. fimbria*. Здесь *trus*, казалось бы, можно было бы отождествить с *ðres* (ср. CGL 243: *limbus ðres liste*) или с *ðresta* (т. е. *ðra ł lista*) в CGL 229. Если принять во внимание, что *fimbria* в латыни интерпретируется через *fila* (ср., с одной стороны, Mt 14, 36: *et rogabant eum ut uel fimbrian uestimenti eius tangerent* и, с другой стороны, Evang. Hist. III, 130: *uestisque attingere fila extrema exoptat*), а также частую замену в этой рукописи *t* на *s* (ср. CGL V, 319, 44: *pede septim caute sensim=pedeteptim=pedetemptim*), можно предположить, что fila в этом случае — латинская лемма, синонимичная рядом стоящему *fimbria*, а *trus* — видоизмененное др.-английское слово *ðræd* 'нитка' (*ðræt* > *ðræd*).

Gas-ric (OET, 587b: 'ocean'). Ср. Wrt. Voc. 154, 39 (304, 17; 462, 15): *gar-secg* : *oceanus*. Ср. нем. *gar*, англ. диал. *gorbelly* 'с большим животом'.

Gerinen (OET 505: 'diligent'). Ср. 24: *gerinen* : *navum*. Глосса восходит (как указывает Хессельс, — Introduction, 229) к Liber de nominibus Hebraicis, где читаем *nauum* (т. е. имя пророка Наума) germen. Таким образом, др.-англ. *gerinen* 'diligent' — это «ghost-word», представляющее собой испорченное лат. *germen*.

Hregresi: CGL II, 584, 35: *inguen* : *lesca hregresi*. Ср. др.-в.-нем. *hegadrosi*. Возможно предположить первоначальную форму **hegþresi* [*hegthresi* > *hegtresi* > *hegcresi* > *hregresi* (с повторением *r* из второго слога)]. Ср. др.-англ. *hagan* 'genitalia'; нем. диал. *Hegel* 'Zuchtstier,' нем. *hecken* 'sich paaren (von Vögeln)'.

Hrean. Видимо, вместо *hlend* (=*hland*) [13]. Lchdm. II, 252, 16: *Wið hrean* (Сомнер приводит лемму *phthisis*) 'indigestion (?)'

Ср. совр. сев.-англ. диал. *lant* 'urine'; баварск. *klänen* 'schmieren'; *klänig* 'schmierig' (Schmeller, s. v.).

[13] При метатезе *n* : *a* (которое употреблено вместо *d*). В связи с заменой *l* > *r* ср. Ср. Gl. 254: *flagrans=fragrans*; 46: *obsculatio=obscuratio*; 55: *pastofolia=pastophoria*; 449: *plumus=prunus*; см. также ниже: *lyge=ryge*.

Hnoc: Wrt. Voc. 120, 34: *mutinus* : *gadinca vel hnoc*, где *hnoc* — это, вероятно, испорченное др.-англ. *hnot* 'mutilus' (ср. Cot. 131: *hnot* : *mutilum*, *mutilatum*, также Wrt. Voc. II, 56, 16, 17). Ср. CGL 4, 538, 50: *motilum* : *sine cornibus aut semitruncum*; CGL 5, 554, 50: *mutina pecora* : *sine cornibus*; ср. также Ahd. Gl. 4, 80, 38; *mutilum* : *hamaler*; 4, 117, 35: *mutinus* : *hamaler*.

Ср. совр. сев.-англ. диал. *not* '(of a field) smooth, well-tilled' — EDD, s. v.

Lesen (neisn): CGL II, 585, 15: ilium : neisn. naensõod. Ср. также Wrt. Voc. 20, 24: *lesenexta*. С этими глоссами ср., с одной стороны, Wrt. Voc. 419, 9: *ilibus* : *smælþearmum*; 159, 36: ilia : *smæleþearmas*; 26, 6: *ilia midhriðir*; 517, 14: *ilia* : *inneþas*, а с другой — Wrt. Voc. 393, 11: *exta* : *isen*. В свете этих данных *neisñ*, *lesen* представляется возможным читать *isen*. Ср. Lorica Gl. 71: *isernum* (=*isennum*) : *intestinis*; Leechd I, pref. LXXII C: *turtuosis cum intestinis gebegdum cum isernum* (рук. H — *eosenum*). Ср. еще др.-англ. WW 396, 22: *iesend oððe innelfe*. Ср. ср.-н.-нем. (см. Birlinger. — ZfdA XVI, стр. 516) *iusant*: II *carnes porcinas*, *dimidium pectus vaccae*, *linguam vaccinam*; III *salsulia iecorina*, *I iusant I vder*; IV *smalander* (=*smalaader*).

Ср. ср.-англ. *ising* 'sausage' (ср. англ. *bowels* < ст.-франц. *boll* < *botellus*, уменьшит. от *botulus* 'sausage'); швейц. *Heisel* 'einseitiges Leitseil für Zugvieh; Tragband an einem auf dem Rücken getragenen Korbe' (Id. II, стр. 1687); баварск. *Hesse* 'Garn', *hesseln* 'mit Garn vorrichten' [14] (Schmeller, s. v.). Принимая во внимание швейц. *Heisel* и баварск. *Hesse* 'Garn' (ср. нем. *Garn* 'часть желудка'), можно предположить соотносимость изучаемого слова с др.-инд. *kosthas* 'Eingeweide', греч. κύστις [15]. Ср. др.-англ. *ǣder* (= нем. *Ader*), pl. 'Eingeweide'.

OET, 619 a: *nēwe-seoðu* 'pit of the stomach'; CGL V, 365, 43: *ilium* : *neuũ seada* (*naensida*), где, видимо, произошла замена *r* на *n* (очень часто наблюдаемая в этом глоссарии), в связи с чем следует читать: *near* (*neor*-) *sida*. Ср. Lev. 3, 3: *heortsida* : *vitalia*; Gerefa 17: *sulhgesidu*.

Lyge: Wrt. Voc. 301, 2: *lyge* : *sicalia*. Ср., однако, Corp. Gl. 918: *sicalia* : *ryge*.

Mæðlere 'recklessness': Ep. 549: *incuria* : *in mæthle*. Видимо, из *(h)loðere* (= *se nleðere* = *se melðere* = *se mæðlere*). Ср. швейц. *Lödeli* 'leichtsinniger, liederlicher, nachlässiger Mensch'; нем. *Lotterbube*, *Lotterer*.

Nigan: В словаре Босворта и Толлера — 'listen' (?) — Exon. Th. 390, 27: *Đonne ic bugendre stefne styrme*, *stille on wicum siteþ nigende*. Видимо, вместо *higan* (т. е. *hygan*, примеры см. B—T,

---

[14] Ср. баварск. *Kes* = *Es* (*Eis*); голл. диал. *Ooi* = *Gooi* (см. «De niuwe taalgids» ,1965, 58, afl. 5, стр. 302—304).

[15] Ср. нортумбр. *esne* 'viriliter'; WW 77, 40: *iunges* : *adolescens*, т. е. *iung esn* (ср. англ. *gut* 'кишка', но *guts* 'смелость').

стр. 578—579). Ср. баварск. *hügen* 'denken (Schmeller I, стр. 1069); *hüglich*, *Gehuge* (Там же); швейц. (Id. II, 1088) *hügen* 'sinnen, denken auf'.

Næsc: Wrt. Voc. I, 86, 37—39: *fel* : *pellis*, *hyd. cutis vel corium*; *naesc. nebris*; Wrt. Voc. II, 122, 77; Lchdm II, 104, 13; 140, 10.

Как видно из фактического материала, первая буква в этом слове — *l*, а не *n*. Ср. др.-англ. Ср. Gl. 188: *partica* : *reodnæsc*, но др.-в.-нем. Ahd. Gl. 2, 325, 15: *particis i. losge*; др.-англ. Aelfr. Gl. 28 (Wrt. Voc. 26, 16): *læshosum* : *cernui*; ср. ср.-баварск. Edictum Rotharis Tit. C I, § 62: *roborem aut cerrum seu quercum modo laiscum*. Ср. еще Ahd. Gl. 3, 287, 13: *rubricata pellis. losgihut*; 2, 644, 54: *ianthino* : *losceshuti*. Ср. также др.-англ. An. Ox. 5324: *rēadlesc* : *rubricatis pellibus* и баварск. *rotlosk* (Diemer, Ged. 55, 28). Ср. баварск. *Lösch* (Schmeller I, 1521): 'eine Art kostbaren Leders'; швабск. *Lösch* 'Art rohen Leders' (Fischer IV, стр. 1292).

Nip: лат. *rudẹnte* («Germania» XXIII, 399, 451) фиксируется в словарях Босворта, Холла, Хольтхаузена. Однако здесь, видимо, следует читать *niwum* (лат. *rudis*). Ср. An. Ox. II, 86: *rudibus* : *niwum*; An. Ox. 914: *rudimenta* : *niwunga*; An. Ox. C. 28, 157: *rudis. i. nono* : *niwan*.

Œm-seten (OET, 550a): 'shoot, slip'. Ср. в словаре Г. Суита: *Œmseten*=*ymbseten* 'shoot'. Ср. Gl. A 534: *amtes* : *œmsetinne wiingeardes*. Последовательное изменение рассматриваемой глоссы в процессе переписки, видимо, можно представить следующим образом: *œmsetinne* < *enisetinne* < *endisetinne*. Последний вариант явно стоит вместо лат. (*extremi*) *ordnes uineae*: ср. CGL V, 265, 46: *antes extrimi ordinesuinearum*.

Onwaer 'unripe'. Cockayne 32, 18—20: *wiþ flie genim onwaere slah þ seaw ⁊ wring þurh clað on þ eage sona gæð on þrim dagum of gif sio slah biþ grene* (ср. перевод, стр. 33: «Against white spot, take an unripe sloe and wring the juice of it ...»). Слово зафиксировано в словарях B—T, Hall. Исследуемое слово легко можно было бы истолковать как соответствующее *unmaer* (= *unmearu*) 'unripe', ср. нем. *mürbe*, швейц. *märw*. Однако при ближайшем рассмотрении вопрос оказывается несколько сложнее. Кокейн заключил о значении этого слова (и он сам этого не скрывал) только на основе последующего определения *grene*, что, как нам кажется, вряд ли является вполне оправданным. Следует иметь прежде всего в виду, что глоссаторы имели обыкновение сливать в одно слово предлог и управляемое им слово. Мы полагаем в связи с этим, что перед нами «ghost-word», состоящее в действительности из *on þære*. Ср. 114, 12—13 (рук. С): *genā* on *þaes Gotan handa þ hylfe* против рук. Н: *genam þ hylfe* of *þaes Gotan handa*.

При всех условиях ясно, что перед нами — «ghost-word».

Paetig: Prud. Gl. 389a, 21 (Holder): *callida* : *wætig*, ср. An. Ox. 4980: *callide* : *pætigere*. Ср. совр. англ. *pat* 'кстати, в точку'.

Raedgaesram CGL V, 365, 34: *hyadas red gaesram* (Ep.: *hyadas* : *raedgaesram*). В процессе переписки эта глосса, видимо, последовательно принимала такой вид: *raedgaesram* < *raedsaeran* < *rǣgscaerran* < *regnsteorran* (ср. нем. *Regengestirn*. — Grimm, Dt. Wb., s. v.).

Saemotu: Wrt. Voc. 246, 10: *sæmotu* : *fustrum*. Ср., однако, CGL VI, 459: *flustra* : *motus maries*.

Sineduma: OEGM 38, 104r: *polenta. i. sineduma*. Ср. Corp. Gl. P. 497: *polenta* : *smeodoma*.

Ср. совр. сев.-англ. диал. *smeddum* 'the powder or finest part of ground malt; meal' (EDD V, стр. 551).

Stent: Cp. Gl. 292: *stent* : *becta*. Как указывает Хессельс (B 91), в рукописи стоит *becta* : *stert*. Ср. Wrt. Voc. 195, 29: *sterc* : *bucula*, *iuuenca*, *uitula* (замена *t* и *c* в изучаемых глоссах — частое явление). Что же касается леммы, то здесь перед нами, видимо, *becla*=*becula*=*uetula*=*uitula* (замена *b* > *u* — часто встречается в глоссах). В связи с порчей *l* > *t* после *c* ср.: CGL. LV 378, 19: *dorhgifecilae*=*ðorh gifectae*; Corpus P 168: *anim. tua*=*animula*.

Ср. совр. сев.-англ. диал. *stirk* 'a heifer between the age of one and two years; a young bull' (EDD V, стр. 769).

Sund: Prud. Gl. 284: *stemma*, *descriptionem* : *sund*. Здесь вероятнее читать *cynd*. Ср. *stemmati* : *mægþe* (Prud. Gl. 352, Meritt).

Slieg: Copr. Gl. 316: *bofor* : *lendislieg*; Wrt. Voc. 195, 6 (356, 28): *bofor* : *laembis lieg*. Если учесть, что в др.-англ. рукописях *r* часто заменялось через *n*, а *f* через *b* (написание этих букв в древней английской графике очень сходно), то лемму *bofor* можно прочитать *bobon* < *bubon* (греч. βουβών). Последняя, несомненно, является латинской транслитерацией греческого слова, соответствующего лат. *inguen* (как это видно из Corp. Gl. Lat. II, 544, 3; II, 526, 44). Ср. Lucilus Fragm. XIV: *inguen ne existat*, *papulae*, *tama*, *ne boa noxit*; Marcellus, De Medicamentis (ed. G. Helmreich), XXXII, 25: *si quis ab equitando aut ambulando inguen habuerit*. Ср. также Wrt. Voc II, 159b («Excerpta ex Glossario Manuscripto Latino-Theodisco quod Florentiae extat in Bibliotheca Magni Ducis»): *lacerdus dades inguinaria*, т. е. видимо, *lacertus*, *clades inguinaria*, что и могло, видимо, явиться истинной леммой рассматриваемых глосс (вероятно, в виде *bubon. lacertus. clades inguinaria*). Показательно, что в этой глоссе в одном ряду стоят *lacertus* 'мышцы' [ср. др.-англ. *lira*, н.-нем. *Lurre* 'die Hüfte, Lende, der Schenkel' (Berghaus II—III, стр. 440); совр. сев.-англ. диал. *lire*] и *clades inguinaria* (ср. швейц. *Schlier* 'Wulst'). Ср. «Dasypodius Dict. lat-germ. Golii Onomasticon, Frischilini Nomenclator», s. v. βουβών : *slyer*, *slyr*; Diefenbach. Glossarium, s. v. *bubo* : *schlier*; Diefenbach. Novum Glossarium. . ., s. v. *ulcus* : *slyer*, *slyr*.

Учитывая приведенный материал из древних словарей, а также современный верхненемецкий диалектный материал, где *Schlier* используется в значении 'нарыв, опухоль', нам представляется

возможным утверждать, что *g* в *slieg* ошибочно стоит вместо *r* (ср. Corp. Gl. IV, 118, 27: *molige arcem=moliri arcem*). Возможно также, что *r* из *slier* ошибочно стоит в *bofor*. При всех условиях (даже если не объяснить *g* в *slieg* порчей рукописи) несомненно, что в др.-английском перед нами тот же корень, что и в совр. швейц. (швабск., баварск.) *Schlier* 'Geschwulst', ср. вестфальскую форму *slie* (Woeste, s. v.).

Staefod. В OET, стр. 463a, приводится др.-англ. прилагательное *staefod* 'striped'; ср., однако, в Goetz. Corpus Gloss. V, 385, 12: *perstromata ornamenta staefadbrum*; в Corpus Christi Glossary (по изд. Хесселя): *perstromata ornamenta steba*, т. е. видимо, испорченное лат. *peristromata ornamenta stibadiorum. Stibadium*, естественно, является латинским образованием от греч. στίβας, представленного в написании στοιβάς в евангелии от Марка (Мк. 11, 8: στοιβάδας ἔκοπτον ἐκ δένδρων καὶ ἔστρωνυον εἰς τὴν ὁδόν), т. е. означает 'слой соломы, листьев и др.' (ср. Xenoph. Hell. VII, 1, 16; Polyb. V, 48, 4). В разбираемом случае *stibadium* употребляется в значении 'мягкое сидение, сидение с прослойкой соломы, волоса и т. д.' При этом следует допустить, что *b*, как это часто случается в разбираемых глоссах, было заменено на *u*, а последнее на *f* (ср. Corp. Gl. D. 137: *defectum. deportatum=deuectum. deportatum*)[16], в результате чего и возникла форма *stoefadiorum*, принятая Г. Суитом за др.-английское слово.

Supe: Wrt. Voc. 276, 25: *supe* : *sarcio*. Ср., однако, Wrt. Voc. 44, 33: *sarcio* : *siouu*.

Tener: OEGM 69, 5: *balsis* : *tener*, ср. LCG в 6: *balsis* : *tetre*. Ср. Wrt. Voc. I, 267, 2: *tetere* : *serpedo*.

Werde: K Gl. 864: *werde* : *opes*. Ср. WW 62, 29: *opes superbe* : *ofermode prede*. Здесь, однако, мы имеем дело не с *prede* (*=pryde*), а, видимо, с *psede*, т. е. перед нами метатеза в слове *spede*. Ср. Eadwin Ps. 40, 4: *opem* : *spaede*.

Lae: Wrt. Voc. II, 16, 46: *lae wiffex*: *caesaries*. Ср. исл. *lo*, *loo* 'shagginess'. Ср. ср.-англ. Prompt. Parv. 291: *lee of threde*. Ср. Halliwell: *lea* 'the seventh part of a hank or skein of worsted'.

łae

В рукописи, однако, стоит *cessarius wiffex*, т. е. глоссатор, видимо, просто имел в виду сообщить, что наряду с формой *cessarius* возможна *caessarius*.

В заключение интересно остановиться на др.-английском ἅπαξ λεγόμενον *gesen: exta i. intestina fibras pectorum. hostiare* («The Harley Latin-Old English Glossary», ed. by R. T. Oliphant. The Hague, 1966, E 583), не зафиксированном ни в одном древнеанглийском словаре. Слово это приобретает права гражданства

---

[16] Corp. Gl. F. 104: *fauo=faba*: D 262: *diatrifas=diatribas* διατρίβας; L o e w e, стр. 421: *crefrat=cribrat*; *sifilus=sibilus*; *baselus=phaselus*; *bufus=bubo*.

не только при сопоставлении с приводившимся выше др.-англ. *isen* (*eosen*) 'кишка' (Lorica Gl. 71), но и с швед. диал. *ösa*, *ösning* 'вид рыбы' (см. «Mejerbergs Arkiv för svensk ordforskning», 1. Göteborg, 1937, стр. 3—7), нем. диал. (герминонск.) *Giesen* 'рыба Cyprinus Cephalus' (др.-швед. *gius* 'Perca Lucioperca'), которое до сих пор остается загадкой для этимологии. Вальде—Покорный справедливо отвергают сближение этого слова с и.-е. **ĝhu-* (греч. ἰχθύς, лит. *žuvìs* и др., как это предполагает А. Иоханнессон). Ср. семасиологические параллели: н.-нем. (вестфальско-нижнерейнско-нидерландское) *Pier* 'Regenwurm', англ. диал. *piers* 'a long reddish-coloured worm found under the ebb-stones' (EDD, s. v.), но швед., норв. диал. *pier* 'Makrelle', 'kleine Forelle' (Lerchner, 216) и особенно швед. диал. (готландск.) *piring* 'lang, smål korv' («Mejerbergs Arkiv», 1, 76). Возможно, сюда же следует отнести и др.-англ. *rop* 'кишка'.

Сокращения

An. Ox. — Old English Glosses, ed. by A. Napier. Oxford, 1900; B-T — J. Bosworth, T. N. Toller. An Anglo-Saxon dictionary, I—II. Oxford, 1956; Berghaus — R. Berghaus. Plattdeutsches Wörterbuch, I—II. Leipzig, 1834; CGL — Corpus Glossariorum latinorum, hrsg. von G. Goetz. Leipzig, 1888—1923; EDD — English dialect dictionary, ed. by J. Wright, I—VI. Oxford, 1898—1905; Fischer — H. Fischer, W. Pfleiderer. Schwäbisches Wörterbuch, I—VI. Tübingen, 1904—1936; Graff — E. G. Graff. Althochdeutscher Sprachschatz. Berlin, 1834—1892; Id. — Schweizerisches Idiotikon, hrsg. von F. Staub, L. Tobler. Frauenfeld, 1881—1961; JffL — Jahrbuch für fränkische Landeskunde; Martin—Lienhart — E. Martin, H. Lienhart. Wörterbuch der elsässischen Mundarten, I—II. Strassburg, 1899—1907; OET — The Oldest English texts, ed. by H. Sweet. London, 1947; OEGM — Old English glosses, ed. by H. D. Meritt. Stanford, 1947; Ochs — E. Ochs. Badisches Wörterbuch. München, 1872—1877; Schmeller — J. A. Schmeller, G. K. Fromman. Bayerisches Wörterbuch. München, 1872—1877; Wrt. Voc. — Anglo-Saxon and Old English vocabularies, ed. by T. Wright. London, 1889.

А. И. Немировский, А. И. Харсекин

ЭТР. *sal* И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ ЛАТИНСКИЕ ДЕРИВАТЫ

В пространной этрусской надписи из Пирги (текст А) [1] непосредственно после имени церетанского правителя Тефария Велианы, посвятившего «священное место» Уни-Астарте, находим краткое слово *sal*. Оно встречается также в тексте на пеленах Загребской мумии (VI 1; VII 7; XII 11) и на свинцовой пластинке из Мальяно (TLE 359 В), а производное от него *salϑn* содержится в надписях у входа в усыпальницу Франсуа в Вольцах (TLE 294) и на канделябре из Кортоны (TLE 646).

Значение этого слова уже давно привлекало внимание исследователей. Торп видел в нем глагольную форму (императив), которую он переводил 'говори, пой' [2]. С ним соглашались Кортсен и Тромбетти [3]. Как императивное образование понимал его и Феттер, воздерживавшийся, однако, от более конкретного определения смысла [4]. Но уже Гольдман, пользуясь методом комбинаторного анализа, убедительно показал, что в действительности оно должно означать какой-то вид приношения или жертвы [5]. Это особенно следует из параллелизма формул *mlaχ tins lurϑ* 'жертву Юпитеру принеси (?)' (TLE 359 В) и *lurϑ sal afrs* 'принеси (?) *sal* предкам' (Там же) [6]. Такое же мнение разделяет и Штольтенберг [7]. Правильность последнего толкования подтвердили этрусско-финикийские надписи из Пирги, где этрусскому *sal* [8] соответствует

---

[1] M. Pallottino. L'iscrizioni etrusche. — AG XVI, 1964, стр. 76—104, табл. XXXVIII.

[2] A. Torp. Etruskische Beiträge, II. Leipzig, 1903, стр. 17.

[3] S. P. Cortsen. Glossar zur Agramer Mumienbinde. Прилож. к кн.: M. Runes. Der etruskische Text der Agramer Mumienbinde. Göttingen, 1935, стр. 93; A. Trombetti. La lingua etrusca. Firenze, 1928, стр. 107.

[4] E. Vetter. Etruskische Wortdeutungen, I. Wien, 1937, стр. 65.

[5] E. Goldmann. Ricerche etrusche. — SE II, 1928, стр. 253—256; Он же. Beiträge zur Lehre vom indogermanischen Charakter der etruskischen Sprache, I. Heidelberg, 1929, стр. 97.

[6] Ср.: А. И. Харсекин и М. Л. Гельцер. Новые надписи из Пирги на финикийском и этрусском языках. — ВДИ 1965, № 3, стр. 119.

[7] H. L. Stoltenberg. Etruskische Sprachlehre mit vollständigen Wörterbuch. Leverkusen, 1950, стр. 27; Он же. Etruskische Namen für Personen und Gruppen. Leverkusen, 1958, стр. 72—73.

[8] В сочетании *sal cluvenias* 'совершив приношение *sal*'.

финикийское *zbḥ* 'приношение, жертва' [9]. Следовательно, принадлежность этого термина к этрусскому сакральному лексикону представляется несомненной.

Ряд фонетически близких форм находим в римской сакральной терминологии. Так как зависимость римской религии от этрусской достаточно хорошо известна, можно думать, что перед нами не случайные звуковые совпадения, но сходство, обусловленное глубокой внутренней связью. Первым из этих терминов является *Salii* — наименование древней жреческой коллегии. Древность ее удостоверяется как характером совершаемых священнодействий, так и римской традицией, приписывающей ее учреждение царю Нуме Помпилию. Правда, прямых указаний на этрусское происхождение салиев нет. Но учитывая то немалое влияние, которое этрусская жреческая организация оказала на римскую, оно представляется возможным.

Такому предположению способствует и то, что салии были жрецами Марса, а последний, как известно, имел одним из центров своего почитания Этрурию. Витрувий сообщает о сооружении этрусками храмов Марсу в своих городах [10]. У фалисков, тесно связанных с этрусками в политическом и культурном отношении, имелся месяц *Martius* [11]. Согласно Сервию, коллегии жрецов Марса имелись как в главном городе фалисков Фалериях, так и в этрусских Вейях [12]. Имя *maris* 'Марс' представлено в ряде этрусских надписей: CII 477, 2094, 2141; NRIE 1104; TLE 359 [13]. Для нас особенно важно то, что в TLE 359 говорится о принесении жертвы *sal*, возможно, имеющей отношение также и к Марсу [14].

Показательно и то, что в некоторых латинских городах (Тибур, Альба) салии были связаны с культом чужеземного Геркулеса [15], который, как показывает звуковой облик его латинского наи-

---

[9] В сочетании *byrḥ zbḥ šmš* 'в месяце приношения Шэмэшу'; ср. ВДИ 1965, № 3, стр. 110 и 119.

[10] Vitr. 30, 12.

[11] Ovid. F. 111, 89.

[12] Serv. Aen. 8, 285.

[13] Древнейшее из этих упоминаний (TLE 359) относится к V в. до н. э. Влияние Рима в это время в Средней Этрурии, откуда происходит данная надпись, еще не было сколько-нибудь значительным. Поэтому предположение об италийском происхождении культа Марса в Этрурии нельзя понимать в смысле его заимствования от римлян. Более правдоподобно допущение возможности его усвоения в глубокой древности от предшествующего италийского населения. Это не исключает того, что в дальнейшем, после закрепления в Этрурии и приобретения ряда специфически «этрусских» черт, он мог в свою очередь оказать влияние на обычаи и ритуалы сходного культа, имевшегося также в римской религии.

[14] О принесении жертвы *sal* говорится в заключительной формуле, не входящей непосредственно ни в один из предшествующих «абзацев», посвященных божествам *cauϑa-*, *aisera-*, *mariś-* и *calu-*, но, по-видимому, связанной с каждым из них.

[15] Serv. Aen. 8, 285; Macr. S. 3, 12; Inscr. Orell. 2247—2249, 2761.

менования, был, очевидно, занесен в Италию не без участия этрусков [16].

Но может показаться, что нашему предположению об этрусском происхождении коллегии салиев противоречит этимология этого слова. Все античные авторы единодушны в том, что наименование *Salii* происходит от глагола *salio* 'прыгать' [17]. Однако достаточно вспомнить, что движения сакрального танца, исполнявшегося жрецами, обозначались глаголом *amtruare* или *antruare*, но не *salire* [18], чтобы усомниться в правильности такой этимологии, возникшей в результате домыслов римских антикваров, склонность которых к объяснению непонятных им слов с помощью знакомых латинских и греческих достаточно известна.

Важное значение может иметь также латинское выражение *Saliares cenae*, *epulae*. Судя по Фесту, так назывались роскошные пиры, которыми завершались ежегодные шествия салиев, сопровождавшиеся жертвоприношениями. Но в ряде других случаев оно обозначает вообще богатые трапезы, к которым жрецы-скакуны не имели никакого отношения [19]. Можно поэтому думать, что в этом наименовании отразилась связь пиршеств с принесением жертв богам, которая прослеживается и в названии салиев. В обоих случаях корень *sal* выступает в своем первоначальном значении 'жертвования'.

Не более убедительно выглядит этимологизация римскими антикварами имени древнего божества *Salacia*. Варрон и Фест производят его от *sal* 'соль' [20], основываясь на том, что Салакия считалась супругой бога моря Нептуна. Сервий, напротив, возводит это имя к *salax* 'сладострастный', и богиня становится *dea meretricum* [21].

Если этрусское происхождение коллегии салиев нуждается в установлении, то принадлежность Салакии к кругу этрусских божеств доказывается ее связью с Нептуном, удостоверенной формулой *Salacia Neptunis* [22]. Уже Тулин доказал, что Нептун — этрусское божество, вошедшее впоследствии в пантеон римлян [23]. Среди имен божест на бронзовой модели печени из Пьяченцы находим и имя Нептуна (*neϑ*[*uns*-]). Оно неоднократно упоминается

---

[16] Лат. *Hercules* легко возводится к этр. *hercele*, *hercule*, в то время как непосредственное его выведение из греч. Ἡρακλῆς наталкивается на фонетические затруднения.

[17] Varro L. L. 5, 85; Fest. 438, 277; Ovid. F. 3, 260—261; Liv. 1, 20; Cic. Rep. 2, 14, 26; de Or. 3, 197; Hor. C. 1, 36, 12; 4, 1, 28; Verg. A, 8, 663.

[18] J. Muller. Altitalisches Wörterbuch. Göttingen, 1926, стр. 399.

[19] Ch. Lewis, Ch. Short. A Latin Dictionary. Oxford, 1958, стр. 1618.

[20] Varro L. L. 5, 72; Fest. 436 L; Aug. C. D. 7, 22.

[21] Serv. Aen. 1, 72.

[22] Gell. 13, 23, 1.

[23] C. Thulin. Die Götter des Martianus Capella und der Bronzeleber von Piacenza. — «Religiongeschichtliche Versuche und Vorarbeiten», III. Giessen, стр. 26, 3.

также в тексте Загребской мумии (VIII 3, 11; IX 7, 14, 18, 22; XI 16). О культе Нептуна в Этрурии свидетельствует название города Непет, где почиталось это божество [24]. Анализ этого культа показывает, что первоначально Нептун не имел ничего общего с морем [25], но был богом текучей воды, рек и ручьев. Поэтому возведение имени связанной с ним богини *Salacia* к *sal* теряет основания.

Может быть, более способствует объяснению этого таинственного божества и пониманию корня *sal* параллель с греческой Σαλακία, на которую, насколько нам известно, еще не было обращено внимания. Их полное звуковое совпадение едва ли может быть случайностью. Но Σαλακία уводит нас в Малую Азию, откуда, согласно господствовавшему в древности взгляду, вышли предки позднейших этрусков. Эта юная девушка из Офиониса несла Аполлону жертвенные дары в ящике. Устав, она прилегла на берегу. Порыв ветра сбросил ящик в море. Со слезами пошла Салакия домой, а волны пригнали ее дар к берегу ликийского Херсонесса, где и был учрежден культ Аполлона. В этой легенде Σαλακία — 'несущая жертву'; таким образом, корень σαλ- имеет уже знакомое нам значение.

Наконец, тот же корень (*sal*, *sala*) чрезвычайно широко представлен в топонимике Малой Азии, островов Эгейского моря и Этрурии, уже обстоятельно исследованной Тромбетти [26]. Названия же городов и местностей, как известно, нередко возникали из имен божеств и наименований сакральных актов.

В заключение отметим, что римская религиозная терминология является одной из тех сфер, где наиболее часто проявляются следы этрусского влияния. При этом пристального внимания заслуживают не только термины, об этрусском происхождении которых сообщает традиция, но и многие из тех, какие мы привыкли считать латинскими в силу ложных этимологий римских антикваров.

Сокращения

Aug. C. D. — Augustinus. De Civitate Dei.
Cic. de Or. — Cicero. De Oratore.
Cic. Rep. — Cicero. De Re Publica.
CII — A. Fabretti. Corpus inscriptionum Italicarum. Torino, 1867.
Fest. — Festus.

[24] G. L. Taylor. The Local Cults in Etruria. Roma, 1923, стр. 9.

[25] О том, что Нептун первоначально не был морским божеством, свидетельствует раннее его почитание римлянами, в те времена не связанными с морем. Праздник Нептуна — нептуналии — был типичным аграрным праздником.

[26] A. Trombetti. Saggio di antica onomastica mediterranea. Firenze, 1942, стр. 161—162.

Gell.	— Gellius.
Hor. C.	— Horatius. Carmina.
Inscr. Orell.	— Inscriptiones Orelli.
Liv.	— Livius.
Macr. S.	— Macrobius. Saturnalia.
NRIE	— M. Buffa. Nuova raccolta di iscrizioni etrusche. Firenze, 1935.
Ovid. F.	— Ovidius. Fasti.
Serv. Aen.	— Servius. Commentarii in Aeneide.
TLE	— M. Pallottino. Testimonia linguae Etruscae. Firenze, 1954.
Varro L. L.	— Varro. De Lingua Latina.
Verg. A.	— Vergilius. Aeneis.
Vitr.	— Vitruvius.

А. И. Харсекин

ЭТР. *meχ θuta* = ОСК. *meddiss túvtiks*

Благодаря новым эпиграфическим находкам из Пирги [1] список известных нам этрусских магистратур пополнился еще одним термином — *meχ θuta*. Он употреблен перед именем составителя надписей Тефария Велианы, названного в пуническом параллельном тексте «царем над Цере» (*mlk ʿl kyšry*') [2].

В других этрусских надписях этот титул не встречается. Однако он вполне поддается объяснению на основании анализа родственного образования *meχlum*, представленного в TLE 233 и 87 [3]. Последнее обычно отождествляют с формами, имеющими основу *meθlum*, засвидетельствованными в тексте Загребской мумии и нескольких других надписях (TLE 99, 131, 237), и понимают как 'государство, конфедерация' или 'страна, народ' [4]. Учитывая контекст указанных надписей, с таким объяснением нельзя не согласиться. В таком случае лежащее в его основе *meχ-* можно истолко-

---

[1] Имеются в виду близкие по содержанию надписи на этрусском и финикийском (пуническом) языках, обнаруженные летом 1964 г. в ходе раскопок этрусского святилища в Пирги (Санта Севера) вблизи Рима. См.: M. Pallottino, G. Garbini и др. Scavi nel santuario etrusco di Pyrgi. Relazione preliminare della settima campagna, 1964, e scoperta di tre lamine d'oro inscritte in etrusco e in punico. — AC XVI, 1964, стр. 49—117, табл. XXV—XXXIX.

[2] Предположение, что речь здесь действительно идет о традиционной древней монархии со всей полнотой религиозной и гражданской власти, мало правдоподобно (ср.: M. Pallottino. Указ. соч., стр. 106—110; А. И. Харсекин и М. Л. Гельцер. Новые надписи из Пирги на финикийском и этрусском языках. — ВДИ 1965, № 3, стр. 130). Прежде всего потому, что этрусским наименованием царя было *lucumon*, известное из глосс Сервия (Serv. Aen. II, 278; VIII, 475) и нескольких надписей (M. Pallottino. Testimonia linguae etruscae. Firenze, 1954, 1, 440, 722. Далее — TLE; Возможно, также TLE 131). Важно и то, что в другом месте надписи из Пирги (А 12-13) по отношению к тому же Тефарию Велиане употреблен титул *zilac-*, республиканский характер которого не вызывает сомнений. Ему тоже соответствует пуническое *mlk*, использование которого для обозначения высшей исполнительной власти, сосредоточенной в руках выборного магистрата, очевидно, оказалось возможным ввиду отсутствия в пуническом лексиконе другого подходящего слова и известного безразличия иноземцев-пунийцев к тонкостям церетанской политической системы.

[3] В TLE 87 находим форму *meχl*, бесспорно представляющую сокращение от *meχlum*, точно так же, как и другое имеющееся в той же надписи слово *purθ* является сокращением от *purθne* 'притан'.

[4] Ср., например: M. Pallottino. Elementi di lingua etrusca. Firenze, 1936, стр. 94.

вать как 'правитель'. Соотношение между ними будет аналогичным соотношению между лат. *rex* 'правитель, царь' и *regio* 'страна, область' или между соответствующими понятиями во многих других языках.

Этимологически оно допускает двоякое объяснение. Возможно, его следует возвести к и.-е. **meĝ(h)*- 'великий' [5], давшему термины со сходным значением в некоторых других языках. Но не исключена также возможность его италийского происхождения (заимствования). Действительно, нам уже известно употребление в этрусском таких италийских наименований магистратур, как *maru* 'правитель, начальник, марон' (ср. лат. *maro*, умбр. *maron*, фалиск. *maro*, сикульск. *maru*) и *macstrna* 'начальник, магистр' (ср. лат. *magister*).

Наименованием верховного правителя или магистрата у италиков было: оск. *meddíss*, *meddís*, вольск. *medix*, пелигнск. *medix*, марс. *meddiss*. Формы косвенных падежей представлены оскской основой *medik*-. Можно допустить, что этот же титул носил и этрусский верховный правитель Цере, города, большинство населения которого, очевидно, составляли не вполне этрускизированные италики [6]. При этом надо иметь в виду, что при устном заимствовании обычно усваиваются основы косвенных падежей (если они отличаются от именительного) благодаря значительно большей частоте их употребления. Исходя из закономерностей этрусской фонетики [7], *medik*- должно было дать **metχ*- или **meϑχ*- (утрата безударного гласного, совпадение звонких и глухих смычных и дальнейший полный или частичный переход в фрикативные). Однако сочетания типа *tχ*, *ϑx* совершенно не свойственны этрусскому языку [8]. По этой причине возникшие образования должны были упроститься в *meϑ*- или *meχ*-, что мы и имеем в действительности [9].

Второй компонент этрусского титула — *ϑuta* [10] представлен аналогичной формой в TLE 159 и тексте мумии (TLE 1, X, 7). В эпитафии Пулены (TLE 131) находим форму локатива *ϑutuiϑi*,

---

[5] Walde-Pokorny, II, стр. 257.

[6] F. Altheim. Der Ursprung der Etrusker. Baden-Baden, 1950, стр. 33—34.

[7] О закономерностях фонетического развития этрусского языка и фонетических соответствиях см.: G. Devoto. Tendenze fonetiche etrusche attraverso gli imprestiti dal greco. — SE I, 1927, стр. 255—287; E. Fiesel. Namen des griechischen Mythos im Etruskischen. Göttingen, 1928; О. І. Харсекін. Про індоевропейські компоненти етруської мови. — «Доповіді звітно-наукової конференції Кременецького педагогічного інституту. Тези». Кременец, 1965, стр. 71—76.

[8] Во всей массе этрусского эпиграфического материала такие сочетания не представлены ни разу.

[9] Этим, в частности, удовлетворительно объясняется, почему в одних случаях (возможно, местных диалектах) мы встречаем формы с основой *meϑ-lum*-, в других же *meχ-lum*-,

[10] Очевидно, прилагательное, окончание которого *-a* является нормальным показателем им. п. ед. ч. муж. р.

употребленную параллельно локативу же *meϑlumt*. Поскольку смысл последнего как наименования политической или территориальной единицы достаточно ясен, это обстоятельство проливает свет и на содержание *ϑutuiϑi*, имеющего, вероятно, синонимическое значение. Такое объяснение вполне удовлетворяет и нашему контексту. Титул *meχ ϑuta* в этом случае будет соответствовать оск. *meddíss túvtiks* 'верховный магистрат города-государства' [11], где, как и в этрусском, вторая часть *túvtiks* является производной от *túvto*, *touto*, обозначавшего какое-то политическое образование — 'civitas, populus' [12].

Этр. *ϑuta* может восходить к и.-е. **teut*- 'народ' [13], давшему близкие по смыслу термины в целом ряде языков. Например, др.-ирл. *tuath* 'народ', кимр. *tūd* 'земля', корн. *tus* 'люди', гот. *þiuda*, др.-лит. *tautà*, лтш. *tàuta* 'народ' и др. Но и здесь не исключена возможность заимствования из какого-либо италийского диалекта.

Во всяком случае, можно полагать, что столь полное совпадение с италийскими образованиями этр. *meχ ϑuta*, значение которого устанавливается путем комбинаторного анализа, не может быть случайностью. Поэтому, независимо от того, является ли оно прямым заимствованием или образовано по италийскому образцу из родственных индоевропейских элементов, присутствие которых в этрусском становится все более очевидным, в обоих случаях перед нами новое свидетельство возможных языковых связей, к сожалению, еще недостаточно изученных. Их исследование может пролить свет на некоторые вопросы истории и культуры этрусков и помочь в понимании этрусского языка.

---

[11] Последний засвидетельствован двумя глоссами Ливия (L i v. 23, 35, 13 и 24, 12, 2), а также многочисленными надписями, древнейшие из которых принадлежат к IV в. до н. э. и, следовательно, хронологически близки надписям из Пирги.

[12] Различие между *meddíss* и *meddíss túvtiks*, как устанавливает Зотта (Z o t t a. Sulla magistratura osca e romana. Napoli, 1932, стр. 7 сл.), состояло в том, что первым из них обозначался верховный магистрат отдельного города, в то время как второй был титулом главы государственного объединения, включавшего, кроме главного города, также зависимые от него центры. Известно, что италийские правители, носившие титул *meddíss túvtiks*, обладали значительно большей полнотой власти, чем римские магистраты. Если аналогичное содержание имела и этрусская магистратура *meχ ϑuta*, тем самым также разъясняется, почему оказалось возможным передать ее в пуническом тексте посредством *mik* 'царь'.

[13] W a l d e - P o k o r n y I, стр. 712. — Соответствия и.-е. *eu* > этр. *u* и и.-е. *t* > этр. ϑ вполне закономерны (А. И. Х а р с е к и н. Указ. соч., стр. 72). Сохранение смычного *t* в безударном слоге — результат диссимиляции, что также не чуждо этрусской фонетике.

Г. А. Климов

АБХАЗСКО-АДЫГСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. II

(заимствованный фонд)

Актуальные задачи исследования генетического родства абхазско-адыгских языков требуют строгого разграничения в них исконно общего наследия, восходящего к праязыковому состоянию, с одной стороны, и общего материала, обусловленного фактором позднейшего языкового взаимодействия. Однако в условиях все еще далеко не удовлетворительного состояния разработки сравнительно-исторической фонетики рассматриваемых языков эта проблема является достаточно сложной и на настоящей стадии ее решения заставляет с естественной необходимостью ограничиваться наиболее очевидными фактами соотнесенности лексического материала с тем или иным фондом [1].

Если оставить в стороне интенсивные абхазско-адыгские контакты, сложившиеся в результате передвижения в XIV и позднее, в XVII столетии части абхазоязычного населения (тапантцев и ашхарцев) непосредственно в область расселения адыгских племен [2], то былой непосредственный языковый контакт абхазов и адыгов является исторически засвидетельствованным фактом.

---

[1] Ср.: А. К. Шагиров. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962 (далее — Очерки); Г. А. Климов. Абхазско-адыгские этимологии, I (исконный фонд). — «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 296—306. Ниже приняты следующие сокращения: Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Сухуми, 1964 — Бзыбский диалект; Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965 — Адыгские элементы; Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956 — К вопросу; П. Чарая. Об отношении абхазского языка к яфетическим. — МЯЯ IV. СПб., 1912 — Об отношении; G. Dumézil. Caucasique du Nord-Ouest et parlers scythiques. — «Annali del Istituto Orientale di Napoli» V, 1963 — Caucasique; N. Troubetzkoy. Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional. — MSL 22, 1921 — Remarques; H. Vogt. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963 — Dictionnaire.

[2] Об абазинско-адыгском лексическом взаимодействии см.: K. Bouda. Das Abasinische, eine unbekannte abchasische Mundart. — ZDMG 94, 1940, стр. 15; К. В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944, стр. 208—215; Она же. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). Тбилиси, 1954, стр. 216 сл.; Г. П. Сердюченко. Словарные расхождения в диалектах абазинского языка (с параллелями из абхазского). — «Языки Северного Кавказа и Дагестана», вып. 2. М.—Л., 1949, стр. 5—38.

Как известно, период XVI—XVIII вв. характеризовался на северо-западном Кавказе культурно-экономической гегемонией Адыгеи и Кабарды, переживавших под эгидой Турции расцвет феодализма. Н. Ф. Яковлев отмечает, что, «заняв доминирующее экономическое и политическое положение, Кабарда своей экономикой, своим общественным строем, а также и формами культуры стимулировала разложение родового общества и развитие феодализма на всем Северном Кавказе» [3]. Характеризуя при рассмотрении адыгско-осетинских связей культурно-историческую ситуацию на Северном Кавказе той эпохи, В. И. Абаев отмечает, что «эпитет „кабардинский“ был в это время синонимом аристократической изысканности и комильфотности. . . Кухня кабардинского феодала была или казалась образцовой для его осетинских подражателей. . .» [4] Адыгские языки играли здесь роль, близкую к роли lingua franca, некоторые пережитки которой давали себя знать в этой части Кавказа еще в начале XIX в. Именно с этими хронологическими рамками естественно соотнести распространение целого слоя лексических адыгизмов на территориально смежные с адыгскими языки: убыхский, абхазский, балкарский, ногайский, осетинский, а отчасти и на сванский язык [5]. Через промежуточные звенья некоторые адыгизмы проникли в грузинский, занский (собственно, в мегрельский диалект), и в нахские языки.

Хотя отдельные абхазско-адыгские лексические параллели вторичного происхождения оказались зарегистрированными уже в некоторых старых работах, посвященных рассмотрению генетических проблем, и в частности в известной книге П. Чарая [6], начало изучению адыгизмов в собственно абхазских диалектах — бзыбском и абжуйском — связано в специальной литературе с именами А. К. Шагирова и Х. С. Бгажба [7].

Адыгские заимствования в абхазском языке охватывают весьма широкую, но тем не менее достаточно четко очерченную семантическую сферу, отражающую характерные стороны феодального общества на северо-западном Кавказе. Среди них — социальная терминология (№ 7, 26, 32), культовая номенклатура (№ 3, 20),

---

[3] Н. Ф. Яковлев. Языки и народы Кавказа. Тифлис, 1930, стр. 18.

[4] В. И. Абаев. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка. — ОЯФ I. М.—Л., 1949, стр. 88.

[5] Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы. . ., стр. 7—59; К адыгеизмам в сванском языке см.: С. Н. Джанашиа. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. Картвельско-адыгейские параллели. — «Изв. ИЯИМК» XII. Тбилиси, стр. 249—278 (на груз. яз.) и Г. В. Рогава. К вопросу. . ., стр. 129—130 (впрочем, по мнению автора, большая часть адыгеизмов проникла в сванский в глубокой древности — до начала нашей эры).

[6] П. Чарая. Об отношении. . ., стр. 18—54.

[7] А. К. Шагиров. Очерки. . ., стр. 55—57; Он же. К выявлению генетически общих элементов лексики абхазско-адыгских языков. — «Этимология». М., 1964, стр. 325—327; Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект. . ., стр. 238 и др.

хозяйственные термины (№ 4, 11, 15, 18, 21, 27, 28, 31, 36, 39, 41) с весьма характерной лексической группой — терминологией коневодства (№ 2, 14, 29) и др. Этим обстоятельством объясняется тот очевидный факт, что часть исторических адыгизмов относится в современном абхазском языке уже к архаизмам. Вполне закономерен и тот факт, что инвентарь адыгских заимствований в других смежных языках в значительной мере совпадает с приводимыми ниже [8]. Вместе с тем определенная часть рассматриваемого материала прочно вошла в основной лексический фонд словаря. Как, по-видимому, одним из первых отметил Х. С. Бгажба, особый слой заимствований из адыгского источника в абхазском языке составляют фамильные имена. По свидетельству последнего, в ряде случаев имена адыгейского происхождения стали архаическими: встречаются в речи стариков, в сказках и исторических преданиях[9].

Адыгское происхождение рассматриваемой категории абхазского словаря определяется по ее изолированности и, следовательно, немотивированности в последнем при довольно очевидной для большинства случаев этимологизации ее ингредиентов на адыгском материале. Иногда в основах вскрываются адыгские словообразовательные элементы (ср. № 1, 4, 10, 14, 21, 36, 39, 41). Наконец, некоторым ориентиром в этом отношении служит и семантическая сфера выявляемой лексической категории.

Показательно, что абхазские адыгизмы не обнаруживают фонетических закономерностей, характеризующих адыгские языки, как обычно полагают, лишь с начала XIX столетия (например, в них не аффрикатизуются палатализованные заднеязычные *гь*, *кь* и *кIь*, не подвергаются спирантизации старые аффрикаты *ч* и *чI*), что само по себе содержит указание на хронологию заимствования. По отражению в них старых адыгских преруптивных согласных видно, что усвоение чаще происходило из адыгейских диалектов, хотя облик отдельных лексем указывает и на кабардинский прототип (ср. № 7, 15, 19, 39). Приводимый ниже материал, естественно, не претендует на полноту и предполагает дальнейшую инвентаризацию соответствующих фактов.

* * *

1. Абхаз. *а-бзамыкъв* 'глупый, дурной' ~ адыгейск., каб. *бзэмыIу* 'иноязычный, косноязычный'. В адыг. языках имеет прозрачную структуру: *бзэ* 'язык'+*мы* 'не'+основа глагола *-Iуы-н* 'слышать, понимать', букв. 'языка не понимающий'. Для передачи адыг. *I* через абхаз. *къ* ср. № 32. Основа в виде *bżatə̇q̄°'* 'немой' налицо и в убыхском (Dictionnaire, 92).

2. Абхаз. *а-боу-ра* 'хлев' ~ адыгейск., каб. *бо* 'конюшня'. Основа в конечном счете не адыгского происхождения, но, учиты-

[8] В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 88; Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы. . ., стр. 10—52.

[9] Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект. . ., стр. 237—239.

вая ее севернокавказский «центр тяготения», должна была попасть в абхазский через адыгское посредство. Абхазская форма характеризуется суффиксом *-ра*, выдающим абхазский источник и для мегрел. *aboura*, *abuura* 'хлев'. П. Чарая (Об отношении, стр. 18) ошибочно признавал слово исконно абхазским.

3. Абхаз. *а-бгъа-ра* 'проклинать' ~ адыгейск., каб. *бгэ-н* то же (сопоставление А. К. Шагирова). Неясна структура основы и в адыгских языках.

4. Абхаз. *а-быкъв* 'столб, бревно' ~ адыгейск. *пкъэуы*, каб. *пIкъоу* то же. Адыг. формы производны от общеадыгского *пкъы* 'остов, кость', закономерно отвечающего абхаз.-абазин. *бгIвы*, *багIв* (ср. общеабхаз.-адыг. **pqa-* 'остов', 'кость').

5. Абхаз. *а-гвыбгъан* 'укор упрек' ~ адыгейск., каб. *губгъэн* 'неудовольствие, обида'. На адыгской почве строение основы также недостаточно ясное (*гуы* — 'сердце'). Основа в виде *g°əbγ'a-* вошла и в убыхский язык (Dictionnaire, 129).

6. Абхаз. *а-едыгь* 'адыгеец' ~ адыгейск., каб. *адыгэ* 'адыгеец, кабардинец'. Этноним является самоназванием адыгов. Для передачи адыгского фрикативного *г* заимствований абхазским *гь* см. № 22.

7. Абхаз. *а-тахьмада* 'старик, пожилой' ~ адыгейск. *тхьэматэ*, каб. *тхьэмадэ* 'свекор, отец мужа, председатель'. Один из адыгеизмов, широко распространенных по всему Кавказу. Абхазская, как и большинство других кавказских форм, ведет к кабардинскому источнику; напротив, убых. *txama:ta* 'старик, глава семьи' (Dictionnaire, 190) отражает адыгейский прототип. Несмотря на трудности объяснения срединного *м*, основа трактуется на адыгской почве (обычно привлекаются компоненты *тхьэ* 'бог' и *атэ*, *адэ* 'отец') [10].

8. Абхаз. *а-кIьарахъу* 'пистолет' ~ адыгейск., каб. *кIьэрахъуэ*, *чIэрахъуэ* то же (Очерки, 56). Убых. *k'ʼarax^{w}a* (Dictionnaire, 132) приобрело значение 'ружье'. В адыгских языках мотивируется глаголом *чIэрахъуэ-н* 'вращаться': в основу наименования предмета лег признак вращения его барабана.

9. Абхаз. *а-кIьаса* 'поздний' ~ адыгейск. *кIьас*, *чIас*, каб. *чIасэ*, *кIьасэ* то же (Очерки, 57). Внутреннюю форму сохраняет лишь в адыгских языках: *чIэ* 'конец, хвост'+*сэ-* — основа глагола 'сеять', букв. 'поздно посеянный'.

10. Абхаз. *а-кIьатIэй* 'кишка' ~ адыгейск. *кIьэтIый*, *чIэтIый*, каб. *кIьэтIий*, *чIэтIий* то же (Очерки, 56). В первом слоге распознается адыг. *чIэ* 'хвост', в исходе основы — адыг. словообразовательный аффикс.

---

[10] Л. Г. Лопатинский. Заметка. — СМОМПК, вып. XXII, отд. III. Тифлис, 1897, стр. 27; Г. В. Рогава. К этимологии адыгейского слова *тхьэ*. — ИКЯ, т. II (1948), стр. 48; А. К. Шагиров. Очерки. . ., стр. 4—5.

11. Абхаз. *а-кIьапа* 'курдюк, зад (овцы)' ~ адыгейск., каб. *кIьапэ*, *чIапэ* то же (Очерки, 56). В адыг. языках является ясным композитом: *чIэ* 'хвост'+*пэ* 'начало', букв. 'начало хвоста'.

12. Абхаз. *а-кIьачI* 'короткий' ~ адыгейск., каб. *кIьэчI*, *чIэчI* то же. В основе распознается адыг. *кIьэ*, *чIэ* 'хвост'.

13. Абхаз. *а-кIьачI* 'блуза, халат' ~ адыгейск., каб. *кIьэчI*, *чIэчI* то же. Очевидная семантическая деривация предшествующей основы.

14. Абхаз. *а-кIуар* 'иноходец' ~ адыгейск., каб. *кIуэр* то же. Является адыгским причастием на *-р* от основы глагола *кIуэ-н* 'идти'.

15. Абхаз. *а-кIуыстIгъа*, *а-кIуастIгъа*, *а-кIуасдгъа* 'головня' ~ адыгейск. *уэстыгъэ*, каб. *уэздыгъэ* 'головня, лампа' (сопоставление А. Х. Шагирова). Н. Трубецкой (Remarques, 248) ошибочно считал адыгскую основу иранским заимствованием. В ней распознается, однако, адыг. *тыгъэ* || каб. *дыгъэ* 'солнце' (ср. Caucasique, стр. 10—11) [11]. Отсюда производится адыгское название сосны: каб. *уэздыгъей*. Неясно начальное *кI* абхазских форм.

16. Абхаз. *а-нашˀа* (бзыб.) 'огурец' ~ адыгейск. *наш* 'дыня', каб. *нащэ* 'огурец'. Основа хотя и неадыгского, по-видимому, происхождения, ввиду северокавказского центра тяготения составляемой ей изоглоссы должна была попасть в абхазский через адыгское посредство. Отсюда идет и убых. *nāša* то же (Dictionnaire, 152). Сопоставление с груз. *nesw-* 'дыня' проблематично.

17. Абхаз. *а-жакIьа* 'борода' ~ адыгейск. *жакIьэ*, *жачIэ*, каб. *жъакIьэ*, *жъачIэ* то же (Очерки, 56). В убыхский вошло в виде *žāk'ʼ*a (Dictionnaire, 222). Мотивируется только на адыгском материале: *жэ* 'рот'+*чIэ* 'хвост, конец', т. е. 'конец рта'. Один из широко распространенных на Кавказе адыгеизмов (мегрел. *bžak̩e* 'борода' обязано посредству абхазского).

18. Абхаз. *а-тIыкъв* 'обух топора' ~ адыгейск. *тIыкв*, *тыкв*, каб. *тIыгв* то же. Строение основы неясно. К. В. Ломтатидзе, усматривая в начальном *тI* окаменелый экспонент грамматического класса вещей, допускает исконность основы и в абхазском [12].

19. Абхаз. *а-уадагIв(а)* 'тяжелый' ~ адыгейск. *уэнтэгъу*, каб. *уэндэгъу* 'тяжелый, беременная'. Внутренняя форма основы неясна и в адыгских языках. Абхазская форма ближе к кабардинской.

20. Абхаз. *а-уашˌхъва* — клятвенная формула ~ адыгейск., каб. *уашхъуэ* — клятвенная формула. На правах адыгеизма и убых.

---

[11] Ср. также: A. H. Kuipers. Phoneme and Morpheme in Kabardian. 's-Gravenhage, 1960, стр. 112.

[12] К. В. Ломтатидзе. К вопросу об окаменелых экспонентах грамматических классов в именных основах абхазского языка. — «Сообщения АН Груз. ССР», т. XXVI, № I. Тбилиси, 1961, стр. 119.

wašx°a — клятвенная формула 'Бог' (Dictionnaire, 201). Мотивируется только на адыгской почве: *уа* 'небо'+*шхъуэ* 'синее, голубое'. Г. Деетерс, справедливо возражая Р. Блейхштейнеру, Ю. Месарошу, В. Георгиеву и др., указывает на несопоставимость абхазско-адыгских форм с протохеттским *wašhab* 'бог' [13].

21. Абхаз. *а-ура* 'молот' ~ адыгейск., каб. *ур* 'молот (деревянный)'. Является адыгским причастием на *-р* от основы глагола *уы-н* 'бить, колотить'. Можно было бы думать о картвельском источнике основы, если бы для одиноко стоящего груз. *uro* 'молот' в свою очередь не предполагался адыгский прототип [14].

22. Абхаз. *а-пагьа* 'гордый, высокомерный' ~ адыгейск., каб. *пагэ* то же (Очерки, 57). Убых. *paǧa* той же семантики (Dictionnaire, 156) также адыгеизм. В адыгских языках основа членится: *пэ* 'нос' + *гэ* 'длинный'.

23. Абхаз. *а-паса* 'ранний' ~ адыгейск., каб. *пасэ* то же (Очерки, 57). Трактуется как адыгское сложение: *пэ* 'нос, начало'+основа глагола *сэ-н* 'сеять', т. е. 'в начале посеянное'.

24. Абхаз. *а-пача* 'вожак (в стаде)' ~ адыгейск. *пач*, *пащ*, каб. *пашэ* 'вожак (в стаде), вождь'. Этимологизуется на адыгской почве: *пэ* 'нос, начало'+основа глагола *шэ-н* 'вести', т. е. 'вперед ведущий'. Убых. *pač'a* 'начальник' (Dictionnaire, 156), видимо, контаминация адыгеизма с турецким *paša*.

25. Абхаз. *а-псапа* 'благодать' ~ адыгейск., каб. *псапэ* 'благодеяние'. В виде *psāpa* 'заслуга, достоинство' (Dictionnaire, 158) основа вошла и в убыхский язык. Является адыгским сложением, состоящим из *пса* 'душа' и, как полагает А. К. Шагиров, основы глагола *пэ-н* 'жаждать' (ср. адыгейск. *мапэ* 'он жаждет').

26. Абхаз. *а-пча* 'господин' ~ адыгейск. *пшъы*, каб. *пщы* 'хозяин дома, князь'. Н. Трубецкой (Remarques, 248) ошибочно сближал адыгские формы с абхаз. *а-пшвма* 'хозяин', являющимся несомненным аланизмом [15].

27. Абхаз. *а-пхъахIв* 'напильник' ~ адыгейск. *пхъахъу*, каб. *пхъахъуэ* то же. В убыхский язык адыгеизм вошел в форме *pxax°a* то же (Dictionnaire, 161). Является адыгским композитом: *пхъа* 'дерево'+основа глагола *хъуэ-н* 'тереть'.

28. Абхаз. *а-кьал* 'шалаш' ~ адыгейск., каб. *кьэл*, *чэл* то же. Очевидна деривационная связь основы с адыг. *кьэ*, *чэ* 'хворост'. Из адыгского же источника идет и сван. *köl*, *kel* 'шалаш'.

29. Абхаз. *а-кьакуа* 'жеребец' ~ адыгейск., каб. *хакIуэ* то же (Очерки, 57). Для передачи адыгского *х* абхазским *кь* ср. № 30.

30. Абхаз. *а-кьиа* 'честный, праведный' ~ адыгейск., *хиа*, каб. *хей* 'невинный' (сопоставление А. К. Шагирова). Строение

---

[13] G. Deeters. Die kaukasischen Sprachen. Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung, Bd. VII. Leiden—Köln, 1963, стр. 76—77.

[14] Г. В. Рогава. К вопросу, стр. 109.

[15] Абаев I, стр. 502.

основы неясно и в адыгских языках. Абхазская форма ближе к адыгейской.

31. Абхаз. *а-клапад* 'чулок' ~ адыгейск., каб. *лъэпэд* то же (Очерки, 56). Этимологизуется только на адыгской почве: *лъапэ* 'передняя часть ноги'+основа глагола *дэ-н* 'шить'. Отсутствующий в абхазском латеральный *лъ* передан в абхазском акустически близким сочетанием *кл*.

32. Абхаз. *а-къаза* 'мастер' ~ адыгейск., каб. *Iэзэ* 'знахарь мастер'. В убыхский вошло в форме *q'aza* (Dictionnaire, 168). Основа представляет собой адыгское сложение: *Iэ* 'рука'+основа глагола *гъэ-зэ-н* 'вращать, вертеть'.

33. Абхаз. *а-р-чъхъуа-ра* 'хвалить' ~ адыгейск. *щытхъуы-н*, каб. *шъытхъуы-н* то же. Адыгеизм налицо и в убых. *šatx^{w}a-* то же (Dictionnaire, 185). Абхазская форма утратила в комплексе согласных *т*. Несмотря на очевидную членимость адыгской основы на две составляющих, ее конкретное строение остается неясным.

34. Абхаз. *а-ча-хIалуажу* 'вареник' ~ адыгейск. *хьалыжъу*, каб. *хьэлывэ* ватрушка' (Бзыбский диалект, 31). Адыгская форма является сложением *хьалы* 'чурек' (ср. № 40) и основы глагола *жъуэ-н* 'вариться'. Абхазская основа ближе к адыгейской. Ей предпослано абхаз. *ча* 'еда, хлеб'.

35. Абхаз. *а-чIан* 'наследство' ~ адыгейск. *чIэн(ы)*, каб. *шIъэйын* то же. Адыгские формы увязываются с глаголом *къищIъэнын* 'остаться, оставить после смерти'.

36. Абхаз. *а-чIыркIуа* 'земляная груша' ~ адыгейск. *чIъырыкIу*, каб. *шIъырыкIуэ* то же. В убыхский язык вошло в форме *č'’ərk’^{w}a* (Dictionnaire, 110). В начале основы распознается адыг. *чIъы* || *шIъы* 'земля'. Выдает себя и адыгский «соединительный» аффикс *-р-*.

37. Абхаз. *а-чIыхъва* 'синий' ~ адыгейск. *кIыфы*, *чIыфы* 'бледный', каб. *шIыху* 'синий, бледный' (Адыгские элементы, 52).

38. Абхаз. *а-хъушв* 'лекарство' ~ адыгейск., *фышхъо*, каб. *хущхъуэ*, *хъущхъуэ* то же (Адыгские элементы, 51). Адыговеды усматривают в основе компонент *щхъуэ* 'серый, зеленый'.

39. Абхаз. *а-джъыр* 'сталь' ~ адыгейск. *чъыр*, каб. *жыр* то же (сопоставление А. К. Шагирова). Трактуется в адыгских языках как причастие на *-р* (ср. № 14, 21) от основы глагола *чъы-н* || *жы-н* 'застывать сковываться'.

40. Абхаз. *а-хьалуа* 'чурек' ~ адыгейск. *хьалыу*, каб. *хьэлу* то же. Хотя основа в конечном счете, по-видимому, неадыгского происхождения, ее широкие деривационные возможности в адыгских языках говорят в пользу адыгского источника для абхазского слова.

41. Абхаз. *а-хьачIащ*, *а-хьачIыщ* 'кунацкая' ~ адыгейск. *хьачIэщ*, каб. *хьэщIэщ* то же. Адыгские формы имеют ясную словообразовательную структуру: ср. каб. *хьэщIэ* 'гость'+аффикс *-щ*, образующий названия помещений.

Б. А. Серебренников

ОБ УРАЛЬСКОЙ ЛЕКСИКЕ ВОСТОЧНОГО АРЕАЛА

Лексика уральских языков изучалась главным образом в двух планах — в плане выяснения общеуральского лексического фонда в современных уральских языках и в плане изучения лексических заимствований каким-либо одним уральским языком из другого уральского языка, например заимствований в хантыйском языке из языка коми, заимствований из прибалтийско-финских языков в языке коми и т. д.

Следует, однако, отметить, что до сих пор слишком мало внимания уделялось распределению лексики уральских языков по отдельным ареалам, хотя такое распределение, несомненно, существует как вполне объективный факт. Например, финское слово *järvi* 'озеро' имеет параллели только в прибалтийско-финских, саамском, марийском и мордовских языках. В уральских языках восточного ареала (пермские, обско-угорские, ненецкий) это слово не имеет параллелей. Коми-зыр. *гы* 'волна' имеет параллели в пермских языках, венгерском и ненецком, но не имеет параллелей в саамском, прибалтийско-финских, марийском и мордовских языках.

Поскольку венгерский язык некогда находился в зоне распространения пермских и обско-угорских языков, специфические слова восточного ареала могут иметь параллели и в венгерском языке.

Полное выявление специфической лексики восточного ареала является задачей специального исследования. Ниже приводится небольшой перечень слов, этимологические связи которых ограничены восточным ареалом. Многие из приводимых этимологий нами устанавливаются впервые. Этимологии, уже установленные ранее другими авторами, будут отмечены особо.

Коми-зыр. *шӧр* (*šor*) 'середина, средняя часть чего-либо', удм. *šor* 'середина'. Может быть сопоставлено с манс. *сори* 'седловина (между двумя вершинами гор)', 'лесная перемычка между двумя болотами'. Ю.-манс. *са̊р*, *шäр* (Бал. 106).

Коми-зыр. *šor* 'ручей', удм. *šur* 'река', манс. *tōr* (< **sōr*) 'озеро', хант. *tor*, *þår* 'озеро, заливной луг', венг. *ár* 'поток' (Coll. 3).

Коми-зыр. *öгыр* (*ōgyr*) 'жар, горящий уголь, горящие уголья', *öгравны* 'быть раскаленным, гореть без пламени (об углях)', ср. манс. *выгыр* (*wi̯γər*) 'красный'. Некоторые исследователи, например Бела Кальман, связывают мансийское слово *выгыр* 'красный' с венг. *vér* и фин. *veri* 'кровь' (Vog. Chrest., 133), но, по нашему мнению, эта связь маловероятна.

Манс. *ватункве* 'собирать ягоды', коми-зыр. *вотны* 'собирать ягоды', хант. *вот* 'ягоды', ненецк. *нгодя* (*ŋod'a*). Начальное *ŋ* перед гласными в ненецком языке часто является паразитическим согласным, ср. ненецк. *ŋylna* 'под', фин. *alla* 'под' (из *al-na*).

Коми-зыр. *шы* 'звук', ненецк. *сё* 'голос'.

Хант. *хус* 'звезда', др.-манс. *хос*, ср. манс. *хос вой* 'муравей', коми-зыр. *ко-дз-ув*, диал. *кодз-ул*, удм. *киз-или* 'звезда', где *-ув*, *-ул* и *-или* являются уменьшительными суффиксами, венг. *hugy* 'звезда' (Rech., 104).

Коми-зыр. *кывтны*, диал. *кылтны* 'плыть по течению', ненецк. *ху''лась* 'поплыть (по течению)' (Тер. II, 788).

Коми-зыр. *катны* 'плыть против течения', ненецк. *хăтăсь* 'плыть', 'держаться на поверхности' (Тер. II, 758).

Коми-зыр. *сьöк-ыд*, удм. *сек-ыт* 'тяжелый', ненецк. *сăӈговота* 'тяжелый'.

Коми-зыр. *йир* 'омут', ненецк. *ëр* (*jor*) 'глубина' (Тер. II, 123).

Коми-зыр. *кыр* 'черный дятел, желна' (КРС, 358), удм. *кыр* 'дятел' (Пер., 167), манс. *кар* 'черный дятел' (Бал., 34).

Коми-зыр. ижемск. *кез* 'ивовая заросль, ивняк' (ССКД, 151), манс. *хас* 'тальник' (Бал., 135).

Коми-зыр. *яг* 'сосновый лес, сосновый бор, сосняк' (КРС, 819), удм. *яг* 'бор', хант. *юх* (*jux*), манс. *йив* 'дерево'. Возможно, что с этими словами также связано горно-марийск. *йӓк-ты* 'сосна' (Rech., 116). Б. Коллиндер очень нерешительно (под знаком вопроса) сопоставляет манс. *jiw* и хант. *jug*, *juh* с ненецк. *jie* 'ель', селькуп. *t'üü*, камас. *t'öö* (Coll., 18). Однако более очевидной нам представляется связь этих слов с пермским *яг* 'бор'.

Ненецк. *сэдась* 'сшить, зашить, пришить' (Тер. I, 166), манс. *сэтап* 'нитки'.

Манс. *манюмтаӈкве* 'обернуть, завернуть во что-нибудь' (Бал. 52), ненецк. *манаць* 'смотать в клубок, намотать' (Тер. II, 226).

Коми-зыр. *лэб-ны*, удм. *лобаны* 'летать', ненецк. *лабась* 'колыхаться, развеваться, трепетать от ветра' (Тер. II, 158).

Ненецк. *сэври* 'сельдь' (Тер. I, 166), манс. *симри* 'окунь' (Бал., 130). Ненецкое *в* может отражать *м*, ср. ненецк. *сяв* 'чешуя рыбы', манс. *сāм*, коми-зыр. *сьöм* 'чешуя рыбы'.

Удм. *кыч* 'петля' ('ловушка для дичи') (УРС, 168), манс. *кас* 'сеть', 'ловушка (на соболя)' (Бал., 34).

Коми-зыр. *зӧм* 'крутой', *зӧм* 'берег', 'крутой берег' (ССКД, 131), ср. манс. *сума* 'гора на берегу реки' (Бал., 108), хант. *шома* 'крутой, обрывистый'.

Коми-зыр. *сьӧла* 'рябчик', удм. *сяла*, ю.-манс. *щул'э* 'рябчик' (Бал., 37), ср. башк. *сел* 'рябчик'.

Коми-зыр. *кым-ынь* 'ничком', удм. *ким-ин*, манс. *хом-и* 'ничком' (Бал., 137), мар. *кум-ык* 'ничком'.

Коми-зыр. *нӧрыс* 'возвышенность, холм', манс. *нёр* 'гора', *Нёр* — название Урала.

Ненецк. *нядась* 'добавить', 'помочь', манс. *нётуӈкве* 'помочь', 'прибавить' (Бал., 62).

Коми-зыр. *ńia* 'лиственница', манс. *ńih*, *ńaaŋ*, хант. *ńäŋk* (Coll., 102).

Ненецк. *сэр* 'лед', манс. *сари* 'лед, оставшийся на берегу реки после половодья' (Бал., 100).

Коми-зыр. *ты* 'озеро', удм. *ты*, ненецк. *то*, хант. *тов*, венг. *tó* ~ *tava-* (Coll., 62).

Удм. *кыпы* 'колода, коряга', манс. *хап*, хант. *хап* 'лодка', венг. *hajó* 'корабль, судно'. Коллиндер устанавливает связь между этими словами под знаком вопроса (Coll., 93), хотя она весьма вероятна.

Коми-зыр. *малавны* 'щупать', манс. *малалаӈкве* 'пощупать, нащупать'.

Коми-зыр. *керӧс* 'возвышенность, гора, иногда покрытая лесом', манс. *керас*, ю.-манс. *керэс*, *керэщ* 'утес, скала' (Бал., 36), хант. *карысь* 'высокий'.

Коми-зыр. *пас* 'знак, отметка', ненецк. *падась* 'написать', *падвы* 'пестрый'; ненецк. *d* может отражать первоначальное *s*, ср. ненецк. *хады* 'ель', фин. *kuusi* 'ель'.

Коми-зыр. *паун* (вымский и удорский диалекты) и *паум* (удорский говор) 'лесной луг, открытое место в лесу, заросшее редким березняком, можжевельником' (ССКД, 277). Это слово может быть сопоставлено с манс. *пум* 'трава, сено'.

Коми-зыр. *зэр*, удм. *зор* 'дождь', ср. ненецк. *сарё* 'дождь' (Тер. I, 154).

Сев.-манс. *каюӈкве*, ю.-манс. *кäйэх*, *кäйх* 'выслеживать', коми-зыр. *кый-ны* 'ловить, охотиться'.

Коми-зыр. *тiль* 'болотистое место с низкорослым сосняком, густые заросли сосняка, густой молодой хвойный лес' (КРС, 675), удм. *тэль* 'лес', сев. диал. 'мелкий лес, поросль, подлесок'. Можно сопоставить с манс. *тал-ква* 'низкий', *талква ма* 'низина, низ' (Бал., 115).

Ненецк. *лабадась* 'отколоть, отломить, обвалить, обрушить', ср. манс. *лупи* 'коряга'.

Коми-зыр. *тыр* 'полный', *тырны* 'наполнить', удм. *тыр* 'полный', *тырмыны* 'наполниться', ср. ненецк. *тер* 'содержимое (чего-л.)', *тердесь* 'наполнить, заполнить' (Тер. I, 186). Коллиндер

сопоставляет коми-зыр. *tyr* 'полный' только с селькуп. *tiir* 'полный'. Под знаком вопроса он связывает эти слова с фин. *tyrtty-* 'быть пресыщенным' (Coll., 64). Эта связь очень сомнительна.

Коми-зыр. *йӧкт-ыны* 'плясать, танцевать', манс. *йикв* 'танец, пляска', *йиквӯӈкве* 'плясать' (Бал., 32).

Коми-зыр. *кӧдз-ыд*, удм. *кезь-ыт* 'холодный', ненецк. *хӑнзо* 'прохладный', *хӑнз-умзь* 'стать прохладным'.

Т. Уотила (Syr. Chr., 39) связывает коми-зыр. *кӧдзыд* и удм. *кезьыт* 'холодно' с марийским глаголом *kižet* 'мерзнуть'. Однако утрата первоначального *н* в пермских языках также возможна, ср. манс. *унс* 'нельма', но коми-зыр. *удж* 'нельма'.

Коми-зыр. *гы* 'волна', *гыб-авны* 'плескаться (о рыбе)', ненецк. *хамба* (*hamba*) 'волна', манс. *хумп* 'волна', хант. *хумп* 'волна', венг. *hab* 'пена' (Syr. Chr., 79).

Коми-зыр. *чери* 'рыба', диал. *чериг*, удм. *чорыг* 'рыба', ср. хант. *s̬arəx*, манс. *sorex* 'сырок' (название рыбы), латинское ее наименование Coregonus vimba (Syr. Chr., 166).

Коми-зыр. *чарӧм* 'наст', ср. ненецк. *сэ̂рома* 'обледенение', *сэ̂ромзь* 'оледенеть, обледенеть, заледенеть, покрыться ледяной коркой' (Тер. II, 585).

Ненецк. *пэдара* 'лес', манс. *питар* 'опушка леса' (Бал., 82).

Ненецк. *нум* 'небо', манс. *нуми* 'верхний', хант. *нум* 'верхний', 'верх', 'юг'. Б. Коллиндер связывает эти слова также с камас. *пит* 'небо' и селькуп. *пот*, *пор*, *пир* 'бог' (Coll., 42).

Коми-зыр. *каля* (*kal'a*) 'чайка', манс. *халэв*, ненецк. *халэв*, хант. *халэв* (Rech. 92) [1].

Коми-зыр. *дарга* 'ёрш', манс. *тарка*, *тӓ°рэй*, *тӓ°ри* 'ёрш' (Бал., 117).

Коми-зыр. *sus* (*pu*) 'кедр', удм. *susy-pu*, манс. *tyyt*, *teet*, хант. васьюг. *jygəl*, вах. *lygəl*, южн. *tegət*, ненецк. *tydõ'*, селькуп. *tyty*, камас. *teedeŋ* (произв.) 'кедр' (Coll., 58).

Коми-зыр. *шоль* 'талый зернистый весенний снег' (КРС, 776), манс. *соль* 'иней' (Бал. 106).

Сев.-манс. *туюŋкве* 'толкать', коми-зыр. *тойлыны* 'толкать'.

Коми-зыр. *тірны* 'дрожать', *тіркӧдны* 'трясти', манс. *торгуӈкве*, ю.-манс. *торйэх* 'трястись, дрожать'.

Манс. *янас*, *янасыг* 'врозь, отдельно', коми-зыр. *янас* 'отдельно, раздельно', *янсӧдны* 'разлучать', ненецк. *янга* 'отдельно', *ягась* 'быть отдельным'.

Коми-зыр. *ныж* 'тупой', манс. *няс* 'тупой'.

Коми-зыр. *ланьтны* 'затихать, утихнуть', ненецк. *ла''нась* 'приутихнуть, стихнуть' (например, о ветре), перен. 'утихнуть, успокоиться' (Тер. II, 183).

---

[1] Здесь О. Соважо пытается сопоставить эти слова с фольклорным фин. *kaleva* 'чайка'; связь маловероятна.

Коми-зыр. *нюжавны* 'тянуться, вытягиваться', удм. *нюжаны* 'вытянуться', ненецк. *нюдерць* 'тащить за собой, волочить' (Тер. II, 328).

Коми-зыр. *кола* 'шалаш, лесная избушка', манс. *кол* 'дом'. Б. Коллиндер пытается связать коми-зыр. *кола* с группой слов типа фин. *koti* 'дом', саам. *goatte goađe-* 'палатка', морд. *kudo* 'дом', мар. *кудо* 'дом' и удм. *kwa*, *kwala* 'летний шалаш' (Coll., 130, 131). Скорее всего, коми-зыр. *кола* и манс. *кол* связаны с эвенк. *гулэ* 'дом'.

Ненецк. *мора* 'рог оленя (весенний, незатвердевший)', манс. *мура* 'рог молодого оленя'.

Ненецк. *неро* 'ивняк, тальник' (Тер. II, 303), хант. *нёрси* 'ивняк'.

Коми-зыр. *серти* (*sert'i*) 'по, согласно чему-либо'. Послелог *серти* представляет форму пролатива от ныне исчезнувшего слова *śer* 'способ'. Ср. манс. *сир* 'способ', ненецк. *сер'* 'дело', венг. *szer* 'средство, способ', мар. *сыр*, *шыр* 'характер' (Coll., 137). Сопоставление Б. Коллиндером этой группы слов с саам. *caeŕda* 'вид, сорт' нам не представляется удачным.

Ненецк. *са'ма* 'сила, храбрость', хант. *сём* (*śom*) 'сила, мощь', манс. *сём* 'сила', *сёмтал* 'бессильный, слабый', коми-зыр. *сям* 'характер, нрав, умение, толк', удм. *сям* 1) 'характер', 2) 'привычка, обряд' (УРС, 280).

Манс. *соим*, *союм* 'ручей', ср. также сев.-манс. *хулюм*, ю.-манс. *хулэм*, *хул'м*, *хол'м*, *хол'эм* 'речка нерестовая' [2] (Бал., 143). Элемент *им*, *ум*, *эм* широко распространен в гидронимике среднего течения Оби, а также в гидронимике Верхнего Прикамья, Кировской области и Коми АССР, ср. названия рек типа *Пелым*, *Висим*, *Локчим*, *Нювчим*, *Кажим*, *Уктым* и т. п.

Ненецк. *еңа* 'ручей, маленькая речка, протекающая по населенному пункту' (Тер. II, 101), ср. многочисленные гидронимы с исходом *-еньга* типа *Яреньга*, *Паденьга*, *Пеженьга*, *Ваденьга*, *Коченьга*, *Циленьга* и т. п.

Коми-зыр. и удм. *кар* 'город'. Слово отражается также в топонимических названиях типа *Сыктывкар*, *Кудмыкар*, *Ижкар* (старое удмуртское название Ижевска).

О. Соважо пытается связать это слово с нан. *korre* 'стена' и бурят. *xüŕē*, *küŕē* 'двор' (Rech., 89). Не исключена возможность влияния какого-то неизвестного индоевропейского языка, ср. брет. *kêr* 'город'.

Слово *kap* 'город' существовало также в древнечувашском языке, ср. чуваш. *Шупашкар* 'Чебоксары'.

Восточноуральская ареальная лексика обладает одной интересной особенностью. Многие из вышеперечисленных ареальных слов могут быть связаны с лексикой алтайских языков,

---

[2] Первый элемент *хул'* в слове *хулюм* означает 'рыба'.

лексикой тунгусо-маньчжурских, тюркских и монгольских языков. Это свидетельствует о том, что эти два языковых мира в глубокой древности не были абсолютно изолированными.

Сокращения

Бал. — А. Н. Баландин и М. П. Вахрушева. Мансийско-русский словарь. Л., 1958.

КРС — Коми-русский словарь. М., 1961.

ССКД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Тер I — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. Л., 1955.

Тер II — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

УРС — Удмуртско-русский словарь. М., 1942.

Coll. — B. Collinder. Finno-Ugric Vocabulary. An etimological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955.

Rech. — A. Sauvageot. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Paris, 1930.

Syr. Chr. — T. E. Uotila. Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

Vog. Chr. — B. Kálmán. Vogul chrestomatie. Hague, 1965.

Б. А. Серебренников

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ ЛОДКИ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Лодка как средство передвижения, охотничьего и рыболовного промысла с незапамятных времен играла огромную роль в жизни народов лесной северной зоны. Тем не менее у уральских народов нет общего названия лодки.

Отличительной особенностью некоторых названий лодки в уральских языках является их ареальное распространение. Близкородственные языки могут иметь общее название лодки. Рассмотрим несколько таких ареальных названий.

Фин. *vene*, карел. *veneh*, вепсск. *veneh*, вотск. *venē*, эст. *vene*, ливск. *ven*, саам. *vanas* или *fanas*[1], эрзя и мокша-морд. *venč* 'лодка'.

Фин. *vene* и всю группу родственных ему слов в прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках можно, по нашему мнению, связать с финским глаголом *venyä* 'растягиваться', *venyttää* 'растягивать', ср. нен. *вэнй-ць* 'протянуть, растянуть, вытянуть', эрзя-мокша *v́eńeḿems*, мокша-морд. *v́eńeḿəms* 'растянуться'.

Такая связь, по-видимому, отражает какие-то особенности изготовления лодок в ту отдаленную эпоху, когда не было известно изготовление досок путем распиливания бревен. Какие-то части ствола дерева, а может быть, и весь ствол, растягивались и расширялись посредством вставки различных распорок и клиньев, а также путем распаривания над огнем.

Вост.-мар. *puš*. горно-мар. *pəš*, коми-зыр. *pi̮ž*. удм. *pi̮ž* 'лодка'.

Следует заметить, что слово *pi̮z* распространено в группе близкородственных пермских языков и в соседящем с ними марийском языке. Этимология этого слова неясна. Возможна его связь с удмуртским глаголом *пыжаны* 'жарить, зажарить, загореть'. Изготовлению лодок в древнее время мог предшествовать процесс выжигания полости лодки в стволе какого-нибудь очень толстого дерева.

---

[1] T. Lehtisalo. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936, стр. 222, 223, 224.

С другой стороны, в мансийском языке есть слово *посум* 'корма лодки', содержащее элемент *пос*, который мог обозначать лодку, а также глагол *посункве* 'мокнуть'.

Связь с удмуртским глаголом *пыжаны* нам представляется более вероятной.

Манс. *hap* 'лодка', хант. *hop*, венг. *hajó* 'корабль'.

Б. Коллиндер связывает эти слова с удмуртским словом *кыпы* 'колода' [2]. Такая связь кажется весьма вероятной.

Любопытно, что все вышеприведенные этимологии дают представление об изготовлении лодок из цельных стволов деревьев.

Ненецк. *ŋano* 'лодка', камас *ńi* то же.

Эти слова этимологически можно связать с манс. *ani* (сосьвинский диалект) и *ån*, *än* (кондинский диалект), означающим 'чашка'. Ср. также хант. *an* 'чашка'.

Начальный *ŋ* в ненецком языке часто имеет характер протетического согласного.

---

[2] B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955, стр. 93.

В. М. Иллич-Свитыч

СООТВЕТСТВИЯ СМЫЧНЫХ В НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ

Вводные замечания. Ностратическими языками мы называем, вслед за Хольгером Педерсеном [1], ряд больших языковых семей Старого Света, связанных между собой отдаленным языковым родством. Реальное исследование этого родства возможно лишь на уровне реконструированных праязыков соответствующих групп. Недавний быстрый подъем отдельных отраслей компаративистики позволяет сейчас оперировать достаточно надежными реконструкциями нескольких праязыков.

В работе проводится сравнение достаточно надежно восстанавливаемых праязыков шести больших языковых семей Старого Света — алтайской, уральской, дравидской, индоевропейской, картвельской и семитохамитской [2]. Сходства, обнаруживаемые между этими языковыми группами (при анализе на уровне праязыков), недвусмысленно указывают на языковое родство [3]. Их количество и регулярный характер позволяют приступить к построению сравнительной фонетики.

Ниже предлагается раздел подобного опыта сравнительной фонетики, посвященный соответствиям смычных. Процедура реконструкции обычна: на основании собранных этимологий выделяются регулярные ряды фонетических соответствий, т. е. регулярные серии рефлексов восстанавливаемых протофонем. Таким образом устанавливается исходный состав фонем дентального, велярного, поствелярного и лабиального рядов смычных.

[1] H. Pedersen. Türkische Lautgesetze. — ZDMG, Bd 57, 1903, стр. 560.

[2] Естественно, степень надежности реконструкции упомянутых шести праязыков различна. В частности, еще многое предстоит сделать для завершения построения протосистем семитохамитских и алтайских языков. Тем не менее основные черты даже этих двух протосистем восстанавливаются достаточно четко (это, в частности, касается систем консонантизма, интересующих нас в предлагаемой статье). Мы не можем разделить скептицизм некоторых ученых, вообще отрицающих существование алтайского праязыка; количество и регулярный характер алтайских соответствий, собранных в сравнительных грамматиках Г. Рамстедта и Н. Поппе, достаточно убедительно свидетельствуют против подобной точки зрения.

[3] Имеем в виду сходства образований, не относящихся к кругу «культурной лексики» (распространяющейся обычно путем заимствования) и не имеющих дескриптивного характера (звукоподражательные и звукосимволические образования).

Рефлексация каждой протофонемы рассматривается в двух основных позициях: а) в начальной позиции и б) в неначальной позиции между гласными (мы имеем в виду гласные первого и второго слога исходного двусложного корня). Рефлексы смычных в неначальной позиции в соседстве с согласным здесь не разбираются, так как случаи такого рода удобнее рассматривать в разделе о сочетаниях согласных. Основной части работы предпослано краткое описание систем смычных и примыкающих к ним спирантов сравниваемых языков (т. е. упомянутых выше праязыков). В заключительном разделе рассматриваются аномальные случаи, дается реконструкция исходной системы смычных, восстанавливается ее структура и эволюция в отдельных языках [4].

СИСТЕМЫ СМЫЧНЫХ СРАВНИВАЕМЫХ ЯЗЫКОВ

Алтайская система смычных характеризуется троичным противопоставлением по характеру смычки. Одна из возможных интерпретаций этого противопоставления: глухие сильные—глухие слабые—звонкие. Это противопоставление обнаруживается в дентальном и велярном ряду в позиции начала слова; оно частично нейтрализовано в неначальной позиции, где невозможны глухие сильные. В лабиальном ряду глухой сильный возможен лишь в начальной позиции, а глухой слабый — только в неначальной позиции, так что их можно рассматривать как аллофоны одной фонемы.

	Лабиальные	Дентальные	Велярные
Глухие сильные	p'-	t'-	k'-
Глухие слабые	-p-	t	k
Звонкие	b	d	g

[4] Принятые в работе обозначения: x-, -x- и -x — начальная, неначальная и конечная позиция фонемы (аллофона); Ø — нуль звука; : перед знаком согласного (или Ø) — удлинение предшествующего гласного; /\ — гласный неизвестного качества. Сокращения см. в работе «Материалы к сравнительному словарю ностратических языков» («Этимология. 1965»).

При реконструкции праформ мы ограничивались их минимальной документацией; приводимый минимум форм из конкретных языков, однако, достаточен для мотивировки фонетической и семантической реконструкции. При ссылках на литературу (указываются лишь работы, где материал представлен наиболее полно) отсылка *см.* указывает, что наша реконструкция в основном совпадает с реконструкцией источника; *ср.* указывает на трактовку, несколько отличную от трактовки источника (различия в фонетической или семантической реконструкции, в объеме материала, относимого к корню и т. п.). Работы, в которых сопоставляется соответствующий материал разных языковых групп, указаны в «Материалах к сравнительному словарю ностратических языков».

Репрезентация алтайских смычных по языкам[5]

Алт.	Тунгусо-маньчжурские			Монгольские	Тюркские			Кор.
	эвенк.	нан.	манчьж.	монг. письмен.	тур.	тув.	др.-тюрк.	
*p'-	h-	p-	f-	Ø-	Ø-	Ø-	Ø-	p-
*-p-	-w-, -p-	-Ø-, -p-	-Ø-, -f-	-g-, -g-, -b-	-p-, -b-	-v-	-p-	-ph-
*b	b- -w-	b- -Ø-	b	b	b-, p- -v-	b-, p- -v-	b	p- -b-, -w-
*t'-	t-	t-, c-	t-, c-	t-, č-	t-, d-	t-, d-	t-	t-
*t	d	d, ʒ	d, ʒ	d-, ǯ- -t-, -č-	d- -t-, -d-	d	t	t- -th-
*d	d	d, ʒ	d, ʒ	d, ǯ	y	č- -d-	j- -δ-	t- -d-
*k'-	Ø-	x-	Ø-	k-, q-	k-, g-	x-, k-	k-, q-	k-
*k	k	k- -Ø-	k	k, q	g- -k-, -ğ-	k- -g-	k, q	k- -kh-
*g	g	g- -Ø-, -w-, -j-	g- -Ø-, -w-, -j-	g, g	k-, g- -ğ-	x-, k- -g-	k-, q- -g-, -g-	k- -g-

[5] См. подробнее соответствующие разделы сравнительных грамматик: Ram., Poppe, Цинц., Benzing, Poppe Mong., Räsänen Mat. Обоснование реконструкции троичного противопоставления в дентальном и велярном ряду см.: В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t*, *d*, *δ*. — ВЯ, 1963, № 6, стр, 37—56; Он же. Алтайские гуттуральные: **k'*, **k*, **g*. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 338—343.

Для уральского троичное противопоставление по характеру смычки восстанавливается в неначальной позиции между гласными. Здесь в велярном, дентальном и лабиальном рядах противопоставлены серии геминированных глухих, простых глухих смычных и звонких спирантов (лабиальный звонкий спирант *-β- совпал с сонантом **w*, возможным и в начальной позиции); таким образом, спиранты непосредственно примыкают к системе смычных. В позиции начала слова это противопоставление полностью нейтрализовано: здесь допустимы лишь простые глухие смычные.

	Лабиальные	Дентальные	Велярные
Глухие геминаты	-pp-	-tt-	-kk-
Глухие простые	p	t	k
Звонкие спиранты	(-w-)<*-β-	-δ-	-γ-

Репрезентация по языкам [6]

Урал.	Прибалт.-фин.	Саам.	Морд.	Мар.	Перм.	Угорск.	Самодийск.
	фин.	норв. диал.			коми	венг.	селькуп. натск.-пумп.
*-pp-	-pp-∼-p-	-p'p-∼-pp-	-p-	-w-, -p-	-p-	-p-	-pp-∼-p-
*p	p- -p-∼-v-	b- -pp-∼-b-	p- -v-	p- -w-, -Ø-	p-, b- -Ø-	f- -v-	p- -pp-∼-p-
*-w-	-v-	-vv-∼-v-	-v-	-Ø-	-Ø-	-v-, -Ø-	-Ø-
*-tt-	-tt-∼-t-	-t't-∼-tt-	-t-	-t-	-t-	-t-	-tt-∼-t-
*t	t- -t-∼-d-	d- -tt-∼-đ-	t- -d-	t- -δ-	t-, d- -Ø-	t- -z-	t- -tt-∼t-
*-δ-	-t-∼-d-	-đđ-∼-đ-	-d-	-Ø-	-l-, -Ø-	-l-	-r-, -t-
*-kk-	-kk-∼-k-	-k'k-∼-kk-	-k-	-k-	-k-	-k-	-kk-∼-k-
*k	k- -k-∼-Ø-, -v-	g- -kk-∼-g-	k- -v-, -j-	k- -Ø-, -j-	k-, g- -Ø-	k-, h- -v-, -Ø-	k- -kk-∼-k-
*-γ-	-:Ø-	-(:)kk-∼-g-	-v- ,-j-	-Ø-	-Ø-	-v-, -Ø-	-Ø-

[6] См. подробнее соответствующие разделы сравнительной уральской грамматики (Coll.). Ср.: Bj. Collinder. Introduktion till de uraliska språken. Stockholm, 1962; J. Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. 2 Aufl. Berlin, 1922; Он же. Magyar nyelvhasonlítás. 7-k kiadás. Budapest, 1927.

В дравидском в позиции начала слова представлена, как и в уральском, лишь одна серия фонем — простые глухие. В неначальной позиции обнаруживается двоичное противопоставление по характеру смычки: здесь возможны глухие геминаты и простые глухие смычные (в лабиальном ряду *-*p*- спирантизован и озвончен уже в протодравидском; он совпал со спирантом *v, возможным и в начальной позиции). Распределение этих двух серий показывает, однако, что в протодравидском они являлись аллофонами одного ряда фонем: геминированные аллофоны выступают в абсолютном исходе корня (перед исходным -*u*, не несущим словообразовательных функций), простые глухие (в лабиальном ряду -*v*- < *-*p*-) — в интервокальной позиции при присоединении к корню глагольных аффиксов, начинающихся с гласного. Чередование геминат и простых смычных в этих условиях сохранено во многих случаях. Таким образом, в интервокальной позиции представлена лишь одна серия смычных фонем, имеющая геминированные и негеминированные аллофоны. Первоначальны здесь, по-видимому, геминаты, позднée ослабленные в интервокальной позиции. Следовательно, на фонемном уровне для дравидского реконструируется только одна серия смычных, выступающая в виде простых глухих в начальной и в виде глухих геминат (> геминаты и простые глухие) — в неначальной позиции. В начальной позиции представлены три обычных ряда смычных (лабиальные, дентальные, велярные), в неначальной позиции существует еще четвертый ряд — церебральные смычные (по другой терминологии — какуминальные, верхнеапикальные). См. табл. на стр. 309.

В индоевропейском троичное противопоставление по характеру смычки представлено во всех артикуляционных рядах: здесь противопоставлены серии глухих, звонких и звонких придыхательных (исходная фонетическая характеристика последней серии не совсем ясна). В лабиальном ряду звонкий *b* встречается редко; особенно редок он в начальной позиции. В целом в индоевропейском отсутствуют позиционные ограничения в употреблении трех серий смычных. Наличествуют лишь комбинаторные ограничения: в пределах одного корня не могут быть представлены одновременно глухой и звонкий придыхательный и весьма редко встречаются два звонких смычных. Реконструируется пять рядов смычных: наряду с лабиальными и дентальными представлены три ряда гуттуральных: палатальные, велярные и лабиовелярные (см. табл. на стр. 310).

В картвельском по характеру смычки во всех позициях противопоставляются три серии фонем: глоттализованные глухие, образуемые с гортанной смычкой (по дрўгой терминологии — абруптивы, смычногортанные), простые (придыхательные) глухие и звонкие. Такое противопоставление обнаруживается в лабиальном, дентальном и велярном ряду. В поствеляр-

	Лабиальные	Дентальные	Церебральные	Велярные
Глухие геминаты	-pp-	-tt-	-ṭṭ-	-kk-
Глухие простые	(-v-)<*-p- p-	-t- t-	-ṭ-	-k- k-

Репрезентация по языкам [7]

Драв.	Южнодравидские		Центральнодравидские				Севернодравидские	
	тамильск.	каннада	телугу	парджи	куи	гонди	курух	брагуи
*-pp-	-pp-	-pp-, -p-	-pp-, -p-	-pp-, -p-	-pp-, -p-	-p-	-pp-, -p-	-p-
*-v-	-v-	-v-	-v-	-v-	-v-	-w-	-b-, -v-	-f-, -v-
*p-	p-	p-, b-	p-, b-	p-	p-, b-	p-	p-	p-
*-tt-	-tt-	-tt-, -t-	-tt-, -t-	-tt-, -t-	-tt-, -t-	-tt-	-tt-, -t-	-t-, -tt-
*-t-	-t-	-d-	-d-	-d-	-d-	-d-, -dd-	-d-, -th-	-d-
*t-	t-	t-, d-	t-, d-	t-	t-, d-	t-	t-	t-
*-ṭṭ-	-ṭṭ-	-ṭṭ-, -ṭ-	-ṭṭ-, -ṭ-	-ṭṭ-, -ṭ-	-ṭ-	-ṭṭ-, -ṭ-	-ṭṭ-, -ṭ-	-ṭ-
*-ṭ-	-ṭ-	-ḍ-	-ḍ-	-ḍ-	-ḍ-, -ṛ-	-r-, -rr-	-ṛ-	-r-, -rr-
*-kk-	-kk-	-kk-, -k-	-kk-, -k-	-k-	-k-	-k-	-kkh-, -kk-	-kk-
*-k-	-k-	-g-	-g-	-g-	-g-	-g-	-kh-, -k-+ [7a]	-kh-
*k-	k-, c-	k-, g-	k-, g-, c-	k-	k-, g-	k-	kh-, k-	kh-, k-

[7] См. подробнее: DED (Введение); Bh. Krishnamurti. Telugu verbal bases. Berkeley—Los Angeles, 1961 (о распределении аллофонов смычных в неначальной позиции см. стр. 81, 137). Библиографию работ по дравидской сравнительной фонетике см. M. Andronow. Materials for a bibliography of Dravidian languages. — «Tamil culture», vol. XI, 1963, стр. 3—50.

[7a] Знаком + отмечены корректурные примечания редакции (см. в конце книги).

ном (по другой терминологии — увулярном, фарингальном) ряду вместо звонкого смычного выступает звонкий спирант *γ. Соображения структурного характера указывают на то, что *γ в части случаев восходит к более раннему смычному звонкому поствелярному *g: так, *γ выступает в сочетании с теми же смычными, что

	Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	Лабиовелярные
Глухие	p	t	k̂	k	kᵘ̯
Звонкие	b	d	ĝ	g	gᵘ̯
Звонкие придыхательные	bh	dh	ĝh	gh	gᵘ̯h

Репрезентация по языкам[8]

И.-е.	Индоиран.	Арм.	Анат.	Греч.	Кельтоитал.	Герм.	Балтослав.	Тох.
	др.-инд.		хет.	ионийск.	лат.	гот.	лит.	тох. А
*p	p	h-, Ø- -w-	p- -pp-	π	p	f- -f-, -b-	p	p
*b	b	p	p	β	b	p	b	p
*bh	bh	b	p	φ	f- -b-, -f-	b	b	p
*t	t	th	t-, z- -tt-, -zz-	τ	t	þ -þ-, -đ-	t	t, c
*d	d	t	t	δ	d	t	d	t, ś
*dh	dh	d	t	ϑ	f- -d-, -f-	d	d	t, ts
*k̂	ś	s	k- -kk-	ϰ	c	h- -h-, -g-	š	k, c, ś
*ĝ	j	c	k	γ	g	k	ž	k, c, ś
*ĝh	h	ǰ, z	k	χ	h	g	ž	k, ts
*k	k, c	kh	k- -kk-	ϰ	c	h- -h-, -g-	k	k, c, ś
*g	g, j	k	k	γ	g	k	g	k, c, ś
*gh	gh, h	g, ǰ	k	χ	h	g	g	k, ts
*kᵘ̯	k, c	kh	ku- -(k)ku-	π, τ	qu	hᵂ- -hᵂ-, -w-	k	ku, k, ś
*gᵘ̯	g, j	k	ku	β, δ	u, gu	q	g	ku, k, ś
*gᵘ̯h	gh, h	g, ǰ	ku	φ, ϑ	f- -u-, -f-	w	g	ku, k, ś

[8] См. подробнее: K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1904; A. Meillet. Introduction á l'étude comparative des langues indo-européennes. 7-me éd. Paris, 1931; V. Pisani. Glottologia indeuropea. 3-e ed. Torino, 1961.

	Лабиальные	Дентальные	Велярные	Поствелярные
Глухие глоттализованные	p̣	ṭ	ḳ	q̣
Глухие простые	p	t	k	q
Звонкие	b	d	g	(γ)<*g

Репрезентация по языкам [9]

Картв.	Груз.	Занский		Сван.
	др.-груз.	мегрел.	чанский хопский	
*p̣	p̣	p̣	p̣	p̣
*p	p	p	p	p
*b	b	b	b	b
*ṭ	ṭ	ṭ	ṭ	ṭ
*t	t	t	t	t
*d	d	d	d	d
*ḳ	ḳ	ḳ	ḳ	ḳ, č̣
*k	k, c	k, č	k, č	k, č
*g	g, ʒ	g, ǯ	g, ǯ	g, ǯ
*q̣	q̣	ʻ	q̣	q̣
*q	q	x	x	q
*γ	γ	γ	γ	γ

[9] См. подробнее: Климов (Введение); Г. А. Климов. Опыт реконструкции фонемного состава общекартвельского языка-основы. — ИАН ОЛЯ, т. XIX, № 1, 1960, стр. 24—30; K. H. Schmidt. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962. Об исходном **g* см.: Е. Д. Поливанов. Классификация грузинских согласных. — «Бюллетень Среднеазиатского ун-та», вып. 8, 1925, стр. 115—116; С. М. Жгенти. К вопросу о звонком смычном фарингальном в сванском языке. —«Сообщения АН Груз. ССР» VII, № 7, 1946, стр. 485—491; Г. С. Ахвледиани. Две системы гармонических смычных в грузинском языке. —Сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы». Л. 1951, стр. 113—116. О лабиализованных фонемах ср.: И. В. Юшманов. Фонетические параллели африканских и яфетических языков. —«Africana» I. М.—Л., 1937, стр. 36.

и звонкий велярный смычный **g*, т. е. имеем *bγ*, *dγ*, *ʒγ*, *ǯγ* параллельно *bg*, *dg*, *ʒg*, *ǯg*. Сочетания велярных и поствелярных (может быть, и дентальных) с **w* на протокартвельском уровне могут рассматриваться как самостоятельные (лабиовелярные, лабиопоствелярные) фонемы (см. табл. на стр. 311).

Семитохамитская система во многом близка картвельской, здесь обнаруживается такое же противопоставление по характеру смычки: глоттализованные глухие—простые глухие—звонкие. Это противопоставление выступает в дентальном, велярном и лабиовелярном рядах (глоттализованные велярный **ḳ* и лабиовелярный *$ḳ^{u}$, судя по их рефлексам в большинстве семитских языков (эмфатический *q*), имели артикуляцию более заднюю, чем остальные члены соответствующих рядов). В лабиальном ряду отсутствует глоттализованный, но здесь восстанавливаются две глухие неглоттализованные фонемы, одна из которых может быть определена как простой глухой (**p*), а другая, по-видимому, — как глухой придыхательный (*p_1). К системе смычных примыкает ряд поствелярных спирантов, представленный лишь простой глухой и звонкой фонемами (см. табл. на стр. 312—313).

Несколько методологических замечаний. Приступая к непосредственному сравнению данных шести праязыков, мы должны указать, что в числе других рассматривается значительное число сопоставлений, в которых праязыковые образования реконструируются на основании данных лишь нескольких близкородственных или даже одного языка, входящих в соответствующую языковую семью. Естественно, что для таких сопоставлений вероятность случайного совпадения будет значительно выше, чем для сопоставлений, где сравниваемые праформы восстанавливаются на основании показаний большинства или нескольких языковых групп, составляющих каждую языковую семью. Однако исключать подобные случаи из рассмотрения было бы методологически неверно. Известно, что в любой группе родственных языков постоянно идет процесс утраты слов (морфем) исходного праязыкового фонда, и чем глубже во времени локализуется соответствующий праязык, тем значительнее объем той части его словарного (морфемного) фонда, которая может быть сохранена лишь

	Лабиальные	Дентальные	Велярные	Лабиовелярные	Поствелярные
Глухие глоттализованные		ṭ	ḳ	$ḳ^{u̯}$	
Глухие неглоттализованные	p / p_1	t	k	$k^{u̯}$	ḫ
Звонкие	b	d	g	$g^{u̯}$	ǥ

С.-х.	Сем.	Егип.	Бербер.	Кушитские		Чадские	
	араб.	др.-егип.	туарег.	билин	сомали	хауса	ангас
*p	f	p	f	f	f, b	f, 'b	p
*p₁	f	f	f	f	f	f	f-, -p
*b	b	b	b	b	b	b, 'b	p-, b-, -p
*ṭ	ṭ	d	ḍ	d	ḍ	'd, t, č	t-, -r
*t	t	t	t	t	t	t, č	t
*d	d	d	d	d, z	d	d, ǰ	t+
*ḳ	q	ḳ	ǥ	ḳ	ḳ	k'	g-, y-, -k
*k	k	k, ṯ	k	k	k	k	k
*g	ǧ	g, ḏ	g	g	g	g	k+
*ḳu̯	q	ḳ	ǥ	ḳŭ	ḳ	k'w	kw-, gw-+
*ku̯	k	k, ṯ	k	kŭ	k	kw	kw-+
*gu̯	ǧ	g, ḏ	g	gŭ	g	gw	kw-+
*ḫ	ḫ	ḫ, ẖ	ø		ø	ø, h	
*ǥ	ǥ	ʽ	ø	ʽ	ʽ,h		

[10] Сводного изложения сравнительной фонетики семитохамитских языков до сих пор нет. Предлагаемая таблица соответствий основывается на твердо установленных семитско-египетских соответствиях, сводку которых см. в работах: Cohen; Ember; J. Vergote. Phonétique historique de l'égyptien. Louvain, 1945; W. Vycichl. Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung. —«Mitteilungen des Deutschen Archeologischen Instituts», Abteilung Kairo, Bd XVI, 1958, стр. 367—407. Соответствия смычных в других семитохамитских группах исследованы лишь частично; ср. для берберского: E. Zyhlarz. Konkordanz ägyptischer und lybischer Verbalstammtypen. — ZÄS, Bd, LXX, 1934, стр. 107—122; O. Rößler. Der semitische Charakter der lybischen Sprache. — ZAss, Bd 50, 1952, стр. 121—150; для кушитского: А. Б. Долгопольский. Исследования по сравнительной фонетике кушитских языков, I—II. — «Языки Африки». М., 1966; для чадских: W. Vycichl. Hausa und Ägyptisch. — MSOS, 3 Abt., Bd 37, 1934, стр. 34—15; J. H. Greenberg. The labial consonants of Proto-Afro-Asiatic. — «Word», 14, 1958, стр. 295—302 (восстанавливается *p_1); В. М. Иллич-Свитыч. Из истории чадского консонантизма: лабиальные смычные. — «Языки Африки» М., 1966. О лабиовелярных ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964, стр. 9—10.

немногими или каким-нибудь одним языком данной семьи. Это — латентная часть праязыкового фонда, которую нельзя выявить, оставаясь в пределах данной языковой семьи. Только сравнение на более глубоком уровне, привлечение материалов других языковых семей, родственных данной, выявляет праязыковой характер многих подобных образований. Например, на основании какого-нибудь русского слова, не имеющего соответствий в других славянских языках, мы не вправе реконструировать соответствующее образование для праславянского, оставаясь на уровне внутрославянского сравнения, даже если это русское слово необъяснимо как заимствование или позднее новообразование; однако если соответствие этому изолированному слову обнаруживается в других индоевропейских языковых группах, его принадлежность к индоевропейскому и, следовательно, праславянскому лексическому фонду гарантируется.

Очевидно, что в семьях, представленных малым количеством языков (например, в картвельской), объем «латентного праязыкового фонда» будет гораздо значительнее, чем в больших по числу языков семьях (например, в индоевропейской). Мы заранее можем предположить, что довольно велико будет число случаев, когда протокартвельские образования будут сохранены, например, только в сванском или только в грузинском, что и обнаруживается в действительности. С другой стороны, в семьях, представленных несколькими многочисленными, но сильно различающимися друг от друга, а внутренне довольно компактными языковыми группами (например, в алтайской или семитохамитской), т. е. в семьях, распад которых осуществился на весьма глубоком временно́м уровне, или в семьях, где были утрачены некоторые промежуточные по характеру языковые группы, объем «латентного праязыкового фонда» будет большим, чем в семьях, где различия между языковыми группами не столь велики (например, в уральской или дравидской). Этим обстоятельством объясняется значительный процент случаев, когда в предлагаемых сопоставлениях семитохамитский представлен, например, только семитскими или только кушитскими данными или алтайский — только тюркскими или только тунгусо-маньчжурскими данными. Регулярность фонетических корреспонденций, обнаруживаемая в таких случаях (при реконструкции соответствующего праязыкового уровня) в ряду других сопоставлений, где праязыковые морфемы восстановлены на основании более массовых показаний, является важным фактором, существенно ограничивающим возможность немотивированного совпадения.

Эти положения не являются новыми и давно используются в компаративистике. Чрезвычайно велико количество случаев, когда, например, несомненное протоиндоевропейское образование представлено в германской группе только готским языком, в индоиранской — только авестийским, в кельтской — только валий-

ским и т. п., несомненное протоуральское образование засвидетельствовано в прибалтийско-финской группе только эстонским, в пермской — только удмуртским, в самодийской — только ненецким и т. д. Можно без преувеличения сказать, что при исключении всех подобных случаев было бы невозможно (из-за крайней малочисленности оставшихся примеров) установление регулярных фонетических соответствий для большинства достаточно сильно дифференцированных языковых семей. Тем более неоправданной была бы подобная процедура при сравнении ностратических языков, величина языковой дифференциации которых чрезвычайно велика.

Дентальные. Обнаруживается три типа фонетических соответствий дентальных фонем, что позволяет реконструировать три протофонемы, противопоставленные по характеру смычки. Мы обозначаем их символами **ṭ*, **t*, **d*[11]:

	Алт.	Урал.	Драв.	И.-е.	Картв.	С.-х.
*ṭ	t'- -t-	t- -tt-	t- -t(t)-/-ṭ(ṭ)-	t	ṭ	ṭ, t[12]
*t	t- -d-	t- -t-	t- -t(t)-/-ṭ(ṭ)-	d	t	t
*d	d- -d-	t- -δ-	t- -t(t)-/-ṭ(ṭ)-	dh	d	d

*ṭ

а) в начальной позиции

1.1. алт. *t'apʌ- 'пачкать' (эвенк. учурско-зейск. *tapara* 'пачкаться', илимпийск. *tapka-* 'запачкать') ~ урал. *tappʌ 'ощупывать, лепить' (фин. *tapaile-* 'ощупывать', венг. *tapinta-* 'ощупывать', *tapaszt-* 'лепить'; ср. Bárczi 300) ~ драв. *tapp- 'ощупывать' (тамил. *tappu*, малаялам *tappu-*; см. DED 199) ~ и.-е. *tep- 'смазывать, макать' (арм. *t'at'avem* 'макаю', лит. *tèpti* 'смазывать'; ср. Stang NTS 16, 259) ~ с.-х. *ṭp- 'обмазывать, пачкать' (араб. *ṭufāl* 'сухая глина', др.-евр. *ṭpl* 'пачкать', евр.-арам. *ṭpl* 'обмазывать', беджа *ḍif* 'красить', хауса *ta'ba* 'касаться' < **ṭp*; ср. Ges. 278).

1.2. алт. *t'ä или *t'e 'этот, тот' (нан. *täi* 'этот', могол. *te* 'тот', монг. *tere* 'тот'; ср. Рамстедт Вв. 74) ~ урал. *tä 'этот' (фин. *tä-* (основа локативных падежей), морд. эрзя *te*; см. Coll. 62) ~ драв. *tā-, местоименная основа 3 л. (каннада *tān*, возвр. мест.

---

[11] Обоснование выбора символов будет дано в конце работы.

[12] Регулярным рефлексом **ṭ* в семитохамитском является **ṭ*; с.-х. **t*, наряду с **ṭ*, отражает эту фонему в тех случаях, когда в корне представлен с.-х. **p*, ср. 1.3, 1.13, 1.30, 1.32.

3 л. Sing., курух *tān* то же; тамил. *tām*, возвр. мест. 3 л. Pl., малто *tām(i)* 'они'; см. DED 207, 204—205) ~ и.-е. *t o- 'этот', основа ср. р. и косвенных падежей м. и ж. р. (др.-инд. Nom.-Acc. n. *tad*, Acc. m. *tam*, Acc. f. *tām*, греч. τό, τόν, τήν; см. Pok. 1086—1087)[13].

1.3. алт. *t'a p a- 'попадать, находить, отгадывать' (эвенк. *tawa-* 'попадать', монг. *taga-* 'отгадывать' туркм. *tap-* 'находить, отгадывать'; ср. Ram. 49) ~ урал. *t a p (p) ʌ- 'находить, подходящий, случаться' (фин. *tapaa* 'находить, встречать, заставать' *tapahtu-* 'случаться', удм. *tupa* 'быть подходящим'; ср. Wichmann FUF 15, 51) ~ драв. *t a p p- 'подходящее, назначенное время' (тамил. *tāppu* 'назначенное, подходящее время', тода *top* 'время, удобный случай'; см. DED 204) ~ и.-е. *t o p- 'попадать куда-либо, назначенное место, отгадывать' (греч. τόπος 'место', τοπάζω 'отгадываю', лтш. *tapt* 'становиться, случаться, попадать куда-л.'; см. Pok. 1088) ~ с.-х. *t p- 'подходящий' (др.-егип. *tpj* 'лучший', копт. саидск. *tōp* 'привыкать')[14].

1.4. алт. *t'ā̆ l или *t'ē l 'молодое животное — подсосок, сосущее, кроме матери, у другой самки' (монг. *tel*, кирг. *tel*, якут. *tīl*; см. KW 390) ~ драв. *t a ḷ- 'молодые животные; (пускать) молодые побеги' (тамил. *taḷir* 'пускать побеги, побеги', кота *tayḷ* 'молодняк скота', телугу *taliru* 'молодой побег'; см. DED 202—203) ~ и.-е. *t e H l- 'молодое животное, растение' (греч. τῆλις f. 'созревшая девушка, невеста', ион. τῆλις f. 'росток стручковых', лат. *tālia* 'стручок'; см. Pok. 1055) ~ с.-х. *ṭ l- 'рождать, молодое животное' (араб. *ṭall* 'детеныш овцы, козы, газели и т. п.', др.-евр. *ṭālęh* 'ягненок', галла *ḍal* 'рождать', чад.: муби *'dāl* 'класть яйца'; ср. Ges. 276).

1.5. алт. *t'a r ʌ- 'скрести, чесать' (монг. *tarmu-* 'скрести, чесать', тур. *tara-* 'чесать', туркм. *dara-* 'чесать') ~ драв. *t a ṟ- 'обламывать(ся), размельчать, уменьшать трением' (тамил. *taṟi* 'отламывать(ся), отрезать', кодагу *tari* 'крошить, нарезать', каннада *taṟi* 'обрывать, обрезать; истираться'; ср. DED 203) ~ и.-е. *t e r- 'тереть, растирать' (греч. τείρω, ст.-слав. *tьrǫ*; см. Pok. 1071—1072) ~ с.-х. *ṭ r- 'точить' (араб. *ṭrr*).

1.6. алт. *t'a n y- 'знать, узнавать' (монг. *tani-*, туркм. *tany-*; см. KW 378) ~ урал. *t o n ʌ- 'знать, учить' (морд. *tunado-* 'научаться', коми *tun* 'знахарь'; см. Coll. 63) ~ и.-е. *t o n g-, *t e n k- 'знать, узнавать, замечать' (лат. *tongeō* 'знаю', др.-исл. *þekkja* 'замечать, понимать, знать', лтш. курон. *teñcināt* 'выспрашивать'; ср. Pok. 1088)[15].

1.7. алт. *t'ü r 'быстрый, быстро двигаться' (эвенк. Баргузин *turku-* 'прыгать', монг. *tür* 'быстро, сразу', уйгур. *türčä* то же;

[13] Ср.: Coll. 149 (алт. ~ урал.); Collinder IUS 56 (урал. ~ и.-е.); Долг. 14 (алт. ~ урал. ~ и.-е.).

[14] Ср. Räs. 46 (алт. ~ урал.).

[15] Ср.: Räs. 47; Coll. 147 (алт. ~ урал.); Долг. 14 (алт. ~ урал. ~ и.-е.).

ср. KW 415—416) ~ урал. *t ü r k ʌ 'быстрый, быстро двигаться' (эст. *törki-* 'бежать рысцой', мар. лугов. *törγə-* 'прыгать', манси *türex* 'сразу, быстро'; ср. Wichmann 51) ~ и.-е. *t u̯ e r- 'быстрый, быстро двигаться' (др.-инд. *tvāratē* 'спешит', *turá-* 'быстрый', др.-исл. *þyrja* 'бежать, мчаться'; ср. Pok. 1100).

1.8. алт. *t'y 'ты', косв. *t'y n- (монг. *či*, Gen. *činu*, могол. *či*, *činai*; см. Zirni 95—96) ~ урал. *t i n ä / t y n ʌ- 'ты' (фин. Nom. *sinä*, коми *te* / фин. Gen. *sinun*, морд. Nom. *ton*, камас. *tan*; см. Coll. 57) ~ и.-е. *t ū, косв. падежи *t e- 'ты' (лат. *tū*, Dat. *tibi*, ст.-слав. *ty*, Acc. *tę*; см. Pok. 1097—1098)[16].

1.9. алт. *t'i- 'вошь' (эвенк. *tilä-* 'искать вшей', ульч. *tiktä* 'вошь') ~ урал. *t ä j ʌ 'вошь' (фин. *täi*, саам. *dik'ke*, хант. Вах *töγtəm*; ср. Coll. 119) ~ картв. *ṭ i z_1- 'вошь' (груз. *ṭil-*, сван. *ṭiš*; см. Климов 181)[17].

1.10. алт. *t'a n u- 'тянуть, натягивать' (эвенк. Баргузин *tān-* 'вытягивать, натягивать', удейск. *tan-* 'стянуть, тащить' монг. *tanu-* 'затягивать узел'; ср. KW 378, Вас. 386) ~ драв. *t a n ṭ- 'тянуть, вытаскивать' (парджи *ṭanḍ-* 'тянуть', гонди tend- 'вытягивать'; см. DED 197) ~ и.-е. *t e n-, *t e n d- 'натягивать, тянуть' (др.-инд. *tanṓti*, лат. *tendō*; см. Pok. 1065—1066).

1.11. алт. *t'ö l g ʌ или *t'ü l g ʌ 'лиса, волк' (солон. *tūlgä* 'волк', азерб. *tülkü* 'лиса', уйгур. *tülki* то же) ~ драв. *t ō ḷ- 'шакал, волк' (каннада *tōḷa* 'волк', брахуи *tōla* 'шакал'; ср. DED 233) ~ картв. *ṭ u r a 'шакал' (груз. *ṭura*, мегрел. *(n)ṭura*, сван. *ṭura*; см. Кипшидзе ГМЯ 330).

1.12. алт. *t'ö r ʌ- 'крутиться, кружить' (эвенк. илимпийск. *turgäl* 'водоворот', кор. *turu-* 'окружать, кружить'; ср. SKE 278) ~ и.-е. *t u̯ e r- 'крутить, кружиться' (лат. *turbō*, m. 'вихрь', др.-исл. *þurla* 'кружиться', др.-в.-нем. *dweran* 'переворачивать, мешать'; ср. Pok. 1100) ~ с.-х. *ṭ w r 'вращать' (араб. *ṭārat*, f. 'обруч, колесо', бербер. сус *ḍūṛ* 'вращать'; ср. Cohen 151).

1.13. и.-е. *t e r p- 'насыщаться, получать удовольствие' (др.-инд. *tŕ̥pyati* 'насыщается, получает удовлетворение', греч. τέρπομαι 'радуюсь'; см. Pok. 1077—1078) ~ картв. *ṭ r p- 'наслаждаться, любить' (груз. *ṭrp-*) ~ с.-х. *ṭ r p / *t r p 'насыщаться, получать удовольствие' (др.-евр. *ṭęręf* 'питание' / араб. *trf* 'благоденствовать', *turfatun* f. 'изысканное блюдо'; см. Ges. 279)[18].

1.14. алт. *t'ü b 'спокойный' (монг. *tüb* 'спокойный, уравновешенный', *tübsid* 'успокаиваться') ~ урал. *t ü w ʌ- 'спокойный' (фин. *tyven* 'безветреный, спокойный', хант. Вах *toγən* 'спокойный, тихий'; см. Coll. 120).

---

[16] Ср.: Долгопольский. — ВЯ, 1964, № 2, стр. 58—59 (алт. ~ урал. ~ и.-е.); Collinder UAJb 24, 15 (алт. ~ урал.).

[17] Ср.: Coll. 149 (алт. ~ урал.); Bouda ZPhon 2, 338 (урал. ~ картв.).

[18] Ср.: Möller 59, 252—253; Vogt NTS 9, 336—337 (и.-е. ~ картв.); Долг. 15 (и.-е. ~ с.-х.).

1.15. алт. *tʻуjʌ 'узкий, тесный' (эвенк. *tija*, эвен. *tijākun*) ~ урал. *tijä или *tyja 'узкий, тесный' (морд. *teja*, ненец. *tӯje*; см. Coll. 62)[19].

1.16. алт. *tʻül'- 'входить, падать' (бурят. *tülgü-* 'входить', туркм. *düš-*, диал. *tüš-* 'падать', кор. *tyr-* 'входить'; см. Ram. 110) ~ урал. *tule- 'приходить, спускаться' (фин. *tule-* 'приходить', мари *tol-* 'приходить', селькуп. Нарым *töa-* 'приходить', *tüa-* 'спускаться'; ср. Coll. 63).

1.17. алт. *tʻürʌ- 'рыбья икра' (эвенк. *tirāksä*, ульч. *türsä*, монг. *türisün*; см. KW 416) ~ урал. *türämä* 'рыбья икра' (ненец. *tirēwe*, селькуп. Кеть *term*, койбал. *thürümä*; ср. Castrén 264)[20].

1.18. алт. *tʻöŋä или *tʻüŋä 'комель ствола, пень' (монг. *tüŋge* 'комель ствола', туркм. *töŋŋe* 'пень', кор. *tuŋkolgi* 'корень'; ср. Coll. 149) ~ урал. *tüŋe 'комель ствола, основание' (фин. *tyvi*, мари лугов. *tüŋ.*; см. Coll. 120)[21].

1.19. алт. *tʻar' 'лысый' (монг. *tar*, азерб. *daz*, тув. *taʻs*; ср. Ram. 111) ~ драв. *ta<u>r</u>- 'лысый' (тода *ta<u>r</u>-* 'становиться лысым', каннада *ta<u>r</u>aṭa* 'лысина, лысый'; см. DED 203).

1.20. алт. *tʻinä- 'сильный' (монг. *činege* 'сила', халха *činē* то же; ср. SKE 267) ~ драв. *tiṇ 'сильный, напрягаться' (тамил. *tiṇ* 'сильный, крепкий', телугу диал. *tiṇuku* 'напрягаться', малто *tinqe* то же; см. DED 208—209).

1.21. алт. tʻili- 'вздуваться' (монг. *čiliji-*, горно-алт. телеут. *tiš-*; см. Ram. 108) ~ драв. *tiḷ- 'кипеть, выкипать' (тамил. *tiḷai* 'кипеть', малаялам *tiḷe-* 'пузыриться, выкипать'; см. DED 212).

1.22. алт. *tʻāla 'равнина, плоский' (эвенк. западн. *tālä-* 'расправить кожу', монг. *tala* 'равнина'; ср. KW 375) ~ и.-е. *telH- 'плоское место, плоский' (др.-инд. *talam* 'равнина, подошва', греч. *τηλία* 'доска', лит. *tìltas* 'мост'; см. Pok. 1061)[22].

1.23. алт. *tʻanʌ- 'рубить, резать' (монг. *tanu-* 'обрубать', якут. *tanā-* 'вырезывать'; ср. KW 378) ~ и.-е. *ten- 'рубить, бить' (лит. *tìnti*, *tinù* 'острить косу', словен. *tẹ́ti*, *tnèm* 'колоть, рубить'; ср. Pok. 1063).

1.24. алт. tʻök(ʌ)- 'лить' (тур. *tök-*, туркм. *dök-*, тув. *töʻk*, *dög-*; ср. Räsänen Mat. 58) ~ и.-е. *tekᵘ̯- 'течь, бежать' (авест. *tačaiti* 'бежит, течет', ср.-валлийск. *godep* 'убежище', с.-хорв. *tèčēm* 'теку'; см. Pok. 1059—1060).

1.25. алт. *tʻajl'a 'камень' (монг. *čilagun*, тур. *taš*, *daš*, туркм. *dāš*, кор. *tōl*; ср. Ram. 49) ~ картв. *ṭal- 'кремень' (груз. *ṭal-*).

1.26. урал. *tunk(k)ʌ- 'всовывать, набивать' (фин. *tunke-* 'протискивать, проникать', *tunkka* 'душный, спертый', морд. *toŋga* 'всовывать, набивать'; см. Coll. 120) ~ и.-е. *tu̯enk-

---

[19] Ср.: Sauv. 71; Räs. 36; Coll. 146.
[20] Ср.: Sauv. 68; KW 416.
[21] Ср.: Räs. 25; Coll. 149.
[22] Ср. KW 375.

'набивать, прижимать' (др.-в.-нем. *dūhen* 'прижимать, давить', лит. *tvankùs* 'спертый — о воздухе'; см. Kluge 899).

1.27. драв. *t ā ḷ- 'выносить, терпеть' (тамил. *tāḷu*, телугу *tāḷu*; см. DED 206) ~ и.-е. *t e l H- 'поднимать, выносить, терпеть' (др.-инд. *tulayati* 'поднимает, взвешивает', греч. τλῆναι 'выносить', гот. *þulan* 'выносить, терпеть'; см. Pok. 1060—1061).

1.28. драв. *t i k ʌ l 'ужас, оцепенение' (тамил. *tikil* 'ужас', каннада *digilu* 'ужас, оцепенение', телугу *digulu* 'страх'; см. DED 207—208) ~ и.-е. *t i̯ e g ᵘ̯- 'отступать в страхе, чувствовать страх' (др.-инд. *tyájati* 'беспомощно отступает перед чем-л.', греч. гомер. σέβομαι 'боюсь богов'; см. Pok. 1086).

1.29. и.-е. *t e m (H)- 'темный' (др.-инд. *timirá-*, ср.-ирл. *teim*, ст.-слав. *тьмьнъ*; см. Pok. 1063—1064) ~ с.-х. *ṭ (w) m 'темный' (каффа *ṭum* 'быть темным', *ṭúmō* 'ночь', куара *temā* 'темнота', чад.: жен *dum* 'черный', вандала *'daŋwe* то же; ср. Cerulli St. 2, 22).

б) в неначальной позиции между гласными

1.30. алт. *p ü t ʌ 'дыра' (монг. *ütügün*, ср.-монг. *hütgü* 'vulva', шорск. *üt* 'дыра'; см. KW 460; Zirni 142) ~ драв. *p o t t- 'дыра' (тамил. *pottu* 'дыра', куви *poth'nai* 'дырявить'; см. Burrow, Bhattacharya IIJ 6, 239) ~ картв. *p u ṭ- 'дыра' (сван. *piṭ*, *puṭu*) ~ с.-х. *p w t / p w ṭ 'дыра' (др.-евр. *pwt* 'vulva', сомали *futo* 'anus' / галла *fuǯi* 'vulva', хауса *'būtīyā* 'anus' < **pwṭ*; ср. Cohen 171).

1.31. алт. *s u t y- 'бить' (эвенк. *sutygā-* 'вышибить, выбить') ~ урал. *s ō t t ʌ 'бить, ударять' (коми *se̮t-*, (коми-язвинск.) *süt-*, венг. *üt-*, *it-*; см. Coll. 121) ~ драв. *c u t t i 'молоток' (тамил. *cutti*, телегу *sutte*; см. DED 171).

1.32. алт. *p a t ʌ 'поле' (кор. *pat* 'поле', *pathai* 'в поле', кирг. *atyz* 'нива'; см. Ram. 53) ~ и.-е. *p e t H- 'простирать(ся), расстилать(ся)' (авест. *paϑana-* 'широкий, просторный', лат. *pateō* 'простираюсь, расстилаюсь'; см. Pok. 824—825) ~ с.-х. *p ṭ- / p t- 'простирать(ся)' (др.-евр. *ṭpḥ* 'простирать' < **pṭḥ* с метатезой, хауса *fyā'da* 'простираться' / араб. *ftḥ* 'простирать'; ср. Ges. 278).

1.33. алт. *ö t ʌ 'старый' (эвенк. *utu*, монг. *ötegü*, чуваш. *vată*; см. KW 302) ~ и.-е. *u̯ e t- 'год, старый' (греч. Ϝέτος 'год', лат. *vetus* 'старый', ст.-слав. *vetъxъ* 'старый'; см. Pok. 1175).

1.34. алт. *ō t ʌ 'огонь, очаг' (эвенк. *otū* 'очаг, костер', туркм. *ōt* 'огонь'; ср. Poppe 49) ~ и.-е. H⁽ᵘ̯⁾ē t- 'огонь, очаг' (авест. *ātarš* 'огонь', алб. *votër* 'очаг', ирл. *áith* 'печь'; ср. Pok. 69).

1.35. урал. *w o t t a- 'брать' (фин. *otta-* 'брать', манс. Нижн. Лозьва *wē̮t-* 'собирать'; см. Coll. 105) ~ драв. *o t t- 'доставать' (куи *ot-* 'приводить силой', курух *otthᵒr-* 'доставать, извлекать'; см. DED 72).

1.36. и.-е. *l a t- 'влажный, жидкий' (греч. λάταξ 'капля', ср.-ирл. *laith* 'жидкость', др.-исл. *leþja* 'глина, грязь'; см. Pok.

654—655) ~ картв. *l ṭ w- 'мочить' (др.-груз. *lṭ(w)-* 'размягчать намочив', мегрел. *rṭw-* то же; см. Климов 122).

1.37. и.-е. *m a t- 'личинка, червь' (арм. *mathil* 'маленькая вошь', гот. *maþa*, f. 'личинка, червь'; см. Feist 349) ~ картв. *m a ṭ l- 'червь' (груз. *maṭl-*, сван. *məṭ-*; см. Климов 129).

1.38. и.-е. *a t- 'идти, год' (др.-инд. *átati* 'ходит', гот. *aþnam*, Dat. Pl. 'годам'; см. Pok. 69) ~ с.-х. *ḫ ṭ- 'шагать' (араб. *ḫṭw* 'шагать'; ср. Calice 77).

1.39. драв. **kuṭ(ṭ)ʌ* 'маленький, короткий' (тода *kuṭ*, куи *gūṭa*; см. DED 115) ~ картв. *ḳ u ṭ ʌ 'маленький' (груз. гурийск. *ḳuṭa* 'мальчик', сван. *ḳōṭol* 'маленький'; см. Климов 118) ~ с.-х. *ḳ (w) ṭ- 'маленький' (др.-евр. *ḳāṭŏn* 'маленький', агав билин *ḳüt* 'быть маленьким'; ср. Cerulli 4, 449).

*t

а) в начальной позиции

2.1. алт. *t a j ʌ- 'наклонять(ся), прислонять(ся)' (маньчж. *daja-* 'прислоняться, опираться', монг. *dajibal-* 'сгибаться, наклоняться', туркм. *daja-* 'прислонять, опирать'; ср. ВЯ 1963, 6, 45) ~ урал. *t a j e-/t o j a- 'наклонять, сгибать' (фин. *tai-pu-* 'сгибаться, наклоняться' / саам. *doaggje-* 'сгибать'; ср. Coll. 61).

2.2. алт. *t ä g (ʌ)- 'трогать, касаться' ~ драв. *t a k k- 'трогать, касаться' ~ и.-е. *d e g- 'трогать'; см. 5.19.

2.3. алт. *t a l a- 'махать, порхать' (ср.-монг. *dala-* 'махать', ср.-тюрк. Кашгари *talbyn-* 'порхать', тув. *dalbaj-* 'расправляться — о крыльях'; ср. Ramstedt JSFOu 38³, 57) ~ и.-е. *d e l- 'шататься, качаться, свисать' (др.-инд. *dulá*, f. 'качающаяся', др.-сканд. *tolla-* 'свисать качаясь'; см. Pok. 193—194) ~ с.-х. *t l- 'качать, трясти, свисать' (араб. *tltl* 'трясти, качать', др.-евр. *tăltălīm*, мн. 'локоны'; см. Ges. 880).

2.4. урал. *t ä ŋ e- 'полный, наполнять(ся)' (саам. *dievvâ-* 'наполняться', мари *tem-* 'наполнять'; см. Coll. 119) ~ драв. *t a ṉ- 'изобиловать' (тамил. *taṉi* 'изобиловать', каннада *tani* 'процветать, получать полное развитие', телугу *taniyu* 'процветать'; см. DED 197) ~ с.-х. *t m 'полный, целый' (араб. *tmm* 'быть полным, целым', др.-егип. *tm* 'целый, весь', чадск.: мусгой *tem* 'весь'; ср. Cohen 151).

2.5. урал. *t ō γ e- 'давать, приносить' (фин. *tuo-* 'приносить', саам. южн. *duokĕ-*, ненец. *tā-* 'давать, приносить'; см. Coll. 64) ~ драв. *t ā- 'давать' (1-му и 2-му лицу), основа императива (тамил. *tā* 'дай', каннада *tā* то же, конда *tā-* 'приносить'; см. DED 200) ~ и.-е. *d o H- 'давать', греч. δίδωμι 'даю', лит. *dúoti* 'давать'; см. Pok. 223—226)[23].

---

[23] Ср.: Coll. IUS 70; Долг. 13(урал.~ и.-е.); Menges StOFe 28³, 13 (драв.~ и.-е.).

2.6. драв. *t a k k-/t a k ʌ- 'подходящий, соответствующий' (тамил. *takku* 'быть подходящим', каннада *takka* 'подходящий' / *tagu* 'быть подходящим'; см. DED 192—193) ~ и.-е. *d e k̂- 'подходящий, ловкий' (др.-инд. *dákṣas* 'ловкий', лат. *decet* 'подобает, подходит', с.-хорв. *dèsiti* 'попасть'; см. Pok. 189—190) ~ с.-х. *t ḳ n 'приводить в порядок' (аккад. *taqānu* 'упорядоченный', арам. *tqn* 'приводить в порядок'; см. Ges. 888).

2.7. алт. *t a l g ʌ- или *t o l g ʌ- 'волна, волноваться' (нан. *dalan* 'наводнение', монг. *dolgi-* 'волноваться', тур. *dalga* 'волна'; см. ВЯ 1963, 6, 46) ~ драв. *t a l l- 'душевное волнение' (каннада *tallaṇa*, телугу *tallaḍancu*; см. DED 201).

2.8. алт. *t ü r' ʌ- 'протыкать, нанизывать' (монг. *dürü-* 'протыкать, всовывать', туркм. *düz-* 'нанизывать', тув. *diz-*; см. ВЯ 1963, 6, 47) ~ драв. *t ū ṟ- 'проходить через отверстие' (каннада *tūṟ-*, курух *turd-*; см. DED 223).

2.9. алт. *t ā l u 'плечо, лопатка' (монг. *dalu* 'лопатка', монгор. *dālī* 'плечо', азерб. *dal* 'спина', диал. 'часть спины между плечами'; см. ВЯ 1963, 6, 47) ~ драв. **tōḷ* 'плечо, верхняя часть руки' (тамил. *tōḷ*, каннада *tōḷu*; см. DED 235).

2.10. алт. *t ē- 'сказать' (азерб. *de-*, туркм. *dī-*, якут. *diä-*; см. ВЯ 1963, 6, 39) ~ картв. *t x o- 'просить' (др.-груз. *txo-*; чан. *tx(w)-*; ср. Климов 99).

2.11. драв. *t e ṟ- 'рвать(ся), лопаться, резать' (тамил. *teṟi* 'рвать(ся), лопаться', каннада *tiṟi* 'резать, отрезать', телугу *tregu* 'рваться, разламываться'; см. DED 226) ~ и.-е. *d e r- 'рвать, драть, лопаться' (др.-инд. *dṛṇāti* 'лопается', др.-англ. *teran* 'рвать', лит. *dìrti* 'сдирать шкуру'; см. Pok. 206—209).

2.12. алт. *t e l'- 'раскалывать, дырявить' (монг. *delberkei* 'трещина, расколотый', азерб. *deš-* 'дырявить, прокалывать', туркм. *deš-* то же; ср. ВЯ 1963, 6, 47) ~ и.-е. *d e l (H)- 'обтесывать, расщеплять' (др.-инд. *dăláyati* 'расщепляет', греч. δαίδαλος 'искусственно обработанный', лат. *dolō* 'обтесываю'; см. Pok. 194—196) ~ картв. *t a l- 'тесать, строгать' (груз. *tl-/tal-*, мегрел. *tol-*; см. Климов 90—91) ~ с.-х. *t l- 'тесать, протыкать' (беджа *tela*' 'протыкать', чад.: марги *tlṳ̀* / *tlə̀* 'тесать', *tlà* 'резать').

2.13. и.-е. *d e l- 'растягивать в длину, длинный' (др.-инд. *dīrghás* 'длинный', ц.-слав. *dьliti* 'удлинять'; см. Pok. 196—197) ~ с.-х. *tlḥ* 'длинный' (араб. *tlḥ* 'быть длинным', *taliḥ* 'длинная — о шее').

2.14. и.-е. *d e l- 'хитрость, коварство' (греч. δόλος 'хитрость', др.-сканд. *tāl*, f. 'обман, коварство'; ср. Pok. 193) ~ с.-х. *t l l 'обманывать' (др.-евр. *tll*).

2.15. и.-е. *d e H- 'жидкий, капать, течь' (др.-инд. *dắnu* n., f. 'капающая жидкость, роса', арм. *tamuk* 'влажный, орошенный'; см. Pok. 175) ~ карт. **tx-* 'проливать, просыпать' (груз. *tx-ev-/tx-iv-*, мегрел. *(n)tx-*; см. Климов 98).

б) в неначальной позиции между гласными

2.16. драв. *c i t ʌ 'разрушать(ся)' (тамил. *citai*, телугу *cidiyu*; см. DED 163) ~ и.-е. **s̑keid-/skeid-* 'расщеплять' (др.-инд. *chidrá-* / лит. *skíedžiu*; ср. Рок. 920—921) ~ картв. *c_1i t- 'рубить' (чан. *čit-*) ~ с.-х. *ś t r 'резать, расщеплять, разрушать' (араб. *štr* 'резать, расщеплять', арам. сир. *str* 'проламывать'; см. Ges. 795).

2.17. алт. *ö d ʌ n 'дождь' (эвенк. *udun* 'дождь', *udunän* 'идет дождь', негидал. *udin* 'дождь'; см. Вас. 431) ~ урал. *w e t e 'вода' (фин. *vete-*, морд. *ved'*; см. Coll. 66) ~ и.-е. **u̯ed-* 'вода' (хет. *watar*, Gen. *wetenaš*, греч. ὕδωρ, Gen. ὕδατος; см. Pok. 78—80).

2.18. урал. *p a t a 'горшок' (фин. *pata*, мари горн. *pat*; см. Coll. 47) ~ и.-е. *p o d- 'сосуд, горшок' (др.-исл. *fat* 'сосуд', лит. *púodas* 'горшок'; ср. Pok. 790).

2.19. алт. *s o d ʌ- 'бушевать, орать' (эвенк. Сахалин *sodom-* 'бушевать', нэпск. *sodomī-* 'кричать, орать') ~ урал. *śota-* 'драться, бранить' (фин. *sota* 'война', морд. *śudo-* 'бранить'; см. Coll. 115) ~ драв. *c a ṭ ʌ 'бранить, пугать' (каннада *jaḍi*, телугу *jaḍipincu*; см. DED 150).

2.20. алт. *m e d ä- или *m ä d ä- 'ощущать, сообщать' (эвенк. *mädä-* 'ощущать, догадываться', маньчж. *mädä* 'весть', монг. *mede-* 'знать, решать'; см. KW 259) ~ и.-е. *m e d- 'размышлять, измерять' (арм. *mit* 'мысль', греч. μέδομαι 'размышляю', гот. *mitan* 'измерять'; см. Pok. 705—706) ~ драв. *m a ṭ ṭ- 'мера' (тамил. *maṭṭu*, телугу *maṭṭu*; см. DED 308).

2.21. алт. *g e d ä 'задняя сторона, затылок' (эвенк. *gädumuk* 'затылок', монг. *gederge* 'назад', хорезм.-тюрк. *kedin* 'назад'; ср. KW 131) ~ и.-е. *ĝ h e d- 'задняя часть, cassare' (авест. *zađah-* 'podex', арм. *jet* 'хвост', ср.-н.-нем. *gat* 'дыра, anus'; ср. Pok. 423).

2.22. алт. *m u d ʌ 'конец' (ульч. *mudan*, эвенк. *mudan*; см. Вас. 258) ~ драв. *m ū ṭ ʌ 'кончать(ся)' (тамил. *muṭi*, *mūṭu*, телугу *mūḍu*; см. DED 331) ~ с.-х. *m w t 'умирать' (араб. *mwt*, др.-егип. *mwt*, бербер. *əmmət*, хауса *mutu*; см. Greenberg LA 55).

2.23. алт. *p a d a k 'ступня, нога' (др.-тюрк. *aδak* 'нога, ступня', туркм. *ayak* 'нога', кор. *padak* 'ступня, ладонь; почва'; см. Ram. 52) ~ драв. *p a ṭ ṭ- 'ступня, ступень' (малаялам *paṭam* 'ступня, ладонь', телугу *paḍi-kattu* 'ступень'; ср. DED 259—260) ~ и.-е. *p e d- 'ступня, нога' (др.-инд. Gen. *padás*, лат. Gen. *pedis*; см. Pok. 790—792).

2.24. и.-е. *(s) k̑ e d- 'покрывать, скрывать, одежда' (др.-инд. *chādáyati* 'покрывает, скрывает', др.-в.-нем. *hāz*, m. 'одежда'; см. Pok. 919) ~ с.-х. *s t r 'покрывать, скрывать, одежда' (араб. *str* 'защищать, покрывать, укутывать', др.-евр. *str* 'скрываться', др.-егип. *mśtrt* 'ткань для передника'; см. Ges. 553).

*d

а) в начальной позиции

3.1. алт. *dul- 'теплый' (эвен. *dul-* 'теплеть', монг. *dulagan* 'теплый', ср.-тюрк. Кашгари *jylyγ* 'теплый'; см. Ram. 51) ~ урал. tule 'огонь' (фин. *tuli*, морд. *tol*; см. Coll. 63) ~ с.-х. d l ḳ 'жечь, гореть' (др.-евр. *dlq*, арам. *dlq*; см. Ges. 163).

3.2. урал. *tuδ′ka- 'кончик, верхушка' (фин. *tutkaime-*, манси *tal′k*; см. Coll. 120) ~ драв. *tutʌ- 'кончик, острый край' (тамил. *tuti*, каннада *tudi*; см. DED 216) ~ картв. *dud- 'кончик, верхушка' (груз. *dud-* 'кончик, гребешок птицы', чан. *dud-* 'темя, вершина, кончик'; см. Климов 75).

3.3. урал. *taŋe- 'покрывать, латать' (саам. *duog′ŋâ-* 'латать', морд. *tavado-* 'покрывать'; ср. Coll. 9) ~ и.-е. *dhengh- 'покрывать, унавоживать, прижимать' (др.-в.-нем. *tungen* 'прижимать, унавоживать', лит. *deñgti* 'покрывать'; см. Pok. 250) ~ с.-х. *d m- 'покрывать, унавоживать' (араб. *dml* 'обмазывать, унавоживать', геез *dmn* 'обтягивать, покрывать'; см. Ges. 165).

3.4. и.-е. *dheH- 'класть, ставить' (др.-инд. *dádhāmi*, хет. *teḫḫi*; см. Pok. 235—239) ~ картв. *d(w)- 'класть, лежать' (груз. *d(w)-*, сван. *d-*; ср. Климов 72) ~ с.-х. *(w)dḥ 'класть' (араб. *wdḥ*, логоне *'də́*, музук *da*)[24].

3.5. алт. *daga- 'следовать за кем-либо' ~ урал. *taka 'задний'; см. 5.21.

3.6. драв. *tūṟ- 'клеветать' (тамил. *tūṟu*, каннада *dūṟu*; см. DED 223) ~ и.-е. *dhu̯er(H)- 'заманивать хитростью' (др.-инд. *dhū́rvati* 'заманивает хитростью', лат. *fraus*, Gen. *fraudis*, f. 'обман, коварство'; см. Pok. 277).

3.7. и.-е. *dheu̯- 'терять сознание, умирать' (др.-зап.-сканд. *da* 'обморок', др.-в.-нем. *touwen* 'умирать', др.-ирл. *duine* 'смертный, человек'; см. Pok. 260) ~ с.-х. *dwj 'болеть, умирать' (геез *dawaja* 'болеть', др.-евр. *dəwāj* 'болезнь', галла *dua* 'умирать'; чадск.: ангас *tu*, муби *dī* то же; ср. Leslau 124).

3.8. и.-е. *ĝhdhū (с меттатезой) 'рыба' ~ с-х. *dg 'рыба'; см. 6.22.

3.9. картв. *dum- 'молчать' (груз. *dum-*) ~ с.-х. *d(w)m 'молчать, быть спокойным, спать' (ю.-араб. сокотри *déme* 'спать', др.-евр. *dūmā* 'молчание', *dmm* 'быть в оцепенении, молчать'; ср. Leslau 129).

б) в неначальной позиции между гласными

3.10. алт. *-da/-dä, формант локатива-аблатива (монг. *-da/-dä* локатив, др.-тюрк. *-δa/-δä*, аблатив-локатив, чуваш. *-ra*, локатив; см. Рамстедт Вв. 2, 42—43) ~ урал. *-δa/-δä, формант аблатива

[24] Ср. Долг. 13—14.

(фин. *-ta/-tä*, манси *-l*; см. Collinder CG 287) ~ драв. *-ṭ ṭ (ʌ), формант локатива (тулу *-ṭa*, брахуи *-aṭī*; ср. Bloch 17) ~ картв. *-d (a), формант локатива — направительного падежа (груз. *-d*, *-ad*, *-da*, сван. *-d*, *-ad*; см. Климов 43, 48) ~ с.-х. *-d, локативная и направительная частица (беджа *-d*, *-t*, билин *-d*, сахо *-d*, *-de*; ср. Reinisch SAW 128, 7, 75)[25].

3.11. алт. *o d ʌ- 'двигаться' (монг. *odu-* 'отправляться') ~ драв. *ā ṭ ṭ- / ā ṭ ʌ- 'двигать(ся)' (тамил. *āṭṭu* 'двигать, качать' / *āṭu* 'двигаться, плясать, играть', телугу *āḍu* то же; см. DED 26) ~ картв. *q a d- / q e d- 'двигать(ся)' (др.-груз. *qad-/qed-* 'идти; вынимать', сван. *qad-/qd-/qed-/qid-* то же; см. Климов 263) ~ с.-х. *ḫ d- 'двигаться' (араб. *ḫdw*, *wḫd* 'быстро идти', др.-егип. *ḫdj* 'спускаться по реке', сомали *ād-* 'идти'; см. Cohen 107).

3.12. урал. p e δ e- 'протыкать' (саам. *bæđđâ-*, хант. *pel-*; см. Coll. 74) ~ драв. *p e ṭ ṭ- 'всовывать, вставлять' (каннада *heṭṭu*, телугу *peṭṭu*; см. DED 290) ~ и.-е. *b h e d h- 'втыкать, протыкать, вставлять' (лат. *fodiō* 'копаю', лит. *bedù* 'втыкаю'; см. Pok. 113—114) ~ с.-х. *b d- 'протыкать, расщеплять' (араб. *bdd* 'разделять', афар *bod* 'расщеплять, открывать', чад.: марги *bda* 'жалить', музгу *fada* 'убивать'; ср. Reinisch SAW 113, 825).

3.13. алт. *ü d ʌ- 'связывать' (монг. *üdü-*) ~ и.-е. *H e u d h- / *H u̯ e d h- 'связывать, сплетать' (арм. *z-audem* 'связываю', лит. *áudžiu* 'тку' / др.-инд. *vadhrá-*, m. n. 'ремень', др.-в.-нем. *wetan* 'связывать, впрягать'; ср. Pok. 75—76, 1116—1117).

3.14. урал. *ń o w δ a- 'преследовать, гнаться' (манси *ńowl-*, нен. *ńōda-*; ср. Coll. 41) ~ и.-е. *i̯ e u d h- 'сражаться, быстро двигаться' (др.-инд. *yúdhyati* 'сражается', лит. *judė́ti* 'двигаться, ссориться'; см. Pok. 511—512) ~ с.-х. *n w d 'двигаться туда-сюда' (араб. *nwd*, др.-евр. *nwd*; см. Ges. 419).

3.15. драв. *k a ṭ ṭ- 'привязывать, прикреплять, строить' (тамил. *kaṭṭu*, парджи *kaṭṭ-*; см DED 83) ~ картв. *ḳ e d- 'строить' (др.-груз. *ḳed-*, чан. *ḳid-*; см. Климов 107) ~ с.-х. *ḳ d- 'строить, формовать горшки' (араб. *qadd* 'форма', аккад. *qadū* 'горшок', др.-егип. *ḳd* 'строить, формовать'; см. Cohen 124).

3.16. алт. *k ü d ä g ü 'зять, жених' (ср.-огуз. Ибн-Муханна *güjägü*, туркм. *gijev*, тув. *küdä*) ~ урал. *k ü δ ü 'родственник мужа (жены)' (фин. *kyty* 'деверь, шурин', манси *kil* 'родственник по жене'; см. SKES 257).

3.17. алт. *s i d ä- 'сметывать' (монг. *side-*, кор. *si̮tčh-*; см. Räs. 10) ~ урал. *ś y δ ʌ- 'привязывать' (фин. *sito-* 'привязывать', хант. *sălə* 'ремень упряжи'; ср. Setälä FUF 12 Anzeiger, 38; Coll. 59—60)[26].

---

[25] Ср.: Collinder UAJb 24, 10 (алт. ~ урал.); Trombetti El. 146 (урал. ~ драв.).

[26] Ср. Räs. 10.

3.18. алт. *u d ʌ- 'спать' (др.-тюрк. *иδу-*, тур. *иуи-*) ~ урал. *o δ a- 'спать' (саам. *oađđe-*, морд. *udo-*; см. Coll. 72)[27].

3.19. алт. *ǯ a d a- 'распростертый, расстилаться' (монг. *ǯadagai* 'распростертый', др.-тюрк. *jaδ-* 'расстилаться'; см. Ram. 64) ~ драв. *c a ṭ ṭ- 'плоский' (каннада *caṭṭu* 'плоскость', тулу *caṭṭè* 'плоский, ровный'; см. DED 151).

3.20. алт. *k'u d u 'хвост', (нан. *xujgu* < **xü/d/rgü* 'хвост', монг. *qudurga* 'подхвостник', туркм. *qujruk* 'хвост'; ср. KW 195; Benzing 990) ~ картв. *ḳ u d- 'хвост' (груз. *ḳud-*, чан. *ḳudel-*, сван. *haḳwäd-*; см. Климов 117)[28].

3.21. урал. *lewδä- 'находить' (фин. *löytä-*, венг. *lel-*; см. Coll. 95) ~ драв. *n ē ṭ ʌ- 'искать, приобретать' (тамил. *nēṭu* 'искать, приобретать', кодагу *në·d-* 'зарабатывать'; см. DED 254).

3.22. урал. *ń у δ a- 'привязывать' (саам. *njâđđe-* 'привязывать', венг. *nyaláb* 'связка'; см. Paasonen FUF 7, 23) ~ и.-е. *n e d h- 'привязывать' (др.-инд. *naddhás* 'привязанный', лат. *nōdus* 'узел'; см. Ernout—Meillet 772—773)[29].

3.23. драв. *v e ṭ ṭ- 'рубить, с силой вонзать' (тамил. *veṭṭu* 'рубить мечом, топором', каннада *beṭṭu* 'с силой вонзать, вдавливать'; см. DED 378) ~ и. е. *u̯ e d h- 'бить, колоть, уничтожать' (др.-инд. *vadhati* 'бьет, колет, уничтожает', греч. гомер. ἔϑων 'колющий, разрывающий'; см. Pok. 1115).

3.24. картв. *š w d- 'душить(ся), топить(ся)' (др.-груз. *šišudil-* 'удушение', чан. *škwid-* 'душить(ся), топить(ся)', сван. *šgwd-*, *šgud-* то же; см. Климов 215) ~ с.-х. *š (w) d 'применять насилие' (геез *sdd* 'изгонять', др.-евр. *šdd*, *šwd* 'применять насилие, опустошать'; см. Ges. 808).

Велярные. На основании трех различных фонетических соответствий для велярных реконструируем триаду противопоставленных по характеру смычки фонем: **ḳ*, **k*, **g*. В трех западных языках — индоевропейском, картвельском и семитохамитском — эти фонемы имеют различные рефлексы перед исходными (утраченными в этих языках) лабиализованными и нелабиализованными гласными: в первом случае представлены лабиовелярные (в картвельском их можно рассматривать как сочетания велярных с *-w-*, ср. выше, стр. 311), во втором — обычные велярные. В индоевропейском, кроме того, обнаруживается еще один рефлекс велярных: перед исходными нелабиализованными гласными переднего ряда они представлены палатальными фонемами[30].

---

[27] Ср.: Trombetti El. 398; Németh NyK 47, 72; Räs. 42; Coll. 147.

[28] Ср. Долг. 17.

[29] Ср.: Paasonen FUF 7, 23; Sköld FUF 18, 223.

[30] Лабиовелярные в трех западных языках представлены в случаях 4.2, 4.13, 5.12, 6.4 (с частичной делабиализацией в соседстве с велярным **ł*), 6.15 (ср. еще 5.17, 6.18; в случаях 4.6, 4.9, 6.6, 6.7 и, возможно, 6.12 исходный гласный **u* сохранен в виде сонанта **w* и лабиализация отсутствует); палатальные в индоевропейском — в случаях 4.3, 5.1, 5.4, 6.5, 6.10 (ср. еще

	Алт.	Урал.	Драв.	И.-е.	Картв.	С.-х.
*ḳ	k'- -k-	k- -kk-	k- -kk-/-k-	k̂, k, kᵘ̯	ḳ, ḳw	ḳ, ḳᵘ̯
*k	k- -g-	k- -k-	k- -kk-/-k-	ĝ, g, gᵘ̯	k, kw	k, kᵘ̯
*g	g- -g-	k- -γ-	k- -:∅-	ĝh, gh, gᵘ̯h	g, gw	g, gᵘ̯

***ḳ** [31]

а) в начальной позиции

4.1. алт. *k'ala 'оставаться, ждать' (нан. *xalače-* 'ждать', туркм. *gāl-* 'оставаться'; ср. Вас. 23; Этимология 1964) ~ урал. *kaδ'a- 'оставлять, оставаться' (саам. *guođđe-* 'оставлять', мари *koδ-* 'оставаться', венг. *hagy-* 'оставлять'; см. Coll. 22—23) ~ драв. *kaṭʌ- 'проходить мимо, через, оставлять' (тода *kaḍ-* 'оставлять, покидать, проходить мимо', телугу *kaḍacu* 'проходить через, проходить, истекать'; см. DED 79—80) ~ картв. *ḳel- 'остаться, оставлять' (мегрел. *gī-ḳal-ip-u* 'остаться с пустыми руками', чан. *go-n-ḳal-u* 'уходить'; см. Чик. 288) ~ с.-х. *ḳl' 'бросать, оставлять' (араб. *ql'* 'бросать камни', ю.-араб. дофат *qala'a* 'оставлять'; см. Leslau 323)[32].

4.2. алт. *k'ol'- 'вертеться, быть в движении' (эвенк. Сым *olonmu-* 'двигаться в хороводе', монг *qolgida-* 'вертеться, не сидеть спокойно', тур. *koş-* 'бежать, мчаться') ~ урал. *kol'ʌ- 'круг, окружать' (селькуп. *kol'a* 'круг', *kol'äpty-* 'окружить, обойти кругом') ~ и.-е. *kᵘ̯el- вертеть(ся), быть в движении, колесо' (греч. πέλομαι 'нахожусь в движении', алб. *sjel-* 'верчу', др.-прусск. *kelan* 'колесо'; см. Pok 639—640) ~ картв. **ḳwer-* 'круглый' (груз. *ḳwer-* 'круглая лепешка', мегрел. *ḳwarḳwalia* 'круглый'; см. Климов 110) ~ с.-х. *ḳᵘ̯l- 'кружить, вертеть' (араб. *qlb* 'переворачивать', геез *ḳᵘ̯al-ḳᵘ̯ala* 'кружить', беджа *kᵘ̯alel* 'катать', хауса *k'walā-k'walā* 'большой и круглый'; см. Leslau 374).

4.14, 6.16), велярные в индоевропейском — в случаях 4.4, 5.10, 5.11, 6.2, ср. 4.7, 4.8, 4.15 (в картвельском и семитохамитском этим двум индоевропейским рядам соответствуют простые велярные). Судя по примеру 10 на стр. 328, прим. 36 (с.-х. **kpr* 'покрывать' ~ алт. **k'apa-*; исходный **ḳ* или **q*), в семитохамитском **ḳ* могло развиваться в **k* в тех же условиях, что **ṭ* > **t*, т. е. в случаях, когда в корне представлен с.-х. **p*. Об индоевропейской рефлексации см.: В. М. Иллич-Свитыч. Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения. — «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков». М., 1964, стр. 22—26.

[31] Поскольку рефлексы **ḳ* и поствелярного **q* различны лишь в картвельском и совпадают в остальных языках, ниже приводятся лишь соответствия, в которых представлен картвельский.

[32] Ср. Coll. 144 (алт. ~ урал.).

4.3. алт. *k'ä r ʌ- или *k'e r ʌ- 'привязывать, обматывать' (нан. *xärkä* 'обматывать', монг. *kere-* 'привязывать'; ср. KW 227) ~ урал. *k ä r ʌ- 'связывать' (морд. мокш. *kärmä* 'связка', манс. Тавда *ker-* 'вплетать', хант. Вах *kerə* 'связка'; ср. Paasonen OW 72) ~ и.-е. *k̂ e r- 'связывать' (арм. *sarikʻ*, мн. 'веревка', греч. *καιρόω* 'связываю'; ср. Pok. 577) ~ картв. *ḳ a r- / ḳ r- 'связывать' (груз. *ḳar-/ḳr-*, чан. *ḳir-*; см. Климов 106)[33].

4.4. алт. *k'a r (b) y n 'живот' (монг. *qarbin* 'отвислое брюхо', туркм. *garyn* 'живот', тув. *xyryn* то же) ~ драв. *k a r ʌ 'чрево, утробный плод' (тамил. *karu* 'утробный плод, зародыш', *karuppai* 'чрево', телугу *karuvu* 'утробный плод'; см. DED 90) ~ и.-е. *k e r u̯- 'живот' (др.-прусск. *kērmens* 'живот', ст.-сл. *črěvo*; см. Vas. 3, 319) ~ с.-х. *ḳ r b 'живот, внутренности' (др.-евр. *ḳęręb* 'живот, внутренности', др.-егип. *ḳꜣb* 'внутренности'; см. Cohen 126)[34].

4.5. драв. *k a ṭ ṭ- 'привязывать, прикреплять, строить' ~ и.-е. *k e t- 'примитивное строение, каморка' (авест. *kata-*, m, гот. *hēþjō*; ср. Pok. 586—587) ~ картв. *ḳ e d- 'строить' ~ с.-х. *ḳ d- 'строить, формовать горшки'; см. 3.15.

4.6. драв. *k u ṭ (ṭ) ʌ 'маленький короткий' ~ картв. *ḳ u ṭ ʌ 'маленький' ~ с.-х. *ḳ (w) ṭ- 'маленький; см. 1.39.

4.7. и.-е. *k e r- 'топить, очаг' (др.-исл. *hyrr* 'огонь', лтш. *cęri* 'камни очага', польск. *trzon* 'очаг'; см. Pok. 571—572) ~ с.-х. *ḳ r r 'жечь, обжигать' (аккад. *qarāru* 'жечь, иссушать', др.-егип. *ḳrr* 'обжигать горшки'; см. Cohen 127)[35].+

4.8. и.-е. *k e l- 'поднимать(ся), высокий' (ст.-лат. *columen* 'вершина', лит. *kélti* 'поднимать'; см. Pok. 544) ~ картв. *ḳ l a t x- 'высокий' (сван. *ḳəltxi* 'высокий', *naḳlatxi* 'высота') ~ с.-х. *ḳ l- 'поднимать(ся), высокий' (араб. *qll* 'поднимать(ся), быть высоким', др.-егип. *ḳꜣj* 'быть высоким', бербер. Сус *gli* 'поднимать'; см. Calice 82).

4.9. алт. *k'u d u 'хвост' ~ картв. *ḳ u d- 'хвост'; см. 3.20.

4.10. урал. *k e l k e- 'не хватать, быть необходимым' (саам. *gâlʹgâ-* 'долженствовать', венг. *këlle-* 'быть необходимым', селькуп. *kelemnak* 'мне не хватает'; ср. Coll. 87) ~ картв. *ḳ a l-/ ḳ e l- 'недоставать, не хватать' (груз. *ḳel-/ḳl-*, диал. *ḳal-* 'не хватать', чан. *ḳor-* 'нуждаться, желать'; см. Климов 106).

4.11. урал. *k a j ć ʌ 'жених, молодой человек' (мар. горн. *käcə*, лугов. *kaćə* 'жених, парень', венг. *hős*, диал. *hés* 'жених, ухажор'; см. Coll. 15) ~ картв. *ḳ a c_1- 'мужчина, человек' (груз. *ḳac-*, чан. *ḳoč-*; см. Климов 106).

4.12. урал. *k a l a 'рыба' (фин. *kala*, венг. *hal*; см. Coll. 21) ~ картв. *ḳ a l m a x- 'рыба' (сван. *ḳalmax*, мн. *ḳalmxär*).

---

[33] Ср. Долг. 17 (и.-е. ~ картв.).

[34] Ср. Trombetti El. 112 (алт. ~ и.-е.). На исходный велярный *ḳ- (а не поствелярный) указывает картв. *k a r b - 'живот' (мегрел. *kora*, чан. *korba*; см. Чик. 68), где следует предполагать утрату глоттализации.

[35] Ср. Долг. 17.

4.13. драв. *k u ṭ ṭ- 'тайный', (тамил. *kuṭṭu* 'тайный', телугу *guṭṭu* 'тайна'; см. DED 116) ~ картв. *ḳ w e l- 'прятать, скрывать' (мегрел. *ḳwal-*).

4.14. и.-е. *k̂ e r d- 'сердце' (лат. *cor*, Gen. *cordis*, лит. *širdìs*; см. Pok. 580) ~ картв. *m ḳ e r d- 'грудь' (груз. *mḳerd-*, мегрел. *ḳədər-*, сван. *məč̣wed*; см. Климов 135—136).

4.15. и.-е. *k e p- 'рубить, копать' (греч. κόπτω 'рублю', ст.-сл. *kopati*; ср. Pok. 931—932) ~ картв. *ḳap-/ḳp- 'рубить' (груз. *ḳap-*, сван. *kpən-*).

4.16. алт. *k'/e/s ʌ 'резать' (монг. *keseg* 'кусок', туркм. *kes-* 'резать, рубить'; см. Ram. 144) ~ урал. *k e ć ʌ 'нож' (мар. *kəzə-*, хант. Вах *köčəh*; см. Coll. 88) ~ и.-е. **k̂es-* 'резать' (др.-инд. *śāsti*, тох. B *käs*; см. Pok. 586) ~ картв. *$ḳc_1$- 'отрезать' (сван. *ḳč-*).

4.17. картв. *ḳ b - i n- 'кусать', *ḳ b - i l- 'зуб' (груз. *ḳbin-*, *ḳbil-*, чан. *ḳibin-*, мегрел. *ḳibir-*, см. Климов 106—107) ~ с.-х. *ḳ b- 'кусать' (араб. *ḳb'*, *ḳ'b* 'потреблять пищу', бербер. Сус *gbi* 'кусать').

б) в неначальной позиции между гласными[36]

4.18. алт. *-ka/-kä, формант латива-датива (др.-тюрк. *-ka/-kä*; ср. Рамстедт Вв. 2, 39) ~ урал. *-k k (ʌ), формант латива (фин. *-k*, мар. *-kə*; ср. Collinder CG 296) ~ драв. *-k k (ʌ), формант датива (тамил. *-kku*, каннада *-ke*, телугу *-ku(n)*; ср. Bloch 17) ~ картв. *-ḳ e n, послелог 'по направлению к' (груз. *-ḳen*).

4.19. алт. *l o k ʌ или *l u k ʌ 'рысь, песец, собака' (эвенк. нэпск. *luku* 'голубой песец', ороч. *loke* 'рысь', маньчж. *luka* 'рысенок', монг. *noqai* 'собака'; ср. Санжеев ИАН 1930, 698) ~ драв. *n a k k- 'шакал, лиса' (каннада *nakke* 'шакал', колами

---

36 В следующих случаях, где не представлен картвельский, можно восстанавливать **ḳ* или соответствующий по характеру смычки поствелярный *q̣ : 1. алт. *n ä k ä- 'преследовать' (монг. *neke-*) ~ и.-е. *n e k̂- 'убивать, погибать' (см. Pok 762) ~ с.-х. *n ḳ- 'мстить, убивать' (ср. Leslau 274); 2. алт. *ā k (ʌ)- 'течь' (туркм. *āq-*) ~ и.-е. *a k ụ̯ ā 'вода, река' (см. Pok. 23) ~ с.-х. 'ḳ ụ̯- 'вода, литься' (ср. Cohen 129—130; Cerulli 2, 223); 3. алт. *č o k 'много' (см. Ramstedt JSFOu 57[3], 7) ~ урал. *č o k k ʌ 'густой, много' (см. Coll. 114); 4. алт. *p o k a 'пузырь' (нан. *poka*) ~ драв. *p o k k- 'пузырь' (см. DED 295); 5. алт. *o k y 'острие' (см. Poppe 98) ~ и.-е. *H e k̂- 'острый, острие' (см. Pok. 18—22); 6. алт. *p ä k ü 'горячий' (см. Вас. 505), и.-е. *p e k ụ̯- 'жарить, варить' (см. Pok. 798); 7. алт. *b a k a- 'смотреть, находить' (туркм. *baq-*, эвенк. *baka-*) ~ с.-х. *b ḳ- 'видеть' (ср. Cerulli 4, 413); 8. урал. *ł ü k k ʌ- 'совать, толкать' (см. Coll. 96) ~ драв. *ṭ u k k- то же (см. DED 214); 9. урал. *r a k k ʌ- 'сооружать' (см. Coll. 110) ~ и.-е. *r e k- 'сооружать, решать, говорить' (см. Pok. 863); ср. в начальной позиции: 10. алт. *k'a p a- 'закрывать (см. Ram. 89—90) ~ драв. *k a p p- 'покрывать' (см. DED 86—87) ~ с.-х. **kpr* 'покрывать, укутывать' (см. Calice 84) и мн. др.

nakka 'лиса'; ср. DED 239) ~ и.-е. *luk̂- 'рысь' (арм. *lusanunk'*, мн., др.-в.-нем. *luhs*; ср. Pok. 690) ~ картв. *l e ḳ (w)- 'щенок, собака' (груз. *leḳw-* 'щенок', чан. *laḳ-* 'собака', *laḳoṭ-* 'щенок'; см. Климов 120).

*k

а) в начальной позиции

5.1. алт. *k ä l i 'сестра мужа, жена сына; муж сестры' (эвенк. *käli* 'свояк', азерб. *gälin* 'сноха'; ср. Räs 9) ~ урал. *k ä l ü 'сестра мужа; муж сестры' (фин. *käly* 'свояченица, золовка', ненец. *sēl* 'свояк'; см. Coll. 23) ~ драв. *k a l- 'жена дяди, сестра матери' (курух *k̲hallī* 'жена младшего дяди', малто *qali* 'сестра матери'; см. DED 94) ~ и.-е. *ĝ $_e$ l (ō) u̯ 'сестра мужа' (греч. аттич. γάλως 'золовка', ц.-слав. *zъlъva* то же; см. Pok. 367—368) ~ картв. *k a l- 'женщина' (груз. *kal-*) ~ с.-х. *k l l 'жена сына, невеста' (др.-евр. *kallā*, ю.-араб. сокотри *kelán*, аккад. *kallat* f.; см. Leslau 219).

5.2. урал. *k o j a 'жир' (морд. *kuja*, мар. *koja*; ср. Coll. 93) ~ и.-е. *g^u e i H- 'жизнь, пропитание' (авест. *ǰīǰišənti* 'они питают', греч. гомер. βέομαι 'буду жить', с.-хорв. *gôj* 'упитанность'; ср. Pok. 467—468).

5.3. урал. *k i w e 'камень' (фин. *kivi*, морд. эрзянск. *kev*; см. Coll. 89) ~ картв. *k w a 'камень' (груз. *kwa*, чан. *kua*; см. Климов 197) ~ с.-х. *k w 'камень' (будума *kau̯*, жен *kwą̄a*, вандала *nəkwą*; см. Gaudefroy Actes 14^2, 271; Mouchet ECam. 3, 18)[37].

5.4. алт. *k ä b ʌ- или *k e b ʌ- 'жевать' (эвенк. *käwä* 'челюсть', монг. *kebi-* 'пережевывать', туркм. *gǟviš-* 'жевать жвачку'; ср. Poppe JSFOu 63, 18) ~ и.-е. *ĝ e u̯ (H)- 'жевать' (др.-англ. *cēowan* 'жевать', лит. *žiáunos*, мн. 'челюсти'; ср. Pok. 400)[38].

5.5. алт. *k o l u- 'обдирать кору, кожу' (эвенк. *kolū* 'обдирать кожуру, снимать шапку', монг. *qoludasun* 'содранная кора'; ср. KW 182) ~ урал. *k o l ʌ- 'обдирать кору' (фин. *kolo-*; см. SKES 212)[39].

5.6. алт. *k ü d ä g ü 'зять, жених' ~ урал *k ü δ ü 'родственник мужа (жены)'; см. 3.16.

5.7. алт. *k ī w ä 'береста, береза' (эвенк. Баргузин *kīwä* 'береста, береза', эвен. *kīwǟ* 'береста') ~ урал. *k o j w u 'береза' (фин. *kojvu*, камас. *kojü*; см. Coll. 25)[40].

---

[37] Ср. Долг. 16 (урал.~картв.).
[38] Ср. Menges StOFe 28^8, 27—28.
[39] Ср. Räs. 50.
[40] Ср.: Räs. 27; Coll. 145.

5.8. алт. *k ä l (ʌ)- 'приходить' (тур. *gel-*, азерб. *gäl-*, туркм. *gel-*, тув. *kel-*; см. Биишев 40) ~ урал. *k ä l ä- 'переходить в брод, идти' (морд. мокш. *kälə-* 'переходить в брод', венг. *kel-* 'отправляться'; см. Coll. 20) ~ картв. *k l- 'бродить' (мегрел. *kil-*, *nkil-*)[41].

5.9. алт. *k u l y- 'червь, змея' (эвенк. *kulikān* 'червь', *kulin* 'змея', нан. *kolan* 'червь', кор. *kurẹŋi* 'род змеи'; см. SKE 132; Benzing 28) ~ урал. *k o ł ʌ 'солитер' (удмурт. *kẹl* 'глиста, солитер', хантыйск. *kuł* 'солитер'; ср. Coll. 25) ~ с.-х. *k^u l 'змея' (чад.: болева *kuredi*, ангас *kwol*, сомрай *kula*).

5.10. алт. *k a m ʌ- 'хватать, сжимать' (нан. *kamale-* 'прижимать', монг. *qamu-* 'собирать, хватать'; ср. KW 164) ~ и.-е. *g e m- 'хватать, сжимать' (греч. γέντο, Aor. 'схватил', ст.-слав. *žьmǫ* 'жму'; см. Рок. 368—369) ~ с.-х. *k m- 'хватать' (аккад. *kamū*, чад. хауса *kāma*, маса *čum*; см. Greenberg 61).

5.11. алт. *kal'- 'лысый, голый' (маньчж. *kalǯa* 'залысины, лысина', монг. *qaltar* 'лысый, голый', др.-тюрк. *qašqa* 'лысый'; ср. KW 163) ~ и.-е. *g o l- 'лысый, голый' (др.-в.-нем. *kalo* 'лысый', ст.-слав. *golъ* 'голый'; ср. Pok. 349).

5.12. урал. *k u p s a- 'гаснуть, гасить' (эст. *kustu-*, саам. кольск. *gop'se*; см. Coll. 29) ~ и.-е. *g^u e s- 'гаснуть, гасить' (греч. σβέννῡμι 'гашу', лит. *gèsti* 'гаснуть'; см. Pok. 479—480).

5.13. драв. *k u ṟ- или *k o ṟ- 'овца' (тамил. *koṟi*, тода *kury*, каннада *kuṟi*, *koṟi*; см. DED 145) ~ с.-х. *k r r или *k^u r r 'ягненок, баран' (аккад, *kirru* 'ягненок', бербер. кабильск. *ikərri* 'баран', чад.: ангас *kīr* 'баран на откорме'; см. Cohen 114).

5.14. алт. *k ö l'- 'холодный' (монг. *kölde-* 'замерзать'; см. Räs. 37) ~ урал. *k ü l m ä 'холодный, морозить' (фин. *kylmä* 'холодный', саам. *gâl'bme-* 'морозить'; см. SKES 254) ~ драв. *k u ḷ ʌ 'прохладный, холодный' (тамил. *kuḷir* 'ощущать прохладу', каннада *kuḷir* 'быть холодным, прохладным'; см. DED 124) ~ картв. **kwal-/kwel-* 'холодный' (сван. *kwäl-* 'знобить', *kwēl-* 'остудить').

5.15. алт. *k a n t a- 'доставать рукой' (ульч. *kanta-*, нан. *kāntači-*) ~ урал. *k a n t a- 'нести, уносить, приносить' (фин. *kanta-*, мар. *kandə-*, селькуп. *kuenda-*; см. Coll. 22).

5.16. и.-е. *ĝ e n H- 'знать' (др.-инд. *jānā́mi*, греч. γιγνώσκω; см. Pok. 376—378) ~ с.-х. *k (j) n 'знать' (беджа *kan* 'знать', агав билин *kin* 'знать'; см. Reinisch SAW 128[7], 20).

5.17. и.-е. *g^u e n ā 'женщина, жена' (арм. *kin*, др.-ирл. *ben*; см. Pok. 473—474) ~ с.-х. k^u n 'женщина, жена' (аккад. *kinītu*, f. 'подруга', бербер. кабильск. *ṯa-kena* 'одна из жен', агав дембья *kŭĭna*, агавмедер *χŭnā* 'женщина'; ср. Rößler ZAss 50, 133; Reinisch SAW 106, 349).

---

[41] Ср.: Räs. 43; Coll. 144 (алт. ~ урал.).

б) в неначальной позиции между гласными

5.18. алт. *toga или *tuga 'число' (монг. *toga*, могол. *toa*; см. Poppe Mong. 104) ~ урал. *ł u k e- или *l u k e- 'считать' говорить' (фин. *luke-* 'считать', морд. *lovo-* то же, ненец. *lohana* 'говорить'; см. Coll. 131) ~ драв. *t o k k- / t o k ʌ- 'собирать, считать' (тамил. *toku-* 'собирать (вместе), считать', телугу *tokkulāḍu* 'толпиться'; см. DED 228—229) ~ и.-е. *l e ĝ- 'собирать, считать, говорить' (греч. λέγω 'собираю, считаю, говорю', алб. *mb-leth* 'собираю'; см. Pok. 658)[42].

5.19. алт. *t ä g (ʌ)- 'трогать, касаться' (азерб. *däj-*, туркм. *deg-*, тув. *deg-*) ~ драв. *t a k ʌ 'трогать, касаться' (каннада *tagalu*, малто *take*; см. DED 192) ~ и.-е. *d e g- 'трогать' (гот. *tēkan*, тох. В. *tek-*; ср. Pok. 183).

5.20. урал. *ń ü k i- 'теребить, дергать' (фин. *nyki-*, венг. *nyüv-*; см. Coll. 103) ~ драв. *n u k ʌ- 'трясти, качать' (курух *nuk-*, малто *nuke*; см. DED 248) ~ и.-е. *i̯ e u ĝ- 'находиться в движении' (авест. *yaozaiti* 'волнуется — о поверхности воды', гот. *jiukan* 'сражаться'; см. Pok. 512).

5.21. алт. *d a g a- 'следовать за кем-либо, приставать' (монг. *daga-*, др.-тюрк. *jaγ-* 'приставать, прилипать'; ср. KW 72) ~ урал. *t a k a 'задний' (фин. *taka-* 'задний', нганасан. *takanu* 'сзади'; см. Coll. 61)[43].

5.22. урал. *w ä k e 'сила, большой' (фин. *väkevä* 'сильный', саам. *viekkâ* 'порядочный, довольно большой', хант. *wöγ* 'сила'; см. Coll, 123—124) ~ и.-е. *u̯ e ĝ- 'сильный, бодрый' (др.-инд. *vājas*, m. 'сила', лат. *vegeō* 'я бодр'; см. Pok. 1117—1118).

5.23. урал. *p a k ʌ- 'убегать' (фин. *pakene-* 'убегать', *pako* 'бегство', эст. *pagu* то же; см. SKES 470) ~ и.-е. *b h e g$^{u̯}$- 'убегать' (греч. φέβομαι, лит. *bėgti*; см. Pok. 116)[44].

5.24. и.-е. *l e u ĝ- 'ломать' (др.-англ. *to-lūcan* 'разрушать', лит. *láužti* 'ломать'; ср. Pok. 686) ~ с.-х. *l w k 'грызть, зуб' (араб. *lwk* 'грызть', галла *ilka* 'зуб'; см. Cohen 183).

*g

а) в начальной позиции

6.1. алт. *g ö r ʌ 'дикое (степное) животное' (маньчж. *gurgu* 'зверь', ср.-монг. *göre'esün* 'дикое животное, антилопа', могол. Зирни *görasün* 'дикий осел', тур. *gürä* 'дикий'; ср. Poppe 25) ~ драв. *k ŭ̈ r- или *k o r- 'олень, антилопа' (малаялам *kūran* годовалый олень', колами *goria* 'олень, антилопа', гадба *kuruy*

---

42 Ср.: Schrader ZII 3, 108 (урал.~драв.); Collinder IUS 12 (урал.~и.-е.).
43 Ср.: Räs. 52; Coll. 146.
44 Ср. Кеппен 47.

'олень'; ср. DED 130, 121) ~ и.-е. *ĝ h u̯ ē r- 'дикий зверь' (греч. ϑήρ, лит. *žverìs*; см. Pok. 493) ~ с.-х. *gᵘ r- 'антилопа' (беджа *garuwa*, ираку *gwarähi*, логоне *garia*; см. Greenberg 51).

6.2. алт. *g a r a 'сухая ветка, сук' (эвенк. *gara*, нан. *gara*; см. Вас. 82) ~ урал. *k a r a 'сухая ветка, острый' (фин. *kara* 'шип, сухая ветка', нганасан. *karu* 'сухая лиственница'; ср. SKES 160) ~ драв. *k a r- 'шероховатый, острый' (тамил. *karaṭu* 'шероховатость', телугу *kara* 'острый', *karasu* 'шероховатый'; см. DED 89) ~ и.-е. *g h e r (H)- 'торчать, ветка' (греч. χοιράς 'торчащий', с.-хорв. *grána* 'ветка'; см. Pok. 440)[45].

6.3. алт. *g ü r ä- 'шея' (калм. *gürē* 'шея', кирг. *kürö tamyr* 'жила на шее'; ср. KW 139) ~ урал. *k (ü) r k ʌ 'шея', 'внутренняя полость' (морд. мокш. *kərga* 'шея', мар. *körgö*, 'внутренняя полость, дупло'; см. Coll. 89) ~ драв. *k u r- 'глотка, горло, шея' (тамил. *kural* 'глотка, дыхательное горло', кодагу *kora* 'пищевод, дыхательное горло', тулу *kurelu̥* 'задняя часть шеи'; см. DED 121) ~ с.-х. *gᵘ r ʿ 'горло, глотать' (араб. *grʿ* 'глотать', геез *gᵘərʿē* 'горло', сомали *gawraʿ* 'горло'; ср. Cohen 120)[46].

6.4. урал. *k u ł ʌ 'гладкий, скользкий' (коми *gylyd*, хант. *kȫli*; см. Coll. 80) ~ и.-е. *g h l o H d h- 'гладкий, лысый' (лат. *glaber* 'лысый, гладкий', др.-фриз. *gled* 'гладкий', ст.-лит. *gluodas* 'гладкий'; ср. Pok. 431—432) ~ картв. *g l u- 'гладкий' (груз. *glu*, *gluw-*) ~ с.-х. *gᵘ l- 'гладкий, лысый' (араб. *ǧlḥ* 'быть лысым', *ǧlj* 'полировать, шлифовать', беджа *gᵘol'a* 'лысина'; ср. Ges. 141).

6.5. алт. *g i l ʌ 'блестеть' (эвенк. *gilbä-*, *gildi-*, монг. *gileji-*; см. KW 136) ~ урал. *k ī l ʌ- 'блестеть' (фин. *kiiltä-*, *kiilu-*) ~ и.-е. *ĝ h e l (H)- 'блестеть, светлый' (др.-инд. *hári-* 'светлый, желтый', др.-ирл. *gel* 'блестящий, белый'; см. Pok. 429—430) ~ с.-х. *g ḥ l или *g ḫ l 'пылать, сверкать' (др.-евр. *gaḥḥalt* 'раскаленные угли, молния', логоне *gəlé* 'пылать')[47].

6.6. алт. *g ü b ä- 'выпуклый, изогнутый, кривой' (эвенк. *giwältä* 'в разные стороны', монг. *gübege* 'холмик', *gübeji-* 'быть холмистым, изогнутым') ~ и.-е. *g h e u b- 'сгибаться, кривой' (др.-англ. *géap* 'кривой', лтш. *gubt* 'нагибаться'; см. Pok. 450) ~ с.-х. *g w b 'сгибаться' (др.-евр. *gbb* 'быть согнутым', *gab* 'спина', афар *gūb* 'сгибаться'; ср. Cohen 119).

6.7. алт. *g ō l (ʌ) 'середина, долина реки' (маньчж. *golo*, монг. *gool*; см. KW 149—150) ~ картв. *g u l- 'сердце' (груз. *gul-*, чан. *gur-*, сван. *gwi-*; см. Климов 66) ~ с.-х. *g (w) l 'сердце' (чадск.: музук *agul*, гуду *guraksə*)[48].

---

[45] Ср. Räs. 26 (алт.~урал.).

[46] Ср.: Caldwell 616; Schrader BSOS 8, 757; Burrow BSOS 11, 340 (урал.~драв.); Долг. 19 (урал.~с.-х.).

[47] Ср.: Räs. 48, Долг. 18 (алт.~урал.).

[48] Ср. Долгопольский — ВЯ 1964, № 2, стр. 60 (картв.~с.-х.).

6.8. алт. *g ü j ʌ 'моль' (монг. *güür*, туркм. *küje*; ср. KW 140) ~ урал. *k o j ʌ 'моль' (фин. *koi*, *koja*, морд. *ki*; ср. Coll. 90)[49].

6.9. алт. *g ä n d ü 'самец' (монг. *gendü* 'самец', тур. *kendi* 'сам'; см. KW 133) ~ драв. *k a ṇ ṭ- 'самец, мужчина' (малаялам *kaṇṭan* 'самец, кот', кодагу *kaṇḍë* 'самец диких животных, кобель', телугу *gaṇḍu* 'храбрость, мужская сила'; см. DED 85).

6.10. алт. *g ä r ä или *g e r ä 'свет' (маньчж. *gere-* 'рассветать'. ср.-монг. *gere* 'свет'; см. KW 134) ~ и.-е. *ĝ h e r (H)- 'светиться, сиять' (др.-ирл. *grían* f. 'солнце', др.-сканд. *grár* 'серый', лит, *žerė́ti* 'лучиться'; см. Pok. 441—442) ~ с.-х. *g h r 'светлый день', (араб. *ǧhr* 'рассветать', хамир *girkā* 'день', чадск.: хауса *garī* 'небо', музгу *gir* 'день'; ср. Leslau 104).

6.11. алт. *g e d ä 'задняя сторона, затылок' ~ и.-е. *ĝ h e d- 'задняя часть, cacсare'; см. 2.21.

6.12. алт. *g u n y- 'думать, грустить' (эвен. *gūn-* 'думать', монг. *guni-* 'грустить'; см. KW 155) ~ картв. *g o n- 'думать, вспоминать' (груз. *gon-*, мегрел. *gon-*; см. Климов 63).

6.13. алт. *g a- 'брать, получать' (эвенк. *ga-*, нан. *ga-*; см. Вас. 80) ~ картв. *g- 'приобретать, выигрывать' (груз. *g(w)-*, чан. *g-*; см. Климов 57).

6.14. алт. *g o b y 'пустыня, степь' (монг. *gobi*; см. Poppe Mong. 29) ~ с.-х. *g b b 'равнина, поле, пустыня' (араб. *ǧabābat* 'равнина, пустыня', сидамо *goba* 'поле'; см. Cohen 119).

6.15. урал. *k u j e 'утренняя заря' (фин. *koi*, коми *kya*; ср. Coll. 90) ~ и.-е. *g^{u}h a i̯- 'светиться, мерцать' (греч. φαιός 'мерцающий', лит. *giẽdras* 'ясный, светлый'; см. Pok. 488—489).

6.16. и.-е. *ĝ h a l- 'болезнь, ущерб' (др.-ирл. *galar*, n. 'болезнь, забота', др.-сканд. *galli*, m. 'пятно, ущерб', лит. *žalà* 'вред'; см. Pok. 411) ~ с.-х. g l- 'болезнь' (ю.-араб. сокотри *g(y)ole*, шхаури *géle*; см. Leslau 109).

6.17. и.-е. *g h o l H- или *g^{u}h o l H- 'голова' (арм. *glux*, лит. *galvà*, с.-хорв. *gláva*; см. Vas. I, 286; Fraenkel 132) ~ с.-х. *g l g l (редупликация) 'голова' (др.-евр. *gulgolẹt*, др.-егип. *ḏȝḏȝ*; см. Cohen 121).

6.18. картв. *g w r 'катиться, валяться' (груз. *gor-*, сван. *gur-*, *gwr-*; ср. Климов 64) ~ с.-х. *g^{u} l- 'катить, круглый' (амхар. *g^{u}älälä* 'катить', др.-евр. *gilgal* 'круг', логоне *ŋgolṓ* 'круглый'; ср. Cohen 121).

б) в неначальной позиции между гласными

6.19. алт. *s a g a- 'извлекать, доить' (монг. *saga* 'доить', калм. *sā-* 'доить, тянуть к себе', тур. *sağ-* 'доить, извлекать мед из сот'; см. KW 317) ~ урал. *s ā γ e- 'получать, достигать' (фин. *saa-* 'получать, достигать', саам. кольск. *sakky-* 'получать',

[49] См.: Räsänen Mat. 134; Coll. 148.

мар. *šo-* 'получать, прибывать'; см. Coll. 54) ~ и.-е. *s e ĝ h- 'добывать, одолевать, держать' (др.-инд. *sáhatē* 'одолевает, переносит', авест. *haz-* 'овладевать, добывать', греч. ἔχω 'держу, владею'; см. Pok. 888—889)[50].

6.20. урал. *w ē γ e- или *w ī γ e- 'вести, уводить' (фин. *vie-*, саам. кольск. *vykka-*, морд. *vije-*; ср. Coll. 140) ~ и.-е. *u̯ e ĝ h- 'вести, нести, везти' (др.-инд. *vā́hati* 'ведет, везет', лат. *vehō* 'веду, везу, несу', ст.-сл. *vezǫ* 'везу'; см. Pok. 1118—1120)[51].

6.21. алт. *t'a g o или *t'o g a 'огонь' (эвенк. *togo*, нан. *tawa*, маньчж. *tuwa*; см. Цинциус 323) ~ и.-е. *d h e g^u̯h- 'гореть' (др.-инд. *dáhati* 'горит', лат. *foveō* 'согреваю'; см. Pok. 240—241)[52].

6.22. алт. *d y g a- или *t y g a- 'рыба' (монг. *ǯigasun*, монгор. *ǯiägasę*; см. Poppe Mong. 34) ~ и.-е. *ĝ h d h ū (с метатезой) 'рыба' (греч. ἰχθῦς, лит. *žuvìs*; ср. Pok. 416—417) ~ с.-х. *d g 'рыба' (др.-евр. *dāγ*, угарит. *dg*, билин *zegā*.

6.23. алт. *m a g u 'плохой' (монг. *magu*, калм. *mū*) ~ с.-х. *m g^u̯- 'плохой' (беджа *māg*, галла *magŭ*, хауса *mūgu*; см. Trombetti Less. 422)[53].

6.24. драв. *m ā 'большой' (тамил. *mā*, малаялам *mā*; см. DED 319) ~ картв. *m a g- 'сильный, большой' (груз. *magar-* 'сильный, крепкий').

6.25. урал. *m ā γ ʌ 'земля' (фин. *maa*, манс. Ср. Конда *mę̄*, нганасан. *mou*; см. Coll. 33) ~ и.-е. *m e ĝ h- 'земля' (др.-инд. *mahī́*, f. 'земля', др.-ирл. *mag*, n. 'равнина, открытое пространство'; ср. Pok. 709).

6.26. и.-е. *l e g h- 'класть, ложиться' (др.-в.-нем. *ligen* 'лежать', гот. *lagjan* 'класть', ст.-сл. *ležati* 'лежать'; см. Pok. 658—659) ~ картв. **lag-* 'класть, сажать растение' (груз. *lag-* 'класть, убирать', сван. *laǯ-*, *lž-* 'сажать'; ср. Климов 118—119).

Поствелярные. Три различных ряда соответствий указывают на существование трех протофонем, имеющих более заднюю артикуляцию, чем обычные велярные. Такую артикуляцию предполагают рефлексы этих протофонем в картвельском и семитохамитском, где исходное состояние изменено в наименьшей степени. Тенденция к спирантизации (и далее — к утрате) этих фонем отражена во всех языках. Смычный характер полностью сохраняют лишь рефлексы **q*, совпадающие с рефлексами велярного **ḳ* везде, кроме картвельского. Смычные фонемы, восходящие к **q*, дали лабиализованные в индоевропейском, картвельском и семитохамитском и палатальный — в индоевропейском в тех же условиях, что и исходные велярные. Аналогичным

---

[50] Ср.: Räs. 46 (алт. ~ урал.); Долг. 7 (урал. ~ и.-е.).

[51] Ср.: Paasonen FUF 7, 25; Trombetti Less. 452 (урал. ~ и.-е.); Coll. 140 (урал. ~ и.-е.).

[52] Ср. Bouda UAJb 25, 163 (алт. ~ драв.).

[53] Ср. Trombetti Less. 422.

образом в картвельском развились лабиализованные *qw* и *γw*, а в индоевропейском, по-видимому, возникла триада ларингальных *Ĥ*, *H*, *Hᵘ*.

	Алт.	Урал.	Драв.	И.-е.	Картв.	С.-х.
*q̣	k‘- -k-	k- -?-	k- -?-	k̂, k, kᵘ	q̣, q̣ʷ	ḳ, ḳᵘ
*q	∅- -?-	∅- -?-	∅- -?-	H (Ĥ, Hᵘ?)	q, qʷ	ḫ
*g	∅- -:∅-	∅- -:γ-	∅-⁺-:∅-	H (Ĥ, Hᵘ?)	γ, γʷ	ǥ

*q̣ [54]

а) в начальной позиции

7.1. урал. *k ȳ m a ‘жара, пыл, страстное желание’ (фин. *kiima* ‘сезон спаривания’, венг. *hév*, *hő* ‘жара, пыл’; ср. Coll. 89) ~ и.-е. *k̂ e m H- ‘напрягаться, трудиться’ (др.-инд. *śamnītē*, греч. Perf. κέκμηκα; см. Pok. 557) ~ картв. *q̣ m- ‘жаждать, голодать’ (др.-груз. *siq̣mil-* ‘голод’, сван. *q̣m* ‘голодать’; см. Климов 212) ~ с.-х. *ḳ m ’ ‘сжигать, изнурять, сгорать’ (аккад. *qamū*).

7.2. урал. *k ū l e- ‘слушать’ (фин. *kuule-*, саам. *gullâ-*; см. Coll. 93) ~ драв. *k ē ḷ- ‘слушать’ (тамил. *kēḷ*, каннада *kēḷu*; см. DED 136—137) ~ и.-е. *k̂ l e u (H)- ‘слышать’ (др.-инд. *śṛṇōti*, греч. Aor. ἔκλυον; см. Pok. 605—607) ~ картв. *q̣ u r- ‘ухо’ (груз. *q̣ur-*, чан. *q̣uǯ-*; см. Климов 213)[55].

7.3. урал. *k ō l′ e ‘testiculus’ (саам. *guollâk*, мн. ‘scrotum’, коми *kel′*; см. Paasonen Beitr. 47) ~ картв. *q̣ w e r- ‘testiculus’ (груз. *q̣wer-*, чан. *q̣waǯ-*, сван. *q̣urnai*; см. Климов 210) ~ с.-х. *ḳᵘ l- ‘testiculus’ (агав билин *ḳᵘela*, хауса *k’walatai*, мн.; ср. Cohen 127).

7.4. урал. *k ō l e- ‘умирать’ (фин. *kuole-*, манс. Тавда *kāl-*; см. Coll. 28) ~ драв. *k o l- ‘убивать’ (тамил. *kol*, телугу *kollu*; см. DED 143) ~ картв. *q̣ w i l- ‘убивать’ (мегрел. *‘wil-*, чан. *q̣wil-*; см. Чик. 353)[56].

7.5. урал. *k у ń a или *k a ń a ‘мороз’ (ненец. *hańea*, селькуп. *kāńe*; см. Castren Verz. 224) ~ драв. *k i ṇ- или *k i n- ‘холодный’ (колами *kinani*, гонди *kinan*; см. DED 111) ~ картв. *q̣ i n- ‘морозить, мерзнуть’ (груз. *q̣in-*, чан. *q̣in-*, см. Климов 212).

7.6. и.-е. *k̂ e r m- ‘сильно пахнущее растение’ (ср.-ирл. *crim* ‘чеснок’, лит. *šermùkšnis* ‘черемуха’; ср. Pok. 581) ~ картв.

---

[54] Приводятся лишь соответствия, где представлен картвельский, так как только в нем различны рефлексы *q̣ и *ḳ.

[55] Ср.: Caldwell 593, 618 (урал.~и.-е.~драв.); Кеппен 48 (урал.~и.-е.); Schrader ZII 3, 89 (урал.~драв.).

[56] Ср.: Caldwell 618; Schrader ZII 3, 89.

*q a r-/q r- 'смердеть' (груз. *qar-/qr-*, мегрел. *'orad-*, *'orid-*; см. Климов 209) ~ с.-х. ḳ r- 'пахнуть' (агав билин *ḳira* 'запах', хамир *xar* 'пахнуть'; ср. Reinisch SAW 105, 371).

7.7. драв. *k ū ṟ- 'любить' (малаялам *kūṟu-* 'любить', телугу *kūrimi* 'дружба, любовь'; см. DED 129) ~ картв. *q w a r- 'любить' (груз. *qwar-*, чан. *qor-*; см. Климов 210).

7.8. картв. *q w l- или *q w r- 'кричать' (груз. *qwir-*, чан. *qur-*, сван. *qūl-*; ср. Климов 211) ~ с.-х. *ḳ w l 'кричать, говорить' (араб. *ḳwl* 'говорить', аккад. *ḳālu* 'звать, кричать', сидамо *ḳāle* 'голос'; ср. Ges. 706).

б) в неначальной позиции между гласными

7.9. алт. *t' ō k ʌ- 'сгибать, локоть' (эвенк. *tōkīkān* 'изгиб реки', ср.-монг. *toqai* 'локоть'; см. Poppe 14) ~ и.-е. *(e) l e k- 'сгибать, локоть' (греч. λοξός 'изогнутый'; лит. *úolektis*, f., *alkū́nė*, f. 'локоть'; ср. Pok. 308) ~ картв. *d (l) a q w- 'изгиб, локоть' (др.-груз. *(n)idaqw-* 'локоть', 'свод', груз. *dlaqw-* 'локоть', чан. *du(r)qu-*; см. Климов 74)[57].

*q

а) в начальной позиции

8.1. алт. *a l a 'низ' (тур. *alt* 'низ', якут. *alyn* 'внизу', кор. *arai* 'под'; см. Poppe 75) ~ урал. *a l a 'низ' (фин. *ala-* 'под', венг. *al* 'низ'; см. Coll. 2—3) ~ с.-х. *ḫ l (j) 'низ' (ю.-араб. мехри *ḫâli* 'под', сокотри *ḫlj* 'бросать вниз, сидеть под чем-нибудь'; см. Leslau 175)[58].

8.2. алт. *u r или *o r 'яма, отверстие' (монг. *ur* 'яма, отверстие', туркм. *or* 'канава, яма'; см. KW 450) ~ драв. *u r 'пронзать, дырявить' (тамил. *uruvu*, каннада *urcu*; см. DED 50) ~ картв. *q w r- 'дырявить, прогрызать' (др.-груз. *qwr-*, сван. *qwir-*; см. Климов 265) ~ с.-х. *ḫ (w) r 'дырявить, отверстие' (араб. *ḫrr* 'прорывать, протыкать', *ḫurr* 'дыра', др.-евр. *ḥūr*, *ḥōr* 'дыра, яма'; ср. Ges. 255, 219).

8.3. алт. *o d ʌ- '(быстро) двигаться' ~ драв. *ā ṭ ṭ-/ā ṭ ʌ- 'двигать(ся)' ~ картв. *q a d-/q e d- 'двигать(ся)' ~ с.-х. *ḫ d- 'двигаться', см. 3.11.

8.4. алт. *a n t a 'передняя, южная сторона' (эвенк. *antaga* 'южный скат', кор. *anthä* 'перёд'; ср. SKE 11) ~ и.-е. *H e n t- 'передняя сторона' (хетт. *ḫant-* 'передняя сторона', лат. *ante* 'перед'; см. Pok. 48—50) ~ с.-х. *ḫ n ṭ или *ḫ n t 'передняя,

---

[57] Ср. Климов 74 (и.-е. ~ картв.).

[58] Ср.: Sauv. 124; Németh NyK 47, 26; Räs. 51; Coll. 143 (алт. ~ урал.).

южная сторона' (др.-егип. *ḫnt* 'лицо', *ḫntw* 'перед, юг', хауса *hanči*, мн. *hantuna* 'нос'; ср. Cohen 107).

8.5. алт. *a ƀ ʌ- 'спасать, помогать' (эвенк. *aj-* < **awi-*, монг. *abura*) ~ и.-е. *H e u̯- 'заботиться, помогать, защищать' (авест. *avaiti* 'заботится, помогает', др.-ирл. *con-ōi* 'защищает'; ср. Pok. 77—78) ~ с.-х. *ḫ w- 'охранять, защищать' (араб. *ḫwl*, др.-егип. *ḫwj*; см. Calice 184).

8.6. алт. *a p u-/*a ƀ u- 'брать, хватать' ~ и.-е. *H e p- или *Ĥ e p- 'доставать, брать' ~ с.-х. *ḫ p_1' 'хватать'; см. 11.10.

8.7. алт. *ä l (ʌ) 'рука' (азерб. *äl*, туркм. *el*) ~ картв. *q e l-/ q a l- 'рука' (др.-груз. *qel-* 'рука', сван. *qal* 'длина руки'; ср. Климов 264).

8.8. и.-е. *H e t- 'идти, год' (др.-инд. *ātati* 'ходит', оск.-умбр. *acno-* 'год', гот. *aþnam* Dat. Pl. 'годам'; см. Pok. 69) ~ с.-х. *ḫ ṭ- 'шагать' (араб. *ḫṭw*, др.-егип. *ḫtj*; см. Calice 77).

*g

а) в начальной позиции

9.1. алт. *u r y- 'течь, лить' (монг. *urus-* 'течь', хакас. *ury-* 'лить'; см. KW 451) ~ и.-е. *H e u r-/H u̯ e r- 'жидкость, влажный' (греч. ἄναυρος 'безводный' / др.-сканд. *vari*, m. 'жидкость'; ср. Pok. 80—81) ~ картв. *γ w a r- 'лить(ся), промокать' (груз. *γwar-* 'лить(ся) обильно', чан. *γwar-* 'промокать'; см. Чик. 347) ~ с.-х. *g̱ w r 'промокать, озеро, влажная низменность' (араб. *g̱wr* 'погружаться, впитываться, уходить в землю — о воде', *g̱awr* 'низменность', сомали *hūr* 'озеро'; ср. Leslau 308; Cohen 109—110).

9.2. алт. *ü d ʌ- 'связывать, ремень' ~ и.-е. *H e u d h-/ H u̯ e d h 'связывать, ткать' ~ картв. *γ w e d- 'ремень' (груз. *γwed-*, сван. *γwed-*; см. Климов 203); см. 3.13.

9.3. и.-е. *H e r k- 'изогнутый' (лат. *arcus*, Gen. *arcūs* 'дуга', с.-хорв. *ràkita* 'ракита'; ср. Pok. 67—68) ~ картв. *γ r e ḳ- 'изгибать(ся), извивать(ся)' (груз. *γreḳ-*, мегрел. *γiraḳ-/γiriḳ-/γirḳ-*; см. Климов 206).

9.4. картв. *γ a m e 'ночь' (груз. *γame* 'ночь', чан. *γoma(n)* 'вчера'; ср. Климов 200—201) ~ с.-х. *g̱ m- 'темный, покрывать, гасить' (араб. *g̱mm* 'быть темным', *g̱m'* 'покрывать, укутывать', арам. сир. *'m'* 'гасить'; см. Ges. 579)[59].

б) в неначальной позиции между гласными

9. 5. алт. *t ā- или *d ā- 'давать, передавать(ся)' (эвенк. *dā-* 'передать мясо медведя родственникам', *dāw-* 'передаваться — о болезни', кор. *tāgo* 'дай мне'; см. SKE 247—248) ~ урал. *t ō γ e-

[59] Ср. Trombetti El. 605.

'давать, приносить' ~ драв. *ḷ ā- 'давать' ~ и.-е. *d e Hᵘ̯- 'давать'; см. 2.5.

9.6. алт. *ǯ ē- 'есть' (монг. *ǯemü-* 'быть голодным', азерб. *je-* 'есть'; якут. *siä-* то же; ср. Ram. 65) ~ урал. *s ē γ e 'есть' (морд. мокш. *sevə-*, хант. Вах. *liγ-*; см. Coll. 117) ~ и.-е. *s e H- 'сытый, насыщаться' (греч. ἄεται 'насыщается', лит. *sotùs* 'сытый'; см. Pok. 876) ~ картв. *ʒ e γ- / ʒ γ- 'насыщаться' (груз. **ʒeγ-/ʒγ-*, чан. *ʒγ-*; см. Климов 235—236)[60].

9.7. картв. *ḃ e γ- 'достаточно, довольно' (мегрел. *baγu*, чан. *baγun*; см. Чик. 252) ~ с.-х. *ḃ g̣- 'чрезмерный' (араб. *bg̣*, *bg̣j* 'переходить границу, меру, раздуваться', др.-егип. *bʿḥ* 'переливаться, быть в излишке'; ср. Ges. 106).

Лабиальные. Три типа соответствий лабильных указывают на три исходные протофонемы; обозначаем их *ṗ, *p и *b. Репрезентация фонемы *p своеобразна: лишь в уральском в неначальной позиции между гласными она представлена рефлексом, отличным от рефлексов *ṗ и *b* (урал. *-p-). В алтайском, индоевропейском, картвельском и семитохамитском рефлексы этой фонемы совпадают с рефлексами *ṗ или *b, причем в этих языках часто обнаруживается чередование двух таких рефлексов в пределах одной морфемы. Индоевропейский и семитохамитский еще сохраняют частично специальные рефлексы этой фонемы: и.-е. *b (чередующийся с *p), с.-х. *p_1 (чередующийся с *b).

Исходный *ṗ отражен в картвельском как *ṗ, по-видимому, лишь в начальной позиции перед гласным и в позиции между гласными (речь идет о картвельском состоянии); см. 10.1, 10.17, 10.18, 10.27, 10.30 (но *p-* в 10.13); перед согласным и после согласного рефлексом этой фонемы является картв. *p; см. 10.2, 10.3, 10.4, 10.6, 10.7 (ср. еще 10.35). В индоевропейском обычным рефлексом *ṗ является и.-е. *p. В начальной позиции *ṗ дает и.-е. *sp- в тех случаях, когда на границе первого и второго слогов исходной основы был представлен *-j- или сочетание сонантов с *-j- (давшее мягкие сонанты в ряде языков); см. 10.2, 10.6, 10.8, 10.9, 10.12, 10.15.

	Алт.	Урал.	Драв.	И.-е.	Картв.	С.-х.
* ṗ	p'- -p-	p- -pp-	p- -pp-/-v-	p-, sp-,-p-	ṗ, p	p
* p	p'-/b- -p-/-b-	p- -p-	p- -pp-/-v-	p/b	p/b	$p_{(1)}$ /b
* b	b- -b-	p- -w-	p- -v-	bh	b	b

[60] Ср. Долг. 6 (урал. ~ и.-е.).

*p̦

а) в начальной позиции

10.1. алт. *p' e r ä или *p' ä r ä 'нижний край, дно' (нан. *päräg* 'дно', маньчж. *fere* то же, кирг. *ergä* 'нижний край решетки юрты'; см. Ramstedt JSFOu 32^2, 4) ~ урал. *p e r ä 'оконечность' (фин. *perä* 'крайняя, задняя часть', морд. стар. *piŕa* 'вершина, голова'; ср. Coll. 107) ~ драв. *p i ṟ- 'задний край' (тамил. *piṟaku* 'задняя сторона', телугу *piṟu* 'сзади', курух *pisā* 'потом'; ср. DED 280) ~ и.-е. *p e r- 'передний край' (др.-инд. *pra-* 'перед', *purā́* 'прежде', греч. προ- 'перед'; ср. Pok. 810—816) ~ картв. *p̦ i r- 'край, оконечность' (груз. *p̣ir-* 'рот, лицо, край', *p̣irsp̣ir* 'напротив', *p̣irwel-* 'первый', чан. *p̣iǯ-* 'рот, лицо, край'; см. Климов 153) ~ с.-х. *p r ' 'край, оконечность' (араб. *far'* 'кончик уха, край ветки', ю.-араб. сокотри *fer'* 'край', др.-евр. *pẹra'* 'главный'; см. Leslau 341—342)[61].

10.2. алт. *p' ü j ʌ- 'кипеть' (нан. *puju-*, маньчж. *fujä-*, монг. *üji-*; см. Ram. 54) ~ урал. *p ü j ʌ- 'закипать, созревать' (морд. *pi-*, *pije-* 'закипать', венг. *fő-* то же, камас. *pü-* 'созревать, поспевать'; ср. Coll. 12) ~ и.-е. *s p e H̑ (i̯)- 'созревать, успевать' (др.-инд. *sphā́yatē* 'увеличивается', ст.-слав. *spěti* 'созревать, успевать'; см. Pok. 983) ~ картв. *p w- 'кипеть, подниматься (о тесте)' (груз. *puw-* 'подниматься — о тесте', сван. *pw-* 'кипеть'; ср. Климов 192)[62].

10.3. алт. *p' ö l ä или p' ü l ä 'слишком много' (нан. *puliä* 'слишком много', ср.-монг. *hüle'ü* 'лишний'; ср. Poppe Mong. 42) ~ урал. *p a l (j) ʌ 'много' (фин. *paljo* 'много', мар. *pülä* 'довольно много'; см. Coll. 46) ~ драв. *p a l 'много' (тамил. *pala*, телугу *palu*; см. DED 267—268) ~ и.-е. p e l u 'много' (греч. πολύς, гот. *filu*; ср. Pok. 800) ~ картв. *p r 'много' (груз. *pr-i-ad-i* 'очень, много', *u-pr-o* 'больше')[63].

10.4. алт. *p' e ƀ ʌ- или *p' ä g ʌ- 'горячий, палить' (ср.-монг, *he'üsije-* 'страдать от жары', монгор. *xē-* 'сушить, греться', калм. *ē-* 'палить, жарить'; ср. Poppe Mong. 97) ~ урал. *p ī w e 'теплый, горячий' (саам. *bivvâ-* 'разгорячаться', селькуп. Нарым *pȫ* 'теплый, горячий'; ср. Coll. 6) ~ и.-е. *p e H u̯- 'огонь' (хет. *paḫḫur*, Dat. *paḫḫu(e)ni*, греч. πῦρ; ср. Pok. 828) ~ картв. *p x w- 'теплый' (груз. *za-pxul-* 'лето', сван. *lu-pxw* то же; ср. Климов

---

[61] Ср.: Sauv. 7—8; Räs. 34 (алт.~урал.); Schrader ZII 3, 92 (урал.~драв.); Anderson 234; Collinder IUS 68 (урал.~и.-е.); Trombetti Less. 463 (и.-е.~картв.); Долг. 12 (алт.~урал.~и.-е.~картв.~с.-х.).

[62] Ср. Räs. 13 (алт.~урал.).

[63] Ср.: Caldwell 598, 621 (алт.~урал.~драв.~и.-е.); Sauv. 16; Räs. 50; Coll. 146 (алт.~урал.); Coll. IUS 67 (урал.~и.-е.); Долг. 11 (алт.~урал.~и.-е.).

194) ~ с.-х. *pʿw 'огонь' (др.-егип. *pʿw*, логоне *fū*, котоко *fu*; ср. Calice 30)[64].

10.5. алт. *pʿalga 'место жилья' (маньчж. *falga* 'место жилья, деревня', туркм. *āγyl* 'загон для скота'; ср. Räs. 5—6) ~ урал. *palγʌ 'место жилья, поселение' (фин. *-palva* в названиях населенных пунктов, карел. *palvi*, венг. *falu*; см. Coll. 77) ~ драв. *paḷḷ- 'место жилья, поселение' (тамил. *paḷḷi*, телугу *palli*; см. DED 269) ~ и.-е. *p_el- 'укрепленное поселение' (др.-инд. *pūr*, Gen. *purás*, греч. гомер. πτόλις, лит. *pilìs*; ср. Pok. 799)[65].

10.6. алт. *pʿīgä- 'точить' (эвенк. илимпийск. *hīgä-*, ульч. *piwä-*; ср. Вас. 475—476) ~ урал. *pīγʌ- или *pȳjʌ- 'кремень, острый камень' (фин. *pii* 'кремень', ненецк. большеземельск. *pē̦* 'камень, точильный камень, стекло'; ср. Coll. 49) ~ и.-е. *(s)p(H)ei̯- 'острие, острый камень' (др.-инд. *sphyá-*, m. 'лучина', греч. σπίλος 'скала'; см. Pok. 981—982) ~ картв. *pxa или *pqa 'острие, хрящ' (груз. *pxa* 'ость злака, хрящ', сван. *pxa* 'кость рыбы, змееныш'; ср. Климов 194).

10.7. алт. *pʿörʌ- или *pʿürʌ- 'рождать, потомство' (эвенк. *hurū* 'семья', нан. *puri-* 'рождать', монг. *üre* 'ребенок'; ср. Вас. 499) ~ урал. *perʌ 'родственник' (людиков. *pereh* 'семья', ненецк. *pērene* 'близкий родственник жены или мужа'; см. Coll. 48; SKES 524) ~ драв. *peṟ- 'рождать, получать' (тамил. *peṟu*, каннада *peṟ-*; см. DED 292—293) ~ и.-е. *per- 'рождать, высиживать птенцов' (лат. *pariō*, Perf. *peperī* 'рождать', лит. *perė̃ti* 'высиживать птенцов'; ср. Pok. 818) ~ с.-х. *pr- 'плодоносить, всходить; молодое существо' (др.-евр. *prj* 'быть плодородным', др.-егип. *pr.t* 'плод', ангас *pār* 'ребенок'; ср. Cohen 169)[66].

10.8. урал. *puńa-/puna- 'прясть, скручивать, вращать' (саам. *bodnje-* 'скручивать', хант. *pŏń-* 'заворачивать' / саам. *bodne-* 'прясть, скручивать', венг. *fon-* 'прясть'; ср. Coll. 109, 51) ~ драв. *puṉ- или *poṉ- 'связывать' (тамил. *puṉai*, *puṉar* 'связывать, соединять', каннада *poṉar* 'быть связываемым'; см. DED 277) ~ и.-е. *(s)pen- 'прясть, сплетать' (др.-в.-нем. *spinnan* 'прясть', лит. *pìnti* 'сплетать'; ср. Pok. 988) ~ с.-х. *pn- 'вращать(ся), мотать' (др.-евр. *pnh* 'вращать(ся)', др.-егип. *pnʿ* 'поворачивать(ся)', хауса *funi* 'мотать'; см. Calice 62).

10.9. урал. *pil'ʌ- 'расщеплять, разбивать' (удм. *pil'-* 'раскалывать, отрезать', нганасан. *filimia* 'кусочек, осколок'; см. Coll. 49) ~ драв. *piḷ- 'расщеплять(ся), ломаться, лопаться' (тамил. *piḷ* 'лопаться, ломаться', *piḷa* 'расщеплять(ся)', гонди *piṛ-* 'лопаться'; см. DED 279) ~ и.-е. *(s)pel- 'расщеплять(ся),

---

[64] Ср. Долг. 13 (урал.~и.-е.~с.-х.).
[65] Ср. Sauv. 17—18; Räs. 5—6, Coll. 147 (алт.~урал.).
[66] Ср. Möller 202—203 (и.-е.~с.-х.).

лопаться' (др.-инд. *phálati* 'лопается', др.-в.-нем. *spaltan* 'расщеплять'; см. Pok. 985—987) ~ с.-х. *p l- 'расщеплять' (араб. *flḫ*, *flḥ*, *fl'* 'расщеплять', др.-егип. *pḫ3* то же, копт. *pōlḥ* 'ранить'; ср. Calice 62; Cohen 169).

10.10. алт. *p' a d a k 'ступня, нога' ~ драв. *p a ṭ ṭ ʌ- 'ступня, ступень' ~ и.-е. *p e d- 'ступня, нога'; см. 2.23.

10.11. алт. *p' ä k ü или *p' e k ü 'горячий' (эвенк. *hākū*, ульч. *päkŭ*, нан. *päku*; см. Вас. 505) ~ урал. *p ä k k e 'горячий' (саам. *bak'kâ* 'жара, горячий', нганасан. *fekagā*, *fekutea*) ~ и.-е. *p e k ᵘ̯- 'жарить, варить' (др.-инд. *pácati*, ст.-слав. *pekǫ*; см. Pok. 798)[67].

10.12. алт. *p' ü r' ʌ- 'разрывать, растирать' (нан. *purtu* 'щепки, крошки', ср.-монг. *hürü-* 'тереть, обтачивать', др.-тюрк. *üz-* 'рвать'; см. Ram. 54) ~ и.-е. *(s) p e r- 'рвать(ся)' (греч. σπαράσσω 'разрываю', лит. *spùrti* 'обтрепываться', русск. *поро́ть* (ткань); ср. Pok. 992).

10.13. урал. *p u č a 'пух, перья' (саам. *boc'ce* 'перья, пух', мар. *pəš-tə̂l* 'перья'; Toivonen FUF 19, 207) ~ и.-е. *p o u s- 'растительность на теле, пух' (лит. *paustìs* 'волосы на теле животных', русск. *пух*; см. Fraenkel 554) ~ картв. *p a č w- 'растительность на теле' (груз. *pačw-*).

10.14. урал. *p ä ł ä 'сторона, половина' (саам. *bælle* 'сторона, половина', хант. *pełək* 'половина'; см. Coll. 48) ~ драв. *p ā l 'часть, доля' (тамил. *pāl*, телугу *pālu*; см. DED 274) ~ и.-е. *p o l- или *pə l- 'сторона, половина' (алб. *palë* 'сторона', ст.-слав. *polъ* 'сторона, половина'; ср. Pok. 986)[68].

10.15. урал. *p a l' a- 'гореть, мерзнуть' (фин. *pala-* 'гореть', венг. *fagy-* 'замерзать'; см. Coll. 106) ~ драв. *p a ḷ- 'сверкать' (тамил. *paḷapaḷa* 'сверкать', каннада *paḷakane* 'сверкающий'; см. DED 269) ~ и.-е. *(s) p e l- 'пылать, сверкать' (арм. *p'ailem* 'сверкаю', лтш. *spul̃guot* 'блестеть, искриться', ст.-слав. *polěti* 'пылать'; ср. Pok. 987, 805)[69].

10.16. урал. *p a t a 'горшок' ~ драв. *p a t a l- 'горшок' ~ и.-е. *p o d- 'сосуд, горшок'; см. 2.18.

10.17. урал. *p a n e- 'класть, ставить' (фин. *pane-*, хант. *păn-*; см. Coll. 46) ~ картв. *p̣ a n- 'приставлять, прислонять' (мегрел. *p̣on-*) ~ с.-х. *p n 'класть, давать' (музгу *fána* 'класть', ангас *pān* 'давать, вручать').

10.18. и.-е. *p e r- 'бить, резать' (арм. *hari* 'я ударил', алб. *pres* 'обрубаю, режу', лит. *per̃ti* 'бить'; см. Pok. 818—819) ~ картв. *p̣ i r- 'отбивать косу' (груз. *p̣ir-*, мегрел. *p̣ir-*; ср. Климов 154) ~ с.-х. *p r- 'обрезать, разбивать' (аккад. *parū* 'кроить, обрезать', *parāru* 'разбивать').

---

[67] Ср. Ram. 93 (алт.~урал.).
[68] Ср. Schrader ZII 3, 91 (урал.~драв.).
[69] Ср. Schrader ZII 3, 91 (урал.~драв.); Долг. 11 (урал.~и.-е.).

10.19. алт. p'alʌ 'коренной зуб' (ульч. *palu*, нан. *paloa*; ср. Ram. 55—56) ~ драв. *pal 'зуб' (тамил. *pal*, гонди *pal*; см. DED 267)[70].

10.20. алт. *p'ilä 'равнина' (эвенк. Баргузин *hiläkān* 'открытое место среди гор', кор. *pḙl* 'равнина'; см. Ramstedt SKE 196) ~ и.-е. *pelH- 'широкий и плоский, равнина' (хет. *palḫiš* 'широкий', ст.-слав. *polje* 'поле'; см. Pok. 805—806).

10.21. алт. p'atʌ 'поле' ~ и.-е. *petH- 'простирать(ся), расстилать(ся)'; см. 1.32.

10.22. алт. *p'ulʌ 'осина, тополь' (эвенк. *hula* 'осина, тополь', нан. *polo* то же, монг. *ulijasun* 'осина'; см. Ram. 55) ~ и.-е. *pel- 'тополь, ольха' (осет. дигор. *färwä* 'ольха', греч. (глоссы) ἀπελλόν 'черный тополь', лат. *pōpulus* 'тополь'; ср. Ernou—Meillet 924)[71].

10.23. алт. *p'irʌ- 'взывать к божеству' (маньчж. *firu-* 'молиться', ср.-монг. *hirü'e* 'благословлять', кор. *pir-* 'просить, молиться'; см. Ram. 53—54) ~ и.-е. perk̂-/prek̂- 'просить, спрашивать' (др.-в.-нем. *fergōn* / ст.-слав. *prositi*; см. Pok. 821—822).

10.24. алт. *p'ökär' 'бык, корова' (эвенк. *hukur* 'корова', ср.-монг. *hüker* 'бык', туркм. диал. *(h)ökiz* то же; ср. Ram. 51) ~ и.-е. *pek̂u 'скот' (др.-инд. *paśu*, др.-в.-нем. *fihu*; ср. Pok. 797)[72].

10.25. урал. *paśe или *pośe 'penis' (саам. *buoččâ*, венг. *fasz*; ср. Coll. 74) ~ и.-е. *pes- 'penis' (др.-инд. *pásas* n., др.-в.-нем. *fasel*; см. Pok. 824)[73].

10.26. урал. pȳńa- 'пасти, присматривать за скотом' (саам. *binnje-* 'содержать, присматривать', энецк. Хантай *foneŋe-* 'пасти, присматривать'; см. Coll. 6) ~ и.-е. *poHi̯- 'пасти' (др.-инд. *pāti* 'пасет', греч. πῶυ 'стадо', ст.-лит. *píemuo* 'пастух'; см. Pok. 839).

10.27. и.-е. *peu(H)- 'резать, бить' (лат. *paviō* 'бью, толку', лит. *piáuti* 'резать'; ср. Pok. 827) ~ картв. *p̣u- 'рубить, сечь' (груз. *p̣(u)-* 'рубить, сечь', сван. *nā-p̣u-* 'кусок'; см. Климов 154)[74].

б) в неначальной позиции между гласными

10.28. алт. *t'apa- 'попадать, находить, отгадывать' ~ урал. *tappʌ-(наряду с *tapʌ-) 'находить, подходящий, случаться' ~ драв. *tāpp- 'подходящее, назначенное время' ~ и.-е. *top- 'попадать куда-либо, назначенное место, отгадывать' ~ с.-х. *tp

---

[70] Ср. Bouda UAJb 25, 161.
[71] Ср. Trombetti El. 390.
[72] Ср. Ram. 18.
[73] Ср. Sinor T'P 37, 233.
[74] Ср. Долг. 13.

'внимательно следить; подходящий' (др.-егип. *tpjw* 'самый предпочтительный', ангас *tăp* 'торопиться, быть внимательным, присматривать'); см. 1.3.

10.29. алт. *ṫ'а р ʌ- 'пачкать' ~ урал. *ṫ а р р ʌ 'ощупывать, лепить' ~ драв. *ṫа р р- 'ощупывать' ~ и.-е. *ṫ е р- 'смазывать, макать' ~ с.-х. *ṭ р-/ṫ р- 'обмазывать, пачкать'; см. 1.1.

10.30. алт. *l у р а- 'прилипать, прилеплять, обмазывать' (эвенк. зейск. *lipa-* 'обмазывать', монг. *niga* 'прилеплять', туркм. *jāpyš-* 'прилипать'; ср. Poppe 39) ~ и.-е. *l е і р- 'смазывать жиром, прилипать' (др.-инд. *limpáti* 'смазывает', лит. *lìpti* 'прилипать'; см. Pok. 670—671) ~ картв. *l і p̣- 'скользкий, гладкий' (груз. *lip̣-* 'гладкий, гололедица').

10.31. алт. *k а р а- или *k'а р а- 'закрывать' (монг. *qaga-* 'закрывать', туркм. *qapy* 'дверь'; см. Ram. 89—90) ~ драв. *k а р р- 'покрывать' ~ с.-х. *k р 'укрывать'.+

10.32. урал. *k ä р р ä 'лапа' (фин. *käppä* 'лапа', морд. мокш. *käpă* 'босой'; см. SKES 260) ~ и.-е. *k̂ е р- 'лапа, копыто' (др.-инд. *śapһás* 'лапа с когтями, копыто', др.-в.-нем. *huof* 'копыто'; см. Pok. 530) ~ с.-х. *ḳ р или *k р 'копыто, нога' (хауса *k'afa* 'нога', галла *kope* 'копыто'; ср. Greenberg 62).

10.33. алт. *ǯ а р а- 'браться, держать, заниматься делом' (ульч. *ǯapa-* 'схватить, взяться', туркм. *jap-* 'делать, строить'; см. Ram. 64) ~ и.-е. *s е р- 'держать в руках, заниматься делом' (авест. *hap-* 'держать в руках', греч. -ἕπω 'готовлю, обрабатываю'; см. Pok. 909).

10.34. алт. *k'ö р ä- или *k ö р ä 'пена, пениться' (монг. *köge-* 'бродить, пениться', тур. *köp-* 'пениться', туркм. *köpik* 'пена'; см. Ram. 113) ~ и.-е. *k е u р-/k u̯ е р- 'кипеть, испаряться, пар' (лат. *vapor* 'пар'. лит. *kvāpas* 'дух, запах', ст.-слав. *kypěti* 'кипеть'; см. Pok. 596—597).

10.35. и.-е. *k е р- 'рубить, копать' ~ картв. *ḳ а р-/ḳ р- 'рубить'; см. 4.15.

10.36. и.-е. *g u р- 'нора, полость' (греч. γύπη 'полость', ср.-в.-нем. *kobe* 'стойло, дупло, полость'; ср. Pok 395) ~ с.-х. *g w р 'полый, полость' (араб. *gwp* 'полый', сомали *gōf* 'пустая яма'; ср. Ges. 134).

*р

а) в начальной позиции

11.1. урал. *р е δ ä- 'протыкать' ~ драв. *р е ṭ ṭ- 'всовывать, вставлять' ~ и.-е. *b е d h- / b h е d h- (вероятно, < *р е d h-, ср. 13.6) 'втыкать, протыкать, копать' (греч. βόθρος 'яма' / лат. *fodiō* 'копаю'; ср. Pok. 113—114) ~ с.-х. *p_1 d- / b d- 'расщеплять, проламывать, разрывать' (арам. сир. *pdʿ* 'расщеплять', др.-егип. *fd* 'вырывать', *fdk* 'отрывать, отрубать', беджа *fedig* 'расщеплять' /др.-евр.

bẹdẹk 'пролом в стене', афар *bodő* 'дыра'; ср. Calice 32; Cohen 124); ср. 3.12.

11.2. алт. p'al'-/bal'- 'ступня, подошва' (нан. *palgan* 'ступня' / тур. *başmak* 'башмак'; ср. Ram. 52) ~ урал. *pel'kä или *päl'kä 'ступня, копыто' (морд. *pil'ge* 'ступня', манс. Конда *pöäl'kənt* 'ложное копыто'; ср. Coll. 108) ~ картв. *perq-/berq- 'нога, шаг' (др.-груз. *perq-* 'нога' / сван. *bärq-* 'шаг'; ср. Климов 50).

11.3. алт. *p'iš-/biš- 'вариться, преть, прокисать' (калм. *is-* 'прокисать' / туркм. *biš-* 'вариться, преть', чуваш. *piś-* то же) ~ урал. *pišä- 'жарить' (саам. *bâsse-*, коми *pẹž-*; см. Coll. 74) ~ с.-х. *p_1š-/bš- 'варить(ся), созревать' (др.-егип. *fśj* 'варить', хауса *fasú* 'созревать' / др.-евр. *bšl* 'варить', *bāšēl* 'зрелый', бербер. туарег. *ebsí* 'варить'; ср. Cohen 174).

11.4. урал. *pele- 'бояться' (саам. *bâllâ-*, венг. *fél-*; см. Coll, 47) ~ и.-е. *pel- 'трясти(сь), пугать(ся)' (греч. πάλλω 'трясу', др.-исл. *fǣla* 'пугать'; ср. Pok. 801) ~ с.-х. *pl-/bl- 'бояться, пугать' (аккад. *palāḫu* 'бояться' / др.-евр. *blh* 'пугать', *bhl* 'пугаться'; ср. Ges. 921, 100, 85)[75].

11.5. урал. *putʌ 'rectum'+ ~ с.-х. *$p_1$wt 'anus, vulva'; см. 1.30.

11.6. картв. *prç-/brç- 'рвать(ся)' (груз. *priç-*, *preç-* / чан. *bruç-*, *briç-*; ср. Климов 190) ~ с.-х. **prṣ* или **prḏ* 'рвать, ломать', (др.-евр. *prṣ* 'рвать, ломать', аккад. *parāṣu* 'пробивать стену'; ср. Ges 661).

б) в неначальной позиции между гласными

11.7. алт. *lapʌ/labʌ 'плоский, лист' (орок. *lapuⁿ* 'место для ступни на лыже', туркм. *yapraq* 'лист' / дагур. *lawā* 'лепесток'; ср. KW 272) ~ урал. *lapa 'плоская поверхность' (фин. *lapa* 'плечо, лопатка', селькуп. *laba* 'весло'; см. Coll. 31) ~ и.-е. *lep- 'плоский, лист' (гот. *lōfa*, m. 'ладонь', лит. *lãpas* 'лист'; ср. Pok. 679) ~ с.-х. *lp- 'плоский, лист' (бербер. *lfs* 'становиться плоским', логоне *lefī* 'лист').

11.8. алт. *t'äb(ʌ)- или *täbʌ-, däbʌ- 'теплый, горячий' (кор. южн. *tẹw-*, сев. *tẹb-* 'быть теплым, горячим'; ср. Ramstedt SKE 263) ~ и.-е. *tep- 'греть, теплый' (др.-инд. *tápati* 'согревает, горит', ст.-слав. *toplъ* 'теплый'; см. Pok. 1069—1070) ~ картв. *ṭ(e)p-/ṭ(e)b- 'греть(ся)' (др.-груз. *ṭp-*, *ṭep-* / чан. *ṭub-*, *ṭib-*, сван. *ṭbid-*; ср. Климов 179) ~ с.-х. *dp_1- 'жара, пот' (араб. *dif'* 'жара', 'теплая одежда', др.-егип. *fd.t* 'пот'; ср. Cohen 153)[76].

11.9. алт. *söp(ʌ)- или *süp(ʌ)- 'мести, сметать' (эвенк. *sup-* 'собраться в кучу', туркм. *süpir-* 'мести', кор. сев. *šẹp-* 'куча листьев'; см. Ramstedt SKE 229) ~ и.-е. *su̯ep-/su̯eb-

---

[75] Ср. Collinder IUS 68; Долг. 11 (урал.~и.-е.); Möller 204 (и.-е.~с.-х.).
[76] Ср. Чик. 237; Vogt NTS 9, 337; Климов 180 (и.-е.~картв.).

'мести, рассыпать' (др.-инд. *svapū́* 'метла', др.-исл. *sōfl* то же/ др.-англ. *geswōpe* f. 'отбросы'; см. Pok. 1049).

11.10. алт. *a p u- / a b u- 'брать, хватать' (маньчж. *afu-* 'хватать' / монг. *ab(u)-* 'брать, забирать', тур. *avuç* 'горсть'; см. KW 19) ~ и.-е. *H e p- или *Ĥep- 'доставать, хватать, брать' (др.-инд. *āpnóti* 'достает', хет. *ĕpmi* 'хватаю беру'; ср. Pok. 50—51) ~ с.-х. *ḫ p_1ʿ 'хватать' (араб. *hfʿ* 'быть захваченным слабостью, быть вырванным', др.-егип. *hfʿ* 'хватать, кулак'; см. Calice 76).

11.11. алт. *s i p ü- / s i b ʌ- 'процеживать, просеивать, сочиться' (монг. *sigü-* 'процеживать, просеивать' / монг. *sibeni-* 'просачиваться'; ср. Ramstedt SKE 49) ~ и.-е. *s e i p- / s e i b- 'капать, процеживать, просеивать' (др.-в.-нем. *sib* 'сито', с.-хорв. *sípiti* 'моросить' / др.-англ. *sīpian* 'капать'; см. Pok. 894) ~ с.-х. *š p_1 k 'выливать, сыпать' (араб. *sfk* 'выливать', др.-евр. *špk* 'выливать, сыпать', др.-егип. *śf<u>t</u>* 'сорт масла'; см. Calice 197).

11.12. алт. *g ü b ä- 'выпуклый, изогнутый, кривой' ~ и.-е. *g h e u b- 'сгибаться, кривой' ~ с.-х. *g (w) b 'сгибаться, выпуклый'; см. 6.6.

11.13. алт. *k o p (ʌ)- / k o b (ʌ)- 'кора, обдирать кору' (туркм. *gopur-* 'облуплять кору' / др.-тюрк. *qobuq* 'древесная кора'; ср. KW 201) ~ урал. *k o p a, 'кора, кожа' (эст. *kōba* 'еловая кора', ненецк. *hōba* 'кора, кожа'; см. Coll. 25).

11.14. картв. *t i p- / t i b- 'косить, сено' ~ с.-х. *t b- 'срезать, солома'.+

*b

а) в начальной позиции

12.1. алт. *b u r g ʌ 'вьюга, буря' (эвенк. *burga* 'вьюга', монг. *borugan* 'непогода', туркм. *bōran* 'буря', якут. *burxān* 'вьюга'; ср. Poppe 21) ~ урал. *p u r k ʌ 'вьюга' (фин. *purku*, хант. *pŏrki*; см. Coll. 52) ~ и.-е. *b h e (u) r- 'буря, бушевать' (лат. *furō* 'бушую', ст.-слав. *burja* 'буря'; см. Vas. 1, 151) ~ картв. *burγw- 'метель' (сван. *burγwīna*).

12.2 алт. *b u r ʌ- 'вертеть, сверлить' (эвенк. *buru* 'водоворот', тур. *bur-* 'вертеть, морщить', *burgu* 'сверло') ~ урал. *p u r a- 'сверлить' (фин. *pura* 'сверло', венг. *fúr-* 'сверлить'; см. Coll. 52) ~ и.-е. *b h e r- 'сверлить' (лат. *forō*, др.-сканд. *bora*; см. Pok. 134—135) ~ с.-х. *b r- 'сверлить, дыра' (геез *brr* 'сверлить', арам. *br'* 'сверлить, резать', др.-егип. *bȝbȝ* 'дыра'; ср. Cohen 172—173)[77].

12.3. и.-е. *b h e r- 'рождать, дитя' (алб. *bir* 'сын', гот. *baíran* 'рождать'; ср. Pok. 128—132) ~ с.-х. *b r- 'рождать, создавать,

---

[77] Ср.: Sinor T'P 37, 235 (алт. ~ урал. ~ и.-е.); Sauv. 48—49 (алт. ~ урал.); Wiklund MO, 1, 59—60 (урал. ~ и.-е.); Möller 33 (и.-е. ~ с.-х.).

дитя' (ю.-араб. сокотри *br*' 'рождать', арам. *bar* 'сын', барбер. Гхат *abarad* 'дитя'; ср. Ges. 899).+

12.4. драв. *p o l- 'цвести, созревать, изобиловать' (тамил. *poli* 'цвести, изобиловать', тулу *poli* 'рост, изобилие'; см. DED 300) ~ и.-е. *ƀ h e l (H)- 'лист, цвести, цветок' (греч. φύλλον 'лист', др.-в.-нем. *bluojen* 'цвести'; см. Pok. 122) ~ картв. *ƀ a l- 'лист' (сван. *bale* 'лист') ~ с.-х. *'ƀ l 'лист, растительность' (араб. *'ubl* 'молодая листва, отава', галла *bála* 'лист'; ср. Ges. 5).

12.5. алт. *ƀ y l u t 'облако' (туркм. *bulut*, якут. *bylyt*; ср. Räsänen Mat. 61) ~ урал. *p i l w e 'облако' (фин. *pilvi*, коми *piv*; см. Coll. 49) ~ с.-х. *ƀ l- 'облако' (беджа *bile* 'небо, дождь', логоне *bəlukwi*, *bulki* 'облако'; ср. Cohen 175—176)[78].

12.6. алт. *ƀ y l k a- 'раздуваться, переливаться через край' (монг. *bilqaji-* 'разбухать, переливаться через край', кирг. *bylqy-* 'быть в излишке'; см. KW 45) ~ и.-е. *ƀ h e l H- 'дуть, раздуваться' (лат. *flō* 'дую', др.-в.-нем. *blājan* 'дуть, пучить', др.-швед. *bulin* 'раздутый'; см. Pok. 122) ~ картв. *ƀ ē l- или *ƀ ē r- 'дуть, раздуваться' (груз. *ber-*'дуть, надувать', сван. лашх. *bēl-* 'вздуваться, пучить'; ср. Климов 50).

12.7. драв. *p i c- 'давить, месить, шелушить' (тамил. *picai* 'месить, шелушить зерно пальцами', кота *pick-* 'давить, щипать'; см. DED 275) ~ картв. *ƀ i ç̌- 'крошить, разламывать' (груз. *biç̌-* 'крошить', сван. *biç̌ḳw-* 'разламывать — хлеб, яблоко', *beç̌ḳw-* 'разламываться'; см. Климов 52) ~ с.-х. *ƀ d̆' 'крошить, разламывать хлеб' (араб. *bd̠'*, др.-евр. *bṣ'*; ср. Ges 109).

12.8. и.-е. *ƀ h e r k̂- 'вспыхивать, сверкать' (др.-инд. *bhrā́śatē* 'пылает, сверкает', др.-исл. *braga* 'искриться'; ср. Pok. 141—142) ~ картв. *ƀ r ç q̣- 'блестеть, искра' (груз. *brçqin-* 'блестеть', сван. *na-berçq* 'искра'; ср. Климов 50) ~ с.-х. *ƀ r ḳ 'сверкать, молния' (ю.-араб. сокотри *brq* 'сверкать', др.-евр. *båråq* 'молния'; см. Leslau 97).

12.9. алт. *ƀ y r a 'река, ручей' (эвенк. *bira* 'река', нан. *beraⁿ* 'ручей'; см. Цинц. 297) ~ драв. **pīr-* 'течь, сочиться' (тамил. *pīr-* 'обильное течение молока', тулу *pīru-* 'выделяться, просачиваться'; см. DED 281).

12.10. алт. *ƀ o r' a 'бурый, серый' (ср.-монг. *bora* 'серый', туркм. *boz* 'бурый, серый'; см. Poppe 20) ~ и.-е. *ƀ h e r- 'бурый, коричневый' (др.-в.-нем. *bero* 'медведь', лит. *bė̃ras* 'коричневый'; см. Pok. 136—137)[79].

12.11. алт. *ƀ a r y- 'брать' монг. *bari-*, монгор. *bari-*) ~ и.-е. *ƀ h e r- 'нести, брать' (др.-инд. *bhārati* 'несет', ст.-слав. *berǫ* 'беру'; см. Pok. 128—132)[80].

---

[78] Ср. Räs. 30 (алт.~ урал.).
[79] Ср.: Trombetti El. 400—401; Долг. 12.
[80] Ср. Ramstedt JSFOu 53¹, 23; Долг. 12.

12.12. алт. *b ö k ʌ- 'изогнутый' (эвенк. *bukä-* 'кланяться', монг. *bökän* 'горб верблюда', чагатайск. *bök-* 'кривить, выпучивать'; ср. KW 55) ~ и.-е. *b h e u g- / b h e u g h- 'изгибать' (др.-инд. *bhujáti* / гот. *biugan*; см Pok. 152—153).

12.13. алт. *b ü- 'быть' (эвенк.*bi-*, монг. *bü-*; ср. Ram. 57) ~ и.-е. *b h e u (H)- 'быть, становиться, расти' (др.-инд. *bhávati* 'он есть', лат. *fuī* 'я был'; ср. Pok. 146—150)[81].

12.14. алт. *b ā l' 'рана' (туркм. *bāš* 'язва', якут. *bās* 'рана') ~ и.-е. *b h ə l- или *b h o l- 'болеть' (гот. *balwjan* 'мучить', ст.-слав. *bolěti* 'болеть'; см. Vas. 1, 105; Feist 79).

12.15. алт. *b e r (ʌ)- 'дать' (эвенк. *bärin-* 'поддаться в игре', азерб. *ver-* 'дать', туркм. *ber-* то же) ~ картв. *b a r- / b r- 'дать' (сван. *br-/bar-*).

12.16. алт. *b y l g a 'горло, глотка' (эвенк. *bilga*, нан. *belga*; см. Вас. 54) ~ с.-х. *b l' 'горло, глотать' (араб. *bl'* 'глотать', беджа *bala* 'горло'; см. Cohen 176)[82].

12.17. алт. *b a k a- 'смотреть, отыскивать, находить' (эвенк. *baka-* 'находить, отыскивать', тур. *bak-* 'смотреть, искать', туркм. *bak-* 'взглядывать') ~ с.-х. *b ḳ- 'видеть, искать' (др.-евр. *bqš* 'искать', каффа *beḳ* 'видеть'; ср. Cerulli 4.413).

12.18. урал. *p o ś ʌ- 'разбивать, расщеплять' (удм. *paś mun-* 'разбивать на части и разбрасывать', камас. *buzoj* 'трещина'; см. Coll. 47) ~ и.-е. *b h e s- 'растирать' (др.-инд. *bábhasti* 'разжевывает', греч. *φάω* 'растираю'; см. Pok. 145—146).

12.19. урал. *p a k ʌ- 'убегать' ~ и.-е. *b h e g$^{u}_{x}$- 'убегать'; см. 5.23.

12.20. и.-е. *b h r e d h- или *b h r e d- 'переходить вброд, бродить, бредить' (лит. *bredù* 'перехожу вброд', русск. *бродить*, *брéдить*; см. Pok. 164) ~ картв. *b o r d- или *b o d- 'бродить, бредить' (груз. *bod-* 'бредить, бродить', мегрел. *bordiš* 'бредить'; ср. Климов 52)[83].

12.21. и.-е. *b h e n d h- 'привязывать' (др.-инд. *badhnā́ti*, гот. *bindan*; см. Pok. 127) ~ с.-х. *b n d 'обвязывать, привязывать' (др.-егип. *bnd* 'обвязывать', логоне *'bə̂n* 'привязывать').

12.22. картв. *b e γ- 'достаточно, довольно' ~ с.-х. *b g- 'чрезмерный'; см. 9.7.

б) в неначальной позиции между гласными

12.23. алт. *l a b ʌ- 'нести в зубах' (эвенк. *lawādā-*, маньчж. *labsi-*; см. Вас. 232) ~ и.-е. *l a b h- 'хватать' (др.-инд. *lábhatē* 'хватает', греч. *λάφῦρον* 'добыча'; см. Pok. 652) ~ с.-х. *l b k

---

[81] Ср. Ramstedt JSFOu 53¹, 23.
[82] Ср. Долг. 12.
[83] Ср. Климов 52.

'хватать, сильный' (ю.-араб. сокотри *lúbak* 'сильный', арам. *lbk* 'хватать'; см. Leslau 228).

12.24. алт. *č a b ʌ- 'клей, глина' (эвенк. *čawiǯa* 'глина', монг. *čabagu* 'клей') ~ драв. *c a v ʌ- 'глина' (тамил, *cavaṭu*, телугу *cauḍu*; см. DED 156) ~ картв. *ç₁ e b- 'клеить' (груз. *ç̣eb-*, чан. *č̣ab-*; см. Климов, 248).

12.25. алт. *g o b y 'пустыня, степь' ~ с.-х. *g b b 'равнина, поле, пустыня'; см. 6.14.

12.26. урал. *t u w ʌ 'озеро' (коми *ty*, др.-венг. *tow*, камас. *tu*; ср. Coll. 62) ~ драв. *t u v ʌ- 'окунать' (тамил. *tuvai*, малаялам *tuve-*; см. DED 219) ~ картв. *ṭ b a 'озеро, глубокий' (груз. *ṭba*, чан. *ṭoba*, сван. *ṭuba*; см. Климов 179)[84].

12.27. и.-е. *l e u b h- 'страстно жаждать, любить' (др.-инд. *lúbhyati* 'жаждет', ст.-слав. *ljubiti* 'любить'; ср. Pok. 683—684) ~ с.-х. *l w b 'чувствовать жажду' (араб. *lwb*, др.-егип. *ìbj*; см. Cohen 184).

12.28. и.-е. d h a b h- или *d h ə b h- 'подходящий, ловкий' (лат. *faber* 'ловкий, ремесленник', др.-англ- *gedēfe* 'подходящий', ст.-слав. *udobь* 'удобно'; см. Pok. 233—234) ~ с.-х. *ṭ b 'приятный, хороший' (араб. *ṭjb* 'быть приятным, хорошим', др.-евр. *ṭwb* то же, аккад. *ṭābu* то же; см. Ges. 272)[85].

Отклонения от нормальной рефлексации. Большинство отклонений приходится на индоевропейский. Здесь они обычно наблюдаются в тех случаях, когда закономерное фонетическое развитие должно было дать в индоевропейском корне комбинацию простого глухого и звонкого придыхательного, т. е. недопустимое в индоевропейском сочетание. Подобные сочетания устраняются преобразованием звонких придыхательных в простые звонкие (13.1, 13.2) или в глухие (13.3) и преобразованием глухих в звонкие придыхательные (13.4, 13.5, 13.6, 13.7) или в простые звонкие (13.7); сочетание третьего с первым или вторым из описанных преобразований отмечаем в 13.8.

13.1. и.-е. *k̂ e r d- 'сердце' вместо ожидаемого *k̂ e r d h-: на *-d- (> и.-е. **dh*) указывает картв. *m ḳ e r d- 'грудь' (см. 4.14).

13.2. и.-е. *g u p- 'нора, полость' вместо ожидаемого *g h u p-: на **g-* (> и.-е. **gh*) указывает с.-х. *g w p 'полый, полость' (см. 10.36).

13.3. и.-е. *k e t- 'примитивное строение, каморка' (см. 4.5) вместо ожидаемого *k e d h-: на *-*d-* (> и.-е. **dh*) указывают с.-х. *ḳ d 'строить, формовать горшки' и картв. **ḳed-* 'строить' (см. 3.15).

13.4. и.-е. *d h e g^{u}h- 'гореть' вместо ожидаемого *t e g^{u}h-: на **t-* (> и.-е. *t*) указывает алт. *t'o g a 'огонь' (см. 6.21).

---

[84] Ср. Bouda Lingua 2, 296.
[85] ср. Möller 51.

13.5. и.-е. *d h a b h- 'подходящий, ловкий' вместо ожидаемого *t a b h-: на *ṭ- (> и.-е. *t*) указывает с.-х. *ṭ b- 'приятный, хороший' (см. 12.28).

13.6. и.-е. *b h e d h- 'втыкать, протыкать, копать' вместо ожидаемого *p e d h- (наряду с закономерным *b e d h-): на *ṗ- (> и.-е. *p-/b-*) указывает с.-х. *p_1d-/bd-* 'расщеплять, проламывать, разрывать' (см. 11.1).

13.7. и.-е. *b h e u g- / b h e u g h- 'изгибать' вместо ожидаемого *b h e u k-: на *-ḳ- или *-q- (> и.-е. *k*) указывает алт. *b ö k ʌ- 'изогнутый' (см. 12.12).

13.8. и.-е. *d h e u b- / d h e u p- 'глубокий' (др.-в.-нем. *tiof* 'глубокий' / др.-исл. *dȳfa* 'окунать'; см. Pok. 267—268) вместо ожидаемого *t e u b h-: на *ṭ- (> и.-е. *t*) и *-b- (> и.-е. *bh*) указывает картв. *ṭ b a 'озеро, глубокий' (см. 12.26).

Следующие два случая, если объяснить их аналогичной индоевропейской диссимиляцией, могут указывать на существование в раннем индоевропейском трех серий свистящих (развившихся из аффрикат) и трех серий ларингальных, что соответствует исходному состоянию, сохраненному в картвельском (для аффрикат) и семитохамитском (для фарингальных, соответствующих индоевропейским ларингальным).

13.9. и.-е. *p e i s- 'дробить, давить' (др.-инд. *pináṣṭi*, лат. *pisō*; см. Pok. 796) вместо ожидаемого *b h e i s-: на исходную комбинацию звонкого *b- (> и.-е. *bh*) и и глоттализованной аффрикаты указывает картв. *b i ç̣- ' крошить, разламывать' (см. 12.7).

13.10. и.-е. *g^u e r H- 'глотать, горло' (др.-инд. *gr̥ṇā́ti* 'пожирает', греч. βάραθρον 'пропасть, яма'; см. Pok. 474—476) вместо ожидаемого *g^u h e r H-: на исходную комбинацию звонкого *g- (> и.-е. *g^uh-) и (глоттализованного?) фарингального указывает с.-х. *g^u r ʿ 'горло, глотать' (см. 6.3).

В одном случае можно предполагать частичное устранение в индоевропейском сочетании двух звонких в корне (сочетания также необычного для индоевропейского).

13.10а. и.е. *t ə g- или *t a ĝ- 'трогать, касаться, хватать' (греч. τεταγών 'хватающий', лат. *tetigī*, Perf. 'коснулся'; см. Pok. 1054—1055) наряду с ожидаемым *d e g-, соответствующим алт. *t ä g (ʌ)- 'трогать, касаться' (см. 2.2, 5.19).

В семитохамитском можно отметить ряд случаев замены ожидавшихся глоттализованных простыми глухими (13.11, 13.12) или звонкими (13.13). Причины этого процесса неясны.

13.11. с.-х. *t-, префикс 2 л. Sing. вместо ожидаемого *ṭ-: на *ṭ указывают алт. *t'y* 'ты', и.-е. *tū*, *te-* (см. 1.8).

13.12. с.-х. *k (w) l 'весь, всякий' (аккад. *kullat*, f. 'вся', др.-егип. *ṯnw* 'количество, всякий'; ср. Cohen 115) вместо ожидаемого *ḳ (w) l: на *q- (> с.-х. *ḳ*) указывает картв. *q̣ w l 'весь' (груз. *q̇owel-* 'весь', мегрел. *'ir* 'всякий'; ср. Климов 213).

13.13. с.-х. *d p_1- 'жара, пот' вместо ожидаемого *ṭ p_1-: на *ṭ- указывают и.-е. *t e p- 'греть, теплый', картв. *ṭ p-/ṭ b- 'греть(ся)' (см. 11.8).

Несколько неясных отклонений обнаруживается в картвельском.

13.14. картв. *k a r b- 'живот' вместо ожидаемого *ḳ a r b-: на *ḳ- указывают алт. *k'a r (b) y n 'живот', и.-е. *k e r u̯- 'живот', с.-х. *ḳ r b 'живот, внутренности' (см. 4.4).

13.15. картв. *p̣ u l a 'облако, пар' (мегрел. *pula* 'пар', чан. *p̣ula* 'облако'; см. Кипшидзе 299) вместо ожидаемого *b u l a: на *b- указывают алт. **bylut* 'облако', с.-х. *b l- 'облако' (см. 12.5).

В уральском наблюдается упрощение геминаты в трехсложных производных на *-еδа*.

13.16. урал. *s o k e δ a 'слепой' (фин. *sokea*, вепс. *soged*) при алт. *s o k ʌ 'слепой' (монг. *soqur*, туркм. *soqyr*; см. KW 329) вместо ожидаемого *s o k k a; следы этой формы, впрочем, вероятно, сохранены в уральском, ср. фин. *sokko* 'тот, кто водит в игре в жмурки', *sokko-* 'слепой' (в словосложениях).

13.17. урал. *l i p e δ ä 'скользкий' (фин. *lipeä*, вепс. *libed*; см. SKES 297) при алт. *l y p a- 'прилипать', и.-е. **leip-* 'прилипать', картв. **lip̣-* 'скользкий' (см. 10.30) — вместо ожидаемого *l y p p ʌ; следы этой формы сохранены, ср. фин. *lippakieli* наряду с *lipakieli* 'говорливый'.

Исходная система смычных и ее развитие по языкам. Репрезентация исходных смычных фонем может быть представлена таблицей на стр. 351.

Очевидно существование в исходной системе четырех артикуляторных рядов смычных (лабиального, дентального, велярного и поствелярного), в каждом из которых по характеру смычки противопоставлялись три фонемы. Это троичное противопоставление отражено в рассматриваемых языках различно: 1) противопоставлением глухие сильные—глухие слабые—звонкие (алтайский); 2) противопоставлением глухие геминаты—глухие простые—спиранты (уральский; близкая система, возможно, упрощена в дравидском); 3) противопоставлением глухие—звонкие—звонкие придыхательные (индоевропейский); 4) противопоставлением глоттализованные глухие—простые глухие—звонкие (картвельский, семитохамитский). Наиболее вероятным кажется предположение, что исходная характеристика трех серий смычных была идентична их характеристике в картвельском и семитохамитском, т. е., что первоначально противопоставлялись серии глоттализованных глухих, простых глухих и звонких: во-первых, подобная рефлексация представлена в двух языках, наиболее полно отражающих исходную систему в репрезентации

	Алт.	Урал.	Драв.	И.-е.	Картв.	С.-х.
*p̣	p‘- -p-	p- -pp-	p- -pp-/-v-	p-, sp- -p-	p̣, p	p
*p	p‘-/b- -p-/-b-	p- -p-	p- -pp-/-v-	p/b	p/b	p(1)/b
*b	b- -b-	p- -w-	p- -v-	bh	b	b
*ṭ	t‘- -t-	t- -tt-	t- -t(t)-/ṭ (ṭ)-	t	ṭ	ṭ
*t	t- -d-	t- -t-	t- -t(t)-/ṭ (ṭ)-	d	t	t
*d	d- -d-	t- -δ-	t- -t(t)-/-ṭ(ṭ)-	dh	d	d
*ḳ	k‘- -k-	k- -kk-	k- -kk-/-k-	k̂, k, ku̯	ḳ, ḳw	ḳ, ḳu̯
*k	k- -g-	k- -k-	k- -kk-/-k-	ĝ, g, gu̯	k, kw	k, ku̯
*g	g- -g-	k- -:γ-	k- -:Ø-	ĝh, gh, gu̯h	g, gw	g, gu̯
*q̣	k‘- -k-	k- ?	k- ?	k̂, k, ku̯	q̣, q̣w	ḳ, ḳu̯
*q	Ø- ?	Ø- ?	Ø- ?	H (Ĥ, Hu̯?)	q, qw	ḫ
*ɡ	Ø- -:Ø-	Ø- -:γ-	Ø- -:Ø-	Ĥ (H, Hu̯?)	γ, γw	g̣

рядов смычных[86]; во-вторых, принимая указанную выше исходную систему, получаем единообразное и удовлетворительное объяснение ее эволюции в различных языках. Во всех случаях ее изменения мы имеем дело с процессами ослабления артикуляции — утратой гортанной смычки у глоттализованных, ослаблением смычки и озвончением простых глухих, спирантизацией звонких. Приняв иную исходную систему (идентичную индоевропейской, уральской или алтайской), пришлось бы прибегнуть к ряду произвольных допущений при объяснении ее эволюции по языкам (в особенности в картвельском и семитохамитском).

Итак, мы восстанавливаем систему из 12 смычных фонем, распределяющихся по четырем артикуляционным рядам — лабиальному, дентальному, велярному, поствелярному, в каждом из которых представлены смычные трех серий — глоттализованные глухие, простые глухие и звонкие. Соответственно выбраны символы протофонем.

---

[86] Сходство (частичное) противопоставления по характеру смычки отмечается еще лишь для уральского и дравидского; однако обнаруживаемая здесь система с утратой противопоставления по характеру смычки в начальной позиции явно непервоначальна.

	Лабиальные	Дентальные	Велярные	Поствелярные
Глухие глоттализованные	p̣	ṭ	ḳ	q̣
Глухие простые	p	t	k	q
Звонкие	b	d	g	g

Крайние члены этой системы, противопоставленные по артикуляционному ряду и серии — глоттализованный лабиальный *p̣ и звонкий поствелярный *g — были, по-видимому, наименее устойчивыми ее элементами: они были преобразованы почти во всех языках.

В картвельском исходная система смычных претерпела наименьшее количество изменений. Здесь сохранилась триада лабиальных смычных, хотя внутри ее произошло внутреннее перераспределение в результате частичного перехода *p̣ в p (см. стр. 338) и (возможно, связанного с этим переходом) частичного изменения *p в b. Для раннего картвельского можно предполагать полное сохранение поствелярной триады смычных, но позднее (в общекартвельский период) смычный *g был преобразован в спирант γ. Утрата исходной системы стабильного вокализма в картвельском вызвала фонологизацию лабиализованных и нелабиализованных аллофонов велярных и поствелярных фонем (лабиализованные дали позднее сочетания с *w*):

*p̣ → p̣; *p̣ → p
*p → p; *p → b
*b → b

*ṭ → ṭ
*t → t
*d → d

*ḳ → ḳ, ḳw
*k → k, kw
*g → g, gw

*q̣ → q̣, q̣w
*q → q, qw
*g → γ, γw

В семитохамитском глоттализованный лабиальный *p̣ утратил гортанную смычку и дал простой глухой *p, в результате чего первоначальный простой глухой *p изменил свою артикуляцию, дав, по-видимому, глухой придыхательный p_1, а в части случаев совпав с *b*. В поствелярном ряду звонкий *g и простой глухой *q были спирантизованы в *g* и *ḫ*, а глоттализованный *q̣ совпал с глоттализованным велярным *ḳ в фонеме *ḳ*, артикулируемой, по-видимому, глубже других велярных (*k* и *g*). Падение исходной системы вокализма вызвало появле-

ние лабиализованных и нелабиализованных велярных, как в картвельском:

*ṗ → p *ṭ → ṭ *ḳ → ḳ, $ḳ^u$; *q̣ → ḳ, $ḳ^u$

*p → p_1, b *t → t *k → k, k^u *q → ḫ

*b → b *d → d *g → g, g^u *ǵ → ġ

В индоевропейском глоттализованные утратили гортанную смычку и дали простые глухие, в результате чего исходные простые глухие были озвончены, а исходные звонкие в свою очередь изменили характер смычки, дав серию звонких придыхательных (фонетическая характеристика которой не совсем ясна). В лабиальном ряду глоттализованный **ṗ*, по-видимому, утратил гортанную смычку раньше других глоттализованных (ср. состояние в семитохамитском), что привело к частичному совпадению **ṗ* и **p* (при частичном сохранении старого **p* в виде *b*). Поствелярные **g* и **q* были спирантизованы и дали ларингальные, а глоттализованный **q̣* совпал с велярным **ḳ*. Утрата в индоевропейском исходной системы вокализма привела к фонологизации трех рядов велярных и, возможно, ларингальных (в отличие от картвельского и семитохамитского, где фонологизовались лишь два ряда) — палатальных, простых велярных и лабиовелярных:

*ṗ → p *ṭ → t *ḳ → k̂, k, k^u; *q̣ → k̂, k, k^u

*p → b, p *t → d *k → ĝ, g, g^u *q → H → Ĥ(?), H, H^u(?)

*b → bh *d → dh *g → ĝh, gh, g^uh *g → H

В алтайском глоттализованные утратили гортанную смычку, сохранив ее побочный эффект — напряженную артикуляцию[87], и дали сильные глухие, простые глухие отражены как глухие слабые, звонкие сохранены. Такая рефлексация сохранена в начальной позиции; в неначальной позиции сильные

[87] Ср. преобразование глоттализованных семитохамитских в эмфатические (напряженные) смычные в семитских языках (кроме семитских языков Эфиопии).

были ослаблены и дали слабые глухие, а исходные слабые глухие совпали со звонкими. Преобразование *$p̣ > p$‘ произошло, по-видимому, раньше утраты других глоттализованных (ср. аналогичный процесс в семитохамитском и индоевропейском), в результате чего исходный **p* частично совпал с **p̣*, а частично с **b*. Поствелярные **ɡ* и **q* были спирантизованы (соответствующие спиранты полностью утрачены в начальной позиции), а **q̣* совпал с **ḳ*. Расщепления велярного ряда не произошло, так как исходный стабильный вокализм был сохранен в алтайском:

*p̣ → p‘- → p‘-, -p-
*p → p‘-, b
*b → b → b-, -b-
*ṭ → t‘ → t‘-, -t-
*t → t → t-, -d-
*d → d → d-
*ḳ → k‘ → k‘-, -k- ← k‘ ← *q̣
*k → k → k-, -g-
*g → g → g-
*q → (γ) → ∅-, ?
*ɡ → ($γ_1$) → -:∅-, ∅-

В **у р а л ь с к о м** глоттализованные утратили гортанную смычку, но сохранили вторичный эффект этой смычки — прерыв артикуляции (первоначально интервал между производимыми неодновременно гортанной и оральной смычкой) [88], что привело к образованию геминат. Простые глухие и звонкие первоначально были, по-видимому, сохранены. Дальнейшее преобразование этой системы было связано с позицией смычного. В начальной позиции глухие геминанты и звонкие совпали с простыми глухими, в интервокальной неначальной позиции звонкие спирантизовались. Поствелярные **ɡ* и **q* были спирантизованы и позднее утрачены в начальной позиции, **q̣* совпал с **ḳ*. Единый велярный ряд сохранен, как и в алтайском, поскольку сохранилась исходная система вокализма:

*p̣ → pp → -pp-, p-
*p → p → -p-, p-
*b → b → p-, -β- → -w-
*ṭ → tt → -tt-, t-
*t → t → -t-, t-
*d → d → -t-, -δ-
*ḳ → kk → -kk-, k-; -kk- ← kk ← *q̣; kk → k-
*k → k → -k-, k-
*g → g → k-, -:γ-
*q → (H) → -ʔ-, ∅-
*ɡ → (γ) → ∅-, -:γ-

Для раннего **д р а в и д с к о г о** реконструируется система, во многом сходная с протоуральской. Здесь, как и в уральском, глоттализованные преобразованы в геминаты, противопоставле-

[88] Ср.: Е. Д. П о л и в а н о в. Классификация грузинских согласных. — «Бюллетень Среднеазиатского университета», вып. 8, 1925, стр. 114. Прерыв артикуляции между глоттализованным и последующим гласным отмечен для семитских языков Эфиопии, см.: E. U l l e n d o r f. The Semitic languages of Ethiopia. London, 1955, стр. 153.

ние трех серий смычных утрачено в начальной позиции. Можно предположить, что дальнейшее упрощение системы в дравидском связано с появлением у геминат в неначальной позиции аллофонов, совпадающих с простыми смычными [89]. По аналогии соответствующее распределение было введено и в тех случаях, когда исходными были простые глухие, что привело к полному совпадению серий геминат и простых глухих. Исходные звонкие в неначальной позиции сохранились как самостоятельные фонемы: велярный *-*g*- был спирантизован (как в уральском) и позднее утрачен, а лабиальный *-*b*- совпал с -*v*-. Лишь в дентальном ряду произошло совпадение всех трех серий смычных в неначальной позиции; зато здесь развилась самостоятельная церебральная фонема -*ṭ*(*ṭ*)-: возможно, ее появление обусловливали определенные гласные второго слога, позднее утраченные. Трактовка поствелярного ряда обычна: **g* и **q* спирантизованы (утрачены в начальной позиции), **q̣* совпал с **ḳ*:

-pp-/-p- → -v-
*p̣ → pp
*p → p
*b → b
p-
-v-

-tt-/-t-~-ṭṭ-/-ṭ-
*ṭ → tt
*t → t
*d → d
t-

-kk-/-k-
*ḳ → kk
*k → k
*g → g
k-
-:Ø-
kk ← *q̣
*q → (H)
*g → (H)
-?-
Ø-
-?-

Можно отметить ряд фонетических процессов, общих для нескольких языков. Так, поствелярный **q̣* совпал с велярным **ḳ*, а поствелярный **q* спирантизован во всех рассматриваемых языках, кроме картвельского. Процесс расщепления велярного ряда (и поствелярного там, где он сохранен) на два или три ряда велярных фонем, косвенно (в виде лабиализации или палатализации) отражающих характер последующего исходного гласного, охватил семитохамитский, картвельский и индоевропейский, т. е. три (западные) языка, где не сохранен исходный вокализм. Ранняя утрата глоттализованного **p̣* отмечается в семитохамитском, индоевропейском, алтайском (в последних двух языках этот процесс, по-видимому, прошел до утраты других глоттализованных) и (частично) в картвельском; в этих же языках троичное противопоставление по характеру смычки в лабиальном ряду частично или полностью (в алтайском) заменено двоичным. Все эти сходства (за исключением, может быть, далеко идущих уральско-дравидских аналогий) не указывают, по нашему мнению, на специфическую близость соответствующих языков, а объясняются аналогичным использованием возможностей эволюции, заложенных в самой исходной системе.

[89] Ср. стр. 308.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

РАБОТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРАСЛАВЯНСКОГО СЛОВАРНОГО СОСТАВА

В течение длительного периода внимание исследователей праславянского языка концентрировалось в основном на изучении вопросов, связанных с реконструкцией его грамматической структуры, в то время как вопросы реконструкции праславянского лексического состава ими почти не затрагивались. Результатом этого явились многочисленные работы, содержащие подробное описание грамматических явлений праславянского языка, тогда как ни одного словаря праславянского языка пока еще не существует. Источниками наших фрагментарных сведений о праславянском словарном составе являются этимологические словари славянских языков (где наряду с праславянской лексикой, представленной далеко не полно, помещены и иные лексические пласты) и немногочисленные монографии и статьи, посвященные некоторым лексическим группам и отдельным словам древнего происхождения.

Лишь в последние годы вопросы реконструкции праславянского словарного состава привлекли к себе пристальное внимание ученых ряда стран. Это нашло свое выражение не только в статьях теоретического характера, посвященных различным аспектам данной проблемы, но и — что особенно характерно для настоящего периода — в работах конкретного плана, непосредственной целью которых является реконструкция лексического состава праславянского языка. Здесь представляют интерес небольшие статьи, содержащие списки слов праславянского происхождения для отдельных славянских языков, и особенно — подготовительные работы крупного масштаба, которые ведутся в нескольких странах по составлению праславянских словарей, стремящихся как можно полнее отразить праславянскую лексику. Так, праславянский словарь составляется в Кракове, этимологические словари славянских языков, одной из основных задач которых также является реконструкция праславянского словника, — в Москве и Брно. Эти работы, рассчитанные на длительное время, пока еще находятся в начальной стадии: вышли в свет лишь пробные выпуски краковского и московского словарей, подлежащие широкому обсуждению. Ясно, что для успеха такого рода исследований, где велика роль гипотетических построений, первостепенное значение имеет то, как понимают их авторы свои цели, какие принципы и методы отбора праславянской лексики они используют. Поэтому сейчас особенно актуальной является задача критического обзора этих работ для сопоставления и обобщения принципов и методов, положенных в их основу. Наша статья также преследует эту цель.

* * *

Как уже отмечено, существует два типа работ, реконструирующих праславянскую лексику: 1) работы, воссоздающие праславянский словник отдельных славянских языков, и 2) работы, реконструирующие праславянский лексический запас всех славянских языков.

Рассмотрим работы первого типа. Они представлены небольшими статьями, целью которых является составление индекса слов праславянского происхождения для какого-либо отдельного славянского языка. Сюда относятся статьи: Т. Лер-Сплавинского [1] (для польского языка), Т. Орлось [2] (для чешского) и С. Радевой [3] (для болгарского). Подобный же индекс для сербохорватского языка сделан И. Поповичем в XVI главе его большого исследования, посвященного истории сербохорватского языка [4].

Все эти списки составлены по образцу индекса Т. Лер-Сплавинского, сделанного им для польского языка еще в 1938 г. Авторы их следуют его принципам и методике, правда, с разной степенью последовательности. Поэтому именно польский индекс целесообразно рассмотреть подробнее, чтобы, сравнив с ним другие списки, выявить черты, общие им всем, и отметить некоторые нововведения, сделанные Т. Орлось, С. Радевой и И. Поповичем. Это тем более оправдано, что в статье Лер-Сплавинского изложены принципы составления праславянского словника, тогда как другие авторы ограничиваются в этом вопросе ссылками на статью Т. Лер-Сплавинского.

Постоянный интерес Т. Лер-Сплавинского к истории и культуре праславян определил цели и характер его работы. Его интересует, в частности, какие элементы культурного наследия праславян до сих пор живут в польской культуре. Для решения этой проблемы он привлекает языковый материал. Цель его статьи — составить реестр лексики, унаследованной современным литературным польским языком от праславянского состояния, чтобы затем, сравнив его со всей употребительной до сих пор литературной польской лексикой, получить некоторые сведения об элементах культуры праславян, до сих пор сохраняющихся в польской культуре.

Исходя из этих задач Т. Лер-Сплавинский берет для исследования ограниченный лексический материал — современный язык культурных слоев польского общества, не привлекая диалектизмов, архаизмов и т. п. Т. Орлось и И. Попович делают то же самое. Лишь С. Радева, несколько отступая от этих установок, приводит в своем индексе некоторые слова, сохранившиеся в современных болгарских говорах, но уже утраченные литературным болгарским языком (*воля*, *ечемик*, *лъг*, *моч*, *слезен(ка)*, *стрий* и др.), и некоторые архаизмы (*дик(и)*, *икра*, *недра*, *яд* и др.). Однако сумма тех и других не превышает 70 и, очевидно, не охватывает всех случаев такого рода.

Т. Лер-Сплавинский указывает, что если взять для изучения не литературную лексику, а какой-либо другой лексический пласт, например словарь сельских жителей, то праславянский индекс несколько изменится, так как древние слова, формы и значения сохраняются в говорах лучше, чем в литературных языках. И. Попович в XVI главе указанного исследования приводит ряд примеров, подтверждающих эту мысль:

hleb (чак.)	— *provalija*	(литер. с.-хорв.)	
ogań (черногор.)	— *vatra*	» »	
dažd (диал. с.-хорв.)	— *kiša*	» »	
človik » »	— *čovek*, *čovjek*	» »	
ostar » »	— *ŏstar*	» »	
jagoda 'Beere' (чак.)	— *jagoda* 'Erdbeere'	» »	и др.

[1] Т. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie polskim. — «Studia historyczne ku czci Stanislawa Kutrzeby» II. Kraków, 1938, стр. 469—481.

[2] T. Z. O r ł o ś. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» 3. Warszawa, 1958, стр. 267—283.

[3] S. R a d e w a. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie bułgarskim. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» 4. Warszawa, 1963, стр. 171—199.

[4] I. P o p o v i ć. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

Но, к сожалению, вследствие намеренного ограничения объема исследования лексикой современного литературного языка эти и многие другие интересные факты непосредственно в праславянском индексе сербохорватского и других языков не отражены.

Источником для составления всех данных праславянских индексов послужили материалы этимологических словарей. Т. Лер-Сплавинский пользовался словарями Е. Бернекера [5] и Ф. Миклошича [6], Т. Орлось, кроме того, привлекала данные из словаря Голуба—Копечного [7] (для чешского), а С. Радева — из словарей Ст. Младенова [8] и Н. Герова [9] (для болгарского). Словари современных языков источниками расписывания не служили, а использовались лишь эпизодически в тех случаях, когда необходимо было установить, наличествует ли то или иное слово в современном языке, или оно уже им забыто.

Критерием праславянского происхождения какого-либо слова для Т. Лер-Сплавинского и, видимо, для Т. Орлось и С. Радевой служит наличие этого слова в других славянских языках в идентичной или близкой форме со значением, в основном соответствующим значению данного слова. Это определение явно нуждается в конкретизации. Прежде всего необходимо уточнить, какое значение вкладывает автор в понятие «другие» (языки): имеет ли он в виду два—три языка или большинство славянских языков и считает ли он, что слово праславянского происхождения обязательно должно быть представлено во всех славянских языковых группах.

Сербохорватский индекс позволяет более определенно судить о точке зрения его составителя по этому вопросу. Для И. Поповича слово является праславянским, если оно отмечено хотя бы в трех языках, представляющих все три славянские языковые группы. В соответствии с этим он приводит при каждом сербохорватском слове праславянского происхождения два его эквивалента (один — из восточной, другой — из западной группы славянских языков). Но в качестве эквивалентов И. Попович дает иногда слова, значительно отличающиеся от сербохорватского слова по оформлению и значению:

с.-хорв. *ledina* 'Flur' (чеш. *lado* то же, русск. диал. *лядина* 'dichter Wald');

с.-хорв. *slavuj* 'Nachtigall' (болг. *славей*, *славик*, чеш. *slavík*, русск. *соловей*);

с.-хорв. *mrav* 'Ameise' (чеш. *mravec*, *mravenec*, русск. *муравей*, диал. *муравль*, польск. *mrówka*);

с.-хорв. *objed* 'Mahlzeit' (русск. *обѣд* 'Mittagessen', чеш. *oběd* то же) и др.

К тому же И. Попович часто приводит в качестве эквивалентов устаревшие и диалектные слова, противореча своим собственным принципам. В результате этого сопоставляются неравноценные лексические объемы: с одной стороны, — современная литературная сербохорватская лексика, а с другой, — литературная, диалектная и архаическая лексика других славянских языков. И это, конечно, неправомерно. Например:

с.-хорв. *prsi*, *prsa* 'Brust' (ст.-чеш. *prsi*, польск. *piersi*, др.-русск. *перси*);

с.-хорв. *sladak* 'süß' (чеш. sladký, русск. диал. *солодкий*) и др.[10]

---

[5] E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908 и сл.

[6] F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

[7] J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

[8] Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на българские книжовен език. София, 1941.

[9] Н. Геров. Речник на българский език, I—V. Пловдив, 1895—1904 (с допълнения от Т. Панчев. Пловдив, 1908).

[10] Необходимо сделать частное замечание относительно ошибочного употребления Поповичем в целом ряде случаев помет «русское диалектное»

Подобные принципы отбора праславянских слов, естественно, оставляют за пределами исследований праславянские диалектизмы. Сама проблема существования праславянских диалектизмов Т. Лер-Сплавинским в этой статье (1938 г.) еще не ставилась. Он сделал это позже — в работах 50-х годов. Т. Орлось также не касается этого вопроса, а С. Радева ограничивается лишь замечанием о том, что различия в словообразовательном оформлении некоторых родственных слов в разных славянских языках могут носить древний характер, будучи связанными с диалектным членением праславянского языка. И. Попович несколько подробнее останавливается на проблеме диалектизмов. Он указывает на то, что существуют диалектизмы с разными ареалами распространения: собственно сербохорватские, сербохорватско-болгарские, южнославянские, сербохорватско-чешско-словацкие и др. Но это замечание не иллюстрируется в индексе конкретными языковыми фактами. Интересны указанные И. Поповичем слова праславянского происхождения, сохранившиеся только в сербохорватском языке и имеющие соответствия в других (неславянских) индоевропейских языках, например:

с.-хорв. *brzdica* (**bъrzd-*) 'Stromschnelle', ср. лит. *burzdùs* 'beweglich'; в других славянских языках в этом значении известен только тип **bъrz-*, без *-d-* ('schnell'): с.-хорв. *brzica* то же, словен. *brzica*, с.-хорв. *brzak*, болг. *bъrzak* и др. (Ср. еще блр. *борзды*. — *И. П.*)

Но такие примеры, к сожалению, также не вошли в праславянский индекс сербохорватского языка в результате принятого Поповичем критерия отбора праславянской лексики.

Во всех рассматриваемых нами работах праславянский лексический материал подан с помощью семантической классификации, которая у Т. Лер-Сплавинского, например, выглядит следующим образом. Все слова объединены в три большие группы:

А. Духовная жизнь человека;
В. Окружающий мир и материальная жизнь человека;
С. Другие категории (грамматического) значения.

Данные группы подразделяются на более мелкие разряды:

А. 1) способности души и чувства;
2) некоторые абстрактные понятия;
3) психические функции;
4) психические свойства;

В. 1) земля, небо;
2) растения и их составные части;
3) звери, их тело и т. д.;
4) человек, его тело, функции тела, болезни;
5) общественная жизнь, семья;
6) хозяйственная жизнь;
7) varia;
8) физические функции;
9) физические свойства;

С. 1) местоимения;
2) числительные;
3) наречия;
4) союзы;
5) предлоги.

Другие авторы также пользуются семантической классификацией Т. Лер-Сплавинского, лишь незначительно изменяя ее. Наличие у каждого исследователя своего варианта этой классификации лишний раз подчеркивает ее произвольность и зыбкость. С. Радева пишет, что часто испытывала затруд-

---

и «древнерусское». Например: *пшеница* — русское диалектное (!), *воевода* — русское диалектное (!), *лисица* — древнерусское (!), в то время как *зеница* и *порты* даны без всяких помет.

нения при разнесении слов по группам. Причем некоторые слова в индексах С. Радевой и Т. Орлось помещены дважды — в двух разных группах. Это болгарские *бистър*, *весел*, *гнусен*, *дързък*, *заможен*, *плах*, *светъл*, *скъп*, *щедър; почна*, *чуя* и др.; чешские *hnusný*, *hotový*, *lahodný*, *libý*, *plachý*, *skoupý*, *štědrý*; *kořiti se*, *kvapiti*. Видимо, семантическая классификация не является наилучшей для выявления собственно языковой специфики словарного материала, но в работах данного типа, для которых лексика служит в основном лишь средством выявления понятий и представлений определенной эпохи, она, безусловно, уместна и целесообразна.

Найти нужное слово в польском индексе затруднительно, так как слова располагаются внутри подгрупп чаще всего не по алфавиту, а группируясь в небольшие семантические поля. Вот как расположен материал, например, в подгруппе А1: *rozum*, *wola*, *czucie*, *myśl*, *pamięć*, *chęć*, *wiara*, *nadzieja* и т. д.

Подобным образом располагает свой материал и И. Попович. Т. Орлось и С. Радева, учитывая недостатки такого способа, вводят алфавитный порядок внутри семантических подгрупп.

Все слова праславянского происхождения даны Т. Лер-Сплавинским без указания их значения в польском языке, без их формальной и семантической реконструкции на праславянском уровне и без эквивалентов из других славянских языков. Т. Орлось и С. Радева рядом с каждым словом праславянского идекса приводят его польский эквивалент, а если его не существует, — семантически соответствующее польское слово. Если же болгарское слово и формально соответствующее ему польское семантически различаются, С. Радева дает значение болгарского слова, а затем — формальный польский эквивалент, например: *скъп* 'drogi', *skąpy*; *чуя* 'usłyszę', *czuję*.

И. Попович обязательно дает значение слова и, кроме того, везде приводит два (реже — три) эквивалента этого слова из двух славянских языков разных групп — восточной и западной, например:

с.-хорв. *zlato* 'Gold' (русск. *золото*, чеш. *zlato*);

с.-хорв. *breza* 'Birke' (слвц. *breza*, укр. *береза*);

с.-хорв. *zvezda* (*zvijezda*) 'Stern' (русск. *звезда*, укр. диал. *zvizda*, чеш. *hvězda*) и т. п.

Вследствие того, что все авторы при отборе праславянской лексики исходили из сходных принципов, их индексы очень близки друг к другу по характеру и типу представленных в них слов. Необходимо отметить лишь некоторые особенности сербохорватского словника, прежде всего его неполноту и некоторую непоследовательность в подаче материала. Так, здесь отсутствуют отыменные прилагательные типа *zimni*, *miran*, *tajni*, включенные во все индексы других языков; лишь выборочно приводятся названия дней недели и месяцев и абстрактные существительные на *-ost*: даны, например, *mudrost*, *milost*, *žalost*, *pakost*, но не зафиксированы *mladost*, *radost*, *starost*. И в то же время в сербохорватском словнике приводится ряд слов, которые отсутствуют в словниках других языков, например *grlica*, *ručnik*, *ulaziti*.

Все другие индексы ближе друг к другу и имеют более законченный характер. Их различия незначительны, и поэтому целесообразно остановиться лишь на одном из них — польском, чтобы на его примере выяснить характерные черты остальных.

Во всех праславянских списках, за исключением нескольких этнонимов (*Słowianin*, *Włoch*, *Ruś*, *Niemiec*, *Węgier*), представлены только апеллятивы.

В индексы включены древнейшие заимствования из неславянских языков, которые относятся к эпохе праславянского единства. Это наиболее старый пласт германизмов (например, *chleb*, *myto*, *pułk*), небольшая группа иранизмов (например, *topór*, *Bóg*) и некоторые слова латинско-греческого происхождения (например, *wino*).

Части речи представлены в индексах довольно полно. Здесь — существительные, прилагательные, глаголы, числительные (количественные,

порядковые и собирательные), местоимения, союзы, предлоги. Отсутствуют междометия. Как исключения даются единичные причастные (*wiadomy*, *swiadomy*, *widomy*; *wrzący*) и отпричастные (*początek*) образования и некоторые древние наречия (*wiele*, *bardzo*), а также несколько старых форм сравнительной степени прилагательных (*mniej*, *więcej*) и т. п.

С точки зрения словообразовательной структуры, слова, помещенные в индексах, являются в основном корневыми (типа *woda*, *góra*, *dać*, *pić*, *biały*, *goły* и т. п.) и суффиксальными, образованными по древнейшим моделям. Однако во многих случаях тот или иной суффикс встречается всего в одном или в нескольких примерах (например, *starosta*, *grabież*).

Суффиксальные типы у существительных представлены такими образованиями, как: *bojaźń*, *przyjaźń*; *pieśń*; *mądrość*, *miłość*, *radość*; *czucie*, *życie*; *prawda*; *swadźba*; *piekło*, *radło*, *szydło*; *granica*, *ciemnica*; *twierdza*, *sadza*; *głownia*; *włókno*; *grzebień*, *pierścień*; *brzytwa*; *kożuch*; *piwo*; *głębina*, *dzięcielina*; *brodawka*; *gospodarz*; *gospodyni*; *kowal*; *starzec*, *samec*; *samica*; *młodzieniec*; *jałowiec*; *stolnik*, *pątnik*; *starosta*; *wódz*; *jagnię*, *szczenię* и др.; у прилагательных — такими, как: *wodny*, *zimny*, *gnuśny*, *godny*; *duchow(n)y*; *żywy*; *krwawy*; *bliski*, *gładki*; *daleki*; *bogaty*; *boży*; *światły* и др.; у глаголов — такими, как: *wierzgnąć* (ср. *wierzgać*), *targnąć* (ср. *targać*); *dawać* (ср. *dać*), *miłować* (ср. *miły*). Причем иногда в индексе приводятся две формы глагола (совершенная и несовершенная), если обе они являются достаточно старыми образованиями, например *dać — dawać*, *ścigać — (do)-ścignąć*, *skakać — skoczyć* и др.

Префиксальные образования и сложные слова наличествуют лишь в небольшом количестве. Это *ubogi*, *nigdy*, *poganiać*, *posyłać*; *wojewoda*, *kołowrót*, *złodziej* и др.

В словник включено несколько десятков существительных, образованных суффиксальным или безаффиксным способом от префиксальных глаголов, например: *nienawiść*, *przyjaźń*, *nadzieja*, *zapowiedz*, *zasłona*, *podłoga*, *zawora*, *pokój*, *pożar*, *powód*, *rozum*, *przykład*, *ożóg* и др. и единичные отыменные глаголы, например: *tłumaczyć*, *darzyć* и др.

В конце своей статьи Т. Лер-Сплавинский делает некоторые выводы о характере слов, включенных в его польский список. Он указывает, что этот список содержит 1700 слов, из которых 1400 относятся к сфере материальной жизни, а 170 — к области духовной жизни. Среди этих слов около 1000 существительных, 460 глаголов, 170 прилагательных и небольшое число слов служебного (грамматического) значения.

Аналогичные подсчеты, сделанные Т. Орлось, С. Радевой и И. Поповичем на материалах чешского, болгарского и сербохорватского индексов, выявляют лишь незначительные отклонения от цифр, приведенных Т. Лер-Сплавинским.

Кроме списка чешских слов праславянского происхождения, Т. Орлось помещает в своей статье еще два списка, один из которых включает чешские слова праславянского происхождения, не имеющие эквивалентов в современном польском языке (*duh*, *jistý*, *bdíti*, *brašna*, *mrkati* и др. — всего 124 слова), а другой содержит слова праславянского происхождения, сохранившиеся в современном польском языке, но не имеющие эквивалентов в чешском (*cud*, *dola*, *bark*, *bluszcz*, *brykać* и др. — всего 112 слов).

С. Радева также приводит два подобных списка. Один — с праславянизмами болгарского языка, не имеющими соответствий в современном польском языке (*любов*, *мир*, *ведър*, *врач*, *зобя* и др. — всего 197 слов), другой — с польскими словами праславянского происхождения, не имеющими соответствий в современном болгарском языке (*kara*, *kłam*, *kłopot*, *bagno*, *bluzgać* и др. — всего 300 слов).

И. Попович подобных списков не дает, но приводит несколько древних слов, существующих в других славянских языках, но отсутствующих в сербохорватском или имеющих в нем иное значение (речь идет только о современном литературном языке, так как обычно эти слова или старые значения

зафиксированы в сербохорватских говорах или в архаической лексике). Например:

с.-хорв. *kiša* 'Regen': общеслав. *dъždžь* (с.-хорв. диал. *dažd*);

с.-хорв. *gvožđe* 'Eisen': общеслав. *želězo* (с.-хорв. диал. *železo*);

с.-хорв. *tražiti* 'suchen, verlangen': общеслав. *iskati* (с.-хорв. диал. *iskati*);

с.-хорв. *češal'* 'Kamm': общеслав. *grebenь* (с.-хорв. диал. *greben*);

с.-хорв. *l'ubiti* 'kussen', не 'lieben', как в общеславянском (тогда как в старом сербохорватском *l'ubiti* 'lieben');

с.-хорв. *voleti*, *vol'eti* 'lieben', не 'wünschen' (тогда как с.-хорв. диал. *voliti* 'wünschen') и др. [11]

С. Радева, кроме того, составила список болгарских слов праславянского происхождения, семантика которых значительно отличается от семантики соответствующих польских слов. Это:

гнусен 'obrzydliwy': *gnuśny* 'ленив';
лича 'jestem widoczny': *liczyć* 'броя';
час 'godzina': *czas* 'време';
бистър 'czysty, przeźroszysty': *bystry* 'szybki';
блато 'bagno': *błoto* 'кал' и др.

И еще один список помещен в статье С. Радевой — это сопоставительный перечень 45 пар болгарских и польских слов праславянского происхождения, имеющих словообразовательные различия, в большинстве случаев — суффиксальные:

ечемик — *jęczmień*
кашлица — *kaszel*
птица — *ptak*
яребица — *jarząb(ek)* и др.

ср. также префиксальное: *мъст* — *zemsta*.

Безусловно, все эти сопоставления и подсчеты интересны, однако результаты их очень относительны, так как они получены на основе изучения ограниченного языкового материала — лексики современных литературных языков.

Рассмотренные нами однотипные работы, сделанные в основном по принципам и методике Т. Лер-Сплавинского, дают краткий вариант праславянского словника, неполнота которого является следствием ограничения исследуемого объема лексики, применения указанных критериев отбора и недостаточного внимания к производным образованиям праславянских слов. Как было отмечено, слова в индексах приводятся без их реконструкции на праславянском уровне, однако в ряде случаев авторам приходится каким-то образом вычленять древний корень или основу, когда он сохранился только в словах сложного словообразовательного состава: *(na-wz)-nak*, *(przy)-wyknąć*, *(z-)bierać* и др. (Т. Лер-Сплавинский); *muš-karac*, *komar-ac*, *prt-en*, *gus-ka*, *spa-va-ti*, *za-spa-ti* (И. Попович); *глуп(ав)*, *на(дявам)*, *(пре)сегна* (С. Радева), — а в единичных случаях давать и реконструкцию слова: **muka* 'Mehl' (ср. *mučńak*, а также в диалектах *muka*), *oveštao* = **o-vet-š-* (И. Попович). Все это свидетельствует о полезности и необходимости реконструкции праславянской формы для каждого слова таких индексов.

Представляют интерес также некоторые аспекты исследования праславянской лексики у Т. Орлось, С. Радевой и И. Поповича — это выявление семантических и словообразовательных различий праславянских слов в разных славянских языках, а также констатация отсутствия того или иного

---

[11] I. Popović. Указ. соч., стр. 546—547.

праславянского слова в одном современном славянском языке при наличии его в другом. Однако эти проблемы здесь только поставлены и требуют подробных специальных исследований.

* * *

Если мы имели основание работы по воссозданию праславянского словника для отдельных славянских языков рассматривать в какой-то степени суммарно, так как они представлены небольшими однотипными исследованиями, то работы по реконструкции праславянского словарного состава для всех славянских языков в совокупности требуют индивидуального разбора вследствие специфических целей, принципов и методики каждой из них. К этим работам относятся:

1) пробный выпуск «Праславянского словаря» (Краков) [12];
2) «Основной общеславянский словарный состав» (Брно) [13] и
3) проспект «Этимологического словаря славянских языков» (Москва) [14].

Обратимся к «Праславянскому словарю», работа над которым началась под руководством Т. Лер-Сплавинского в 1954 г. и продолжается сейчас небольшим коллективом исследователей под руководством Фр. Славского. О характере будущего словаря мы можем судить на основании его пробного выпуска, состоящего из небольшого предисловия, написанного Лер-Сплавинским, и ста пробных словарных статей. В этом предисловии, а также в двух обстоятельных статьях Т. Лер-Сплавинского и Фр. Славского [15] и Зб. Голомба и К. Полянского [16], на которые есть ссылка в предисловии, подробно освещается работа по подготовке «Праславянского словаря», его характер, принципы и методика его создания, трудности, возникающие перед его составителями. В статье Зб. Голомба и К. Полянского подчеркивается полезность будущего словаря не только для языкознания, но и для других наук — истории первобытного общества и его культуры, этнографии и т. д. Сообщается, что данный словарь предполагают выпустить в трех частях: в первой праславянские слова будут расположены по алфавиту, во второй — по этимологическим гнездам, в третьей — по семантическим полям.

Основной задачей словаря является формальная и семантическая реконструкция всего праславянского лексического состава, хронологически приуроченная к периоду IV—V вв. н. э., то есть к концу существования праславянского единства.

Несмотря на стремление представить праславянскую лексику как можно полнее, составители не проводят сплошного расписывания всех доступных словарей славянских языков (диалектных, исторических, толковых и др. с целью отбора слов праславянского происхождения, а используют для этого главным образом данные этимологических словарей и этимологических исследований (статей, монографий), привлекая факты из словарей неэтимологического характера лишь в случае необходимости в процессе дальнейшей обработки отобранного материала — и это, конечно, может вызвать некоторые пробелы в их праславянском словнике.

Важнейшая методологическая проблема — определение критерия принадлежности того или иного слова праславянскому языку — решается следующим образом:

---

[12] «Słownik prasłowiański». Zeszyt próbny. Kraków, 1961. (Ротапринт.)

[13] «Základní všeslovanská slovní zásoba». Brno, 1964. (Ротапринт.)

[14] О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963. (Далее — Проспект.)

[15] T. Lehr-Spławiński, Fr. Sławski. Z pracowni Słownika prasłowiańskiego. — «Rocznik slavistyczny» XX, 1. Wrocław—Kraków, 1958.

[16] Zb. Gołąb i K. Polański. Z badań nad słownictwem prasłowiańskim.—«Slavia» XXIX, 4. Praha, ČSAV, 1960.

1) слово считается праславянским, если оно в идентичной форме отмечено во всех или нескольких (минимально — в двух несоседних) славянских языках в их современном или историческом состоянии. Так, на основе полаб. *nerésac* 'knur' и словен. *nerēsac* то же реконструируется праславянское **nersьсь*;

2) слово, засвидетельствованное только в одном языке или в двух соседних славянских языках, также может рассматриваться как праславянское, если оно имеет эквиваленты в одном или нескольких индоевропейских (но не славянских) языках. Так, на основе русск. *норос* 'рыбья икра, лягушачья икра', имеющего соответствие в лит. *nar̃šas* 'икра, мальки', реконструируется праслав. **norsъ*. Следовательно, предполагается широко отразить в словаре праславянские диалектизмы, которые свидетельствуют о диалектной расчлененности словарного состава уже в рамках праславянского языка [17].

Для «Праславянского словаря» характерно внимание к производным образованиям, к «живому» слову — отсюда, максимальная расчлененность в подаче словника. Так, в отдельных словарных статьях помещены:

**čel'adínъ* и **čél'adь*;
**četverъ*: **četvorъ*, **čétvr̥tъ* и **četýre*;
**dálь* и *dal'a*;
**debélъ* и **dobélъ*;
**dęslo*, **dę́sna*, **dęsnь* и **dęsno*;
**dátel'ь*, **dát'a*; **daríti*, **dárъ* и **darьmo*;
**dobýtъčę*, **dobýtъkъ* и **dobýt'a*.

В выпуске приводятся не только корневые слова типа **bába*, **dl̥bti*, но и некоторые суффиксальные, например **dolína*, **dójьka*, **čeléstьnikъ*, **čel'adínъ*, **dátel'ь*; **čélьnъ*, **čelestьnъ*; **čarováti*, **degnǫti* и нек. др.

Приводятся здесь и отдельные приставочные образования (например, **per-bosъ*), и сложные слова (например, **čarodě́jь*), а также древнейшая групповая лексема **nokt'ьsь* < **noktь + sь*.

Т. Лер-Сплавинский и Фр. Славский в своей статье пишут о трудностях, возникающих при определении времени образования производных слов, построенных по древним моделям, существовавшим еще в праславянском языке и сохранившим свою жизнеспособность до настоящего времени. При этом не всегда удается выяснить, является ли слово праславянским или же оно возникло в разных славянских языках параллельно уже после распада праславянского единства. В таких случаях рекомендуется особенно тщательно анализировать морфологическую структуру слова и его семантику, учитывать данные акцентуации и апофонии, принимать во внимание время первой письменной фиксации этого слова и область его распространения (географию слова).

Всего в выпуске помещено сто словарных статей, в которых представлены почти все части речи, включая и междометия. Отсутствуют лишь местоимения. Есть здесь и причастные (**vъstéklъ*, **ólkomъ*) и отпричастные образования (**dobýtъkъ*), а также наречия (*čę́sto*). Некоторые глаголы приведены в двух формах — совершенной и несовершенной, каждой из которых отводится отдельная словарная статья, например **dl̥bti* и **dl̥báti*.

В предисловии к пробному выпуску подчеркивается, что этимологические исследования не входят в круг задач, стоящих перед составителями словаря, а применяются лишь в качестве подсобного средства — при выявлении и указании индоевропейских эквивалентов к праславянским словам, особенно к праславянским диалектизмам.

Важным и новым в практике реконструкции праславянского лексического материала является то, что в этом словаре не только восстанавливается

---

[17] См.: О. Н. Трубачев. Принципы построения этимологических словарей славянских языков. — ВЯ 1957, № 5.

предполагаемая праславянская форма слова, но и реконструируется его значение и даже, где возможно, место ударения в слове. Безусловно, это особенно трудно восстанавливаемые элементы слова — и они, естественно, не всегда могут быть реконструированы, о чем свидетельствуют довольно многочисленные случаи, когда составители приводят праславянские слова без указания в них места ударения.

Т. Лер-Сплавинский и Фр. Славский пишут также о трудностях, возникающих при реконструкции праславянского значения слов, указывая, что для преодоления их необходимо, основываясь на реально засвидетельствованных значениях этих слов в отдельных славянских языках и их памятниках, обязательно учитывать также этимологические данные, опирающиеся на сопоставления с ближайшими надежными индоевропейскими (неславянскими) эквивалентами, а, кроме того, принимать во внимание известные нам данные об условиях хозяйственной и общественно-культурной жизни праславянского общества.

В соответствии со всем вышесказанным словарные статьи строятся обычно по такой схеме: реконструированная праславянская форма слова (в ряде случаев с указанием места ударения, но везде без определения характера интонации), рядом с ней — реконструированное значение этого слова; затем следуют соответствующие слова из славянских языков (с учетом исторических и диалектных данных), с указанием их значений. В конце статьи обычно дается краткая этимологическая справка типа: **darı́ti* — деноминатив от **dárъ*, а в ряде случаев приводятся индоевропейские (неславянские) соответствия со ссылками на этимологический словарь или на другой этимологический источник, например: **dl̥bti*, ср. лит. *nu-dilbstù*, *-dìlbti* 'spuścić oczy', н.-нем. *dölben* 'bić', др.-в.-нем. *bi-telban* 'grzebać', др.-англ. *delfan* 'kopać, grzebać'; **dojı́ti* — ближайшие индоевропейские соответствия: лат. *dēt*, *dēju* 'ssać', гот. *daddjan* 'karmić piersią', др.-инд. *dháyati* 'ssie'.

Иногда в конце словарной статьи указываются однотипные образования:

**dobýtъkъ* — производное с суффиксом *-*ъkъ* от **dobytъ*, пассивного причастия прошедшего времени от глагола **dobyti*. Такое же образование, как **načętъkъ*, **ostatъkъ*;

**nokt'ьsь* — слово образовано из **noktь*+*sь* аналогично слову **dьnь-sь*.

Вследствие небольшого объема рассматриваемого нами пробного выпуска он не всегда дает полное представление о некоторых образованиях, в частности приставочных, которые будут наличествовать в словаре. Ряд проблем, связанных с реконструкцией праславянской формы, остаются для самих авторов еще невыясненными и ждут окончательного решения.

Для того чтобы представить в пробном выпуске не только все (или почти все) части речи, но и отразить в нем наиболее трудные проблемы, возникающие при отборе тех или иных праславянских производных слов (в частности, префиксальных и сложных), кажется, было бы целесообразно поместить в этом выпуске все слова, имеющие какой-либо один общий корень, которым в будущем «Праславянском словаре» предполагается посвятить самостоятельные словарные статьи.

В заключение хочется подчеркнуть, что пробный выпуск содержит ряд интересных словарных статей, сделанных на основе оригинальных принципов и методики реконструкции. Например, кажется удачной статья, написанная Зб. Голомбом, о несохранившемся в славянских языках праславянском глаголе **ólkti*, **olkǫ*, который автор восстанавливает на основе: 1) зарегистрированного славянского причастия **olkomъ*, которое должно представлять собой образование от атематического глагола (ср. **rekomъ* от **rekti*, **rekǫ*); 2) зарегистрированного славянского глагола **olknǫti*, который был образован, очевидно, от первичного **olkti* с помощью суффикса (ср. лит. *bė̃gu*, *bė̃gti*, др.-русск. бѣгѹ, бѣчи, ст.-польск. *biegǫ*, *biec* — и современное польское *biegnę*, *biec*); 3) литовского *álkti*, *álkstu* 'łaknąс' и атематического литовского *al̃kti* (3 л. ед. ч.).

В словаре могут быть пропуски отдельных слов, форм и значений, так как его словник составлялся главным образом на основе материалов,

почерпнутых из этимологических словарей и других этимологических источников, а данные из словарей неэтимологического характера — толковых, исторических и диалектных — привлекались лишь при дальнейшей обработке отобранного материала. Однако в целом данный выпуск, безусловно, дает основание думать, что «Праславянский словарь» обещает быть интересным, достаточно полным и сделанным на высоком научном уровне, о чем свидетельствуют многие статьи пробного выпуска, в которых составители демонстрируют отличное знание материала, применение оригинальных приемов реконструкции и умелую обработку сведений о том или другом слове [18].

* * *

Выпуск «Základní všeslovanská slovní zásoba», если судить о нем лишь по названию («Основной общеславянский словарный состав»), не должен, казалось бы, иметь непосредственного отношения к теме нашей статьи, так как известно, что понятия «праславянский» и «общеславянский» не взаимозаменяемые, а перекрещивающиеся. Однако Ф. Копечный в предисловии пишет, что в данной работе представлены главным образом праславянские слова и лишь несколько десятков слов, помещенных здесь, не могут быть отнесены к праславянским (это, например, поздние заимствования типа *vagon*, *papir* и т. п.). В общей сложности здесь зафиксировано около 2000 праславянских слов общеславянского характера — и поэтому эта работа представляет для нас безусловный интерес. Она тем более интересна, так как в предисловии указывается, что в дальнейшем предполагается ее уточнить и сделать полезной для подготавливаемого этимологического словаря славянских языков, над которым составители этого выпуска сейчас работают [19].

Ф. Копечный подчеркивает, что выпуск был составлен в спешном порядке по просьбе комиссии «Общеславянского лингвистического атласа», главным образом в «морфологических» целях, с преимущественным вниманием к основным частям речи, т. е. к существительным, глаголам и прилагательным.

В предисловии поясняется, что общеславянскими считаются те праславянские слова, которые наличествуют во всех славянских языках или в большинстве их, за исключением одного-двух (редко трех) языков.

Что касается термина «основной» (словарный состав), то его определения в предисловии нет. На основе же лексики, представленной в работе, можно лишь заключить, что «основной» не значит для авторов «непроизводный», так как здесь представлены не только первичные (корневые) слова типа *oko*, *ucho*, *bykъ*, *krivъ*, но и производные (в большинстве — суффиксальные, редко — префиксальные), часто довольно сложные по своему словообразовательному составу. Это, например, не только *kupьсь*, *konьcь*, *gъrnьсь*, *pravьda*, *slaviti*, *slavьnъ*, *jalovica*, *potokъ* и др., но и, как исключение, *zadьnica*, *nazadъ*, *sъpajati*, *nedostatъkъ*, *nevinьnъ* и т. п.

Интересна мысль о том, что иногда именно сложные, производные слова имеют общеславянское распространение, тогда как более простые по структуре слова, на базе которых они образованы, не обладают общеславянским характером. Причем в ряде таких случаев выбор непроизводной формы в качестве основной был бы ошибочным и в генетическом отношении (см. об этом стр. 3 предисловия).

В предисловии также справедливо указывается, что этимологические словари не могут быть единственным источником при составлении общеславянского словника, так как их материалы представляют результат субъективного авторского отбора. Поэтому данные этимологических словарей нуждаются в проверке на основе фактов, взятых из (неэтимологических) словарей отдельных славянских языков или из двуязычных словарей, однако задача сплош-

[18] См. О. Н. Трубачев. Проспект, стр. 8—11.

[19] При анализе данной работы мы использовали рецензию О. Н. Трубачева на кн.: «Základní všeslovanská slovní zásoba». Brno, 1964. — «Этимология. 1965». М., 1966.

ного расписывания всех словарей такого рода не ставилась, а это вызывает пропуски отдельных слов в словнике.

Данная работа состоит из нескольких разделов. После введения, написанного Ф. Копечным, в конце которого приведен список источников, следует перечень слов основного общеславянского состава (в алфавитном порядке), причем почти все слова сопровождаются пометами, одни из которых указывают на то, что слово есть во всех славянских языках, другие — на то, что слово отсутствует в одном или двух языках, третьи — на то, что оно имеет общее для всех славянских языков значение и т. п., но, к сожалению, многозначность некоторых из помет затрудняет восприятие материала.

Вслед за этим индексом помещен список слов, адекватных по форме и значению во всех славянских языках, затем идут списки слов, отсутствующих в одном или в двух близких языках (причем в предисловии указано, что при различного рода подсчетах и сопоставлениях два близких языка считаются за один, например нижнелужицкий и верхнелужицкий, чешский и словацкий, македонский и болгарский, русский и белорусский, реже украинский и белорусский, иногда македонский и сербохорватский, и это, конечно, далеко не безупречный в методологическом отношении прием).

Наконец, идет основная часть всей работы — статьи, посвященные словам основного общеславянского состава, которые строятся обычно так: заглавное слово в реконструированной праславянской форме без указания его ударения, но со значением, общим для всех славянских языков (в ряде случаев указываются значения, присущие не всем языкам, а лишь нескольким из них), а затем приводятся в качестве иллюстрации все соответствующие славянские слова. Кроме того, в словарных статьях отмечаются также языки, в которых это слово отсутствует.

В конце исследования находятся список «некоторых важнейших понятий» и обратный индекс общеславянской лексики.

Значение данной работы в основном определяется тем, что она дает нам один из вариантов праславянского индекса, а именно индекс праславянских слов общеславянского характера (в подавляющем большинстве случаев допускается отсутствие праславянского слова только в одном-двух языках).

Однако не может быть и речи о полном охвате выпуском всей праславянской лексики, так как:

во-первых, это не праславянский, а общеславянский словарь, поэтому праславянские диалектизмы, естественно, здесь не представлены;

во-вторых, далеко не все доступные словари отдельных славянских языков были просмотрены и расписаны, что тоже ведет к отдельным пропускам слов;

в-третьих, нечеткость представлений авторов о границах лексики, которая должна быть включена в их индекс (здесь отсутствует даже определение термина «о с н о в н о й словарный состав»), привела к непоследовательности при отборе производных слов;

в-четвертых, преимущественное внимание в этой работе уделено, как отмечается в предисловии, основным частям речи, что ведет к недостаточному отражению в ней других частей речи.

Все это надо учитывать и при оценке результатов различных сопоставлений, приведенных в предисловии Ф. Копечного.

* * *

Работа по подготовке «Этимологического словаря славянских языков (праславянский лексический фонд)» ведется в Москве в Институте русского языка небольшой группой сотрудников под руководством О. Н. Трубачева. Он же является автором изданного в 1963 г. проспекта будущего словаря, в котором подробно освещаются принципы и методы работы, а также даются пробные словарные статьи, посвященные главным образом наиболее трудным и спорным случаям. Так, особенно пристальное внимание здесь обращено на производные слова, в частности на префиксальные, см. статьи о словах

jьziti*, **obgorditi*, **poznati*, **pervezti* и др., а также — на древнейшие групповые лексемы, такие, как **jьnъ* (jь-no*).

Чтобы не повторять проспекта, остановимся лишь на наиболее существенных и оригинальных чертах будущего словаря.

Прежде всего это словарь этимологический, поэтому его цель — не только наиболее полно реконструировать праславянский лексический фонд и выявить древнейшие словообразовательные модели, но и дать возможно более разностороннюю информацию об этимологии праславянских слов и соответствующей этимологической литературе. До настоящего времени работ с подобным кругом задач еще не существовало.

В соответствии с этимологическим характером словаря во всех его словарных статьях обязательно даются сведения об этимологии разбираемых слов. Структура этих статей такова: заглавное слово в реконструированной праславянской форме (но без реконструкции значения и ударения), затем — относящиеся сюда слова из славянских языков с указанием их значения и ударения и в конце — словообразовательно-этимологическая характеристика слова с подробным указанием этимологической литературы. Необходимо отметить, что при анализе состава слова особенное внимание уделяется отысканию цельнолексемных соответствий и параллелей, см., например, статьи о словах **bebrěnъ*, **bylьje*, **sъborъ* и др.

Особенностью данного словаря является также методика отбора предполагаемой праславянской лексики, которая резко отличается от наиболее распространенной, когда основной праславянский словник получают главным образом в результате расписывания славянских этимологических словарей, а затем уже дополняют его дериватами и проверяют этот материал по неэтимологическим словарям отдельных славянских языков. Методика работы по составлению данного праславянского словника — прямо противоположная рассмотренной выше: сначала проводится сплошное просматривание всех известных лексикографических источников по отдельным славянским языкам, т. е. толковых, диалектных, исторических, двуязычных словарей и списков слов в различных изданиях (см. Проспект, стр. 33), с целью выявления слов предположительно праславянского происхождения, а затем эти слова проверяются по этимологическим словарям. После составления такого рода картотек для отдельных славянских языков их сольют в единую праславянскую картотеку. О. Н. Трубачев подчеркивает принципиальное значение данного методического приема, особенно если понимать работу по отбору словника как реконструкцию (см. Проспект, стр. 28). Безусловно, такой подход вызывает немало трудностей, так как при сплошном просматривании громадного лексического материала выявляется значительное количество слов, не имеющих этимологического решения, а следовательно, представляющих затруднения уже при решении вопроса о включении или невключении их в состав праславянского словника, так как многие из этих слов требуют специальных этимологических исследований.

Будущий словарь должен быть словарем-реконструкцией. Его преимущественное внимание будет направлено не на корневые элементы, а на «живые», цельные, словообразовательно оформленные лексемы, и поэтому лексический материал должен быть подан максимально расчлененно в словообразовательном плане (см. Проспект, стр. 9). Среди ста слов, которым в пробном выпуске посвящены отдельные статьи, представлены разнообразные суффиксальные (например, **bojaznь*, **bodьcь*, **ědja*, **gor'aninъ*, **rydlo*, **sědiba* / **sadiba*, **sětelь*; **dervěnъjь*, **zvěrinъjь*, **dьnьnъjь* **gludъkъjь*, **gordьskъjь*, **zǫbatъjь*; **nokt'evati*) и префиксальные (**jьziti*, **jьzliti*, **obgorditi*, **pergorditi*, **pervezti*, **poznati*, **prodati*, **sъněsti* / **sъnědati*, **usъpnǫti*, **vъniti* и др.) образования, отражены многие части речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, местоимения, числительные).

Выявление древних производных образований и старых праславянских словообразовательных моделей — одна из важнейших задач словаря. Но именно производные слова представляют серьезные, а порой и непреодолимые трудности для исследователя, так как в ряде случаев почти невозможно

отличить праславянские слова от слов, построенных по старым праславянским моделям, но возникших в отдельных славянских языках (или в одном языке, а затем заимствованных другими языками) уже после распада праславянского единства.

Важным аспектом данного словаря является также пристальное внимание к географии праславянских слов, к выявлению праславянских диалектизмов разного типа: лексических, словообразовательных и семантических (см., например, статьи о словах **bagatьje*, **bebrěnъ* и др.) [20]. О. Н. Трубачев подчеркивает, что реконструируемый праязык надо рассматривать как язык живой, состоящий из диалектов (см. Проспект, стр. 21).

* * *

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть те основные условия, соблюдение которых, по нашему мнению, будет способствовать успеху работ по созданию праславянского словаря. Это прежде всего:

1) составление праславянского словника на основе всего доступного лексического материала с обязательным привлечением диалектной и архаической лексики;

2) первостепенное внимание к «живому» цельному слову, к производным образованиям, к старым словообразовательным моделям, что порождает потребность в создании словаря-р е к о н с т р у к ц и и;

3) выявление древнейших, праславянских диалектизмов.

Построенный таким путем праславянский словарь, несмотря на определенное число спорных примеров, которые, видимо, неизбежно будут в нем наличествовать, даст ценные сведения о праславянской лексике, древних словообразовательных моделях и, возможно, поможет уточнить наши представления о праславянском диалектном членении.

И. П. Петлева

ОБЗОР ГЕРМАНСКОЙ АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В 1963—1965 гг.

Разработка проблем германской лингвогеографии, в частности вопросов ареальной лексикологии, с каждым годом расширяется и углубляется. Можно без преувеличения сказать, что страны, давшие науке о языке таких пионеров пространственной лингвистики, как Дж. Райт (недавно переиздан его шеститомный словарь английских диалектов), Г. Венкер и Ф. Вреде, с честью продолжают благотворные традиции этих ученых и в настоящее время идут в авангарде диалектологической мысли не только по частным вопросам лингвогеографии, но и по разработке важнейших общетеоретических проблем.

Ниже будут рассмотрены некоторые наиболее значительные работы по ареальной лингвистике германских языков, опубликованные в 1963—1965 гг.

---

[20] О древнейших диалектизмах см.: С. Б. Б е р н ш т е й н. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 73—74 (со ссылкой на список балто-южнославянских диалектизмов, составленный В. М. Илличем-Свитычем); О. Н. Т р у б а ч е в. О праславянских лексических диалектизмах серболужицкого. — «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963; О. Н. Т р у б а ч е в. О составе праславянского словаря. — «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963.

(за исключением работ по топонимике)[1]. Большим достижением в области английской диалектологии в последнее время явилось заново предпринятое проф. Э. Дитом (Цюрих) и Г. Ортоном (Лидс) и их сотрудниками полевое исследование местных говоров Великобритании[2]. В опубликованных материалах, охватывающих диалекты шести северных графств и острова Мэн, содержатся ответы информантов (в работе указывается их возраст, профессия, населенный пункт, откуда они происходят, и особенности индивидуального произношения и употребления слов) на составленный авторами ранее вопросник. Материал представлен в виде собрания диалектных синонимов по широкому кругу понятий с указанием ареальных вариантов произношения, морфологических и синтаксических особенностей употребления рассматриваемых слов.

Как показывает рассмотрение этого материала, прежние «классические» исследования особенностей английских диалектов конца прошлого и начала нынешнего века в настоящее время значительно устарели, что опять-таки подчеркивает своевременность и важность исследования Э. Дита и Г. Ортона. Как известно, несколько ранее подобное же исследование диалектов Шотландии было предпринято А. Макинтошем (A. McIntosh. An introduction to a survey of Scottish dialects. Edinburgh, 1961; ср.: J. C. Catford. The linguistic survey of Scotland. — «Orbis» VI, 1957). Разработка проблем английской ареальной лингвистики, и особенно ареальной лексикологии, постоянно прогрессирует, что отражается на страницах специальных регулярно издающихся диалектологических органов типа «Journal of the Lakeland dialect Society»; «Transactions of the Yorkshire dialect Society» (см., например, vol. IV, pt. XXVII: W. E. Haigh. A new glossary of the Huddersfield district; vol. VI, pt. XXXIX: A. S. C. Ross. Some Yorkshire dialect etymologies; vol. VI, pt. XL: M. H. Scargill. The earliest example of West Riding dialect); «The journal of the Lancashire diaclect Society» (см. vol. VIII: A. W. Boyd. Farming terms) и др. Отметим, что почти в каждом графстве Великобритании существует свое диалектологическое общество.

Полезная и полная информация об английских диалектах с древнейших времен до наших дней содержится в опубликованной недавно книге Г. Л. Брука «Английские диалекты» (G. L. Brook. English dialects.

---

[1] Обзор состояния германской лингвогеографии (в частности, за более ранний период) см.: S. Benson. Das Mundartforschungsinstitut zu Lund. — «Communications et rapports du Premier Congrès international de dialectologie générale» IV. Louvian, 1965; T. de Bhaldraithe. Report on dialect study in Ireland. — Там же; E. B. Atwood. The methods of American dialectology. — ZfWf XXX, 1963—1964; V. Claes. Niderländische Mundartforschung. — «Niederdeutsche Mitteilungen», Jg. 16—18. Lund-Kopenhagen, 1960—1962; R. Grosse. Die dialektologischen Arbeiten unter Obhut und Förderung der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. — Там же; A. Maurer. Siebenbürgische Mundartforschung. — Там же; ср.: K. Spangenberg. Zum gegenwärtigen Stand der thüringschen Mundartforschung. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität». Jena, 1964; W. P. Lehmann. Area linguistics in the USA. — «Orbis» XI, 1, 1962; W. A. O'Neil. The dialects of modern Faroese. — «Orbis» XII, 2, 1963; S. Sonderregger. Die schweizerische Mundartforschung 1800—1959. Bibliographisches Handbuch mit Inhaltsangaben. Frauenfeld, 1962; советские работы по ареальной лингвистике германских языков: — W. Fleischer, E. Eichler. Bibliographie der germanistischen Sprachwissenschaft in der Sowjetunion. Leipzig, 1963.

[2] См.: «Survey of English dialects» I, 1—2. Leeds, 1962—1963 (ed. by H. Orton, E. Dieth). Ср. опубликованные ранее материалы тех же авторов: E. Dieth, H. Orton. A questionnaire for a linguististic atlas of England. Leeds, 1952; Они же. An English dialect survey: linguistic atlas of England. — «Orbis» IX, 1960.

Oxford, 1963). В этой работе приводятся образцы различных английских диалектов (как древних, так и новых), дается описание известной литературы, написанной на том или ином диалекте, и краткий сравнительный разбор исторической эволюции фонетики, морфологии и лексики последних. Интересны, в частности, приводимые автором диалектные карты «the weakest pig of the litter» (стр. 37), «words for newt» (стр. 82), карта различного диалектного произношения слова *tongue* (стр. 95), а также карты древне- и среднеанглийских диалектов. В работе Г. Брука содержится также описание английских классовых и профессиональных диалектов и английского языка за пределами Великобритании. Интересен раздел, посвященный современной английской диалектной лексике (стр. 80—92). Работа снабжена подробной библиографией.

Отметим, что большая работа ведется в Англии по составлению шотландского диалектного словаря под редакцией В. Гранта: «The Scottish National dictionary», ed. by W. Grant (London, 1889—1965), доведенного в настоящее время до буквы *N*. Исследованию ирландских английских диалектов посвящен специальный сборник «Ulster dialects» (Belfast, 1964), изданный Ирландским Народным музеем (Ulster Folk Museum). Сборник открывается небольшой вводной статьей Дж. Б. Адамса (G. B. A d a m s. Ulster dialects, стр. 1—4). Опубликована обширная статья Дж. Брейдвуда (J. B r a i d w o o d. Ulster and Elizabethan English, стр. 5—109). В статье делается попытка исследовать вопрос о заселении Ирландии англичанами и шотландцами в Елизаветинскую эпоху (первая половина XVII в.) с учетом языковых особенностей тех областей, из которых переселялись последние, и их социального происхождения (даются подробные статистические сведения).

В работе дается подробное описание основных исторических событий, связанных с английским и шотландским заселением отдельных ирландских графств (Антрим, Даун, Лондондерри, Денегал и др.) и со становлением англо-ирландских диалектов. Затем следует сравнительная фонология английского языка Елизаветинской эпохи и современных ирландских диалектов. Подробно разбирается англо-ирландская лексика и особенности ее употребления, причем привлекаются интересные параллели из Шекспира и произведений его современников. Все разделы работы Дж. Брейдвуда снабжены подробной библиографией.

В статье Дж. Б. Адамса (G. B. A d a m s. The last language census in Ireland, стр. 111—145) содержатся статистические данные последней лингвистической переписи в Ирландии в 1961 г. с указанием различных возрастных и территориальных групп населения, употребляющих или употреблявших ранее ирландские диалекты. В статье П. Л. Генри приводятся шесть интересных карт ареального распространения (или отсутствия) отдельных слов в англо-ирландских диалектах. Даются карты диалектной дистрибуции слов для следующих понятий: 1) *brood of chickens*; 2) *borrowing days*; 3) *small potatoes*; 4) *discard of seed potato*; 5) *flail-joint*; 6) *toadstool* (стр. 147—161). Указываются особенности произношения соответствующих слов в каждом пункте. Сборник завершается статьей Р. Дж. Грегга (R. J. G r e g g. Scotch-Irish urban speech in Ulster, стр. 163—192), в которой делается попытка дать фонологический анализ английского языка, употребительного в населенном пункте Ларн (графство Антрим, Ирландия), и статьей Дж. Б. Адамса (G. B. A d a m s. A register of phonological research on Ulster dialects, стр. 193—201), в которой дается подробная библиография работ по англо-ирландской фонологии. На стр. XIV в сборнике приводится карта распространения английских диалектов в Ирландии. Ср. мою рец. — ВЯ, 1967, № 2.

Одной из последних работ, посвященных лексике древнеанглийских диалектов, является работа Г. Шабрама (G. S c h a b r a m. Superbia. Studien zum altenglischen Wortschatz, I: Die dialektale und zeitliche Verbreitung des Wortgutes. München, 1965).

Продолжая разработку одной из наиболее трудных и спорных проблем английской диалектологии, поставленных еще Р. Иорданом, автор пытается

проследить временнóе и ареальное распространение группы слов, соответствующих латинскому *superbia*, мало привлекая при этом английский диалектный материал и материалы родственных германских языков и диалектов. Однако, как и в большинстве работ подобного рода, отсутствие непротиворечивого понятия реликтов и инноваций и возможных методов их выделения неизбежно приводит к объединению ареально различных языковых пластов и к разъединению слов, входящих в одну лексическую систему [3].

По сути дела, в том же плане, что и работа Г. Шабрама, выполнена и работа Г. Беккера (G. Becker. Geist und Seele im Altsächsischen und im Althochdeutschen. Heidelberg, 1964), основанная на древнесаксонском и древневерхненемецком материале, хотя, в отличие от исследования Г. Шабрама, в ней слишком большое место отводится построению семантических полей в трировском смысле.

Среднеанглийским диалектам посвящены работы: B. Sundby. Studies in the Middle English dialect materials of the Worcestershire records (Bergen—Oslo, 1963), содержащая подробный анализ фонологии, грамматики и лексики исследуемых языковых памятников; A. McIntosh. A new approach in Middle English dialectology. — «English studies» XLIV, 1963.

Интересный материал по лексике английского языка в Австралии приводится в работе: J. Sharwood, S. Gerson. The vocabulary of Australian English. — «Moderna språk» 57, № 1, 1963. Ранее было выполнено фундаментальное исследование по лексике Техаса: E. B. Atwood. The regional vocabulary of Texas. Austin, 1962; о региональной лексике английского языка в США см.: H. Kurath. Regional and local words. — Сб. «Aspects of American English». New York, 1963; H. B. Allen. The linguistic atlases: our new resources. — Там же. Большую работу по собиранию, исследованию и изданию диалектных материалов по территориальным разновидностям английского языка в США ведет «Американское диалектологическое общество» («American dialect Society»).

Оканчивая обзор работ по английской диалектологии, отметим вышедший в 1966 г. полный этимологический словарь английского языка, содержащий диалектный словарный материал, а также лексику разновидностей английского языка в Индии, Канаде, США и т. д.: E. Klein. A comprehensive etymological dictionary of the English language. Amsterdam, 1966 (vol. I — *A—K*; II — *L — Z*).

В области немецкой диалектологии появился ряд работ, посвященных рассмотрению обозначений различных реалий в пространственной проекции. Следует отметить, например, работу И. Вайдлайна о терминах родства в швабских немецких диалектах по Дунаю (J. Weidlein. Die Verwandschaftnamen in den donauschwäbischen Mundarten. — ZfMf 30, 1963). В статье делается попытка показать, что все основные термины родства швабских диалектов по Дунаю совпадают с теми, которые употребляются в южнонемецких диалектах, для которых они являются исконными. Исключение составляет *Get* 'крестный отец', которое в Швабии было вытеснено *Dot*, *Dct* еще в XVIII в.[4]

---

[3] Ср. различные концепции лексических реликтов и инноваций в работах: P. Ramat. Modi e forme delle innovazione lessicali del germanico. — AGI XLVIII, 2, 1963; М. М. Маковский. Пути анализа лексических реликтов и инноваций при установлении изоглосс. — ВЯ 1965, № 1. Ср. W. Winter. Zur Methode einer bedeutungsgeschichtlichen Untersuchung. — Сб. «Festschrift für W. Hubner». Berlin, 1964.

[4] Ср. в связи с этим проведенное О. Н. Трубачевым фундаментальное исследование терминов родства в славянских языках с привлечением параллелей из ряда индоевропейских языков: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

В специальном исследовании Д. Вирцински (D. W i e r c i n s k i. *Minne*. Herkunft und Anwendungsschichten eines Wortes. Köln—Graz, 1964) на основе исследования употреблений нем. *Minne* 'любовь' в различных памятниках, территориальных и социальных (древних и новых) диалектах, а также в различных германских языках пытается доказать связь этого слова с и.-е. основой **mein*, в частности с нем. *meinen*, *gemein*, *Gemeinde*, лат. *munus*, *communio* и т. д. Жаль, однако, что автор не учитывает др.-англ. *minne*, соотносимого с латинской леммой *magnalia*, ошибочно употребленной вместо *maligna* (ср. Meritt 6A, 7). Ср. совр. швейц. нем. *minlich* 'ekel im Essen' (Id. IV, стр. 315).

Статья Ф. Хинце (F. H i n z e. Pomoranische Bezeichnungen des Marienkäfers im hinterpommerschen Plattdeutsch. — ZfS IX, 3, 1964) посвящена различным диалектным словам, обозначающим жука (Coccinella septempunctata) в нижненемецком диалекте Померании. В работе приводится ареальная дистрибуция и этимология следующих диалектных слов, которые автор считает заимствованиями: *Kremunschke*, *Kruschke*, *Schöltschke*, *Loferin*, *Pelodoffke* и др.

Подобной же тематике посвящен интересный «Словарь немецких названий животных», в первом томе которого анализируется семантическое и ареальное развитие слов, обозначающих жука, в частности «борьба синонимов» *Käfer*, *Wibel* и др. (см.: «Wörterbuch der deutschen Tiernamen», hrsg. von W. Wissmann, I. — W. P f e i f e r. Käfer. Berlin, 1963).

Весьма заметным явлением в германской ареальной лексикологии последнего времени была диссертация ученика Т. Фрингса — Г. Лерхнера (G. L e r c h n e r. Studien zum nordwestgermanischen Wortschatz. Ein Beitrag zu den Fragen um Aufbau und Gliederung des Germanischen. Halle, 1965) [5].

На основе анализа большого фактического материала, почерпнутого из диалектных словарей германских языков, автор делает попытку выделить специфически северо-западно-германскую лексику в связи с проблемой развития и членения общегерманского. Методологически Г. Лерхнер подвергает исследуемый лексический материал анализу в этимологическом, морфологическом, семасиологическом, социологическом и ареальном аспектах. Автор устанавливает, с одной стороны, тесное взаимодействие и взаимопроникновение ингвеонского и иствеонского в процесс развития германского словарного состава, а с другой, — связь последних с северногерманскими языками. В результате исследования Г. Лерхнер устанавливает следующие пять ареалов, показывающие пространственные связи северо-западногерманского в пределах германской языковой области: 1) англо-фризско-нидерландско-нижненемецко (Küstenniederdeutsch)-северное единство; 2) нидерландско-нижнерейнско-вестфальское единство; 3) (северно)-английско-фризско-нидерландско-нижнерейнско-нижненемецкое единство; 4) нидерландско-(нижне)рейнско-нижненемецкое единство; 5) единство внутренних нидерландских диалектов и диалектов, распространенных по течению Рейна и на берегах Северного моря. Вслед за Т. Фрингсом автор подчеркивает решающую роль нидерландского в становлении германского словарного состава.

Следует особо отметить тщательно выполненное исследование Э. Аллане, посвященное терминологии виноградарства в западногерманских языках и диалектах, содержащее много нового, свежего диалектного материала (E. A l a n n e. Die Stellung der Weinbauterminologie in den westgermanischen Hauptdialekten mit besonderer Berücksichtigung des deutschen Sprachgebiets. — NM, № 1, 1963). Диалектным названиям растений в восточнофранконских

---

[5] Отметим, что в последнее время в журнале «Linguistics» (The Hague) регулярно публикуется краткое содержание новейших диссертаций, в том числе и по германской ареальной лингвистике.

диалектах посвящена работа Г. Марцелла (H. M a r z e l l. Mundartliche Pflanzennamen im Ostfränkischen. — ZfdM 30, 3, 1964). В исследовании Э. Штрасснера «Beiträge zum ostfränkischen Wortgeographie» (ZfMf 30, 3, 1964) подробно анализируются диалектные восточнофранконские слова, обозначающие следующие понятия: 'Marienkäfer', 'Runkelrübe', 'Jauche'. В диссертации И. Доната (J. D o n a t h. Der Begriff 'Wald' und seine wortgeographische Entfaltung in der Mark. Potsdam, 1963) приводится материал о диалектном распределении и соотношении немецких слов, обозначающих лес. Диалектные слова со значением 'молоко и продукты из него' в нижненемецком рассматриваются в диссертации Р. Винтер (R. W i n t e r. Die Milch und ihre Verarbeitung im niederdeutschen Wortschatz der ehemaligen Provinz Pommern. Rostock, 1963). Тот же круг слов, но в восточнофранконской языковой области анализируется в работе: R. D ü r r. Milch, Milchhaut, Sauermilch, Rahm und Quark im ostfränkischen. Eine wortgeographische Untersuchung (JffL XXV, 1965). Из последних исследований, посвященных географии слов в немецких диалектах, следует отметить: O. W e r n e r. Wie heißen die kleinen Küchlein, die aus geriebenen, rohen Kartoffeln bereitet und in der Pfanne gebacken werden? (JffL XXIV, 1964); J. H a h n. Wortgeographie des Gleiten auf der Eisbahn im ostfränkischen (JffL XXV, 1965); H. L a m p a l z e r. Die Bezeichnungen der Grannen bei Korn, Weizen und Gersten. Eine wortgeographische Untersuchung (Там же); H. W e l s c h. Der (breite) Kiefernzapfen. Eine wortgeographische Untersuchung (Там же); W. W ö f f e l. Das Wortfeld 'weinen—schreien—schimpfen' im Ostfränkischen (Там же); G. S t r ö t z e l. Die Bezeichungen zeitlicher Nähe in der deutschen Wortgeographie vom dies Jahr und vöriges Jahr. Marburg, 1963. Эволюция словарного состава немецкого языка в нижнесаксонском подробно разбирается в работе: P. S e i d e n s t i c k e r. Schichten und Bewegungen in der Wortlandschaft von Südniedersachsen. Wiesbaden, 1964. Любопытна история изучения диалектных франконских слов, даваемая Э. Штрасснером (E. S t r a s s n e r. Die Wortforschung in Franken seit dem 18. Jh. Ein Beitrag zur Geschichte der ostfränkischen Mundartforschung. — Там же).

Нельзя не упомянуть также издаваемой В. Мицка серии «Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen» (вышло три тома), в которой даются подробные, хотя часто и лишенные теоретической глубины, исследования отдельных немецких диалектных слов или групп слов, обозначающих определенные понятия (обзор этой серии был дан нами в предыдущем томе «Этимологии»).

Очень полезное обобщение истории, современного состояния разработки и перспектив окончания незавершенных словарей и атласов всех немецких диалектов содержится в специальном сборнике «Regionale Dialektologie der deutschen Sprache» (ZfMf XXXII, 2, 1965), подготовленном ко Второму международному диалектологическому конгрессу, состоявшемуся в Марбурге 5—10 сентября 1965 г.

Обычные диалектные словари, как известно, содержат материал того или иного диалекта в переводе на немецкий литературный язык. Первый словарь обратного типа, а именно немецко-нижненемецкий словарь, выпустил недавно О. Буурман (O. B u u r m a n. Hochdeutsch-plattdeutsches Wörterbuch. Auf der Grundlage ostfriesischer Mundart. Neumünster, 1963). Словарь выходит отдельными выпусками и еще не окончен.

Исследованию развития диалектной лексики немецких переселенцев в Канаде посвящена фундаментальная работа Дж. Тиссена (J. T h i e s s e n. Studien zum Wortschatz der Kanadischen Mennoniten. Marburg, 1963). О немецких диалектах в Польше говорится в работе: G. F o s s. Zu den deutschen Dialekten in Polen. — LP X, 1965.

Большая литература посвящена иноязычным словарным заимствованиям в германских диалектах. Таковы, например, работы: H. S c h ö n f e l d. Slawische Wörter in den Mundarten östlich der unteren Saale. Berlin, 1963; H. P. A l t h a u s. Jüdisch-Hessische Sprachbeziehungen. — ZfMf XXX, 2,

1963 (приведен подробный словарь); E. M i e t t i n e n. Mittellateinische Entlehnungen der mhd. — mnd Periode in heutigen deutschen Mundarten. — NM LXV, 1, 1964; Сб. «Nordisch-deutsche Beiträge» I. Düsseldorf, 1964; E. S c h n e e w e i s. Tschechische Lehnwörter im Schönhengster Dialekt. — Сб. «Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur». Berlin, 1965; H. B i e l f e l d t. Die slavischen eigentlichen Reliktwörter in den deutschen Mundarten. — ZfSl VIII, 1963; E. Ö h m a n n. Zur Kenntnis der französischen Bestandteile in den rheinischen Mundarten. Helsinki, 1965. Ср.: E. S c h n e i d e r. Romanische Entlehnungen in den Mundarten Tirols. Innsbruck, 1963.

Переходя к работам по словообразованию в немецких диалектах, следует отметить работу: H. W a n n e r. Wortpaare von Typus *recken* : *strecken* in Schweizerdeutschen.— Сб. «Sprachleben der Schweiz». Bern, 1963. Явление *s*-mobile очень важно для этимологии, ибо его учет или пренебрежение им фактически является решающим для идентификации или неидентификации слов. Работа X. Ваннера интересна свежим диалектным материалом, почерпнутым из швейцарского диалекта немецкого языка. Из других работ по словообразованию отметим: R. K. S e y m o u r. Old High German *-ata*, *-at* in Middle High German and in present-day German dialects. — «Language» XXXIX, 2, 1963; O. W e r n e r. Die Substantiv-Suffixe *-es*/*-as* in den ostfränkischen Mundarten. — ZfMf XXX, 3, 1964, стр. 232—274.

Ряд работ посвящен диалектным особенностям фонологии и грамматики, а также лингвистическому статусу отдельных немецких диалектных ареалов в пределах немецкой и германской языковой области. Работы настолько многочисленны, что нет возможности перечислить их полностью. Назовем некоторые из важнейших: D. M ö h n. Das Rhein-Main-Gebiet und die moderne Sprachentwicklung in Hessen. — ZfMf XXX, 2, 1963; R. M u l c h. Zur Dialektgeographie des hinteren Odenwalds und Spessarts. — Там же; D. M a g e n a u. Die Besondertheiten der deutschen Schriftsprache in Luxemburg und in den deutschsprachigen Teilen Belgiens. Mannheim, 1964; O. S t o e c k i c h t. Das Elsaß im Rahmen der westdeutschen Dialektgeographie. — ZfMf XXX, 4, 1964; W. W. A r n d t. Ein Einsatz zur strukturellen Gliederung der deutschen Dialekte. — «Phonetica» IX, 3, 1963; L. E. S c h m i t t, P. W i e s i n g e r. Vorschläge zur Gestaltung einer für die deutsche Dialektologie allgemein verbindlichen phonetischer Transcriptionssystem. — ZfMf XXXI, 1, 1964; H. S i n g e r. Die Mundarten der Höri. Untersuchungen zur Lautgeographie und Phonologie. Freiburg i. B., 1965; W. B e t h g e. Beziehungen der Generationen zur Quantität in den deutschen Mundarten. — «Phonetica» IX, № 4, 1963; R. E. K e l l e r. Zur Phonologie der hochalemannischen Mundart von Jestetten. — Там же; H. K u r a t h. Die Lautgestalt einer Kärtner Mundart und ihre Geschichte. Wiesbaden, 1965; L.-E. A h l s s o n. Zur Substantivflexion im Thüringischen des XIV und XV Jh. Uppsala, 1965; W. H o d l e r. Vom Relativpronomen und Relativsätzen im Berndeutschen. — «Sprachspiegel», № 4, 1964 и др.

Из работ, посвященных социальным разновидностям различных территориальных диалектов, назовем: сб. «Sprachsoziologische Studien in Thüringen» (Berlin, 1963), содержащий ряд ценных материалов, показывающих «борьбу» местных и социальных факторов в развитии языка, изменения местных диалектов под влиянием городских норм и т. д. Ср. также (на норвежском материале): S. S k a r d. Målstrid og massekultur. Oslo, 1964; E. H o f m a n n. Sprachsoziologische Untersuchung über den Einfluss der Stadtsprache auf mundartsprechende Arbeiter. — «Jb. der Marburger Universitätsbundes», Jg. 1963; G. U d e l l. The speech of Akron, Ohio. A study in urbanization. University of Chicago, 1965 (doctoral thesis).

Значительное развитие получила за последнее время разработка языка идиш, который, как известно, в большой мере отражает строй и словарь средневековых нижненемецких диалектов. См., например, следующие работы: сб. «For Max Weinreich on his seventieth birthday». The Hague, 1964;

M. J. Herzog. The Jiddish language in Northern Poland: its geography and history. Bloomington — The Hague, 1965; Сб. «The field of Jiddish» II. New York, 1965.

Хотя скандинавские диалектологи уже создали ряд исследований по лексике, грамматике и фонетике различных ареальных говоров Швеции, Дании и Норвегии (достаточно, например, назвать известные диалектные словари В. Кристи, X. Венделла, П. Петерсона, И. Есперсена и др.), диалектологическая работа в этих странах продолжается. Из последних исследований по скандинавской диалектологии можно указать на монографию Г. Видмарка «География слов и история языка» (G. Widmark. Ordgeografi och språkhistoria. — Slsf. Stockholm, 1963), где география слов в шведских диалектах рассматривается в связи с историей звуковых изменений, а также на диалектный словарь шведской области Тюлу-Скуген (J. W. Grill. Ur folk-språket på Tylo-Skogen. — Slsf. Stockholm, 1964), составленный более ста лет тому назад, но до последнего времени не опубликованный (словарь публикуется с введением и комментариями Р. Броберга).

Переходя к работам по фламандской и голландской диалектологии, следует отметить докторскую диссертацию Я. Гоосенса, посвященную семантическому развитию слов, обозначающих обработку земли в бельгийских говорах Лимбурга (J. Goosens. Semantische vraagstukken uit de taal van het landbouw bedrijf in Belgisch-Limburg, I—II. Antwerp, 1963). К работе, содержащей детальное объяснение новых принципов ареально-семасиологических исследований, применяемых автором, и методов сбора материала, приложены многочисленные карты исследованных слов. При этом каждая woord kaart всегда дается в зависимости от betekniskaart и zaakkaart.

В ежегодно публикуемых «Сообщениях неймегенского диалектологического и топонимического центра» дается информация об успехах в составлении диалектных словарей областей Барбант и Лимбург, а также ряд статей, посвященных географии слов («Mededelingen van de Nijmeegse Centrale voor Dialect- en Naamkunde», 1963, 1964, 1965). Следует, наконец, указать на работы: T. van Veen. Utrecht tussen Oost en West. Studies over het dialect de provincie Utrecht. Utrecht, 1964; B. C. Damstegt. Syntaktische verschijnselen in de taal van Antoni van Leuwenhoek (TNTL LXXXI, 3, 1965), представляющие собой чисто описательное изложение основных особенностей рассматриваемого говора.

В исследовании Я. Госсенса и Я. ван Бакеля подробно рассматриваются ареальные вариации семантики ряда голландских диалектных слов и делаются интересные общетеоретические выводы (J. Goosens, J. van Bakel. Taalgeographie en semantiek. Amsterdam, 1964).

М. М. Маковский

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. II, zesz. 5 (10) (*kooperatywa—kot*). Kraków, 1965

Новым выпуском заканчивается второй том польского этимологического словаря Ф. Славского. Следующий, третий том этого словаря также начнется со слов на букву *k*-. Этой одной букве автор посвятил весь второй том своего словаря, так и не исчерпав ее, что находит себе объяснение отчасти в том, что, как известно, именно буква *k* оказывается обычно наиболее многочисленной в этимологических словарях славянских языков. Отчасти же объем данной части словаря Славского объясняется возросшей тенденцией автора к обстоятельности. Этот выпуск, как и предыдущие, характеризуется рядом бесспорных достоинств, если иметь в виду богатство фактических данных, постоянное привлечение лексики славянских народных диалектов по новым изданиям и источникам, широту сравнительного фона (славянского и индо-

европейского), постоянное внимание к старой и новой географии слов, выделение древних ареалов (ср. ряд примеров с пометой «севернославянский»), четкость праславянской реконструкции и т. д., не говоря об отличных попрежнему качествах этимологического анализа.

Автор вместе с тем нередко, как и прежде, излишне щедр и обстоятелен в изложении менее важных или даже принципиально несущественных подробностей, что особенно регулярно можно наблюдать на примере словарных статей по заимствованной новой лексике. Так, к определенной избыточности сообщаемых сведений следует отнести практику прослеживания соответствий польскому слову *korwet* во в с е х прочих славянских, включая белорусский и македонский языки. Подобных примеров в словаре немало, и все они вызывают критику практической фиктивностью получаемых ареалов и самих соответствий, потому что реально речь может вестись для разных славянских языков о самостоятельных разнонаправленных заимствованиях (из западноевропейского источника; из другого славянского языка).

Едва ли будет точно говорить о праславянском диалектном (севернославянском) **koptiti*: деноминатив от **kopъtь* уместно восстанавливать в форме **kopъtiti* (см. стр. 453). Следует иметь в виду, что огласовка н.-луж. *koputo* есть не более как рефлексация первоначального древнего **kopyto* подобно другим таким же случаям в этом языке (ср. хотя бы совершенно регулярное отражение праславянской приставки **vy-* в виде нижнелужицкого *wu*). Ср. стр. 470 словаря, где нижнелужицкая форма рассматривается как равноправный вариант наряду с др.-русск. *копато* 'копыто' и *kopyto* в большинстве славянских языков. Очень сомнительна попытка истолковать *-ab-* в праслав. **korabjь* как «детерминант» корня **(s)ker-* (стр. 473). Вызывает возражения и ход доказательств при этимологизации польск. *korcić* 'беспокоить, тревожить' (стр. 477—478): в.-луж. *korćić* 'долбить, придавать форму корыта', которому автор придает решающее значение в ряду форм, реконструируя на его основе глагол **korъtiti* (откуда, якобы и польск. *korcić*) и имя **korъto*, должно быть решительно устранено из числа соответствий данного польского слова, поскольку лужицкая форма *korto* может быть объяснена только из синкопированного **koryto* (а не **korъto*). Славский предпочитает этимологизировать польск. *koszar*, *koszara* 'загон для овец' (и т. д.) как праславянское производное от славянского же **košь* 'корзина, плетенка' (стр. 540). Но при этом не следовало бы совершенно оставлять без упоминания и другой реальной возможности — из балкано-романского продолжения лат. *caseāria* 'сыродельня' (ср. хотя бы: H o l u b—K o p e č n ý, s. v. *košár*), ср., например, продолжение именно последней формы в рум. *căşărie* ж. 'сыроварня, овчарня', молд. *кэшэрúе* то же : рум. *caş* 'свежий овечий сыр', молд. *каш* то же. Следует иметь в виду, что в карпатском пастушеском быту (а данное название загона для овец концентрируется именно вокруг карпатской области) понятия загона для овец и сыроварни совпадают, сыр варят сами пастухи тут же, в горах. Славский, обосновывая объяснение слова *koszara* из славянского, выделяет суффикс *-ara*, ссылаясь на наличие последнего в аугментативном и локальном значениях в сербохорватском. Но дело в том, что именно этот суффикс *-ara* в сербохорватском восходит (через отвердение *ri̯* > *r*) к латино-романскому *-āria*, что также косвенно говорит в пользу происхождения польск. *koszara*, с.-хорв. *кȍшара* и других близких форм из формы румынского типа от лат. *caseāria*.

С другой стороны, в данном выпуске находим ряд примеров тщательной разработки семасиологии и этимологии слов, ср. статью *kopno* (стр. 464 и сл.). Опечатки встречаются не часто, ср. *wąrząchew* (стр. 510), надо читать *warząchew*.

О. Н. Трубачев

В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Български етимологичен речник, св. IV (*глагорина—дарма*). София, 1965.

Продолжающийся этимологический словарь болгарского языка неизменно обращает на себя внимание и в этом выпуске богатством диалектной лексики. Сведения о географии слов народного болгарского языка, основанные на самых больших существующих собраниях болгарской диалектной лексики, представляют в этом словаре самостоятельную ценность. Исключения составляют редкость; так, случаи с нераскрываемой пометой «диал.» — без указания диалекта и местности — вызваны иногда, видимо, не небрежностью авторов, а состоянием источника. Об этом трудно судить, потому что источники не приводятся, авторы и издания не упоминаются. В этом, как и в предыдущих выпусках, составители практически не дают никаких литературных сведений и вообще библиографии, что невольно снижает ценность этого бесспорно полезного издания. Равным образом отсутствует и этимологическая библиография. Данная черта в соединении с такой особенностью, как исключительная краткость (а местами — схематизм) этимологического анализа, придает отдельным пассажам настоящего выпуска скорее характер материалов для этимологического словаря. Так, в статье о болг. диал. *гизд* 'красивый' приводятся соответствия по другим славянским языкам, но этимология практически отсутствует.

В сравнительно-историческом плане своеобразием данного словаря является трактовка истории праславянского вокализма в духе теории акад. В. Георгиева, ср. *ă* (краткое) и *ā* в праславянских реконструкциях при более распространенных символах *o—a* для соответствующих звуков. Это следует иметь в виду постоянно, ср., например, **glybakъ* и **vysakъ* на стр. 253, где мы, очевидно, имеем дело не с опечатками вместо обычных праслав. **glybokъ*, **vysokъ*. Из числа действительных опечаток можно указать русск. *грамо́тный* (стр. 273), вм. *гра́мотный*. Несколько более регулярный характер носят опечатки и другие неточности в передаче и трактовке балтийского, в частности литовского, материала. Так, на стр. 246 приводится лит. *gladùs*, должно быть *glodùs*; на стр. 275—276 ошибочно приведено лит. *grašvà* вместо *garšvà*. Болг. *глѐзя* 'нежить, ласкать, холить' непосредственно соотносить нужно с лит. *glèžti* 'слабеть, становиться вялым', а не с лит. *gleižus* 'слизистый' (стр. 248).

Из этимологических замечаний приведем некоторые. Форма *гнъс* отражает носовой гласный как следствие вторичной назализации первоначально чистого гласного под воздействием предшествующего носового согласного (подобные примеры известны), и здесь едва ли имеет смысл говорить о «старом назальном инфиксе» (см. стр. 257). Семантически и словообразовательно спорна этимология диал. *годи́ш* 'баран, приносимый женихом в дар невесте' — из **godištь* 'годовалый', производного якобы от *год* (стр. 260). Суффикс *-itjo* (патронимический, деминутивный) здесь кажется неуместным, следовало бы прямо соотнести это *годи́ш* и болг. *годе́ж* 'помолвка'. Кажется странным помещение в одной статье слов *грем* 'марш!' и *гре́мосам* 'убрать', причем и то и другое производится от н.-греч. γκρεμίζω 'разрушаю, ломаю' (стр. 278). Первое из них во всяком случае обнаруживает признаки аллегровой формы от *гре́дам* (и т. п., см. выше, стр. 277), диал. 'иду', т. е. 'идем!' > 'марш!' Диал. *гюлаби́я* 'сорт яблок', признаваемое на стр. 308 неясным, представляет собой как будто довольно прозрачный тюркизм персидского происхождения с первоначальным значением прилагательного от апеллатива 'розовая вода'.

К заслугам составителей словаря надо отнести внимательную трактовку местных оригинальных образований болгарской лексики, а также реликтов словаря, ср. диал. *гльв* 'глупый' (стр. 253), *грив* 'серый, пестрый' (стр. 280—281).

О. Н. Трубачев

«Baltistica. Baltų kalbų tyrinėjimai», I (1). Vilnius, 1965; I (2), 1966

Группой литовских лингвистов начат выпуск нового журнала «Балтистика. Исследования по балтийским языкам», два выпуска которого лежат перед нами. Потребность в таком специальном издании, о которой говорится также во вводной статье К. Корсакаса «Балтистика и славистика», ясна без лишних слов. Публикациям из области балтистики всегда отводилось видное место в индоевропеистских и славистических журналах, в Италии до войны активно выпускался журнал «Studi baltici», в последнее время в Польше начата публикация издания, посвященного всему комплексу балто-славянской проблематики, — «Acta Baltico-Slavica» (Белосток). Разумеется, отсутствие до недавнего времени в наших прибалтийских республиках научного журнала по балтийскому языкознанию никак нельзя было признать нормальным, поэтому выход в свет нового журнала «Baltistica» — издания, обращенного к международной научной аудитории (ср. намерение редакции печатать статьи, кроме литовского и латышского, также на русском и других основных европейских языках), будет, бесспорно, повсеместно оценен как крупное событие и ценная инициатива литовских ученых, объединяющихся вокруг кафедры литовского языка Вильнюсского университета им. В. Капсукаса.

Журнал намечено выпускать ежегодно томами (по два выпуска в каждом томе). Том I, который вышел, таким образом, уже полностью, содержит, при своем небольшом объеме, много интересных статей и материалов по сравнительному языкознанию, литуанистике, этимологии и ономастике, изучению субстратов. В этой краткой рецензии мы не можем в равной мере подробно охарактеризовать все содержание настоящего тома. Укажем лишь, что внимательного изучения заслуживает статья В. Мажюлиса «Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии» (вып. 1, стр. 17—30), а а также важная для этимологии статья С. Каралюнаса «К вопросу об и.-е. **s* после *i*, *u* в литовском языке» (вып. 2, стр. 113—126), хотя последнему автору, может быть, и не удалось одинаково убедительно интерпретировать все случаи.

Вполне естественно, что нас здесь в первую очередь интересуют этимологические работы, помещенные в новом журнале. В. Урбутис в статье «Этимология нескольких диалектных синонимов слова *trum̃pas*» (вып. 1, стр. 67 и сл.) разбирает одно за другим местные слова со значением 'короткий'. При этом *bìgas* 'короткий, маленький' производится от глагола **bigti* 'бить', ср. семасиологическую типологию термина 'короткий' в разных индоевропейских языках (< 'резать', 'рубить', 'бить'). Диал. лит. *bìznas*, *bìzdras*, *bìskas* 'короткий, куцый' неуверенно сближается в этой статье, с одной стороны, с лит. диал. *biẽsti*, *biẽdžia* 'колоть, бить', с другой стороны, — с *bìzas* 'овод', наконец — *bizdáuti*, *bezdė̃ti* 'выпускать ветры', *bìzdė* 'короткая куртка'. Автор оставляет вопрос без окончательного ответа, между тем некоторые типологические аналогии подтверждают именно последнюю возможность. Ср. русск. (простореч.) *шибздик* 'коротышка' < *ши-*, экспрессивный префикс, + *бздик* : *бздеть*. Редкое лит. диал. *gruzìnis* 'короткий' связывается с лит. *gráužti* 'грызть', ср. польск. *kusy*, *kęsy* : *kąsać*. Урбутис обращает по ходу дела внимание на то, что балтийские языки имеют, вопреки мнению Брюкнера, соответствия славянскому *biti*, ср., например, лит. *býdyti* 'гнать'. Небольшая заметка А. Сабаляускаса «Относительно происхождения лит. *šáukštas*» (стр. 83—84) содержит очень правдоподобную этимологию этого оригинального литовского названия ложки, а именно: **šáukštas* < **šauštas* < **šau-stas* от лит. *šáuti* в значении 'совать, сажать (в печь)'; сходную мысль высказывал еще Яблонскис. В. Жулис («История нескольких редких слов», вып. 2, стр. 151 и сл.) вскрывает прусское происхождение слов *dragės* pl. t. 'дрожжи; осадок' (в переводе библии Бреткунаса), *ešketras* 'осетр', *lygius*, *lygus* 'суд'; *lonė* 'лань' характеризуется как полонизм. Слависта может заинтересовать

сближение лит. (стар.) *skrieliai* мн. 'крылья' : польск. *skrzele* pl. t. 'жабры, плавники', с.-хорв. диал. *krȅlja* 'жабры'. А. Сабаляускас («О происхождении лит. *šérnas*», вып. 2, стр. 162—163) связывает лит. *šérnas* 'дикий кабан' с лит. *šerỹs* 'щетина'.

Второй выпуск тома посвящен в немалой степени балтийской ономастике и ономастической этимологии: Б. Савукинас. К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве (стр. 165 сл.); К. Кузавинис. Etymologica, I. К вопросу о происхождении балтийских этнонимов; II Этимологические заметки о балт. *el-/al-* 'течь' (стр. 177 сл.); А. Ванагас. Относительно образования и происхождения местного названия *Labguvà* (стр. 185 сл.).

Особенно заметной публикацией такого рода является статья В. Н. Топорова «К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы» (вып. 2, стр. 103 и сл.). Работа Топорова посвящена переинтерпретации старой топонимии от Поморья до Гольштейна. Автор полагает возможным говорить о значительности балтийского элемента в местных названиях этих территорий. Названия, которые в равной мере могут считаться и балтийскими и славянскими, Топоров относит к балто-славянскому топонимическому фонду, высказывая тут же свою интересную точку зрения о языковой стороне этой проблемы. Последние десятилетия явились свидетелями того, как районы древней балтийской топонимии были распространены к востоку от Днепра, до Оки, на юго-восток — за Десну и Припять. На юго-запад зона более или менее однородных топонимов прослеживается от Прибалтики до Адриатики (работы Краэ, Топорова и др.). Теперь, как видим, зона распространения балтийского элемента расширяется и в западном направлении — до низовьев Эльбы. Это, пожалуй, превосходит по масштабам поиски древнего ареала иллирийских элементов, который в свое время мыслился очень широко, пока Краэ не выступил с указанием, что многое фигурирующее в литературе под маркой иллирийского надлежит отнести к еще не дифференцированному в языковом отношении слою древнеевропейской гидронимии. Видимо, те же ограничения полезно иметь в виду и в случае с древнебалтийским топонимическим ареалом. Новые топонимические сближения в настоящей статье Топорова заслуживают внимательного изучения. Они, бесспорно, углубляют разработку вопроса, проведенную некоторыми предшественниками (прежде всего Г. Шаллем), и лишь в некоторой части ослабляются несовершенством письменной фиксации сравниваемых названий. Отдельные случаи могут вызвать споры, ср. *Stobno*, *Stobeno*, *Stobene*, *Stoben*, *Stuben*, *Stobeniz* (в эльбско-прибалтийской топонимии Германии), сближаемое с др.-прусск. *Stabayen*, *Stabingen*, далее — с апеллативом др.-прусск. *stabis* 'камень'. Нельзя тут не вспомнить старых славянских гидронимов вроде (*лог*) *Стобной*, бассейн Дона, *Стебник* (по Днестру), *Izdebne* (по Висле), наконец, *Избец* (на Днестре), которые могут быть более органически связаны с приведенными выше славянскими топонимами Северной Германии, чем локальные балтийские производные от западнобалтийского названия камня. *Wocnizia*, *Wochniza*, полаб. *Wakenitz*, сближаемое Топоровым с др.-прусск. *Wachenn*, давно удовлетворительно объяснено как целиком славянское название, тождественное, например, польскому *Oknica* в западной Польше.

О. Н. Трубачев

Wanda Budziszewska. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, 357 стр.

Монография В. Будзишевской служит закономерным продолжением ряда работ славистов польской школы, посвященным выявлению состава праславянского словаря. Цель работы автора — показать связи между с

дельными славянскими языками и целыми группами славянских языков на материале столь существенной группы словаря, как лексика, относящаяся к живой природе. Этот лексический пласт включает в себя такие значительные разделы, как названия частей тела человека и животного, названия животных (домашних и диких), птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся и названия растений (дикорастущих и культурных).

В своем исследовании автор почти не затрагивает вопросов этимологии. Она привлекает очень обширный и тщательно подобранный материал, расположенный в виде ряда словарных статей, в которых указываются морфологические, словообразовательные и семантические особенности того или иного слова в разных славянских языках и географические границы его распространения.

В. Будзишевская не пользуется методом реконструкции. В основу словника положена польская лексика, в случае же отсутствия той или иной лексемы в польском языке в качестве заглавного ставится слово любого другого славянского языка. Весь рассматриваемый автором материал представляет большую ценность, так как ею широко привлекаются диалектные и исторические данные разных славянских языков, уточняются границы распространения большого числа образований.

В выводах, сделанных в конце работы, автор касается ряда проблем, но преимущественное внимание уделено связям славянских языков в области рассмотренной группы лексики. На основании лексических данных Будзишевская дает иное членение славянских языков: она считает древнейшим деление языков на западные и восточные, причем в группу западных входят западнославянские языки, сербохорватский и словенский, в восточную группу — все восточнославянские и болгарский. Подробно рассматривая разные хронологические пласты и разные межъязыковые контакты, автор указывает на древние связи восточнославянских языков с южнославянскими, на специфические отношения западнославянских языков и словенского, на древние контакты русско-польские и почти полное отсутствие русско-словацких и т. д. При рассмотрении любых форм связи автором конструктивно применяется метод выделения общих архаизмов и совместных инноваций, возникших в результате территориального сближения в тот или иной период.

Не менее любопытны и выводы культурно-исторического характера, указания на устойчивость лексики, обозначающей диких и домашних животных, лиственные деревья, культурные растения, что, по мнению автора, говорит о высоком уровне животноводства и земледелия в праславянскую эпоху. В то же время указывается относительно малое число общеславянских названий птиц, насекомых, червей, пресмыкающихся, грибов.

Работа В. Будзишевской — фундаментальное исследование, выводы которого могут быть скорректированы аналогичными работами, охватывающими иные пласты лексики.

Мелкие погрешности, касающиеся, в частности, материалов русского языка, могут быть в какой-то степени отнесены за счет неразработанности русской диалектной лексикографии. Так, автор ошибочно считает чешско-словацко-южнославянской инновацией название щавеля от слова *кислый* (стр. 305). Слово *кислица* 'щавель' распространено во всей группе северно-русских говоров; *ягода* в значении 'земляника' встречается во многих пунктах восточнославянской территории; слово *мышь* (мужского рода) характерно не только для сербохорватского языка (стр. 9), но и для значительной части русских говоров. В ряде случаев автор приписывает русскому языку церковнославянизмы: *зрачок* (стр. 20), *вежды* (стр. 20), *облик* (стр. 21), *злак* (стр. 168), *плевел* (стр. 170) и др.

Если в тексте автор не пользуется реконструкцией, это оправдано тем, что заранее не навязывается вывод о принадлежности той или иной лексемы праславянскому словарю. Но в выводах, где вычленяется праславянский фонд (стр. 295—296), правомерно было бы его представить в реконструированной форме.

В. А. Меркулова

«Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 5. Warszawa, 1965

Сборник выпущен в честь известного польского лингвиста Зд. Штибера, отмечающего тридцатипятилетие своей научной и педагогической деятельности. Зд. Штибер много и плодотворно работает в области фонологии и славянской диалектологии, о чем свидетельствует приведенная библиография его работ, насчитывающая более двухсот названий.

Краткую характеристику научной деятельности Зд. Штибера дает во вступительной статье К. Дейна.

Статьи, представленные в юбилейном сборнике, посвящены самым различным вопросам славянского языкознания. При обозрении их мы остановимся лишь на тех работах, в которых рассматриваются вопросы славянской лексики, диалектологии и словообразования.

Ведущее место принадлежит работам по лингвистической географии.

Сборник открывается статьей Яр. Белича «К вопросу о границах между родственными языками», в ней ставится теоретически важный вопрос о сложном характере языковых явлений в пограничных районах. Автор исходит из высказанного Зд. Штибером положения о том, что при переходе от одной языковой области к другой существует несоответствие между фактами фонетическими и морфологическими и фактами лексического порядка. Это несоответствие выражается, в частности, в том, что в польско-чешской пограничной области при определенных фонетических различиях словарный состав оказывается тождественным. Так, в трех пограничных малопольских деревнях процент лексических совпадений значительно выше, чем в населенных пунктах, принадлежащих к одному и тому же диалектному типу [1].

До сих пор изучение славянских диалектов ограничивалось рассмотрением определенных фонетических и морфологических различий. Яр. Белич указывает на важность изучения лексического состава как в пограничных районах, так и в пределах однородных диалектов. Определение языковых границ предполагает учет исторических условий, влияющих на развитие и распространение тех или иных диалектных явлений.

В небольшой заметке «К изучению польско-южнославянских языковых связей» С. Б. Бернштейн ставит вопрос «о наличии еще в праславянском периоде близких связей тех диалектов, которые лежат в основе лехитской и болгаро-македонской групп» (стр. 33). Большое значение придается балтийским соответствиям, которые, по мысли автора, «могут свидетельствовать о том, что предки болгар и македонцев жили на севере праславянской территории, где они соседили с балтийцами и предками поморян и поляков» (стр. 33).

В развитии польско-южнославянских связей автор различает три периода: 1) «древний период, характеризовавшийся наличием лехитско-болгарской языковой области»; 2) «период, связанный с карпатской миграцией славян»; 3) «период, отражающий влияние южнославянских языков в области скотоводческой терминологии» (стр. 36).

Т. Логар («Современное состояние и задачи словенской диалектологии») подводит итоги изучения словенской диалектологии. Послевоенный период характеризуется пристальным вниманием к живой звучащей речи, стремлением наиболее полно и последовательно зафиксировать по возможности все диалектные различия, представленные на небольшой, но в языковом отношении очень расчлененной территории Словении.

За последнее десятилетие обследовано более 250 наречий. Собранное должно найти отражение в словенском диалектологическом атласе. Тщательное изучение живых словенских наречий позволяет уточнить и по-новому осветить некоторые положения, в свое время разработанные Рамовшем. Так,

---

[1]. M. Kucała. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

в свете новых данных предлагается несколько иная классификация нотранских наречий, словенских говоров Истрии, иначе интерпретируются некоторые фонетические явления (ср. горенское ẹ̄ и ọ̄). Новые материалы дают возможность более точно определить границы отдельных диалектов (нотранских, Погорья), по-новому объяснить генетические связи некоторых говоров. В этой связи представляется интересным вывод о том, что горенские наречия в древнюю эпоху входили не в юго-восточную группу, а в северо-западную. Заслуживает внимания также замечание о смешанном характере говоров Карста, объединяющих в себе архаичные явления венецианских наречий и более поздние особенности нотранских диалектов.

Т. Логар отмечает, что в ближайшее время предстоит провести обследование говоров Каринтии, Венеции, Порабья, продолжить начатую работу по созданию магнитофонного архива словенских наречий. В качестве основной выдвигается задача составления диалектных словарей, монографий о пограничных наречиях и группах наречий. Итогом всей этой сложной многосторонней работы должно явиться создание новой диалектологии, которая представит словенские наречия в структурно-фонологическом плане с учетом их исторических истоков.

Вопрос о неоднородной диалектной основе полабского языка затрагивает К. Полянский («Проблема диалектных различий в полабском языке»). Применительно к полабскому языку, представленному очень скудными лексикографическими материалами (несколько небольших словарей и фрагменты текстов), не может быть и речи о диалектологии в полном смысле этого слова. Фрагментарность полабских записей исключает возможность установления диалектных различий в области словаря и грамматических флексий. Наличие того или иного явления у одного писца и отсутствие его у другого не может свидетельствовать о диалектных различиях именно в силу неполноты имеющегося материала.

По мнению К. Полянского, наибольшие возможности для изучения диалектных различий полабского языка дает фонетическая сторона письменных источников. Полабское письмо показывает, что, кроме чисто графических различий (например, полаб. *t'* передается как *tj*, *ty* и как *tsch*, *tch* и т. п.), существуют и такие особенности, которые можно рассматривать как отражение фонетических явлений. Исследуя типы реализации гласных *u*, *o*, *ö*, *ü*, *e*, *ě*, — слогового плавного *l̥* в различных лексикографических источниках, К. Полянский делает вывод о неоднородности их в языковом отношении и предполагает существование по меньшей мере трех диалектов. Автор отмечает определенную языковую близость словаря Хеннига и памятника мадам де Бокёр, с одной стороны, и словаря Пфеффингера и Vocabularium Vandalicum — с другой. Говор Парум Шульце занимает промежуточное положение. Одни черты объединяют его с тем диалектом, который лежит в основе словаря Пфеффингера (развитие **u* > *ai̯*), другие сближают его с диалектом Хеннига (монофтонгический рефлекс первоначального **o*).

Все эти наблюдения К. Полянского существенно обогащают наше представление о полабском языке.

Ряд небольших заметок посвящен характеристике отдельных говоров. Так, с точки зрения количественных характеристик дается дифференциация наречий Ганацкой области Й. Скулины. Некоторые фонетические особенности украинского говора деревни Бишча под Билгораем устанавливает В. Курашкевич. Й. Хитима, исследуя один из польских говоров на территории Румынии, отмечает сохранение в нем фонетических и лексических особенностей малопольских наречий.

Диалектологический аспект присутствует и в тех работах, которые рассматривают те или иные фонологические явления в славянских языках. Не имея возможности подробно останавливаться на всех работах этого рода, мы коротко отметим лишь некоторые из них.

Это прежде всего небольшая, но очень интересная статья Ф. Славского «Праславянское *jь-* в южнославянских языках». Автор вносит некоторые коррективы в принятое деление славянской языковой области по отражению *jь-*.

Анализируя материал южнославянских языков, он показывает, что развитие *jь-* в сильной и слабой позиции сближает словенский язык и чакавский диалект сербохорватского языка с языками северной группы.

Безусловного внимания заслуживает предлагаемая Г. Шевелевым интерпретация слав. *ě* («Два замечания о славянском *ě*»). Наряду с обычной палатализацией шумных согласных перед *ě* (с переходом *ě* > *a*) автор предполагает существование в славянских языках дополнительной, так называемой аффективной, палатализации при условии, если в неславянских языках индоевропейской области представлены соответствия со ступенью *ā*, а не *ē*. По мысли Г. Шевелева, эта палатализация проявляется в словах, характеризующихся особой эмоциональной окраской. Ср. польск. *żaba*— др.-прусск. *gabavo* 'жаба', англос. *quappa*, может быть, также лат. *būfō*. Здесь предполагается аффективная палатализация типа слвц. *d'aleký*— польск. *daleki*, ю.-русск. *djúžij*—польск. *duży*, укр. *dúžyi* и др. Гипотеза Г. Шевелева представляется интересной и вполне вероятной.

Значительная часть работ посвящена славянской лексике, вопросам заимствования, развития и происхождения отдельных слов.

В плане происхождения и последующего развития рассматривает покойный В. Махек слав. *bǫdǫ* («Слав. *bǫdǫ*, вспомогательный глагол при образовании аналитических форм будущего времени»). Он отвергает мысль о родстве *bǫdǫ* с индоевропейским глаголом **bhū*—- 'wachsen, sein' на том основании, что праславянская система не знает корней, структура которых характеризовалась бы наличием сочетания инфикс + глагольный суффикс *-d(h)-*. В. Махек сближает слав. *bǫdǫ* с и.-е. **beudh-* (лит. *buděti*, слав. *bъděti*), наиболее точным соответствием является лит. *bundù*. Семантический анализ группы родственных слов, объединяемых общим корнем, позволяет реконструировать некоторое исходное значение для *bǫdǫ* — 'im Sinne habe', 'habe die Absicht'. Со временем инфигированное *bǫdǫ* утратило связь с системой инфинитивных форм; семантика способствовала использованию его в качестве вспомогательного глагола.

По мнению В. Махка, слав. *bǫdǫ* входит в группу родственных слов, объединяющую: 1) ст.-слав. *bl'udǫ—bl'usti*; 2) др.-чеш. *po-bdieti*; 3) др.-русск. *nabъžu—nabъděti*; 4) ст.-слав. *za-bǫdǫ—zabyti*; 5) ст.-слав. *bъdrъ*.

Подробно анализирует происхождение и семантику польск. *obdza*, русск. *obža* Г. Турска. На основании исторических данных, а также данных лингвистической географии Г. Турска устанавливает первичный характер польск. *obdza*, засвидетельствованного на севере Польши уже в XV в. Представленная в польском форма *obza* считается инновацией. Рассматривая происхождение этого слова, автор последовательно обосновывает справедливость выдвинутой еще Й. Миккола этимологии *обжа* < праслав. **jъg-* 'łączyć, sprzęgać'.

Ст. Урбанчик («Польское trójca и славянские существительные, образованные от количественных числительных»), анализируя сферу распространения существительных на *-ica*, *-ca*, образованных от числительных, отмечает, что эти образования наиболее продуктивны в южной группе славянских языков. В польском, чешском, русском эти формы единичны. Исследуемое польск. *trójca*, по мнению автора, в качестве религиозного термина пришло из чешского языка.

Религиозная терминология в славянских языках — церковнославянского происхождения.

Ст. Бонк («Мазовецкие названия в сельском строительстве в районе Сандомирской Пущи») отмечает влияние мазовецких наречий в области строительной терминологии в верховьях Вислы и Сана, в частности в районе Сандомирской Пущи, входящей в состав Малой Польши. Мазовецкими по происхождению признаются такие малопольские образования, как *suḿec*, *podwalina*, *ocap*, *murowanka*, *ŝtyndary* и др. Анализ строительной лексики показывает, что влияние мазовецких наречий осуществлялось давно и в течение длительного времени.

Р. Коларич («Действительно ли Фрейзингенские листы являются старо-церковнославянскими?») возвращается к вопросу, неоднократно поднимавшемуся в лингвистической литературе, о языковой основе Фрейзингенских листов. Р. Коларич полемизирует с А. Исаченко, отстаивающим церковнославянский характер этого памятника. Наибольшие сомнения вызывает лексика II Фрейзингенского листа. По мнению А. Исаченко, для 55 слов (14% всех слов) этой части памятника отсутствуют соответствия в словенском языке. Р. Коларич подробно анализирует эту лексику и довольно убедительно показывает словенское происхождение 20 лексем из 55. Он считает, что Фрейзингенские листы хранят следы оглейского говора юго-западной части Словении.

Х. Поповска-Таборска избрала предметом своего изучения географические названия нижнелужицких деревень на правом берегу Нисы в районе Мужакова. Обычно их ставят в непосредственную связь с поздней германизацией этой области. Приведенный материал, интерпретируемый в свете определенных фонетических закономерностей, а также предполагаемые соответствия свидетельствуют в пользу нижнелужицкого происхождения этих названий. Нижнелужицкий диалект, засвидетельствованный на этой территории, является переходным: рядом черт он связан с польскими говорами, определенная лексическая связь прослеживается с югом верхнелужицкого языка.

Э. Эйхлер («Замечания о словарном составе древнелужицкого языка») отмечает, что для восстановления словарного состава лужицких языков первостепенное значение имеют три вида источников: 1) богатый в лексическом отношении и достаточно хорошо обработанный материал, представляемый ономастикой; 2) заимствования и реликтовые формы, сохранившиеся на немецко-лужицкой территории; 3) язык грамот, различных документов, относящихся к IX—XVI вв. Автор акцентирует внимание на значении третьего вида источников. Конкретному анализу подлежат 13 слов, извлеченных из различных грамот: *cvij* 'Tischkessel', *hul* 'Bienenstock', *jěz* 'Fischzaun', *korčma* 'Schenke' и др.

В. Ташицкий показывает значение топонимики для реконструкции некоторых форм, утраченных языком. Со времени Добровского известно, что западнославянской форме *ptak* в южных и восточнославянских языках соответствует *ptica*. На основе анализа польского топонимического материала В. Ташицкий предполагает для них разные исходные формы. Это предположение вытекает, по мысли автора, из некоторых существующих в языке отношений, построенных на родовом противопоставлении производящих основ: ср. *Pcin* : *Ptowo-Wronin* : *Wronowo*, производных от основы женского рода с помощью суффикса *-in* и от основы мужского рода посредством суффикса *-owo*. Реконструируемое отношение **pъta* : **pъtъ* стоит в одном ряду с праслав. **korva—korvъ*, *kura—kurъ* и др. В. Ташицкий предполагает следующие деривативные отношения: **pъta* > **pъtica*, ср. польск. *Pcin*, **pъtъ* > **pъtakъ*, ср. польск. *Ptowo*. На основании топонимических материалов автор довольно удачно восстанавливает промежуточные формы для некоторых производных образований и предлагает следующие два ряда параллельных родственных форм:

ptach (**ptasz*)	*ptak*
ptaszek	*ptaczek*
ptastwo	*ptactwo*
ptaszmik	топ. *Ptacznik*
ptasi (*ptaszy*)	*ptaczy*

Как видим, привлечение данных топонимики проясняет историю отдельных слов, служит важным подспорьем в этимологических исследованиях.

Вопросы кошубской лексики в центре внимания Ф. Хинце. Он указывает на важность работ Карла Готтлоба фон Антона для изучения словаря кашубского языка. Особенную ценность для кашубской лексикографии представляет та часть рукописного наследия, в которой приводятся польско-кашубско-не-

мецкие соответствия. Эти соответствия позволяют сделать некоторые выводы фонетического, культурно-исторического характера, полнее определить лексический состав кашубского языка.

Х. Бильфельдт («Русские слова в нижненемецком») рассматривает пути проникновения русских слов в нижненемецкий язык.

Некоторые работы затрагивают вопросы словообразования.

Интересна статья А. Зарембы об образованиях с суффиксом *-ula* в некоторой части польско-чешско-словацкой языковой области. А. Заремба очерчивает ареал распространения этого суффикса и определяет его как формант женского рода. Он считает наиболее вероятным предположение о древнем характере этого суффикса.

Я. Сафаревич исследует польские глаголы на *-kać*. Формант *-k-* служит в основном для образования экспрессивных и ономатопоэтических глаголов. Образования этого типа представлены в латинском, греческом, балтийских языках. Всем ходом исследования Я. Сафаревич показывает, что формирование этих глаголов относится к эпохе самостоятельного развития отдельных языков.

Нельзя пройти мимо интересной гипотезы Е. Куриловича, согласно которой славянские основы глаголов IV класса на *-ěti* по своему происхождению связаны с медиопассивными формами индоевропейского перфекта. Следы медиопассива усматривает Т. Лер-Сплавинский в системе славянских окончаний настоящего времени.

Как видим, сборник содержит довольно обширный материал по самым различным вопросам славянской диалектологии, этимологии, словообразованию и представляет несомненный интерес для славистов.

Л. В. Куркина

G. Devoto. Origini indeuropee. Firenze, 1962, 521 стр.

Современная индоевропеистика включает в себя столь разнообразные по направлению и различные по методике исследования в области сравнительной грамматики и лингвистической палеонтологии, что уже давно ощущается необходимость в сводке надежных лингвистических данных в сопоставлении с результатами внелингвистических дисциплин, исследующих индоевропейскую проблему (прежде всего археологии). Дать подобную сводную работу — такую задачу поставил перед собой известный исследователь древних индоевропейских языков Италии Джакомо Девото в своем большом новом труде «Origini indeuropee».

В первой главе книги автор кратко рассматривает собственно лингвистический аспект проблемы — материальные и методологические основания индоевропейской реконструкции. Наиболее надежной автор считает «ближнюю», т. е. традиционную, индоевропейскую реконструкцию и опирается на нее в дальнейшем изложении [1]. Он относится довольно скептически к большинству попыток восстановления более древнего индоевропейского состояния на основании стратификации индоевропейского материала (Хирт, Курилович, Бенвенист и др.), признавая, впрочем, что такие попытки «свидетельствуют о высокой степени комбинаторных возможностей человеческого ума в приложении к языковым данным». Останавливаясь на методологических аспектах реконструкции, Девото справедливо указывает, что необходимость принять понятие «единого праязыка» (несмотря на многочисленные возражения, ко-

[1] Так, в частности, он воздерживается от реконструкции ларингальных, что едва ли достаточно оправданно. Более существенным недостатком реконструкции автора является, на наш взгляд, неразличение рядов палатализованных и велярных задненёбных.

торые может выдвинуть против такой формулировки лингвист-диалектолог) диктуется необходимостью провести определенную границу между языковыми семьями — в данном случае между индоевропейским и соседними языковыми группами: уральской, семитохамитской и др. Заметим, что автор книги не всегда строго придерживается этого методологического принципа. В частности, в целом отрицательно относясь к попыткам связать индоевропейский с другими языковыми семьями в генетическом плане, Девото склонен принять гипотезы Н. Трубецкого и К. Уленбека об индоевропейском как результате конвергентного развития двух неродственных компонентов — «финноугорского» и «кавказского» (или «средиземноморского»). В данном случае, по-видимому, игнорируется именно вполне определенная граница между языковыми семьями.

Вторая глава подводит краткие итоги достижениям лингвистической палеонтологии в области определения протоиндоевропейского ареала. Автор приходит к выводу, что показания номенклатуры животного и растительного мира в совокупности с данными терминологии географического ландшафта указывают на районы центральной и юго-восточной Европы (вплоть до бассейна Дуная) как на наиболее вероятную область локализации индоевропейского. Показания сравнительной антропологии, по мнению Девото, могут быть использованы при решении вопроса о локализации индоевропейцев лишь в весьма ограниченных масштабах, поскольку они в основном указывают на период значительно более ранний, нежели время формирования индоевропейской общности.

Большой раздел посвящен рассмотрению археологических данных (гл. 3). Как индоевропейские по преимуществу автор рассматривает характеризуемые ленточной керамикой центрально- и восточноевропейские культуры позднего неолита. По-видимому, приходится признать оправданным перенос центра тяжести индоевропейского мира из традиционного «Северного Причерноморья» в более западные области. Обширность территории рассматриваемых автором культур (от Рейна до Днепра) указывает, вероятно, на то, что соответствующие культуры отражают уже индоевропейский в период далеко зашедшей дифференциации (что и следует предполагать для IV—III тыс. до н. э.). Следует отметить, что принимаемая автором относительно небольшая временна́я глубина локализации индоевропейского тесно связана с предполагаемой им территориальной локализацией. Локализация индоевропейской территории несколько юго-восточнее (карпатско-балканские районы) обусловливает значительно более глубокую датировку, что связано с более ранним появлением поздненеолитических культур в соответствующем районе.

В следующей главе формирование индоевропейской общности трактуется как историческая проблема. Автор рассматривает здесь данные, свидетельствующие о контактах индоевропейского с другими языковыми семьями (древние заимствования). Приводимый им материал, касающийся связей индоевропейского с неиндоевропейскими языками юго-западной Азии, может быть в настоящее время существенно расширен с учетом прежде всего материалов семитских и картвельских языков. Более тщательное рассмотрение этого вопроса было бы особенно интересным в свете археологических данных, свидетельствующих о мощном влиянии переднеазиатских культур на (по всей вероятности, индоевропейские) культуры юго-восточной и центральной Европы. Девото развивает в этом разделе ранее выдвинутую им концепцию «периндоевропейского»: имеется в виду, что собственно индоевропейская область граничила с районами, занятыми языками, во многом приближавшимися к индоевропейскому типу (что явилось результатом родства или взаимовлияния) и постепенно поглощенными индоевропейским; этот процесс, по мнению автора, следует принять прежде всего для ряда средиземноморских областей (этрусский, возможно лидийский). По-видимому, даже при имеющейся фрагментарности материала по соответствующим языкам эта гипотеза Дж. Девото не может считаться наиболее убедительной из возможных построений.

Три большие главы, составляющие центральную часть книги, посвящены подробному анализу индоевропейской лексики в свете внелингвистических данных и с постоянным учетом достижений ареальной лингвистики (анализ проводится на основании сравнительного словаря, приложенного к книге, — стр. 429—521). Автор анализирует общеиндоевропейскую лексику и особенно тщательно рассматривает локальные изоглоссы. Здесь он выделяет группу изоглосс, противопоставляющих запад и восток индоевропейского мира (обнаруживается также компактный северо-восточный индоевропейский ареал); с другой стороны, исследуются изоглоссы, отделяющие периферийные индоевропейские районы от центра, характеризуемого рядом инноваций. При всей спорности и фактической недоказуемости отдельных построений автора, важно, что в данной работе мы впервые получаем опыт «сравнительной индоевропейской семасиологии», предпринятый на современном уровне индоевропеистики.

Одной из наиболее удачных частей книги, несомненно, является последняя ее глава, где рассматриваются процессы распада индоевропейской общности и формирования отдельных дочерних общностей. Из важных деталей отметим следующие: западный путь миграции анатолийцев; дорийский элемент как элемент, резко отличавшийся от остальных греческих компонентов; сходства латинского и оскско-умбрского как результат конвергентного развития (отрицание италийской общности). В этой главе автор рисует яркую картину позднего расселения индоевропейцев. К сожалению, современное состояние индоевропеистики не позволяет ему воссоздать подобную конкретную реконструкцию для периода более раннего.

Книга Девото, конечно, не свободна от неточностей, что, вероятно, неизбежно при охвате огромного количества фактов, часть которых автор был вынужден получить из вторых рук [2]. Более существенным недостатком является неполный учет литературы по ряду вопросов, важных для индоевропейской проблематики (прежде всего по вопросу возможных генетических связей индоевропейского с соседними семьями, по проблеме древних заимствований в индоевропейском). Почти совершенно остались вне поля зрения автора лингвистические и археологические работы советских и восточноевропейских авторов. В монографии подобного плана, по-видимому, было бы целесообразно дать специальный библиографический указатель, а не ограничиваться подстрочными ссылками, как сделал автор.

В целом книга Джакомо Девото представляет удачное введение в изучение проблемы происхождения и формирования индоевропейской языковой и этнической общности. Эта работа, несомненно, будет весьма полезной всем специалистам, исследующим различные аспекты этой перворазрядной культурно-исторической проблемы.

В. М. Иллич-Свитыч

В. В. Шеворошкин. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., изд-во «Наука», 1965, 359 стр.

К началу 60-х годов было собрано и вполне удовлетворительно интерпретировано столь значительное количество фактов из языков древней Анатолии раннего и позднего периода, что тезис о хеттолувийской принадлеж-

[2] Ср., например, утверждение об отсутствии названия снега в индийских языках (но ср. пракрит. *siṇeha-*), причисление греч. βάλσαμον к «средиземноморскому» слою лексики [в действительности заимствование из сев.-зап.-сем. *baśam(un)*], реконструкция «финноугорского» *septa* «7» (только в угорских языках) и др.

ности ликийского, лидийского, сидетского и языков, на которых говорили в эллинистический период в Исаврии, Писидии, Киликии, Ликаонии и Каппадокии, в настоящее время почти никем не подвергается сомнению. Единственным языком, нарушавшим однородность лингвистического пространства в западной, юго-западной и южной Малой Азии, оставался карийский язык, который большинством ученых, частично по традиции, до последнего времени считался неиндоевропейским языком.

Основная причина такого положения крылась прежде всего в невозможности удовлетворительно дешифровать карийские туземные надписи, так как карийская топонимика и антропонимика, дошедшая в греко-римских передачах, выказывает несомненную общность с остальной ономастикой Малой Азии, особенно с лидийской и ликийской [1].

В частности, исходя сугубо из греческих передач карийских имен собственных, относительно индоевропейского характера карийского языка и его близком родстве с хеттолувийскими языками сравнительно недавно категорически высказался Вл. Георгиев [2] и как на возможность указал А. Хойбек [3-4].

Значение исследований по карийскому языку не ограничивается рамками анатолийского языкознания: самое непосредственное отношение эти исследования имеют к догреческой проблеме. Отсюда вполне понятен интерес, вызываемый аннотируемой книгой, представляющей собой фундаментальный труд, в котором предлагается непротиворечивое и достаточно хорошо обоснованное по многим пунктам чтение и интерпретация большей части карийских надписей.

Книга состоит из пяти глав и приложения, включающего транскрипцию и прориси 108 карийских надписей (85 из Африки, 22 из Карии и одна из Афин); имеется также Словарь-указатель к карийским текстам и Предметный указатель.

Проведя тщательный обзор всех предшествующих работ, с выделением в них рациональных моментов (гл. I; см., например, о работах Сундваля — стр. 35—40 и Массона и Юайотта — стр. 66—78), В. В. Шеворошкин приступает к дешифровке как таковой, начав с эпиграфического анализа — процедуры, предваряющей всякую дешифровку (гл. II). Прежде всего исключаются надписи, не являющиеся на самом деле карийскими или по различным причинам сомнительные. В то же время в книге В. В. Шеворошкина впервые опубликованы 20 надписей (№ 4, 47—59, 72—76, 79), а также помещены надписи, публиковавшиеся в редких и подчас забытых изданиях; в результате составился почти полный корпус карийских надписей. Далее, посредством тщательного эпиграфического анализа выявляются отдельные локальные алфавиты надписей Карии и более архаических надписей Африки. Как оказалось, репертуары знаков локальных алфавитов, совпадая только частично, но и расходясь незначительно, включали не более 35 единиц; следовательно, число инвариантов карийских знаков не должно превышать 35. Результаты

[1] См.: J. Sundwall. Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme. «Klio», 11. Beiheft. Leipzig, 1913; L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.

[2] Vl. Georgiev. Der indoeuropäische Charakter der karischen Sprache. — AO 28, 4, 1960, стр. 607 сл.

[3-4] A. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961. — Тем не менее отсутствие дешифровки карийских надписей вынудило Хоуинка тен Кате, специально исследовавшего позднехеттолувийскую ономастику, иНоймана, разрабатывающего проблему хеттолувийского языкового наследия в эллинистическую эпоху, воздержаться от постулирования хеттолувийской принадлежности карийского языка (Ph. H. J. Houwink ten Cate. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, 1961; G. Neumann. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961).

этой кропотливой работы отражены в таблице (стр. 112—114), где в графе «Буквы» помещены инварианты 35 знаков (за «инвариант» принимается наиболее употребительная графическая форма), в прочих же графах размещены варианты по локальным группам надписей с указанием частотности, оцениваемой по семибалльной системе. Эпиграфический анализ заключается обзором надписей, где конкретно рассматривается эпиграфика каждой надписи в отдельности: уточняются редакции, направление чтения и по возможности, чисто на формальном уровне, решается проблема словоделения в надписях без словораздела.

Лишь после всего этого автор решился приступить к идентификации карийских букв и звуков (гл. III, 2). И здесь методика В. В. Шеворошкина отличается объективностью и непреднамеренностью подхода. Памятуя основное правило истолкования неизвестных письменностей, что при дешифровке в первую очередь следует исходить не из формы букв и их подобия знакам известных письменностей, а из комбинаторно-статистических наблюдений, В. В. Шеворошкин с помощью им же специально разработанной формальной методики анализа всякого буквенного текста [5] отделяет гласные от согласных (стр. 163—167). Уже в результате этой процедуры выясняется, что в целом знаки для карийских гласных соответствуют греческим (лидийским и ликийским) буквам, обозначающим гласные, а карийские знаки для согласных — греческим (лидийским и ликийским) буквам, обозначающим согласные (из 20 явно карийских согласных 14 совпадают с греческими и только шесть не имеют формальных аналогий, среди последних)(соответствует ликийскому знаку для дентального). При этом наиболее четкие идентификации прежних лет (главным образом Сейса и Сундваля) подтвердились. Затем можно было бы, отобрав лучшее из ранее предложенного и не противоречащее новым данным, добавлять по отдельной букве, опираясь на комбинаторно-этимологический анализ, но который, однако, не ограждает от произвольных выводов. Поэтому В. В. Шеворошкин предпочел, насколько возможно, воздерживаться от интерпретации. Как известно, карийские надписи в основном состоят из имен собственных; по всей вероятности, эти имена, хотя бы частично, должны соответствовать карийским именам собственным, дошедшим в греко-римской передаче. Руководствуясь указанным соображением, В. В. Шеворошкин сопоставил данные частотности букв в карийских текстах с соответствующими данными греческих передач (стр. 168). Совпадение частотности ранее идентифицированных знаков дало возможность при учете некоторых других моментов предположить значения для большинства остальных карийских знаков (ср. идентификацию ⊖ в качестве λ — стр. 177 сл., ∇ в качестве *p* — стр. 179 сл. и др.). Совпадение частотности большей части знаков, кроме того, подтвердило предположение о тождестве народа, создавшего карийскую ономастику греческих передач, и народа, оставившего письменные памятники в Карии и Африке, что в свою очередь открыло реальные перспективы для этимологической интерпретации на базе хеттолувийских языков ономастических и апеллативных лексем, содержащихся в карийских надписях. На этом заканчивается занявший почти две трети книги анализ плана выражения, обусловивший возможность прочтения почти всех карийских надписей.

Последняя треть работы посвящена комбинаторно-этимологическому анализу карийских памятников и определению лингвистической принадлежности их языка. В главе IV, раздел 3, производится идентификация карийских туземных имен собственных, отдельных лексем, словообразующих элементов и даже некоторых флексий; многие надписи получают полную интерпретацию. (Особенно интересно толкование № 4, 5, 10, 11, 12, 14, 16, 106 — Кавн и № 10 — Тельмес.) В процессе этой идентификации и на ее основе

---

[5] См.: В. В. Шеворошкин. К исследованию некоторых закономерностей строения звуковых цепей в связи с проблемами идентификации лингвистических единиц. Канд. дисс. М., 1964 и ряд других работ.

становится очевидным хеттолувийская (*resp.* индоевропейская) принадлежность карийского языка. В разделе 1 главы V карийский язык причисляется к хетто-лидийской подгруппе. Среди аргументов, приводимых в пользу этого последнего положения, наибольшей доказательной силой обладает констатация идентичности глагольной и именной флексии, а также карийских аффиксов с таковыми в хеттском и лидийском (стр. 294—301). Приведенный на стр. 252—262 обширный список соответствий между именами собственными карийских надписей и ономастическим материалом греческих передач и туземных письменных памятников раннего и позднего периода на известных хеттолувийских языках не только свидетельствует о хеттолувийском характере карийского языка, но с полной определенностью подтверждает правильность чтений (транскрипции) В. В. Шеворошкина. Приведем некоторые из таких полных или почти полных соответствий: кар. *avka-* : лид. *avka-*[6] 'rechtmäßig, gültig'; кар. *bskove-* : анат. *Paskuwa-*; кар. *dov-λ* : лид. ↑*uve-lli* : позднелув. *Toal(l)i-*, лик. *tuwe-* 'класть; освящать'; кар. *-dŭbsa* : анат. *dubsa*; кар. *dŭgmea* : м.-аз. *Dugmēios*; кар. *-eketon*, *Ekatomn-* : лик. *ecatamla*, кар. *ieavñ-ai-* : м.-аз. *Ia(Ϝ)on-es*; кар. *kavea* : анат. *Kawija*, лид. *kave-* 'жрец' и т. д.; кар. *λuke-* : м.-аз. *Lyka-*, анат. **Luka*; кар. *λuχze-* : *Lyxēs*; кар. *λuvlo-* : килик. *Luolo-* : лув. *luwi-* и т. д.: кар. *mesn-*, *Massan-* : анат. **mas(a)na* 'бог'; кар. *τab-ou* (ср. кар. τάβα·πέτρα — Гесихий): топонимы *Tabai*, *Thēbē*, лид. *Tabala*; кар. *tavse-*, *Tausas* (ср. ταῦς· μέγας, πολύς и ταύσας·μεγαλύνας, πλεονάσας — Гесихий) : лид. *tavšẽ-* 'мощный': лик. *tewi-* и т. д.

К весьма удачным разделам следует отнести также установление четких аналогий между карийскими ономастическими суффиксами и ономастическими и апеллативными суффиксами, засвидетельствованными в известных хеттолувийских языках (стр. 265—269).

В рецензируемой книге встречаются отдельные упущения, которые, правда, не носят принципиального характера: ряд неточностей в библиографии; в таблице частотности имеются варианты только знака ⏀ (стр. 113), а в транскрипционной таблице помещен лишь знак ⊖ (стр. 191), употреблялись же, как известно, оба знака; памф. ΜΑΓΑΣΙΨϜΑΥ в латинской транскрипции должно иметь вид *Magasissu̯ay*[7], в книге же дается им. пад. *Magasisbas* (стр. 91); вместо анат. *Lukka* следует писать хет. *Lukkā* (стр. 257); на стр. 260 вместо анат. **sawka* стоит догреч. **sawka* (топоним); вместо лув.-лик. *mas(s)an-* нужно дать анат. **mas(a)na-* (там же); в глоссе Гесихия τάβα·πέτρα пропущены ударения (стр. 260); кар. *(Ali)karnassos*, вслед за Хаксли[8], без достаточного обоснования сопоставляется с лув. *harnasa* 'крепость' (стр. 254).

Однако все эти корректурные замечания никоим образом не умаляют достоинств этого превосходного труда, который, несомненно, явится значительным вкладом не только в анатолийское языкознание, но и в методику дешифровки вообще[9].

Л. А. Гиндин

---

[6] Как и в рецензируемой книге, позднеанатолийские имена собственные из туземных текстов даются со строчной буквы; греческие примеры переведены в латинскую транскрипцию.

[7] См.: A. Heubeck. Kleinasiatisches, 3. — «Die Sprache» 8, 1, 1962, стр. 84.

[8] G. Huxley. Crete and the Luwians. Oxford, 1961, стр. 29.

[9] Спустя полгода после появления рассмотренной книги вышла небольшая брошюра Ю. В. Откупщикова «Карийские надписи Африки» (Л., 1966), в которой начисто отвергается дешифровка (чтение и интерпретация) карийских текстов, предложенная В. В. Шеворошкиным. Но ошибки конкретного порядка, погрешности против общеизвестных положений методики дешифровки ставят под сомнение и без того по меньшей мере странный конечный

К дешифровке албанских надписей Азербайджана

История изучения албанской письменности фактически начинается с 1937 г., когда И. В. Абуладзе обнаружил албанский алфавит в Эчмиадзинском фонде Матенадарана (Эчм. № 7117) в Ереване [1].

Первым исследователем албанского алфавита был А. Г. Шанидзе [2], а в дальнейшем его изучали И. В. Абуладзе, Р. А. Ачарян, Л. М. Меликсет-Бек, Р. М. Ваидов, А. Г. Абрамян, Ж. Дюмезиль, Х. В. Бэйли, Эллис Х. Миннз, Р. Г. Хьюсен и др.

Дискуссия вокруг албанского алфавита особенно активизировалась после находок надписей археологическими раскопками в Мингечауре. Однако многолетние кропотливые работы в области исследования алфавита и письменности пока что не привели к определенным положительным результатам. До сих пор не выяснено происхождение алфавита и не дешифрованы известные надписи. Имеющиеся по этому вопросу соображения носят обычно самый общий характер.

Известные нам списки албанского алфавита восходят к XV—XVI вв. Трудно судить, насколько они соответствуют оригиналу, составленному при-

---

вывод Откупщикова, что «перед нами язык, близкий древнегреческому, или один из существенно отличных его диалектов» (стр. 32 брошюры). Так, на стр. 8 знак ||, которым палеографы отделяют строки в копиях, принят за карийский знак словораздела; далее Откупщиков полагает, что в ряде случаев в зависимости от направленности знака меняется его значение, например знак ↾, повернутый в левую сторону (т. е. ↿), вместо *l* обозначает *i*, ᑭ, повернутый в левую сторону, уже не *r*, *a ŏ* (см. таблицу, стр. 23 и др.). Отдельные карийские знаки у Откупщикова соответствуют разным звукам (⋀ = *a*, *l*; C = *g*, *ŏ*, *ō*; □ = *ē*, *ei*; ⊕ = *th*, *ŏ*, *ō*; ◀ = r, *ŏ*, *ō*; ↿ = *i*, *l*; | = *i*, знак словораздела, густого придыхания, апострофа) и, наоборот, один звук выражается многими знаками (*th* = ⊕,)(; *ŏ*, *ō* = ⊕, C, ⦶, ◀; *i* = |, ♀, ↿; t = ⩓, ↑, ⁝†; *u* = ⋁▽ и т. д.); при этом в поисках графических прототипов Откупщиков обращается к любому из многочисленных греческих локальных алфавитов, относящихся подчас к значительно более позднему периоду, например знак ▽ для υ, по словам Откупщикова (стр. 11), единожды засвидетельствован в греческой надписи V в., хотя ясно, что основная часть репертуара карийских знаков должна восходить к ограниченному числу локальных архаических греческих алфавитов (по Шеворошкину, алфавиты Крита, Феры, Мелоса — VIII в.) и многое другое. Ни с методической, ни с фактической точки зрения совершенно неясно, как автор брошюры приходит к своему выводу о греческом характере языка карийских надписей. Вызывает удивление, наконец, постулируемый Откупщиковым разрыв между карийским языком надписей и ономастикой Карии, сохранившейся в греческих передачах. В итоге чтения поражают своей произвольностью, сплошь и рядом они противоречат и фономорфологическим особенностям греческого языка, искомого Откупщиковым в карийских надписях, ср., например, Ὑωοζ в III 46 (стр. 19 брошюры) вместо *uloz* у Шеворошкина и ΜξακϜαι в III 4 (стр. 23 брошюры) вместо *avkañs* у Шеворошкина, ср. лид. *avka-* и т. п. Всесторонний разбор брошюры Ю. В. Откупщикова см.: И. М. Дьяконов. Карийский алфавит и его место среди древнейших письменностей. — ВДИ, 1967, № 2, стр. 235 сл.

[1] И. В. Абуладзе. К открытию алфавита кавказских албанцев. — «Изв. ИЯИМК Груз. ф. АН СССР», т. IV. Тбилиси, 1938, стр. 69—71.

[2] А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. — «Изв. ИЯИМК Груз. ф. АН СССР», т. IV. Тбилиси, 1938, стр. 1—68.

мерно за десять веков до последних. Неизвестно также, когда и на какой основе создан албанский алфавит. Источники и исследователи отвечают на эти вопросы по-разному. По сообщениям армянских историков V—VI вв. Корюна и Моисея Хоренского, алфавит составлен Месропом Маштоцем. По Корюну, он создан на основе албанского языка; по М. Хоренскому, он составлен на базе гаргарского языка, «богатого гортанными, свистящими и шипящими звуками» [3]. Ссылаясь на эти свидетельства, армянские ученые Р. А. Ачарян, Я. А. Манандян, М. А. Абегян, А. Г. Абрамян и др. прямо отмечали, что албанский алфавит составлен в начале V в. именно Месропом Маштоцем. Однако еще современник Корюна — Газар Парпский, а затем и Давид Грамматик (VII в.), говоря о деятельности Маштоца, писали, что он является реформатором лишь армянского алфавита [4]. Эту версию поддерживают и армянские ученые Н. Г. Адонц, Г. Н. Акинян, Л. М. Меликсет-Бек и др. Так, Г. Н. Акинян, возражая первой точке зрения, указывает, что Маштоц «никогда не составлял алфавита для христианского албанского народа» [5] и что сведения древних авторов о создании им письменности для албан относятся к европейским готам, а не к кавказским албанам. Отметим также высказывание Р. А. Ачаряна с ссылкой на Г. Н. Акиняна («Handes amsorja», Wien, 1935, стр. 515) о том, что встреча Маштоца с Вениамином, в результате которой был выработан алфавит готов, имела место в Константинополе [6]. Н. Г. Адонц и Л. М. Меликсет-Бек не только отрицают авторство Маштоца в составлении албанского и грузинского алфавитов, но и считают его реформатором староармянского (Данииловского) алфавита [7].

Интересно отметить, что Егише, Себеос, Ананий Ширакский и другие армянские писатели V—VII вв. также ничего не говорят об изобретении албанского алфавита Маштоцем. В этих условиях едва ли будет полезно в настоящее время настаивать в вопросе происхождения алфавита на определенном авторстве. Думается, что неудачи исследований в области изучения албанской письменности в определенной мере связаны с последним обстоятельством. Одним из таких исследований можно считать книгу проф. А. Г. Абрамяна «Дешифровка надписей кавказских агван» (Ереван, 1964).

Книга А. Г. Абрамяна — первая монографическая работа, посвященная дешифровке албанских надписей. Поэтому целесообразно на ней остановиться подробнее.

В основу попытки чтения надписей автор положил свою интерпретацию списка албанского алфавита: «Единственным надежным ключом для дешифровки новонайденных рукописей (следовало бы «надписей». — *Г. В.*) Мингечаура является общеизвестный агванский алфавит, сохранившийся в армянской рукописи Матенадарана № 7117» (стр. 25). А. Г. Абрамян пишет: «О том, что мингечаурские надписи бесспорно являются агванскими, а алфавит, содержавшийся в рукописи № 7117, действительно агванский, нетрудно убедиться из нижеприведенной сводной таблицы, где бок о бок приводятся знаки рукописи и знаки надписи» (стр. 21). При сопоставлении оказалось,

---

[3] Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913, стр. 329 (на арм. яз.).

[4] Газар Парпеци. История Армении. Тифлис, 1904, стр. 1 сл. (на арм. яз.).

[5] Г. Н. Акинян. Св. Месроп Маштоц. Вена, 1949, стр. 318 (на арм. яз.).

[6] Журнал «Эчмиадзин» 1956, № 11—12, стр. 46.

[7] См.: Н. Г. Адонц. Армянская литература. — «Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», т. III. СПб, 1915, стр. 642—643; Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о генезисе армянского, грузинского и албанского алфавитов. — «Труды Музея истории Азербайджана», т. II. Изд. АН Азерб. ССР. Баку, 1957, стр. 49—56.

что знаки албанских надписей не имеют никакого отношения к следующим буквам алфавита:

и т. д.

Кроме того, в таблице А. Г. Абрамяна сильно искажены начертания букв албанского алфавита: например, буквы «зим», «кат», «ен», «жа», «ина», «чар», «кар», «чай», «нуц», «тай», «сек», «тиур», «цав», «цайн» более сходны с начертаниями букв армянского алфавита (см. стр. 22—24).

После приведения сводной таблицы автор, до того как приступить к чтению надписей в третьей главе, дает свое уточнение «формы и звуков букв агванского алфавита» (стр. 25). Исправляя якобы искаженные буквы, А. Г. Абрамян заключает, что албанский алфавит сходен с армянским, что становится якобы «более наглядным после исправления явных ошибок, допущенных в армянских транскрипциях названий агванских букв. Так, по ошибке переписчика буква «гим» превратилась в «зим», «дат» в «гат», «эб» в «э̄б», «э̄б» в «эб», «ца» в «ча», «рон» в «ион» и т. д.» (стр. 25—26).

Как отмечает А. Г. Абрамян, «составитель алфавита (т. е. Маштоц.— *В. Г.*) всячески стремился сделать агванский алфавит оригинальным, чтобы ни одна буква не была похожа на свой прототип — т. е. на буквы армянского алфавита» (стр. 39). Если это так, то непонятно, как автор установил степень искаженности букв алфавита и сходство албанского алфавита с армянским в целом.

Рассматривая порядок букв албанского алфавита, А. Г. Шанидзе пишет: «Албанцы буквы своего алфавита расположили так, что знаки специфических звуков размещены среди букв, имеющих соответствие в греческом» [8]. Это значит, что староалбанский алфавит, подобно староармянскому, в V в. подвергся переработке. Возможно, в связи с распространением христианства в Албании возросло просвещение, надо было писать книги и переводить церковную литературу. Именно с этой целью Маштоц и Саак обновили армянский алфавит, добавив к нему знаки для специфических армянских звуков. Так же могли бы поступить и составители албанского алфавита независимо от учета истории армянского. А. Г. Абрамян не обосновывает свое положение о том, что «создатель агванского алфавита брал за основу порядковость армянских букв, не допуская в них нарушения» (стр. 18). Если это было именно так, то позволительно спросить автора, зачем же он был вынужден «исправить» значения более 30 букв, считая их искаженными? А. Г. Абрамян ссылается только на то, что порядок букв албанского алфавита не соответствует порядку букв армянского, так как неверны названия его букв: «Вторая буква в алфавите — „odet“. Название, бесспорно, неверное, — так как по очередности за *А* должен следовать *В*; третья буква носит название „zim“. Искажены как форма ее начертания, так и название. По порядку очередности букв алфавита должно быть *G*» (стр. 28). Однако такой порядок присущ армянскому алфавиту, а не албанскому. Если албанский язык действительно входил в семью иберийско-кавказских языков и был близкородственным удинскому, то его алфавит мог иметь совершенно иной порядок букв. Если сопоставить древнегрузинский алфавит с древнеармянским, то налицо разный их порядок. В армянском за *е* следует *з*, а в грузинском — *в*, в армянском за *mh* следует *ж*, а в грузинском — *и*, в армянском за *л* следуют *х*, *ц*, *к*, *h*, *дз*, *гъ*, *ч*, в грузинском — *м*, *н*, *о*, *nI*, *ж*, *р*, *с* и т. д.

Если согласиться с мнением А. Г. Абрамяна, что «первообразом для букв алфавита агван являлись буквы армянского и грузинского алфавитов» (стр. 27), то порядок букв албанского алфавита надо было скорее сопоста-

---

[8] А. Г. Шанидзе. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов. — «Труды Музея истории Азербайджана», т. II. Баку, 1957, стр. 42.

вить с грузинским, входящим в ту же языковую семью и располагающим сходными фонетическими чертами. Сходство обоих порядков видно из знаков албанских надписей, приведенных автором в шестой графе сводной таблицы, соответствующих знакам древнегрузинского алфавита:

G D V L O K Š Ẓ̌ Ẋ P̣ Č

[illegible]

[illegible]

Очевидно, что в порядке букв такого сходства между албанским и армянским алфавитами не наблюдается. Для подчинения порядка букв албанского алфавита порядку армянского А. Г. Абрамяну и пришлось переместить и «исправить» более 30 знаков списка.

В реконструированном А. Г. Абрамяном алфавите налицо шесть аффрикат *č*, четыре сонорных *j*, по три сонорных *l*, спиранта *x* и *š*, два сонорных *r* (см. стр. 35—37). При этом возникает масса недоуменных вопросов: где здесь знаки для смычно-гортанных, латеральных, фарингальных и прочих албанско-удинских фонем? Если автор претендует на реконструкцию алфавита, то почему он не транскрибирует 11 знаков (№ 12, 16, 18, 22, 24, 28, 32, 33, 36, 45, 49)? Чем вызвано наличие в албанском шести аффрикат *č*, четырех *j*, трех *l*, *š*, *x*?

Несмотря на отсутствие разъяснений, А. Г. Абрамян «сравнивал звуковой состав переработанного им агванского алфавита со звуковым составом удинского языка и выяснил, что разница между ними небольшая» (стр. 38). Между тем если бы автор привел в работе соответствующую сравнительную таблицу, то соотношение звукового состава оказалось бы иным. Так, в «переработанном» А. Г. Абрамяном албанском алфавите нет знаков для удинских фарингализованных гласных *аъ*, *иъ*, *ыъ*, *оъ*, *уъ*, в нем нет фарингальных согласных *къ*, *хъ*, спирантов *жI*, *гъ*, аффрикат *джI*, *ц̧*, *ч̧*, глухого непридыхательного *пI* и смычных *кI*, *г*, *ķ*. В удинском языке четко представлена дифференциация согласных на сонорные, спиранты, смычные и аффрикаты, причем смычные и аффрикаты образуют группы в три ряда, спиранты — в два. Такую дифференциацию, однако, невозможно усмотреть в «переработанном» алфавите А. Г. Абрамяна.

Неточна у автора характеристика отдельных фонем. На стр. 31 говорится, что умлаутированный гласный *ö* «по произношению ближе к *h*, поэтому поставлен рядом с ним». Однако губной гласный переднего ряда среднего подъема *ö* и глухой спирант *h* — совершенно различные величины.

Транскрипция букв алфавита очень дефектна и не соответствует знакам дешифровки. Так, *ç̌ar* (№ 19) и *ç̌aṭ* (№ 39) одинаково переданы как *ç̌* (стр. 36—37), *jajd* (№ 50) — знаком *v* (стр. 37), а *soj* (№ 52) — знаком *t* (стр. 37). Нарушается и порядок букв алфавита, постулируемый автором. Если специфические албанские звуки в принципе ставились в алфавите рядом со сходными с ними, то почему *jud* (№ 11), *jar* (№ 30), *jajd* (№ 50), *la* (№ 14), *lan* (№ 15), *liṭ* (№ 22) и т. п. не стоят рядом?

Отсутствие в списке алфавита знаков для звонкого спиранта *гъ* и фонетически неясной разновидности *н* автором обосновывается тем, что в нем должно было быть 54 знака, а не 52, как это имеет место. Последнее мнение аргументируется в свою очередь тем, что до введения арабских цифр в качестве числовых знаков использовались буквы алфавитов, что будто бы принуждало вносить в последние определенное количество букв (стр. 34). Но эти предположения автора не оправданы ни лингвистически ни культурно-исторически.

Как указывает А. Г. Абрамян, разбором звуковых значений албанского алфавита занимались А. Г. Шанидзе, Ж. Дюмезиль, Г. Ворошил и частично

Х. В. Бейли и Эллис Х. Миннз [9]. Исследование показало неточность передачи названий ряда букв, что затрудняет установление звукового состава албанского языка. При этом привлекался звуковой состав удинского языка. Было установлено наличие в албанском примерно 20 шипящих и свистящих фонем. По названиям букв, однако, в алфавите не удалось определить знаки для *б*, *гъ*, *р*, *къ*, *хъ*, *джI* и др. Оставалось неясным, почему (судя по названиям букв) в алфавите налицо несколько *в*, *й*, *и*, *дж*, *ч*, *к* и т. д. К тому же знаки албанских надписей мало походят на буквы списка алфавита. В итоге при помощи алфавита не удавалось дешифровать сами надписи.

Вместо того, чтобы развить положительную сторону этих исследований и рассмотреть их недостатки, А. Г. Абрамян прямо исходит из традиции гипотетического отождествления албанского с удинским. Как известно, среди доводов А. Г. Шанидзе в пользу идентификации албанского и древнеудинского фигурируют одинаковое число свистящих и шипящих фонем, реальное значение в удинском девяти названий албанских букв, удинская этимология ряда албанских названий месяцев [10]. В своих дальнейших исследованиях А. Г. Шанидзе приходит к выводу, что «удинский язык — это один из новоалбанских диалектов, или, что то же, албанский есть литературный язык древних удин, т. е. древнеудинский язык» [11]. Однако, по его же словам, «мы еще не знаем, каков был албанский язык, чем характеризовался его морфологический строй, в чем состояли синтаксические особенности и каков был лексический состав. Был ли он типа удинского языка, или даже его предком» [12] или нет — это еще не решенная проблема. Можно ли в этих условиях безоговорочно отождествлять албанский и древнеудинский?

А. Г. Абрамян должен был обратить внимание прежде всего на то, почему в его «переработанном» алфавите (и в рукописи № 7117) отсутствуют специфические албанско-удинские (т. е. дагестанские) фонемы, но изобилует глухой спирант *j*, которого вообще не было в общелезгинском состоянии, чем вызвано наличие здесь трех *x*, *l*, *š* и шести *č* при отсутствии их в таком количестве в дагестанских языках. При этом кажется показательным употребление в алфавите диакритики ⌐, участвующей в начертаниях девяти букв, которая могла отличать фарингализованные гласные *аъ* и *иъ*, фарингальные согласные *къ*, *хъ*, *hъ* и смычный *пI* от простых *а*, *и*, *к*, *х*, *h* и *п*. При передаче двух специфических согласных — альвеолярно-дорсального *ч̉* и переднеязычного *чI* — также использована эта диакритика, развернутая обычным образом в написании «*ч̉ай*» (№ 38) и наоборот — в написании *чIатI* (№ 39). Таким образом, А. Г. Абрамян не только не приводит своих аргументов в пользу идентификации языка албанских надписей и удинского языка, но и не пытается их найти.

А. Г. Абрамян начинает с дешифровки большой надписи на постаменте алтарного креста, найденного археологами Азербайджана в Мингечауре; надпись относится к V—VI вв., так как культурный слой II храма, где она найдена, соответствует именно этой эпохе [13]. В надписи 66, а не 58 знаков, как считает А. Г. Абрамян на стр. 40. Автор видит в ней 13 трех—пятислож-

---

[9] См. А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит. . ., стр. 27—40; G. Dumézil. Une chrétienté disparue. Les Albanais du Caucase. — «Mélanges Asiatiques» I, t. 232, Paris, 1940—1941, стр. 125—132; Г. Ворошил. Гәдим Агван вәлифбасы в удин дили һаггында. — «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, № 1. Баку, 1962, стр. 79—80; Д. Дирингер. Алфавит. М., 1963, стр. 383—385.

[10] А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит. . ., стр. 37; Он же. Язык и письмо кавказских албанцев. — «Вестник отделения общественных наук АН Груз. ССР», т. I. Тбилиси, 1960, стр. 175—186.

[11] А. Г. Шанидзе. Язык и письмо. . ., стр. 189.

[12] А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит. . ., стр. 61.

[13] Р. М. Ваһидов. Минҝәчевир III—VIII әсрләрдә. Баку, 1961, стр. 94—113.

ных слов и заключает, что она выполнена в 640 г. на удинском языке. Здесь и возникает целый ряд возражений. Вопреки словам автора о том, что «заметны также удинские грамматические формы», последние трудно усмотреть, так как чтения А. Г. Абрамяна не составляют предложений. Если надпись удинская, то в соответствии с даваемым русским переводом — «В тридцатом (году царствования) Ираклия был построен храм (во имя) святого Егише (или Егише Гиса). . . в память епископа Овела» (стр. 47) — по-удински она могла бы выглядеть так: «*Ираклин къайсарбаксунун сакъовицI усенастIа ме гергецI сернеце* (или *бикънеце*) *иъвеъл Йегъиши цIийал. . . йепIускIопI Обели ехун* (или *аъмхуън*)». Однако дешифровка гласит: ALÏA S[Ä]G[BČ USENI] [KAJ]SÏRE IOARAHGLE ELHÄŠH GOVSE ǦAΘOSŘOÄ. . . SERB[I]. . . ÄI HOBILI [EPI]SKAPOSE IBI ÏÄÏǦ (стр. 42). Текст ее не образует предложений, отсутствуют в нем и грамматические формы. Аорист SERB]I] требовал бы форму эргатива на *-н* для субъекта [Ираклий]. Вместо USEN ожидалась бы форма адессива с послелогом *-стIа*. Начальное ALÏA вообще не могло быть в данном контексте, так как: а) в удинском оно значит 'верх', 'высота', 'на', а не 'в', как указывает автор (стр. 42); б) в удинском, как и во всех иберийско-кавказских языках, вместо предлогов функционируют послелоги: ср. удинский послелог *-стIа* 'в' (*укI-е-стIа* 'в сердце', *усен-а-стIа* 'в году'). Следует учитывать, что исконно удинские основы состоят из двух—пяти фонем состава VC, CVC и т. п. (ср. *ул* 'волк', *пул* 'глаз', *кIаша* 'палец'). Им не свойственно стечение гласных или согласных в слоге, так что даже в заимствованной лексике происходят соответствующие изменения: *станция* > *ыстанция*, *бригадир* > *биргадир*, *трамвай* > *тырамвай* и т. д.[14] Поэтому, в частности, написания IOARAHGLE, [KAJ]SÏRE не могут передавать удинского текста.

При дешифровке А. Г. Абрамян не следовал им же самим данной реконструкции алфавита, вследствие чего в чтениях допущено много ошибок. Если по сводной таблице на стр. 36 умлаутированный Ä передается знаком , то в надписях автор видит его четыре вида: в большой надписи (SÄG. . .) и , на подсвечнике № 2 (GəΘÄ) и (ABÄ). Согласно таблице Ï и J имеют разные начертания и , но в большой надписи оба переданы через (см. ÏAÏǦ, [KAJ]SÏRE). В надписях вообще не встречается. В большой надписи в первой строке после S идет Č ( ), который автор не транскрибирует и вместо SČÄG. . . пишет SÄG. . . (стр. 42). В сводной таблице R и Ř имеют разные знаки, а в большой надписи оба передаются через (см. [KAJ]SÏRE, IOARAHGLE, SERBI). На подсвечнике № 1 А. Г. Абрамян видит R в знаке (см. ČAǦAR, ČÄVRE), на черепке же № 4 — в знаке (MAǦAR). В сводной таблице дается один знак для I ( ), однако в большой надписи имеем два: (IBI) и | (ÄI). В надписи на постаменте алтарного креста | отдельно не употребляется; не свидетельствует ли это о том, что он выражает в совокупности с соседним знаком некоторые специфи-

[14] Г. Ворошил. Ниджский диалект удинского языка (звуковой состав и некоторые фонетические процессы). — «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, № 3. Баку, 1963, стр. 85—87.

ческие фонемы. В таблице одним знаком представлено и L, хотя в надписях последнему отвечают и (ELHÄŠH, ... ĞEL).

Не нашли отражения в таблице три знака, встречающиеся в дешифрованных текстах: Ğ, Ň, X̌. Между тем в надписях для Ğ имеется пять разновидностей: в большой надписи (ÏAÏĞ) и (EĞHAŠH, что, впрочем, ошибочно транскрибируется как ELHÄŠH на стр. 42), на подсвечнике № 1 (ČAĞAR), на черепке № 4 (MAĞAR), на подсвечнике № 3 (... ĞEL). В то же время знак в сводной таблице дан для Ö. На черепке № 1 как Ö интерпретируется и знак (BÖVŽA). В таблице Ē и Ž тоже имеют по одному знаку: и соответственно, а в надписях — по два: (ŽARĒ), (ŽĒNA) и (BÖVŽA), (ŽĒNA).

В дешифрованных текстах подобный произвол имеет место очень часто. Однако в монографии А. Г. Абрамяна надписи не только неточно дешифруются, но и представлены неадекватно. Так, на лицевой части надписи на постаменте алтарного креста имеется 25 знаков; однако в книге из них приводится 22. До лакуны в строчке насчитывается девять знаков, по А. Г. Абрамяну же — только семь. Группа знаков, идущих после лакуны, у автора почти целиком отсутствует. Таким образом, на лицевой стороне постамента целый ряд знаков не рассматривается. Начертание ряда других знаков искажено. Например, четвертый знак и седьмой переданы как и (стр. 42). Знаки второй и третьей граней постамента даются полно, но с искажениями. Неточно переданы и знаки надписи на подсвечнике № 1, где вместо , даны , .

Судя по дешифрованному тексту, албанские надписи содержат в 185 буквенных знаках 40 слов. Из последних лишь семь оказываются удинскими, а 33 — заимствованными. Так, в большой надписи из 13 слов лишь три удинских (ALÏA, SÄGBĊ и SERB[I] — см. стр. 43—46), в надписи на подсвечнике № 1 из десяти слов (47 знаков) только одно удинское — XAČ[KAN]IBI (стр. 52) и т. д. 14 слов (56 знаков) оказываются персидского происхождения, ряд слов идет из греческого и иных источников.

До 640 г. удинский, действительно, мог в основном черпать лексические заимствования из персидского языка. В связи с распространением христианства в Албании в него могли проникнуть некоторые термины из армянского и греческого источников. Однако невероятно, чтобы в VII в. на 40 употребленных слов в удинском приходилось такое большое число заимствований. Если бы уже в ту эпоху удинский подвергся столь сильному воздействию, то он давно бы уже был полностью ассимилирован. Между тем он существует и поныне, сохраняя свой фонетический, грамматический и лексический строй.

А. Г. Абрамян датирует надпись на постаменте алтарного креста 640 годом, опираясь на факт обнаружения в том же храме армянской надписи такого же содержания и с названной датой. Однако он не учитывает, что армянская надпись на миндалевидном камне найдена в Мингечауре в четвертом

храме и относится к VIII—IX вв.[15] В 1956 г. А. Г. Абрамян читал в этой армянской надписи, что храм построен «в 35-й год царствования Ираклия, во имя святого Егише. Память Нерсеса» [16]. Затем он пересмотрел ее интерпретацию, учтя тот факт, что Ираклий царствовал всего 31 год и на 35-м году его царствования храм не мог быть построен. В рецензируемой работе автор предлагает новый вариант чтения: «В тридцатом году [благочестивого царя] Ираклия . . . был построен храм во имя святого Егише» (стр. 20). В новом варианте вставляется «благочестивого царя», наоборот — исключается «пятом», «память Нерсеса»; «году» же не берется в скобки, хотя в тексте его нет. При сопоставлении армянской надписи с албанской видно, что в первой нет «память епископа Обела», «царствования», а «во имя» не заключено в скобки; во втором отсутствует «благочестивого царя», а «году» взято в скобки. Вместе с тем албанская и армянская надписи выполнены на разных объектах, и нельзя доказать, что они составляют одну билингву.

На сомнения наводит и факт, что в армянской надписи налицо начертания *a* и *j*, восходящие, согласно самому же А. Г. Абрамяну, ко времени не ранее 1512 г.[17] Нет никаких эпиграфических, палеографических и тем более лингвистических данных для исправления чтения *eresnerordi hingerordi* 'в тридцать пятом' на *eresnerordi* 'в тридцатом'. Высказанные выше замечания показывают, что армянский текст не может составлять с албанским единой билингвы.

А. Г. Абрамян игнорирует историческую ситуацию в Закавказье VII в. Как известно, в 607 г. в Двине произошел церковный разрыв между Албанией, Грузией и Арменией [18]. «Албанцы обратились к себе, чтобы не быть ни под чьею властью» [19]. Борьба халкедонитской церкви Албании с монофизитской армянской усилилась. Армянское духовенство добивается, чтобы «архиепископ агванцев был им подчинен. Агванцы не соглашаются, сюнийцы от армян обращаются к агванцам и получают от них рукоположение и елей» [20]. В это время армянская надпись едва ли могла иметь место в албанском кафедральном храме (скорее можно было ожидать наличие здесь грузинской или греческой надписи).

Но мог ли быть упомянут в большой надписи епископ Обел, если она действительно относится к 640 г.? У Моисея Утийского [21] упоминаются три Обела: 1) пустынник иерей Обел (стр. 53); 2) диакон Обел (стр. 53) — оба упоминаются во время царствования Вачагана, т. е. в V в.; 3) епископ Обел. Если надпись гласит: «память епископа Обела», то имеется в виду, конечно, последний. Однако А. Г. Абрамян забывает, что, по Моисею Утийскому, Обел был современником албанского католикоса Тер-Нерсес Бакура (680—704 гг.). Едва ли Обел мог быть епископом столь длительное время. Следует учесть, кроме того, что он был епископом области Мецаран в нынешнем Карабахе, в то время как храм в Мингечауре подчинялся епископу области Шаки или Кабалы.

---

[15] См.: С. М. Казиев. Новые археологические находки в Мингечауре. — «ДАН Азерб. ССР», т. IV, № 9. Баку, 1948, стр. 400; Р. М. Ваидов и В. П. Фоменко. Средневековый храм в Мингечауре. — «Материальная культура Азербайджана», т. II. Баку, 1951, стр. 93.

[16] А. Г. Абрамян. Дешифровка фрагментов армянских надписей, найденных в Мингечауре. — «Эчмиадзин», 1956, № IV—V, стр. 66—72 (на арм. яз.).

[17] А. Г. Абрамян. История армянского алфавита и письменности. Ереван, 1959, стр. 107 (на арм. яз.).

[18] И. А. Джавахов. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. — «Известия АН», 1908, стр. 436—445.

[19] Моисей Каланкатуйский. История Агван. СПб., 1861, стр. 220.

[20] Там же, стр. 217.

[21] Вслед за Я. А. Манандяном и Н. Я. Марром мы предпочитаем называть автора «Истории Агван» Моисеем Утийским.

А. Г. Абрамян относит надпись на подсвечнике № 1 к XI в., ссылаясь, в частности, на наличие в ней арабских слов (стр. 55—56). Однако автору следовало бы считаться с тем, что археолог Р. М. Ваидов, относя эту надпись к V—VIII вв., исходит из места культурного слоя, в котором найден подсвечник, в общей стратиграфии местности.

С VIII в. делопроизводство в Албании велось на арабском языке. После смерти Тер-Нерсес Бакура арабский халифат презрительно относился к албанскому духовенству, католикосы назначались только с согласия армянского католикоса. Албанская письменность была вытеснена из церкви и была забыта, видимо, не позже конца IX—начала X в. Трудно поэтому согласиться и с мнением А. Г. Абрамяна и ряда исследователей, что албанская письменность существовала до XIV в. Если при этом имеется в виду сообщение Хетума (XIV в.), что halojeni, населявшие территорию Армении, имели письмо, то следует еще выяснить, имеют ли они какое-либо отношение к албанам (при этом возникает вопрос, почему в нарушение традиции Хетум называл албанов halojen-ами, когда почти его современники Киракос Гандзакский и Степан Орбелян называли их по-прежнему).

Многочисленные замечания, поправки и уточнения свидетельствуют о том, что исследование албанской письменности, и особенно исследование, предпринятое А. Г. Абрамяном, не руководствовалось сколько-нибудь строгим методом и пока не достигло успеха. Эта интересная и очень актуальная проблема ждет своего пытливого и внимательного исследователя.

Г. Ворошил

Корректурные примечания к статье В. М. Иллич-Свитыча

К стр. 309: В одном из рукописных вариантов статьи рефлекс *-k-* в языке курух отсутствует. Он отсутствует и в таблицах DED.

К стр. 313: В одном из рукописных вариантов вместо *t* написано *d-* *-t*, вместо *k* — *g-* *-k*, вместо *kw-*, *gw-* — *kw-* *-k*, вместо *kw-* (в строке *k^{u}) — *kw-* *-k*, вместо *kw-* (в строке *g^{u}) — *gw-* *-k*.

К стр. 327: Первоначально в этой этимологической статье присутствовало картвельское соответствие (*ḳera 'очаг, камень у очага' > груз. *ḳera*, чан. *ḳira*, *ḳera*). В последней редакции картвельское соответствие снято ввиду возможности объяснить его заимствованием из семитского (ср. «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 353, s. v. *очаг*), вследствие чего теряется возможность различения ностратического **ḳ-* и **q̣-* в этом примере.

К стр. 335: Этот дравидский рефлекс установлен В. М. Иллич-Свитычем на основании следующего сравнения: алт. *ory 'звать' (эвенк. *ori-*, монг. *oril-*) ~ драв. *aṟ- 'плакать, звать' (тамил. *aṟu* 'плакать', *aṟai* 'звать', каннада *aṟu* 'плакать', парджи *aṛ* то же; см. DED 21) ~ ие. *H$^{u}_{e}$er- 'молиться, взывать' (хет. *aruu̯āi* 'преклоняться, умолять', греч. гом. ἀρή 'молитва', лат. *ōrō* 'молюсь'; см. Pok. 781) ~ картв. *γar-/γr- 'петь, кричать' (чан. *γor-*, сван. *γar-/γr-*) ~ с.-х. *ġrj 'говорить' (юж.-араб. мехри *ġarôj*, сокотри *ʿrj*; см. Leslau Soq. 326—327). В окончательной редакции этот пример был снят ввиду возможности его дескриптивного характера.

К стр. 343: В одном из рукописных экземпляров драв. *kapp- 'покрывать' выводится из малаялам *kappu* и курух *khap-* (см. DED 86—87), а с.-х. *kp 'укрывать' — из арабского *kfr* 'покрывать' и др.-егип. *kȝp* 'крыша' (см. Ember 16).

К стр. 344: В рукописных материалах урал. *putʌ 'rectum' выводится из саам. южн. *buttĕgĕ*, хант. *pŭti* (см. Coll. 74), а с.-х. *$p_1$wt — из др.-евр. *pwt* 'vulva', сомали *futo* 'anus', ангас *fŭt* 'глубокое отверстие'.

К стр. 345: В рукописных материалах картв. *tip-/tib- 'косить, сено' выводится из чан. *tip-* 'косить; трава' / груз. *tib-* 'косить', диал. *tiba* 'трава, сено' (ср. Климов 94), а с.-х. *tb- 'срезать, солома' — из араб. *tbb* 'срезать', *tibn* 'солома', др.-евр. *tẹbẹn* 'мелко рубленная солома' (см. Ges. 870).

К стр. 346: В рукописных материалах сюда же отнесен картвельский корень *bir- 'дитя' (чан. *bere* 'дитя, сын'; ср. Чик. 19—20).

* * *

В рукописных вариантах работы содержатся также следующие этимологии, снятые в последней редакции статьи в связи с возможной

дескриптивностью корней или по иным причинам, но, тем не менее, представляющие научный интерес.

***ṭ**: 1.40. алт. *t'a p ʌ- 'бить, ковать, топтать' (орок. *tapitči-* 'ковать', карачаев. *tapla-* 'ковать', татар. *tapta-* 'топтать, отбивать косу'; ср. Вас. 380) ~ урал. *ṭ a p p a- 'бить, бить ногой, топтать' (фин. *tappa-* 'убивать', венг. *tapod-* 'топтать', ненец. *tapar-* 'наступать ногой, пинать'; ср. Bárczi 301) ~ драв. *ṭ a p p- 'бить, ударять' (тамил. *tappai* 'удар'; см. DED 199) ~ и.-е. *ṭ e p- 'бить. топтать' (др.-исл. *þefja* 'трамбовать', ст.-слав. *tepǫ* 'бью'; ср. Pok. 1056)~с.-х. *ṭp- 'бить, ломать, топтать' (аккад. *ṭappu* 'ступня', сирийск. *ṭpḥ* 'бить кулаками', ангас *tăp*, *tĕp* 'ломать'; ср. Ges. 278).

1.41. алт. *t'u r ʌ- 'журавль' (ср.-монг. *tura'un*, тур. *turna*, диал. *durna*, туркм. *durna*, др.-тюрк. *turuñaja*; ср. KW 411) ~ урал. *ṭ ō r ʌ k ʌ 'журавль' (коми лузск. *turig*, манс. Пелымка *tēryγ*, хант. Вах *tarəγ*; ср. Paasonen OW 260).

1.42. алт. *t'o k ʌ- 'сплетать, ткать' (монг. *toki-* 'сплетать, вплетать', азерб. *toxu-* 'ткать', туркм. *doku-* то же; см. KW 398) ~ и.-е. *ṭ e k- 'сплетать, ткать' (осет. *taxun* 'ткать', арм. *t'ek'em* 'сплетаю, скручиваю', др.-в.-нем. *tāht* 'фитиль, шнур'; см. Pok. 1058).

1.43. картв. *ṭ r- 'вмещать, содержать' (мегрел., чан. *ṭr-*, *ṭir-*; ср. Климов 180) ~ с.-х. *' ṭ r 'вмещать, ограждать' (минейск. *'ṭr* 'ограждать', аккад. *eṭēru* 'вмещать', др.-евр. *'ṭr* 'запирать'; ср. Ges. 28).

1.44. драв. *k o ṭ ṭ- 'рубить, копать, долбить' / *k o ṭ ṭ- 'бить, рубить' (тамил. *kottu* 'копать, клевать' / тамил. *koṭṭu* 'бить'; см. DED 140, 141) ~ с.-х. *ḳ ^{u} ṭ' 'резать' (араб. *qṭ'* 'резать', геез *taḳ^{w}āṭ'a* 'быть пресыщенным'; см. Leslau Soq. 373).

***t**: 2.25. алт. *t a l' y- 'тащить, переносить' (туркм. *dašy-* 'переносить, перевозить', тувин. *dažy-* 'тащить') ~ картв. *ṭ a r-/ṭ e r- 'тащить' (груз. *tr-/ter-/tar-*, сван. *tr-/tir-*; см. Климов 95).

***ḳ**: 4.20. драв. *n a k k-/n ā k k- 'лизать' (тамил. *nakku* / телугу *nāku*; ср. DED 235) ~ и.-е. *l a k- или *l o k- 'лакать' (лит. *làkti*, русск. *лакáть*; ср. Pokorny 653) ~ картв. *l ḳ- 'лизать' (груз. *loḳ-*, сван. *lōḳ-*, *läḳ-*; ср. Климов 121—122) ~ с.-х. *l ḳ ḳ 'лизать' (араб., др.-евр. *lqq*; ср. Cohen 183).

***k**: 5.25. алт. *k a r ʌ- 'серый журавль' (эвенк. *karaw*; монг. *qargir*; ср. Sauv. 90) ~ урал. *k a r k e 'журавль' (саам. *guor'gâ*, морд. *kargo*, селькуп. *kara*; ср. Coll. 29) ~ и.-е. *g e r H- 'журавль' (греч. γέρανος; ср. Pok. 383) ~ с.-х. *k r k 'журавль' (араб. *kurkij*, аккад. *karakku*, *kurukku*; ср. Grimme ZDMG 55, 447).

5.26. алт. *k ö m ʌ- 'опрокидывать' (удейск. *kümtä-*, монг. *kömür-*; см. KW 239) ~ урал. *k u m ʌ- 'опрокидывать' (фин. *kumoa*; см. Coll. 27—28).

***g**: 6.27. алт. *g y l' 'холодный' (эвенк. *gilli* 'холодный — о воде', туркм. *gyš* 'зима') ~ картв. *g r- 'холод' (груз. *gril-* 'прохладный').

6.28. драв. *k ō ḷ- 'горе, печаль' (кота *go·ḷ-* 'печаль', тулу *gōḷu* 'горе', см. DED 149) ~ картв. *g l w- 'скорбеть, оплакивать' (груз. *glow-*, мегрел. *rg(w)-*; ср. Климов 63).

***q̣**: 7.10. алт. *k'ō r (ʌ) 'слепой' (туркм. *kōr*) ~ драв. *k u r- 'слепой' (тамил. *kuruṭaṉ* 'слепец', тулу *kuruḍa* 'слепой'; см. DED 121) ~ картв. *q̣ w e r- 'слепой' (мегрел. *'were*).

***q**: 8.9. алт. *s i g ä- 'urinare' (монг. *sige-*, тур. *siğ-*; см. KW 355) ~ и.-е. *s e i H- 'влажный, капать' (ср.-ирл. *silid* 'капает, течет', др.-в.-нем. *seim* 'патока', лит. *séilė* 'слюна'; см. Pok. 889) ~ с.-х. *ś ḫ (ḫ) 'urinare' (араб. *šḫḫ*, сокотри *śḫḫ*, агав. билин *šag*; ср. Cohen 110).

***p̣**: 10.37. алт. *p'ā r' (ʌ) или *p'a r (ʌ) 'парить' (эвенк. *hār-*, *haril-*) ~ драв. *p ā ṟ- 'летать, прыгать, бегать' (малаялам *pāṟu-* 'летать', каннада *pāṟ-* 'прыгать, бегать, летать'; см. DED 270) ~ и.-е. *(s) p e r- 'летать'

(авест. *parəna-* 'крыло', русск.-цслав. *perǫ* 'лечу', лит. *sparnas* 'крыло'; ср. Pok. 816—817, 991) ~ картв. *p̣ e r-/p̣ r- 'летать' (сван. *p̣er-*/груз. *p̣rin-*, *p̣ren-*, мегрел. *p̣urin-*; ср. Климов 152—153, 190) ~ с.-х. *p r- 'летать, прыгать, бегать' (арам. *prḥ* 'летать', др.-егип. *p}* 'летать, убегать', ангас *pīr* 'расправлять крылья'; ср. Greenberg Word 14, 300; Cohen 168—169).

10. 38. алт. *p'u s (ʌ)- 'задувать' (эвенк. *hus-*) ~ урал. *p u š ʌ- 'дуть' (саам. *bosso-*, коми *pušky-*; см. Coll. 51) ~ и.-е. *p ŭ s- 'дуть, раздуваться' (др.-инд. *púṣyati* 'процветает, растет', ст.-слав. *puxlъ* 'пухлый'; ср. Pok. 848).

10. 39. алт. *p'ü s ʌ- 'обрызгивать' (маньчж. *fusu-* 'обрызгивать', монг. *üsür-* то же, монгор. *fuʒuru-* 'лить'; см. Poppe 11) ~ урал. *p u s ʌ- или *p u š ʌ- 'брызгать, плевать' (манс. *pot-* 'брызгать', манс. Вах *pŏl-* 'плевать', селькуп. *puttu* 'слюна'; ср. Coll. 51).

10. 40. алт. *p'o k a 'пузырь' (ульч. *poko* 'пузырек, зоб рябчика', нан. *poka* 'пузырь, мозоль', маньчж. *fuka* 'пузырь') ~ драв. *p o k k- 'пузырь' (тамил. *pukku* 'покрываться пузырями', телугу *pokku* 'пузырь, покрываться пузырями'; см. DED 295).

10. 41. алт. *k'a p (ʌ)- или *k a p (ʌ)- 'хватать, кусать' (тур. *kap-* 'хватать, кусать', туркм. *gap-* 'кусать') ~ урал. *k a p p ʌ- 'хватать' (морд. эрзя *kapode-* 'схватить') ~ драв. *k a p p-/k a v ʌ- 'хватать, жадно глотать' (тамил. *kavar* 'хватать', малаялам *kappu* 'цапать, жадно глотать', куи *kappa* 'жадно глотать'; ср. DED 94, 87) ~ и.-е. *k a p- 'хватать, брать' (лат. *capiō*, лтш. *kàpt*; см. Pok. 527—528).

10. 42. алт. *č a p- 'рубить, бить' (монг. *čabči-* 'срубать' < *čap-*, уйгур. *čap-* 'бить, ударять'; ср. KW 437) ~ урал. *ć a p p ʌ- 'рубить, бить' (вепс. *ćappa* 'бить, молотить', саам. *čuop'pâ-* 'рубить', венг. *csap-* 'бить, рубить'; см. Wichmann FUF 11, Anzeiger 188—189) ~ и.-е. *s k e p- 'рубить, обрубать' (греч. σκέπαρνος 'топорик для обрубания ветвей', ст.-слав. *skopiti* 'оскоплять'; см. Pok. 931—932) ~ с.-х. *s p- 'бить, ударять' (араб. *sfq* 'с шумом ударять', др.-евр. *spq* 'бить себя по бокам', арам. *spd* 'бить себя в грудь'; см. Ges. 550).

***p:** 11. 15. алт. *p'a k- или *p'a g- 'лопаться, сморщиваться' (маньчж. *fakča-* 'лопаться', ср.-монг. *hag-* 'сморщиваться'; см. Poppe Lg. 30, 572) ~ урал. *p a k k ʌ- 'лопаться' (фин. *pakku-* 'лопаться', манс. *pokat-* 'раскрываться — о почках и т. п.'; ср. Coll. 105) ~ драв. *p a k k-/p a k ʌ- 'лопаться, ломаться' (тамил. *pakku* 'обломок', *paku* 'лопаться', телугу *pagulu* 'ломаться, лопаться'; см. DED 257) ~ с.-х. *p ḳ-/b ḳ- 'лопаться, расщеплять' (араб. *fq'* 'лопаться', агав билин *fak* 'пронзать' / др.-евр. b q ', b q q 'расщеплять', берб. сус ə b g u 'пронзать'; ср. Ges. 111, 656; Cohen 170).

11. 16. урал. *p a č k a- 'pedere' (саам. *buocke-*, удмурт. *pyčkiśk-*; см. Setälä FUF 2, 231) ~ и.-е. *p e z d-/b (h) e z d- 'pedere' (лат. *pēdō*, словен. *pezdéti*/лит. *bezdĕti*; ср. Pok. 829) ~ с.-х. *p ṣ ṣ/b ṣ ṣ 'pedere' (берб. туарег. *fəẓẓ*/араб. *bṣṣ*, сахо *basas*; см. Cohen 170).

11.17. алт. *t' u p y- 'плевать' (нан. *topiči-*, ороч. *tupinai-*) ~ драв. *t u p p- 'плевать' (тамил. *tuppu*, курух *tupp-*; ср. DED 217) ~ и.-е. *p t (i̯) e u̯- (с метатезой из *t p (i̯) e u̯-; ср. лув. *tapp-* 'плевать') 'плевать' (греч. πτύω, др.-инд. *ṣṭhīvati*; ср. Pok. 999—1000) ~ картв. *ṭ b (w) 'плевать' (сван. *ṭb-* 'плевать', *na-ṭibw* 'плевок') ~ с.-х. *t (w) p_1 'плевать' (араб. *tff*, др.-евр. *twp*, др.-егип. *tf*, беджа *tūf*; ср. Cohen 151).

11. 18. и.-е. *s e r b-/s e r b h- 'хлебать, пить' (ср.-в.-нем. *sürpfeln* 'хлебать' / арм. *arbi* 'я пил', греч. ῥοφέω 'хлебаю'; ср. Pok 1001) ~ с.-х. *ś r p/ś r b 'хлебать, пить' (арам. сир. *səraf* 'хлебать' / араб. *šrb* 'пить'; ср. Grimme ZDMG 68, 261).

***b:** 12. 29. алт. *b o ŋ ʌ 'толстый, большой' (солон. *boŋoⁿ* 'толстый, большой', нан. *boŋgo* 'первый, главный'; см. Цинц. 241) ~ драв. *p o ń k-

'раздуваться, увеличиваться, большой' (тамил. *poṅku* 'вздуваться, вскипать', тулу *boṅka* 'большой', малто *pongje* 'увеличиваться'; см. DED 295—296) ~ и.-е. *b h e n ĝ h- 'толстый, шишка' (др.-инд. *bahús* 'толстый', др.-в.-нем. *bungo* 'ком, шишка'; см. Pok. 127—128).

12. 30. драв. *p i ḷ- 'кричать, шуметь, звать' (тамил. *piḷiṟu* 'реветь — о слоне', телугу *piluc̣u* 'звать', куи *p̣rī* 'вопить'; см. DED 279) ~ и.-е. *b h e l- 'реветь, говорить' (др.-исл. *belja* 'реветь', лит. *bìlti* 'начинать говорить'; см. Pok. 123—124) ~ картв. *b (i) r- 'петь' (чан. *bir-*, сван. *br-*; см. Климов 53).

12. 31. урал. *p o r a- 'бить ключом, кипеть' (морд. *pura-*, венг. *forr-*) ~ и.-е. *b h e r u̯- 'бурлить, бить ключом, кипеть' (лат. *ferveō* 'киплю, бурлю'; см. Pok. 143—145).

СОКРАЩЕНИЯ

Абаев I	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (А—К'). М.—Л., 1958.
Абаев ОЯФ	В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949.
Васнецов	Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Горяев	Н. Горяев. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль[2]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV (Перепеч. с изд. 2, 1880—1882 гг.)
Даль[3]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. Изд. 3. М., 1903.
Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Караџић	Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. У Биограду, 1898.
Куликовский	Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956). Ярославль, 1961.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Носович	И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Подвысоцкий	А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. М., 1910—1914; окончание — «Труды ИРЯ», т. I. М., 1949.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
Ушаков	Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935—1940.
Фасмер	М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, т. I. М., 1964; т. II—1966/7.
Шейн. Великоросс.	П. В. Шейн. Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898.

Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 2. Kraków, 1957.
Ernout—Meillet	A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, t. I—II. 3e éd. Paris, 1951.
Feist[3]	S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
Fick[4]	A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4 Aufl., bearb. von A. Bezzenberger, A. Fick und W. Stockes. Göttingen, 1890.
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1955.
Frisk	Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.
GIPh	Grundriss der iranischen Philologie, hrsg. von Wilh. Geiger und Ernst Kuhn, Bd I. Strassburg, 1895—1901.
Glonar	J. Glonar. Slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
Hofmann	S. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch der griechischen sprache. München, 1950.
Holub—Kopečný	J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Iveković—Broz	F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, sv. I—II. Zagreb, 1901.
Jungmann	J. Jungmann. Slownik česko-německý, d. I—V. Praha, 1835—1839.
Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki	J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Kluge—Mitzka	F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 19. Aufl. bearb. von Walther Mitzka. Berlin, 1963.
Kluge—Götze	F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.
Machek	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Mayrhofer	M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953.
Miklosich	F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP	F. Miklosich. Lexicon palaeoslavenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
Niedermann—Senn	M. Niedermann, W. Senn, A. Salys. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Heidelberg, 1951—1963.
Pfuhl	Dr. Pfuhl. Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

Pleteršnik	M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar d. I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny	J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. I—XVIII. Zagreb, 1880—1963.
Sławski	F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, z. 1—10. Kraków, 1952—1963.
Tiktin	H. Tiktin. Rumänisch-deutsches Wörterbuch, Bd I—III. Bukarest, 1903—1914.
Uhlenbeck	C. C. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.
Vasmer	M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd I—III. Heidelberg, 1953—1958.
J. de Vries	J. de Vries. Altnordisches etymologishes Wörterbuch. Leiden, 1957—1961.
Walde	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
Walde—Hofmann	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938—1954.
Walde—Pokorny	A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, 3 Bde., hrsg. J. Pokorny. Berlin—Leipzig, 1928—1932.
БЕ	Български език
ВСЯ	Вопросы славянского языкознания
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖМНП	Журнал Министерства Народного Просвещения
ЖСт	Живая старина
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИКЯ	Иберийско-кавказское языкознание
JФ	Јужнословенски филолог
КСИС	Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
МЯЯ	Материалы по яфетическому языкознанию
РФВ	Русский филологический вестник
РЯШ	Русский язык в школе
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
Чтения ОИДР	Чтения Общества истории и древностей российских
AC	Archeologia Classica
AGI	Archivio glottologico italiano
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AJPh	American Journal of Philology
ALH	Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae

AO	Archiv Orientální
BB	Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
IF	Indogermanische Forschungen
JA	Journal Asiatique
JAOS	Journal of the American Oriental Society
JAPh	Journal of American Philologie
JEGPh	Journal of English and Germanic Philology
JffL	Jahrbuch für fränkische Landes-Kunde
JP	Język polski
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LF	Listy Filologické
LP	Lingua Posnaniensis
MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris
MSOS	Mitteilungen des Seminar für orientalische Sprachen
NM	Neuphilologische Mitteilungen
PBB	Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
PF	Prace Filologiczne
RES	Revue des Études Slaves
RIO	Revue International d'Onomastique
RO	Rocznik Orientalistyczny
RS	Rocznik Slawistyczny
SE	Studi Etruschi
Slsf	Svenska landsmål och svenskt folkliv
TNTL	Tijdschrift voor Nederlandsche taal-en letterkunde
TPhS	Transactions of the Philological Society
WuS	Wörter und Sachen
ZÅS	Zeitschrift für ägyptische Sprache
ZAss	Zeitschrift für Assyriologie
ZDMg	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZfdA	Zeitschrift für deutsches Altertum
ZfdM	Zeitschrift für deutsche Mundarten
ZfMf	Zeitschrift für Mundartforschung
ZfS	Zeitschrift für Slawistik
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie

абхаз.	абхазский
авест.	авестийский
адыг.	адыгский
адыгейск.	адыгейский
азерб.	азербайджанский
аккад.	аккадский
алб.	албанский
алт.	алтайский
амхар.	амхарский
анат.	анатолийский
англ.	английский
англос.	англосаксонский

араб.	арабский
арам.	арамейский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
ассир.	ассирийский
афган.	афганский
баварск.	баварский
балт.	балтийский
балто-слав.	балтославянский
башк.	башкирский
бербер.	берберский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
брет.	бретонский
бурят.	бурятский
вахан.	ваханский
в.-луж.	верхнелужицкий
вед.	ведийский
венг.	венгерский
вепсск.	вепсский
влад.	владимирский
вольск.	вольский
вотск.	вотский
вятск.	вятский
герм.	германский
голл.	голландский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
дагур.	дагурский
диал.	диалектальное
дигор.	дигорский
драв.	дравидский
др.-алб.	древнеалбанский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-венг.	древневенгерский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-груз.	древнегрузинский
др.-евр.	древнееврейский
др.-егип.	древнеегипетский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-кимр.	древнекимрский
др.-лит.	древнелитовский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-сев.	древнесеверный
др.-сканд.	древнескандинавский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-уйгур.	древнеуйгурский
др.-фриз.	древнефризский
др.-чеш.	древнечешский
др.-швед.	древнешведский
евр.	еврейский
евр.-арам.	еврейско-арамейский
егип.	египетский
зейск.	зейский
ивр.	иврит
и.-е.	индоевропейский
ижемск.	ижемский
илимпийск	илимпийский
индо-иран.	индоиранский
ион(ийск.)	ионийский
иран.	иранский
ирл.	ирландский
ирон.	иронский
исл.	исландский
ит.	итальянский
каб.	кабардинский
каз.	казанский
казах.	казахский
калм.	калмыцкий
камас.	камасинский
кар.	карийский
карел.	карельский
картв.	картвельский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кельто-итал.	кельто-италийский
кимр.	кимрский
кирг.	киргизский
койбал.	койбальский
коми-зыр.	коми-зырянский
кор.	корейский
копт.	коптский
корн.	корнский
крым.-гот.	крымско-готский
крым.-тат.	крымско-татарский
курд.	курдский
курон.	куронский
кушан.	кушанский
лат.	латинский
ливск.	ливский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
людиков.	людиковский
макед.	македонский
манс.	мансийский
маньчж.	маньчжурский
мар.	марийский
марс.	марсский
мегрел.	мегрельский
мессап.	мессапский
мокш.	мокшанский
молд.	молдавский
монг.	монгольский
монгор.	монгорский
морав.	моравский
морд.	мордовский

нан.	нанайский
н.-в.-нем.	нововерхненемецкий
нганасан.	нганасанский
н.-греч.	новогреческий
нем.	немецкий
ненец.	ненецкий
нидерл.	нидерландский
н.-ирл.	новоирландский
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-нем.	нижненемецкий
ног.	ногайский
норв.	норвежский
н.-перс.	новоперсидский
олон.	олонецкий
орок.	орокский
осет.	осетинский
оск.	оскский
оск.-умбр.	оскско-умбрский
осм.-тур.	османско-турецкий
осташк.	осташковский
пелигнск.	пелигнский
пелым.	пелымский
перс.	персидский
пехл.	пехлевийский
полаб.	полабский
польск.	польский
пракр.	пракрит
праслав.	праславянский
прусск.	прусский
псков.	псковский
рум.	румынский
русск.	русский
рязан.	рязанский
саам.	саамский
саидск.	саидский
сак.	сакский
санскр.	санскрит
сван.	сванский
селькуп.	селькупский
сем.	семитский
сем.-хам. (с.-х.)	семитохамитский
серб.	сербский
сикульск.	сикульский
сир.	сирийский
скиф.	скифский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
согд.	согдийский
солон.	солонский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-лозьв.	среднелозьвинский
ср.-монг.	среднемонгольский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ст.-исл.	староисландский
ст.-лат.	старолатинский

ст.-лит.	старолитовский
ст.-польск.	старопольский
ст.-сакс.	старосаксонский
ст.-слав.	старославянский
ст.-узб.	староузбекский
ст.-франц.	старофранцузский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербско-хорватский
тавд.	тавдинский
тамил.	тамильский
тох.	тохарский
туарег.	туарегский
тув.	тувинский
тур.	турецкий
туркм.	туркменский
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
угарит.	угаритский
угорск.	угорский
удейск.	удейский
удм.	удмуртский
узб.	узбекский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
ульч.	ульчский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
угурско-зейск.	угурско-зейский
фалиск.	фалискский
фин.	финский
фрак.	фракийский
франц.	французский
хакас.	хакасский
хант.	хантыйский
хет(т).	хеттский
хорезм.	хорезмский
ц.-слав.	церковнославянский
цыг.	цыганский
чагатайск.	чагатайский
чад.	чадский
чак.	чакавский
чан.	чанский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
швабск.	швабский
швед.	шведский
швейц.	швейцарский
эвен.	эвенский
эвенк.	эвенкийский
эльзасск.	эльзасский
энецк.	энецкий
эст.	эстонский
этр.	этрусский
эфиоп.	эфиопский
ягноб.	ягнобский
якут.	якутский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ЭТИМОЛОГИЯ. 1966.

Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Редактор издательства *М. С. Кожухова*

Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 20/III 1967 г. Подписано к печати 11/III 1968 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага 1. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 27,3. Тираж 3200 экз. Т-05149. Тип. зак. 190.

Цена 1 р. 82 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, 12.